К Юбилею доктора филологических наук,
профессора, президента Национального общества
прикладной лингвистики, президента-основателя
факультета иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова
Светланы Григорьевны Тер-Минасовой

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЛАСТЬ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Коллективная монография

Под общей редакцией
Н.А. Ахреновой, О.Д. Вишняковой,
А.П. Миньяр-Белоручевой

Москва
2024

УДК 81-25
ББК 81.2
М43

Печатается по решению научно-методического совета Национального общества прикладной лингвистики

Рецензенты:

зав. кафедрой фонетики и лексики английского языка имени В.Д. Аракина Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета, доктор филологических наук, профессор *Е.А. Никулина*

профессор кафедры английского языка № 4 МГИМО (Университета) МИД России, доктор филологических наук, доцент *Е.В. Пономаренко*

профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, руководитель НИЛ «Текстовая аналитика», доктор филологических наук, профессор *М.И. Солнышкина*

Авторы:

О.Б. Абакумова, Е.И. Абрамова, О.В. Александрова, А.С. Алексахина, И.Г. Аникеева, А.Г. Анисимова, Д.Д. Аристова, Н.А. Ахренова, Ж. Багана, Л.Л. Баранова, М.Г. Бахтиозина, Л.И. Богданова, Е.М. Болычева, Н.А. Быстров, С.Н. Васильева, В.В. Ветринская, Е.А. Вишнякова, О.Д. Вишнякова, Е.В. Волкова, Т.Г. Волошина, М.В. Воронцова, Е.Г. Гализина, Ю.В. Горохова, Е.Б. Гришаева, С.В. Дечева, Т.А. Доброрадных, В.И. Заботкина, М.В. Зиза, Е.А. Иванова, О.А. Иванова, А.И. Комарова, О.А. Ксензенко, А.А. Куклева, А.В. Курбаков, С.Н. Курбакова, С.Л. Кушнерук, А.Р. Лакомов, А.В. Лаптева, Н.А. Ломакина, Л.Н. Лунькова, Н.В. Мамонова, Э.В. Маргания, Е.М. Маркова, Е.О. Менджерицкая, А.П. Миньяр-Белоручева, М.В. Мыльцева, Т.Б. Назарова, А.Р. Новикова, И.Ю. Окс, Л.М. Осиновская, Л.В. Полубиченко, Н.В. Полякова, Т.Г. Попова, О.Н. Прохорова, З.Г. Прошина, М.А. Радович, Л.А. Самборук, О.А. Сапрыкина, В.В. Сафонова, П.И. Сергиенко, Н.А. Сидорова, В.И. Суслов, Е.С. Федорова, Ж.Е. Фомичева, Ю.И. Фролова, И.В. Чекулай, К.А. Чермошенцева, В.П. Шабанова, Х.С. Шагбанова, Е.А. Шамина, Л.Э. Шихзаманова, Е.С. Яковлева

М43 **Межкультурная коммуникация как область научного исследования и академическая дисциплина** : коллективная монография / Под общей ред. Н.А. Ахреновой, О.Д. Вишняковой, А.П. Миньяр-Белоручевой. – М. : Изд-во «Наука», 2024. – 560 с. : табл., ил., цв. ил. – ISBN 978-5-907673-41-0.

Посвящена изучению проблем межкультурной коммуникации, выступающей как область научного исследования и как академическая дисциплина. В работе представлены объединенные общим методологическим началом различные подходы к анализу межкультурных феноменов, рассматриваемых с позиции междисциплинарности современной парадигмы научного знания.

Для ученых-филологов, лингвистов, культурологов, студентов и аспирантов, переводчиков, специалистов в области межкультурной коммуникации.

УДК 81-25
ББК 81.2

ISBN 978-5-907673-41-0

© Коллектив авторов, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ (ОТ РЕДАКТОРОВ) 11

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ ДЭВИДА ВОНСБОРО 12

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ КОМАРОВОЙ АННЫ ИГОРЕВНЫ 12

ПОЗДРАВЛЕНИЕ
ОТ КУРБАКОВОЙ СВЕТЛАНЫ НИКОЛАЕВНЫ 13

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ ЛИВИИ ЛУКШИК 13

ПОЗДРАВЛЕНИЕ
ОТ МЕНДЖЕРИЦКОЙ ЕЛЕНЫ ОЛЕГОВНЫ 16

ПОЗДРАВЛЕНИЕ
ОТ ОЩЕПКОВОЙ ВИКТОРИИ ВЛАДИМИРОВНЫ 16

ПОЗДРАВЛЕНИЕ
ОТ ПОПОВОЙ ТАТЬЯНЫ ГЕОРГИЕВНЫ 19

ПОЗДРАВЛЕНИЕ
ОТ САФОНОВОЙ ВИКТОРИИ ВИКТОРОВНЫ 20

НЕ ПРОЗОЙ ЕДИНОЙ ЖИВ ЧЕЛОВЕК...
(СТИХИ СВЕТЛАНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ТЕР-МИНАСОВОЙ) 21

СУДЬБЫ СЧАСТЛИВЫЕ МОМЕНТЫ 27

ВВЕДЕНИЕ
(Н.А. Ахренова, О.Д. Вишнякова, А.П. Миньяр-Белоручева) 33

ГЛАВА 1. ОТ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АНГЛИСТИКИ К ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1.1. СИНТАГМАТИКА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ
(О.В. Александрова, А.В. Лаптева) 45

1.2. ТРАНСТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ
(А.Г. Анисимова, О.Д. Вишнякова) 51

1.3. РИТОРИЧЕСКИЙ МИНИМУМ В КОНТЕКТСЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕНИЯ
(С.В. Дечева, Д.Д. Аристова) 63

1.4. АКТУАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(Т.А. Доброрадных, Э.В. Маргания) 77

1.5. СИНТАГМАТИКА МЕДИАДИСКУРСА
В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ
(О.А. Ксензенко, Е.О. Менджерицкая) 86

1.6. ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ *(С.Н. Курбакова, А.А. Куклева)* 100

1.7. АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОГО ЗНАЧЕНИЯ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(А.П. Миньяр-Белоручева, П.И. Сергиенко) 109

**ГЛАВА 2. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ**

2.1. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: МЕНТАЛЬНЫЕ
И ЯЗЫКОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА *(В.И. Заботкина)* 118

2.2. МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
КАК АКТУАЛЬНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЗАДАЧА
(О.Б. Абакумова) 123

2.3. НЕВЕРБАЛЬНАЯ И ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ *(Л.Л. Баранова)* 136

2.4. ЦЕННОСТНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ *(Н.А. Сидорова)* 143

2.5. КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ
В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ *(Л.И. Богданова)* 154

2.6. ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ *(Е.А. Шамина)* 164

2.7. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В АСПЕКТЕ АКТУАЛЬНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ
И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ *(Т.Г. Попова, И.Г. Аникеева)* 172

2.8. ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ: РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ФИЛОСОФ
ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ВЫРУБОВ *(Е.С. Федорова)* 182

2.9. РОЛЬ КИНОДИСКУРСА В ФОРМИРОВАНИИ
КАРТИНЫ МИРА ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ *(Ю.В. Горохова)* 208

ГЛАВА 3. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В СВЕТЕ ТЕОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

3.1. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ *(Е.М. Маркова)*.....217

3.2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ *(К.А. Чермошенцева)* 226

3.3. ГЛЮТТОНИЯ В АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ *(Е.И. Абрамова, Н.В. Полякова)*..... 235

3.4. ВОЕННЫЙ КОД ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ: ПАРАЛЛЕЛИ И КОНТРАСТЫ *(Ж. Багана, Е.С. Яковлева)*..... 246

3.5. ИНДИКАТОРЫ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ *(С.Л. Кушнерук)*..... 255

3.6. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СОЦИУМОВ КАК ПРЕДМЕТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ *(О.А. Иванова, М.А. Радович)* 267

ГЛАВА 4. КУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ГЛОБАЛЬНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

4.1. ГЛОБАЛЬНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И РЕГИОНАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА *(Т.Б. Назарова)*..... 278

4.2. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ *(Н.А. Быстров)*.....283

4.3. МНОГОПОЛЯРНОСТЬ РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО МЕДИАДИСКУРСА *(Н.В. Мамонова)*..... 291

4.4. ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ “BRITISHNESS” В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ *(В.И. Суслов)*.....298

4.5. ЭВОЛЮЦИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ГЛОБАЛЬНОГО ЯЗЫКА И ИХ ПУТЬ К СТАНДАРТИЗАЦИИ *(З.Г. Прошина)* 306

4.6. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВСТРАЛИЗМОВ *(Е.Б. Гришаева)* 316

4.7. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ *(Т.Г. Волошина, Е.М. Больчева)* 326

ГЛАВА 5. ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ И БИЗНЕС-СРЕДЕ. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

5.1. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ *(М.Г. Бахтиозина)* 339

5.2. ДЕЛОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА *(В.П. Шабанова, В.В. Ветринская)* 349

5.3. МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ДЕЛОВОЙ СРЕДЕ: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ МАРКЕТИНГОВОЙ КОММУНИКАЦИИ *(А.Р. Лакомов, А.Р. Новикова)* 358

5.4. ИНТЕРНЕТ КАК ОБЛАСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ *(А.С. Алексахина, Е.В. Волкова)* 367

5.5. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ *(Л.А. Самборук, Н.А. Ломакина)* 379

5.6. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОСТАВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ МОДЕЛИ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКА *(А.В. Курбаков, Е.А. Вишнякова)* 386

ГЛАВА 6. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ОБЛАСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

6.1. «КИТАЙСКИЙ КОНТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ *(Х.С. Шагбанова)* 399

6.2. СОВРЕМЕННЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ РАССКАЗ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ *(Е.А. Иванова)* 408

6.3. ИЗ ЖИЗНИ АВТОРСКИХ РЕЧЕНИЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ ХУДОЖНИКА СЛОВА: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ *(Л.В. Полубиченко)* 419

6.4. ОППОЗИЦИЯ «Я – ДРУГОЙ» В ТЕКСТЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ *(Л.Н. Лунькова, Ю.И. Фролова)* 431

6.5. ПОНЯТИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ *(Ж.Е. Фомичева)* 443

6.6. РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ПРЕСУППОЗИЦИЙ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ *(С.Н. Васильева)* 453

ГЛАВА 7. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

7.1. ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ В ТЕРМИНАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА *(И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова)* 462

7.2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПОВЕДЕНЧЕСКИМ НОРМАМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В МИРЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ *(В.В. Сафонова)* 472

7.3. УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (МОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ) *(М.В. Мыльцева)* 484

7.4. УЧЕБНИК АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ *(А.И. Комарова, И.Ю. Окс)* 496

7.5. НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ *(М.В. Воронцова, М.В. Зиза)* 507

7.6. ПОНИМАНИЕ СПЕЦИФИКИ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР ПРИ ВЕДЕНИИ ДЕЛОВЫХ ПЕРЕГОВОРОВ (ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ) *(Л.Э. Шихзаманова)* 518

7.7. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ *(Е.Г. Гализина)* 524

7.8. ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ПОРТУГАЛЬСКОГО ЭНЦИКЛОПЕДИСТА А. РИБЕЙРУ САНШЕСА *(О.А. Сапрыкина)* 535

7.9. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ ПЕДАГОГА И ОБУЧАЮЩЕГОСЯ *(Л.М. Осиновская)* 543

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
(Н.А. Ахренова, О.Д. Вишнякова, А.П. Миньяр-Белоручева) 553

СПИСОК АВТОРОВ НАУЧНЫХ РАЗДЕЛОВ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ 554

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ (ОТ РЕДАКТОРОВ)

Юбилей – это не просто один день в жизни человека, а целый период для подведения итогов. Со временем итоги и выводы становятся глубже, а воспоминания играют совсем другими красками и приобретают разнообразные оттенки… А уж когда свой ЮБИЛЕЙ отмечает человек-эпоха российской прикладной и функциональной лингвистики, без которого отечественная наука не получила бы и половины исследований, а, как результат, большинства успешных и известных сегодня кандидатов и докторов наук просто не существовало бы, принимать поздравления и чествовать юбиляра можно весь год и даже дольше! Таким человеком, бесспорно, является Светлана Григорьевна Тер-Минасова – УЧЕНЫЙ-ДРУГ-ЧЕЛОВЕК!

Являясь профессором с мировым именем, пионером в открытии направления МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, междисциплинарности и антропоцентризма в российской науке конца XX – начала XXI веков, прекрасным организатором науки, создателем факультета, ставшего в своей области флагманом высшего образования России, Светлана Григорьевна сохраняет удивительную способность дружить, объединять и обогревать теплом своей души не только своих родственников и друзей, но и многочисленных учеников, коллег и просто людей, вдохновленных ее выступлениями на конференциях, научными и публицистическими трудами, ее примером и всей жизнью. Это уникальные качества, которыми обладает лишь небольшое количество особенных людей, способных не только к саморазвитию и самосовершенствованию, продвижению собственного имени, но и имеющих дар вдохновить и открыть лучшее в окружающих, дать им возможность проявить себя и помочь показать их лучшие качества в самом выгодном свете.

Светлана Григорьевна – опытный и умелый наставник, чьи научные консультации позволяют открыть новые грани любого, самого тривиального исследования, способный собственным примером научить жизненной стойкости, силе преодоления, оптимизму.

Перечисление достоинств Светланы Григорьевны можно продолжать бесконечно и это займет не одну страницу… Однако красноречивее всего ученый и учитель открывается в работах своих последователей, коллег и учеников, что и представлено научному сообществу в данном юбилейном издании. Цель настоящей коллективной монографии – поздравить нашего учителя, друга и замечательного человека с днем рождения, подчеркнув многогранность ее таланта и продемонстрировав продуктивность идей Президента-основателя факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, Национального общества прикладной лингвистики, Национального объединения преподавателей английского языка, Почетного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова и многих Российских и зарубежных университетов, Звезды Московского университета, доктора филологических наук, профессора С.Г. Тер-Минасовой, человека с богатым внутренним миром, бесконечным доверием и взаимной любовью к людям!

Carissimae Svetlanae, Grigorii f. die ac anno jubilaeo congratulamur!

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ ДЭВИДА ВОНСБОРО

SVETLANA TER-MINASOVA IN SYDNEY

Along the rafters of the pergola, rosella parrots flash vulgar feather colours, and with clacking beaks delicately nibble grape clusters, elegantly separating pulp and skins, and spitting seeds beside the trellisses.

Below, in the shadow-dappled courtyard sits Svetlana Ter-Minasova eating wok-fried little octipus tentacles.

This is her first morning in Sydney, and she listens to the piercing cawing cries of spectacular extraverted sulphur crested cockatoos as they split gumnuts in high eucalypts, and she says, "I am fortunate. Here in the sunlight, I begin to understand the language and accented vowels of Australia.

David Wansbrough

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ КОМАРОВОЙ АННЫ ИГОРЕВНЫ

Дорогая, уважаемая Светлана Григорьевна!

Ваш юбилей это возможность выразить мою глубокую признательность и восхищение Вами. Благодаря Вам, дорогая Светлана Григорьевна, так успешно и счастливо сложилась моя профессиональная судьба в любимом Московском университете.

Под Ваше руководство в рамках Факультета иностранных языков в 80-90х годах перешли кафедры, преподающие на многих факультетах МГУ. Эта идея объединения оказалась очень плодотворной, так как привела к сближению нашего факультета с другими факультетами и существенно повысила качество преподавания иностранных языков.

Сначала, в 1988 году Вы пригласили меня преподавать на кафедре английского языка для биологического и почвенного факультета. Позже, в 1996 году, по Вашей инициативе совместно с руководством географического факультета была образована кафедра иностранных языков для географов, которой Вы доверили заведовать мне. Так для меня удачно соединились филология и не чужая мне география. Конечно, я была неопытным руководителем, но с Вашей помощью и будучи подкреплена Вашим авторитетом в МГУ, всё постепенно сложилось. Вас знают, уважают и ценят многие люди разных специальностей в МГУ и далеко за его пределами.

Наша кафедра существует уже больше 25 лет, благодаря Вашему авторитету я являюсь членом ученого совета географического факультета, что позволяет быть в курсе дел и задач географов, для которых мы преподаем иностранные языки (английский, французский, немецкий, испанский). Хорошее отношение к себе на географическом факультете я чувствую и считаю это во многом Вашей заслугой.

Своим примером руководителя Вы показываете, как надо общаться с людьми и добиваться цели добрым искренним отношением. Меня впечатляет Ваше умение быстро вникать и понимать суть даже самых

сложных ситуаций и находить из них положительный выход. Хочется действовать также, но не всегда у меня это получается.

Я восхищаюсь Вашими человеческими качествами. Вы человек потрясающей стойкости, жизнелюбия, оптимизма, с великолепным чувством юмора, с талантом общения с разными людьми, прекрасный лектор, Вас всегда очень интересно слушать и читать, говорите ли Вы о филологии или о жизни вообще, Вы очень красивая обаятельная женщина.

Поздравляю Вас с юбилеем!

Желаю Вам здоровья, творческих идей и сил, чтобы их осуществить, и всего самого доброго Вам и Вашим близким.

С глубоким уважением, любовью и благодарностью.

Анна Комарова

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ КУРБАКОВОЙ СВЕТЛАНЫ НИКОЛАЕВНЫ

Уважаемая Светлана Григорьевна!

Трудно подобрать слова, которые бы соответствовали масштабу Вашей личности. Ваша мудрость и стойкость вызывают восхищение. Вы умеете говорить просто о сложном, проникать в суть, видеть главное. Вы щедро делитесь своим богатым опытом и разносторонними знаниями. Всегда радушны, открыты для общения и дружбы, и мы очень ценим Ваше внимание и расположение, с добротой вспоминаем наши встречи на семинарах, защитах, конференциях и просто за чашкой чая. Примите самые искренние поздравления и пожелания успешной реализации Ваших новых планов, новых идей, новых проектов! Берегите себя для всех нас!

С огромным уважением,

Светлана Николаевна Курбакова,

профессор МГИМО МИД РФ

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ ЛИВИИ ЛУКШИК

Штрихи к юбилейному портрету Светланы Григорьевны Тер-Минасовой

Новость о готовившейся коллективной монографии в честь юбилея Светланы Григорьевны Тер-Минасовой и возможность внести свою лепту в «общее дело» заставили меня вспомнить о событиях давно минувших, ни в коем случае не забытых дней. Прежде чем пальцы начали бы бегать по клавиатуре, набирая начальные строки текста, я обвела взглядом книжные полки в своей комнате; мой взор невольно остановился на обложке книги, подаренной мне когда-то Светланой Григорьевной. Конечно, я знаю наизусть слова на первом развороте, подписанные автором на память: «Ливии Лукшик, другу и коллеге с удовольствием, радостью и любовью в знаменательный день нашей Победы. Будьте счастливы и не теряйтесь». Пусть останется нашим со Светланой Григорьевной секретом, с какими трудностями и проблемами был сопряжен этот путь. В юбилейном

контексте мне хочется поделиться дорогими для меня воспоминаниями и уроками, которые я получила от Светланы Григорьевны за студенческие и аспирантские годы.

Не совсем волею судеб попала я в далеком 2003 году на наш факультет. Словосочетание «межкультурная коммуникация» в названии отделения, на которое я в итоге решила поступать, сыграло немалую роль в выборе университета для поступления. Оно для меня имело ни с чем не сравнимую притягательную силу (и по сей день это не изменилось). К тому моменту я еще ничего не знала о новом понимании языка, об инновационных принципах его преподавания, о нерасторжимом единстве языка и культуры, о новаторстве, связанном с именем Светланы Григорьевны Тер-Минасовой. За спиной у меня были 14 лет жизни в Москве, которая протекала, сколько себя помню, в окружении нескольких иностранных языков. Поступив на Факультет иностранных языков и регионоведения, к тройке языков (венгерского, русского и немецкого) добавился английский, который раньше находился на периферии моей жизни.

Помню, как сейчас, лекции по межкультурной коммуникации на первом курсе. Светлана Григорьевна читала нам их по средам в Главном здании МГУ. Ведение конспектов не составляло особого труда, Светлана Григорьевна излагала свои мысли в логическом порядке, все было продумано и четко. Тем не менее одним из самых сложных экзаменов на первом курсе для меня был именно по «Основам межкультурной коммуникации». Я никогда не задавалась вопросом, в чем крылась причина сложности. Думаю, что ответ следует искать в сути личности юбиляра: Светлана Григорьевна – создатель научных и учебных направлений, научной школы, формирующий важнейшие культурные тенденции современности. В ее изложении такие краеугольные понятия, как язык, межкультурная коммуникация, культурная антропология, компаративистика, представляются само собой разумеющимися. Но чтобы так же последовательно и логично воспроизвести изложенный на лекциях материал, нужно уметь прозревать глубинные внутренние связи языка и культуры, всецело погрузиться в мир языка. На первом курсе мои силы уходили по большей части на то, чтобы втянуться в университетскую жизнь, в определенном смысле пришлось перестроить свой мозг. Если раньше обычный будний день делился примерно пополам с точки зрения того, какие языки меня окружали или на каком языке я разговаривала, то теперь шесть дней в неделю я проводила в университете, и все отчетливее вырисовывались передо мной контуры школы Светланы Григорьевны, школы научной и человеческой.

О научной составляющей написан целый ряд лингвистических трудов, в рамках ежегодных международных конференций ведутся дискуссии по широкому спектру областей лингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации все не перечислить. Что касается человеческой составляющей, то здесь на ум приходят слова Светланы Григорьевны из Введения к учебнику «Язык и межкультурная

коммуникация»: «Я филолог по образованию, по призванию, по душе, по уму. Я люблю слова». Разве нужны иные доказательства того, что автор этих слов увлеченно и глубоко живет любимым делом! Далеко не всякий человек может сказать то же самое о себе.

Сложно было бы перечислить все то, чем мне запомнились студенческие годы, а затем и три года аспирантуры. Слишком длинным был бы список. То, что объединяет мои воспоминания, это широкий охват сфер изучения иностранных языков на нашем факультете. Не претендуя на полноту, назову те сферы, которые первыми пришли в голову: ESP, занятия по домашнему чтению, курсы «Мир изучаемого языка», фонетическая нотация, история языка, спецкурсы и спецсеминары. Это и увлекательные беседы на консультациях с нами, аспирантами Светланы Григорьевны. Я приобрела целый букет знаний из разных, но тесно связанных между собой областей. Знания, которые впоследствии мне позволили поступить на второе высшее образование в первый вуз Венгрии. Приведу лишь небольшой эпизод из опыта прохождения обучения в Будапештском университете, наглядно показывающий, до какой степени я прониклась идеями научной школы ФИЯиР, среды, в которой я выросла.

Обучение длилось всего два семестра, ибо у меня уже был диплом МГУ диплом лингвиста, преподавателя иностранных языков; большинство предметов по педагогической антропологии мне зачли. В качестве итоговой аттестации от меня требовалось сделать портфолио, а затем сдать итоговый экзамен. Понятное дело, что за два семестра у меня накопилось не столь большое количество свидетельств успехов в учебе, поэтому в свое портфолио я добавила достижения из своей «прежней жизни». Итоговый экзамен был устным и состоял из двух частей. Одна часть предполагала своего рода обсуждения на основе представленных в портфолио документов. Другая часть экзамена – классический экзамен с вытягиванием билетов. Билетов было очень много, акцент делался на разделах грамматики венгерского языка.

На экзамен я пришла с намерением ответить сперва по билетам, а затем уже приступить к более простой, как мне казалось, части экзамена. Однако большинство членов (как позже выяснилось, они были ведущими методистами Будапештского университета) экзаменационной комиссии настаивали на том, чтобы сперва мы обсудили мое «нестандартное», как они выразились, портфолио. В течение не менее одного часа я отвечала на критику, с жаром и трепетом защищая постулаты, которым я обучалась в течение 8 лет на нашем факультете. В какой-то момент заведующая кафедрой венгерского языка, до этого момента молча наблюдающая за разразившейся между методистами и мной дискуссией, в которой стороны медленно приближались к компромиссу, не выдержала и обратилась к членам комиссии со словами: «Коллеги, согласитесь, что в жизни каждого из нас лишь одна альма-матер. И первичные знания, приобретенные в стенах того или иного университета, всегда будут превалировать в нашем

мировоззрении. Предлагаю перейти ко второй части экзамена». Ее слова подействовали – завершилась непростая дискуссия.

Действительно, альма-матер для меня всегда останется МГУ и наш ФИЯиР в частности. Свой текст мне хочется закончить словами благодарности. Спасибо что Вы есть, Светлана Григорьевна! Спасибо за Ваш труд и бесконечный творческий полет!

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ МЕНДЖЕРИЦКОЙ ЕЛЕНЫ ОЛЕГОВНЫ

Дорогая Светлана Григорьевна!

Спасибо за то, что Вы так красиво делились с нами, своими студентами, знаниями и мудростью жизни!

Я понимаю, что нарушаю устойчивое сочетание «щедро делились», но именно это Вы всегда делали красиво и элегантно.

С любовью и чувством глубокой благодарности,

Ваша дипломница-88,

Елена Менджерицкая

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ ОЩЕПКОВОЙ ВИКТОРИИ ВЛАДИМИРОВНЫ

Мои встречи. С.Г. Тер-Минасова

Светлана Григорьевна Тер-Минасова — удивительный человек, выдающийся отечественный лингвист, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ. Простое перечисление совершенного ею в науке заняло бы не одну страницу. За годы работы она сделала столько, что хватило бы на десяток жизней.

Едва ли найдется человек, изучающий или преподающий иностранный язык, который не слышал бы ее выступлений по телевидению, не читал ее знаменитых книг «Язык и межкультурная коммуникация» и «Война и мир языков и культур».

Светлина Григорьевна – блестящий организатор науки: организовала и возглавила Факультет иностранных языков МГУ, основала Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ), Национальное объединение преподавателей английского языка (НАПАЯз/NATE Russia). Благодаря её усилиям в реестр учебных специальностей введена «Лингвистика и межкультурная коммуникация».

Мне посчастливилось неоднократно общаться со Светланой Григорьевной.

Меня поражало в ней и то, что она еще и мать троих детей, бабушка многочисленных внуков и даже правнуков. Ее дети – состоявшиеся, талантливые ученые. Ее дочь Анна Павловская – автор популярной серии книг, доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ. Вторая дочь – кандидат филологических наук, сын – кандидат исторических наук и журналист.

Я познакомилась со Светланой Григорьевной в 1994 г, когда готовилась к защите докторской диссертации. Диссертационный совет обратились к С.Г. Тер-Минасовой, за отзывом от возглавляемой ею кафедры.

Взяв с собой диссертацию и автореферат, направление от совета и несколько своих опубликованных работ, в том числе нашу совместную с мужем небольшую книгу «Что есть что в США» я приехала домой к Светлане Григорьевне.

Она открыла мне дверь. Оказалось, что Светлана Григорьевна серьезно заболела и ожидала скорую помощь и госпитализацию. Я извинилась и хотела уйти. Но Светлана Григорьевна сказала: «Почитаю в больнице. Не волнуйтесь, прочту, отзыв напишу». Она взяла диссертацию и книжку «Что есть что в США».

Действительно, она довольно быстро прочитала работу, сделала отзыв, ее помощники оформили его и даже быстрее, чем я ожидала, передали мне.

Любопытно, что книжка «Что есть что в США» в больнице пропала, кто-то «зачитал». И этим я была очень горда… Значит, кому-то она понравилась. Несколько слов о книге «Что есть что в США». В ней мы писали о том, что в то время было мало известно российскому читателю об особенностях американского быта. Мы писали о вещах, поразивших нас с мужем во время стажировок: о том, что с каждой уличной телефонной будки можно было позвонить в любое место на земном шаре (мы звонили в Москву). Цена билета в метро варьировалась от расстояния и времени суток (мне однажды пришлось, чтобы выйти из метро, доплачивать за проезд). И о многом другом.

Светлана Григорьевна включила меня, не знаю, за какие заслуги, в Совет по учебникам. В Совете рассматривались и оценивались учебники по иностранным языкам для неязыковых вузов. Через некоторое время я поняла, что ездить к м. Университет через всю Москву на метро и на автобусе далековато. Сама же я преподавала в языковом вузе и обсуждавшиеся в Совете учебники не были мне очень интересны.

Короче говоря, из Совета я вышла, но старалась сохранять связь со Светланой Григорьевной и возглавляемым ею диссертационным советом. Меня иногда приглашали оппонировать по диссертациям и давали на рецензирование статьи и книги.

Однажды после защиты очередной диссертации вышла заминка – затянулся перерыв перед традиционным небольшим банкетом. Я стояла в коридоре рядом со Светланой Григорьевной, когда к ней подошел какой-то член совета и сказал: «А кормить-то когда будут?» Когда он отошел, я удивленно сказала: «Ничего себе заявочки». В ответ прозвучало: «Это мой муж Валентин Иванович Фатющенко».

Оказалось, что В.И. Фатющенко – серьезный ученый, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ. Человек, увлеченный красотой природы, искусством Италии, высоко ценивший творчество Н.В. Гоголя, прекрасный поэт. К сожалению, в 2006 г. он скончался, но его

работы собрала, систематизировала и издала семья – сама Светлана Григорьевна и их дети.

Мы продолжали общение в Экспертном совете по учебникам иностранных языков при Министерстве Просвещения РФ, который она некоторое время возглавляла. Под ее руководством и при непосредственном участии была создана серия учебников английского языка для общеобразовательных школ. Светлана Григорьевна объясняла желание разработать линейку учебников для школы, особенно для младшей школы, тем, что ее приводили в ужас некоторые учебники, по которым занимались ее внуки.

Подчеркну, что это было время колоссального интереса к изучению иностранных языков, к методике преподавания, ко всему, что связано с иноязычной культурой. Проводилось много конференций, посвященных методике преподавания иностранных языков, проблемам межкультурной коммуникации.

Часто на конференциях выступала Светлана Григорьевна. Она стала для меня образцом оратора, продемонстрировала, что о сложных вещах можно говорить просто. В ее выступлениях, несомненно, глубоко продуманных и подготовленных, отсутствовало наукообразие, напыщенность, в ее речах не было зауми и скуки, она живо и остро реагировала на то, что обсуждалось в этот момент. Слушать Светлану Григорьевну всегда интересно.

Книги Светланы Григорьевны читаются взахлеб. Неслучайно они многократно переиздавались и переиздаются. С огромным интересом читаю и перечитываю первую и вторую книги воспоминаний Тер-Минасовой «Записки динозавра» – об истории развития факультета иностранных языков, внутренних взаимоотношениях, ее собственном становлении.

В 1998 г. издательство «Русский язык» опубликовало англо-русский лингвострановедческий словарь, составленный под моим руководством – «Австралия и Новая Зеландия, Лингвострановедческий словарь» (Ощепкова В.В., Миничева Н.П., Шустилова И.И., Юрышева Н.Г. М.: Рус. яз., 1998. 216 с.).

Без ложной скромности позволю себе утверждать, что это уникальный словарь. До этого работ, посвященных языковым реалиям Австралии и Новой Зеландии, в отечественной лексикографии не было. Инициатором его создания была я. Подготовка словаря оказалось непростой и во многом пионерской задачей. Во-первых, потому, что сложно было отобрать специфически «австралийскими» или «новозеландскими» темы. Во-вторых, во многих случаях отсутствовали переводы реалий этих стран на русский язык. Сведения о них приходилось добывать по крупицам.

В нашем родном вузе появление словаря не получило ни малейшего отклика. Светлана же Григорьевна устроила в МГУ презентацию, на которой авторы-составители представили словарь довольно многочис-

ленной аудитории студентов, аспирантов и преподавателей, ответили на возникшие вопросы. Более того, С.Г. Тер-Минасова пригласила на презентацию посла Австралии Маргарет Айлин Туми.

Я думаю, одна из главных черт большого ученого – увидеть и поддержать того, кто что-то делает и делает внятно. Так было и со мной.

Ощепкова В.В., д.ф.н. профессор.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ ПОПОВОЙ ТАТЬЯНЫ ГЕОРГИЕВНЫ

Глубокоуважаемая Светлана Григорьевна!

В Ваш Юбилейный год разрешите пожелать Вам крепкого здоровья, мира и добра, успехов в Вашей многогранной научной и просветительской деятельности, новых, как всегда, знаковых и интереснейших трудов!

Вы отдаете много сил и энергии исследованиям в области межкультурной коммуникации и лингводидактики,. уделяете особое внимание вопросам теории и практики культурологии в преподавании иностранных языков, читаете интереснейшие курсы и спецкурсы, выступаете с докладами на конференциях и симпозиумах. Ваши исследования в области преодоления языкового, культурного и психологического барьеров в процессе межкультурной коммуникации стали основой для научных изысканий многочисленных последователей.

Глубокоуважаемая Светлана Григорьевна! Ваша фундаментальная и знаковая работа «Язык и межкультурная коммуникация» переведена на многие языки, являясь настольной книгой Ваших учеников и благодарных коллег. Ваше служение Отечеству и Ваши заслуги в области преподавания огромны и оценены высоко. Вы являетесь президентом-основателем Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ), почётным президентом-основателем Национального объединения преподавателей английского языка (НАПАЯз/NATE Russia), Заслуженным профессором МГУ, лауреатом Ломоносовской премии за педагогическую деятельность. Вы награждены многочисленными наградами, в том числе – орденом Почета, орденом Дружбы, Почётной грамотой Президента Российской Федерации,. орденом святой равноапостольной княгини Ольги III степени, медалью преподобного Сергия Радонежского I степени, медалью «Лауреат ВВЦ» и дипломом ВВЦ и другими наградами.

Отрадно, что Ваши научные заслуги признаны во всем мире. Вы являетесь почётным доктором филологии (honoris causa) Бирмингемского университета (Великобритания) и Университета штата Нью-Йорк, SUNY (США), почётным профессоом Российско-армянского (славянского) университета (Армения), приглашённым профессором Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (Россия), а также Национально исследовательского Томского государственного университета (Россия), членом совета экспертов Международного академического форума, JAFOR (Япония), Юншан профессором Гуандунского

университета иностранных языков и международных отношений (Китай), почётным членом Академии Образования Грузии.

Примите, пожалуйста, мои самые сердечные пожелания Вам добра и счастья, глубокоуважаемая Светлана Григорьевна!

С глубочайшим к Вам уважением,
Татьяна Георгиевна ПОПОВА,
Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры английского языка
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ САФОНОВОЙ ВИКТОРИИ ВИКТОРОВНЫ

To Svetlana Grigorievna Ter-Minasova

In the realm of languages, she reigns supreme,
A professor like a shining beam.
Founder of a faculty unique and grand,
Her scholarly works cover every land.

"Languguage & Intercultural Communication",
A book so profound,
In university libraries, it's everywhere,
Everywhere widely found.

"The War & Peace of Languages & Cultures",
Who everyone read, is her great masterpiece,
In every corner of today's turbulent world,
Its fame will never, never ever cease.

A loving mother and granny, so caring and kind,
In her family, pure love she does bind.
A brilliant speaker with influence so great,
Her words resonate, sealing every fate.

But hidden beneath her academic guise,
A poet's heart beats, a creative surprise.
In our university family, she shines bright,
A beacon of knowledge, a guiding light!

With compliments and best wishes,
from Victoria Saphonova

НЕ ПРОЗОЙ ЕДИНОЙ ЖИВ ЧЕЛОВЕК…
(СТИХИ СВЕТЛАНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ТЕР-МИНАСОВОЙ)

Веками люди пишут про любовь…

Веками люди пишут про любовь,
Пытаются ей дать определенье;
Придумать формулы стремятся вновь и вновь
И разгадать любви предназначенье.
Что это? Грех иль высший дар богов?
Безумие? Награда? Наказанье?
Миг озарения? Основа всех основ?
Слиянье душ иль плотское желанье?
Как отличить любовь от нелюбви?
Где взять рецепт и как найти спасенье?
Измерить как волнение крови?
Как отличить любовь от наслажденья?
И каждый век пытался дать ответ,
Умнейшие своё сказали слово:
«Сильна, как смерть», «В ней жизнь, но смысла нет»
«Любовь – семьи и общества основа».
А до меня недавно вдруг дошло.
Мне мой ответ дала моя эпоха.
Любовь – не там, где с кем-то хорошо,
Любовь – когда нам без кого-то плохо.

25 августа 1996 г.

Мне говорят…

Мне говорят: ты умная – поймешь.
Мне говорят: ты сильная – ты сдюжишь.
Мне говорят, вонзая в спину нож:
Ты справишься, тебе никто не нужен.
Мне больно, плохо, кругом голова…
И я кричу, кричу в скандале шумном,
А мне в ответ спокойные слова:
«Нужней помочь несильным и неумным.
Они же слабые – их надо поддержать,
Они же глупые – давайте им уступим,
Со слабых-глупых, что с них можно взять?
Наш долг – отдать все силы слабым-глупым.»
И друг уходит, хлопнув по плечу,
Прислуживать какой-то дуре слабой,
А я кричу: Я больше не хочу
Быть «умной, сильной и хорошей бабой».

Не дура я, чтобы там умной быть,
Где слабые и дураки у власти,
А умные и сильные – рабы,
Которых губят за чужое счастье.
Слабее от ножа я с каждым днем
И с каждым днем глупее от обиды
И каждый день мечтаю об одном:
Как друг ко мне вернется с умным видом
И скажет: «Я пришел тебе помочь»,
Заботливый, логичный и разумный.
И вынет нож, и боль, обиды – прочь...
А может все-таки остаться умной?

29 июля 2001 г. Бамберг. Германия

Почему я умираю от тоски и пустоты?

Почему я умираю
От тоски и пустоты?
За окошком расцветают
Ах! Весенние цветы
За окошком солнце светит,
Одуванчики в огне,
Гулят голуби и дети,
Почему же плохо мне?
От какой печали маюсь?
И за чьи грехи плачу?
Просто я не высыпаюсь
И все время спать хочу.

19 апреля 2004 г.
British Council Advisory Committee meeting.
Savill Court Hotel

Мне больно от невыплаканных слез…

Мне больно от невыплаканных слез,
Мне грустно от невысказанных слов,
Мне душу мертвым льдом сковал мороз,
И все сильнее жжет огнем любовь.
И как мне жить, стыдясь, что жива?
Что я могу дышать и есть, и пить,
Могу опять сложить в стихи слова?
А кто их будет слушать и ценить?
А кто меня поддержит в трудный год?
Да-да, есть дети, внуки и друзья,
Но кто с полслова – и без слов! – поймет?
Кто чувствует все так же, как и я?

Меня окутав светом и теплом,
Вдруг выбросить во тьму и на мороз?
Прожить любовь и жизнь, и смерть тайком?!
Мне больно от невыплаканных слез.

4–15 февраля 2009 г.

Не боюсь умирать

Нету ни папы, ни мамы,
Нету ни мужа, ни друга,
А я всё живу упрямо,
Никак не вырвусь из круга.
Умер даже маленький Петя,
А я всё на этом свете.
Он – на том, а бабка – на этом
И пытается быть «поэтом»,
И стихи даже хочет царапать,
Хотя нет ни мамы, ни папы
И ушли уже муж и друг,
И племянник, и маленький внук.
Дал совет нам великий поэт
И мы этот совет не забыли:
«Не говори с тоской: их нет,
А с благодарностию: были».
Я классика пойму умом,
А сердцем нет, не принимаю,
Мне всё тоскливей с каждым днём
И об одном лишь я мечтаю,
Что я их встречу всех опять,
На дальнем, не на этом свете.
И не боюсь я умирать,
Там ручки мне протянет Петя.

октябрь 2009 г.

Мне стыдно…

Мне стыдно, что я все еще жива,
Дышу, пишу, волнуюсь об отчизне,
Могу еще сложить в стихи слова,
Но у меня теперь две разных жизни.
Одна – дневная, все, как у людей:
Работаю, болею и старею,
Люблю все больше маленьких детей,
Все меньше сплю, стихами душу грею.
И целый день я жду, чтоб ночь пришла,
Чтоб начиналась моя жизнь вторая

И чтобы я, как в сказке, ожила,
Опять красивая и молодая…
Как прежде, я спокойна и сильна,
Все помню, вижу, слышу, понимаю
Все живы, жизнь моя опять полна!
Люблю, любима и от счастья таю…
Я рада, что я все еще жива!
Живу две жизни – редкая удача,
Жива моя страна, моя Москва.
Да будет жизнь без жалоб и без плача!
Пока живу, я помню все и всех,
Я здесь и там – живу судьбой двойною.
Стыдиться жизни, данной свыше, – грех.
Те, кто ушел, живут в душе со мною.

29 января 2012 г. Blackheath, UK

I feel ashamed…

I feel ashamed that I'm still alive
That I breathe, write, worry about my country
That I'm still able to bring words together into a poem
But I live two different lives now
One of them is a daytime life,
An ordinary life like everybody else's:
I work, fall ill, get older,
Love little children more and more,
Sleep less and less, and warm my heart with poems.
And all day long I'm waiting for the night to come
When my second life begins
When I revive like in a fairy tale,
Young and beautiful like before..
And I'm again calm and strong
I remember, see, hear, understand everything,
Everyone (I love) is alive, my life is beautiful and full
I love, am loved and melting with biss
I'm glad that I'm still alive
And have two lives – a rare piece of luck
My country is alive and so is my Moscow,
May there always ' ll be life without complaints and tears
While I'm alive I remember all and everything,
I'm here and there, I live a double life/ have two lives
It's sinful to be ashamed of life
Those who've passed away/ are gone live in my heart

January, 29, 2012. Blackheath, UK

Если бы молодость знала…

Если бы молодость знала!
Мудрость с годами пришла,
Только чуть-чуть запоздала…
Если бы старость могла!
Все было ярко сначала;
Пробуй! Была – не была!
Если бы молодость знала,
Если бы старость могла…
Юности жадной все мало –
Пьянки, гулянки, игла –
Если бы молодость знала,
Если бы старость могла.
Лучик надежды растает
Ночью, под крики совы
Молодость так и не знает,
Старость не может – увы!

2 апреля. Барвиха, Барокамера

Разговор автора с переводчиком

Наконец-то издан мой роман!
Все читают! Я от счастья пьян…
Наконец ко мне пришел успех!
В солнце славы нежиться – не грех.
Власти, критики, страна, народ, –
Все кричат, что нужен перевод.
Надо миру показать, как мы
Молоды, талантливы, умны.
А меня одолевает страх:
Я у переводчика в руках.
«Переводчик! Ты мне друг и брат?
Любишь Слово? Пригодиться рад?
Мы разделим славу и успех,
Покорим мы вместе все и всех.
Или это глупый разговор?
Ты, как многие, бандит и вор?
Ты убийца и могильщик мой?
И издатель в сговоре с тобой?»
Я стою у бездны на краю.
Не пишу, не плачу, не пою,
Не грущу, не ною, не борюсь,
Просто жду, надеюсь и молюсь.
«Переводчик! Ненавижу и люблю!
Переводчик, не губи, молю! Молю!

Не спеши, не режь, не переври,
Загляни еще раз в словари.
Не кромсай, ведь мы умрем от ран,
Мы погибнем, я и мой роман.
Переводчик! Ненавижу и люблю!
Не губи ты нас, пожалуйста.
Молю».

Зеркало

Я хожу, молодая, беспечная,
Хохочу и живу, как хочу,
Дел, забот карусель бесконечная ...
Мне смешно, мне ведь всё по плечу.
Всё со вкусом, легко получается -
Я работать могу день и ночь
И родные, друзья восхищаются -
Ай да Пушкин, ай, сукина дочь!
Так верчусь и кручусь, словно белка я,
Но однажды, смеясь, на бегу,
Посмотрела случайно я в зеркало
И понять ничего не могу.
Там какая-то дама усталая,
Грустный взгляд, в волосах седина.
Удивясь, себя спрашивать стала я:
Кто такая, откуда она?
И где я, молодая, беспечная?
Что ж молчали родные, друзья?
Разве жизнь молодая – не вечная?
Неужели та женщина – я?!
Рухнул мир, зашаталась вселенная,
Но меня успокоил мой друг:
Он сказал мне, что я – неизменная,
Просто мир молодеет вокруг.

2 августа 1999 г. Вена

Светлана Григорьева Тер-Минасова – президент-основатель факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова

С.Г. Тер-Минасова и доктор технических наук, генеральный директор научно-туристической фирмы «Терис», вице-президент Европейского комитета по ядерной энергии Карел Дах, Прага, 2014 г.

Доктор филологических наук, профессор МГУ С.Г. Тер-Минасова и австралийский писатель, доктор философии и теологии, культуролог, художник Дэвид Вонсборо

С участниками Первого Международного научного семинара «Язык, литература и культура как грани межкультурного общения» в Западночешском университете

На кафедре английского языкознания (ранее – кафедре английского языка, где Светлана Григорьевна начала свою трудовую деятельность в МГУ имени М.В. Ломоносова), 2008 год

Светлана Григорьевна Тер-Минасова с коллегами на конференции НОПРиЛ на Мальте в 2012 году

В тесном кругу единомышленников. Мальта, 2012 год

С.Г. Тер-Минасова с В.Г. Костомаровым – советским и российским лингвистом, доктором филологических наук, профессором, членом-корреспондентом, действительным членом и президентом Академии педагогических наук СССР, на конференции НОПриЛ в Париже в 2014 году

Международный научный семинар в Праге, 2014 г. Светлана Григорьевна и Йиржи Клапка – председатель Чешско-российского общества и чешской ассоциации русистов, историк и музыкант

С коллегами-учеными в Коломне в 2023 году: В.И. Карасик, О.И. Максименко, С.Г. Тер-Минасова, О.А. Леонтович

Выступление С.Г. Тер-Минасовой на конференции в Коломне в 2023 году

На защите докторской диссертации своей коллеги в Московском государственном областном университете в 2019 году

С.Г. Тер-Минасова с коллегами с кафедры английского языкознания Н.Б. Гвишиани и А.С. Микоян

«Группа поддержки» – руководители и участники Международного научного семинара «Язык, литература и культура как грани межкультурного общения», посвященного С.Г. Тер-Минасовой. Прага, 2018 г.

Группа международной поддержки – Международный научный семинар «Язык, литература и культура как грани межкультурного общения», посвященный С.Г. Тер-Минасовой. Прага – Братислава – Будапешт, 2018 г.

Со студентами филологического факультета в Ахмановской аудитории, 2023 г.

Вручение премии «Звезда московского университета». Ректор МГУ имени М.В. Ломоносова, академик В.А. Садовничий и С.Г. Тер-Минасова, 2024 г.

С.Г. Тер-Минасова – Звезда Московского университета

Светлана Григорьевна Тер-Минасова со своими детьми

Ad multos annos!

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование представляет собой результат совместного труда большого коллектива ученых, которых объединяет глубокий научный интерес к проблемам межкультурной коммуникации. Изучению и развитию этой области гуманитарного знания и академической сфере посвящена значительная часть научного творчества профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Светланы Григорьевны Тер-Минасовой.

В коллективной монографии осуществляется дальнейшее развитие теории и практики межкультурной коммуникации на основе различных подходов и частных областей анализа, – что еще раз позволяет воочию убедиться в значимости разрабатываемых в данной области проблем.

Настоящее издание представляет собой своего рода исследовательский дискурс межкультурной коммуникации, находящий свое воплощение в разнообразно представленных авторами-участниками материалах, объединяемых в логически организованное целое с четкой исследовательской структурой: 7 глав монографии посвящены таким аспектам, как развитие научных идей С.Г. Тер-Минасовой и ее научных соратников от функциональной англистики к теории и практике межкультурной коммуникации, являющейся значимой составляющей современной парадигмы научного знания; сравнительно-сопоставительное изучение языков и культур; вопросы контактологии и вариантологии, выступающие как отражение реалий современного многополярного мира; особенности межкультурных взаимодействий в деловой среде и новые возможности Интернет-общения; лингвокультурные взаимодействия в сфере литературно-художественного творчества; психолого-педагогические, лингводидактические, общеобразовательные аспекты межкультурной коммуникации.

Первая глава данного коллективного труда отражает этапы развития научной мысли, находящие свое продолжение и сегодня в работах отечественных и зарубежных языковедов, например, исследования, посвященные вопросам синтагматики, в разработку которой С.Г. Тер-Минасова внесла большой вклад, изучая проблемы словосочетания на материале английского языка, в первую очередь – с точки зрения функциональной стилистики.

В данной главе уделено внимание вопросам терминологии, с учетом движения современной научной парадигмы в междисциплинарном направлении, – что привело к появлению большого количества транстермов, переходящих из одной области профессиональной деятельности в другую.

Особо следует выделить исследования в области фонетического оформления речи, в течение многих лет активно осуществлявшиеся на кафедре английского языка (ныне – английского языкознания) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством О.С. Ахмановой, результаты которых позволяют продолжить аналити-

ческие разыскания в данном направлении, в том числе на уровне разработки новых приемов расширения риторического арсенала специалистов-филологов.

Проблема актуализации языковых значений, специфика становления которых обусловлена соответствующими условиями контекста, теснейшим образом связана с лингвокультурологическими аспектами языкового функционирования. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не только о собственно языковых и экстралингвистических характеристиках лексических значений, но и об особом статусе обобщенно грамматического значения, играющего основополагающую роль в плане проявления полифункционального характера языковых единиц.

Проблема трансформации одних значений и появления других в новых реалиях современного мира является исключительно актуальной в связи с бурным протеканием процессов, вызывающих парадигмальные сдвиги в развитии человеческого общества. Изменения в картине мира человека, отраженные в языке, а также влияние языка на формирование картины мира индивида и социума, о чем пишет и С.Г. Тер-Минасова в своих известных работах, включают в себя трансформацию ценностных ориентиров, находящих отражение в новых языковых реализациях и их аксиологических свойствах.

В этом плане особая роль принадлежит текстам СМИ, характеризующимся своей спецификой с точки зрения использования языковых средств. Синтагматическая организация речи в медиадискурсе рассматривается исследователями как важный способ повышения эффективности передачи информации и воздействия на целевую аудиторию в различных медиажанрах.

Исключительное значение в этой связи имеет реализация получающих все большее распространение эвфемистических выражений, используемых не только в рамках политкорректности, но и в целях осуществления имплицитного воздействия на адресата, включающего задачи по формированию новых ценностей и обновленных картин мира.

Вторая глава настоящего исследования содержит результаты научного анализа, проведенного коллективом авторов в сфере изучения практических и теоретических аспектов межкультурной коммуникации как научного направления, которое характеризуется безусловной актуальностью и перспективностью вследствие своей востребованности в обществе.

Рассмотрение межкультурной коммуникации с позиций концептуального проецирования позволяет предположить, что в данном процессе участвуют сразу четыре ментальных пространства, находящихся в тесной взаимосвязи и сопряженных с четырьмя измерениями пространства языка. Важнейшую роль в этом случае играют аксиосферы взаимодействующих культур.

Моделированию процессов коммуникации принадлежит особое место в развитии научной теории. Использование различных моделей

коммуникации в ходе исследования позволяет наиболее оптимально определить способы достижения заданного коммуникативного эффекта.

В настоящей работе специальное внимание уделяется вопросам взаимообусловленности вербальных и невербальных аспектов коммуникации в межличностном и межкультурном общении, находящихся в непосредственной зависимости от лингвокультурологических факторов.

Исследователи подчеркивают тот факт, что национально-культурная специфика речевого поведения членов социума обусловлена особенностями национального менталитета и ценностной ориентации, типичных для данного культурно-языкового коллектива. Вопросы лингвоаксиологии затрагивают целый ряд аспектов, в том числе проблему производства и интерпретации речи в межкультурном общении.

Аксиологическая составляющая выступает как часть бытия, существования человека в мире. Ценности, формируемые на протяжении всей жизни, оказывают непосредственное влияние на все виды деятельности человека, его речь, его осознание собственного места в пространстве и реальной действительности. Ценностные ожидания структурируют личность и способствуют конвенциональной ориентации человека в мире, с учетом универсальных и уникальных феноменов. Очевидно, что роль языка, материализующего человеческое мышление, трудно переоценить.

Особое значение данный тезис приобретает в случае межкультурных и межязыковых контактов, в частности, в процессе переводческой деятельности, где вопрос соотношения ценностных картин мира и их репрезентации в языке встает особенно остро (например, при переводе художественных текстов или текстов СМИ).

Следует подчеркнуть, что межкультурная коммуникация как научное направление включает в себя целый ряд важных пластов для изучения, в которых исследовательский вектор может быть направлен как в сторону комплексного анализа, так и в конкретные, значимые для современной науки сферы. Так, понятие фоносемантической картины мира как составной части языковой картины мира непосредственно связано с понятием успешности коммуникации, особенно – межкультурной, поскольку отражает важный аспект лингвокультуры социума, репрезентируемый на уровне звучащей речи.

Развитие и расширение межкультурных контактов как важная задача межкультурной коммуникации в первую очередь связана с реализацией человеческого фактора, где субъектом межкультурного взаимодействия выступает человек – представитель определенной лингвокультуры. В ходе постоянного межкультурного общения люди способны приобретать характеристики, свойственные представителям других социумов, сочетая в себе целый ряд культурно значимых качеств. В настоящем исследовании освещается деятельность уникальной личности как в истории России, так и в истории Европы – дипломата, философа, просветителя Г.Н. Вырубова.

Важным аспектом формирования картины мира личности и социума, в первую очередь – ценностных ориентиров – является приобщение человека к массовой культуре, причем релевантным является не только процесс непосредственного получения информации (в том числе и эстетического свойства), но и ознакомление с оценками и характеристиками, предлагаемыми авторитетными авторами и изданиями, например, в области киноиндустрии. Формирование картины мира человека и социума, как уже отмечалось выше, находится в постоянной динамике и подвергается трансформациям под влиянием различных дискурсивных практик.

Третья глава монографии посвящена проблемам сравнительно-сопоставительного изучения языков и культур, являющегося одним из основных аспектов исследования, связанного с формированием научной области межкультурной коммуникации.

Рассмотрение сходных лингвокультурных феноменов в различных языках и социумах осуществляется на основе анализа обширного языкового материала и корректных методов исследования. В данной главе представлены результаты анализа культурно значимых оппозиций и их метафорической разработки в русском языке на фоне другого славянского языка – чешского, что позволило установить специфику видения мира в славянских социумах, значимые сходства и различия, произошедшие в течение длительного периода времени. Применяемый подход позволяет выявить наиболее важные особенности как русского, так и чешского языков с точки зрения восприятия и отражения личностных характеристик человека, а также применить полученные результаты на практике в процессе общения представителей данных социумов.

Как известно, метафора является одним из наиболее показательных способов отражения лингвокультурных представлений. Очевидно, что различные исторические и культурные условия существования общества стимулируют появление самых разнообразных метафорических образований. Например, в англоязычном лингвокультурном пространстве сформировалась уникальная для данного сообщества метафора “pregnancy journey” (беременность – это путешествие), отражающая отношение социума к данному феномену, в то время как в русском языке, наряду с существованием других, близких к английским по своему оценочному содержанию метафор, подобного случая не выявлено.

Сравнительно-сопоставительные исследования на уровне синхронии и диахронии, проведенные на материале заимствований, позволили прийти к выводу о том, что в области глюттонии до сих пор происходит заимствование номинативных единиц из французского языка в английский в силу исторически сложившихся обстоятельств. В то же время сравнительный диахронический анализ позволяет заключить, что очевидна тенденция к минимизации данного процесса в связи с тем, что английский язык, претендуя на статус глобального, в значительной степени выступает как язык-источник заимствований в различных сферах деятельности в большинстве языков.

Сопоставительный анализ фразеологических срезов русского и китайского языков позволил прийти к заключение о том, что высокий образный потенциал фразеологических единиц военной тематики инспирировал способность их интеграции в различные сферы жизни человека. Универсальность и специфика выявленных в процессе исследования оппозиций основана на сходстве оценки представителями социума особенностей поведения человека в различных ситуациях, обусловленных историческими обстоятельствами в определенные периоды существования цивилизации.

Значимым аспектом сравнительно-сопоставительных исследований является изучение ценностных ориентаций представителей социумов, связанных с использованием языкового потенциала для установления определенных взаимоотношений с членами других лингвокультурных сообществ, – что, безусловно, связано и с вопросами возникновения и элиминации конфликтов. Ситуация осложняется и тем обстоятельством, что возможности широкого общения, в том числе анонимного, предоставляет виртуальная среда Интернет. Важнейшая роль межкультурной коммуникации как теоретической и практической области деятельности состоит в поиске путей минимизации и нивелировки всех возможных «конфликтогенов» на основе понимания специфики языков и культур в ходе их сравнительно-сопоставительного изучения. Особое внимание в этой связи должно быть уделено проблеме культурных стандартов, которые выступают в качестве определяющих поведенческих критериев в обществе.

Понятия культурных стандартов и ценностных ориентиров, представляющих собой определенные конвенции, которые обусловливают поведение личности в данной культуре – в том числе и личности языковой, – легло в основу сопоставительного исследования, посвященного изучению лингвокультурных характеристик представителей немецкоязычных социумов, населяющих Австрию и Германию. При выявлении культурно-языковых различий обращает на себя внимание исторически обусловленный фактор длительного взаимодействия австрийцев с другими народами в составе империи, что оказало влияние на современные языковые и культурные стандарты и нормы австрийцев, отличные от норм и стандартов жителей Германии. Отметим также и тот факт, что исторически сложившиеся сходства и различия между данными немецкоязычными социумами находят свое проявление в том числе и в сфере профессиональной коммуникации.

В **четвертой главе** работы находят отражение теоретические и практические результаты исследований, посвященных проблемам культурных и языковых контактов представителей различных социумов. Особого внимания заслуживает факт нарастающего распространения английского языка в мире, что влечет за собой целый ряд изменений в языковой системе и языковой норме, соответственно, находя свою актуализацию на уровне речи. Важно отметить, что меняется не только

литературная норма британского английского, происходящие изменения касаются всех региональных вариантов английского языка. Массовая англоязычная коммуникация в разных формах и форматах, в разнообразии ситуаций и контекстов снижает степень региональной маркированности языковых единиц, вырабатывая тем самым регионально-нейтральную разновидность речеупотребления.

Межкультурная политическая коммуникация представляет собой сложный и многоуровневый коммуникативный процесс, обусловленный спецификой институционального дискурса. Коммуникативно-прагматические характеристики речевых произведений, репрезентирующих политический дискурс, в значительной степени обусловлены влиянием экстралингвистический факторов, спецификой картин мира и фоновых знаний коммуникантов, а более всего – теми целями и задачами общения, который ставит перед собой каждый из участников процесса общения.

Как упоминалось ранее, особое значение в этой связи приобретает выбор языковых средств, репрезентирующий специфику культурно-ценностных ориентиров говорящих (или пишущих). В современных условиях речь идет зачастую не только об актуализации языковых значений, но и выборе самого языка общения, например, на уровне медиадискурса организаций или компаний. Социально-политическая детерминированность университетского общения, выраженная как эксплицитно, так и имплицитно, обусловливает соответствующие предпочтения авторов речевых произведений, оказывая влияние на формирование картины мира целевой аудитории.

Коммуникативные процессы оказываются еще более усложнены в ситуации мультикультурализма. Формирование культуроспецифических концептов в этом случае характеризуется сложной динамикой и содержательной отягощенностью вследствие широчайшего репертуара ассоциативных сфер, обусловленных особенностями социально-исторического хода событий. Так, концептуальная структура Britishness включает в себя множество аспектов, связанных с развитием ее содержательной области в направлении исторических ассоциаций, с одной стороны, и современного состояния британского общества – с другой.

Многообразие вариантов английского языка, изучаемое сравнительно молодой областью знания – контактной вариантологией – обусловливает актуальность вопросов, связанных с определением варианта, количеством вариантов, выявлением признаков, по которым выделяются варианты языка, установлением соотношений между нормой, стандартом и вариантом. Данная проблематика рассматривается в рамках современной исследовательской парадигмы World Englishes. Изучение феномена языкового варьирования непосредственным образом связано с процессом анализа культурных феноменов, находящих свою репрезентацию в языковом сознании членов социума, в образной составляющей культурно-языковой картины мира.

Особенности национальной культуры проявляются в выражении специфики этнического сознания посредством историко-, этно-, социокультурных и семиотических фонов и культурообусловленных языковых средств. Одним из наиболее показательных примеров в плане анализа процессов языкового варьирования и результатов лингвокультурных контактов может послужить ситуация в австралийском социуме.

Первенство, предоставленное английскому языку как средству официальной коммуникации в Гане, в значительной степени обусловлено, как и во многих странах, отличающихся подобной ситуацией, условиями многоязычия, представленного коренными лингвокультурами. Анализ характеризующихся высокой частотностью употребления лингвокультурем, отражающих реалии местных лингвокультур и находящих свою репрезентацию в данной разновидности английского языка, позволяет констатировать факт необходимости сохранения и следования нормам исконной культуры на основе бережного отношения к наследию коренных языков.

Глава пятая данного объединенного общей тематикой и характеризующегося различными подходами, основанными на общих методологических предпосылках, коллективного труда содержит рассмотрение особенностей межкультурной коммуникации в сети Интернет и в бизнес-среде, – что позволяет установить ряд специфических черт, свойственных современной деловой и профессиональной коммуникации, с учетом путей и возможностей, которые предоставляет пользователю виртуальное коммуникативное пространство. Деловая коммуникация, в том числе межкультурная, предполагает способность ориентироваться в потоке информации, правильно осуществлять ее отбор и оценку с учетом владения комплексом компетенций, среди которых межкультурной компетенции принадлежит особое место.

В процессе анализа деловой коммуникации, в частности, маркетинговых стратегий и тактик выявляется необходимость выделить определенные риторико-стилистические приемы и способы акцентировать внимание адресата на тех или иных актуальных позициях. В ходе исследования установлен факт значимости интеграции интертекстуальных элементов в маркетинговой коммуникации при продвижении инновационных информационных технологий.

Важной задачей исследования специфики Интернет-общения в лингвокультурологическом аспекте является изучение коммуникативной специфики как в пределах определенного этноса, так и на уровне межкультурного взаимодействия, необходимость сформулировать наиболее устойчивые формулы речевого этикета, с учетом культурных доминант соответствующих социумов.

Анализ лингвистической составляющей Интернет-коммуникации в рамках определенных дискурсов, в частности, образовательного и молодежного, позволил подтвердить положение о значимости межкуль-

турной сетевой коммуникации в плане ее влияния на язык и культуру, образ жизни и ценностные ориентации молодого поколения.

В целом, следует отметить, что техническая составляющая, умение грамотно пользоваться возможностями и ресурсами Интернет являются актуальными аспектами современных профессиональных практик. Преодоление пространственных ограничений, освоение соответствующих пластов больших данных, использование справочных и лексикографических материалов являются важными элементами деятельности профессионального переводчика. Специалисту необходимо овладевать новыми технологиями, постоянно совершенствуясь и ориентируясь в новых способах применения Интернет-технологий в ходе осуществления международных контактов.

Глава 6 «Литературно-художественное творчество как область взаимодействия культур» посвящена исследованию литературно-художественных феноменов и того культурного опыта, который лежит в основе их создания. В данном аспекте осуществляется изучение «культурных кодов» в ходе выявления наиболее значимых характеристик лингвокультуры в ее сопоставлении с другими. Лингвокультурологический и литературоведческий анализ произведений русской и китайской литературы позволяет прийти к заключению о том, что культурный потенциал русской литературы значительно шире, нежели только накопление национальных ценностных и духовных представлений, в нем отражены реалии и духовные представления других народов, например, народов Востока, в частности, Китая. В то же время восприятие китайской культуры сквозь призму русской культуры определило связующую роль художественной литературы по отношению к культурам различных эпох и народов.

Обращение к современному американскому рассказу, отражающему проблемы миграции, культурной адаптации и ассимиляции иммигрантов в современном глобальном мире, позволяет выявить специфику межкультурных отношений и особенности национального характера, которые проявляются в сложных для героев ситуациях в принимающем социуме. Процесс культурной адаптации в новых условиях осложняется имеющимися языковыми трудностями. Включение в англоязычный текст лексики индийских и китайских языков и диалектов в данном случае отражает тесную связь героев с родными культурами и приверженность их идеалам и принципам. В то же время следует отметить факт открытости английского языка в отношении иностранных заимствований.

Особо следует обратить внимание на такой исключительно актуальный и новый аспект филологического исследования, как изучение феномена цитирования в терминах межкультурных измерений. Анализ авторских речений Р.Киплинга выявляет лингвокультурную асимметрию, которая выражается в том, что разные языки осваивают одни и те же авторские речения по-разному. Как установлено в ходе исследования, успешности освоения цитируемых материалов способствует ряд

характеристик как текстов-источников, так и принимающих лингвокультур, причем не только иноязычных, но и собственной, родной культуры. В этой связи к особо важным лингвокультурным факторам, благоприятствующим постепенному вхождению авторских речений в язык, относятся подходящая общественно-политическая ситуация, вхождение данного произведения в те или иные формы массовой культуры, цитирование речения авторитетными лицами и изданиями, а также качество имеющихся переводов.

Как известно, одним из механизмов организации концептосферы художественного произведения служит реализация принципа оппозиций, который заключается в упорядочивании умозрительной реконструкции реальности посредством оперирования противоположностями. В сфере лингвокультурного сознании фундаментальная оппозиция *Я – другой* непосредственно связана с уровнем предельных понятий, выступающих в роли ключевых в национальной ментальной реальности. Как показал всесторонний анализ, выполненный на материале романа К. Исигуро “Never Let me Go” и его немецкой версии “Alles, was wir geben mussten”, различия в лингвопрагматической реализации данной оппозиции в двух близкородственных, но типологически различающихся языках, в основном, касаются отдельных языковых явлений, но не ключевых концептуально-образных моделей. Полученные результаты позволяют прийти к заключению о принципиальном сходстве концептуальной и языковой картин мира исследуемых германоязычных социумов и, следовательно, идентичной интерпретации оппозитивного смысла, представленного в романе на уровне универсальной антропоцентрической проблематики.

Со времен средневековой герменевтики в центре проблематики филологических работ находится художественный текст, являющийся частью культуры, ее продуктом. Современное понимание системы художественного произведения предполагает изучение культурной информации, лежащей в его основе и в значительной степени служащей связующим звеном между картинами мира автора и его адресата. Интерпретация текста понимается как вид вторичной текстовой деятельности и подразумевает глубокое проникновение в структурно-содержательную ткань художественного произведения. В этом плане следует отметить прескриптивный характер проведенного исследования, обусловленный тем фактом, что оно имеет непосредственный выход в образовательную практику и взаимодействует с процессом разработки академических курсов, в частности, стилистики английского языка. Деятельностная составляющая обучения в данном контексте рассматривается с позиции достижения высокого уровня межкультурной иноязычной коммуникативной компетентности и развития самостоятельного критического мышления.

Как неоднократно отмечалось, художественный текст представляет собой сложный многоаспектный системно-деятельностный феномен.

Процесс его создания и понимания происходит поэтапно и непосредственным образом связан с его интерактивным сущностным пространством, частью которого являются пресуппозиции. Разработанная в ходе анализа творчества Э.Хемингуэя система пресуппозитивных характеристик, объединяемых в пресуппозитивный комплекс, позволяет глубже проникнуть в алгоритм создания литературно-художественного произведения как сложного целого, предназначенного для освоения и адекватной интерпретации читателем.

Глава седьмая нашего коллективного исследования посвящена вопросам образования в сфере межкультурной коммуникации и сопряженных с данной академической дисциплиной психологических, лингводидактических, общепедагогических проблем.

Рассмотрение феноменов языка и личности осуществляется в терминах деятельностного подхода, применение которого занимает приоритетное место среди различных подходов к анализу. К области приложения деятельностного подхода можно также отнести вопросы формирования языковой картины мира, соотношения языковых и культурных феноменов, явлений концептуализации и категоризации в отношении языка и сознания, рассмотрение процессов семантической трансформации, дискурсивные аспекты межкультурной коммуникации и многие другие. Деятельностный подход предполагает обращение к сравнительно-сопоставительному изучению различных языков и культур с точки зрения общих и дифференциальных видов деятельности, он имеет важное инструментальное значение в исследовании явлений языка и речи.

Лингводидактическая модель овладения нормами межкультурного академического общения для конкретной ступени высшего образования разработана на основе анализа вербального и невербального поведения его участников в рамках выполнения определенной академической роли, с учетом особенностей социокультурного контекста. В основе развития данной области лингводидактического моделирования находится комплексный подход, включающий системный, аксиологический, проблемный, коммуникативно-деятельностный и социокультурный аспекты образовательного процесса.

Разработка уровневой модели обучения монологической речи осуществляется на материале аутентичных текстов с использованием интерактивных заданий в целях формирования у обучаемых умений выражать свое мнение, аргументировать свою позицию по отношению к высказываниям по ситуации или проблеме текста. В исследовании показана и обоснована связь монологической речи с другими видами речевой деятельности. Данная уровневая модель обучения монологической речи характеризуется эффективностью, отвечает требованиям по формированию и развитию языковой и межкультурной компетенций у обучаемых.

Тезис о соизучении языков и культур нашел свою реализацию в научных трудах и практической деятельности С.Г. Тер-Минасовой,

которая стала основоположником научной школы и способствовала закреплению статуса межкультурной коммуникации в качестве профиля профессиональной подготовки лингвистов. В данном издании представлена сопровождаемая практическим воплощением идея создания учебника английского языка, включающего значительный объем материалов, содержащих информацию о культуре народов мира, справедливо заслуживающей специального внимания в рамках иноязычного образования. В соответствии с программой учебной дисциплины «Иностранный язык» на неязыковых факультетах, наряду с достижением основной практической цели курс иностранного языка решает образовательные и воспитательные задачи, способствуя расширению кругозора студентов, повышению их общей культуры, воспитанию толерантности и уважения к духовным ценностям других народов, формированию межкультурной компетенции.

Как известно, современное языковое пространство представлено не только огромным количеством языков, но и еще большим количеством вариантов, признанных институциональными, т.е. письменно закрепленными в словарях, корпусах текстов и в устной традиции образованной части общества. В процессе преподавании английского языка студентам-востоковедам одной из целей является их ознакомление с явлением вариативности как тенденции развития современного английского языка, связанное с задачей развития навыков и умений понимания иноязычной речи на слух с учетом разных произносительных особенностей, обусловленных явлением интерференции. Знание культурного, географического и исторического своеобразия региона, в котором применяется английский язык, лежит в основе успешности процесса коммуникации.

Как известно, концепция деления культур на высоко- и низкоконтекстные была предложена американским антропологом Э. Холлом, который исследовал различия в коммуникации между представителями разных культурных социумов. Несмотря на тот факт, что каждая восточная культура обладает комплексом отличительных черт, на основе данной классификации можно выделить общие характеристики, объединяющие высококонтекстные восточные культуры. В то же время наряду с общими чертами высококонтекстных культур в каждой культуре имеется характерный набор ценностей и убеждений, которые отражаются в подходе её носителей к ведению деловых переговоров и бизнеса в целом. Иными словами, при сохранении английским языком роли универсального средства международного общения, значимым фактором является освоение культурного компонента в целях осуществления успешной деловой коммуникации.

Обучение иноязычному профессиональному общению также требует учета особенностей каждой культуры и развития интеркультурной компетенции. Как теоретические, так и практические аспекты обучения профессиональному общению на иностранном языке предполагают освоение культурных норм и ценностей, работу со специальным словарем,

отражающим культуроспецифические реалии, развитие навыков межкультурной адаптации, в том числе в ходе общения в деловой и профессиональной среде.

Роль личности как субъекта межкультурной коммуникации и развития образования требует специального исследовательского осмысления. Как уже отмечалось, межкультурное общение – процесс взаимодействия национальных, этнических, социальных и индивидуальных культур. В ходе культурных контактов осуществляется расширение создаваемого в различных культурах пространства знания. Примером активного участия в данном процессе может послужить личность португальского ученого XVIII века А. Рибейру Саншеса, врача, педагога и философа, который внес значительный вклад в формирование педагогической теории XVIII века, в том числе и в России.

Современное развитие общества выдвигает свои требования к образовательному процессу, неразрывно связанному с воспитательным, и определяет место учителя и ученика в нем. Важнейшая задача педагога – создание ситуации успеха для обучающихся, то есть постоянное оказание педагогической поддержки. Вместе с тем в различных лингвокультурах данный феномен имеет различные формы проявления, в том числе и на уровне языкового выражения. Изучение лингвистической составляющей в ходе многоуровневого сравнительно-сопоставительного анализа выявило как сходства, так и значительные различия в реализации феномена педагогической поддержки на уровне языковой репрезентации данного приема в русской и англоязычной лингвокультурах.

Таким образом, разнообразие подходов к представленным в настоящем издании областям анализа, непосредственно связанным с вопросами межкультурной коммуникации, позволяет констатировать тот факт, что данная область знания обладает высоким потенциалом и является исключительно актуальной в силу потребности общества в научном исследовании относящихся к ней феноменов, а также практического применения полученных результатов для осуществления эффективного межнационального общения. Общеметодологической предпосылкой настоящего исследования является тезис о неразрывной связи языка и культуры, получивший обоснояание и развитие в работах профессора Московского университета Светланы Григорьевны Тер-Минасовой.

ГЛАВА 1. ОТ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АНГЛИСТИКИ К ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1.1. СИНТАГМАТИКА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Широко известны работы С.Г. Тер-Минасовой в области изучения синтагматики речи. С.Г Тер-Минасова отмечает, что «под «общей синтагматикой» понимается учение обо всех вообще способах линейного соположения элементов в любом языке, независимо от того, носят данные соединения лексический (соположение морфем) или синтаксический (соположение слов) характер» [Тер-Минасова, 1989, с. 3]. В словаре лингвистических терминов содержится следующее определение синтагматики: «…анализ особых – синтагматических – отношений между знаками языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 447]. В процессе изучения синтаксической синтагматики в работах учёных кафедры английского языкознания Московского университета рассматривались вопросы атрибутивных синтагматических единиц, было предложено разделить такие словосочетания по пяти категориям, наиболее часто функционирующим в современной английской речи. В частности, были предложены такие категории, как категория коннотативности, категория репродуктивности, категория идиоматичности, категория концептуальной обусловленности, категория социолингвистической обусловленности.

В этой связи необходимо обратиться к работе А.И. Смирницкого, где исследователь впервые поставил вопрос о существовании четырёх видов синтаксической связи в английском языке, среди которых атрибутивная связь имеет особое значение [Смирницкий, 1957]. В условиях аналитического характера английского языка и особенностей построения английской речи данное явление рассматривается как теснейшая синтаксическая связь, объединяющая определение, которое может быть выражено разными частями речи – прилагательным, местоимением, наречием, существительным, глагольными формами, – и само определяемое слово. Для английского языка предельными, наименьшими синтаксическими единицами могут считаться слово и словосочетание атрибутивного характера, в котором элементы его составляющие, образуют единое синтаксическое целое, как единый, целостный член предложения.

В ходе дальнейших исследований учёные перешли на более высокий уровень анализа – текстологический, показав, что атрибутивные отношения характерны и для более сложных синтаксических единиц, как, например, в составе сложноподчинённого предложения, когда атрибутивные комплексы используются в качестве описывающих и ограничивающих единиц. В этом плане изучались просодические черты оформле-

ния таких комплексов в устной речи и их пунктуационное оформление в речи письменной, о чём подробно писала Е.Б. Яковлева [Яковлева, 1976].

Атрибутивные комплексы изучались также с точки зрения их роли в разных функциональных стилях. Вопрос о роли словосочетания в разных функциональных стилях был впервые поставлен в работах С.Г. Тер-Минасовой, которая указывала: «Важно установить, с одной стороны, как бы «присвоенность» определённых типов словосочетаний тем или иным функциональным стилям и, с другой стороны, возможность выделения функциональных стилей в зависимости от типа словосочетания» [Тер-Минасова, 1980, с. 134-135]. В работах С.Г. Тер-Минасовой много внимания уделяется тому, как функционируют атрибутивные словосочетания в художественной литературе, где ведущей является функция воздействия, а словосочетания являются важнейшей её частью. Так, например, известно, что в художественной литературе, направленной на создание стилистического эффекта и передачу эмоционально-эстетического содержания, категория коннотативности имеет определяющее значение, в научной прозе главная цель – передача информации научного характера, где терминология, особые черты, присущие определённому профессиональному дискурсу, играют ведущую роль, и, как подчёркивает С.Г. Тер-Минасова «функция сообщения – определяет основные свойства терминов: однозначность, передачу интеллективной информации» [Тер-Минасова, 1980, с. 155].

В дальнейшем изучение словосочетаний, в частности, атрибутивных, было продолжено в школе Московского университета и распространилось на более сложные атрибутивные комплексы, которые широко представлены в английской речи. Для иллюстрации вышеизложенного обратимся к анализу рассказа Дж. Джойса An *Encounter (Встреча),* а также ещё одного рассказа того же автора *The Sisters (Сёстры).* Известный исследователь зарубежной литературы В.М. Толмачев относит Джойса к символистам и считает *символизм* главным литературным событием Ирландии XIX–XX вв. [Толмачев, 2023] Можно отметить довольно тесную связь между этими двумя рассказами, данное положение комментируется в издании У. Тинделла [Tindall, Will, 1959, p. 17-19].

Начнём с рассмотрения более простых случаев – использования слов и словосочетаний. В рассказе «Встреча» отчётливо прослеживается связь с предшествующим рассказом, что можно проиллюстрировать следующим высказыванием: “The boys’ journey to the Pigeon House has been interpreted as a futile quest for Ireland’s Church, like the visit to the bazaar “Araby,” and the pervert they encounter has been taken as a counterpart to Father Flynn in “The Sisters,” где проявляются атрибутивные отношения. В случае *‘an old* ***tea-cosy*** *on his head’* мы сохранили авторское написание этого сложного слова, сейчас оно пишется раздельно, a tea cosy or a tea warmer. Сам предмет – деталь быта, которая помещает читателя в атмосферу происходящего; здесь данная деталь используется для характеристики человека и маркирована социолингвистически – мальчик имитирует

тюрбан с помощью чайной бабы. Вместе с тем помимо прямого значения деталь имеет еще и значение символическое, которое раскрывается через сложноподчиненное предложение, состоящее из нескольких несколько частей: *“Everyone was incredulous when it was reported that he had a vocation for the priesthood.”*

В следующем примере: “I’m surprised at boys like you, educated, reading such stuff. I could understand it if you were ... National School boys.” – противопоставляются словосочетания educated boys vs National School boys – второе является именно сложным словом за счет объединяющего ударения (это считывается и по тексту, и обнаруживается в аудиокнигах). Многоточие перед словом маркирует именно его негативную коннотацию. А в примере: ‘the weariness of school-life’ – используется достаточно часто употребляемое словосочетание (сейчас пишется раздельно), выполняющее, прежде всего коммуникативную функцию, так же, как и словосочетание 'business people’ в следующем случае: ‘the docile horses pulling a **tramload** of **business people** up the hill’. Tramload – типичная для английского языка модель словообразования (tramload, spoonful, etc.), но слово индивидуальное, и здесь появляется дополнительная коннотация.

Интересен пример языковой игры раннего Джойса в случае сложного слова нестойкого типа (unstable compound) при использовании атрибутивной конструкции ‘vacation time’, входящей в состав парентетического внесения: “Night after night I had passed the house (it was vacation time) and studied the lighted square of window: and night after night I had found it lighted in the same way, faintly and evenly”. В «Сёстрах» образование ‘vacation time’, характеризуется наличием объединяющего ударения на первом компоненте и обусловлено социолингвистически: близость звучания слов vacation и vocation очерчивает круг проблем рассказа уже в первом абзаце. Иными словами, тематика «Дублинцев» и лингвистические методы автора задаются в самом первом рассказе сборника.

Рассмотрим несколько примеров использования более сложных синтаксических атрибутивных образований. Так, в следующем случае: *“But, however well we fought, we never won siege or battle and all our bouts ended with **Joe Dillon’s war dance of victory**.”* используется определение, выраженное формой притяжательного падежа (Possessive Case) + сложное слово нестойкого типа (социолингвистически обусловленное) + ограничивающее определение через предлог. А в предложении *“His parents went to **eight-o’clock mass** every morning in **Gardiner Street** and **the peaceful odour of Mrs Dillon** was prevalent in the hall of the house.”* ‘Eight-o’clock mass’ – определение, выраженное прилагательным, – в препозиции. ‘Gardiner Street’ рассматривается как сложное слово (в своих выступлениях профессор С. Гринбаум, указывал, что с названиями улиц в некоторых случаях присутствует объединяющее ударение, в некоторых – отсутствует, но традиционно они считаются сложными словами). ‘The peaceful odour of Mrs Dillon’ – у описывающего определения яркая коннотация (метафорический перенос) свидетельствует о ярко выраженной категории индивидуальности.

В следующем случае наблюдается типичная для Джойса структура предложения: *‘**A spirit of unruliness** diffused itself among us and, under its influence**, differences of culture and constitution** were waived.”* Предложение основано на бинарности (в одном сложносочиненном предложении сопряжены два простых предложения, каждое подлежащее которых обладает схожей структурой: something of something тип ограничивающего определения, причем, во втором предложении однородные определения также передают двоичность). Помимо экспрессивной функции в данном случае наблюдается очевидная коммуникативно-прагматическая направленность рассматриваемой конструкции, используемой в целях наиболее оптимального способа передачи информации.

“*The Apache Chief*! Is this what you read instead of studying **your Roman History**?” В этом случае высокая экспрессивность проявляется в употреблении притяжательного местоимения в словосочетании ‘your Roman History’.

Далее рассмотрим несколько случаев использования безглагольных придаточных конструкций: *“He and his **fat young brother Leo**, the idler, held the loft of the stable while we tried to carry it by storm; or we fought a pitched battle on the grass.”* В данном случае: ‘The idler’ – приложение, происходит конверсия прилагательного (что маркируется определенным артиклем). В другом примере: *“The adventures related in **the literature of the Wild West** were remote from my nature but, at least, they opened **doors of escape**,”* – используется ограничивающая конструкция.

Как уже говорилось, на уровне большого синтаксиса рассматриваются как полные, так и сокращённые, выраженные причастными оборотами или безглагольными конструкциями придаточные предложения, поскольку они «…являются синтаксическими синонимами придаточных предложений с личными формами сказуемого» [Ахманова, 1969, с. 354-355]. Близость структур придаточных и атрибутивной и предикативной функции в постпозиции к существительному чётко отражается в параллельных синтаксических конструкциях: There he lay, solemn and copious, vested as for the altar, his large hands loosely retaining a chalice. His face was very truculent, grey and massive, with black cavernous nostrils and circled by a scanty white fur. В данном случае в «Сёстрах» экспрессивность в контексте задаётся именно синтаксическими структурами, а не семантикой слов.

Рассмотрим несколько случаев использования глагольных атрибутивных придаточных:*“It was Joe Dillon **who** introduced **the Wild West** to us.”*Во-первых, следует отметить, что в данном случае автор использует разделённую структуру предложения, то, что в английской терминологии получило название cleft sentences, когда усилительная конструкция находится в начальной позиции, привлекая внимание читателя, и, конечно, обладая высокой степенью экспрессивности. Языковая единица ‘the Wild West’ социолингвистически обусловлена (использован топоним, в связи с чем имя собственное обрастает дополнительными коннотациями). Идея

встречи (название рассказа) реализуется уже в первом предложении – в форме встречи с Диким Западом – хотя этим значением и не исчерпывается. Специфическая синтаксическая организация предложения сразу помещает в среду рассказа, местоимение who и атрибутивное предложение с ним встречается в самом начале рассказа. Это местоимение вообще играет важную роль в рассказе, становясь практически текстообразующим, поскольку связь местоимения who и фокуса идеи «встречи» осуществляется в отношении субъекта действия.

Ещё один пример: *"We banded ourselves together, some boldly, some in jest and some almost in fear: and of the number of these latter, the reluctant Indians **who** were afraid to seem studious or lacking in robustness, I was one."* В данном случае использовано ограничивающее придаточное предложение в составе парентетического внесения после определяемого слова, что типично для стилистики Джойса.

Следует отметить, что у Джойса придаточные с which важны для описания местности и деталей. Связь ограничивающая, очень тесная, нет пауз перед местоимением: "I sat up on the coping of the bridge admiring my frail canvas shoes **which** I had diligently pipeclayed overnight and watching the docile horses pulling a tramload of business people up the hill. All the branches of the tall trees **which** lined the mall were gay with little light green leaves and the sunlight slanted through them on to the water. The granite stone of the bridge was beginning to be warm and I began to pat it with my hands in time to an air in my head. I was very happy."

В следующем примере использование описывающего придаточного предложения имеет существенное значение для понимания дополнительных оттенков смысла не только во внешней речи, но, возможно, и во внутренней речи, к парентетическому внесению: "I objected that the boys were too small and so we walked on, the ragged troop screaming after us: "Swaddlers! Swaddlers!" thinking that we were Protestants because Mahony, **who** was dark-complexioned, wore the silver badge of a cricket club in his cap." В данном случае следует обратиться к работе М.М. Филипповой, которая отмечает, что та информация, которая содержится в придаточном предложении, часто имеет добавочный, уточняющий характер, приближаясь, таким образом, по своим функциям к парентезам. В этом плане, наиболее показательны именно атрибутивные придаточные описывающего типа, в меньшей степени такая функция характерна для ограничивающих придаточных атрибутивных, которые находятся в более тесной связи с тем членом главного предложения, к которому они относятся [Филиппова, 2004, с. 14] Данное положение ещё раз подтверждает текстологическое значение атрибутивных конструкций, которые являются важным элементом создания когерентности текста и в то же время средством введения разнообразной, достаточно важной информации, без которой текст мог бы лишиться важнейших сведений для читателя. В целом, можно отметить, что в произведениях Дж. Джойса описывающих придаточных определительных гораздо меньше, чем ограничивающих. В то же время, именно

описывающие придаточные атрибутивные обладают большей экспрессивностью по сравнению с ограничивающими. Также можно отметить, что в своих произведениях автор весьма своеобразно пользуется знаками препинания. И хотя уже проводились исследования в этой области (в книге О.В. Александровой исследовалась пунктуация в романе «Улисс»), данный вопрос заслуживает внимания и дальнейшего изучения.

Проведённая работа в области исследования атрибутивных отношений, осуществлённая С.Г. Тер-Минасовой, её учениками, учёными кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, продемонстрировала роль понимания закономерностей функционирования атрибутивных комплексов в английском языке. Уже на ранних этапах изучение атрибутивности выявило сложность и многогранность этой важной части изучения английского языка не только в синхронии, но и в диахронии, на всех сложных этапах развития науки о языке в его разных функциях и категориях.

Обращаясь к работам С.Г. Тер-Минасовой, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что «большое значение также имеет вывод о необходимости собственно филологического анализа языкового материала, предполагающего изучение словосочетания не как части предложения, а с точки зрения его функций в словесной ткани художественной речи, т.е. как элемента словесно-художественного творчества» [Тер-Минасова, 1980, с. 199].

В условиях бурного развития когнитивно-дискурсивной парадигмы в изучении языка и благодаря всё возрастающему интересу к антропоцентрическим аспектам построение речи, её особенностям в плане реализации таких важнейших функций языка, как коммуникативная и когнитивная, лингвистические исследования в области синтагматики приобретают еще большую значимость.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М: Советская энциклопедия, 1968. 607с.
2. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. 210 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М: Совет-я энциклопедия, 1990. 683 с.
4. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М: Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. 286 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика. М.: Изд-во Московского университета, 1980. 199 с.
6. Толмачёв В.М. Символизм. Ирландия. 2023. Режим доступа: https://istina.msu.ru/publications/article/631910118/ (дата обращения 03.04.2024)
7. Филиппова М.М. Синтаксис придаточного предложения: функционально-коммуникативные аспекты. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2004. 134 с.
8. Яковлева Е.Б. Просодия атрибутивной синтагматики в современном английском языке: дисс… канд. филол. наук. Москва, 1976. 127с.
9. Tindale W. A Readers Guide to James Joyce. New York 1903-1981. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.124372/mode/2up?view=theater (accessed: 12.05.2024)

1.2. ТРАНСТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Транстерминологизация, сущность которой заключается в использовании готового термина в новой области профессиональной или научной деятельности, сопровождающемся процессами полного или частичного переосмысливания и трансформации в направлении создания межотраслевого омонима, выступает как один из способов расширения и пополнения терминологических систем. Например, одной из основных особенностей терминосистемы англоязычного киноведения является ее взаимодействие с терминологическими системами других областей знания, что приводит к межсистемному заимствованию терминов. Д.С. Лотте был одним из первых учёных, описавших это явление. По его словам, «исходным шагом для построения нового термина, как известно, может служить (и чаще всего служит) не только обычное слово, но и слово, применяемое уже в качестве термина в какой-либо системе терминологии» [Лотте, 1961, с. 37].

Проблема транстерминологизации вызывает неослабевающий интерес в лингвистических кругах [Даниленко, 1977; Ермакова, 2018; Милюк, 2004; Рыженкова, 2001]. В.П. Даниленко определяет данное явление как «вторичная терминологизация» [Даниленко, 1977, с. 41]. А.В. Суперанская, Н.В. Подольская и Н.В. Васильева отмечают тот факт, что «термин одной области знаний может быть подтвержден переосмыслению и войти в терминосистему другой науки. Такой процесс можно назвать транстерминологизацией» [Суперанская и др., 2012, с. 203]. Исследователи подчеркивают, что транстерминологизация является наиболее распространенной причиной межсистемной омонимии.

Транстерминологизация обусловлена множеством факторов, решающими из которых являются интеграция знаний и взаимодействие различных профессиональных сфер. Это один из наиболее продуктивных способов терминообразования в терминологии киноведения ввиду синтетической природы искусства кино. Анализ процесса терминообразования в терминологической системе киноведения показал, что свыше 25% терминов заимствовано из других областей знаний. Как видно из таблицы 1, основными источниками транстерминологизации, пополняющими терминосистему киноведения являются терминологии театроведения, литературоведения, физики, психоанализа, семиотики и структурализма, искусствоведения.

Таблица 1. Источники пополнения терминологической системы англоязычного киноведения (процентное соотношение)

Theatre Studies	25% – cast, audience, performance, scenery, musical
Literary Criticism	18% – conflict, mimesis, plot, metaphor, narrative
Physics	11% – aperture, diaphragm, focus, exposure
Psychoanalysis	10% – lack, desire, mirror phase, Imaginary, Symbolic
Semiotics and Structuralism	9% – icon, index, symbol, signifier, signified, code
Art Criticism (Painting)	7% – chiaroscuro, composition, perspective, collage
Aesthetics	4% – style, canon

Economics	4% – marketing, production, distribution
Chemistry	3% – celluloid, cellulose nitrate, emulsion
Computer Technology	3% – digital cinema, DVD, high definition
Music	2% – score, leitmotif
Sociology	2% – reception, experience
Other	2% – copyright (Law), crane (Engineering)

М.Н. Володина пишет, что: «Выделяют два этапа в процессе терминологической номинации: «стихийный» (становление какой-либо научной области) и «системный» (высокий уровень развития данной области)» [Володина, 1997, с. 27]. Известно, что в начале XX века теория кино не имела ни своей концептуальной основы, ни собственной сформировавшейся терминологической системы. Ученым и кинематографистам приходилось использовать концепции и термины других дисциплин. Эти заимствования были стихийными и во многом бессистемными. Тем не менее, постепенно с развитием киноведения как особой области знания развивалась и его терминологическая система. По мнению В.С. Соколова, «фундаментальные понятия первых киноконцепций заложены в традиционно искусствоведческих терминах на основе эмпирической фиксации изобразительно-композиционных признаков кино как искусства» [Соколов, 2010, с. 14].

Иными словами, такие дисциплины как литературоведение, театроведение, искусствоведение и их концептуальные системы выступали моделями киноведения, «примерами» постановки и решения его проблем: «В разные периоды развития киноведения действует парадигма, то есть модели постановки и решения проблем в киноведении, задачи: общая эстетика, различные дисциплины искусствознания, в первую очередь литературоведение, в перспективе – лингвистика, семиотика, социология, психология…» [Там же]. На «стихийном этапе» терминологической номинации эти парадигмы помогли соотнести кино с другими видами искусства, выделив их общие черты. Различные статьи о кино, наполненные терминами литературной критики, театроведения и художественной критики, способствовали восприятию новой среды как искусства, а не просто развлечения.

Особую роль в процессе формирования концептуальной базы и развития терминологии киноведческой области сыграла терминологическая система литературоведения. В то время как влияние терминологии театроведения заметно в сфере кинопроизводства и кинопоказа, терминология литературоведения оказала большое влияние на терминологию теории кино и кинокритики. По данным исследования, на терминосистему литературоведения приходится свыше 18% междисциплинарных заимствований. Например, из терминологии литературной критики заимствована лексико-тематическая группа «тропы и фигуры речи». Согласно “A Dictionary of Film Studies”, в него входят такие термины как metaphor metonymy, synecdoche, allegory, allusion, hyperbole, irony. В то же время в литературной критике эта группа гораздо объемнее и включает

такие термины, как pun, antomasia, rhetorical question, hypophora и многие другие. Данную ситуацию можно объяснить тем фактом, что не все образы могут быть выражены собственно кинематографическими средствами.

Анализ определений данных терминов и их транстермов показал, что их значения изменились очень мало, сохранив целостную сему и приобретя иную дифференциальную сему, например: **synechdoche** – a figure of speech (a kind of metonymy) in which a part represents the whole (e.g., when employees are referred to as hired “hands”) or a whole represents a part (e.g., when athletes are referred to by the name of their country in Olympic competition). In film, these concepts and terms can be applied, in the first instance, to a close-up of the turning wheels of a train, which suggests to us the entire vehicle or, in the second, to a shot of a marching army, which represents for us the movements of an individual soldier [Konigsberg, 1989, p. 368]; **synechdoche** A common figure of speech (or trope) by which something is referred to indirectly, either by naming only some part or constituent of it (e.g. *hands* for manual labourers) or – less often – by naming some more comprehensive entity of which it is a part (e.g. *the law* for a police officer). Usually regarded as a special kind of metonymy, synechdoche occurs frequently in political journalism <…> and sports commentary <…>, but also has literary uses like Dikens’s habitual play with bodily parts: the character of Mrs. Merdle in Little Dorrit is referred to as ‘the Bosom’ [Baldick, 2008, p. 329].

Таким образом, оба определения содержат описание тех же основных характеристик понятия, составляющих целостную сему значения («фигура речи», «вид метонимии», «часть представляет целое», «целое представляет часть»). Дифференциальные семы выражаются отсылками к использованию синекдохи в кино и литературе соответственно. Данный тип изменения смысла определяется как семантический сдвиг. Это явление описали многие учёные (Е.А. Сорокина, М.Н. Лапшина, А.В. Милюк, Т.В. Рыженкова и другие). По мнению М.Н. Лапшиной, процесс смещения обусловлен действием как логического механизма, так и ассоциативного механизма, что является близким по своей сути к метафоре [Лапшина, 1996]. В.Г. Гак отмечает универсальный характер языковых преобразований и широкие возможности их применения в сфере наименовании понятий [Гак, 2010]. В ходе преобразований возможен переход внутри общего родового понятия от одного видового понятия к другому. Если специализация и расширение значения основаны на гиперо-гипонимических отношениях, то сдвиг значения основан на аналогии и не предполагает изменения семантического объема лексемы. Таким образом, отношения между термином литературной критики “**synechdoche**” и транстермом “**synechdoche”** аналогичны отношениям между двумя конкретными терминами.

Литература и литературоведение во многом повлияли на кино и киноведение, в то же время бессистемный характер заимствований свидетельствует о явных различиях между литературным произведением и фильмом. Очевидно, что не все литературные концепции применимы к кино. Так, например, кино не унаследовало разделение на лирическое,

повествовательное и драматическое, но «позаимствовало» различие между художественным и документальным в своем разделении на игровое и документальное кино.

Жанровая система нашла свою интерпретацию и в сфере кино. Лексико-тематическая группа терминов, обозначающих жанры, частично заимствована в терминологию киноведения. Хотя литература имеет широкую жанровую систему, лишь небольшая часть терминов, обозначающих жанры, вошла в терминологию киноведения, например: romantic comedy, drama, epic, science fiction, romance, travelogue, thriller, detective, adventure, biography. Их значения менялись в большей или меньшей степени в зависимости от того, как трансформировался жанр в новой среде. Так, например, термин **science fiction**, который впервые начал использоваться в американском журнале «*Amazing Stories*» в 1926 году в связи с кино, используется с начала 1930-х годов. Сравнение определений термина и транстерма «**science fiction**» выявило, что их значения имеют одну и ту же сему «conflict between science and the man» и различающиеся семы ‘time travel’, ‘extraterrestrial invasion’, ‘ecological catastrophe’, ‘intelligent non-human beings’, ‘portrayal of futuristic world’, ‘utopian and apocalyptic motifs’. Смена значения отражена в части определения транстерма: «…created in cinema through distinctive iconographies, images, and sounds often produced by means of special effects and technology» [Kuhn, Westwell, 2012, p. 359-360]. Следовательно, разница в значениях заключается в различии литературных и кинематографических выразительных средств и инструментов.

Сюжетная терминология кино сформировалась также посредством заимствования литературных терминов, например: protagonist, antagonist, character, inner conflict, plot, story и т. д. Как уже отмечалось выше, терминологическая система театроведения оказала существенное влияние на терминологию кинопроизводства. Так, 25% всех транстермов заимствовано из терминологической системы театроведения. Транстермы можно разделить на четыре основные группы:

- people (crew, cast, director, actor, star, etc.)
- iconography (scenery, setting, set, mise-en-scene, costume, lighting, spotlight, stage, etc.)
- acting (script, line, scene, acting strategy, Stanislavski method, improvisation, ingenue, part, role, speaking part, cameo role, character part, etc.)
- film exhibition (audience, spectatorship, credits, premiere, etc.).

Большинство этих терминов широко используются в общелитературном языке. Как утверждает А.В. Милюк, «очень часто на способность термина к транстерминологизации влияет степень его освоенности общелитературным языком» [Милюк, 2004, с. 103]. Большинство терминов, заимствованных из театроведческой терминологии, претерпели смену значения и в терминологии киноведения обозначают объекты и понятия, аналогичные театроведческим.

Например, термин **mise-en-scene** и его транстерм имеют схожие значения:

mise-en-scene – <…> the term refers to painted scenery, scenic effects, stage pieces, and properties. But it has a more expansive meaning, signifying not only the stage setting but also lighting, costuming, and all other related aspects of the spatial and temporal order of a theatrical performance. In this more comprehensive meaning, mise-en-scene refers to what happens in the spatio-temporal continuum, including the actions and movements of all the performers (actors, singers, or dancers) [Kennedy, 2011, p. 396].

mise-en-scene – <…> in cinema, the contents of the film frame, including elements of the profilmic event such as performers, settings, costumes, and props. Mise-en-scene also refers more broadly to what the viewer actually sees on the screen (lighting, colour, composition, and iconographic aspects of the cinematic image, for example); and also to the relationship between onscreen and offscreen space created by the framing of the image and by camera movement [Kuhn, Westwell, 2012, p. 268]. Оба термина имеют два значения: первое значение относится к объектам на сцене и элементам кадра соответственно, а второе, более комплексное, предполагает совокупность решений и элементов, призванных создать целостный образ. Несмотря на то, что транстерм имеет и дополнительную сему, выражающую соотношение экранного и закадрового пространства, значения обоих терминов имеют примерно одинаковую семантическую нагрузку и относятся к аналогичным явлениям.

Одним из исключений из этой тенденции является термин **scenery**. История его появления крайне интересна. Согласно *The Oxford English Dictionary*, слово общелитературного языка **scenery** произошло от слова **scene** в середине XVIII века. Его первоначальный смысл был таков: «1. “1. Dramatic action; a moving exhibition of feeling”. В 1774 г. было зарегистрировано новое значение: «2. The decoration of a theatre-stage, consisting of painted hangings, slides, etc., representing the scene of the action”. Оно употреблялось в следующем контексте: “It is said that the scenery only, which has been painted on purpose for the *Maid of the Oaks*, cost 1500”. Примерно в то же время это слово стало использоваться в переносном смысле, как, например, в следующем предложении: «“Went .. to the Romish chapel .. The scenery and the music are so calculated to take in mankind, that I wonder the Reformation ever succeeded”. В конце XVIII века появилось еще одно значение: «3. The general appearance of a place and its natural features, regarded from the picturesque point of view». В начале XIX века **scenery** определялся как: «4. A landscape or view; a picturesque scene; also, the pictorial representation of a landscape”, e.g.: “Beautiful Indian sceneries from the skillful hand and unsophisticated pallet of this worthy academician» [The Oxford English Dictionary, 1989].

В начале XX века термин **scenery** был заимствован в терминологию кино. Согласно *The Complete Film Dictionary*, оно имеет следующие значения:

scenery – 1) the combination of elements, both natural and artificially made, that gives the out-of-doors background to a scene its particular characteristics. 2) The out-of-doors background to a scene. 3) The artificially constructed sets used as a background for a scene [Konigsberg, 1989, p. 302].

В терминологии театроведения данный термин имеет только одно значение: **scenery –** elements which make up stage set, particularly those made of wood and canvas [Haggar, 1962, p. 1110]. Таким образом, на формирование семантики транстерма повлияли предыдущие производные от театрального термина **scenery.** Третье его значение наиболее близко к значению термина из области театроведения. Кроме того, у него появилось два новых значения, в которых были выражены понятия природы, ландшафта и пребывания на открытом воздухе.

Наряду с другими терминами лексико-тематическая группа «жанры» частично заимствована киноведческой терминологией. Оно включает в себя термины **comedy, commedia dell'arte**, **slapstick, drama, melodrama, sentimental drama, society drama, costume drama**; **serial play; musical** и т.д.

Терминология искусствоведения оказала менее глубокое влияние на развитие терминологии киноведения. Транстерминологизация в этой сфере характеризуется заимствованием отдельных терминов. Например, термин **chiaroscuro** широко используется в киноведении. Этот транстерм также был получен посредством сдвига значения:

chiaroscuro – strong contrasts of light and shade in a painting [Haggar, 1962, p. 1110].

chiaroscuro – a painting term used frequently to describe a type of motion-picture imagery in black-and-white and color films where the pictorial representations are rendered in terms of light and shade [Beaver, 1994, p. 58-59].

Таким образом, анализ терминов, заимствованных в терминологическую систему киноведения из терминологических систем литературоведения, театроведения и искусствоведения, показал, что, хотя и прослеживаются определенные тенденции транстерминологизации (например, заимствования тематических групп), но, в целом, транстерминологизация была во многом бессистемной и непоследовательной. Такое несоответствие можно объяснить ранним этапом развития терминологии киноведения в период транстерминологизации. Наиболее распространенной моделью транстеминологизации в этих сферах является семантический сдвиг.

Транстерминологизация имеет место и тогда, когда киноведение принимает подход, разработанный другой дисциплиной, как в случае с киносемиотикой, киноструктурализмом, психоаналитической теорией кино, когнитивной теорией кино и т.д. В этом случае вместе с подходом заимствуется и применяется система терминов. Такая практика довольно распространена – например, 10% транстермов взято из терминологии психоанализа, 9% заимствовано из семиотики и структурализма. Транстерминологизация в этих сферах имела место преимущественно в 1960-1970-е годы и носила более системный характер, чем тогда, когда заимствовались термины из литературоведения, театроведения и искусствоведения, поскольку, во-первых, были заимствованы целые системы терминов, а во-вторых, понятийная система киноведения к тому времени уже сформировалась.

Вместе с тем следует отметить, что новаторские работы в этих сферах (за исключением когнитивизма) не были проведены английскими или американскими учёными – поэтому первоначальный процесс транстерминологизации в английском языке не произошёл. Например, семиотический подход был применен к киноведению французскими учеными. Согласно *A Dictionary of Film Studies*, “In the 1950s Roland Barthes pioneered the use of theories by Saussure and C.S. Peirce in the analysis of popular culture but it was not until the 1960s that attempts at a systematic understanding of how cinema works as a sign system <…> began. One of the most influential theorists of cinesemiotics was Christian Metz» [Kuhn, Westwell, 2012, p. 366]. Так, французские учёные Ролан Барт и Кристиан Мец первыми внедрили семиотические термины и использовали их в киноанализе. А по мере того как работы Меца набирали популярность, обсуждались, ссылались и критиковались английскими учеными, в английском языке последовал «калькирующий» процесс заимствования: термины семиотики (которые уже функционировали в английской терминологии лингвистики) были заимствованы в терминологию киноведения.

Анализ определений терминов семиотики и соответствующих транстермов показал, что чаще всего они связаны между собой гипергипонимическими отношениями. Например, одно из основных понятий семиотики **code/codes** определяется как: “a set of conventions that enable meanings, messages, and signs to be constructed (or encoded), communicated, and decoded: messages may take the form of spoken or written language, facial expressions, visual images, etc.” [Martin, Ringham, 2000, p. 34]. Данный термин применил к анализу фильмов Кристиан Мец, который различал два типа кодов. Он утверждал, что, как выразились авторы *A Dictionary of Film Studies*, “some codes are peculiar to the medium while others are not. The former, which he named cinematic codes, include editing, camera movement, and lighting. The latter, filmic codes, might include, for example, costume, gesture, dialogue, and characterization, all of which operate not just in cinema but in other cultural forms and media as well” [Kuhn, Westwell, 2012, p. 85]. Ученый использовал этот термин в киноведении в более узком смысле, конкретизируя два типа кодов, и ограничивал сферу их функционирования в области искусства. Он провел дальнейшее различие между кинематографическими кодами и субкодами – “choices made within a cinematic code: for example, within editing, a long take, say, as opposed to rapid montage” [Kuhn, Westwell, 2012, p. 85].

Следует отметить, что значения транстермов зависят и от взглядов ученых, которые ввели их в теорию киноискусства. Общеизвестно, что многие ученые по-своему интерпретируют существующие термины или создают новые подходы, используя уже существующие термины. Более того, понятия и термины не перестают развиваться даже после закрепления в терминологической системе. Таким образом, хотя концептуальная основа киносемиотики была заимствована из семиотических и структурных теорий Соссюра и Пирса, с тех пор она развилась в самостоятельную

систему – или, скорее, в несколько независимых систем, разработанных отдельными учеными. Так, например, Кристиан Мец разработал несколько теорий киносемиотики: теорию большой синтагматики, теорию, фокусирующуюся на понятии кодов, и теорию воображаемого означающего, которую он основал на психоаналитической теории Лакана.

Таким же образом психоаналитические теории Фрейда и Лакана заложили основы как минимум трех основных подходов в психоаналитической теории кино: теория аппарата; метапсихология или психодинамика участия в кино, а также «симптоматическое чтение» фильмов. Они также оказали влияние на формирование феминистской теории кино и идеологической критики. В данных подходах часто используются одни и те же термины, заимствованные из психоанализа, в разных значениях. Например, термин **desire**, введенный в психоанализ Жаком Лаканом, в киноведении приобрел ряд значений: **desire** – the identification of a want, the fulfilment of which it is believed will bring happiness. <…>.

In psychoanalytic film theory (apparatus and subject-position theories in particular), the spectator's subjectivity is regarded as inherently desiring: desire is built into the cinematic apparatus; and voyeurism is a perfect engine of desire because it is so clearly shaped by lack. <…>

In some areas of feminist film theory, desire is seen as inherent in classical Hollywood narrative: hence the feminist critique of the drive towards resolution in the 'happy ending'. <…>

In other areas of film study, desire references nostalgia for, or a wish to regain, a shared sense of community, as in the Heimat film, for example. <…>

In its everyday sense it can reference themes of films and genres whose stories centre on characters' longings and quests for love and attachment – romance and melodrama, say» [Kuhn, Westwell, 2012, p. 115]. Разные аспекты лакановского понятия **desire** проявляются в разных значениях этой лексической единицы. В жанре фильма «Heimat» желание не сексуально, если оно связано с романтикой и мелодрамой, **desire** также может подразумевать сознательное стремление. Более того, по мнению Жака Лакана, "desire is neither the appetite for satisfation, nor the demand for love, but the difference that results from the subtraction of the first from the second" [Op.cit.].

Таким образом, заимствование терминов из таких дисциплин, как семиотика, психоанализ и когнитивизм, с заимствованием подходов и методов анализа, применяемых в этих дисциплинах, как правило, сопровождается специализацией значения. Однако по мере того, как теоретики кино разрабатывают свои собственные подходы, идеи и теории, значения терминов могут в значительной степени изменяться. Терминологию киноведения можно изучать с точки зрения теории Г. Лакоффа и М. Джонсона, которые считают, что метафора является фундаментальным механизмом мышления и что метафоры управляют тем, как мы понимаем и структурируем реальность.

Кинотермины и язык теории кино и кинокритики свидетельствуют о попытках людей постичь и классифицировать кино, используя свой опыт

общения с такими видами искусства, как литература, живопись и театр. Таким образом возникли следующие метафорические понятия: фильм – это книга. Проявление этого метафорического понятия проявилось в теориях и методах структурализма и семиотики, которые рассматривали фильм как текст в том смысле, что он представляет собой «созвездие» смыслов. Однако метафора «фильм — это текст» или «фильм — это книга» существовала и вне этих теорий, поскольку термин **film text** широко использовался в киноанализе наряду с термином **film language,** а также выражения, широко используемые в кинокритике и рецензировании: «read a film, the film tells a story», как например: «The notion of each genre evoking a 'world', a particular configuration of 'fictional reality' <…> is useful if regarded as a background mental set which **readers of genre cinema** bring to the individual film»; "The audience for the films of Michelangelo Antonioni and Ingmar Bergman require a **reading-context** no less than the audience for the films of John Ford and Sam Peckinpah"; "Pisters makes an immense effort to bring across her idea of an all-embracing neuro-image that she perceives in many filmic **texts**"; "*Constantine* **tells the story** of irreverent supernatural detective John Constantine, who has literally been to hell and back"

"*Constantine* **tells the story** of irreverent supernatural detective John Constantine, who has literally been to hell and back" [Hill, Gibson, 1998, p. 336].

Метафора «фильм – это картина» лежит в основе терминов **moving pictures, motion picture** и выражений **to see a film, the film portrays**. Более того, восприятие фильма как картины определило терминологизацию слова «кадр», связанного с живописью. В киноведении **frame** можно определить следующим образом: **frame** – each individual photograph recorded on motion-picture celluloid [Beaver, 1994, p. 142]. В результате метонимической передачи значения (т.е. синекдохи) термин стал обозначать не конструкцию вокруг картины, а саму картину.

Сравнение фильма с литературой и живописью стало актуальным вопросом для критиков в связи с развитием классического голливудского кино – совокупности картин, «made under the Hollywood studio system between approximately 1916 and 1960, and defined by certain recurrent features of narrative, narration and visual style [Kuhn, Westwell, 2012, p. 83]. Поскольку в этих фильмах основной целью являлась какая-либо история, а многие из этих фильмов были адаптациями литературных произведений, голливудское кино подвергалось критике за имитацию литературы. Для европейского кино того времени (особенно французского импрессионизма и немецкого экспрессионизма), напротив, характерны эксперименты с освещением, композицией, размещением камеры и приемами монтажа. Поэтому бытовало мнение, что искусство кино похоже на искусство живописи. Кстати, принятие термина **studio– an artist's workplace** – кинокомпаниями США было направлено на то, чтобы представить процесс производства фильмов как привилегию, повышающую престиж голливудских режиссеров и продюсеров. Таким образом, в контексте сравнения голли-

вудского и европейского кино метафора *фильм — книга* приобрела пейоративную (негативную, отрицательную) коннотацию, а метафора *фильм — картина*— амелиоративную, то есть характеризуемую приобретением положительных характеристик на фоне или вместо отрицательных.

В то время как аналогия между фильмом и живописью побуждала первых критиков и кинозрителей серьезно относиться к новому виду искусства и осознавать его потенциал, восприятие кино как «второго театра» – *фильм – это пьеса* – как и его сравнение с повествованием, отражает определенное нежелание делать это. Это можно проиллюстрировать на примере термина **canned drama**: **canned drama** – a term used by early film critics to describe a motion picture. Many turn-of-the-century critics, unable to recognize the unique qualities of the cinema, employed terms and standards taken from the theatre. Because early short film narratives also often resembled stage plays, yet were permanently recorded on celluloid, they were frequently referred to as ‘canned drama” [Beaver, 1994, p. 53].

Выражение **canned drama** появилось благодаря тому факту, что после завершения фильма его хранят в специальной емкости. Более того, **canned** подразумевает «консервированный», «неаутентичный», «не свежий». Таким образом, этот термин имеет уничижительный оттенок, который показывает недоверие некоторых критиков к кино. Восприятие фильма как пьесы укрепилось, когда в первом десятилетии XX века пьесы начали снимать в больших количествах. Названия **photoplay**, **picture play, photo drama** возникли для выражения драматического характера фильма. Многие критики и кинематографисты считали массовую съемку спектаклей шагом назад в развитии кино. Так, один из первых теоретиков кино, психолог Гуго Мюнстерберг, писал в 1916 году: “Just as the graphophone can multiply without limit the music of the concert hall, the singer, and the orchestra, so, it seemed, would the photoplay reproduce the theater performance without end” [Munsterberg, 1916, p. 57]. Однако писать о кино в театральном и литературном плане не обязательно означало негативное отношение. Как уже отмечалось, заимствование терминов литературоведения и театроведения способствовало повышению статуса фильма как искусства.

В итоге можно заключить, что анализируемые метафорические концепции отражают стремление людей понять и категоризировать кино, но они также детерминированы связью кино с другими видами искусства. Кроме того, они отражают отношение критиков, кинозрителей и кинематографистов к данному виду искусства, а также помогают понять особенности развития терминологии киноведения, поскольку указывают на основные сферы, из которых были заимствованы кинотермины.

Транстерминологизация – продуктивный метод терминообразования в терминологии киноведения. Следует также отметить и обратный процесс: некоторые термины киноведения были заимствованы терминологиями других областей знаний. Например, термин **montage** был заимствован в терминологию живописи в 1910-х годах для обозначения техники, введенной Пикассо и Браком, «consisting in the sticking of one layer over

another in order to form a composite picture (as may be done with photographs to produce unusual effects) – technique much used by later painters" [Haggar, 1962, p. 720]. Другой пример — термин **cutting** который в терминологии театроведения имеет следующее значение: "omitting lines or business provided in the script, usually intentionally. Also, such an omission" [Op.cit]. Термины **flashback** (в значении *retrospection and analepsis*) и **flashforward (**prolepsis) были заимствованы в терминологию литературоведения. Данные транстермы доказывают влияние киноискусства на другие виды искусства.

Попытка проанализировать терминологию киноведения, описать некоторые отличительные черты и характеристики ее терминов, изучить типичные процессы транстерминологизации в данной терминосистеме, а также объяснить результаты исследования лингвистическими и экстралингвистическими средствами позволяет прийти к выводу о высокой эффективности данного метода создания терминов в изучаемой области знания. Транстермы составляют приблизительно 25% терминов в данной области знания. Основными областями заимствований являются терминологии театроведения, литературоведения, физики, психоанализа, семиотики и структурологии, искусствоведения. Первичный этап развития терминологии киноведения характеризуется заимствованиями из терминологии театроведения, литературоведения, эстетики и искусствоведения. Эти заимствования носят бессистемный характер и включают группы терминов и отдельные термины. Они отражают усилия ученых по созданию концептуальной основы новой дисциплины и проведению параллелей между кино и такими видами искусства, как драматургия, литература и живопись.

Терминологическая система литературоведения сыграла значительную роль в развитии терминологии киноведения. Транстермы литературоведения составляют около 18% межсистемных заимствований. Заимствования включают группы терминов (например, *tropes and figures of speech, genres, storytelling terminology)* и отдельные термины (**caesura, suspense**).

Наибольшее количество терминов (около 25%) заимствовано из терминологии театроведения. Основные группы транстермов: люди, иконография, актерское мастерство, киноэкспозиция. Из этой терминологии заимствованы и некоторые термины, обозначающие жанры.

Транстерминологизация литературных, театральных и живописных терминов часто сопровождается сдвигом смыслов.

Транстерминологизация терминов семиотики, структурализма, психоанализа и когнитивизма носила более систематический и последовательный характер. Целые «терминологии» были заимствованы и переосмыслены киноведами. Заимствования из психоанализа и семиотики составляют 10% и 9% транстермов соответственно. Транстерминологизация в этих сферах происходила в 1960-1970-е годы и зачастую сопровождалась специализацией значения. Однако значения многих терминов существенно менялись из-за разной трактовки этих терминов разными учеными.

Исследование кинодискурса показало, что кинотермины отражают восприятие людьми этого вида искусства, которое выражается метафорическими понятиями, такими как: *фильм – это книга, фильм – это картина* и *фильм — это пьеса*.

В заключение отметим, что взаимодействие киноведения с другими областями знания приводит к междисциплинарному заимствованию терминов, или транстерминологизации. Это высокопродуктивный метод терминообразования в терминологии киноведения, изучение которого открывает новые перспективы исследования как в области языкознания, так и в междисциплинарной сфере анализа.

Список литературы

1. Володина М.Н. Теория терминологической номинации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 179 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования: виды языковых преобразований, факторы и сферы реализации языковых преобразований. М.: URSS, 2010. 407 с.
3. Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М., 1977. 246 с.
4. Ермакова А.В. Природа термина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 218–223.
5. Лапшина М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте: На материале англ. яз.: дисс. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 1996. 331 с.
6. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 158 с.
7. Милюк А.В. Вторичная номинация в отраслевых терминологиях (на примере терминологии физической культуры и спорта): автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 25 с.
8. Рыженкова Т.В. Специфика процесса транстерминологизации в отраслевой терминосистеме: На материале русской и английской терминологии правоведения: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 21 с.
9. Соколов В.С. Киноведение как наука. М: Канон+, 2010. 415 с.
10. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. М., URSS, 2012, 243 с.
11. Baldick C. The Oxford Dictionary of Literary Terms. OUP Oxford, 2008. 384 p.
12. Beaver F.E. Dictionary of Film Terms: The Aesthetic Companion to Film Analysis. – Twayne Publishers, NY, 1994. 410 p.
13. Cresswell J. Oxford Dictionary of Word Origins. Oxford Univer. Press, 2002. 512 p.
14. Haggar R. G. A Dictionary of Art Terms: Painting, Sculpture, Architecture, Engraving and Etching Lithography and Other Art Processes Heraldry. London : Oldbourne Press, cop. 1962. 416 c.
15. Hill J., Gibson P./ed. The Oxford Guide to Film Studies. Oxford University Press, 1998. 624p.
16. Kennedy D. The Oxford Companion to Theatre and Performance. Oxford University Press, 2010, 689 p.
17. Konigsberg, I. The Complete Film Dictionary. Penguin Reference, 1998. 469 p.
18. Kuhn A., Westwell G. A Dictionary of Film Studies. OUP Oxford, 2012. 528 p.
19. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners /ed. by M. Rundell. Macmillan Education, 2002. 1692 p.
20. Martin B., Ringham F. Dictionary of Semiotics. Bloomsbury Academic, 2000. 177 p.
21. Munsterberg H. The Photoplay. A Psychological Study. Creative Media Partners, LLC, 2019. 238 p.
22. The Oxford English Dictionary. Clarendon Press, 1989. 1139 p.

1.3. РИТОРИЧЕСКИЙ МИНИМУМ В КОНТЕКТСЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕНИЯ

Как известно, риторический минимум, разработанный для русскоговорящих специалистов в области английского языка, изучающих язык в филологических целях [Долецкая, 1982], представляет собой совокупность основных характеристик фонетического оформления речи, проявляющуюся в функционально ограниченной сочетаемости языковых единиц. Это позволяет как оказать желаемое воздействие на целевую аудиторию, так и оптимизировать научное общение. Появление риторического минимума явилось логическим продолжением создания минимума просодического, направленного в первую очередь на реализацию синтаксических связей, обязательных для адекватного восприятия звучащей речи [Юрышева, 1981].

В настоящее время, тем не менее, когда произносительная норма наиболее влиятельных и широко распространенных в мире – британского и американского – вариантов английского языка меняется под воздействием процессов цифровизации и глобализации, требуется дальнейшая разработка и расширение существующих прежде представлений о минимальном арсенале просодических и риторических средств, используемых как в публичном выступлении, так и наиболее важных для филологического образования жанрах научной речи.

Дело в том, что на авансцену выходят коммуникативные предпочтения представителей нового поколения (так называемых digital natives), для которых всемирная паутина является своего рода естественной средой обитания и привычным становится неограниченное речевое взаимодействие в сети Интернет [Prensky, 2001 (1); Prensky, 2001 (2)]. Имеются в виду особые когнитивные способности этого поколения, отличающегося стремительностью и фрагментарностью мышления, необходимостью постоянного контакта с другими участниками коммуникативного акта и толерантностью к различного рода отклонениям от нормативного произношения [Sharma, Levon, Ye, 2022]. Это также свойственная им настроенность на комфортное, приносящее удовольствие (gratification) приобретение информации, в том числе и научной.

Подразумевается так называемая новая, интегративная риторика, основывающаяся на диалогичности научного взаимодействия и стремлении его участников к совместному осмыслению предмета обсуждения. Дидактика и авторитарность полного (или **официального**) стиля произношения сменяются сниженным, совещательным и **разговорным** (consultative или colloquial) стилем общения «на равных». В результате процесс научного познания уподобляется интересной и развлекательной игре, благодаря чему у всех ее участников возникает чувство сопричастности и эмоциональной вовлеченности.

Неудивительно, что жанр университетской лекции не является в этом смысле исключением и требует специального изучения, которое позволит

придать ему оптимальный и эффективный характер, соответствующий веяниям в современном англоговорящем пространстве. При этом этические и эстетические стереотипы, ассоциирующиеся с плодотворной научной дискуссией в том или ином национальном коллективе, также должны учитываться с тем, чтобы риторические инновации не противоречили сложившимся в нем академическим традициям и лингвокультурным закономерностям обмена речевыми актами.

Исходя из сказанного, успех выступления с лекцией сегодня во многом зависит от способности говорящего к сознательному переключению кода [Gardner-Chloros, 2009] и умелой организации звучания в соответствии с присущей современной студенческой аудитории манерой получения знания. На первый план выходят навыки аккомодации, заключающиеся в целенаправленной смене фонетического стиля и намеренном включении в речь различных средств фонации, выходящих за рамки ранее установленного произносительного стандарта и того необходимого и разумно ограниченного арсенала риторических средств, который до недавнего времени старались использовать филологи-англисты.

Важно подчеркнуть, что методологической основой риторического минимума является особая область английского языкознания, получившая название риторической фонетики. Задача ее заключается в изучении всего многообразия просодических и паралингвистических признаков, задействованных при установлении контакта с аудиторией и оказании воздействия на нее [Ахманова, Минаева, 1977].

При изучении различных средств выразительности, которые используются выступающими с лекцией, были выделены такие основные риторические категории, как категория вариативности, установления контакта и индивидуальности говорящего. Первая относится к модуляции основных голосовых параметров, направленной на предотвращение монотонности речи. При этом риторически обусловленное варьирование просодических характеристик в первую очередь определяется композиционной структурой лекции. Переходы между Вступлением, Основной частью и Заключением должны быть фонетически обозначены за счет изменений в речевом голосе.

Под второй категорией – установления контакта – понимается не только способность к варьированию просодических средств с учетом содержания и композиции выступления, но главным образом их использование для облегчения восприятия научной речи на слух. Это намеренное использование выступающим риторических стратегий, способствующих привлечению и удержанию внимания аудитории. Они включают в себя приветствие, формулировку целей и задач выступления, использование риторических вопросов, а также обращение к слушателям в форме совета, наставления или рекомендации.

Понятно, что особую роль в осуществлении этих стратегий играют соответствующие просодические модификации, когда, например, используется сверхдолгая пауза для того, чтобы отделить приветствие от других

частей лекции, а также наблюдается некоторое повышение громкости и ускорение темпа (до 150 слов/мин по сравнению со значениями в 120 слов/мин, указанными в просодическом минимуме) [Долецкая, 1982, с. 63]. Кроме того, могут быть использованы и другие вариации голосовых параметров, позволяющие включить в речь элементы спонтанности.

Третьей среди указанных основных риторических категорий является категория индивидуальности. Под ней понимается противопоставление наиболее общих и в целом присущих лекционному выступлению характеристик, из которых складывается речевой образ дающего знание (лектора), с одной стороны, и получающих его учащихся, с другой. Отметим, что до настоящего времени данное перспективное наблюдение является не вполне разъясненным и, по указанию самих разработчиков этой проблематики, несколько выходит за рамки минимального арсенала риторических средств, который предлагается филологу-англисту [Миндрул, Долецкая, 1987].

Следует подчеркнуть, что все изученные на предыдущем этапе анализа особенности риторической организации научного общения не теряют актуальности и сейчас и требуют дальнейшего осмысления в свете происходящих в научной речи риторических трансформаций. Они получают новое звучание в современных исследованиях языка, где на первый план в успешном осуществлении дискурсивных стратегий выходят сопровождающие их просодические средства, и в центре внимания оказываются вопросы оптимизации профессионального общения [Фрейдина, Ворошкевич, Савинова, 2015]. Акцент делается и на лингвокультурных особенностях участников коммуникативного акта, и, например, в литературе рассматривается фонетическое выражение, которое получает хеджирование, являющееся неотъемлемой частью речевой культуры Великобритании [Михалева, Пушинина, 2022; Сейранян, 2022].

Кроме того, отдельного внимания заслуживают исследования, которые направлены на изучение современной жанровой специфики академической коммуникации. Подчеркивается, что в научном общении все чаще происходят стилистические трансформации (genre bending) [Гвишиани, 2015], в результате которых элементы интеллективной направленности сочетаются с использованием языковых средств, присущих другим жанрам, таким, например, как медийный или рекламный дискурс [Полуйкова, 2012].

Иными словами, наблюдается явление жанровой гибридизации (hybrid genres), которое в свою очередь приводит к смешению (genre-mixing) или перераспределению функций обучения, убеждения и развлечения в рамках известной риторической триады, выдвинутой создателями программ BBC и восходящей к предложенным еще Аристотелем принципам публичной речи (ethos, logos, pathos). В результате за счет стилистической гетерогенности научного текста реализуется стратегия привлечения внимания аудитории, и научное сообщение нередко приобретает научно-популярный характер (edutainment).

К сказанному необходимо добавить, что в свете новых веяний в англоязычном сообществе вопрос о выборе произносительной нормы в жанре лекции приобретает дополнительную значимость, поскольку ключевым требованием ранее установленных просодического и риторического минимумов до недавнего времени считалось следование нормативному британскому произношению (Received Pronunciation, RP) [Akhmanova, Idzelis, 1979, p. 110]. Более точно это означало, что специалистам следовало придерживаться полного (или **официального**) фонетического стиля и соответствующей ему нейтральной (или немаркированной) фонации.

Выбор филологами-англистами классического RP в качестве оптимального образца для подражания превалирует и сегодня. Исходным здесь является положение о том, что в современном британском обществе этот вариант по-прежнему ассоциируется с хорошим образованием и профессиональным статусом говорящего, а его характеристики получают подробное описание в существующей фонетической литературе и словарях произношения. Он ассоциируется с хорошей дикцией и разборчивостью речи, и его использование, таким образом, обеспечивает речевое соответствие говорящего требованиям интеллективного общения, что способствует наиболее полной реализации функции сообщения в жанре лекции.

Полностью принимая справедливость этого утверждения, необходимо тем не менее указать на то, что в наши дни на первый план выходят и другие разновидности произношения, которые отстоят от RP и отвечают предпочтениям преимущественно молодых пользователей языка. В результате состав сегментных и сверхсегментных характеристик, лежащих в основе нейтрального литературного произношения, подвергается дальнейшим трансформациям и модернизируется. Иными словами, классический RP сменяется так называемым обновленным южно-английским произносительным стандартом (Standard Southern British English, SSBE), который разделяет ряд общих черт как с внутрибританскими региональными и социальными диалектами, так и американским вариантом [Lindsey, 2019].

На сверхсегментном уровне SSBE прежде всего характеризуется следующими просодическими параметрами, отклоняющимися от RP [Там же]:

- по сравнению с прежними значениями в RP (в **официальном** стиле это ≈130 слов/мин или ≈3 слога/сек; в **неофициальном** это ≈170 слов/мин или ≈3,5 слога/сек) в SSBE темп повышается: в **официальном** стиле –до ≈180 слов/мин или ≈4 слогов/сек, в **неофициальном** – до ≈220 слов/мин или ≈4,5 слога/сек;
- в **официальном** стиле используется высокий нисходящий тон вместо низкого нисходящего контура финального завершения, характерного для RP; в **неофициальном** – низкий восходящий и нисходяще-восходящий тон.

Что касается сегментного уровня, то произносительные изменения в микросистеме согласных фонем, сближающие SSBE с американским вариантом, оказываются фоностилистически ограниченными: большинство инновационных явлений считаются допустимыми преимущественно в **неофициальном** фонетическом стиле [Аристова, 2022]. Это такие процессы, как:

- озвончение сильного взрывного [t] (t-voicing) или использование вместо него гортанной смычки;
- сращение [t]+[j] и [d]+[j] → [tʃ] и [dʒ] (yod-coalescence);
- произнесение графически не обозначенного [r] на стыке слов (intrusive [r]);
- выпадение согласного [j] в позиции перед [uː] (yod-dropping).

В микросистеме вокализма изменения более выражены и наблюдаются как в **официальном**, так и **неофициальном** стилях:

- напряженное произнесение безударного слога, оканчивающегося на [i];
- сдвиг гласных фонем переднего ряда [e] → [ɛ], [æ] → [a];
- передняя и менее напряженная артикуляция [ɑː] → [a], а также [uː], который приобретает глайдовый характер: [uː] → [u^{w}];
- огубленная артикуляция [ɒ] → [ɔ] и [ɔː]→[oː], причем перед сочетанием согласных [l] + [t], [s], [d] гласный [oː] произносится расслабленно и сближается с [ɔ];
- переход центрирующих дифтонгов [ʊə], [eə], [ɪə] в напряженные монофтонги [oː], [ɛː], [ɪː].

К сказанному необходимо добавить, что инновационные процессы, затрагивающие риторический формат лекции, во многом определяются влиянием американского произносительного варианта (General American, GA) и образовательной моделью США в поликультурном англоговорящем мире. Они обусловливаются эволюционным развитием риторики лекции и американского искусства красноречия, а также установкой на разговорную тональность, принятую в университетском общении в США [Дечева, Аристова, 2022]. Таким образом, на первый план в успешном выступлении с лекцией постепенно выходят экспрессивно-эмоционально-оценочные обертоны или страстность изложения (pathos).

Заметим, что и в произношении, общепринятом в американском англоговорящем сообществе (GA), наблюдается целый ряд важных для оптимизации научного общений изменений. В первую очередь они связаны с общей расслабленностью артикуляции и выраженной тенденцией к редукции и коартикуляции слогов. Иными словами, популярность приобретают особенности такого неофициального фонетического стиля, как **небрежный** (casual), который прежде считался допустимым только при близком общении хорошо знакомых людей. На сегментном уровне это такие явления, как:

- палатализация [s]+[r]→[ʃ], а также переход [s]→[ʃ] в сочетании [st];

- сращение [d] + [r]→ [dʒr] и [t] + [r] → [tʃr];
- опущение [r] в стадии слоговой рекурсии в словах с двумя фонемами [r];
- переход взрывных [t] и [d] в полугласный [r].

Кроме того, внимания заслуживают модификации на сверхсегментном уровне, проявляющиеся прежде всего в молодежной речи [Jacewicz, Fox, Wei, 2010; Lewandowski, 2012]:

- по сравнению с прежними значениями в GA (в **официальном** стиле это ≈120 слов/мин или ≈3 слога/сек; в **неофициальном** это ≈150 слов/мин или ≈3,5 слога/сек) происходит увеличение темпа в **официальном** стиле до ≈150 слов/мин или ≈3,5 слога/сек; в **неофициальном** до ≈180 слов/мин или ≈4,5 слога/сек;
- вместо присущей GA восходяще-нисходящей мелодики все чаще используется восходящее движение тона;
- на фоне неполного смыкания и расслабленности голосовых связок в конце высказывания появляется своеобразное скрипучее качество голоса (vocal fry или creaky voice).

С учетом вышеизложенного нам представляется, что обновление (или расширение) уже существующего риторического минимума требуется проводить за счет включения в поле зрения специалистов не только материала британских, но и американских лекций. Это позволит не только наметить общие для двух ведущих в англоязычном мире вариантов английского языка тенденции в плане реализации фоностилистических особенностей лекционного выступления, но и определить более частные, носящие национально-специфический характер тенденции риторического оформления высказываний.

Очевидно, что при осуществлении интеллективного общения в глобальном англоговорящем пространстве изучение лингвокультурных особенностей, присущих представителям того или иного национального коллектива, выходит на первый план и оказывается в центре внимания исследователей. Профессор С.Г. Тер-Минасова приводит ряд убедительных свидетельств того, как незнание принятых в том или ином социокультурном сообществе правил речевого этикета и традиций поведения может полностью нивелировать значение остальных лингвистических средств, обеспечивающих успешность коммуникации [Тер-Минасова, 2008 (1); Тер-Минасова, 2008 (2), с. 21]. Недооценка участниками межкультурного общения различных национально-специфических факторов может привести к снижению коммуникативной эффективности или даже невозможности установления контакта с целевой аудиторией.

Таким образом, можно предположить, что в основе современного представления о фонетической компетенции и риторической грамотности говорящего (rhetorical literacy) в жанре лекции лежат две важнейшие составляющие, которые имеют непосредственное отношение к

филологической специальности и подлежат тщательному анализу. С одной стороны, это более общее требование аутентичности звучания, т.е. владение нормативным произношением британского или американского варианта с учетом происходящих в них произносительных трансформаций. С другой стороны, это более частные (или индивидуальные) проявления, которые выражаются в сознательном выборе языковых средств, соответствующих лингвокультурным, этическим и эстетическим стереотипам научного взаимодействия с той или иной целевой аудиторией. Такого рода комплексное знание обеспечивает оптимизацию профессиональной коммуникации в поликультурном контексте и позволяет моделировать собственную речь в соответствии с реалиями сегодняшнего дня.

Обратимся к материалу и проследим, каким образом новые риторические тенденции проявляются в жанре лекции в Великобритании и США. Остановимся на материале вступительной и основной частей лекций, принадлежащих квалифицированным британским и американским профессорам таких ведущих высших учебных заведений, как Кембридж, Оксфорд, Стэнфорд и Массачусетский технологический институт.

Обращает на себя внимание тот факт, что общей для оформления Вступления как британской, так и американской лекции является установка на фоностилистическую сниженность, что позволяет с первых же минут выступления перейти от назидательности и дидактики к дружеской и разговорной тональности университетского взаимодействия. Прежде всего это проявляется в приоритете **неофициального** стиля произношения, сопровождающегося значительным повышением темпа, при котором слоговая и словесная артикуляция реализуется не в полной мере, и на первый план выходят процессы коартикуляции, сращения и элизии слогов.

Приведем отрывок из вступительной части британской лекции:

*I'm ˈ**going to*** [**gənə**] ▪*talk a* ***.***bit about the ▪*teenage ˌbrain.* || ˈ*This is a* ▪*subject that I've been* ▪*working on for* ***about*** [əˈbaʊʔ] *the* ▪*last* ▪*sixteen ˌyears‿I've been* ▪*running a* ▪*group at* ***.***UC*L‿and we re*▪*search the* ▪*teenage \brain. | And* ˈ***actually*** [ˈækʃi]*, it's* ▪*interesting* ***because*** [**kəz**] | ˈ*very* ▪*rarely* ***.***do *I* ▪*give* ***.***talks with *\notes‿I \normally* ▪*just have* ▪*loads of* ▪***science*** [s**aə**ns] *ˌslides be*▪*hind me which I* ***.***talk a*ˌ*bout.*

Примечательно, что темпоральные характеристики здесь существенно превышают значения классического RP и достигают ≈180 слов/мин (≈4,5 слога/сек), и целый ряд слоговых последовательностей произносится в соответствии с разговорным (consultative/colloquial) стилем:

- вместо сильного взрывного [t] на конце слога используется гортанная смычка: *about* [əˈbaʊt] → [əˈbaʊʔ];
- дифтонг [aɪ] в *science* характеризуется монофтонгизацией [saɪəns] → [saəns];

• центрирующий дифтонг [uə] и боковой [l] выпадают в слове *actually* [ˈækʧʊəli] → [ˈækʃi], причем [kʧ] переходит в [ʃ], что в американском варианте свойственно небрежному фонетическому стилю;

• в последовательности *going to* наблюдается компрессия или стяжение трех слогов [gəʊ-], [-iŋ] и [tu] → [gənə];

• безударный слог [bi] в слове *because* редуцируется: [biˈkəz] → [kəz].

Отступления от классического RP во Вступлении проявляются и в сужении интервала движения тона, в результате чего на смену присущей произносительному стандарту интонационной изрезанности высказывания приходит выровненное изглашение, которое скорее соответствует произношению GA. Кроме того, наблюдается широкое использование характерного для **неофициального** стиля произношения в SSBE восходящего движения тона:

*I've ˈcome in▪creasingly to the con/clusion that I'm a ▪real risk-\/**simpleton**. || You .know‿when ˈthese ▪guys ▪get /**up**‿and they ▪have these ▪headlines which ▪say‿you /know‿ '▪green .tea will ▪kill /cancer'‿we ▪can't be▪lieve /that, ▪**can** /**we**? | And \/I'm the ▪kind of ▪person that‿you /know‿ ▪goes out and ▪buys .green ▪tea when they .see that ▪kind of **head**/**line**. | So, I thought…*

В данном отрывке только идущие в начале высказываний ударные слоги (*come, these, I'm*) произносятся на высоком тональном уровне, который соответствует британскому стандарту RP. В интонационном контуре последующих частей вместо нисходящего движения тона используется волнообразная мелодика. При сокращении длительности синтаксических пауз терминальные синтагмы произносятся с нисходяще-восходящим и низким восходящим тоном, за счет чего создается впечатление спонтанности и неподготовленности выступления.

Следует отметить, что подобная мелодика, используемая в конце высказывания, способствует успешному установлению и поддержанию контакта с адресатом речи. Считается, что восходящее движение тона служит демонстрации солидарности говорящего с аудиторией, вызывая у нее чувство эмпатии [Bradford, 1997]. Нисходящая мелодика, напротив, может спровоцировать негативные ассоциации, связанные с представлениями об авторитарности говорящего, использующего классический RP (talking *at* rather than *with* someone) [Warren, 2016, p. 64].

Далее рассмотрим текст Вступления американской лекции. Как и в британском варианте, в нем наблюдается значительное увеличение темпа речи до ≈180-190 слов/мин (≈4-4,5 слога/сек) и встречаются процессы слогового сращения и редукции. Они характерны для **неофициального** фонетического стиля и являются еще более частотными, чем в британском:

*I hope we can have a fun discussion to/day‿We're **going to** [ˈ**gɑ**ː**nə**] be talking about de/ception. | There's a presidential election taking place, | and we'll talk a little bit **about that** [əˈbaʊ**(t)**ðæ**ʔ**] towards the /end. || **What we're***

going to [**wɑ$^{(u)}$**wɪrˈ**gɑː**nə**] *focus on, though, is a very old human phenomenon: deception and \/**trust*** [**tʃr**ʌst]. | *I'm happy to take ˏ**questions*** [ˈkweʃənz] ◡*and we'll do some interactive \/**exercises*** [ˈekʃərsaɪziz].

В этом отрывке наблюдается значительное количество артикуляционных модификаций, выходящих за рамки не только официального (в GA – formal/platform), но и разговорного (consultative/colloquial) стиля произношения. Они относятся к **небрежному** (casual) фонетическому стилю и произносительным особенностям молодежной речи, с присущими новому поколению проявлениями слоговой редукции и тенденцией к слиянию слогостыков. Имеется в виду, например:

- компрессия слогов в *going to* [ˈgoʊɪŋ tʊ] → [ˈgɑːnə];
- опущение [t] и его замена на гортанную смычку в *about that* [əˈbaʊt ðæt] → [əˈbaʊ$^{(t)}$ ðæʔ], а также его редукция в призвук [u] в *what we're* → [wɑ$^{(u)}$wɪr];
- сращение [t]+[r]→[tʃr] в слове *trust;*
- переход [s]→[ʃ] на стыке согласных [st] в *questions* [ˈkwestʃənz] → [ˈkweʃənz];
- палатализация [s] → [ʃ] в сочетании согласных [ks] в *exercises* [ˈeksərsaɪziz] → [ˈekʃərsaɪziz].

Что касается мелодического оформления терминальных синтагм, то характерный для GA восходяще-нисходящий контур сменяется широким использованием восходящего движения тона. Как и в британской лекции, это отвечает коммуникативным ожиданиям новой студенческой аудитории. Подобное интонационное оформление высказываний используется в риторических целях, обеспечивая диалогичность научного общения и позволяя придать выступлению характер живой и непринужденной беседы, например:

(1) *Just think about ˏ**this**◡I'm not going to test you on it or ˏ**anything**◡it's not the topic of this ˏ**course**◡but it's a perspective you should /\take.* | *Imagine that* […] *I gave you a segment of \/**video**,* | *and your task was to write* […] *what direction they're ˏ**moving**◡What kind of code* […] **(3)** *\/**Ok**◡So, just think a/bout \that* ||

(2) *So,* | *we'll get back to all that next week and **be\/yond**.* | *But meanwhile,* | *here's the agenda for **to**ˏ**day**.* | *So, here's the **a**ˏ**genda**◡We just did the ˏ**demo**◡We're now going to skip and do some **\neuroa/natomy*** […] *we have this amazing opportunity* […] *in front of ˏ**you**◡It's going to be awesome* […] *So, we're going to do the **\bare /basics**◡it's all stuff you should know* […] *and I'm going to whip through it fast, so we can get to more interesting stuff and get back to **\visual /motion**.* | *\/**Ok?*** || **(3)** *That's the a/\genda.* ||

В первой части **(1)** рассматриваемого отрывка из Вступления во главу угла ставится интерактивное взаимодействие лектора со студентами: в открывающем эпизоде лекции они приглашаются к совместному осмыслению эксперимента, выведенного на экран. Во второй части **(2)**

разъясняется план лекции, причем внимание и любопытство слушателей поддерживаются за счет обещания говорящего быстрее изложить теоретический материал и обратиться к практической части занятия (*I'm going to whip through it fast*).

Обращает на себя внимание тот факт, что только заключительные высказывания обоих сверхфразовых единств произносятся с немаркированным восходяще-нисходящим тоном, а также отделяются паузой в две единицы **(3)**. В остальных случаях говорящим используется восходящее движение тона, причем длительность пауз, разделяющих предложения, существенно сокращается или они полностью нивелируются. Таким образом, достигается свойственный риторическому своеобразию американской лекции эффект спонтанности и разговорности, все присутствующие вовлекаются в процесс размышления над предметом.

Вместе с тем при переходе к Основной части лекции в организации лекционного материала между двумя (британским и американским) англоговорящими сообществами прослеживаются некоторые расхождения. Несмотря на общую тенденцию к увеличению скорости речи, в британском варианте повышение темпа не препятствует реализации словесной и слоговой артикуляции. Это достигается за счет особенностей британского слогового стереотипа и прежде всего опоры на согласный компонент слога.

Например, в следующем отрывке из Основной части лекции темп составляет ≈185 слов/мин (≈4,6 слога/сек), что выходит за рамки темпоральных значений RP не только в **официальном**, но и **неофициальном** стиле произношения:

*They ˈboth ˙**sh**owed the ▪**s**a**m**e **p**a**tt**er**n** of /resu**l**ts as the ▪adu**l**ts | but their ˙dro**p** in ▪**m**ood was **s**ig↑nificantly \grea**t**er | than the **adults.** || ˏSo, ˈwhat ▪this \/**s**uggests is tha**t** | ˈado▪lescents are ↑hy**p**er**s**en**s**itive | to bei**nq** ▪**s**ocially **ex\cluded.***

Однако в отличие от Вступления слоговые границы здесь четко обозначены, что обеспечивается интенсивностью в артикуляции согласных, при которой гласный компонент слога оказывается усеченным, сильные взрывные произносятся с аспирацией, а сонорные согласные становятся протяженными. Кроме того, модуляции голоса по высоте тона происходят в рамках широкого интервала, отличающего классический RP, и в терминальных синтагмах используется немаркированное нисходящее движение тона.

Таким образом, в отличие от Вступления в Основной части британской лекции на первый план выходит особое соотношение увеличенной скорости речи и четкости дикции, и серьезных артикуляционных отступлений от произносительного стандарта не наблюдается. На фоне повышения темпоральных значений сохраняется разборчивость речи,

необходимая для оптимальной реализации функции сообщения и адекватного восприятия ключевых положений лекции аудиторией.

Что же касается восходящего движения тона, характерного для SSBE, то его появление ограничивается лишь теми эпизодами лекции, которые являются второстепенными (или вспомогательными), например:

(1) *What you need to remember here is that most ancient oracles are not like we imagine* ***\them.*** **||** **(2)** *Our standard image of an ancient oracle comes almost entirely from the Delphic Oracle and a few others* ***\like /it.*** **|** *And here we find ancient kings and statesmen coming to consult the god* ***A\/pollo.*** **|** **(3)** *And so the stories go, leaving with a riddling or ambiguous* ***re\ply.*** **||** **(4)** *In other words, the stock-in-trade of the oracular god here was to meet uncertainty with an almost equal uncertain* ***res\ponse*** **|** **(5)** *So, the most famous example is King Croesus of Lydia going to Delphi in the 6th century BC to find out if he should go to war with King Cyrus of* ***/Persia‿****The oracle said…*

В рассматриваемом отрывке разъясняется одно из положений лекции, относящееся к сложившимся в обществе ложным представлениям об оракулах и их способности предсказывать будущее. Примечательно, что высказывания, которые содержат ключевые аргументы и информацию для запоминания аудиторией (**1**; **3**; **4**), оформляются с помощью немаркированного нисходящего тона. Пояснения и иллюстрации (**2**; **5**), развивающие центральную идею говорящего и несущие дополнительную информацию, оформляются с помощью восходящего движения тона.

Таким образом, мелодическое оформление терминальных синтагм обыгрывается говорящим, и создается особое просодическое соотношение между нисходящим движением тона классического RP и восходящей мелодикой обновленного британского стандарта SSBE. Подобная вариативность позволяет как апеллировать к речевым вкусам современной аудитории, так и сохранить произносительные каноны функции сообщения в Основной части лекции.

Переходя к американской лекции, сразу же отметим, что в отличие от Великобритании в США риторическая направленность на обучение в центральных эпизодах выступления тесно сочетается с элементами развлекательного характера. Стиль произношения выходит далеко за рамки официального (или полного), и главенствующая роль в передаче знания по-прежнему отводится двусторонней научной коммуникации и интерактивности.

Более точно это означает, что темпоральные характеристики, как и во Вступлении, превышают значения официального стиля в GA и могут достигать ≈180 слов/мин (≈4,5 слога/сек). На этом фоне наблюдаются всевозможные процессы ассимиляции и редукции слогов, и переходы между ними становятся размытыми и нечеткими, что свойственно **разговорному** (consultative/colloquial) фонетическому стилю, например:

- *Why* ***would_you*** [wu**dʒ**u] *bother with a relay anyway?* ***‿Kind_of*** [**kaɪndə**] *means like we don't know what's going on here |* ***because*** [**kɑːz**] *you*

wouldn't just make a synapse for no reason, ***righʔ****? | OK‿and so the firs*$^{(t)}$*thing*$^{(t)}$*o* ***note*** [nɒʊʔ] *is there are lots of connections that go back down the*$^{(ɪ)}$*other way.* (темп: ≈180 слов/мин или ≈4,7 слога/сек);

- *We evolved in the communication environmen*$^{(d)}$*in which there is no record. | And it's really no*$^{(d)}$*until* ***abouʔ*** *500 years ago tha*$^{(d)}$*a printing press is invented, | but that didn*$^{(t)}$*ge*$^{(d)}$*out to most people.* […] *That's very differen*$^{(t)}$*than, say, the network age which is the*$^{(ɪ)}$*era we're in now.* (темп: ≈182 слова/мин или ≈4,8 слога/сек).

Однако в отличие от Вступления лекции в центральной ее части те артикуляционные изменения, которые обусловлены переходом к **небрежному** (casual) фонетическому стилю, практически не встречаются. В результате при значительном повышении темпа сохраняется достаточный уровень разборчивости речи, обеспечивающий как оптимальный процесс передачи знания, так и приоритет разговорной тональности.

Что касается движения тона, то в сравнении с лекцией в Великобритании основные эпизоды американской лекции преимущественно оформляются восходящим движением тона, что указывает на стремление лекторов обеспечить интерактивное взаимодействие со студенческой аудиторией:

(1.1) *All right, the a/\mygdala.* || **(1.2)** *Okay, amygdala is a Greek word that means \/****almond*** || *Because the amygdala is the size and shape of an* ***/almond****.* || **(2.1)** *So, the amygdala is involved in experiencing and recognizing emotions, especially \/****fear****.* | **(2.2)** *The simple statement that you should remember about what the amygdala does is just remember the four /\F's.* || **(3.1)** *Okay, patient SM lost her amygdala on both /\sides‿****o\/kay****?* | **(3.2)** *She cannot experience /\fear.* || **(3.3)** *She doesn't recognize fear on facial expressions of other* ***/people****‿and she doesn't experience fear* ***her/self****.*

В этом отрывке при разъяснении ключевого термина *amygdala* используется значительное количество нисходяще-восходящих и восходящих тонов (**1.2**; **2.1**; **3.1**; **3.3**). Длительность пауз между предложениями сокращается и создается эффект непрерывности изложения, присущий разговорной речи. Немаркированное в GA восходяще-нисходящее движение тона в терминальной части высказывания представлено в ограниченном числе случаев (**1.1**; **2.2**; **3.2**), связанных с ключевыми умозаключениями говорящего.

Иными словами, с учетом присущей образовательной модели США установки на интерактивность и развлекательность, восходящее движение тона, отличающее молодежную речь, начинает превалировать в лекции. Оно способствует активному вовлечению студенческой аудитории в процесс осмысления предмета лекции и отвечает современным представлениям об интегративной риторике передачи знания в академической среде.

Проведенный анализ Вступления и Основной части университетской лекции в Великобритании и США свидетельствует о том, что в наши дни

даже между двумя наиболее влиятельными вариантами английского языка не наблюдается однозначного и полного соответствия. В контексте поликультурного англоязычного общения наряду с общей тенденцией к использованию **неофициального** стиля произношения в них прослеживаются и сугубо индивидуальные, национально обусловленные проявления риторики интеллективного общения.

Исходя из этого, обновление риторического минимума русского-ворящих филологов-англистов требует крайне избирательного, взвешенного и осторожного подхода. Иными словами, перенос в него произносительных инноваций, наблюдающихся в англоязычном мире, не может осуществляться автоматически. Важно учитывать и сложившиеся в отечественной университетской среде лингвокультурные стереотипы выступления с лекцией, принимая во внимание потребности студенческой аудитории, для которой английский не является родным.

Представляется, что расширение ранее установленного арсенала риторических средств прежде всего должно включать в себя ускорение темпа, благодаря которому как в Великобритании, так и США происходит переход от полного (официального) к разговорному стилю произношения. При этом в лекции, которая направлена на русскоговорящую аудиторию, повышение скорости изглашения требует сохранения четкости артикуляции и разборчивости речи.

В этом смысле полезным для освоения новой риторической организации лекции представляется предложенный еще Д. Джоунзом так называемый искусственный (artificial/acquired) фонетический стиль [Jones, 1967; Трахтеров, 1962, с. 14, с. 26]. Используемый главным образом в сценической речи, он объединяет в себе фоностилистические особенности разговорной речи и полного стиля произношения, направленного на сиюминутную реакцию аудитории и обеспечивающего ясность и отчетливость изложения.

Целесообразным представляется также расширение риторического арсенала филологов-англистов за счет включения в него восходящего движения тона, присущего современной лекции как в Великобритании, так и США. Мелодические модификации такого рода, ограниченные вступительной частью лекции, а также введением вспомогательной информации, служат эффективным риторическим приемом, обеспечивающим интерактивное взаимодействие со студенческой аудиторией и позволяющим придать речи антиавторитарную, совещательную или дружескую тональность общения на равных.

Список литературы

1. Аристова Д.Д. Британский вариант английского языка в свете новых произносительных тенденций // Казанская наука. 2022. № 10. С. 81-84.
2. Ахманова О.С., Минаева Л.В. Место звучащей речи в науке о языке // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 44-60.
3. Гвишиани Н.Б. Регистры, жанры и дисциплины в составе предметного дискурса // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 4 (126). С. 38-45.

4. Дечева С.В., Аристова Д.Д. Риторика университетской лекции и ее эволюция в западной академической среде // Litera. 2022. № 10. С. 128-140.
5. Долецкая Е.С. Риторика лекторской речи (на материале английского языка): дис. … канд. филол. наук. М., 1982. 171 с.
6. Миндрул О.С., Долецкая Е.С. Просодия научного регистра: проблемы и перспективы исследований // Теория и практика английской научной речи. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 163-170.
7. Михалева Е.И., Пушинина И.В. Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 1 (45). С. 113-124.
8. Полуйкова С.Ю. Жанровая гетерогенность в прагмалингвистическом аспекте // Омский научный вестник. 2012. № 4 (111). С. 179-181.
9. Сейранян М.Ю. Дискурсивные маркеры речевого отгораживания как отражение национально-культурной специфики речевого общения // Преподаватель XXI век. 2022. № 3-2. С. 380-386.
10. Тер-Минасова С.Г Война и мир языков и культур: учеб. пособи. М.: Слово, 2008. 344 с.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2008. 352 с.
12. Трахтеров А.Л. Английская фонетическая терминология. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1962. 349 с.
13. Фрейдина Е.Л., Ворошкевич Д.В., Савинова М.С. и др. Просодия современного англоязычного устного дискурса: социокультурный аспект. М.: Изд-во МПГУ, 2015. 236 с.
14. Юрышева Н.Г. Просодический минимум научного регистра речи (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 165 с.
15. Akhmanova O.S., Idzelis R.F. Linguistics and Semiotics. M.: Moscow University Press, 1979. 110 p.
16. Bradford B. Upspeak in British English // English Today. 1997. Vol. 13. № 3. P. 29-36.
17. Gardner-Chloros P. Code-switching. Cambridge: Cambridge UP, 2009. 254 p.
18. Jacewicz E., Fox R.A., Wei L. Between-speaker and within-speaker variation in speech tempo of American English // The Journal of the Acoustical Society of America. 2010. Vol. 128. № 2. P. 839-850.
19. Jones D. An Outline of English Phonetics. 9th edition. Cambridge: Cambridge UP, 1967. 378 p.
20. Lewandowski T. Uptalk, Vocal Fry and, Like, Totally Slang // Stylistyka. 2012. № XXI. P. 209-219.
21. Lindsey G. English after RP: Standard British Pronunciation Today. London: Palgrave Macmillan, 2019. 153 p.
22. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9. № 5. P. 1-6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf (дата обращения: 27.02.24)
23. Prensky M. Digital Immigrants, Part II: Do They Really Think Differently? // On the Horizon. 2001. Vol. 9. № 6. P. 1-6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part2.pdf (дата обращения: 27.02.24)
24. Sharma D., Levon E., Ye Y. 50 years of British accent bias: Stability and lifespan change in attitudes to accents // English World-Wide. 2022. Vol. 43. № 2. P. 135-166.
25. Warren P. Uptalk: The Phenomenon of Rising Intonation. Cambridge: Cambridge UP, 2016. 223 p.

1.4. АКТУАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В книге «Язык и межкультурная коммуникация» С.Г. Тер-Минасова определяет межкультурную коммуникацию как коммуникацию представителей различных культур и освещает такие понятия, как язык, культура, картина мира, культурная антропология, – где язык, по определению автора, – это «мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова, 2000, с. 15]. В то же время культура представляет собой «совокупность результатов деятельности человеческого общества во всех сферах жизни и всех факторов (идей, верований, обычаев, традиций), составляющих и обусловливающих образ жизни нации, класса, группы людей в определенный период времени» [Там же, с. 17]. Межкультурная коммуникация, по определению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, выступает как «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 26]. Важнейшим аспектом изучения языка и культуры является область языкового значения, служащая для порождения, передачи и хранения информации различных типов, отражающая специфику языкового сознания и видения мира представителей социума.

Как известно, средой для материализации языка и актуализации значений языковых единиц служит речь [Ахманова, 1957; Смирницкий, 1957]. Именно в речи происходит смысловое становление единиц языка, то есть реализация системно-языковых и лежащих в их основе ментальных процессов. Язык представляет собой явление коллективное, общественное, объединяющее, по мнению А.А. Реформатского, все разнообразие человеческой речи. Речь, в свою очередь, – явление социальное, отражающее классовые, профессиональные, возрастные аспекты; речь можно трактовать как варианты использования языка

В различных ситуациях общения [Реформатский, 1955]. Американский ученый Э. Сепир, описывая взаимосвязь речи, языка и мышления с точки зрения антропологии, физиологии и психологии человека, обращает внимание на тот факт, что с точки зрения психофизической каждый человек предрасположен к говорению, но, для того чтобы научиться сообщать свои мысли посредством речи, человеку необходим социум [Сепир, 1993]. Важным в данном случае является то обстоятельство, что функция речи имеет не инстинктивный характер, а выступает как приобретенная, обусловленная особенностями лежащего в ее основе языка и соответствующего языкового сознания, которое обладает очевидной национально-культурной спецификой, играющей важную роль в процессе коммуникации: «Поиск национально-культурной специфики языкового сознания задает статус самого сознания: оно рассматривается как средство познания чужой

культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной форме, а также как средство познания своей культуры» [Уфимцева, 2004, с. 3].

Следует добавить, что с точки зрения изучения взаимосвязи мышления, речи и языка исключительно важным является понятие «внутренняя речь». Советский психолог и психолингвист Л.С. Выготский рассматривает «внутреннюю речь» как «фазу речевого мышления», основное явление в процессе перехода от мысли к слову и от слова к мысли. Внутренняя речь представляет собой набор идей и мотивов, которые фиксируются средствами языка в контексте определенной ситуации и переходят во внешнюю речь [Выготский, 1982-1984]. Таким образом, язык представляет собой систему средств выражения мысли, а речь – использование языковой системы в процессе коммуникации. Помимо собственно материальных единиц в языке существуют и относительно-материальные, которые представляют собой потенциальные грамматические и синтаксические формы, используемые для построения речи. Лексическое и грамматическое значения слова неразрывно связаны, и, если первое отражает понятийный, сигнификативный аспект, то грамматическое значение выражает отнесенность к той или иной грамматической категории, являясь детерминантом способа выражения отношений. В этом плане особый интерес представляет различие в реализации концептуального потенциала единиц языка в терминах соотнесенности их индивидуально-лексического и обобщенно грамматического значений, а также различие существующих пропозициональных структур и их реализации в процессе перехода от внутренней речи к внешней. Изучение данных процессов тесным образом связано с рассмотрением полифункциональных единиц в английском языке. Исследователями установлен факт подвижности категориального грамматического значения относительно индивидуального лексического значения целого ряда языковых реализаций в зависимости от условий речевого и языкового контекста [Вишнякова, 2013; Гвишиани, 1979, 2000; Доброрадных, 2020; Смирницкий, 1957], с учетом особенностей английской синтагматики и специфики выделения лексических и грамматических морфологических категорий [Тер-Минасова, 2007, 2009].

Важным аспектом изучения явления полифункциональности в дальнейшем явилось распространение границ исследования в направлении дискурсивного анализа [Ван Дейк, 1999]. О.В. Александрова, определяя понятие «дискурс», подчеркивает комплексный характер осуществляемого анализа: «Процесс проникновения в суть текста-дискурса требует включения разных программ – как когнитивного плана, так и интертекстуального, что, по нашему мнению, входит в сферу когнитивной лингвистики и в конечном счете является решающим моментом в определении коммуникативной, в широком смысле, ценности текста» [Александрова, 1999, с. 14]. Иначе говоря, проблема становления и реализации языковых значений теснейшим образом связана со всеми нюансами мыслительной деятельности человека, которая лежит в основе продуцирования человеческой речи, как внутренней, так и внешней. Приведем ряд примеров поли-

функциональных единиц английского языка, актуализация лексических и грамматических значений которых непосредственно обусловлена дискурсивными характеристиками содержащих их текстовых отрезков: The American actor Josh Gad tweeted: “Watching the Brits watch an American preacher do his thing in Windsor is giving me a life right now. It’s like watching Metallica do a concert at the Old Globe” (The Guardian); The royals are not allowed to publicly express political opinions, and Markle has a history of vocally standing up for what she believes in, like women's rights and progressive politics (The Week) [Доброрадных, 2020]. Как следует из двух приведенных контекстов, форма герундия демонстрирует очевидные полифункциональные свойства за счет проявления как свойств глагольности, так и свойств субстантивности. В системе глагольной и именной репрезентации место герундия определено как место языковой единицы, выполняющей функции и глагольной, и именной формы, – что подтверждает идею А.И. Смирницкого и его последователей о правомерности выделения именных форм глагола в отдельную грамматическую категорию – категорию именной репрезентации [Смирницкий, 1957].

В следующем примере важным фактором реализации форм на –able являются лингвокультурный и социолингвистический [Ter-Minasova, 2011, p. 47-54] аспекты, где данные образования отражают характеристики изображаемого в данном контексте англоязычного социума, что проявляется в таких речевых особенностях, как контекстуальная контактность актуализируемых значений, инверсии, реализации эллиптической конструкции: His strength which he had never used hatefully against anyone, except a temper, was useless now that it came to a fight in which there was plenty of hate, but no knowable, breakable, touchable enemy (Aldridge). But Sam was like all servants, dismissable. And summonable. Summoned he was at a surprisingly early hour that next morning (Fowles). Обращаясь к следующим контекстам, отметим, что в романе Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» единица с суффиксом–able выступает как своего рода социо- и лингвокультурная константа эмоционально-оценочного характера в составе целого ряда ключевых синтагматических единиц: In his cousin’s face, with its unseizable family likeness to himself, and its chinny, narrow, concentrated look, Jolyon saw that which moved him to the thought: ‘That chap could never forget anything – nor ever give himself away. He’s pathetic!’; A stranger, seeing them together, would have noticed the unseizable resemblance between these second cousins of the third generation of Forsytes; But there was between the cousins another far less obvious antipathy – coming from the unseizable family resemblance, which each perhaps resented (Galsworthy).

Исходя из утверждения, что интерпретатор трактует знаки в соответствии со своим собственным социальным и культурным опытом, целесообразно обратиться к понятию картины мира, которое позволяет установить связь между интерпретатором и знаком. Наглядно иллюстрирует данное утверждение пример с локализацией контента. Например, персонаж-свинья распространен в детских играх и мультфильмах в восточно-

европейской и западноевропейской культурах, но не пользуется популярностью в ряде арабских стран по религиозным причинам, поэтому создатели мультимедийного контента для детей стараются минимизировать или вовсе убрать таких персонажей из арабских версий, так как носители данной культуры трактуют этот образ в рамках своей картины мира.

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, картина мира создается не только культурой, но и языком. Каждый из этих компонентов играет важную роль – даже носители одного языка, принадлежащие к разным культурам, имеют различные картины мира. Например, носители разных вариантов английского языка в странах Содружества (Канада, Австралия, Новая Зеландия) или жители Соединенных Штатов Америки имеют некоторые принципиальные, исторически и географически обусловленные различия в культурах, а, соответственно, и в картинах мира [Вишнякова, Скурихина, 2011; Вишнякова, 2013]. Стоит также обратить внимание на распространение языков в бывших колониях, например, английского в Индии или французского в Алжире, а также возникающей в данном случае интерференции [Багана, 2004]. Подобные случаи характеризуются появлением инвариантов английского или французского языков, связанных не с британской или французской культурами, а с местными культурными и нередко – языковыми традициями.

Концепция «World Englishes» включает утверждение о непосредственном национальном влиянии принимающих языков и культур на английский язык [Прошина, Иванкова, 2010; Kirkpatrick, 2007; Proshina et al., 2020]. Помимо внедрения в язык национальных терминов и локальных понятий, а также очевидного изменения фонетического оформления, структурные и содержательные изменения претерпевают и правила словообразования или построения предложений [Мировые языки и культуры как объект филологического исследования, 2023, с. 429-430]. Таким образом, помимо официальных вариантов английского языка, зафиксированных в словарях и энциклопедиях, существуют созданные вследствие практической необходимости и лингвокультурных воздействий, используемые определенными социумами варианты, например, китайский английский или индийский английский. Носители данных вариантов английского языка имеют различные языковые, культурные и концептуальные картины мира.

Языковая картина мира вербализует национальную культурную картину мира. С.Г. Тер-Минасова отмечает тесную взаимосвязь языка и социума, который говорит на этом языке: «Язык – орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т.п., то есть через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения» [Тер-Минасова, 2008, с. 20]. Языковая картина мира каждого отдельного человека «отражает» восприятие реального мира через призму его личных смыслов и понятий. В этой связи значимым является и понятие языковой личности, представленное в работах Л. Вайсгербера [Вайсгербер, 2004], Ю.Н. Караулова [Караулов, 2010] и

других ученых [Гарагуля, 2012; Чекулай et al., 2023]. Языковая личность – это не только носитель языка, но и носитель культуры, традиций, норм поведения и исторического опыта определенного социума. Языковая личность формируется посредством и под влиянием языка, на котором говорит общество, и сочетает в себе социальный и индивидуальный опыт человека. В 30-е г. XX века американскими лингвистами Э. Сепиром и Б. Уорфом была предложена вызвавшая неоднозначную реакцию научного сообщества гипотеза лингвистической относительности, основная мысль которой заключалась в том, что именно язык определяет наше мышление и способ познания действительности [Сепир, 1993].

Обращение к переводческой проблематике, непосредственно связанной со сравнительно-сопоставительными процессами, позволяет выявить специфику лингвокультурной обусловленности языковых и, соответственно, речевых реализаций. Например, прилагательное *aggressive* употребляется в английском языке в своем основном значении, согласно Cambridge Dictionary трактуемому как “showing anger and a willingness to attack other people”. В русском языке в значительном количестве случаев эквивалентом служит прилагательное «агрессивный», имеющее ярко выраженную негативную коннотацию: If I criticize him, he gets aggressive and starts shouting [Cambridge Dictionary. Электронный ресурс]. Помимо данного значения aggressive часто употребляется в контексте активных действий, направленных на достижение цели, в английском языке: “determined to win or succeed and using forceful action to do this”. В данном случае aggressive содержит в себе значение «активный, энергичный, напористый», что, например, в контексте бизнес-коммуникации имеет положительную коннотацию: an aggressive election campaign, aggressive marketing tactics. Актуализация значения «агрессивный» в русском языке в подобных смысловых ситуациях в подавляющем большинстве случаев может рассматриваться как коннотативно окрашенная единица, предполагающая негативные ассоциации, что соотносится с особенностями ментальных представлений русскоязычного лингвокультурного социума. Данный пример может служить экземплификацией явления «Ложные друзья переводчика».

В том же ключе вызывает очевидное несогласие употребление в русском языке слова «амбиция» в значении «задача, поставленная цель и т.п.» (от английского “ambition” – “strong desire, particular desire of this kind”), имеющего негативную коннотацию и характеризующегося в русской лингвокультурной традиции особой спецификой употребления, как и прилагательное «амбициозный» (в английском языке “ambitious” – “full of ambition, showing or needing ambition”). Приведем показательный пример из словаря русского языка С.И. Ожегова: «Амбиция – 1. Обостренное самолюбие, а также спесивость, чванство. *Войти (вломиться, удариться) в амбицию* (обидевшись, рассердиться; разг.) 2. Обычно мн. Претензии, притязания на что-н. (неодобр.) *Ничем не обоснованные амбиции*» [Ожегов, 1990, с. 30].

Еще одним примером является существительное *figure*, которое в своем основном значении “the symbol for a number or an amount expressedin

numbers" может выступать в ряде контекстов «ложным другом» переводчика и соответствует в русском языке существительным «цифра, данные, числовое значение»: Write the amount in both words and figures [Cambridge Dictionary. Электронный ресурс]. Другое значение "the shape of the human body, or a person" идентично русскому эквиваленту «фигура» и характеризуется менее частотным употреблением. Важным фактором в данном случае является контекст актуализации данного языкового значения: I could see two tall figures in the distance [Cambridge Dictionary. Электронный ресурс].

Наглядно иллюстрирует различие в восприятии действительности и различие в картинах мира перевод идиоматических выражений, пословиц и поговорок. Например, *When in Rome do as the Romans do* этимологически связана с латинским языком и письмами Папы Римского Климента XIV (XII век). Согласно Cambridge Dictionary она означает "when you are visiting another place, you should follow the customs of the people in that place". В русском языке похожее значение представлено пословицей «*Со своим уставом в чужой монастырь»*, которая также обусловлена историческим контекстом, но в рамках русской культуры. «Некоторые монастыри имели свои судебные уставы: «ведать и судить своих людей сами и во всем, опричь душегубства и разбоя с поличным».» [Михельсон, 2004. Электронный ресурс]. Таким образом, две пословицы со сходным содержанием и употреблением в похожих ситуациях в английском и русском языках имеют совершенно разное происхождение, обусловленное историческим и культурным контекстом, а, соответственно, и смыслы, которые вкладывает каждый из коммуникантов в данную единицу языка отличаются, так как отличаются их языковые картины мира. Среди похожих примеров можно назвать: *When pigs fly – Когда рак на горе свистнет, black sheep – белая ворона, a rainy day – черный день* и т.п.

В этой связи необходимо упомянуть о таком явлении, как лингвокреативность, которое позволяет носителям разных языковых картин мира понять значение ряда единиц языка, только при условии владения контекстом и культурными знаниями, отражающими особенности лингвокультурных различий в плане актуализации языковых значений. Например, формы на -ing *stalkering, Gatsbying, brexiting* являются примерами проявления лингвокреативности, не имеют эквивалентов в русском языке и могут быть интерпретированы описательно с учетом культурного, политического, социального контекстов, а также понимания специфики реализации семантических характеристик указанных единиц.

Обращаясь к нематериальным единицам языка, наиболее важным может быть назван факт различия грамматических категорий в английском и русском языках, так как английский язык является аналитическим, а русский – флективным. Вследствие аналитического характера английского языка ряд морфологических единиц может быть отнесен как к сфере словообразования, так и словоизменения. Известно, что для английского языка типичной является омонимия словоформ, т.е. слова с идентичными морфемами могут относиться к разным частям речи, а их категориальное

значение может быть выявлено только на уровне речи, с учетом соответствующего синтаксического контекста. К таким морфемам относится суффикс -ing, содержащий в себе значение процесса и служащий для образования таких частей речи, как герундий, отглагольное существительное, прилагательное и причастие I, где герундий и причастие I в силу подвижности лежащих в их основе пропозициональных структур могут быть отнесены к полифункциональным единицам языка, поскольку в ряде случаев их категориальное значение не может быть четко установлено вне речевой реализации и понимания особенностей формирующих их пропозиций. Данный факт следует учитывать при переводе герундиальных конструкций с английского языка на русский. Рассмотрим различные способы передачи категориального содержания герундия на русский язык:

Completing his degree would ensure that he was better equipped to do the job, especially as by studying social anthropology he would be better able to understand his players [British National Corpus. Электронный ресурс].

В данном примере форма *completing* может быть передана на русский язык существительным «получение», которое отражает субстантивную природу грамматического значения, в то время как форма *studying* передается посредством деепричастия «изучая», что указывает на наличие в структуре пропозиции глагольного значения. И существительное, и деепричастие репрезентируют длительность, процесс.

May be Councillor efforts'd be better employed asking his leader to stop wasting public money and direct a bit more into Social Services [British National Corpus. Электронный ресурс].

Форма *wasting* может быть передана на русский язык другой неличной формой глагола – инфинитивом «тратить», который, как и герундий, имея глагольную основу, выполняет в предложении функции существительного, а, значит, также сочетает в структуре грамматического значения пропозиции существительного и глагола.

Only child Adele wrote after reading about a local teenager who died waiting for a swap op. [British National Corpus. Электронный ресурс]. Для передачи герундиальной конструкции *after reading about* целесообразно использовать придаточное предложение «после того, как она прочитала о…», которое репрезентирует в значении завершенное действие, что не отражает процессуальной, субстантивной природы герундия, а содержит только глагольные характеристики.

Таким образом, герундий может быть передан на русский язык существительным (отглагольным существительным), инфинитивом, деепричастием или личной формой глагола в придаточном предложении. Встречаются также случаи передачи герундия с помощью прилагательного. Из данного утверждения следует, что при передаче нюансов значения, в том числе категориального, переводчик должен подобрать эквивалентные конструкции в русском языке, которые бы отражали в полной мере субстантивный и глагольный характер рассматриваемой формы на -ing. Вместе с тем, при отсутствии равнозначного эквивалента мы интуитивно оцениваем степень манифестируемости субстантивных или глагольных

свойств в языковой единице в данном контексте, включая лингвокультурные проявления, необходимые для адекватного понимания содержания, и в соответствии с результатом анализа пропозициональной структуры, который осуществляется на ментальном уровне и непосредственно связан со спецификой языкового сознания, выбираем подходящую грамматическую конструкцию в русском языке. Отметим также, что каждая из частей речи, используемых в качестве эквивалента герундия в русском языке, основана на пропозиции, соотносимой с пропозициональной структурой герундия. В то же время если в случае с герундием в английском языке пропозиция имеет двусторонний характер, то для реализации сходного категориального значения, основанного на репрезентации совокупности субстантивных и глагольных характеристик, при переводе на русский язык могут использоваться различные способы трансляции, в том числе комплексные, позволяющие наиболее адекватным образом передать всю совокупность заложенных в герундиальных значениях смыслов.

Таким образом, процесс актуализации языковых значений, представленных на различных уровня языка, обусловлен лингвокультурными особенностями существования и развития языка, отражающегося в языковом сознании, языковой, культурной и концептуальной картине мира данного социума, и представляет собой обширное поле для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Александрова О.В. Проблема дискурса в современной лингвистике // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов. Калининград, 1999. С. 10–14.
2. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1957. 295 с.
3. Багана Ж. Багана Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма: дис. … д-ра филол.наук. Саратов, 2004. 350 с.
4. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Едиториал УССР. 2004. 232 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
6. Вишнякова О.Д. Существует ли «модальное причастие» в английском языке? Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. №3. 2013. С. 124–135.
7. Вишнякова О.Д. Языковые репрезентанты национально-культурной специфики новозеландского социума: проблемы мотивированности и концептуальной полноценности // Язык: мультидисциплинарность научного знания: научный альманах / под ред. О. В. Труновой. Выпуск 4. Барнаул: АлтГПА, 2013. С. 58–63.
8. Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство: на материале современного английского языка М.: Макспресс, 2002. 379 с.
9. Вишнякова О.Д., Скурихина О.В. Структурно-содержательные трансформации языковых единиц с национально-культурным компонентом в новозеландском английском // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. 2011. №. 6(101). Вып. 9. С. 120–126.

10. Выготский Л. С. Собрание сочинений в 6-ти томах. М.: Педагогика, 1982-1984. 487 с.
11. Гарагуля С.И. Языковая личность. Индивид и его имя в иноязычной среде. М.: "Либроком", 2012. 164 с.
12. Гвишиани Н.Б. Современный английский язык. Лексикология. М.: Изд-во МГУ, 2000. 218 с.
13. Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. – М.: Высш. школа, 1979. 200 с.
14. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сборник трудов под редакцией В.В. Петровой. М.: БГК им. И.А. Бодуэна Де Куртенэ, 1999. 310 с.
15. Доброрадных Т.А. Взаимодействие системных и функциональных особенностей реализации полифункциональных языковых единиц в текстах англоязычных СМИ (на примере форм на -ing: герундий). Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Белгород, 2020. 26 с.
16. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
17. Мировые языки и культуры как объект филологического исследования: кол-я мон-я / под общ. ред. О.Д. Вишняковой, А.А. Липгарта. М.: Изд-во «Наука», 2023. 456 с.
18. Михельсон М.И. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]: в 3 т. : 216 тысяч русских слов, 44 тысячи иностранных слов / [М. И. Михельсон]. Электрон. текстовые дан. и прогр. М.: Си Этс, 2004.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: «Русский язык», 1990. 921 с.
20. Прошина З.Г., Иванкова Т.А. World Englishes Paradigm, или контактная вариантология английского языка // Личность. Культура. Общество. 2010. Т.12. №1(53-54). С. 173-174.
21. Реформатский А.А. Введение в языкознание: учебное пособие для педагогических институтов. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1955. 401 с.
22. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ; перевод с английского под редакцией и с предисловием А.Е. Кибрика. М.: Прогресс: Издательская группа «Универс», 1993. 654 с.
23. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 440 с.
24. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка под редакцией В.В. Пассека. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. 284 с.
25. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: СЛОВО, 2008. 342 с.
26. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: СЛОВО, 2000. 146 с.
27. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика: общая и английская синтагматика составных номинативных групп. М.: URSS: Либроком, 2009. 198 с.
28. Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности "Иностранные языки". М.: URSS, 2007. 143 с.
29. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь:русский, белорусский, болгарский, украинский. М.,2004.792с.
30. Чекулай И.В., Кучмистый В.А., Шустов Д.В., Прохоров Н.А. Лингвокультурный типаж «трикстер» как часть исследования феномена языковой личности // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42. № 3. С. 585–592.
31. .British National Corpus. URL: https://English-Corpora.org (accessed: 12.02.2024).
32. Cambridge Dictionary. Cambridge University Press & Assessment. 2024. URL: https://dictionary.cambridge.org (accessed: 11.02.2024).
33. Kirkpatrick A. World Englishes: Implications for International Communication and English Language Teaching. Cambridge University press, 2007.
34. Proshina Z., Nelson C. and Davis D. Introduction: The World of World Englishes // The Handbook of World Englishes. 2nd edn, Wiley-Blackwell (United States). 2020. P. xxvi-xxx.
35. Ter-Minasova S. Language, linguistics and life: a view from Russia. Moscow: URSS : КРАСАНД, 2011. 172 с.

1.5. СИНТАГМАТИКА МЕДИАДИСКУРСА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Вопросы организации медиадискурса и влияния социокультурных и национально-культурных факторов на особенности этой организации вызывают неизменный исследовательский интерес. Одним из аспектов данного направления исследований является изучение синтагматической организации медиаречи.

Согласно ставшему классическим определению С.Г. Тер-Минасовой, «Синтагматика – общее учение о принципах соположения значащих элементов языка. В сфере ее изучения находятся составные языковые единицы разных уровней, причем все их объединяет номинативный характер» [Тер-Минасова, 1986, с. 7]. Далее автор уточняет: «Если сравнивать объекты исследования синтаксиса (словосочетание, предложение, сверхфразовое единство, текст) с объектами исследования синтагматики (производное слово, нестойкое сложное слово, словосочетание), становится ясно, что именно словосочетание является той ключевой единицей, через которую устанавливается связь между синтаксисом и синтагматикой» [Тер-Минасова, 1986, с. 7-8].

При этом существенным оказывается изучение синтагматики с позиций, выходящих за рамки структурно-синтаксических исследований и предполагающих обращение к изучению прагматической направленности текста. Изучение синтагматической организации медиатекстов с опорой на методологию экспрессивно-синтаксического и когнитивно-синтаксического анализа позволяют ответить на ряд крайне актуальных вопросов, касающихся функционально-стилистического статуса медиатекстов.

Значение и значимость когнитивно-грамматического принципа изучения синтаксических явлений подчеркивалась в работах зарубежных (G. Lakoff, R. Langacker, J. Miller и др.) и отечественных (О.В. Александровой, Е.О. Менджерицкой и др.) ученых. Предложенный подход позволяет выйти за рамки дескриптивного, формального рассмотрения синтаксических единиц и продемонстрировать роль синтаксической организации текста в реализации общей функционально-прагматической установки соответствующего типа коммуникации.

Поскольку толчком к развитию теории когнитивного синтаксиса явилось развитие общей теории синтаксиса как науки о построении речи, когнитивный синтаксис, фокусирующийся на особенностях восприятия сообщения реципиентом и на влиянии структурно-композиционных характеристик сообщения на его восприятие, определяется как наука о построении дискурса [Менджерицкая, 2017].

Подобный подход доказал свою эффективность в плане изучения форм массовой коммуникации, прагматической установкой которой является эффективная передача сообщения аудитории, имеющей сложный гетерогенный характер. Поскольку при осуществлении коммуникативного взаимодействия с массовой аудиторией важным является расчет степени

успешности декодирования медиатекста различными представителями целевой аудитории, особое значение приобретают вопросы, связанные с реализацией средств языковой экспрессии, позволяющих наиболее эффективно воздействовать на реципиентов. Данное обстоятельство определяет необходимость разработки механизмов оценки коммуникативной эффективности медиатекстов и стилистических характеристик медиадискурса. В этом плане бесспорную методологическую значимость имеет выявление роли синтаксических факторов в стилистической дифференциации текстов, проведенное в исследованиях по синтагматике функциональных стилей [Тер-Минасова, 1980, 2008; Микоян, Тер-Минасова, 1981].

При этом, обобщая результаты категориального изучения словосочетания как признака художественного и научного стилей, С.Г. Тер-Минасова в своей монографии «Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков», ставшей классической для многих поколений филологов, делает следующие выводы: «Для функционального стиля художественной литературы, особенности которого определяются его основной функцией – функцией воздействия, характерно наличие абсолютно свободных метасемиотических синтаксических синтагм, созданных для данного произведения речи и насыщенных эмоционально-оценочно-экспрессивными коннотациями. Все другие разновидности словосочетаний, будучи транспонированы в ткань словесно-художественного творчества, подчиняются общей задаче – воздействовать на читателя, создать определенные художественные образы….Поэтому основной категорией словосочетаний функционального стиля художественной литературы является категория коннотативности.

Особенности научного стиля обусловлены его основной функцией – функцией сообщения. Здесь преобладают стилистически нейтральные, узуальные, устойчивые и регулярно воспроизводимые сочетания» [Тер-Минасова, 1986, с. 66]

В исследовании «Малый синтаксис как средство разграничения стилей» [Микоян, Тер-Минасова, 1981] особо подчеркивается роль категории коннотативности в языке СМИ. На основании анализа различных медиажанров были выявлены корреляции между прагматическими установками различных медиатекстов и количеством коннотативно маркированных словосочетаний, присутствующих в них. Так, например, в исследовании было продемонстрировано, что «те же самые события, которые в официальных сводках новостей были изложены клишированными, подчеркнуто нейтральными, намеренно лишенными какой бы то ни было выразительности словосочетаниями», в репортажно-развлекательных текстах выражаются «эмоционально, экспрессивно, ненейтрально, то есть с помощью коннотативных словосочетаний» [Там же, с. 59].

Когнитивный подход к анализу языка СМИ не дает возможности установления однозначных корреляций между функцией текста и теми языковыми средствами, при помощи которых данная функция реализуется, т.е. не позволяет считать его просто функциональным стилем, а требует рассмотрения дискурсивных характеристик данного фрагмента языковой действительности, связывающего его как с ментальными аспектами коммуникации, так и со всеми составляющими коммуникативного процесса в этой области в целом.

В соответствии с данном пониманием можно выделить такие типы дискурса, как дискурс качественной прессы, дискурс популярной прессы (причем, следует отдельно рассматривать дискурс таблоидов и дискурс глянцевых журналов), а также дискурс специализированных изданий, таких как научные и научно-популярные журналы. [Менджерицкая, 2006]

Данная типология представляется актуальной, т.к. учитывает и особенности взглядов и задач «производителя» информации, и возможности и ожидания целевой аудитории, и широкий контекст бытования информации, и тот посыл, который закладывается адресантом и воспринимается (или не воспринимается) адресатом в полном или неполном, адекватном или искаженном виде, а также языковые средства, при помощи которых осуществляются данные процесссы.

Приведем примеры синтагматического анализа разных типов дискурса печатных СМИ, обратив особое внимание на характер словосочетаний с точки зрения коннотативности, а также понятийной и социокультурной обусловленности.

В качественной прессе – в издании “The Economist” была опубликована статья под названием “The Unbearable Lightness of Finance”. Само заглавие аллюзивно и отсылает нас к известным произведениям – роману Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» и его экранизации.

Приведем первый абзац статьи, заимствованной из печатных СМИ:

“Those that can, do. Those that can’t, teach.” Robert Merton and Myron Scholes seemed to prove the old saying wrong. The two economists – the first at Harvard Business School, the second at Stanford University – shone with equal brilliance in the ivory towers of academia and in the real world of making money. Joint winners of the 1997 Nobel prize for economics, for their contributions to the theory of how to price financial assets, they were welcomed with rapturous applause both in academic forums and on bank trading-floors. Until, that is, the collapse in September of Long-Term Capital Management (LTCM), a hedge fund in which both professors were founding partners. Neither has been seen in public since” [The Economist, December 3, 1998; См. также: The Unbearable Lightness of Finance.Эл. ресурс].

Здесь наблюдается своеобразное столкновение словосочетаний, относящихся к общеупотребительной терминологии языка делового

общения (таких как ‘to price financial assets’, bank trading-floors’, ‘to be founding partners’, ‘a hedge-fund’) и коннотативных, эмоционально окрашенных словосочетаний общего регистра (таких как ‘to shine with equal brilliance’, ‘the ivory towers of academia’, ‘to be welcomed with rapturous applause’).

Рассмотрим пример другого качественного издания – газеты “The Times”. Так, материал одного из номеров, анонсируемый на первой странице как “How pop went posh” с подзаголовком “The public school kids who are taking over the charts” сопровождается фотографией молодых людей в цилиндрах и с моноклями. Сама статья занимает целый разворот, половину которого оккупирует весьма яркая фотография тех самых молодых людей с подписью “The silver-spoon brigade” и перечислением имен «золотой молодежи», изображенной на снимке. При этом статья озаглавлена “Wanted: teenage singer, cheekbones essential, must have own fag” и имеет подзаголовок “Move over; you scruffy oiks. The upper crust have seized pop’s crown, says Will Hodgkinson”. Такие приемы языковой игры и использования аллюзий на известные идиомы типа “to be born with the silver spoon in one’s mouth” призваны привлечь внимание аудитории и сделать чтение нескучным.

Если же обратиться к тексту самой статьи, то можно проанализировать несколько абзацев (первый, взятый из середины статьи и последний).

“In 2010 it’s not only the Cabinet that has been taken over by posh people. Just as David Cameron and Nick Clegg learnt their craft in the debating societies of Eton and Westminster, so have the privileged, the privately educated, in some cases the titled taken over pop music. After letting louts such as Oasis and Kasabian have their moment, the toffs are giving them a jolly good hiding and taking their rightful place at the top of the charts” [The Times, August 13, 2010].

Нельзя не обратить внимания на словосочетание “to learn one’s craft”, относящееся к политикам. Наряду с упоминанием популярных в современной Британии исполнителей, обозначенных весьма ярким разговорным негативно окрашенным словом “louts” (в переводе «хамы»), появляются несколько сниженные словосочетания “to let smb. have their moments”, “to give smb. a jolly good hiding”, не говоря уже о “the toffs” вместо тех самых “the privileged, the privately educated, in some cases the titled”. На этом фоне употреблены вполне нейтральные сочетания “to take one’s rightful place”, “ at the top of the charts”.

Таким образом, при общей сбалансированности нейтральных и воздействующих компонентов, достигается эффект некоторой иронич-ности.

Другой абзац звучит так:

“Nowhere does good breeding come into play more than in America, the great stumbling block of British working-class acts. The two most significant

British bands of recent times, Oasis and Arctic Monkeys, both failed to make it in the United States, where good manners are judged of equal importance to talent and attitude. You can't help but feel that those bands' refusal to do the demeaning slog of local radio slots and meet-and-greets, which require being nice to everyone from local DJs to teenage fans, has had something to do with this" [Op.cit.].

Здесь используются и клишированные нейтральные сочетания ("good breeding", "to come into play", "stumbling block", "good manners", "to be judged of equal importance to smth.", "to have smth. to do with smth.") и несколько более разговорные ("to fail to make it", "to do the demeaning slog of local radio slots and meet-and-greets", "being nice to everyone").

Таким образом, воздействие на читателя оказывается в том числе и при помощи игры на нейтральности/коннотативности словосочетаний.

Последний абзац этой статьи представлен следующим образом:

"Of course, class doesn't really matter when it comes to penning a great song. The stark beauty of Nick Drake's River Man is hardly lessened by the fact that the late singer holds the record for the 100-year dash at Marlborough College. But the truth is that a privileged background is increasingly providing the environment needed to make it in the music business. Perhaps it's only a matter of time before the line-up of Glastonbury is built entirely on the playing fields of Eton" [Op.cit.].

Этот абзац содержит ряд устойчивых, воспроизводимых сочетаний, характерных для научного, делового или даже официального стиля речи: " But the truth is…", "Perhaps it's only a matter of time…", "to be built entirely on smth.", "a privileged background", "to provide smth. increasingly", " to provide the environment needed", "the music business". В то же время здесь встречаются и вполне разговорные обороты: "to penny a great song", "the stark beauty", " the late singer holds the record for the 100-year dash at Marlborough College", "the line-up of Glastonbury is built entirely on the playing fields of Eton". В двух последних случаях мы имеем дело также с когнитивными метафорами, основанными также на социомаркированных прецедентных реалиях – Marlborough College, Glastonbury, Eton.

Таким образом, современные исследования доказывают, что качественная пресса призвана не только информировать читателя о тех или иных фактах и событиях, но и оказывать воздействие и даже развлекать. Безусловно, степень реализации этих функций разнится. Но языковая игра и наличие иронии в качестве модальности текстов качественных изданий, показывают, что не только воздействие, но и развлечение уже прочно обосновались в этом типе печатных СМИ. Синтагматические характеристики этих текстов также заставляет нас думать о том, что журналисты качественных изданий должны постоянно заботиться о расширении репертуара средств донесения до читателя не только информации, но и содержания-намерения своих творений.

Следовательно, восприятие текстов качественной прессы зависит от способности читателя улавливать тонкую игру коннотаций, замечать обыгрывание стереотипов восприятия и использовать фоновые знания.

Если же обратиться к таблоидам, то можно найти даже пример того, как действительно серьезный и трагический случай становится сюжетом эмоционально воздействующего художественно-публицистического очерка, опубликованного в «Daily Mail". Приведем лишь начало статьи:

No tears – just a silent scream for a daddy lost in the carnage
Daily Mail, Jeff Powell
09 June 2000
THE big Euro 2000 football party gets under way when Belgium meet Sweden tomorrow. But a menacing shadow looms over the festivities.
Sportsmail has long condemned the lethargy of administrators in confronting the scandal of the travelling thugs.
Which is why, hoping for a last-minute change of heart among those going to Holland and Belgium with evil intent, we today give a painfully graphic and powerful eye witness account of one of football's worst tragedies – Heysel.
It is a story of horror and grief and one every hooligan should be made to read [No tears – just a silent scream for a daddy lost in the carnage. Эл. ресурс].

Проблема английских болельщиков превратилась в головную боль не только для Британии, но и для всей Европы. Тот эмоциональный накал и пафос, с которым автор обращается к футбольным фанатам, объясняется не только переживаниями самого журналиста, но и тем, какое место отводится футболу в жизни нации.

Автор использует весьма нелицеприятные характеристики, обращаясь к фанатам: "But I want it to be read and inwardly digested by every tattooed lout, every beer-bellied yob, every National Front thug, every last hooligan, in fact, who is heading for Euro 2000 with a snarl on his face and hate in his heart" [Op.cit.].

Статья изобилует эмоционально-оценочно коннотативными сочетаниями: «the scandal of the travelling thugs», «give a painfully graphic and powerful eye witness account of one of football's worst tragedies», «a story of horror and grief», «that damned wall», «the most harrowing of human tragedies», «my reluctant duty to witness in the sullied name of sport and to the humiliation of the English people», «the consequence of their ghastly actions», «to have it rammed down their throats», «to blame for this and every brutish outrage of its kind», «The vile, bloody, booze-sodden culture with which they have infested this national game of ours…», «going back to the scene of such wrenching anguish, so dark a place in the memory», «a haunting pilgrimage», «inflamed as they were by their drunken belief that they could travel without match tickets yet with some divine right to watch the game», «Fate can be quick and terribly cruel», «were dying in similar agony», «Heysel pronounced English football leprous», «they rampage at comparative will through the streets of

foreign cities», «are as guilty as the cowardly dregs of society who wreak their havoc», «they bleat about police provocation», «protest about the dilapidated state of stadiums which they reduce to rubble», «exploit with evil relish», «throws the first brick in anger or breaks the first bottle in retaliation», «unutterably full of pathos».

В тексте встречаются и идиоматические выражения: «a last-minute change of heart», «the father had a split second to throw his lad clear», «stockbrokers who go just for the kicks», «to have it rammed down their throats», «the bottom line».

Оксюморон «a silent scream», используемый в названии статьи, хоть и является стертым, будучи повторенным и обыгранным несколько раз в тексте статьи, становится своего рода метафорой того отчаяния, которое вызывает у автора данная проблема.

Приведем еще один отрывок из статьи, опубликованной в “Daily Mail”:

Drab to fab! Whitney Port goes from pale and pasty to glowing and gorgeous for style party

By Sarah Fitzmaurice, Daily Mail

28th January 2011

Strutting her stuff on the red carpet last night Whitney Port was looking as gorgeous as ever as she attended People magazine's StyleWatch event in LA. But just a few hours earlier she was not looking so glamorous, in fact she was looking like a completely different person. Ahead of the fashion event, the 25-year-old reality TV stepped out without a scrap of makeup as she visited a beauty salon for a manicure. But while we are used to seeing the fashion designer primed and preened to perfection, she was looking washed out with a pasty complexion and large bags under her eyes were clearly visible on her face. Dressed in a scruffy teal t-shirt leggings and flat pumps a dressed-down Whitney looked tired as she removed her aviator sunglasses from her face. But despite her underwhelming appearance, former The City star seemed in good spirits as she was pampered by the beauty therapists and opted for a dark grey varnish on her nails.

Just a few hours later Whitney went from drab to fab as she stepped out onto the red carpet looking absolutely stunning. Her hair, which had seemed lack luster just hours earlier, was full bodied and shiny, styled into her signature loose curls. Whitney's face was looking absolutely beautiful showing off a flawless complexion with rosy cheeks bright eyes and smoky eyeshadow to finish off her look [Drab to fab! Whitney Port goes from pale and pasty to glowing and gorgeous for style party. Эл. ресурс].

В названии используются три пары прилагательных, являющихся ключевыми для данной статьи: “drab to fab”, “pale and pasty”, “glowing and gorgeous”. В них используется явная фонетическая и смысловая игра.

В первом случае мы имеем дело с паронимами и оксюмороном, ибо drab означает “not bright in colour, especially in a way that stops you from

feeling cheerful; boring", а значение слова fab (которое является разговорным сокращением прилагательного 'fabulous') – "extremely good or impressive, wonderful". Это словосочетание возникает не только в заглавии, но и в тексте самой статьи, что делает его своего рода приманкой для читателя и ключом к пониманию смысла заметки: звезды в обычной жизни мало, чем отличаются от обычных людей, и преображаются только на время выходов в свет.

Два других сочетания "pale and pasty" и "glowing and gorgeous" демонстрируют не только аллитерацию, но и противопоставление негативно и позитивно окрашенных коллокаций. Компоненты этих сочетаний употребляются в тексте статьи и по отдельности, сохраняя свою ингерентную коннотативность: "she was looking washed out with a pasty complexion", "Whitney Port was looking as gorgeous as ever".

Явное противопоставление негативных и позитивных тенденций во внешнем виде звезды прослеживается на протяжении всей статьи: "she was not looking so glamorous", "her underwhelming appearance", "dressed in a scruffy teal t-shirt leggings and flat pumps a dressed-down", she "looked tired as she removed her aviator sunglasses from her face", "we are used to seeing the fashion designer primed and preened to perfection", "she stepped out onto the red carpet looking absolutely stunning", "Whitney's face was looking absolutely beautiful showing off a flawless complexion with rosy cheeks bright eyes and smoky eyeshadow to finish off her look", "The dramatic transformation, probably down to a team of hairstylists and make-up artists readily available to celebrities, was finished off with a stunning pastel sequined dress. She showed off her model figure in the delicate dress and finished off her outfit with a pair of silver peep toe heels". Стоит отметить, что автор часто прибегает к одним и тем же фразовым глаголам и вообще склонен к лексическим повторам.

Таблоиды, в отличие от качественной прессы, призваны прежде всего развлекать читателя и воздействовать на него эмоционально. При этом из трех системообразующих факторов массово-информационного дискурса – информирование, воздействие, развлечение – в таблоидах превалируют два последних, а первый присутствуют в лучшем случае в виде «инфотейнмента», что отражается и на синтагматическом уровне организации дискурса.

Следует отметить, что в число наиболее динамично развивающихся современных направлений исследований входит изучение природы речевого воздействия в различных типах дискурса. Особую роль результаты таких исследований играют, если речь идет о таком типе дискурсов, как дискурсы активного воздействия (см., например, [Соколова, 2014]). С учетом прагматических особенностей медиадискурса, возможно утверждать, что речевое воздействие является неотъемлемой составляющей любого его вида. Тем не менее, широкий видовой спектр медиадискурса демонстрирует вариативность степени доминирования воздействующего фактора.

Среди различных видов медиатекстов одними из наиболее активных по степени воздействия и наиболее четко направленных на оказание воздействия на реципиентов являются тексты, функционирующие в сфере интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК) и распространяемые посредством различных медиа, как традиционных (газеты, журналы, радио и др.), так и инновационных (социальные сети, сайты, новые электронные СМИ). В научной и научно-популярной литературе при описании таких текстов нередко применяются термины «рекламный текст» и «рекламный дискурс». Следует отметить, что подобный метаязыковой выбор не является достаточно верным, поскольку современные медиа распространяют различные типы текстов сферы ИМК. Приемлемым решением данной проблемы видится использование термина «продвигающие тексты», которые включают и рекламные тексты, но не ограничиваются ими (подробнее см. [Ксензенко, 2023; Ухова, 2018]), а также дифференцированное использование терминов «маркетинговый дискурс» и «рекламный дискурс». Следуя данному подходу, целесообразно говорить о продвигающих текстах, функционирующих в медиасфере.

Одной из основ воздействующей природы таких текстов является их синтаксическая организация, заданная их прагматической установкой. В ряду направлений изучения продвигающих текстов, позволяющих составить корпус наиболее рекуррентных языковых единиц, функционирующих в данном типе медиадискурса, а также обнаружить экспрессивные возможности языковых средств, следует отметить изучение малого синтаксиса продвигающих текстов. Как показало изучение материала, для продвигающих медиатекстов характерно наличие концентрации коннотативных словосочетаний. Данный признак является универсальным для большинства рекламных текстов, созданных на различных языках. Приведем примеры рекламных текстов, заимствованных из русскоязычных и англоязычных СМИ:

FORD KUGA
Больше стиля. Больше драйва
Новые технологии и яркий дизайн.
Удовольствие от вождения и море впечатлений.
Для города, для путешествий, для всего мира…
Испытайте FORD KUGA!
Запишитесь на тест-драйв у официальных дилеров Ford
Ford
Feel the difference

NOW THERE ARE
NO STUPID QUESTIONS.

Can you find a book by what's-his-name, from England? It has a really big kayak on the cover, but it's probably not about kayaking, because the word

kayak doesn't appear in the title...probably. Anyway, there's a chapter in it about snowshoes. And the New Yorker loved it. Can you find that?

Maybe so.

INTRODUCING BOOKSCOPE™

It's an amazing new way to not only find the world's leading books, but to actually access the contents without having the book in your hand. Bookscope allows you to retrieve information about titles in a way very similar to browsing the shelves and leafing through books.

ONE STOP ACCESS.

Bookscope OFFERS BETTER ACCESS TO MORE DETAILED INFORMATION.

Beyond title, author and subject reference, you can now actually call up the table of contents. (Finally, you can locate a chapter, or a single poem in an anthology.) Other information includes abstracts, author bios and book reviews, pub date, treatment of subject, degree of illustration and much more.

THE MOST CURRENT INFORMATION.

Bookscope is a comprehensive database offering 50,000 new titles every year. Entries appear several months prior to publication, but are updated constantly. (No more out-of-date titles or pricing information.)

THE EASIEST BOOK REFERENCE SOURCE.

Bookscope can be used by virtually any patron with no training. Just point, click, and go. Its unique "one-screen" feature gives you all the information you need at a glance.

FREE FOUR-MONTH PREVIEW.

We're so confident that you'll want Bookscope that we're now offering a free four-month preview, including monthly updates. If you decide to purchase during this period, we'll give you an exclusive 15% discount. Call 1-800-444-0799 now.

Сопоставительный анализ рекламных и других типов продвигающих текстов, созданных на разных языках, продемонстрировал, что степень насыщенности текста коннотативными словосочетаниями мало варьируется в зависимости от языковой принадлежности текста; фактором, влияющим на наличие и количество таких словосочетаний, является типологическая принадлежность текста и вид рекламируемого продукта. А именно, подобные словосочетания более характерны для потребительской рекламы на развороте, реже встречаются в рубричной и имиджевой рекламе. Концентрация коннотативных словосочетаний наблюдается как в рекламных текстах, так и в иных продвигающих медиатекстах (например, в PR-текстах).

Как было убедительно продемонстрировано в исследовании «Малый синтаксис как средство разграничения стилей», «…коннотативность может достигаться различными способами: употреблением слов с ингерентной коннотацией, нарушением понятийной или лексико-фразеологической обусловленности словосочетаний, соположением слов, принадлежащих

разным стилям, использованием контекста для придания высказыванию адрегентных коннотаций и т.д. и т.п.» [Микоян, Тер-Минасова, 1981, с. 59].

Например:

Встречайте новый GLA – первый компактный SUV от «Мерседес-Бенц». Он сочетает прогрессивный дизайн, маневренность и непревзойденную динамику. Аэродинамичные формы и спортивные пропорции GLA говорят о том, что этот автомобиль готов принять вызов стихии. Ему предстоит пройти тысячи бурь, вам – только одну – бурю эмоций!

Энергичный характер нового GLA отражен в смелых дизайнерских решениях. Эффектная форма крыльев и динамичные линии крыши формируют сильный и стремительный силуэт. Широкая дверь багажника с двухсекционными фонарями создает ощущение дополнительного пространства, а двухпоточная выхлопная система с хромированными патрубками завершает спортивный образ этого автомобиля.

Анализ синтагматических особенностей рекламных текстов, продемонстрировал преобладание в ряду коннотативно маркированных атрибутивных словосочетаний. Следует отметить, что роль атрибутивных словосочетаний в рекламных текстах неоднократно подчеркивалась исследователями (см., например: [Добросклонская, 2008]). Использование данного типа словосочетаний позволяет эффективно выполнить одну из задач рекламного текста, а именно – представить информацию о качествах и достоинствах рекламируемого товара или услуги.

Еще одним типом словосочетаний, который, как показало исследование материала, становится инструментом воздействия в рассматриваемом типе медиадискурса, являются объектные словосочетания.

Например:

Мы ценим безграничные возможности.
Мы наслаждаемся комфортом.
Мы выбираем Miele.

Следует подчеркнуть, что подобный тип словосочетаний нередко становится основой языковой игры в продвигающих текстах. Приведем несколько примеров:

And you thought we only <u>covered business</u>.
FT Weekend
Или:
HE'S NOT IN TEXAS.
BUT HE'S OILING THE WHEELS IN HOUSTON.
"Doug? It's Brian. I just got the results of the drilling programme."
"Impressed?"
"Amazed!"
"So were we. When are you back?"

“Tomorrow. First flight out. Hey, is the old man happy?”

“Ecstatic. Even after six dry holes.”

“I knew it was there. But I want to hear it from you. It’s pumping how many barrels a day?”

The rest of this conversation is strictly confidential.

With AT&T and your local telecommunications organisation the lines of communication to the States are open for everyone.

If you want your business to pick up, pick up the phone.

AT&T

В приведенных в качестве примера текстах используемый в объектных словосочетаниях троп основан на многозначности глаголов, входящих в состав данных словосочетаний.

При обсуждении воздействующей функции медиатекстов в фокусе внимания неизбежно оказывается такая категория словосочетаний, как социокультурная обусловленность. Важность этой категории для языка медиа неоднократно подчеркивалась в исследованиях: «…для языка массовой коммуникации эта категория особенно важна» [Микоян, Тер-Минасова, 1981, с. 65].

Диалогичность рекламной речи предполагает, что при осуществлении коммуникативного взаимодействия в рекламе необходимо принимать во внимание степень сходства систем кодификации/декодификации, используемых адресатом и адресантом. Особого внимания со стороны создателей рекламы в данном аспекте заслуживают социокультурно-маркированные языковые единицы, которые типичны для потребительской и политической рекламы, служат средством оказания воздействия на аудиторию, но требуют наличия у аудитории определенных фоновых знаний [Ксензенко, 2011]. Это предполагает необходимость изучения и оценки когнитивной базы и коллективного когнитивного пространства адресата рекламного сообщения (потенциальных потребителей).

В качестве примера рассмотрим рекламу известной сети универмагов DEBENHAMS:

Who needs mistletoe?

DEBENHAMS. Britain’s favourite department.

Для адекватной интерпретации данного рекламного текста необходимым является наличие у реципиента определенных фоновых знаний. В англоязычной культуре омела – традиционное рождественское украшение дома. Популярная и ныне традиция целоваться под ветками омелы на Рождество, по мнению некоторых исследователей, берет начало в древнескандинавской мифологии, где омела находилась в подчинении богини любви, красоты и плодородия Фрейи. Поцелуй под ветками омелы – залог любви и счастья. Реклама призывает посетить известный универмаг Debenhams в период рождественских праздников и в прямом значении – наполнить дом покупками, а в символическом – теплом и личным счастьем. Предположительно, подобные знания входят к

когнитивную базу большинства носителей англоязычной культуры (носителей соответствующего национально-культурного менталитета). Следовательно, вероятность верного декодирования данного текста адресатом (целевой аудиторией) является достаточно высокой. Для повышения адекватности декодирования языковой игры в вербальной части рекламы достаточно частотной является визуальная поддержка. В данном тексте невербальный контекст содержит иллюстрацию номинативного значения данного слова в невербальном контексте (изображения девушки в колготках с рисунком в виде веточек омелы).

Приведем еще несколько примеров использования социокультурно обусловленных словосочетаний в медиадискурсе активного воздействия.

SLEEPING BEAUTY
While you sleep, it works. Overnight.
For your younger skin.
(реклама крема Elizabeth Arden)
Мятежный. Просит бури.
Новый GLA от «Мерседес-Бенц»
(обложка буклета «Мерседес-Бенц»)
Cars of Germany
Caviar of Russia
Watches of Switzerland
Ceramics of Italy
(реклама торговой марки Ceramics of Italy)

Социокультурно маркированные единицы существенно влияют на общую экспрессивность продвигающих текстов, позволяя создать в сознании реципиентов определенный ассоциативный ряд с целью повышения экспрессивности и запоминаемости рекламы. При использовании таких средств выразительности необходимо принимать во внимание целый ряд факторов. В числе таких факторов – качественные характеристики представителей целевой аудитории, условия коммуникации и т.д.

Данное утверждение справедливо в отношении любого типа коммуникации. В то же время особое звучание оно приобретает, если речь идет о массовой коммуникации.

Исследование синтагматики современного медиадискурса с опорой на категориальный подход к анализу словосочетаний позволило выявить ряд средств повышения коммуникативной эффективности различных медиажанров. В ряду таких средств возможно выделить коннотативно маркированные и социокультурно обусловленные словосочетания. Использование данных языковых средств позволяет авторам текстов наиболее оптимально реализовать их прагматические установки. В то же время успешность этой реализации в значительной зависит от степени адекватности интерпретации используемых языковых средств целевой аудиторией. Необходимо помнить, что успешность коммуникации

зависит от совпадения ценностной картины мира передающей и воспринимающей аудитории. Поэтому коммуникация невозможна без учета ценностных ориентаций общества, его культуры. При этом «все тонкости и вся глубина проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными, а иногда и просто осознаваемыми, при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культуры со своей родной, привычной» [Тер-Минасова, 2000, с. 34].

Список литературы

1. Александрова О.В. Грамматическое построение речи в когнитивно-дискурсивной парадигме современной науки о языке // От грамматики к когнитивным основаниям концептов языка и культуры: Сборник научных статей. К 75-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ Т.А. Комовой / под ред. О.В. Александровой, С.Б. Улановой. М., 2019. С. 12-24.
2. Александрова О.В. Когнитивно-дискурсивная парадигма в изучении языка // Филология как средоточие знаний о мире. М. Краснодар, 2008.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ. Современная английская медиаречь. М.: ФЛИНТА; Наука, 2008. 203 с.
4. Ксензенко О.А. Лингвистические основы рекламной коммуникации: Монография. М.: МБА, 2011. 319 с.
5. Ксензенко О.А. Интерсемиотика интегрированных маркетинговых коммуникаций: к вопросу о взаимодействии вербальных и невербальных кодов в продвигающих текстах // Сб. науч.трудов «Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения». М.: «КДУ», Добросвет, 2023. С. 39-48.
6. Менджерицкая Е.О. Термин «дискурс» и типология медиадискурса // Вестник Моск. ун-та. Серия 10, Журналистика. М., 2006. № 2. С. 50-55.
7. Менджерицкая Е.О. Дискурсосфера печатных СМИ: игра на выживание: Монография. М.: МАКС Пресс, 2017. 312 с.
8. Микоян А.С., Тер-Минасова С.Г. Малый синтаксис как средство разграничения стилей. М.: Изд-во Московского университета, 1981. 214 с.
9. Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М., 2014.
10. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 152 с.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
12. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М.: Слово, 2008. 344 с.
13. Ухова Л.В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 71-82.
14. The Unbearable Lightness of Finance. The Economist, December 3, 1998.
15. Drab to fab! Whitney Port goes from pale and pasty to glowing and gorgeous for style party. URL: https://www.dailymail.co.uk/tvshowbiz/article-1351264/Whitney-Port-shines-red-carpet-just-hours-looking-washed-weary-make-up.html (accessed: 03.05.2024).
16. How Pop Went Posh by Will Hodgkinson, The Times, August 13, 2010.
17. No tears – just a silent scream for a daddy lost in the carnage. URL: https://www.dailymail.co.uk/columnists/article-231011/No-tears--just-silent-scream-daddy-lost-carnage.html (accessed: 11.04.2024).
18. The Unbearable Lightness of Finance. https://www.economist.com/finance-and-economics/1998/12/03/the-unbearable-lightness-of-finance (accessed: 03.05.2024).

1.6. ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Современная лингвистика убедительно доказала, что язык в своей коммуникативной функции служит не только для обмена мыслями, но и для выражения оценки, эмоций, а следовательно, для воздействия на интеллектуально-эмоциональную сферу реципиента (В.В. Виноградов, Г.В. Колшанский, А.А. Леонтьев, А.А. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов и др.). Для реализации суггестивной функции используются интонационные, лексико-семантические, словообразовательные, грамматические средства, т.е. единицы всех уровней языка. В.В. Виноградов отмечал, что, «являясь и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих его переживаний, слова находятся в непрерывной связи с нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью» [Виноградов, 2003, с. 23].

Тот факт, что мир переживает эпоху турбулентности, не стоит доказывать. Как видим, мы использовали слово *«турбулентность»*, которое является эвфемизмом в данном контексте: оно позволяет несколько смягчить оценку, завуалировать, вместо того, чтобы сказать прямо «*опасное, жестокое, чреватое катаклизмами время»*. Очевидно, что использование эвфемизма позволяет привлечь внимание читателя, а не отпугнуть, расположить читателя к дальнейшему повествованию, а не оттолкнуть. Психологи отмечают, что так устроен человек: он склонен прислушиваться к тем, кто вежлив, кто подбирает слова, а не рубит с плеча. Следовательно, активное использование эвфемизмов в современном политическом дискурсе объясняется стремлением завладеть вниманием и умами публики. *Soft words, soft language, soft power* («мягкие слова», «мягкий язык», «мягкая сила») – выстроить такой ряд представляется возможным, поскольку нынешние события в информационном пространстве явно свидетельствуют о том, что язык используется для оказания суггестивного влияния на публику. В политический дискурс вовлечены самые широкие слои населения, поэтому подбор особых, «мягких», слов, активно реализуется как политиками, так и авторами статей в публикациях в англоязычных СМИ.

Однако не только гуманное желание «смягчить» нарратив, расположить к себе публику руководит авторами англоязычных публикаций. Реальное положение дел, думается, можно описать с помощью английской поговорки *an iron fist in a velvet glove,* что в русском имеет соответствие – *мягко стелет, да жестко спать.* Считаем возможным предположить, что использование эвфемизмов в современном англоязычном политическом дискурсе обусловлено не только стремлением быть политкорректным и терпимым, но и нацелено на то, чтобы повлиять на систему ценностей людей, изменить их поведение и мировосприятие, навязать западную идеологию, лишить публику способности критически оценить ситуацию и понять суть события.

Смеем предположить, что в современной коммуникации произошло развитие понятия эвфемизма: ранее этим термином определяли фигуру речи, которая использовалась для замены слова или фразы, которая могла вызвать у реципиента негативную эмоцию, обиду, дискомфорт. К эвфемизму, как «мягкому», удобному слову, писатели прибегали, чтобы не быть грубыми, невежливыми или неприятными. По мнению экспертов, этот литературный прием позволяет выразить, что говорящий имеет в виду косвенно, без использования прямого наименования, как способ «смягчить» воздействие того, о чем говорится. Мотивами этого могут быть вежливость, осмотрительность и другие причины «смягчения» общения. Традиционно эвфемизмы используются для обозначения определенных понятий, таких как смерть, секс, старение, увольнение, функции и потребности организма и т.п. Образный язык с помощью эвфемизма может позволить читателям чувствовать себя менее скованно, чем это могло бы быть при прямых, буквальных формулировках. В результате с помощью эвфемизма происходит намеренное воздействие на реципиента, его интеллектуально-эмоциональную сферу. В этом контексте представляется возможным отнести эвфемизмы к эмоционально-экспрессивной лексике, которая играет огромную роль в реализации суггестии в речевой коммуникации.

Круг лексики, охватываемой понятием «эмоционально-экспрессивная», очерчен весьма неопределенно и колеблется у разных авторов от очень ограниченных по объему групп слов до чуть ли не всего словарного состава языка. С точки зрения системно-деятельностного изучения языка и речи, справедливо предположить, что любое слово в языке обладает эмотивным потенциалом: все зависит от ситуации общения, мотивов и поставленной цели. Это дает возможность представить способность слова выражать эмоции в виде некоторого континуума, в пределах которого все слова языка могли бы располагаться в зависимости от своего эмотивного потенциала от максимума до минимума. Как полагает В.Н. Гридин, «если в целом под эмоциональной оценкой понимается выражение говорящим своего отношения к содержанию высказывания в его связи с действительностью, то устойчивая оценка предполагает использование лексических средств выражения, закрепленных в системе языка в своем основном значении» [Гридин, 1976, с. 89]. Выбор того или иного языкового средства для выражения эмоционального состояния говорящего зависит от мотивов речевой и лежащей в ее основе неречевой деятельности, а также от общих специфических черт психического состояния (печаль, тревога, тоска, усталость, любовь и т.д.).

Современные науки, как гуманитарные, так и естественные, убедительно доказывают, что эмоции представляют собой важнейшую область жизнедеятельности человека и выполняют различные функции в социальном взаимодействии. Еще в начале XIX века В. фон Гумбольдт призывал изучать язык в тесной связи с психологией человека [Гумбольдт,

1985]. Под эмоциональностью понимается свойство субъекта переживать эмоцию и ее выражать. В свою очередь, языковые средства, которые выбираются субъектом для выражения эмоций, относят к эмоционально-экспрессивным. Выбор того или иного средства обусловлен условиями и целями коммуникации.

С середины прошлого века эмотиологическое направление в лингвистике активно развивают А.А. Потебня, Н.Я. Грот, В.И. Шаховский, А. Вежбицкая, Э.С. Азнаурова, И.В. Арнольд и многие другие. В основу лингвистической эмотиологии положено исследование эмотивных компонентов единиц языка, которое началось с изучением эмотивной семантики слова. Это связано с тем, что слово – основная и в то же время наиболее семантически подвижная единица, которая в обыденном сознании представляет все поле языка. Как убедительно показали исследования, эмоции человека всегда в процессе общения являются смыслонесущими факторами [Вежбицкая, 1997]. В роли концептуализатора знаний об эмоциях выступает человеческое сознание / мышление, которое накапливает, обобщает и конструирует знание о них. Эмотивная лексика сознательно отбирается говорящими в рамках существующего кода, т.е. ее отбор контролируется сознанием говорящих в зависимости от ситуации общения [Шаховский, 2012, с. 39]. Эмоциональность эвфемизмов – это способность слова не только назвать предмет или явление, но и выразить определенную оценку, и воздействовать на эмоциональную сферу рецепиента. Если сравнить эмоциональность отдельного слова и устойчивого словосочетания, то окажется, что эвфемизм в большей степени выражает чувства и оценку, что позволяет отнести его к эмотивной лексике. «Эмотивность, или эмотивная коннотация», – как утверждает В.Н. Телия, – это не только след эмоциональной реакции на образ, лежащий в основе значения, который сам по себе также вызывает психологическое напряжение, но еще и результат интерпретации образного основания в категориальном пространстве установок культуры и ее идеалов, гармония с этими установками выражается в спектре положительных чувств – отношений в диапазоне одобрения, а дисгармония – в диапазоне неодобрения (презрения, осуждения, пренебрежения, уничижения)» [Телия, 1981, с. 232.].

Анализ особенностей функционирования эвфемизмов позволил установить соотношение эмотивности с интенсивностью суггестивного воздействия. В контекстуальном преломлении усиление суггестии через экспрессивность оценки связано в основном с окказиональными преобразованиями значения эвфемизма, т.к. вступают в силу такие эмотивно-экспрессивные параметры, как эффект оправданного / обманутого ожидания, новизна, непредсказуемость, юмористический эффект и т.п.

Исходя из этих предпосылок, полагаем целесообразным выделить две функции эвфемизмов в политическом дискурсе. Первая функция

заключается в выражении чувств и переживаний говорящего, т.е. экстериоризация эмоционального состояния. Вторая, тем не менее более существенная, функция эвфемизма является производной от ведущей функции языка как средства общения: эвфемизм намеренно используется как регулятивное средство. Причем особенность регуляции с помощью эвфемизма состоит в том, что он направлен и действует и на эмоциональную, и на интеллектуальную сферы сознания реципиента. Эта функция имеет исключительно важное значение в масс-медиальном и политическом дискурсах, которые тесно взаимодействуют в наше время.

Прежде всего, стоит отметить, что специфика актуализации оценки при употреблении эвфемизма заключается в замещении существующих терминов или определений более «мягким» словом с целью придать положительную коннотацию речи. Рассмотрим ряд примеров таких окказиональных преобразований.

В статье под заголовком «*What King Charles III Means for Scotland's Future in the U.K.*», опубликованной в журнале «*Time*» 9 сентября 2022 года, используются эвфемизмы для «мягкого» выражения обеспокоенности, по поводу того, сможет ли новый король справится с острой проблемой сепаратизма, которая резко обострилась в Великобритании после Брексита, и сохранить Шотландию в рамках Соединенного королевства. Продолжающаяся веками неприязнь англичан к шотландцам за их непреклонную борьбу за независимость выражена в статье сравнением шотландских правителей с воинственными вождями (атаманами, главарями) – *attired local chieftains* – в национальных костюмах (килтах), а шотландский народ с необузданными, непонятными племенами *arcane highland tribes:*

- *Traditionally, tartan had been the sole custom of* ***arcane highland tribes*** *but shunned by the* ***lowland "elites."*** *But* ***to heal rifts across the border****, in 1822 the famed novelist Sir Walter Scott stage-managed a vast* ***pageant*** *in Edinburgh, during which new King George IV wore a tartan kilt while meeting similarly* ***attired local chieftains****.*

При этом авторы статьи избегают официального названия Шотландии, используя вместо этого указание на расположение территории к северу от границ Англии, что, вероятно, является попыткой принизить государственный статус Шотландии:

- *Still, as heir he was mindful to use his Scottish titles when* ***north of the border.***

Для характеристики политики британских монархов по обузданию порывов шотландцев к отделению авторы статьи используют «мягкую» формулировку *to heal rifts across the border.* В контексте роста недовольства шотландцев слишком большой концентрацией власти у Лондона авторы стремятся отвлечь внимание читателя от реальных проблем, употребив словосочетание *perceived bungling,* тем самым заместив реальную причину недовольства комфортной для англичан формулировкой:

• *These days, the more pressing drivers of independence are the* ***perceived bungling by the London-centric government*** *amid soaring costs and a tortuous exit from the E.U. that Scots voted overwhelmingly against in 2016.*

Стоит отметить, что в современном английском политическом дискурсе можно выделить группу особенно часто употребляемых эвфемизмов, среди которых слово *perceived,* завуалирующее остроту проблемы переносом акцента на неопределенность восприятия проблемы кем-то. К таким словам можно отнести и слова *engaged/ disengaged, to engage/ disengage* которые, очевидно, используются для того, чтобы не называть прямо конкретные обязательные меры, которые должны быть предприняты и за которые субъект несет ответственность:

• *Much will rest on how fulsomely and genuinely Charles chooses to* ***engage with*** *his Scottish subjects.*

В следующем примере интерес представляет и использование словосочетания *charm offensive* в значении *«энергичные попытки использовать личное обаяние для достижения каких-либо целей»*, которое позволяет «мягко, необидно» выразить мысль о том, что британскому монарху необходимо проводить наступательные активные действия по преодолению сопротивления, используя и «мягкую силу»:

• *A* ***disengaged****, aloof* ***sovereign*** *would no doubt catalyze anti-Union sentiment and it falls on King Charles III to engineer his own deft* ***charm offensive.***

Довольно часто авторы прибегают к использованию эвфемизмов для создания сатирического эффекта, чтобы высмеять в «мягкой», корректной манере. Так, в статье «*The Future of the British Monarchy is More Uncertain Than Ever*», опубликованной в журнале «*Time*», используются такие прилагательные, как *salacious* и *vocal,* которые в качестве эвфемизмов аккуратно выражают негативную общественную оценку поведению принца:

• *So much of Charles's public image has been shaped by his time as the Prince of Wales, including* ***salacious periods of his private life*** *as well as his* ***vocal positions on issues*** *as wide-ranging as climate change, hedgerows, China, and the British government's controversial tactics to prevent immigration.*

Глагол *slim down* снимает категоричную семантику глагола *reduce* (сокращать):

• *Both recognized the imperative of* ***slimming down the Royal Family*** *— both in cost to the taxpayer and public appearance — in line with public opinion.*

Справедливо будет отметить, что использование эвфемизмов обусловлено потребностью оказать благоприятное воздействие на реципиента, поэтому подбираются слова, создающие благоприятный образ, приятные ассоциации. Например, авторы статьи уходят от прямого обозначения задачи сохранения британской монархии, когда используют

глагольные словосочетания *to shepherd the Crown* и *to pass it on to the next generation in one piece:*

- *But unlike his mother, Charles will not bear the burden of* ***shepherding the Crown*** *for the next 70 years. He just needs to do so long enough to* ***pass it on to the next generation in one piece.***

Использование эвфемизмов позволяет избежать категоричности оценок, но при этом создать понятный, «узнаваемый», образ деятеля. В этом прослеживается определенный театральный эффект – воздействие через образы. Такая черта характерна изданию *The Economist:* в его статьях часто встречается данная фигура речи для того, чтобы придать языку статьи больше образности, а характеристике политика большей яркости и выразительности. Например, в статье *What Boris Could Learn from de Gaulle*, используются такие эвфемизмы, как *moral laziness, to make the best of the instincts, to make a mockery of the talk, to dump a collection of cronies/ one's allies, to be no slouch, to manage the hatred*:

- *So far Mr Johnson's* ***moral laziness*** *has prevented him from* ***making the best of these instincts.*** *He has made a mockery of his talk of reforming the state by* ***dumping a collection of cronies*** *on the House of Lords, for example.*
- ***Mr Johnson is no slouch when it comes to betraying people****: during the Brexit talks he was quick* ***to dump his once staunch allie****s, the Ulster Unionists, by agreeing to a border in the Irish Sea. But he needs to work on* ***managing the hatred*** *he arouses.*

В статье «*From United Kingdom to Untied Kingdom*» мы встречаем такую образность, которая по своей функции близка к метафоре, созданную с помощью эвфемизмов *to get much worse* (вместо прямой негативной оценки политике правительства), *to plaster the Union Jack everywhere* и *to stamp Westminster's ownership on all corners of the nation* (вместо критики навязывания воли Лондона и подавления сепаратистских настроений в составных частях королевства):

- *The government is* ***getting much else wrong****. It should stop* ***plastering the Union Jack everywhere****. To those whose identity is primarily regional, it looks like a campaign that is designed* ***to stamp Westminster's ownership on all corners of the nation.***

Кроме того, эвфемизмы используются для того, чтобы завуалировать суть происходящего, сместить акценты при описании события – вместо «жестких» наименований с помощью слов из политического регистра используются «более удобные» слова из повседневного общения: *takeover* вместо *conquest*; *departure* вместо *Brexit*, *hard, painful* вместо *precarious, labourious*, *to break up a country* вместо *desintegrate* . В указанной выше статье встречаем:

- *The English* ***takeover of*** *Scotland in the 18th century was more pragmatic,*

- *Political leaders in London, Edinburgh and Belfast have put their country at risk by the way they have* ***managed Britain's departure from*** *the European Union.*
- *Boris Johnson, the prime minister, has done it carelessly, by putting party above country and espousing a* ***hard Brexit.***
- ***Breaking up a country*** *should never be done lightly, because it is a* ***painful process*** *— politically, economically and emotionally.*

В целом такая тенденция эвфемизации по замене слов политического регистра на обиходные слова замечена и в других англоязычных источниках современного масс-медиального дискурса. Вероятно, причиной является стремление вовлечь в политическую сферу самые широкие слои западной публики, которые могут не владеть специфическими политическими терминами, и сделать нарратив наиболее «легкоусвояемым». Например, в статье «*U.S. Believes Ukrainians Were Behind an Assassination in Russia*»**,** опубликованной в «*New York Times*», авторы используют довольно доступную лексику *to believe, to authorize, to kill, to widen*:

- *United States intelligence agencies* ***believe*** *parts of the Ukrainian government* ***authorized*** *the car bomb attack near Moscow in August that* ***killed*** *Daria Dugina, the daughter of a prominent Russian nationalist, an element of a covert campaign that U.S. officials fear could* ***widen*** *the conflict.*

Стоит отметить активное использование слов *to frustrate/ frustrated* как средства скрыть истинное отношение к событиям – то ли расстроены срывом своих планов, то ли недовольны тем, что были проигнорированы и не предупреждены вовремя – очевидно, что этот эвфемизм использован для того, чтобы не дать ясную оценку трагедии, но при этом сохранить лицо перед публикой:

- *American officials have been* ***frustrated with Ukraine's lack of transparency about its military and covert plans****, especially on Russian soil.*

Однако русофобская позиция авторов статьи явно обнаруживается, когда терракт назван *the operation,* а террористы – *the operatives:*

- *Some American officials suspect Ms. Dugina's father was the actual target of* ***the operation****, and that* ***the operatives*** *who carried it out believed he would be in the vehicle with his daughter.*

Такое активное использование эвфемизмов для манипулирования общественным мнением, создания выгодного для Запада оценочного фона событий особенно отмечается в последние годы. Еще в 1998 году журнал *The Economist* мог так ясно и четко выразиться о двуличии США и нарушении ими самими международного права, как , например, в статье «*World Law and World Power*»:

- *The Roosevelts'* ***enthusiasm for international law*** *has been* ***replaced*** *by a deep American ambivalence****.*** *Successive American presidents have continued to proclaim human rights, democracy and the rule of law as the guiding values of their foreign policy. They have often invoked international*

law in their own defence, and in criticising others. ***Yet the United States has a sorry record of shilly-shallying, or plain obstruction, in the development of international law.***

К эвфемизмам можно отнести словосочетание *to have a sorry record of shilly-shallying,* которое замещает открытую критику агрессивных действий США на международной арене. Однако в заслугу авторам статьи можно поставить употребление словосочетание *plain obstruction* для эксплицитной негативной оценки американской политики за отказ выполнять международные законы.

В 2018 году в политическом нарративе США уже активно употребляются эвфемизмы, ярким примером которых стало словосочетание *affirmative action/ policy.* Так, в статье «*Affirmative action strengthens a meritocracy*» журнал дает четкие характеристики этой политики по восстановлению справедливости и равноправия в американском обществе, которые, как смело и открыто заявляют авторы статьи, в настоящее время отсутствуют в нем:

- *Affirmative action actually strengths an organisation's claim to be meritocratic. The status quo already favours certain people. The* ***structural barriers*** *that were* ***erected against marginalised groups****, such as* ***not being able to vote****,* ***work in many professions or enter university****, have contributed to* ***the inequality that we see today.*** *The philosophy underpinning a sensible affirmative-action policy should be that of* ***restorative justice****.*

Примечательно, что стремление уйти от принятых политических формулировок и терминов привело к тому, что авторам приходится объяснять в своих статьях, что они имеют ввиду под традиционными понятиями. Например, в статье «*A Modest Hope for the Post-Trump World Order*» *автор поясняет, что realism и realist*, по его мнению, имеют разное содержание:

- *When it comes to international relations, forecasts range from apocalyptic to cautiously optimistic. But what is needed is an actual way forward, grounded in realism.* ***By realism, I don't mean the "realist" approach*** *to international relations, which emphasizes the role of sovereign states as self-interested actors.*

Неужели стремление завуалировать, заменить, закрыть глаза на суть процесса приводит уже к насущной потребности политических экспертов объяснять значение слов, используемых в их статьях? В статьях о характере принятого в 2021 году законопроекта о реформе системы выборов в США под названием «*For the People Act*» эксперты открыто признают, что за использованными эвфемизмами в тексте юридического документа (даже не политической аналитической статьи) кроется стремление американской элиты заигрывать с публикой, манипулировать ее мнением:

- *H.R.1 is nearly 800 pages of meritless, militant, social engineering targeting the foundations of the U.S. Constitution, voting rights and political free speech --* ***all dressed-up as being "for the people."***

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод, что использование эвфемизмов в политическом дискурсе подчинено задаче целенаправленного речевого воздействия на аудиторию, они являются средствами реализации *soft power*. Регулятивная функция эвфемизмов заключается, прежде всего, в оказании суггестивного воздействия через выражение оценки и навязывания определенного образа объекта/события при создании положительного эмоционального фона нарратива.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей: от Гоголя до Ахматовой / Отв. ред. А.П. Чудаков. РАН, ИН-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 2003.
3. Выготский Л.С. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование / Собрание соч. в 6-ти т. Т.6. Научное наследство / под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика. 1984. 400 с.
4. Гридин ВН. Психолингвистические функции эмоционально-экспрессивной лексики: автореф. дис. На соиск. Учен. Степени канд. филол. наук (10.02.19) / АН СССРю Ин-т языкозанания. Москва, 1976. 22 с.
5. Гумбольд В. Избранные труды по языкознанию: пер.с нем. М.: Прогресс, 1984. 343с.
6. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл. 2008. 368 с.
7. Телия В.Н. Типы языковых значений. М.: Наука, 1981. 269 с.
8. Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге, homo sentiens. М.: Книжный дом. «ЛИБРОКОМ», 2012. 144 с.
9. Affirmative action strengthens a meritocracy. The Economist, September 5, 2018. URL: https://www.economist.com/open-future/2018/09/05/affirmative-action-strengthens-a-meritocracy (accessed: 25.04.2024).
10. A Modest Hope for the Post-Trump World Order. Project Syndicate, October 21, 2020. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/us-election-world-order-international-relations-by-ana-palacio-2020-10?a_la=english&a_d=5f900e1f4f82663188d0cc14&a_m=&a_a=click&a_s=&a_p=homepage&a_li=us-election-world-order-international-relations-by-ana-palacio-2020-10&a_pa=curated&a_ps=&a_ms=&a_r= (accessed: 15.05.2024).
11. Cris Farrel. H.R.1 – Is It Really "For the People"? 2021, March 21. URL: https://www.gatestoneinstitute.org/17179/hr1-for-the-people (accessed: 15.05.2024).
12. From United Kingdom to Untied Kingdom. The Economist, April 15, 2021. URL: https://www.economist.com/leaders/2021/04/15/from-united-kingdom-to-untied-kingdom18.05.2024).
13. The Future of the British Monarchy is More Uncertain Than Ever. Time, September 9, 2022. URL: https://time.com/6212370/british-monarchy-future-king-charles-iii/ (accessed: 18.05.2024).
14. U.S. Believes Ukrainians Were Behind an Assassination in Russia. The New York Times, October 6, 2022. URL: https://www.nytimes.com/2022/10/06/world/europe/the-us-believes-ukrainians-were-behind-daria-duginas-assassination.html (accessed: 10.02.2024).
15. What King Charles III Means for Scotland's Future in the U.K. Time, September 9, 2022. URL: https://time.com/6212155/king-charles-iii-scotland-future-in-uk/ (accessed: 12.09.2023).
16. World law and world power. The Economist, December 3, 1998. https://www.economist.com/leaders/1998/12/03/world-law-and-world-power (accessed: 12.05.2023).

1.7. АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОГО ЗНАЧЕНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению новых лингвистических единиц, отражающих специфику социально-культурных ценностей и векторов развития современного общества, что оказывается важным для осуществления межкультурной коммуникации. Под межкультурной коммуникацией понимается «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 26]. В процессе межкультурной коммуникации создаются модели взаимодействия с представителями разных культур, при этом на первое место выходит адекватное восприятие передаваемой культурозначимой информации, посредством которой познается иная культура и ее культурный код. Взаимодействие культур необходимо для получения знания с целью принятия решений и дальнейшего развития общества в целом [Тер-Минасова, 2000].

Для полноценной коммуникации необходимо не только знание иностранного языка, но и знание истории, традиций и культуры конкретной страны. В настоящее время культура занимает ключевое место в жизни общества, вследствие парадигмальных сдвигов ее базовых ориентиров, охватывающих все сферы жизнедеятельности человека, что отражается в создании новых лексических единиц или переосмыслении существующих, демонстрирующих новое мышление, направленное на строительство мира будущего (shaping post-crisis world).

Одной из важнейших проблем современности является создание новой культуры жизни человека и его поведение в обществе. На межкультурном уровне это приводит к необходимости изучения социальных процессов, политической реальности и экономической ситуации, находящих свое выражение в новых лексических единицах, с целью выстраивания наиболее эффективной и стройной системы взаимодействия между народами разных стран. Вследствие этого концепт «культура» претерпевает изменения, вербализируя нарождающуюся реальность, обозначенную неологизмами, охватывающими практически все дискурсивные практики. Заданная ситуация коренным образом изменяет концепт «культура», выраженного соответствующим термином в английском языке – “culture”. Языковая единица «культура» является определяющим концептом нового мира, поскольку ценности, которые она несет в себе в разные исторические эпохи служили вектором дальнейшего развития человеческого общества.

Цифровые технологии и доминирующий язык, английский, будучи lingua franca современности, разрушают барьеры, препятствующие межкультурной пенетрации. Культуры становятся взаимопроникающими, что не раз отмечалось в научных работах отечественных и зарубежных исследователей. Как известно, нидерландский социолог Г. Хофстеде (Geert

Hofstede) разработал теорию преодоления культурных и географических различий (Cultural Dimensions Theory) с целью осознания культурного разнообразия и предотвращения ошибочных поступков (faux pas), ведущих к межкультурным и цивилизационным конфликтам. Проведя анкетирование в разных странах среди сотрудников дочерних компаний транснациональных корпораций, он констатировал культурно-поведенческие и социальные различия их служащих, которые в основном обусловлены не особенностями личности, а спецификой национальной культуры. Данные отличия вызваны разными целями, ожиданиями, убеждениями и профессиональными предпочтениями. Исследователь выявил параметры культуры, определяющие ценностные установки, к которым относятся индивидуализм – коллективизм; дистанция власти; стремление избежать неопределенности; мускулинность – женственность; долгосрочная – краткосрочная ориентация [Hofstede, 1983; Hofstede, 1984]. В политических исследованиях межкультурной коммуникации особую значимость приобретает понимание последствий нежелания принятия межкультурного разнообразия. Исследователи говорят о столкновении культур и международных конфликтах мультиполярного и мультицивилизационного мира [Huntington, 1996], а также о доминировании одной культуры над другой [Spengler, 2007].

Рассматривая межкультурную коммуникацию с точки зрения языка, следует отметить, что «реальная жизнь опровергает утверждения об обособленности и принципиальной взаимной непроницаемости культур» [Комиссаров, 2002, с. 70-71], невзирая на то, что культура каждого народа стремится сохранить свою идентичность, «этнически обусловленную инаковость миросозерцания» [Вайсгербер, 2004, с. 107-108]. Мир становится все более открытым и, несмотря на стремление каждого народа противостоять интеграционным процессам обезличивания культур, обеспечивая индивидуальную интерпретацию в речевой коммуникации и игровом языковом поведении [Huizinga, 1949], новая культура путем неологизмов проникает во все уголки планеты. Посредством культуры человек стремится объяснить процессы, происходящие в мире. Общемировая культура, впитавшая в себя культуры разных народов, поскольку в них заложены цивилизационные основы жизни, уходящие корнями в глубокую древность, становится гарантией достижения мира на земле.

Аксиологические характеристики языкового значения воплощают ценностные ориентиры конкретного общества, охватывая при межкультурной коммуникации практически весь мир. Отметим при этом, что без критического осмысления процесса принятия новых ценностей, невозможно говорить об их общепланетарном распространении, а, следовательно, и о парадигмальном сдвиге для всего человечества. Современные морально-этические векторы развития западного мира, такие как cancel culture, transhumanism, euthanasia, downshifting, gender diversity, supremacy, находят свое отражение в неологизмах, раскрывающих

направление будущего развития общества. Однако западное мировосприятие, которое транслируется посредством английского языка-донора, в настоящее время являющегося языком мирового общения, не могут разделить страны, которые придерживаются традиционных ценностей. В то же время, цифровая революция, принесшая с собой колоссальный информационный объем, который вербализован как Big Data, нивелировала существующие территориальные границы, сжав расстояние и увеличив скорость распространения новых идей. Развитие современного мира отличается двухвекторностью.

С одной стороны, идет активное освоение виртуального пространства, созданного благодаря цифровым технологиям. Искусственно сформированная цифровая вселенная, создавая условия для ментального существования человечества, становится реальностью, способствуя осуществлению виртуального межкультурного взаимодействия. С другой стороны, мечты человечества устремлены в космос. Человек никогда не отказывался от своего стремления покорить космическое пространство. Высшие помыслы человека об идеальном мире будущего могут быть реализованы благодаря научно-техническому прогрессу и прорыву в развитии информационно-компьютерных технологий. Нарождающийся мир, репрезентирующий новый миропорядок, а вместе с ним соответствующие ценностные ориентиры, получил воплощение в аксиологически маркированных языковых значениях. Рассмотрение основных факторов, влияющих на изменение картины мира, основывается на выявлении закономерностей развития общества и их воплощении в языке. Лексические единицы, тиражируемые в современном мировом языковом пространстве, отражают процесс появления новых ценностей в обществе.

Пандемия XXI века как судьбоносное событие повлекла за собой переосмысление человеческого бытия и создание новой реальности, выраженной во фразе sustainable development, подразумевающей равномерное экономическое развитие общества без нанесения ущерба окружающей среде. Это, в свою очередь, привело к принятию так называемой «зеленой повестки» (green agenda), изменяющей приоритеты развития промышленности и места человека в новом обществе. Будущее развитие человечества воплощается в следующих словах и фразах: doughnut economics; precariat; posthuman; transhumanism; AI; artificial intelligence; chatGPT; life extension; augmented reality; cisgender language; rat-racing, geek gods; space vacations; trips to outerspace; Moon travel plans.

Наибольшей известностью в современном дигитальном мире в связи с развитием новых технологий пользуются «цифровые боги». Созданные на волне цифровизации “geek gods”, на фонетическом и графическом уровнях вызывающие аллюзии, отсылающие к Древнегреческим Олимпийским богам (Greek gods), воспринимают себя всесильными правителями дигитальной вселенной, грезящими об управлении многочисленными мирами, об изменении планировки существующих и о

строительстве новых городов для перспективных, молодых специалистов, получивших метафорическое название “Doughnut City”, американский вариант которого представлен неологизмом “donut city” – «городом-пончиком». Согласно теории, разработанной британским экономистом Kate Raworth, “Doughnut City” означает модель застройки и систему градоустройства, в соответствии с которой состоятельные специалисты в поисках более комфортной жизни и просторного жилья переезжают в пригороды крупных городов, перенося офисы ближе к дому и концентрируя деловую активность в пригороде [Raworth, 2017]. При этом центры существующих городов остаются практически пустыми, напоминая популярное кондитерское изделие, создавая картину мира будущего. В новом метафорическом значении лексическая единица “Doughnut” легла в основу многочисленных неологических словосочетаний, таких как “Doughnut City”, “doughnut effect”, “doughnut economics”, “doughnut theory”, “doughnut trending”. Необходимо подчеркнуть, что данная тенденция приобрела глобальный характер. Термин “Doughnut City” – "Пончиковый город" используется для описания явления, изменяющего внешний облик некоторых североамериканских городов, относящихся к южным штатам, так называемого «Солнечного пояса» – North American Sun Belt.

На европейском континенте в 2020 году для преодоления экономического кризиса, вызванного негативными последствиями коронавирусной инфекции, в нидерландской столице возникает “Doughnut economics”, когда руководство Амстердама приняло решение о переносе деловой активности в пригород, избавив людей от необходимости ездить в центр городов, преследуя при этом, кроме экономических и экологические цели. Примеру Амстердама последовала и бельгийская столица Брюссель, приняв решение о введении “Doughnut economics” в сентябре того же года. Канадский город Нанаймо ввел «Пончиковую экономику» в декабре 2020. Отчасти эта тенденция обусловлена регенерацией внутренних районов крупных городов, что рассматривается как положительное явление.

Еще одно направление развития человека в современном мире получило название “Cultural Creatives”, неологизм, описывающий социальное движение, противоречащее мнению большинства. Западные исследователи P.H. Ray и S.R. Anderson в работе “The Cultural Creatives: How 50 Million People Are Changing the World” [Ray, Anderson, 2001] утверждают, что люди, способные изменить культуру, трансформируют окружающий мир. Ученые подчеркивают, что современная культура прогресса и постмодернизма выходит за рамки общепринятой парадигмы. Будучи основанной на успехе и финансовом благополучии, она подпитывается социальным императивом заботы об окружающей среде, оправдывая высокие налоги на глобальное потепление (global warming), политическую нейтральность (political neutrality), выдвигает новые ценности (value pursuit) и измененный образ жизни (novel lifestyle).

Особого внимания заслуживает отношение адамантов социального движения “Cultural Creatives” к таким ценностям как альтруизм, самореализация и духовность (altruism, self-actualization and spirituality), которые позволяют искать пути духовного просвещения для постижения нового знания и раскрытия собственного потенциала. При этом проблемы экологии, искусства и культурной идентичности оказываются не менее значимыми [Ray, Anderson, 2001].

Отметим, что “Cultural Creatives” идейно восходит к работе R. Maddox “Your Dreams” [Maddox, 1995], в которой впервые были сформулированы ценности новой субкультуры, к которым относятся:

- высокое стремление к успеху;
- высокое стремление к независимости;
- отказ от конформизма;
- необходимость самоконтроля;
- склонность к неопределенности и многозначности;
- склонность к риску;
- вера в неограниченные возможности.

Из рассмотренного материала следует, что неологизмы, в состав которых входит лексическая единица *creative*, приобретают новое аксиологическое значение. К ним относятся следующие словосочетания: *creative thinking, creative class, creative economy, creative capitalism*, которые маркируют культурное течение 2008 года, трансформируя значение терминов *culture* and *creative.* На Всемирном экономическом форуме 2008 года было заявлено, что “Creative class” и “Creative capitalism” могут предложить ответ на новые вызовы общества и разрешить кризисную ситуацию, вызванную экономическим спадом. Провозглашенные постулаты, легко вписывающиеся в доктрину постиндустриального общества, в 2020 развились в теорию «всеобщего блага», выраженную термином “inclusive capitalism” [Schwab, Malleret, 2020].

Следует подчеркнуть, что неологизмы “geek gods”, “Doughnut City” “Cultural Creatives”, “inclusive capitalism”, описывающие стиль жизни людей, которые добились успеха, расположены на одной стороне шкалы культурных ценностей Запада. На противоположном конце шкалы оценок расположены антагонисты «новых богов цифрового мира», живущих в «Пончиковых городах» по законам капиталистйческого «всеобщего блага». Первыми от центра, маркирующего смену оценки ориентиров с положительной на отрицательную, находятся лексические единицы, обозначающие чувство страха и беспокойства, присущие сотрудникам компаний, сравнивающим свои профессиональные успехи с достижениями коллег. Данный феномен, получивший название “milestone anxiety”, является значимым с точки зрения аксиологической характеристики языкового значения и межкультурной коммуникации. Согласно Оксфордскому словарю, лексически нейтральная единица “milestone”, означающая ‘a very important stage or event in the development of something’

[Oxford Dictionary, URL] (важная стадия или событие в развитии человека или государства), при соединении с лексической единицей “anxiety” создает образ современного человека, не сумевшего добиться значительных успехов и испытывающего страх перед будущими неудачами в карьере и жизни: “the state of feeling nervous or worried that something bad is going to happen” [Oxford Dictionary, URL] (состояние волнения и ожидания плохих событий в будущем). Неологизм, созданный в деловой сфере, был переосмыслен и перенесен из профессионально-ориентированного в общеупотребительный дискурс, получив отрицательную коннотацию.

Состояние волнения часто нивелируется компьютерными играми, в которые некоторые сотрудники играют в рабочее время, что вынуждает руководство выявлять цели применения компьютеров в офисе. Для этого используется компьютерная программа (софт), получившая название в 2022 году “bossware”. Неологизм создан из двух существующих в английском языке слов “boss” (начальник, руководитель, босс) и “ware” как часть слова “software”, означающее «программное обеспечение», которое в русском варианте можно представить как «приложение для босса». Однако, если пойти дальше и глубже, то легко установить ассоциативную звуковую связь между словами “ware” и “aware”. В книге Дж. Оруэла «1984» лексическая единица "aware" (знать, быть в курсе) находится в составе фразы "Boss is aware of what you are doing" – «Старший брат следит за тобой»), которая рефреймингом проходит через все произведение, материализуясь в наши дни в неологизме "bossware", предупреждающим: «Босс знает, что ты делаешь на своем рабочем месте». Потерявшие работу люди со временем переходят в класс представителей общества, не устроившихся в жизни – прекариатов. Английское существительное “precariat”, восходящее к прилагательному “precarious”, в значении «неопределённый», «зависящий от непредвиденных обстоятельств», «шаткий», во множественном числе – “precariats” – перенесенное в русский язык путем транслитерации как «прекариаты», обозначает людей, занимающих одну из низших ступеней социальной лестницы европейской цивилизации, низший класс современного западного общества, находящийся на стадии выживания, и, повторяя идеи классовой борьбы предшествующих эпох, сражается за традиционные ценности и право жить достойной жизнью. Прекариаты, наиболее известные из которых, маркированы как «желтые жилеты» (gilets jaunes) и участники движения #BLM (Black life matters), раскачивают устои современного общества, свидетельствуя об очередной потребности в социальном переустройстве мира. В отличие от прекариатов, не имеюших возможности проявить свои способности при более благоприятных обстоятельствах, в мире «белых воротничков» – “white collars” наблюдается усталость человека от его постоянного намерения стать более совершенным и достигнуть максимально высокой ступени карьерного роста с целью улучшения личного уровня жизни, выраженного в таких

лексических единицах, как downshifting, simple living, goblin mode, etc. Наиболее точно эту тенденцию вербализует неологизм downshifting (дауншифтинг), смысл которого заключается в намерении высокооплачиваемых специалистов отказаться от стремления к успеху и постоянной занятости – rat racing – и уделять больше внимания своему здоровью, реализоваться в жизни, построить личные отношения, сознательно перейдя с высокого жизненного уровня на более низкий, отказавшись от высокой зарплаты.

Бережное отношение специалистов к своему времени при выполнении работы, нашло отражение в неологизме “hack”, переданное на русский язык жаргонизмом «хакнуть» (взломать систему), то есть при сохранении результатов работы сотрудники умудряются уделять ей меньше времени. Как правило, неологизмы не существуют изолированно. Они комплексно выражают появившуюся тенденцию в обществе для более четкого ее обозначения с целью преодоления или дальнейшего развития. Как показывает анализ неологизмов, касающихся жизни офисных служащих, то от высоких достижений и карьерных успехов человек отходит, выбирая более спокойную жизнь, перемещаясь по шкале оценок от нейтральной точки – simple living к негативной отметке. Тенденция к более простой жизни приводит к желанию отказаться от публичности социальных сетей. Человек более не стремится жить в доме со «стеклянными стенами», которые позволяют всем находиться в курсе его личной жизни, поэтому он предупреждает друзей *Don’t* ***at*** *me.* – Не упоминай мой ник в комментариях. Данная просьба-обращение, направленная на конкретного пользователя в соцсетях, выражается глаголом «at», восходящим к значку «собака» перед ником в сети – **@**, который ставится перед именем пользователя в сети при ответе оппоненту или для привлечения его внимания к конкретному комментарию в споре.

Еще одним выражением, отражающим неудовлетворение собственными карьерными достижениями, вызывающими негативные чувства у некоторых людей при сравнении с жизненными успехами других членов общества, является “goblin mode”. Данный неологизм имеет общие черты с термином “simple living”, однако означенная альтернативная форма ценностных ориентиров указывает на менее уверенный и степенный подход к жизни. Гоблин, жадный и эгоистичный сказочный персонаж, любящий веселье и проказы, получающий удовольствия от жизни, живущий за болотом и не заботящийся о своей внешности, активно вошел в жизнь современного человека. Неологизм “goblin mode” означает пренебрежение человека к внешнему виду, гигиене, этическому поведению, а также индивид, который чувствует себя комфортно в своем неубранном жилище, но и не меняет свой неряшливый вид, когда идет на первое свидание (first date), что выражено неологизмом “goblin-timacy”. Вошедшее в активное употребление в первом квартале 2023 года, немотивированное лексическое выражение “goblin-timacy”, образованное посредством соединения двух слов, существующих в английском языке

“goblin + intimacy”, представляет собой новую единицу языка [Тер-Минасова, 2019] – нестойкое сложное слово [Смирницкий, 1957], которое воспринимается целиком, как единое целое, знаменуя новый этап в образе жизни и поведении западного человека.

Тенденция к снижению требований человека к себе выражена не только в рассмотренных неологизмах, но и переходит на общественно-экономическую сферу, что получает воплощение в следующих неологизмах. Так, неологизм “de-influencing” означает посты блогеров, направленные против слишком дорогих и чрезмерно разрекламированных товаров. Неологизм “shrinkflation”, созвучный и частично совпадающий со значением лексической единицы “inflation”, обозначает уменьшение размера/веса/объема продуктов при сохранении прежней цены, образованный от слова “shrink” (сокращать). Новая лексическая единица “shrinkflation”, изначально относившаяся к продуктам питания, была перенесена на другие товары, став особенно актуальной в 2022 в результате рецессии и экономической нестабильности. Низкое качество, выраженное неологическим прилагательным “mid”, происходящее от словосочетания “mid-tier” (среднего уровня, посредственный), является уничижительным эпитетом, используемым с 2022 года в политике – “middling powers” в значении «второстепенных держав».

Поведение, нарушающее нормы, отмечается и в корпоративной этике, получившей свое выражение в неологизме “desk-bombing”. Созданный из двух существующих в английском языке слов “desk” (рабочий стол) и “bombing” (атака, бомбежка), данный неологизм начал активно использоваться с декабря 2022 года в значении поведения человека, который идет к ответственному сотруднику для решения своих вопросов без предварительного согласования своего визита по телефону или электронной почте. Это воспринимается как отсутствие вежливости в корпоративной культуре Запада.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что новые аксиологические особенности нашли свое выражение в неологизмах, обусловливающих поведение носителей языка и векторы развития общества в целом. Особая значимость аксиологического аспекта, выраженного в языковом значении в рамках межкультурной коммуникации, актуальна как для отдельного человека, так и для национального и межнационального языкового коллектива. При переходе на новый уровень развития человеческого общества происходят парадигмальные сдвиги, изменяющие картину мира, при этом посредством языка создается новая оценочно обусловленная реальность, которая является движущей силой развития человечества, стремящегося достигнуть совершенства. Проведенное исследование необходимо для осмысления настоящего, в котором происходит зарождение нового мира, и понимания пути дальнейшего развития. В новой межкультурной реальности лексические единицы, маркирующие трансформацию ценностных ориентиров, выражают закономерности развития общества и межкультурных взаимодействий. Неологизмы,

воплощенные в языковой картине мира, изменяют концептуальную картину мира, подготавливая людей к новому уровню коммуникации.

Список литературы

1. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. 2-е изд. испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС. 2002. 424 с.
4. Миньяр-Белоручева А. П., Сергиенко П. И. Лингвистический подход к исследованию аксиосферы языка и культуры в современной коммуникативистике // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. Т. 63. № 2. С. 15-19. DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-2-15-19
5. Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И. Новое коммуникативное мышление – новые ценности в современном языке PR // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2022. Т. 60, № 5. С. 74-80 DOI 10.12737/2587-9103-2022-11-2-107-114.
6. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во литературы на ин. языках, 1957. 286 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М.: Едиториал УРСС. 2019. 144 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово. 2000. 261 с.
9. Barre W. La The human animal. New York: Phoenix book. 2011. 386 p.
10. Hofstede G. The Cultural Relativity of Organizational Practices and Theories. J Int Bus Stud. 1983. Vol.14. P.75-89. URL: https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8490867 (accessed: 23.04.2024)
11. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values (2nd ed.). Beverly Hills CA: SAGE Publications. 1984.
12. Huizinga J. Homo ludens. Routredge, 1949. URL: https://archive.org/stream/homo_ludens_johan_huizinga_routledge_1949_/homo_ludens_johan_huizinga_routledge_1949__djvu.txt (accessed: 23.04.2024)
13. Huntington, S. P. The Clash of Civilizations and the remaking of world order. NY: Simon and Schuster. 1996. 194 p.
14. Maddox R. Your Dreams. New York: Viking, 1995. 296 p.
15. Oxford Dictionary, URL: Oxford Learners' Dictionary, URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/milestone
16. Ray P.H., Anderson S.R. The Cultural Creatives: How 50 Million People Are Changing the World Crown. 2001. 384 p
17. Raworth, K. Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist. Vermont, USA: Chelsea Green Publishing. 2017. 320 p.
18. Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Davos: World Economic Forum. 2020. 280 p.
19. Spengler, O. The Decline of the West. Form and Actuality. London: George Allen&Unwin ltd. 1918. Digitalized in 2007. 492 p. URL: https://archive.org/details/declineofwest02spenuoft/page/n5/mode/2up (accessed: 18.04.2024)

ГЛАВА 2. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

2.1. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: МЕНТАЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА

В своих публикациях Светлана Григорьевна Тер-Минасова, замечательный человек и выдающийся ученый, заложила основы отечественной теории и практики межкультурной коммуникации и фактически является основателем научно-педагогической школы по данному направлению [Тер-Минасова, 2008]. По отношению к Светлане Григорьевна можно употребить слова Достоевского, произнесенных им на открытии памятника Пушкину о его «всемирной отзывчивости». Она открыта всем другим культурам, при этом сохраняя ценности своей собственной культуры. В своих трудах Светлана Григорьевна затрагивает важнейшую проблему взаимоотношения языка, мышления и культуры «язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих компонентов, ни один из которых не может функционировать (а, следовательно, существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его видение и отношение к нему» [Тер-Минасова, 2008, с.7].

В данной статье речь пойдет о взаимодействии двух и более культур с позиций концептуального проецирования и роли языка в данном процессе. Мы полагаем, что в процессе взаимодействия культур участвуют четыре ментальных пространства: 1) родовое ментальное пространство, в котором представлены универсальные общечеловеческие концепты; 2) ментальное пространство своей культуры; 3) ментальное пространство чужой/другой культуры; 4) интегрированное ментальное пространство, концептуальный бленд.

Родовое ментальное пространство является в определенном смысле tertium comparationis для двух взаимодействующих культур. Во всех человеческих культурах существуют общие концепты. Так, по мнению Ю.С. Степанова, очевидно, имеется, например, некий концепт «приветствия», общий для человеческой культуры вообще, по отношению к которому сравниваемые разнокультурные жесты являются различными реализациями, воплощениями [Степанов, 1985, с. 284]. Можно говорить о существовании общечеловеческой культуры, не зависящей от генетических и прочих индивидуальных черт различных культур. В подтверждение этому Ю.С. Степанов приводит высказывание основоположников христианства: «Нет иудея, ни эллина, нет раба, ни свободного, ни мужчины, ни женщины, ибо все вы – одно во Христе Иисусе» (Ап. Павел. К Галатам, 3, 28).

Слово, являясь частью культуры, фиксирует отражение реального мира и несет в себе определенный культурный код. В этой связи хотелось

бы напомнить высказывание Фридриха Шлегеля о том, что «различные эпохи в древнейшем языковом созидании образуют именно различные ступени культуры в процессе развития человеческого духа, и язык вообще как нить воспоминания и традиции, соединяющая все народы друг с другом в их последовательности, это как бы общая память и великий орган воспоминания всего человеческого *рода*» [Шлегель, 1983, 364]. Таким образом, *родовое* ментальное пространство представляет собой метауровень в структуре взаимодействия четырех ментальных пространств.

На нижестоящем уровне, как указывалось выше, находятся два ментальных пространства: 1) ментальное пространство своей культуры; 2) ментальное пространство другой/чужой культуры. На следующем уровне находится *интегрированное ментальное межкультурное пространство* [Заботкина, 2021]. Данное пространство наследует роли и свойства исходных ментальных пространств, в которых находится каждый из представителей двух взаимодействующих культур, а также свойства родового пространства и представляет собой концептуальный бленд, то есть результат концептуальной интеграции/слияния. «Интегрированное ментальное пространство приобретает свою собственную структуру и новые свойства» [Fauconnier, 2004]. Важность этого пространства определяется еще и тем, что оно лежит в основе межкультурного дискурса. Оно структурирует и строит этот дискурс и должно помочь понять другую культуру, инферировать смыслы ментальных моделей и их языковых репрезентаций в каждой из двух культур. Каждое из четырех пространств структурируется своим фреймом. Между четырьмя пространствами и их фреймами осуществляется динамическое концептуальное проецирование.

Специфичность другой/чужой культуры может быть понята только в том случае, если она проецируется на то, что уже знакомо, т.е. на свою культуру. В этом случае чужая/другая культура не просто поглощается своей культурой, своим фреймом референции, вместо этого фрейм своей культуры подвергается изменениям, т.к. происходит аккомодация двух культур, двух систем ценностей для того, чтобы принять то, что не является его (фрейма) частью. Такая транспозиция противостоит идее гегемонии одной культуры над другой [Iser, 1995].

В основе контакта двух культур лежит теория диалога М.М. Бахтина, который писал о том, что мы идентифицируем себя только по отношению к другому, то есть специфичность своей культуры может быть понята только по отношению к другой культуре. По его мнению, человеческая мысль становится мыслью только в условиях живого контакта с мыслью другого. «Быть – значит общаться диалогически. Диалог – это спор, конфронтация, поиск истины, однако истины событийной, контекстовой. Один голос ничего не кончает, и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [Бахтин, 1979].

Все четыре ментальных пространства коррелируют со структурой концепта. Как известно, в любом концепте выделяется три уровня: высший/универсальный уровень, уровень определенной культуры и индивидуальный уровень. Речь идет о трихотомии «культурно-универсальное» vs «культурно-специфическое» vs «индивидуальное». При этом чрезвычайно важную роль здесь играет аксиосфера культуры.

Как указывалось в наших предыдущих работах, основой формирования аксиосферы культуры является категория ценности, в рамках которой происходит структурирование событийного опыта социокультурной общности [Заботкина, Коннова, 2017]. Аксиологический пласт культуры основывается на мировоззрении, определяющем особенности восприятия действительности коллективным сознанием в определенную эпоху. Исходя из этого мы считаем, что аксиологическая категоризация происходит на трех уровнях, соотносимых с тремя уровнями структуры концепта: а) на уровне антропологических универсалий, с точки зрения глобальной ценностной картины мира определенной эпохи; б) на уровне определенной культуры; в) на уровне системы ценностей определенного индивидуума.

Рассмотрение аксиологической категоризации представляется чрезвычайно актуальным для исследования когнитивных процессов принятия решений. Неверная оценка события ведет к когнитивным нарушениям и в конечном итоге – к ошибочным решениям. В связи с этим возникает проблема исследования механизмов оценочного суждения, а также механизма взаимодействия категоризации событий с аксиологическим пластом их репрезентации. Ценность события зависит от генетически закрепленных культурологических схем / моделей, которые передаются из поколения в поколение и определяют поведение человека в различных ситуациях обыденной жизни в различных культурах.

Присущая языку национально-культурная семантика, является, с одной стороны, продуктом кумуляции сведений – и в этом случае можно говорить о культурнонакопительной (или культуроносной) функции языка; с другой стороны, язык сам приобщает своих носителей к своей национальной культуре – такова его культуроприобщающая функция [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 26].

При контакте двух культур происходит своего рода аккомодация двух концептуальных картин мира, лежащих в основе четырех измерений пространства языка. Важно, что в процессе взаимодействия двух языков и двух культур необходимо учитывать механизм интерактивного выравнивания (interactive alignment) [Garrod, 2004]. Речь идет о выравнивании репрезентаций, лежащих в основе языковых структур, включающих в себя прагматику, семантику и синтактику. Иными словами, интерактивное выравнивание помогает преодолеть проблему непонимания и реализуется в трех измерениях языка: 1) на уровне ситуационных моделей (прагматика); 2) на уровне синтаксических форм; 3) на уровне семантической интерпретации. Таким образом, на языковом уровне при

контакте двух культур задействованы четыре измерения (семантическое, прагматическое, синтаксическое, **концептуальное)** [Степанов, 1997, 2007, 2010; Заботкина, 2021].

На языковом уровне взаимодействие двух культур и четырех измерений языка наиболее ярко проявляется при переводе: благодаря слову происходит активация в сознании переводчика концептуальных структур/фрейма одной культуры, которые проецируются на фрейм другой культуры (второго ментального пространства). Затем происходит поиск соответствующего слова иностранной культуры.

При переводе, особенно синхронном, происходит одновременная со-активация лингвистических и концептуальных структур двух культур в сознании переводчика. Происходит взаимодействие, если можно так выразиться, в билингвальном, биконцептуальном режиме, в котором участвуют как два ментальных пространства каждой из взаимодействующих культур, так и общее родовое, и интегрированное ментальное пространство. Происходит активация концептуальных структур всех четырех ментальных пространств. В результате возникают новые репрезентации и новые связи между ними.

При переводе часто наблюдается асинхронизация активации структур ментальных пространств, когда слова родного языка и концептуальные структуры, стоящие за ними, активируются быстрее, чем соответствующие концептуальные и языковые структуры иностранного языка [Smith, 2017, Заботкина, 2021].

Таким образом, анализ взаимодействия между четырьмя измерениями пространства языка и четырьмя ментальными пространствами, участвующими в контакте двух культур позволяет сделать вывод о том, что все четыре измерения пространства языка (семантическое, прагматическое, синтаксическое и концептуальное) вовлечены в процесс взаимодействия двух культур, однако основу этого процесса составляет концептуальное измерение, которое было проанализировано нами с позиции теории концептуальной интеграции четырех ментальных пространств. На высшем уровне интеграции находится родовое пространство, представленное универсальными общечеловеческими концептами. На следующем уровне находятся ментальные пространства двух сравниваемых культур. На третьем уровне находится интегрированное ментальное пространство, концептуальный бленд, представляющий собой результат проецирования из трех вышестоящих ментальных пространств. В каждом из четырех пространств выделяются четыре измерения языка: прагматическое, семантическое, синтаксическое и концептуальное/когнитивное измерение. Важную роль в процессе интеракции всех ментальных пространств играют аксиосферы культур.

Дальнейшие исследования в области взаимодействия культур и четырехмерного пространства языка предполагают изучение механизмов одновременной со-активации лингвистических и концептуальных структур

фреймов двух культур, а также нейрокогнитивных механизмов, лежащих в основе перевода с одного языка на другой.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. С. 26.
3. Демьянков В.З. Синтактика, семантика и прагматика в научном творчестве Ю.С. Степанова // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова / Под редакцией В.З. Демьянкова, Н.М. Азаровой, В.В. Фещенко, С.Ю. Бочавер. Москва: Институт языкознания РАН; Калуга: Эйдос, 2013.
4. Заботкина В.И. В четырехмерном пространстве языка и культуры//Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 94–106. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-94-106.
5. Заботкина В.И. Репрезентация явлений культуры в ментальных моделях и дискурсе // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53.. С.102-111.
6. Заботкина В.И., Коннова М.Н. К вопросу о ценностях и антиценностях в авторской картине мира Б.Л. Пастернака (на материале стихотворения «Быть знаменитым некрасиво») // Новый филологический вестник № 3 (42). 2017. С. 160-171.
7. Заботкина В.И. Межкультурная коммуникация: ментальные структуры и когнитивные механизмы // Когнитивные исследования языка. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2021. С. 166-171.
8. Постовалова В.И. Юрий Сергеевич Степанов. Озарения и открытия новых путей в гуманитарном познании // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова / Под редакцией В.З. Демьянкова, Н.М. Азаровой, В.В. Фещенко, С.Ю. Бочавер. – Москва: Институт языкознания РАН; Калуга: Эйдос, 2013. С. 22-37.
9. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М.: Прогресс, 1985.
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Яз. рус. культуры, 1997.1997. 824 с.
11. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 246 с.
12. Степанов Ю.С.Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга: Эйдос, 2010. 168 с.
13. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово / Slovo, 2008. 344 с.
14. Шлегель Ф. Философия языка и слова / Эстетика, философия, критика. М.: Искусство, 1983. С. 364-385.
15. Fauconnier G. Pragmatics and Cognitive Linguistics // The Handbook of pragmatics / Ed. By L.R. Horn and G. Ward. Oxford, 2004. doi.org/10.1002/9780470756959.ch29
16. Garrod S. & Pickering M. Why is conversation so easy? // TRENDS in Cognitive Sciences. 2004. Vol.8 No.1. doi.org/10.1016/j.tics.2003.10.016
17. Iser W. On Translatability: Variables of Interpretation. // The European English Messenger. 1995. V. 4 (1). P. 30-38.
18. Smith M.S. Introducing Language and Cognition: a Map of the Mind / Mike Sharwood Smith. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2017. P.I-XVII.

2.2. МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЗАДАЧА

В своей известной книге «Язык и межкультурная коммуникация» профессор Светлана Григорьевна Тер-Минасова так пишет о языке и его использовании в коммуникации: «Получив этот бесценный дар, вобравший в себя весь огромный мир – и внешний, и внутренний – мы приступаем к главному делу – общению, коммуникации с другими людьми, поскольку человек существо общественное и живет среди людей. Вся наша жизнь – и в большом, и в малом, и в настоящем, и в будущем – зависит от того, насколько хорошо и эффективно мы умеем общаться» [Тер-Минасова, 2000, с. 259].

Под коммуникацией в человеческом обществе подразумевают общение (почти синоним во всех языках, кроме русского), обмен мыслями, знаниями, чувствами, поступками, схемами поведения. Правильнее будет сказать, что мы не обмениваемся, а делимся, т.к. при обмене мы лишается объекта обмена, а в случае коммуникации мы обогащаемся взаимно идеями, фактами, мыслями, чувствами и т.п. В английском языке есть два слова: exchange и share, которые помогут уловить различие в двух подходах в истории коммуникации при описании и изучении этого явления, они лежат в основе двух парадигм научных исследований: ***трансляционной*** (механистической, коммуникации как передачи сообщения) и ***интеракциональной*** (диалогической, деятельностной, где коммуникация понимается как взаимодействие). В трансляционной парадигме коммуникация понимается как однонаправленный процесс кодирования и передачи информации от источника получателю сообщения. При интеракциональном подходе коммуникация – это совместная деятельность участников коммуникации, в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия [Кашкин 2013, с.63-80].

Для лучшего понимания коммуникативной деятельности человека используется метод моделирования, при котором характеристики одного объекта воспроизводятся с помощью другого. Модели коммуникации воспроизводят составные элементы и функциональные характеристики коммуникативного процесса в виде схемы. Содержание модели зависит от концепции ученого, от потребностей той сферы науки, в которой она появилась. от задач исследования и других факторов. Модель не является непосредственным отражением реальности, она нужна исследователю, чтобы лучше организовать свои мысли о реальности и скоординировать свои действия с реальными объектами.

Модели коммуникации, как и парадигматические подходы, можно разделить на *трансляционные* (линейные, механистические) и *интеракциональные* (нелинейные, диалогические, деятельностные). В *трансляционной* парадигме коммуникация понимается, соответственно, как однонаправленный процесс кодирования и передачи информации от источника и прием информации получателем сообщения, в то время как

при *интеракциональном* подходе коммуникация – совместная деятельность участников коммуникации, в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия с ними.

Рассмотрим следующие модели с учетом истории их появления и парадигматической принадлежности: *Модель Шеннона-Уивера***.** Создана американским математиком К. Шенноном в конце 1940-х годов и переработана и дополнена У. Уивером. Модель включает пять элементов: источник информации, передатчик, канал, приемник и конечную цель. Модель перерабатывалась с учетом потребностей других областей исследования и видов коммуникации. Пересмотренная модель содержала уже шесть элементов: источник, кодирующее устройство, сообщение, канал, декодирующее устройство, приемник. Было введено понятие шума (позже энтропии и негантропии) и избыточности.

*Модель Г. Лассуэла***.** Создана американским исследователем применительно к сферам политики и пропаганды. Она может быть представлена английской фразой: Who says what to whom in what channel with what effect. Это свернутая модель коммуникации, которую можно встретить во всех учебниках по теории коммуникации в области социологии, психологии, массовой коммуникации, политологии, филологии, журналистики. Известный канадский теоретик *Мак-Люэн*, автор работ в области массовой коммуникации, утверждает, что канал передачи во многом определяет и само сообщение: “The medium is the message”.

*Модель К. Бюлера***,** психолога и лингвиста**,** одна из самых простых функциональных моделей, в которой выделяются три функции языка и коммуникации, связанные с двумя коммуникантами и сообщением: экспрессивная, соотносимая с отправителем, апеллятивная, обращенная к получателю, и репрезентативная, отражающая сообщаемую информацию.

Функциональная модель *Р.О. Якобсона* включает шесть элементов. Речевое сообщение определенной формы и содержания передается при наличии контакта от адресанта адресату при помощи кода.

Статичность и однонаправленность коммуникации в меньшей степени соответствовала человеческой коммуникации и была впоследствии восполнена понятием обратной связи, что сделало модель более близкой к реальности. Это было связано с проникновением идей кибернетики в разные науки, в частности с появлением работы *Н. Винера***.** Нелинейная модель коммуникации стала более динамичной и даже диалогичной. Винер писал: «Коммуникация – игра, ведущаяся совместно говорящим и слушающим против сил беспорядка, представленных коммуникативными трудностями и личностями, пытающимися воспрепятствовать сообщению» [Цит. по: Кашкин, 2013].

Для понимания процесса коммуникации весьма существенны две основные идеи, представленные в работах выдающегося литератора и лингвиста последней четверти XX века М.М. Бахтина. включающие 1) обращенность, *адресованность* коммуникации (“Без слушающего нет

говорящего"), 2) *контекстная обусловленность* (хронотоп пользователя: я, здесь, сейчас от греч. *Хронос – время и место).*

Идею комуникативного взаимодействия, сотрудничества, диалога высказывал и немецко-американский лингвист *О. Розеншток-Хюсси.* Близкие диалогизму идеи высказывал французский семиолог и последователь Бахтина *Р. Барт,* считавший, что слово не имеет значения, это только возможность значения, которая реализуется в контексте употребления в тексте. Каждое новое прочтение текста создает новое значение, читающий как бы пишет свой собственный текст. Идеи М.М. Бахтина и Р. Барта находят развитие в работах французской исследовательницы *Ю. Кристевой,* которая использует понятие интертекстуальности, введенное Р. Бартом. Близкие идеи были выдвинуты французским философом *М.Фуко,* многие из них в настоящее время развиваются исследователями языка кинематографа, в психоанализе, в исследовании рекламы, в анализе политического дискурса и языка власти. В кибернетике 2-ой половины XX века один из ее основоположников *Хайнц фон Фёрстер* подчеркивал диалогический характер коммуникации, перефразируя известную пословицу "*It needs two to tango*" в "*It needs two to language"*. Взгляды фон Фёрстера оказали влияние на биолога *У. Матурану,* который высказал идею консенсуса, взаимодействия самоорганизующихся систем, к которым относится и язык. Языковую/речевую деятельность он сравнил с танцем, суть которого не в конкуренции и управлении, а в сотрудничестве, взаимном согласовании совместных действий.

Анализируя определения коммуникации, В.Б. Кашкин цитирует английского литературного критика *И.А. Ричардса,* который еще в 1928 году дал очень близкое современному пониманию толкование этого явления: «Коммуникация имеет место, когда одно человеческое сознание так действует на окружающую среду, что это влияние испытывает другое человеческое сознание, и в этом втором сознании возникает опыт, подобный опыту в первом сознании и вызванный в какой-то мере этим первым опытом» [Кашкин, 2013, с. 71].

Типологическая классификация моделей «может быть осуществлена благодаря пониманию *культуры как системы,* в которой заложена возможность бесконечного диалога прямых и обратных связей» [Зинченко и др., 2010, с. 44]. Авторы словаря по межкультурной коммуникации утверждают, что в основе философской модели коммуникации лежит диалектический метод и представление Гегеля о наличии в культуре прямых и обратных связей. Они ссылаются на его определение искусства, которое «распадается на произведение, имеющее характер внешнего, обыденного наличного бытия – на субъект, его продуцирующий, и на субъект, его созерцающий и перед ним преклоняющийся» [Там же].

Отметим, что диалогическая модель коммуникации М.М. Бахтина включает особый тип смысловых отношений, выходящих за рамки обычного диалога, она предполагает диалог, который может происходить

даже между людьми, живущими в разные времена и в разных странах, цивилизациях. Главное условие коммуникации – «смысловая конвергенция», взаимопонимание. Это «диалогическая система», в которой задействованы концепты «я» и «другой» [Бахтин, 1993]. Идея диалогичности, совместного воспроизводства смыслов членами общества лежит в основе интерпретативного подхода, интеллектуальной традиции, противопоставленной позитивизму, который критикуют за неоправданную претензию на объективность, попытку отказаться от аргументации собственной позиции [Леонтович, 2011, с.11-12]. О.А. Леонтович справедливо сомневается в том, что можно отрешиться от ценностей, быть полностью «объективным», оказаться в нравственном вакууме – пространстве, лишенном политических, экономических и иных факторов, особенно когда речь идет о человеческой коммуникации. Интерпретационизм представляет собой эпистемологический подход, согласно которому социальные процессы могут быть осмыслены только через интерпретацию того, как люди понимают окружающий мир и выражают свое понимание посредством языка, образности, личностного стиля, общественных ритуалов и других сущностей. Задача интерпретатора – понять, как люди разбираются в своих мирах, постоянно пытаясь разгадать смыслы и делая объяснительные выводы из своих наиболее удачных догадок [Леонтович, 2011, с. 12]. Критики интерпретационизма обвиняют его приверженцев в субъективности и необоснованности некоторых выводов. В.З. Демьянков, рассматривая понятие *интерпретации* применительно к лингвистике, определяет ее как целенаправленную когнитивную деятельность, обладающую обратной связью с промежуточными (локальными) и глобальными целями интерпретатора, который не всегда уверен в справедливости идей и целенаправленности действий автора высказывания [Демьянков, 2003, с. 120]. Интерпретивизм, или интерпретационизм, очень близок и даже смыкается с символическим интеракционизмом и конструкционизмом, последователи которых убеждены, что социальная реальность не является данностью, а постоянно создается и воспроизводится благодаря переговорным процессам, которые являются частью социальных практик, а в основе имеют концептуальные категории. Культура понимается этими исследователями не как внешняя среда, определяющая и ограничивающая человеческую деятельность, а как нечто постоянно конструируемое людьми в зависимости от изменяющейся ситуации общения. Исследователь может узнать об индивидуальных конструктах респондентов только через взаимодействие с ними. Задача исследователя – реконструировать социальный мир коммуниканта, обращаясь к таким понятиям, как «предпонимание» (конвенция, пресуппозиция, предубеждение), картина мира, «слияние горизонтов» разных коммуникантов [Леонтович, 2011,с. 13-14].

Анализируя методы коммуникативных исследований, наряду с позитивистским подходом, отвергающим качественные методы, и

интеракционистским подходом, отказывающимся от количественных методов, исследователи обращают внимание на существование умеренных точек зрения, в частности, критического реализма, который концентрирует внимание на способности человека не только объяснить, но и изменить мир [Bryman, 2008, с.13]. В отличие от позитивизма, который анализирует факты и явления действительности, и интерпретивизма, который изучает их осмысление людьми, критический реализм занимается механизмами, порождающими разные типы ситуаций, что заставляет ученых обращаться к междисциплинарным исследованиям с одной стороны, и побуждает использовать разнообразные количественные, качественные и смешанные методы и приемы с другой [Леонтович, 2011]. Одним из аргументов в пользу смешанных методов считают принцип триангуляции, или «перекрестного» анализа, предполагающий, что любое социальное явление должно анализироваться с двух и более точек зрения. Этот принцип был заимствован из математики и геодезии, где он обозначает процесс определения местонахождения объектов путем измерения углов, под которыми они расположены, с разных позиций. Как пишет Г. Хофстеде, «в социальных науках, где мы не можем прямо измерять конструкты, нам следует использовать как минимум два как можно более различных приема измерения и двигаться дальше, только если обнаружим совпадающие результаты» [Hofstede 2008, с.5].

Коммуникация, понимаемая как социальное взаимодействие с целью договориться на основе интерпретации выраженных в речи смыслов, является центральным понятием теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса [Habermas, 1987]. Смысл коммуникации задается принципами дискурсивной этики. Коммуникативное действие в концепции Ю. Хабермаса связано с интеракцией по крайней мере двух субъектов, способных к речи и действию, которые устанавливают интерсубъективные отношения вербальным или невербальным способом. Участники хотят достичь взаимопонимания и перейти к совместной деятельности через взаимное согласие. Центральное понятие интерпретации относится к обсуждению определенной ситуации, которое приводит к консенсусу. Языку отводится выдающееся место в этой модели. Участники коммуникации ищут консенсус посредством реализации значимых претензий на правду (истину), правоту (правильность) и правдивость (искренность). Таким образом определяется место высказывания между речевым актом, посредством которого говорящий хочет договориться о чем-то со слушающим, и тремя мирами: 1) объективным (совокупностью явлений, о которых может быть высказано истинностное суждение), 2) социальным миром (совокупностью регулируемых законом интерперсональных отношений) и 3) субъективным миром (совокупностью личного опыта говорящего). Каждый процесс достижения взаимопонимания происходит на фоне культурно-обусловленного предпонимания, Ю. Хабермас использует термин common suppositions (общие пресуппозиции), далее он говорит об общих условиях, которые

должны быть соблюдены, чтобы соглашение было достигнуто. В кооперативном процессе интерпретации ни один из участников не имеет монополии на правильную интерпретацию [Habermas 1987, с. 100].

В контексте коммуникативного действия речевой акт должен отвечать требованиям понятности (вследствие грамматически правильно построенного высказывания), истинности высказывания (в соответствии с фактами реальной действительности), правильности действий и искренности. Типология речевых актов Хабермаса включает четыре класса: 1) коммуникативный (Kommunikativa), который связан с выбором типа коммуникативного действия или коммуникативной стратегии; 2) констативный (Konstativa), используемый для выражения смысла высказываний при когнитивном использовании языка и связан с пропозицией высказывания и требованиями истинности; 3) репрезентативный (Representativa) представляет говорящего в речи при экспрессивном использовании языка, эксплицирует смысл интенций, эмоций, отношений, оценок и связан с требованиями искренности; 4) регулятивный тип (Regulativa) используется для выражения смысла при интерсубъективном взаимодействии, связан с требованиями правильности. В зависимости от ситуации те или иные требования могут оказаться приоритетными, но в каждом речевом выражении присутствует (имплицитно или эксплицитно) весь их спектр. Ю. Хабермас вводит три модуса коммуникации: когнитивный, экспрессивный и интерактивный, в которых находят свое выражение пропозициональное содержание, субъективное переживание и интерперсональное отношение. Эти модусы являются сутью сферы референции. Исходя из понятия коммуникативного действия в дискурсе, целью которого он считает достижение консенсуса, Хабермас описывает две стратегии поведения: 1) собственно *коммуникативную стратегию* (достижение взаимовыгодного сотрудничества по принципу рациональной организации дискуссии, которая приводит к консенсусу) и 2) *инструментальную стратегию* (использование партнера без учета его интересов). Инструментальная стратегия в свою очередь может быть двух типов. Социальное стратегическое действие ставит в центр внимания социальные взаимодействия людей, но обращает внимание в первую очередь на эффективность процессов решения и рационального выбора. В инструментальном асоциальном акте на первый план выдвигаются прагматические критерии, а социальный контекст не учитывается [Володина, 1999]. Впоследствие типология коммуникативных действий Ю. Хабермаса получила дальнейшее развитие, он выделил следующие четыре действия: стратегическое, норморегулирующее, экспрессивное (драматургическое) и коммуникативное. Т.Х. Керимов предлагает объяснение данных типов действий [Керимов, 2001].

Понятие *стратегического действия* связано с именем Аристотеля и основывается на соответствии цели и средства деятельности. Это действие, управляемое эгоистическими целями, при достижении которых принимается во внимание влияние поведения другого индивида. Участники стратегического действия относятся к другим как к

объективированным средствам или препятствиям на пути к цели. Понятие *нормативного действия* предполагает определенную совокупность индивидов, ориентирующих свои действия в зависимости от принятых норм и ценностей и на основании их строящих взаимопонимание. Рациональность действия такого типа определяется соответствием стандартным нормам. Эти нормы предопределяют выполняемые индивидами социальные роли в соответствующем социальном окружении. Преследование эгоистических целей преодолевается выполнением социальных обязанностей и установлением канонов.

Понятие *драматургического действия* соответствует представлению индивидами самих себя в ситуации взаимодействия. Индивид создает у слушающих образ самого себя посредством того, что «выставляет» на публику, раскрывает свой внутренний мир. Рациональность драматургического действия связана с искренностью выражения отношений и переживаний. Поэтому, чтобы выступление было рациональным в нестратегическом смысле, оно должно быть искренним. Понятие *коммуникативного действия* предполагает социальное взаимодействие двух и более индивидов, владеющих речью, способных к действию, которые вступают в межличностные отношения. Целью такого типа действия является свободное соглашение участников для достижения совместных результатов в определенной ситуации [Там же].

Стратегическое поведение ориентировано на достижение цели, что, по мнению Ю. Хабермаса, неизбежно предполагает субъект-объектную процедуру и прагматическое использование другого в качестве объекта [Habermas 1987]. Коммуникативное действие, напротив, принципиально субъект-субъектно и предполагает принятие другого в качестве самодостаточной ценности. Радикальный поворот к свободе означает в концепции Ю. Хабермаса прежде всего перенос акцентов в культуре, переориентацию ее приоритетов с режима S-O, задающего заведомо деформированный стиль мышления, на сферу диалогических межличностных коммуникаций, предполагающих понимание и аксиологически симметричных по своей природе [Фурс, Можейко 2002]. «Общение, коммуникация позволяют индивиду преодолеть созерцательную позицию наблюдателя», – считает исследователь творчества Ю. Хабермаса Е.Л. Петренко. «Культура является важнейшим ресурсом в практике совершенствования коммуникативного сообщества. Понятие жизненного мира помогает Ю. Хабермасу показать, как ценности хранятся в виде текстов. Ю. Хабермас считает, что традиция не прерывается, если воспроизводство культурных ценностей осуществляется средствами критического анализа» [Петренко, 2008, с.408-409].

Одним из ключевых понятий коммуникативного описания является понятие коммуникативного акта. Центральная деятельностная единица в переводе – двуязычный коммуникативный акт [Городецкий, 2003]. Под коммуникативным актом понимают элементарную единицу коммуникации, которая в двух существующих парадигмах коммуникативных

исследований понимается по-разному: в трансляционной парадигме это однократное коммуникативно оформленное сообщение; в интеракциональной парадигме – минимально завершенное коммуникативное взаимодействие. Коммуникативный акт представляет собой однократное коммуникативное действие по передаче, получению одного сообщения (речевой акт, единица трансляционной парадигмы) или речевое взаимодействие (собственно коммуникативный акт, единица интеракциональной парадигмы исследования, минимальное диалогическое единство), включающее реплики говорящего и реакции второго коммуниканта [Кашкин 2013]. Примером модели речевого акта является известная модель Р.О. Якобсона, содержащая шесть компонентов и соответствующих функций [Якобсон 1985]. Примерами модели собственно коммуникативного акта, акта речевого взаимодействия, являются четырехкомпонентная модель Ю. Хабермаса [Habermas 1987] и пятикомпонентная модель Б.Ю. Городецкого [Городецкий, 2003].

Структура коммуникативного акта в концепции Б.Ю. Городецкого включает следующие компоненты: 1) коммуниканты, их языковые и неязыковые характеристики; 2) обстоятельства общения (общественная практическая деятельность, физическая сфера, психосоциальная сфера, внешний контекст общения); 3) система коммуникативных замыслов (система планов, практических целей, коммуникативных целей); 4) психолингвистические процессы (вербализация, понимание, коммуникативная интеракция); 5) коммуникативный текст (речевые произведения, поочередно создаваемые коммуникантами, семиотическая система, имеющая план выражения и содержания, которая складывается из семантических и прагматических аспектов) [Там же].

Модель речевого действия Р.О. Якобсона описывает передачу сообщения от адресанта адресату с помощью кода при наличии контакта. Контекст связан с содержанием сообщения, с референтной ситуацией действительности, о которой говорится в сообщении. Модель телеологична, демонстрирует целевые функции языка и применяется в лингвистике как для анализа функций языка, так и для анализа функционирования отдельных единиц, а также производства речи и текста [Кашкин 2013, с.71].

При моделирование межкультурной (переводческой) коммуникации в модель добавляется дополнительная составляющая – перевод. Речевой акт распадается на три взаимосвязанных акта: 1) исходный текст/дискурс на одном языке (ИЯ); 2) текст/дискурс на переводном языке (ПЯ); 3) акт коммуникативного приравнивания текстов/дискурсов на ИЯ и ПЯ. Переводчик выступает как получатель в первом и как отправитель во втором случае [Там же, с.71]. Структуру коммуникативного акта интеракционального типа также следует расширить за счет включения посредника/модератора, который будет выполнять функцию переводчика, перекодирующего сообщение с языка первого коммуниканта на язык второго участника коммуникативного взаимодействия. Таким образом, в

акте коммуникации будут участвовать уже не две, а три стороны. На устного, особенно синхронного, переводчика, ложится огромная ответственность, поскольку он должен в кратчайшее время так донести до коммуникантов информацию, чтобы она не только соответствовала основной коммуникативной цели диалога, но и максимально адекватно передавала значения языковых единиц, оформляя их соответствующими стилистическими средствами с учетом сопутствующего коммуникативного поведения, которое И.А. Стернин предлагал считать компонентом культуры [Стернин, 2005]. Модель коммуникативного поведения, предложенная И.А. Стерниным, включает пять параметров: 1) очерк национального характера; 2) доминантные особенности общения народа, которые проявляются в большинстве ситуаций; 3) вербальное коммуникативное поведение; 4) невербальное коммуникативное поведение; 5) социальный символизм [Стернин 2005].

Обсуждая вопросы соотношения языка и идеологии, Светлана Григорьевна Тер-Минасова указывает на различия менталитетов западного и российского человека, которые проявляются в языке «главным образом в лексике, то есть на уровне слов, словосочетаний, фраз, пословиц, поговорок, крылатых выражений, анекдотов, фольклорных текстов и т.п.» [Тер-Минасова 2000, с. 207-213]. «Идеология запада, – пишет Светлана Григорьевна, – полностью подчинена своеобразному *культу индивидуального человека*, его воле и потребностям. Соответственно и все системы – экономика, политика, культура, основанные на этой идеологии, – направлены на максимально полное обслуживание индивида» [Тер-Минасова 2000, с. 209]. Цитируя исследование П.Л. Коробки, она обращает внимание на то, что понятие «эгоизм» представлено в английском языке двумя фразеологическими единицами с положительной оценкой: *Every man for himself* и *Charity begins at home* [Там же, с. 213] Можно добавить и еще две хорошо известные английские пословицы: *Self comes first. Always remember number one* (yourself), характеризуемые присутствием соответствующих коннотаций в определенных условиях контекста.

Используя модель когнитивно-дискурсивного анализа смысла пословицы в контексте (КДМ) [Абакумова, 2012], которая была предложена в 2012 году на основе теории коммуникативного действия Хабермаса с его типологией коммуникативных стратегий, с расширением и развитием каждой составляющей модели за счет референциально-ролевой грамматики, метафоризации окказиональных фреймов, функциональной теории оценки и типологии деонтических норм в семантике пословиц В.И. Карасика [Карасик, 2019] и семантико-прагматической репрезентации высказывания А.Е. Кибрика [Кибрик, 2005], хотелось бы предложить анализ перевода коммуникативного эпизода с использованием пословицы *Charity begins at home*. Модель описывает разворачивание смысла пословицы в коммуникативном эпизоде/ситуации в рамках текста/дискура. Проанализируем перевод коммуникативного эпизода, содержащего пословицу, который может

служить примером акта межкультурной (переводческой) коммуникации, на материале отрывка из романа Дж.Голсуорси «Сага о Форсайтах». Коммуникативная ситуация представляет беседу дядюшки Суизина с его родственницей Ирэн, к которой он чувствует расположение, доверяет ей и, приняв несколько бокалов шампанского, делится своими наболевшими проблемами. В числе прочего он осуждает своего квартиросъемщика, который разорился, помогая зятю, и оставил таким образом дядюшку Суизина без ожидаемой суммы денег. Иронически и с нескрываемым осуждением Форсайт использует при этом пословицу ***Charity begins at home:*** «*Charity begins at home*» – You should take care of your family and other people who live close to you before helping people who are living further away or in another country. (пер. Хочешь быть благодетелем, начинай с собственного дома // русский аналог. *Своя рубаха ближе к телу*).

When, warmed by champagne, he had her all to himself, he unbosomed himself of his wrongs; of his smothered resentment against the new chef at the Club; his worry over the house in Wigmore Street, where the rascally tenant had gone bankrupt through helping his brother-in-law – as ***charity begins at home****; of his deafness, too, and that pain he sometimes got in his right side.* (*Galsworthy*)

«Разомлев от шампанского, чувствуя, что теперь уж он завладел вниманием Ирэн полностью, Суизин поделился с ней всеми своими горестями: глухим раздражением, которое вызывал у него новый шеф-повар в клубе; беспокойством по поводу дома на Уигмор-стрит, съемщик которого разорился, подлец, помогая своему зятю – ***заботился бы лучше о своих собственных делах***; пожаловался и на глухоту и на боль в правом боку» (перевод М.Ф. Лорие). ***Своя рубашка ближе к телу***» – русская пословица обычно имеет неодобрительный оттенок [Зимин, Спирин 2005, с. 46]. В словаре данная пословица располагается в разделе «Эгоист», где приводится идеал эгоиста: *Жить в свое удовольствие* (не думая о нуждах других).

Обратимся к анализу коммуникативного эпизода по модели КДМ и рассмотрим возможности ее практического применения для эффективности коммуникативного взаимодействия и переводческого процесса.

Kommunikativa (коммуникативная составляющая) отражает реализацию асоциальной (инструментальной) коммуникативной стратегии говорящего, который жалуется, что квартиросъемщик не смог оплатить аренду помещения из-за того, что помогал родственнику и сам разорился, а также на свое здоровье, желая получить сочувствие у женщины, ее эмоциональную, а может быть, и материальную поддержку.

Konstativa (*когнитивная* составляющая) отражает наложение трех типов фреймов как развертывание пословичного сценария.

Образный фрейм связан с благотворительностью, которая, по мнению англичан, должна начинаться дома. На самом деле благотворительность обычно осуществляется по отношению к людям или организациям, нуждающимся в материальной помощи, анонимно, этот

процесс исключает родственников. *Charity* – 1) (money or help given because of) kindness and generosity towards people who are poor, sick, in difficulties, etc.; 2) an organization that helps people, who are poor, sick, in difficulties; 3) sympathy and kindness shown in judging others [Longman Dictionary, с.162].

Обобщенный фрейм отражает ситуацию, в центре которой находится явление, которое обладает одним свойством (оказанием материально-денежной помощи), а значит, по мнению носителей английского языка и культуры, должно обладать другим свойством (пользой для себя, своих близких). Ср. 1-я логико-семиотическая модель Г.Л. Пермякова: Если к-либо вещь обладает одним свойством, она должна обладать и другим [Пермяков, 1979]. Окказиональный фрейм отражает ситуацию помощи, которую персонаж оказал мужу сестры и сам пострадал в результате: не смог оплатить аренду своего собственного дома.

Representativa (Экспрессивная составляющая) включает эпистемическую модальность, которая опирается на негативный опыт говорящего, его отрицательную оценку ситуации, а также аксиологическую (в основе лежат деньги и собственная выгода как высшая ценность). Эксплицитно утверждается, что нужно помогать родственникам, но косвенный директив имплицитно указывает, что в первую очередь нужно было заботиться о себе, своих интересах.

Regulativa (регулятивная составляющая) опирается на социальные нормы утилитарного типа, принятые в английском обществе: «Следует быть осторожным», «Следует быть экономным», «Не следует принимать необдуманных решений» [Карасик, 2019]. Опираясь на нормы своей культуры, говорящий ждет сочувствия у своей родственницы и рассчитывает на поддержку.

Проведенный анализ подтвердил правильный выбор переводчика, который не стал переводить английскую пословицу ее русскоязычным аналогом *Своя рубашка ближе к телу*. Представляется, что это было бы неверно, поскольку говорящий – не русский крестьянин, а богатый английский буржуа, собственник. Переводчик отказался и от буквального перевода, учитывая коммуникативную цель говорящего, его оценку ситуации, обстоятельства общения (неформальный стиль общения подвыпившего пожилого человека), его социальную принадлежность. Обратный перевод не возвращает нас к исходной пословице по данным словарей: *Своя рубашка ближе к телу*: 1) об эгоисте, который думает только о своих интересах; 2) о человеке, который заботится только о том, что принадлежит ему, и не волнуется о сохранности чужого имущества. Ср. англ. *The parson always christens his own child first; Close sits my shirt, but closer is my skin.* [Котова, 2000].Английская пословица и её русские аналоги имеют общую базовую основу: архетипические оппозиции *свой/чужой, близкий/далекий*. Но культурное содержание кодируется как общими, так и различными тематическими кодами, поэтому, возможно, оценка ситуации и поведения человека в этих пословицах отличается. Английская пословица *Charity begins at home* входит в ряд пословиц о доме и использует

артефактивный/домообустроительный тематический код лингвокультуры, что еще раз подчеркивает склонность англичан к уединению, их необщительность (reserve), любовь к своему личному пространству, их чувство собственности (ср. их национально-специфический концепт privacy): *There is no place like home. Every bird likes its own nest. Every dog is a lion at home. Dry bread at home is better than roast meat abroad. He has no home whose home is everywhere. An Englishman's home (house) is his castle.* ***Charity begins at home***. А также *Self comes first* (букв.Сам прежде всего). *The parson always christens his own child first. Close sits my shirt, but closer is my skin.* Артефактивный домообустроительный тематический код культуры комбинируется здесь с собственно антропным (*Self comes first*), пространственным (*Close sits my shirt*), а также с положительными зооморфными метафорами, образами, символизирующими свободу (*bird*) и силу, власть (*lion), дом* – символ безопасности, комфорта, своего пространства, религиозный (*parson christens*), костюмный (*shirt*). Оценка ситуации в английской пословице в основном положительная или нейтральная, эгоизм оправдывается.

Оценка поведения человека в русских пословицах, как правило, негативная, эгоизм порицается. Для эгоиста – *Своя рубаха дороже чужой шкуры. Ему сгори целый свет, лишь бы он был согрет.* Живёт он по принципу*: После нас хоть трава не расти. После нас хоть потоп.* ***Своя рубаха (шкура) ближе к телу.*** *Сова о сове, а всяк о себе. Мышка, и та в свою норку тянет. Своя рука к себе гребёт. Пальцы-то внутрь ладони гнутся.* Идеал эгоиста – *Жить в своё удовольствие.* Однако не надо бы забывать, что – *Любовь к людям – лучшее богатство. Кто слишком любит себя, того не любят другие* [Зимин, Спирин 2005, с. 46].

Анализ приведенного эпизода демонстрирует особенности мировоззрения типичного представителя английской буржуазной культуры, где высшей ценностью являются деньги и частная собственность, считается, что каждый человек должен сам позаботиться о себе. Основываясь на исследованиях социо-антропологической лаборатории Г. Хофстеде [Hofstede, 2008], можно уверенно назвать английскую культуру индивидуалистской, в которой выявляется высокий приоритет личной жизни, преобладает трезвый расчет, преследование собственных целей, стремление к лидерству, приоритет индивидуальных решений, а не групповых, одна из главных целей в жизни – удовольствия, увлечения и безопасность, индивидуальная инициатива поощряется обществом, связи между людьми не так важны; считается, что каждый человек должен сам позаботиться о себе.

Проведенный анализ с помощью модели КДМ показал, что ведущим фактором при выборе переводного эквивалента пословицы является прагматический, то есть достижение планируемого коммуникативно-прагматического эффекта, который может быть достигнут при помощи реализации различных, наиболее подходящих в данном случае эквива-

лентных языковых единиц (пословичным эквивалент, аналог, калька, простой дефразеологизированный пересказ).

Использование различных моделей коммуникации в ходе исследования позволяет наиболее точно определить способы достижения желаемого коммуникативного эффекта в процессе общения на разных уровнях репрезентации в различных сферах языковой деятельности.

Список литературы

1. Абакумова, О.Б. Пословица в художественном тексте и когнитивно-дискурсивная модель ее актуализации // Ученые записки Орловского государственного университета: Научный журнал. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». – Орёл, 2011. – №1(39). – С. 122-129.
2. Абакумова О.Б. Лингвокультурологические аспекты перевода пословиц в художественном тексте//Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее. Москва: Изд МПГУ, 2022. С. 264-272.
3. Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 195 с.
4. Володина Л.В. Эстетика «коммуникативного действия» Ю.Хабермаса // Эстетика сегодня: состояние, перспективы: Мат-лы научной конференции. СПб: Санкт-Петербургское философское общество,1999. С. 25-27.
5. Городецкий Б.Ю. Моделирование вербального общения и типология коммуникативных актов // Доклады международной конференции Диалог 2003. М.: МГУ. С. 1-6.
6. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ//Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд МГУ,2003. С. 116-133.
7. Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. Ростов н/Д: Феникс; М.-Цитадель-трейд, 2005. 591 с.
8. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И., Рябов Г.П. Словарь по межкультурной коммуникации: понятия и персоналии. М.: Флинта; Наука, 2010. 136 с.
9. Карасик В.И. Нормы поведения в языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2019. №4. С. 35-49.
10. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. 4-е издание. М.: Флинта, 2013. 225 с.
11. Керимов Т.Х, Кемеров В.Е. Хрестоматия по социальной философии. М: Академический проект, 2001. С. 98-113.
12. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М.: КомКнига, 2005. 352 с.
13. Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб: Изд. СПбГУ, 2000. 356 с.
14. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
15. Петренко Е.Л. Хабермас размышляет о модерне//Философский дискурс о модерне. М.: Изд. «Весь Мир», 2008. С.395-411.
16. Стернин И.А., Прохоров Е.Ф. Русские: коммуникативное поведение. М.: 2005. 328 с.
17. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 261 с.
18. Фурс В.Н., Можейко М.А. Всемирная энциклопедия: Философия XX века. М.-Минск: АСТ, Харвест, Современный литератор, 2002. 975 с.
19. Якобсон Р.О. Речевая коммуникация; Язык в отношении к другим системам коммуникации// Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С.306-330.
20. Bryman A. Social Research Methods. Oxford-New York: Oxford University Press, 2008.
21. Habermas J. The Theory of Communicative Action – Boston: Beacon Press, 1987. Vol.1 Reason and the Rationalisation of Society. 1080 p.
22. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organisations Accross Nations. 2d ed. California: Thousands Oaks, 2001/ 3d ed. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2008. 530 p.
23. Longman Dictionary of Contemporary English. Vol.1. A.- L. Longman, 1992.626 p.

2.3. НЕВЕРБАЛЬНАЯ И ВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Данный раздел работы – это скромный вклад в признание исключительных заслуг ученого с мировой известностью, профессора, доктора филологических наук Светланы Григорьевны Тер-Минасовой. Светлана Григорьевна – настолько многогранная личность, что было бы практически невозможно перечислить все стороны ее таланта. Если упомянуть лишь некоторые – она основала, долгое время руководила, а в настоящее время является Президентом одного из самых востребованных факультетов Московского университета – факультета иностранных языков и регионоведения.

К тому же профессор С.Г. Тер-Минасова – талантливый педагог, способный привить студентам любовь к изучаемому предмету. Она воспитала целую плеяду учеников – кандидатов и докторов наук, продолжая напутствовать молодых филологов, будучи членом специализированного диссертационного совета МГУ.059.3 (10.07). Светлана Григорьевна внесла неоценимый вклад в изучение взаимосвязи языка и культуры и продолжает развивать данное направление филологии.

Если в прежние времена английский язык нередко преподавался в отрыве от культуры тех стран, где на нем говорят, то сейчас уже трудно оспорить значение лингвокультурологического компонента при обучении языку. Как языковеды, так и преподаватели языка (хотя порой здесь провести грань практически невозможно, т.к. большинство преподавателей ведут и научные исследования), как правило, сходятся во мнении, что без доскональных фоновых знаний о культуре и общественном устройстве стран, в которых английский язык является родным для проживающих там людей, весьма проблематично овладеть данным языком в качестве эффективного средства межкультурной коммуникации.

Было бы заблуждением думать, что для усвоения устной и письменной английской речи достаточно знать лишь определенное количество слов и правила коллокации и коллигации в данном языке. Как отмечает профессор С.Г. Тер-Минасова, “The problem is that the idea of meaning as a reference to reality invariably leads one out of the world of language into the world of reality. Consequently, bringing words together means bringing objects of reality together. The real worlds may coincide in some physical features but the visions of the world by different peoples representing different speech communities do not coincide” [Ter-Minasova, 1996, p.103].

Широко известен тот факт, что невербальная коммуникация играет порой ключевую роль как в межличностном, так и в межкультурном общении. Так, согласно авторитетным источникам, лишь 7% коммуникации зависит от слов, используемых говорящими, в то время как оставшиеся 93% приходятся на так называемый «язык тела» (body language). Последний, в свою очередь, подразделяется на две неравные части: 55% – это жесты, осанка человека, телодвижения, выражение лица, наличие или

отсутствие зрительного контакта, в то время как 38% связаны с тоном голоса [The Secrets of body language, 2009. Эл. ресурс]

В последнее время появляется все больше публикаций, посвященных вопросам невербальной коммуникации и ее связи с коммуникацией вербальной. Так, когнитивист Сьюзен Голдин-Медоу, в недавно вышедшей книге "Thinking with your hands: The surprising science behind how gestures shape our thoughts" утверждает, что помимо неоспоримой связи языка и мышления существует тесная связь между тем, как мы мыслим, и нашей жестикуляцией [Goldin-Meadow, 2023, p. 3]. Причем это не касается каких-то отдельно взятых жестов, как, например, поднятый вверх указательный палец (кстати, и он в разных культурах может интерпретироваться по-разному).

Исследователь с помощью тщательно подобранных примеров убедительно доказывает, что говорящий, как правило, использует жесты, порой даже не осознавая этого, и жестикуляция, будучи непосредственно связана с мыслительным процессом, помогает ему сформулировать то, что он хочет сказать, а иногда и выдать то, что он на самом деле думает. Так, если, говоря о равноправии мужчин и женщин, человек использует жесты ниже линии талии, по утверждению Сьюзен Голдин-Медоу, его слова расходятся с тем, что он на самом деле думает [Там же, с. 10].

Профессор Голдин-Медоу приводит еще один интересный пример, иллюстрирующий единство речемыслительного процесса и жестикуляции. Исследовательница обратила внимание на то, что переводчики-синхронисты во время международных конференций постоянно жестикулируют, переводя речь того или другого докладчика с одного языка на другой. Автор задает вопрос: почему они это делают? Ведь участники конференции лишь слышат их перевод, но самих синхронистов не видят. Оказывается, синхронисты таким образом помогают себе наиболее точно передать сказанное докладчиком на языке перевода [Там же, с. 12].

Упоминая такую важную составную часть невербальной коммуникации, как жесты, нельзя не коснуться, хотя бы и кратко, того, как слова "gesture" и "gesticulate" появились в английском языке. Самое раннее использование существительного "gesture" относится к позднему среднеанглийскому периоду (15в.). Этимология слова восходит к латинскому "gestura", со значением "bearing, behaviour, mode of action", позже получившем в английском языке также значение "a movement of the body or a part of it, intended to express a thought or feeling" [The Oxford English Dictionary online. Эл. ресурс].

Генри Хитчинс в своей книге "Sorry! The English and Their Manners" пишет, что глагол "gesticulate" был впервые зарегистрирован во втором издании словаря Роберта Кодри "A Table Alphabetical" в 1609 году со следующим объяснением: "to use much or foolish gesture". Как отмечает автор книги, производное существительное "gesticulation" было весьма модным словом в начале XVII в. и определялось как "a moving of fingers, hands, or other parts, either in idle wantonness, or to express some matter" [Hitchings, 2013, p. 71].

Генри Хитчинс подчеркивает, что англичане всегда довольно отрицательно относились к слишком активной жестикуляции. Например, вот как знаменитый лексикограф Сэмюэль Джонсон реагировал на чрезмерное использование жестов своим собеседником: “…Samuel Johnson would grab and restrain a man who gesticulated to add force to an argument, thereby ironically adding the force of gesture to his campaign against gesticulation” [Там же, с.72]. Более того, эксперты в области невербальной коммуникации утверждают, что если в процессе общения налицо несоответствие между тем, что человек говорит, и его языком тела, всегда следует полагаться именно на проявления невербальной коммуникации, т.к. их труднее контролировать и они по определению более откровенно говорят об интенции и эмоциональном состоянии говорящего [The Secrets of body language, 2009. Эл. ресурс].

Нельзя не упомянуть и еще один аспект невербальной коммуникации, подмеченный психологами: результаты многочисленных исследований показали, что можно выделить три типа людей в зависимости от того, как они воспринимают и обрабатывают информацию. Имеются в виду визуалы, аудиалы и кинестеты/кинестетики [Анисим, 2023. Эл. ресурс]. От того, к какому типу людей преимущественно принадлежит говорящий, во многом зависит его выбор средств вербальной и невербальной коммуникации. Следует также отметить, что часто к вышеупомянутым трем категориям добавляют и четвертую – дигиталов, которые в основном полагаются на логическое мышление. Однако этот тип восприятия и обработки информации не рассматривается в настоящей работе. Кроме того, ситуация с дигиталами усложняется и тем, что существует так называемый “digital body language”, относящийся к поведению людей при общении онлайн [Dhawan, 2021. Эл. ресурс].

Обратимся теперь к рассмотрению трех типов людей, упомянутых выше. Как показывают исследования, около 75% относятся к визуалам. Они воспринимают и обрабатывают информацию в виде изображений и картин, для них характерна уверенная и прямая осанка. Кроме того, им важен зрительный контакт с собеседником. Известный эксперт в области невербальной коммуникации Линн Франклин советует, что для того, чтобы установить контакт с ними, следует использовать слова и словосочетания, которые им близки: “I see”, “Look at this”, “Let’s picture it this way” [Franklin, 2017. Эл. ресурс].

Что же касается аудиалов, то их умственное восприятие и обработка информации фокусируется в первую очередь на словах и звуках. Их язык жестов вполне соответствует свойственному им типу восприятия: они стараются избегать зрительного контакта с собеседником, взгляд направлен вниз. Предпочтение в их случае отдается так называемой «телефонной позе», когда ладонь прижата к щеке. Основная рекомендация для успешного общения с данным типом людей заключается в избегании зрительного контакта с ними и в использовании таких слов и словосочетаний, как: “Listen to me”, “That sounds good to me”, “Let’s talk this over” и подобных им. Другими словами, это использование выражений,

связанных с восприятием на слух. Следует добавить, что лишь примерно 20% людей относятся к аудиалам [Там же].

Третий тип людей – кинестеты/кинестетики – является наименее многочисленным, т.к. лишь около 5% людей воспринимают и обрабатывают информацию подобным образом. Они, как правило, стараются уменьшить расстояние с собеседником при разговоре, дотрагиваясь до него или наклоняясь к нему, что может порой вызывать негативную реакцию у представителей некоторых культур (например, у англичан). Но для того, чтобы коммуникация была успешной, эксперты рекомендуют при общении с ними полагаться на такие выражения, как “Let’s get in touch”, “Let me know how you feel” [Там же].

Как было упомянуто выше, для установления контакта с собеседником необходимо принимать во внимание его язык тела, всегда помня о том, что невербальная и вербальная коммуникация неразрывно связаны друг с другом. Но что происходит, когда отсутствуют какие-либо визуальные сигналы, например, при общении по электронной почте? В таком случае, безусловно, языковая составляющая выходит на первый план, и следует обратить внимание на слова и словосочетания, используемые адресантом или адресатом.

Тем не менее, все вышесказанное в основном относится к некоторой универсальной ситуации соотношения невербальной и вербальной коммуникации. Однако здесь было бы уместно рассмотреть то, какую роль язык тела играет в отдельно взятой культуре – культуре англичан. Так, например, известный антрополог Кейт Фокс утверждает, что в случае английской культуры более общий и абстрактный термин “body language” следует заменить на “body English”, т.к. последний более точно передает основные характеристики именно этой культурной среды [Fox, 2014, p. 127]. Согласно утверждениям Кейт Фокс, представления англичан при знакомстве и приветствия при встрече можно описать как “uncomfortable, clumsy and inelegant”. Антрополог отмечает, что на тип невербальной коммуникации в данных ситуациях общения значительное влияние оказала французская мода на поцелуй в щеку. Первоначально она распространилась среди представителей верхних слоев среднего класса, а уже затем и среди других слоев британского общества. При этом, как отмечает Кейт Фокс, все еще наблюдается некая неловкость относительно правильного количества поцелуев: “…the higher social classes tend to do two kisses, the lower classes seem inclined to stop at one, but one can never be sure” [Там же, с. 50]. Таким образом, сам процесс приветствия можно описать как вызывающий чувство неловкости и скованности.

Следует отметить, что рукопожатия, безусловно, являются нормой в сфере бизнеса, однако и здесь, как отмечает Кейт Фокс, определенная степень неловкости и соблюдения дистанции налицо: “the English handshake…is almost always somewhat awkward, very brief, performed at arm’s length, without clasping and forearm patting.” Замечание об энергичном рукопожатии и похлопывании верхней части руки («по плечу»), кстати, характерно для представителей американской культуры [Там же, с.51]. Вообще говоря,

невербальная коммуникация в английской культуре характеризуется высокой степенью сдержанности (understatement). Впрочем, это относится и к их речи, одной из отличительных черт которой является фразовая недосказанность (saying less than one wants to say), и довольно часто иностранцы этого просто не замечают или не понимают. Генри Хитчинс в своей книге "Sorry! The English and Their Manners" так иллюстрирует виртуозное использование англичанами фразовой недосказанности: "something described as 'interesting' is regarded as tedious nonsense, a 'brave' plan is an insane one and 'quite good' means 'disappointing' ('not bad' is better than 'quite good'). A more extreme form of this, in which evasiveness shades into unreliability, is the phrase 'I shall bear that in mind', which equates to 'I'm going to forget about it immediately.' Perhaps the most laughable examples are 'by the way', which, in common with 'incidentally', translates as 'this is the main thing I want to say'; 'it's my fault', meaning 'it's your fault'; and 'with all due respect', which means something closer to 'Now listen to **me**" [Hitchings, 2013, p. 137-138].

Кейт Фокс дополняет вышеприведенные примеры следующими: по ее словам, особенно священники часто прибегают к разновидности фразовой недосказанности – эвфемизму – говоря об ушедших в мир иной, ведь *de mortuis aut bene, aut nihil*. Так, слова "always the life and soul of the party" означают, что умерший любил выпить; "didn't suffer fools gladly" – это вежливый способ намекнуть на то, что он был злобным и сварливым старым негодяем, а слова "a confirmed bachelor" всегда означают его нетрадиционную ориентацию [Fox, 2014, p.p. 377-378]. Также интересно отметить, что Кейт Фокс считает фразовую недосказанность проявлением иронии, так свойственной англичанам: "…'understatement' is a form of irony. It is also a very English kind of irony." [Там же, с. 92] Вот как она иллюстрирует данное утверждение:

"The understatement rule means that a debilitating and painful chronic illness must be described as 'a bit of a nuisance'; a truly horrific experience is 'well, not exactly what I would have chosen'; a sight of breathtaking beauty is 'quite pretty'; an outstanding performance or achievement is 'not bad'; an act of abominable cruelty is 'not very friendly', and an unforgivably stupid misjudgment is 'not very clever'; the Antarctic is 'rather cold' and the Sahara 'a bit too hot for my taste', and any exceptionally delightful object, person or event, which in other cultures would warrant streams of superlatives, is pretty much covered by 'nice', or, if we wish to express more ardent approval, 'very nice'" [Там же, с. 92]. Далее, Кейт Фокс обобщает свои наблюдения над типичным поведением англичан следующим образом: "A pattern seems to be emerging…, a recurring theme that I think may be crucial to our understanding of the English character. What I am noticing is that there is rarely anything straightforward or direct or transparent about English social interaction… Every social situation is fraught with ambiguity, knee-deep in complication, hidden meanings, veiled power-struggles, passive aggression and paranoid confusion… Why, as one American visitor plaintively asked me, can't the English just be 'a bit more direct, you know, a bit more upfront?' We would, as she pointed out, save ourselves and everybody else a great deal of trouble" [Там же, с. 271]. При

этом автор книги “Watching the English” добавляет, что англичане привыкли к этому постоянному чувству неопределенности (“this perpetual state of uncertainty”) [Там же, с. 282].

Говоря о единстве вербальной и невербальной коммуникации в английской культуре, Кейт Фокс приводит довольно интересный пример: то, как англичане реагируют на нарушение порядка очереди (queue jumping). Люди, принадлежащие к другим культурам, могут и не обратить на это особого внимания, но для англичан подобный поступок равносилен смертному греху. Тем не менее, их язык тела ни в коей мере не продемонстрирует степень их возмущения. Как отмечает Кейт Фокс, “they will just scowl and mutter and seethe with righteous indignation, but only rarely do they actually speak up and tell the jumper to go to the back of the queue” [Там же, с. 246]. Самое худшее, чему может подвергнуться нарушитель очереди, это “frowns, glares, raised eyebrows and contemptuous looks, accompanied by heavy sighs, pointed coughs, scornful snorts, tutting and barely audible (!) muttering (e.g., Well, really? Bloody hell!).” Порой люди, стоящие в очереди, могут даже отпускать замечания так, чтобы нарушитель мог их услышать, и тогда они довольно ироничны, если не сказать саркастичны: “Oh, don’t mind us; Oi, are we invisible or what? Hello, there’s a queue here!” Тем не менее, люди избегают зрительного контакта с нарушителем и стараются отвести взгляд, если случайно встретятся с ним глазами [Там же, с. 248].

Кейт Фокс утверждает, что иностранцы просто не замечают эти сигналы, в то время как англичане, если они пытаются нарушить порядок очереди, никак не могут их игнорировать. Автор книги приводит следующий пример из своего собственного опыта: в качестве эксперимента она планировала демонстративно перейти из конца очереди в ее начало, но так и не набралась храбрости это сделать – страх столкнуться с реакцией соотечественников (хотя бы и по-английски сдержанной) заставил ее отказаться от своего плана [Там же, с. 246]. По словам Кейт Фокс, иногда нарушитель очереди может быть остановлен лишь одним невербальным знаком: “‘body English’ is a rich and eloquent language: even when the queue-jumper sees a scornful eyebrow or two, a warning cough and a bit of territorial posturing, he/she usually thinks better of it and retreats to the end of the queue” [Там же, с. 246]. Соблюдение порядка очереди англичанами порой доходит до абсурда. Так, Кейт Фокс была свидетелем того, как во время беспорядков в Лондоне в августе 2011 года мародеры образовали организованную очередь, чтобы проникнуть в магазин, который они грабили, через разбитую витрину. Даже в этом случае все попытки влезть в магазин без очереди немедленно пресекались удивленно поднятыми бровями и подчеркнутым покашливанием [Там же, с. 251].

Принимая во внимание все изложенное выше и возвращаясь к тому, о чем шла речь в начале данного раздела – о трех типах людей в зависимости от того, как они воспринимают и обрабатывают информацию – можно заключить, что англичане преимущественно относятся к аудиалам. Они живо реагируют на акцент собеседника, сразу же относя его к той или иной классовой прослойке британского общества. По утверждению цитируемой

Кейт Фокс, это можно проследить на протяжении нескольких веков: "…from Ben Jonson's 'Language most shows a man. Speak that I may see thee' to George Bernard Shaw's rather more explicitly class-related 'It is impossible for an Englishman to open his mouth without making some other Englishman hate him or despise him.' We may like to think that we have become less class-obsessed in recent times, but Shaw's observation is as pertinent now as it ever was" [Там же, с. 101]. Исследовательница справедливо отмечает, что "…the English are very much a verbal rather than a visual culture", добавляя при этом, что при общении они стараются не использовать активно средства невербальной коммуникации – "we are not particularly tactile or physically expressive, not given to much touching and gesticulating" [Там же, с. 116]. По наблюдениям антрополога, "Words are our preferred medium, so it is perhaps significant that they should be our primary means of signalling and recognizing social status" [Там же, с. 116].

Подводя итог сказанному, можно заключить, что невербальная коммуникация и коммуникация вербальная настолько тесно связаны, что практически невозможно рассматривать их по отдельности, особенно в случае межличностного общения. Кроме того, культурные особенности невербальной коммуникации невозможно игнорировать, если нашей целью является преподавание языка в неразрывной связи с его культурой. Такой подход открывает новые возможности для языкового образования, т.к. исследования в области лингвокультурологии все активнее интегрируются в процесс обучения английскому языку. По словам известного британского лингвиста Дэвида Кристала, "it is essential to provide a perspective which will enable the students of English to move towards deeper understanding of various cultural aspects of the language they are learning" [Crystal, 2009, p. 13].

Список литературы

1. Анисим Е. Аудиалы, визуалы, кинестетики, дигиталы: как мы воспринимаем информацию. 2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lpgenerator.ru/blog/kto-takoj-audial-vizual-kinestetik/ (дата обращения: 22.01.24).
2. Crystal D. The future of language. The Routledge David Crystal lectures. Routledge, London and New York, 2009. 184 p.
3. Dhawan E. Digital body language. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://readinggraphic.com/category/book-summary (accessed: 10.02.24).
4. Fox K. Watching the English. The Hidden rules of English behaviour. Hodder&Stoughton, London, 2014. 583 p.
5. Franklin L. Reading minds through body language. 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/W3P3rT0j2gQ (accessed: 10.02.24).
6. Goldin-Meadow S. Thinking with your hands: The surprising science behind how gestures shape our thoughts. Basic Books, New York, 2023. 272 p.
7. Hitchings H. Sorry! The English and their manners. John Murray, London, 2013. 392 p.
8. Ter-Minasova S.G. Language, linguistics and life (A view from Russia). Human Knowledge, TEIS Moscow, 1996. 156 p.
9. The Oxford English Dictionary online. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oed.com/dictionary/gesture_n (accessed: 02.02.24).
10. The Secrets of body language. 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/NDd_lUETyAw (accessed: 10.02.24).

2.4. ЦЕННОСТНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

У нас разные представления о мире и людях,
разные системы ценностей,
разные нормы поведения.
(С.Г. Тер-Минасова)

Национально-культурная специфика речевого поведения того или иного этноса напрямую зависит от ценностей и национального менталитета носителей языка. Национальный менталитет – это специфический индивидуальный или групповой способ ценностного мировосприятия и миропонимания, задаваемый совокупностью когнитивных и поведенческих стереотипов и установок, главной характеристикой которого является особенность мышления и поведенческих реакций индивида или социальной группы. Лингвокультурная специфика речевого общения поликультурных коммуникантов проявляется в выборе единиц общения, в разных способах репрезентации тех или других ценностей, в степени подробности или обобщенности репрезентации ценностей в разных языках. Национально-культурная специфика ценностей коммуникантов является основанием, придающим речевому общению межкультурный статус.

Одновременное использование динамического и содержательного подходов в исследованиях межкультурной коммуникации способно выявить транскультурные проблемы, которые ускользают от культурологического исследования. Структурные особенности исследований, такие как установление природы межкультурной коммуникации, закономерностей порождения и восприятия дискурса, рассмотрение речевой коммуникации в рамках ценностно-деятельностного подхода – дополняются эталонами ценностно группового и ценностно индивидуально-специфического отношения к социокультурным нормам речевого общения, поскольку, как указывает С.Г. Тер-Минасова, «норма, лежащая в основе культуры и выраженная языком, – строгий воспитатель, определяющий жизнь и поведение человека» [Тер-Минасова, 2007, с. 28].

Каждодневная деятельность субъекта тесно связана с разнообразными социально-практическими действиями, обусловливается и объективируется ими. Межкультурная коммуникация превращается в самостоятельный социальный фактор, особую форму активности членов социума, предметом которой являются отношения полилингвальных партнеров по коммуникации и которая оказывает обратное воздействие на внеречевую деятельность: «само общение, опосредованное знаками, все более кристаллизуется в самостоятельную деятельность с определенной психологической структурой, с собственной стратегией решения тех или иных коммуникативно-познавательных задач» [Дридзе, 1984, с. 5].

Коммуникативный процесс в межкультурном пространстве представляет собой необходимую предпосылку становления, развития и

функционирования всех социальных систем, т.к. только коммуникация обеспечивает разделение труда и обмен его продуктами, организацию совместной деятельности людей, их языков и культур, взаимодействие людей и их общностей, делает возможной различного рода связь между этносами, накопление и передачу культурного опыта, его обогащение, трансляцию культуры. В первой четверти третьего тысячелетия становятся очевидным взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, этносов и культур, в эти процессы оказались вовлеченными различные сферы общественной жизни всех стран мира. Сегодня практически не осталось этнических общностей, которые не испытали бы на себе влияние не только культур других народов, но и общественной среды, характерной как для отдельных регионов, так и для глобального мира в целом. Результатом этих процессов явился необыкновенный рост прямых контактов и культурных обменов представителей разных стран, разных культур, государственных институтов, социальных групп.

В связи с расширением взаимодействия культур и народов особенно актуальным становится вопрос о культурной самобытности и культурных различиях. В условиях глобализированного мира культурное многообразие современного человеческого сообщества расширяется, и перед народами стоит вопрос о сохранении и развитии своей целостности, культурного облика. Эта тенденция к сохранению культурной самобытности подтверждает закономерность, суть которой заключается в том, что чем глобальней становится мир, чем более взаимосвязанно в коммуникативных действиях человечество, тем более активно стремление этносов к сохранению культурной идентичности – в результате, культурное разнообразие становится неотъемлемой реальностью современного мира. Тенденции общественного развития выдвигают на передний план культурные особенности народов: это оказывается чрезвычайно важным для развития межкультурной коммуникации, поскольку её эффективное выстраивание обеспечивает представителям различных лингвокультур возможности успешно взаимодействовать в различных сферах человеческой жизнедеятельности.

Рассматривая коммуникативные особенности субъекта речевой коммуникации, мы особое внимание уделяем изучению влияния ценностного мира общающегося на его речевое поведение, учитывая при этом и влияние речевого поведения на формирование и функционирование мира ценностей субъекта. Бытие человека – следствие его ценностных ожиданий, аксиологическая составляющая является частью его бытия. На протяжении всей жизни в личности формируются ценности, либо появляются стихийно, либо организуются целенаправленно. При этом человек постепенно начинает ценностные субъективные оценки предмета считать его объективной природной сущностью.

Общечеловеческие ценности, сближают все народы, люди имеют общие законы существования: все любят, радуются и грустят, рождаются и умирают, проходят, с физиологической точки зрения, одинаковые стадии в своём развитии. Однако для разных народов характерны, помимо

универсальных, и различные, уникальные, возможно, противоположные ценностные предпочтения по отношению к одним и тем же явлениям жизни. Например, отношение к рождению и к смерти в культурах Запада, Востока и в африканских традициях: для одних смерть – трагедия, потеря, для других – радость, переход в прекрасный мир, для третьих – обычная повседневность, продолжение существования в иной форме. Вот в таком разнообразии аксиологических взглядов на различные явления кроются и разные видения мира, реализованные словесными формами.

Интересно в этом отношении наблюдение Фердинанда де Соссюра, определявшего мысль как некоторую туманность, «в которой ничто четко не разграничено, и определенность, которую вносят слова языка» [Соссюр, 1977, с. 144]. И как ясно и метко звучат слова Светланы Григорьевны Тер-Минасовой: «Значение – это ниточка, или тропинка, соединяющая языковую единицу – слово или его эквивалент – с предметом или явлением реального мира. А между этими двумя мирами стоит внутренний мир человека, где «живут» и функционируют его понятия и представления о реальном мире, т.е. то, как он видит мир через свой родной язык. Слова – это как бы занавес, вуаль над миром, и для того, чтобы общаться с помощью чужого языка, надо заглянуть за этот занавес, в тот мир, куда ведут тропинки значений слов. А тропинка эта, если слово иностранное, чужое, ведет в иностранный же, чужой мир, воспринимаемый разными народами по-разному. Тропинка ведет не прямо, а делает зигзаг, обусловленный иным представлением, иной социокультурной ролью предмета или явления, обозначенного этим словом» [Тер-Минасова, 2019, с.30].

Так же, как и языки, ценностный мир человека является и своеобразным методом анализа действительности и тем самым существенным фактором не только понимания мира, но и формирования личностной идентичности. «Под ценностями мы будем понимать тот идеал, который выступает как эталон должного, источник мотивации речевой деятельности личности, оценок действительности (речевой и неречевой) субъектом и ориентации в ней» [Сидорова, 2010, с. 283]. В дальнейших наших рассуждениях мы будем рассматривать проблему ценностей в несколько расширительном значении, а именно, учитывая этнический, социальный момент представления о ценностях – то, что может считаться ценным, верным для одних представителей социума, для других может оказаться вовсе незначимым и бессмысленным.

Совокупность всех эксплицитных (явных) и имплицитных (скрытых) способов актуализации ценностей в речевой и межкультурной коммуникации представляет собой аксиологический аспект речевой коммуникации, который имеет системно-деятельностную природу и оказывает решающее влияние на развертывание самого коммуникативного процесса. Исследование речевого поведения коммуникантов и особенно его вариативности под воздействием фактора ценности раскрывает существенные свойства коммуникативного процесса. Активация ценности может побуждать либо к активизации речевого общения, либо к его

прекращению; она может выступать в качестве фактора, влияющего на выбор общей модальности речевого поведения, выбор способа интерпретации высказывания, определяет стратегию и тактику речевого поведения, тип речевого акта. Узнавание и осознание ценностей адресата сообщения может служить основанием для создания стратегии речевого воздействия, убеждения, а также вербального манипулирования. Например,

- *Какого тебе Федю?! Федю ему! Федя съел медведя, а у нас нету никакого Феди!*

- *Простите, пожалуйста, – пробормотал Арсений, подаваясь назад.* [Устинова, 2005, стр. 165] – данный диалог отражает глубинное различие культур общающихся, хотя словесная реальность реализуется в рамках одного языка. При более детальном рассмотрении здесь мы имеем дело с рядом прагматических факторов, определяющих мотивационную ориентацию речевого поведения участников общения: желание одного коммуниканта принизить партнера, при этом выбирается грубая форма речевой агрессии (как реакция одного типа ценности: «*Какого тебе Федю?! Федю ему! Федя съел медведя, а у нас нету никакого Феди!*»), с другой стороны – намерение другого коммуниканта уйти от такой формы общения, выстроить общение в вежливой форме (реакция противоположного типа ценности: «*Простите, пожалуйста*»). Следовательно, принимаемая коммуникантами программа поведения, как видно из рассматриваемого случая, далеко не всегда и не во всём совпадает, как могут не совпадать ценности коммуникации. Можно сказать, что в процессе межкультурного общения первостепенную роль при построении речи играет не столько соблюдение принципа правильности, сколько соблюдение принципа уместности, т.е. выполнение определенных культурных, в частности, ценностных, предписаний.

Учет аксиологической составляющей при восприятии и понимании дискурса позволяет реципиенту в момент общения также воспринимать и многозначные языковые единицы, определенного значения, актуального для данной коммуникативной ситуации. Например:

"That's not what I mean. I wasn't talking philosophy," he said. "I was thinking of actual bare prosaic facts…" [Christie, 2000, p.106]. [*Это совсем не то, что я имею в виду. Я не философствовал, а просто размышлял о прозе жизни*]. Как видно из примера, аксиологическая составляющая процессов восприятия и понимания речевых произведений как механизмов речевой коммуникации помогает говорящему не только выстраивать диалог в нужном ему русле, но и пояснить свою позицию: она выстраивает сообщение семантически и грамматически адекватно ситуации, и адресату таким образом становится понятно следующее: *"That's not what I mean. I wasn't talking philosophy"*. Можно заметить, насколько неоднозначна и функционально важна роль аксиологической составляющей процессов межкультурного общения.

Наблюдение над речевыми произведениями межкультурных диалогов позволяет раскрывать содержание и функционирование аксиологического

аспекта в речевом общении, его роль в построении диалогической речи. Организовать такого рода сотрудничество личностей оказывается возможным только в пространстве коммуникации, что не может быть осуществимо без участия языка. В речевой коммуникации проявляются все жизненно актуальные для человека ценности, предпочтения, которые мы считаем коммуникативно важными и значимыми. Следовательно, коммуникативно значимыми следует называть ценности индивида, актуализирующиеся в коммуникативном акте и влияющие на данный коммуникативный акт. Ведь уже в Библии указана главенствующая роль ценностного фактора для человеческой жизнедеятельности: *«Вначале было Слово! И Слово было Божие! И Слово было Бог!» (Евангелие от Иоанна).*

В речевой коммуникации говорящий предъявляет в тексте ценности для реципиента, чтобы реципиент не только осознал их и воспринял текст, но и для того, чтобы говорящий имел возможность каким-то образом обозначить, что имеет представления о ценностях реципиента. Это условие мы называем *ценностным законом речевой коммуникации,* т.к. он обусловлен социальной природой самого речевого общения, ибо, как указывал В. фон Гумбольдт, «никто не должен говорить с другим иначе, чем этот другой говорил бы при равных условиях» [Гумбольдт, 1984, стр. 53]. Другими словами, реципиент имеет в своем сознании набор эталонов, которые образуют систему его ценностей, систему его знаний, т.е. то, что в сущности и определяет сознание. Структура связей, существующая между эталонами ценностей, является структурой ценностей данного реципиента. Каждому из эталонов соответствует единица внутреннего кода, которая посредством объективации значения, частично закрепленная данным эталоном, связана с одним или рядом знаков естественного языка. Тогда в процессе восприятия речевого сообщения в структуре сознания реципиента могут возбуждаться те или иные ценностные связи и в зависимости от этого будет меняться структура сознания, уже находящаяся в состоянии возбуждения. Другими словами, коммуникативные ценности говорящего через текст оказывают влияние на реципиента, возбуждая ценности последнего и его ценностные представления по поводу состоявшейся речевой коммуникации.

Профессор В.М. Солнцев указывал на языковую вариативность как на мощную тенденцию развития языка, проявляющуюся на всех языковых уровнях. Изучение языковой вариативности всегда было тесно связано с разработкой общего понятия «национального языка». Профессор и академик Г.В. Степанов был создателем концепции «национального варианта» на материале испанского языка. С. Г. Тер-Минасова пишет об особенностях национальной культуры, обусловленной идиокультурами (по аналогии с идиолектами). В аспекте видения настоящей проблемы концепция аксиологической вариативности непосредственно соотносится с языковой и культурной в рамках межкультурной коммуникации.

Отметим, что вариативность, как и инвариантность языковых явлений, проявляются в речевой коммуникации и детерминированы такими

факторами коммуникации, как ценностный, культурный, этнический, ситуация общения, нормативный (эстетический) и др. Участники коммуникативного процесса с необходимостью сопрягают свои коммуникативные деятельности, пользуясь как знаковой основой своих ценностных предпочтений национальные языки либо один из их вариантов. Зададимся вопросом: почему одним? Чтобы ответить на него, необходимо ввести когнитивно-ценностное определение данного феномена: вариант языка – это феномен, складывающийся в коммуникативной деятельности говорящего/пишущего при выборе той или иной единицы языка под влиянием ценностной составляющей ментальной программы для предъявления реципиенту. Под инвариантом языка обычно понимается «некая языковая константа, именно она сохраняет свойства неизменности и постоянства языка, независимо от разного рода коммуникативных преобразований, и служит как общая идея по отношению к множественным проявлениям языковых вариантов» [Зинченко, 2007, с. 104]. Именно в инварианте языка реализуются инвариантные ценности, основу которых представляют универсальные и этнические компоненты, к периферии же относятся личностные.

Рассматривая вариативность/инвариантность ценностей в более широком смысле, нам необходимо указать на их детерминацию языковых проявлений ценностным компонентом ментальности коммуниканта. При исследовании языковых вариантов следует учитывать их неизбежную ограниченность рамками ценностного и языкового инвариантов, культурно, этнически и когнитивно детерминированных, ибо «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг» [Гумбольдт, 1984, с. 46], а также аксиологическую обусловленность определенной коммуникативной ситуации.

Рассмотрим концепт *«национальность»* – он представлен в разных этнокультурах разновеликими по своему культурному содержанию языковыми вариантами:

- в британской лингвокультуре: *“membership of a nation by a person, esp. when abroad”*, т.е. данное понятие используется главным образом для обозначения государственной принадлежности людей (подданства): *She lives in France but has British nationality* [Longman dictionary, 1992, p. 692];

- в российской культуре: концепт *«национальность»* чаще актуализируется понятием *«нация»,* являющимся языковым вариантом для понятия *«народ»,* который создал себе зависящее от него правительство и имеет в своем распоряжении территорию, границы которой более или менее уважаются другими нациями; в другом же значении термин *«национальность»* обозначает принадлежность человека или группы людей к определенной народности или нации, в т.ч. в переписях населения, в системе паспортного и анкетного учета населения и т. п. В прошлом термин *«национальность»* использовался также для обозначения этнических общностей, стадиально предшествовавших нации, т.е. народности [Ожегов, Шведова, 2015, с. 503].

Если принять концепт *«национальность»* как инвариант, представленный лексемой *«национальность»,* то все прочие когнитивные образования могут быть актуализированы языковыми вариантами данной константной лексической единицы, а именно: *нация, этнос, этническая принадлежность*.

У. Лабов, один из основателей современной социолингвистики, утверждал, что многие элементы языковой структуры подвержены систематическому варьированию, отражающему как изменение языка во времени, так и влияние экстралингвистических социальных процессов [Лабов, 1975]. Добавим, что употребление элементов языка всегда детерминируется не только определенными этнокультурными, но и личностно определенными коммуникативными ценностями. Так, использование вариантов русской лексемы *«национальность»: нация, национальные меньшинства* – вызывают непонимание у англичан. “We have no official concept of *nationality* which is separate from *citizenship*” (*У нас нет официального термина «национальность», который по своей сути отличается от понятия «гражданство»)* – так представляют данное явление британцы: вариантом *nationality* (национальность) в английском языке можно считать *citizenship (*гражданство). В настоящий момент данный термин пока не используется активно в русском языке, он ограничен в употреблении рамками ценностного и стилистического употребления. «Именно наличие в английском языке терминов *citizenship/citizen (*гражданство/гражданин) никогда не позволят присвоить афроамериканцам или другим мигрантам имен *British, English or Welsh or Scots*» [Hewitt, 1996, p. 14]. Использование лексемы *русский* по отношению к другим нациям, к примеру, чеченцам или башкирам, только потому, что эти этносы проживают в России, видится представителям британской лингвокультуры ничем иным, как проявлением колониализма.

Однако если рассмотреть концепт «*русский»,* то следует признать, что в русском языке последнего времени он обогатился феноменом *гражданство.* Вариант языка, обусловленный этнической ценностью «патриотизм», может быть использован коммуникантами преимущественно в момент актуализации их ценностных предпочтений, к примеру: мигрантами, работниками специальных учреждений, а также туристами, бизнесменами и всеми теми, кто желает пересечь границы Российской Федерации – в ситуациях формального диалога с работниками определенных служб и структур. Таким образом, проблема ценностной и языковой вариативности и выбора языкового варианта возникает в момент коммуникативного ценностно-культурного взаимодействия партнеров по речевому общению, в момент сопряжения их коммуникативных деятельностей знаковыми языковыми средствами. Речевое поведение коммуникантов и причину выбора одного из вариантов языка представляется возможным объяснить через анализ ценностно-когнитивной обусловленности коммуникативной ситуации.

Логика рассуждений подводит к необходимости ввода понятия ценностно-когнитивного инварианта речевой коммуникации. Ценностно-когнитивным инвариантом речевой коммуникации мы называем языковую

константу, сохраняющую коммуникативную ценность неизменности и постоянства, независимо от разного рода коммуникативных преобразований, а ценностно-когнитивным вариантом – реализацию данной константы, обусловленной личными ценностно-коммуникативными параметрами говорящего, представляющую собой речевое образование, ориентированное на партнера по общению с целью оказания на него определенного влияния. Полагаем, что можно говорить о множественных проявлениях языковых вариантов в речи под воздействием коммуникативных вариативных ценностей.

Под влиянием ценностей культурные нормы задают тональность и речевому общению. Однако процесс глобализации и развитие систем связи приводит к стиранию граней между системами ценностей разных культур и на первое место ставит всеобщие проблемы – такие, как загрязнение окружающей среды, борьба с ядерной опасностью, наркотики, терроризм и т.д. Ценности в самом широком смысле этого слова являются отправной точкой для развития культуры, основой формирования морали, в более узком смысле понимаются как глубоко этнически и личностно определенные. В речевом взаимодействии культура и может существовать, т.к. культурные артефакты создаются людьми и для людей. Под влиянием индивидуальных ценностей говорящий/реципиент производит деятельность по активации ценностей и формирует /интерпретирует высказывание (текст). Именно в этот момент коммуникант проявляет свои ценностные и культурные предпочтения. Для успешности развития диалогического общения будет перспективным совпадение ценностей или элементов ценностей у говорящего и у реципиента так же, как и их культурных предпочтений в процессе общения. Следует признать, что иногда и выбор партнёров для диалога, и предмета диалога, и выбор целей обусловливаются теми ценностями, которые направляют общение людей так же, как их предметную практику и теоретическое познание. Именно в процессе речевой коммуникации происходит взаимодействие не только ценностей участников общения, но их ценностных и культурных миров в самом широком смысле, таким образом стимулируя культурную динамику общества.

В данном отношении показательно определяющее влияние на развитие диалогового дискурса такого ценностного фактора, как употребление ценностно маркированных высказываний. Такого рода способы употребления языка представляют собой определенную разновидность лингвопрагматических правил, которыми могут руководствоваться участники речевого общения. Следует отметить, что эти правила, бесспорно, определяют природу дискурса, поскольку формируются на знании, понимании, соблюдении или несоблюдении данных правил, о чем свидетельствуют следующие примеры:

- *Со дня основания нашей фирмы мы не нуждались ни в какой концепции развития персонала. Все и так прекрасно работали, разве не так?*

- *Ты говоришь, что все и так прекрасно работали. Хорошо. Но какую дополнительную пользу для предприятия мы могли бы извлечь из подобной концепции развития?»* [Эндмюллер, Вильгельм, 2006, стр. 44].

Как видно из реплик диалога, коммуниканты обозначают схожую для них ценность: «замечательно работать – хорошо». Однако реципиент в своей реплике вариативно развивает ценность «хорошо работать»: он дает оценку данной проблеме, предлагая некоторые нововведения, важные для него, пытаясь таким образом регулировать поведение говорящего в необходимом для него словесном направлении. Для этого он использует различные доступные для него средства: тактику построения реплики (обращает внимание на позитивные аспекты нововведения, отбирает лексико–грамматические средства: *все и так прекрасно работали. Хорошо. Но какую дополнительную пользу для предприятия мы могли бы извлечь из подобной концепции развития?).* Со всей очевидностью можно констатировать, что ценности выполняют здесь вербально-конструктивную роль: влияют на лексико-семантическое и грамматическое построение дискурса и говорящего, и реципиента (С*о дня основания нашей фирмы мы не нуждались ни в какой концепции развития персонала. Все и так прекрасно работали, разве не так?)*. Таким образом, совпадение, пусть даже частичное, ценностных представлений коммуникантов по поводу конкретной ценности позволило диалогу развиваться, и развиваться эффективно.

- I'm an entomologist. I collect butterflies.

- Of course, she said. I remember they said so in the paper. Now you've collected me. (Я энтомолог. Я коллекционирую бабочек. – Конечно, – сказала она. Помню, в газетах так писали. Теперь ты поймал меня) [Fowles, 1963, p.65].

Ценности коммуникантов в данном диалоге проявлены не вполне явно, частично имплицитно. Однако в реплике реципиента ценностное отношение по поводу текста говорящего актуализировано выбором речевой тактики (подчеркивание достоинств говорящего и его власти: *I remember they said so in the paper. Now you've collected me),* также использованием метафоры для оказания большего воздействия на говорящего: *you've collected me.* Таким образом, говорящий сформулировал в сознании реципиента образы, релевантные либо частично релевантные для реципиента, что повлекло, в свою очередь, релевантный ответ реципиента, в котором актуализировались ценности последнего: «признание власти, силы, денег, славы» (*I remember they said so in the paper. Now you've collected me).* Очевидно, причиной для этого послужило коммуникативное поведение говорящего, в репликах которого ценности были актуализированы имплицитно, о них можно только догадываться (*I'm an entomologist. I collect butterflies)* – в речевой коммуникации имплицитная реализация ценностей возможна. В данном предъявлении акта речевой коммуникации мы стали свидетелями того, что ценности коммуникантов регулируют построение, структуру диалога, выбор языковых средств как знаковой программы координации коммуникативных деятельностей говорящего и реципиента.

Как отмечает А. Вежбицкая, в естественном языке значение заключается в интерпретации мира человеком [Вежбицкая, 2001]. В связи с

этим оно субъективно, антропоцентрично, оно отражает культурные, коммуникативные ценности индивида, а также специфичные для данной культуры способы социального взаимодействия. Прямолинейность, искренность, а главное – способность говорить правду рассматриваются носителями русского языка как положительные качества человека. Наверное, русскому человеку странно дается понимание того, что способность говорить напрямую о положении дел, характеризовать кого-либо или отвечать на вопросы не всегда представляет собой чисто положительное качество в других культурах. В некоторых других культурах тяга русского человека к правде, а главное – стремление донести эту правду до окружающих в таком виде, в каком она существует, зачастую представляется несколько опасным, а самое главное – трудным занятием, ведь проще говорить то, что ожидают, но не для русского человека. Рассматривая данную проблему в рамках языковых картин двух языков – английского и русского, стоит отметить, что в английском языке *правда* представлена словом *truth*, но данное слово больше относится к познанию, достоверности информации, то есть ближе к русскому слову *истина*. Английское *truth* противопоставляется *error* – акцент делается на том, что возможность допущения ошибки велика и важно выяснить, объективно допущена она или нет. Русская же *правда* больше нацелена на контрастное противопоставление правды и неправды, которое больше связано с речью, с самой способностью говорить правду. Данный концепт связан с двумя не менее важными в русской культуре концептами – душа и общение. Русские люди высоко ценят искренность, говорят многое из того, о чем думают и что есть на душе.

Русский концепт «общение» сложно представить в английском языке, его часто сопоставляют с такими английскими словами, как *communication, message*, но эти слова не передают полностью русское «общение». Представление данного процесса в английской культуре несколько отличное. Как отмечает А. Вежбицкая, в англосаксонской культуре нет необходимости говорить людям то, что ты думаешь или чувствуешь, главное – донести то, что ты хочешь сказать [Вежбицкая, 2001]. Хотя и представители англосаксонской культуры высоко ценят свободу речи и самовыражения, русское «общение» не стоит в одном ряду с английским *communication*. *Communication* тесно связано с другими английскими словами, также непереводимыми в полной мере на русский язык – *message, to mean.*

Англосаксонские и русские нормы диалога разнятся по причине различия этнических ценностей, что нашло свое отражение в языке. Такие эмоционально ярко окрашенные высказывания, как «*Ты не прав*» или «*Неправда»*, «*Не пори чушь!*» абсолютно допустимы в речи представителей русской культуры, но не имеют адекватных соответствий в английском языке в силу того, что в когнитивных представлениях англичан отсутствуют ценности, соответствующие таким коммуникативным ситуациям. В английском языке есть выражение «*you are wrong*», но такая оценка воспринимается настолько грубой, что после такой фразы вероятность общения вообще сводится к нулю, это грубое нарушение культурных норм

и рамок приличия. Как утверждал Ш. Балли: «То, что чуждо личности говорящего, инстинктивно рисуется ему как препятствия, которые нужно преодолеть, чтобы его «я» предстало перед собеседником во всем блеске и разнообразии. Однако может случиться также, что в сознании говорящего возникает представление о каком-то другом лице или других лицах с присущими ему или им социальными признаками, и это оказывает на характер речи совершенно особое влияние» [Балли, 2001, с. 331].

Таким образом, при производстве и интерпретации речи в межкультурном общении коммуниканты не только используют семантические, грамматические правила, присущие конкретному языку, но в основу всех речевых процессов изначально включены когнитивные процедуры участников общения, а именно, инварианты и варианты ценностей, варианты и инварианты образа мира, культурных и других форм мыслительной познавательной деятельности. Изучение когнитивной базы личности и реализации на этой основе вариантов ценностей предоставляет исследователю возможность интерпретировать вербальные манифестации ценностей и представления о них, представления о ценностях другого, об отношениях и связях явлений в рамках межкультурной по своей природе коммуникации.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка М.: Изд-во иностр. лит., 2001. 416 с.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
3. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 34–298.
4. Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984. 286 с.
5. Зинченко В.Г. Межкультурная коммуникации: Системный подход. М.: Флинта, 2007. 224 с.
6. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте, 1975. http://www.classes.ru/grammar/154.new-in-linguistics-/source/worlddocuments/.htm
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Издательство «А Темп», 2015. 896 с.
8. Сидорова Н.А. Аксиология речевой коммуникации. М.: Книга и бизнес, 2010. 318 с.
9. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
10. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.
11. Тер-Минасова С.Г. Роль факультета иностранных языков и регионоведения как флагмана языкового образования в России // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. М.:МГУ, 2019. № 1. С. 19-37.
12. Устинова Т. Запасной инстинкт. М.: Эксмо, 2005. 300 с.
13. Эндмюллер, А., Вильгельм, Т. Техника манипуляции: распознавание и пртиводействие. М.: Омега – Л., 2006. 144 с.
14. Christie A. The Thirteen Problems. N.Y. Signet book. 2000. 216 p.
15. Fowles, G. The Collectioner. L, 1963. 189 p.
16. Hewitt K. Understanding Britain. M.:Высшая школа. 1996. 200 с.
17. Longman Dictionary of Contemporary English. Словарь современного английского языка. М.: Рус.яз., 1992. 1855 с.

2.5. КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Становление межкультурной коммуникации как особого направления в лингвистике явилось результатом систематизации и осмысления данных многих наук и отраслей гуманитарного знания. Филология, психология, философия, этнография, социология, конфликтология, этнопсихолингвистика и другие науки внесли свой весомый вклад в успешное развитие межкультурной коммуникации. Согласно утверждению С.Г. Тер-Минасовой, коммуникация «правит людьми, их жизнью, их развитием, их поведением, их познанием мира и самих себя как части этого мира» [Тер-Минасова, 2000, с. 9]. В процессе межкультурной коммуникации неминуемо происходит столкновение «своего» и «чужого», что нередко приводит к конфликту. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова в своей книге с «говорящим» названием «Война и мир языков и культур», «языковые и культурные проблемы нередко вызывают недовольство, этнические стычки и даже кровопролитие, и это непросто “плохо” – это … трагично» [Тер-Минасова, 2008, с. 18]. Конфликт, являясь одной из наиболее острых проблем современного общества, постепенно также становится объектом изучения многих наук. Природа и сущность конфликта изучаются в социальной психологии, политологии, социолингвистике и ряде других областей знания. И, безусловно, конфликты являются предметом пристального внимания в специальной научной отрасли – конфликтологии, которая исследует причины и следствия конфликтов, механизмы их эскалации, возможности и способы прогнозирования конфликтов, их предупреждения, локализации, минимизации и разрешения конфликтных ситуаций. Конфликт представляет собой «сложное социальное и психологическое явление, успешность изучения которого во многом зависит от качества исходных методологических и теоретических предпосылок и используемых методов» [Анцупов, Шипилов, 2013, с. 81]. Источники межкультурных противоречий могут быть обнаружены в различных сферах жизни национально-культурных сообществ. Национальную специфику могут представлять, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, следующие компоненты культуры: 1) традиции и обряды; 2) бытовая культура; 3) повседневное поведение людей; 4) национальные картины мира; 5) художественная культура и др. [Тер-Минасова, 2000, с. 27-28].

В современном мире важно осознавать, что причиной конфликта нередко становятся и различные аспекты языка, в частности, его символическое значение, инструментальная функция, языковые ресурсы и др. Политика глоттофагии, т.е. вытеснения одного языка (как правило, языка меньшинства) другим языком (языком большинства) также провоцирует языковой конфликт. Примечательным является то, что «межэтнические языковые конфликты зачастую являются частью национальных конфликтов, затрагивающих социальные, культурные, политические проблемы» [Михальченко, 2014, с. 210]. В подобных ситуациях язык

нередко выступает лишь как символ конфликта, происходящего в других сферах – в экономике, политике, образовании, культуре. «Языковые войны» тесно связаны с политикой, поэтому они чаще всего разгораются накануне выборов, вспыхивают в связи с инициативами правительства, работодателей или учебных заведений [Хантингтон, 2004].

В данной работе остановимся на одном из достаточно «скрытых» конфликтов, во многом обусловленных языком, – конфликте ценностей. Как известно, ценности, представляя собой базовые элементы, лежащие в основе потребностей человека, определяют цели человеческих поступков, влияют на отношение к другим людям, помогают осознать собственную идентичность и даже маркируют социальный статус человека. Российская Федерация представляет собой полиэтнический феномен, что не исключает очаги напряжённости и потенциальной конфликтности. В условиях новой России историческое осмысление когнитивной, культурной, интегрирующей роли русского языка как средства постижения окружающего мира, носителя русской ментальности и культурных ценностей становится особенно необходимым.

Как показано в многочисленных исследованиях, нация не может не откладывать свой отпечаток на язык. Для М. Хайдеггера мир родного языка – это «интимное лоно культуры», дом бытия [Хайдеггер, 1997]. Человек обитает в «жилище языка». Язык является основным средством хранения, передачи социального опыта, культурных ценностей, инструментом объективации различных субъективных смыслов и средством воздействия на людей [Богданова, 2022]. Именно этот набор функций лежит в основе конструирования этнической идентичности. Одна из основных потребностей человека состоит в способности взаимодействовать с окружающим миром, в возможности отождествлять себя с определённой культурой, идеями, ценностями, социальными группами [Богданова, 2024]. Эти характеристики входят в понятие «идентичность», введённое в научный оборот американским психологом Э. Эриксоном, согласно учению которого, идентичность является не только фундаментом любой личности, но и может служить показателем ее психосоциального благополучия, жизненной успешности, личностной реализованности в рамках данной культуры [Эриксон, 2006]. Питирим Сорокин представлял культуру как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения [Сорокин, 1992]. Человек, являясь носителем культуры, не может воспринимать мир абсолютно объективно, поэтому язык, как инструмент оценивания, не только служит для выражения оценки, но и содержит средства для обозначения ценностей. Именно ценности служит основой и фундаментом единой культуры.

В XXI веке, в условиях глобализации и одновременного обострения национальных проблем, вопрос о взаимодействии культур и трансформации национальных ценностей становится всё более

актуальным. Рассмотрение феномена языка как средства хранения культурных ценностей является значимым фактором и в преподавании русского языка, и при обучении иностранным языкам, и в межкультурном общении. В процессе преподавания нередко происходит столкновение культур, даже если речь идёт об этнически однородном коллективе. Контакт разных культурных установок «обнажает» национальные ценности, высвечивая как наиболее яркие, доминантные, так и фоновые, скрытые от внешнего наблюдения. В процессе взаимодействия культур ценности разного уровня нередко вступают в конфликт друг с другом. Возможное разрешение конфликтов также лежит в сфере ценностей.

Конфликты ценностей способствуют ускорению или замедлению общественных изменений. В ходе межкультурных конфликтов становится ясно, с кем нужно соединиться как со «своим», а с кем – размежеваться как с «чужим». В условиях возрастающей конфликтогенности изучение проблемы контакта и конфликта культур в учебном процессе характеризуется особой прагматической значимостью. Глубокое проникновение в суть противоречий, вызванных различной иерархией ценностей в разных культурах, способствует снижению уровня агрессии в общении людей. В процессе преподавания русского языка, и как родного, и как иностранного, учёт фактора столкновения ценностей и внутри коллектива обучающихся, и в связке «преподаватель – студент», является необходимой предпосылкой успешного обучения. В задачу данной работы входит выявление и конкретизация национально-культурной специфики русских ценностей, обнаруживающих себя в ситуациях контакта культур.

Вопросы лингвоаксиологии неоднократно рассматривались и продолжают освещаться в исследованиях по лингвокультурологии и концептологии (С.Г. Тер-Минасова, В.И. Карасик, М.Л. Ковшова, В.В. Колесов, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов и мн. др.), в трудах по этнопсихолингвистике (В.В. Красных, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева), в работах по когнитивной семантике и «профилированию» лексики (Е. Бартминьский, А. Вежбицкая), в трудах по изучению роли оценки в языке (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф) и мн. др. Исследование лексической семантики, фразеологии и паремиологии способствовало экспликации ряда культурных ценностей. Однако изучение этой проблемы к настоящему моменту нельзя считать завершённым. Требуется выявить факты неполной оценочной эквивалентности русских культурных понятий и лексических единиц, которые способны порождать ошибки, а иногда и «коммуникативные провалы», связанные с противоположной оценкой того или иного явления в другом коммуникативном сообществе.

Ценности определенным образом упорядочены в языке, связаны со значениями слов и языковых конструкций, что и обеспечивает их трансляцию от поколения к поколению [Богданова, 2022]. Важно выявить те зоны концентрации национально-специфических смыслов, которые могут быть основой для формирования межкультурных противоречий. Значения слов, отражая общественные ценности, содержат, как известно,

не только объективный компонент значения, но и субъективный, оценочный компонент [Арутюнова, 1998]. Субъективный компонент значения нередко связан с «наивной этикой» [Апресян, 1995, с. 351], что можно продемонстрировать на примере оценочных слов типа *доносчик, ябеда, фискал, наушник, стукач* (включая и менее маркированные в оценочном плане *осведомитель, информатор*). Данные слова не только сообщают о том, чем реально занимаются люди, получившие такую номинацию в языке, но и указывают на то, что данные действия оцениваются обществом отрицательно, т.е. по-русски, согласно Ю.Д. Апресяну, «нехорошо передавать негативную информацию о ком-либо третьим лицам». Такая оценка далеко не универсальна, в некоторых западноевропейских культурах передавать информацию о каких-либо нарушениях в полицию и другие органы считается правильным и оценивается положительно [Тер-Минасова, 2000].

В центре внимания исследователя, занимающегося межкультурными конфликтами, безусловно, должны находиться семантика и синтагматика языковых единиц [Тер-Минасова, 2019]. В «наивной» картине мира, как показывают исследования Ю.Д. Апресяна [Апресян, 1995], можно выделить, наряду с наивной геометрией, наивной физикой пространства и времени, также и наивную этику, которая крайне важна для рассмотрения вопроса о сохранении и передаче культурных ценностей последующим поколениям. Изучение оценочных характеристик таких лексем, как *пресмыкаться, унижаться, угодничать, льстить, заискивать, подлизываться, подобострастно* и т.п., позволяет предположить, что одной из заповедей русской наивно-языковой этики является постулат о том, что «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве». Правила русской наивно-языковой этики, извлечённые из оценочных характеристик слов, сообщают нам также, что «нехорошо унижать достоинство других людей» (*насмехаться, издеваться, глумиться*). Негативный оценочный компонент в глаголах *хвастаться, хвалиться, кичиться, красоваться, рисоваться* и др. указывает на «наивную» этическую максиму: «нехорошо высоко оценивать себя и свои достоинства».

Как показывает анализ языковых явлений, объектом оценки может стать всё, что окружает человека. Но для субъекта оценки именно человек, его качества, являются основным объектом ценностного анализа. Для слов, содержащих оценочную сему, характерен наиболее ощутимый отрыв от объективных характеристик предметов и явлений. По словам Н.Д. Арутюновой, «оценка обусловлена субъективными вкусами, интересами и взглядами (социальными, этическими, эстетическими) говорящего, группы говорящих, определённой части общества, и только по отношению к ним оценочное высказывание может рассматриваться как истинное или ложное» [Арутюнова, 1998, с. 50]. Из этого следует, что одни и те же явления могут оцениваться и как позитивные, и как негативные. То, что для одного человека *трусость*, для другого – *осторожность*; *изворотливость* может пониматься как *гибкость*; *приспособленчество* как *адаптивность,* а

бдительность может обернуться *стукачеством*. *Бережливость* нередко граничит со *скупостью*, *прямота* – с *грубостью*, *обстоятельность* в глазах другого человека может превратиться в *занудство*, а *аккуратность* – в *чистоплюйство*. Оценки и ценности, с одной стороны, достаточно устойчивы в том или ином социокультурном пространстве, с другой стороны, они текучи и изменчивы.

Различия в коннотативном слое нередко приводят к непониманию при контакте культур. Так, например, финский учёный Л. Хакулинен мог сравнить финский язык с *болотом*, когда писал о сохранении в финском языке древних заимствований. Русским такое сравнение не очень понятно (родной язык – болото?!), поскольку русское слово *болото* имеет исключительно негативные коннотации (*болото предрассудков и суеверий, болото невежества* и т.п.). В Финляндии много болот, по одной из версий, название страны (Суоми) также связано со словом *болото*, поэтому для финнов *болото* не место тления и гниения, а «хорошее», «сохранное» место, с которым можно сравнивать родной язык.

Различия в ассоциативном потенциале слова также могут порождать коммуникативные неудачи. Так, например, иностранный студент хотел сделать комплимент преподавателю, сказав: «Вы красивая как лошадь». Он не предполагал, что в русском языке, в отличие от арабского, *лошадь* не является эталоном женской красоты, и сравнение с лошадью может обидеть женщину. В китайском языке *медведь* ассоциируется с глупостью, что выяснилось в эксперименте, заключающемся в продолжении китайскими студентами начатых преподавателем устойчивых сравнений. На стимул «глупый как» в китайской аудитории последовала единодушная реакция: «как медведь». В русском языке *глупый как медведь* не является устойчивым сравнением, медведь в русском сознании ассоциируется с силой и неуклюжестью. В западных СМИ медведь нередко предстаёт как разъярённый, агрессивный зверь, символизирующий Россию, однако в наборе ассоциативных сем, характеризующих лексическую единицу *медведь* в русском языке, такой семы нет.

Таким образом, анализ значения слова помогает декодировать ряд русских культурных ценностей. В целях минимизации межкультурных конфликтов важно выяснить также ранжирование, иерархию ценностей в разных культурах, степень их внутренней значимости.

В структуре любого языка можно обнаружить смысловые зоны, эксплицирующие своего рода «кодекс морально-нравственных правил, оценок бытия» [Телия, 1996, с. 74], к которым относится, в частности, фразеология, паремии. Ценность фразеологии для осмысления сущности национально-специфического в культуре неоднократно отмечалась в трудах С.Г. Тер-Минасовой, которая подчёркивает, что именно во фразеологии отражается система ценностей того или иного народа [Тер-Минасова, 2000]. Национальные ценности и их ранжирование, как уже отмечалось, особенно ярко проявляются при контакте культур [Богданова, 2019]. При этом некоторые ценности могут выявить разную степень

значимости для разных культур только при их столкновении. Так, например, семейные ценности, любовь и уважение детей к родителям кажутся нравственным императивом для подавляющего большинства культур. В русском языке есть много пословиц, доказывающих ценность семьи: *Земля без воды мертва, человек без семьи – пустоцвет; Вся семья вместе, так и душа на месте; Дерево держится корнями, а человек семьёй* и др. Представлены также пословицы, призывающие ценить, любить, уважать и почитать родителей: *Жалей отца с матерью, других не найдёшь; На свете всё найдётся, кроме отца с матерью; Отца с матерью почитать – горя не знать; Кто матери не послушает, в беду попадёт; Родителей чти – не собьёшься с истинного пути; Живы родители – почитай, померли – поминай; Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает* и др. [Даль, 1999]. Ценность и важность родителей в жизни человека может содержаться в поговорках имплицитно: Ради *красного словца не пожалеет и родного отца,* – так говорят о человеке, который готов совершить плохой, безнравственный поступок только ради того, чтобы произвести впечатление на окружающих. О человеке ненадёжном, эгоистичном, с предательской сущностью с неодобрением говорят*: Продаст родную мать за грош*, что указывает на общественную оценку такого поведения и одновременно на самое дорогое, что есть у человека, – мать. Казалось бы, трудно представить ситуацию культурного сбоя, связанного с неоднозначным пониманием любви детей к родителям. Однако один невольный эксперимент, который удалось провести во время работы в Южной Корее, доказывает обратное [Богданова, 2019]. Остановимся на анализе данных этого эксперимента. Корейским студентам (38 человек) был предложен текст без названия и без окончания. В тексте в доступной форме рассказывалось о мальчике Мише, который жил на севере и страстно мечтал учиться. Но его отец препятствовал учёбе сына, так как хотел, чтобы сын продолжал его дело и стал рыбаком. Но Михаил проявил настойчивость, вопреки воле отца ушёл из дома и пешком отправился в Москву учиться. Задание к тексту предполагало, что студенты напишут окончание этой истории. Варианты продолжения текста удивили своим единодушием в том плане, что в фокусе внимания оказалась не судьба Миши, а судьба его отца: «старый отец заболел, тосковал о сыне, умер» (ср. русск. посл.: *Блудный сын – ранняя могила отцу*) и т.п. Действия нашего героя резко осуждались корейскими учащимися: нарушил волю отца, не уважает и не почитает родителей, плохой сын, за что и был наказан. Наказания ему за непослушание были такого рода: спился, вёл безнравственный образ жизни (общался с «плохими женщинами»), заболел и даже умер. Был представлен и ещё один вариант: Миша осознал свои ошибки и вернулся к отцу, который простил его (ср. притча о блудном сыне;). Абсолютно все корейские учащиеся, воспитанные в глубоком почитании традиционных семейных ценностей, отрицательно оценили этот факт из биографии М.В. Ломоносова, который связан с его уходом из родного дома. По их мнению, он не должен был противиться отцовской

воле, не должен был покидать родительский дом, а обязан был заботиться об отце, кормить его в старости, ухаживать во время болезни и т.п. Для русского сознания эти факты оказываются периферийными, возможно, в силу определённой мифологизации биографий положительных героев. Важным в этой ситуации стало страстное желание учиться, сила воли, целеустремленность, т.е. те качества, которые высоко оцениваются членами русского культурного сообщества. Но именно эти черты характера остались вне культурного сознания корейских учащихся. В результате эксперимента «высветились» как русские, так и корейские доминантные ценности. Корейские ценности: послушание, почитание отца и долг перед родителями. К русским ценностям, оказавшимся в фокусе внимания, можно отнести учёбу, самостоятельность, целеустремлённость (идти вперёд наперекор трудностям) и др. Из этого небольшого эксперимента следует, что структура представлений об одном и том же явлении может разительно не совпадать у разных культурных сообществ, что ещё раз подтверждает мысль Мишеля Фуко о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют её языком и её схемами восприятия [Фуко, 1994, с. 37].

Как уже отмечалось, оценочный знак того или иного культурного феномена может меняться в зависимости от позиции субъекта оценивания. Примеры, подтверждающие эту идею, относятся к разным сферам жизни. Один из них, очень показательный, из книги Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров, 1990], связан с преподаванием русского языка в национальной школе в период СССР. Суть коммуникативной неудачи, случившейся на уроке русского языка, обусловлена разными оценочно-ценностными установками учителя и учеников. Дело в том, что учитель русского языка и литературы предложил киргизским школьникам прочитать по ролям басню И.А. Крылова «Волк и ягнёнок», но никто не захотел озвучить роль *ягнёнка*, потому что именно «*волк* вызывал у школьников исключительно позитивные ассоциации – добрый, грозный, сильный, храбрый, красивый, лукавый…» [Верещагин, Костомаров, 1990, с. 88]. В русском сознании слабый и беззащитный (*ягнёнок*), несправедливо гонимый и обижаемый, традиционно вызывает жалость и симпатию, волк же, напротив, ассоциативно связан с агрессией, злобой, жестокостью (*набросился как волк, злой как волк, волчий оскал, волчара* и др.). Для киргизских детей волк, тотем киргизов, связанный с героическим эпосом Манас, не только сильный и храбрый, но даже добрый, что с трудом осознаётся русским человеком. А слабость, напротив, является для киргизов и многих других народов презираемым качеством, уважение вызывает именно сила.

Носителям других культур крайне трудно понять смысл русской сказки «Морозко». Отрицательную оценку вызывает у многих из них тот факт, что в сказке одна девушка говорит неправду, обманывает старика и получает богатое вознаграждение, а другая говорит правду, что ей холодно, и за это её наказывают. Фильм «Морозко», показанный в США (в

переводе), оказался в числе 100 худших фильмов, американцы оценили его как «ужасный, отвратительный фильм» [Павловская, 2009, с. 29-30]. Русские ценности, такие, как *терпение, смирение, кротость, скромность*, остались вне поля зрения американцев, однако в славянском мире эти качества являются любимыми, в частности, фильм «Морозко» много лет с успехом шёл в Чехии в канун новогодних праздников. Очевидно, что национальные ценности лучше всего высвечиваются при сопоставлении одного и того же сюжета. В немецком аналоге сказки «Морозко» («Метелица») находим другие ценности: на первый план выходит труд как мерило ценностей. «Хорошая девочка» в немецком варианте трудолюбива и чистоплотна, она проходит испытание трудом (в русском варианте – испытание холодом на терпение и скромность). А плохая девочка – ленивая и нечистоплотная, ничего не может и не хочет делать, за что и наказывается [Павловская, 2009, с. 30].

В русской культуре в центре ценностной иерархии традиционно находятся человеческие отношения (любовь, дружба, общение), а в западных культурах, особенно в протестантских, в центре – личность, индивидуальность. *Общение*, *общность*, а также связанные с ними *прямота*, *открытость*, *искренность*, не всегда понятны иностранцам. *Общение*, являющееся значимой ценностью для русских, существенным образом отличается от *коммуникации*, обладая при этом и комплексом сходных с ней характеристик. Эквивалентная замена этих слов возможна в следующих высказываниях и словосочетаниях: *Язык – средство общения / коммуникации; межкультурное общение / межкультурная коммуникация; невербальное общение / невербальная коммуникация; деловое общение / деловая коммуникация* и др. Однако различия выявляются даже на уровне словарных дефиниций. Ср.: *общение* – ‘взаимные сношения, деловая или дружеская связь’; *коммуникация* (во втором значении) – ‘сообщение, общение (книжн.)’ [Ожегов, Шведова, 2000]. Как видно из толкований, *общение* может предполагать ‘дружескую связь’, а *коммуникация* не содержит этого компонента значения, поэтому мы говорим: *тесное, дружеское, теплое, искреннее общение*, а **искренняя коммуникация, *дружеская коммуникация* или **тесная, теплая коммуникация* не могут считаться в русском языке корректными сочетаниями слов. *Общение* непосредственно связано и с другими русскими ценностями. Это, прежде всего, *правда* и *искренность*, на специфическую «русскость» которых неоднократно указывали исследователи. Русский «разговор по душам» характеризуется именно *искренностью, теплотой, сердечностью, прямотой*. В рамках русской культуры *прямота* ценится высоко. В словарях *прямой* толкуется как ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’ [Ожегов, Шведова, 2000]. Однако с позиций иной культуры — это качество далеко не всегда привлекательно, например, британские журналисты в своё время были крайне удивлены, даже шокированы, когда президент Борис Ельцин, отвечая на вопрос, понравилось ли ему угощение на приеме у

королевы, прямо и честно ответил, что его супруга Наина готовит еду значительно лучше.

Русский «разговор по душам», характеризующийся именно *откровенностью, искренностью, эмоциональностью,* человеку западного склада иногда кажется пустой тратой времени. А *правда-матка* и *откровенность* «со стороны» могут оцениваться отрицательно: как грубость, невоспитанность, бестактность. Русская классическая литература, транслирующая духовные ценности, может также неоднозначно восприниматься и современной российской молодёжью, и, тем более, иностранными учащимися. Иногда иностранцам непонятно, в чём духовная деградация Ионыча (рассказ А.П. Чехова): он богат, значит, у него всё хорошо сложилось в жизни. В связи с изменением ценностных ориентиров не только иностранные, но и российские учащиеся не всегда понимают, почему «быть знаменитым некрасиво» (Б. Пастернак).

Стыд как традиционная ценность в современном мире также нередко становится лишним, постепенно меняются его причины. Для части российского общества до сих пор стыдно быть богатым среди бедных, стыдно быть счастливым среди несчастных. Подтверждение этому находим в текстовом корпусе НКРЯ (Национальный корпус русского языка): *…стыдно быть сытым среди голодных* (Фазиль Искандер, 1969); *Стыдно быть богатой в окружении бедности* (Т. Набатникова, 2001). Однако примеры из произведений XXI века нередко отражают размышления человека о некоторых относительно новых причинах для стыда: *Разве* ***стыдно быть патриоткой?*** (В. Михальский, 2003); ***Стыдно быть старым…*** (С.Б. Рассадин, 2004-2008); ***Стыдно быть неудачником*** *и отцом неудачника* (С. Гандлевский, 2002). Однако, к счастью, по-прежнему стыдно быть глупым и лживым: *Стыдно быть глупым, пустым, бестолковым, кичливым, пафосным* (М. Калужский, С. Минаев, 2003); *Во всякую эпоху стыдно быть равнодушным, стыдно лгать* (А. Козинцев, 1986) [НКРЯ].

В современном обществе мы можем наблюдать «угасание» ряда традиционных русских социокультурных ценностей (*скромность, кротость, совесть, стыд* и др.). При этом изменение одних элементов культуры с неизбежностью влечёт за собой изменение других её частей [Сорокин, 1992, с. 449]. Возрастающую отстранённость человека от культурных и моральных ценностей, внутреннюю духовную бессодержательность нельзя не рассматривать как тяжёлый недуг общества.

В заключение следует отметить, что для каждой культуры характерны специфические алгоритмы минимизации культурных феноменов. При этом различия в оценке наиболее ощутимы, они могут привести к коммуникативным неудачам и межкультурным конфликтам. Разностороннее изучение русских культурных ценностей с учётом прогнозирования возможных межэтнических конфликтов предполагает учёт разных факторов. В эпоху трансформации базовых ценностей, «флуктуации» ценностных ориентиров в сторону практицизма и денежных

отношений, особенно важно обратить внимание на источники возникновения конфликта ценностей как внутри российского общества, так и в межкультурном пространстве. В плане лингвистическом очевидна необходимость изучения динамических процессов в системе ценностей. Частотность употребления тех или иных лексико-фразеологических единиц, изменение сочетаемости слов, изменение значений, появление новых слов – всё это может быть «симптомами» изменения в системе ценностей. В плане лингводидактическом значимой является проблема создания ценностно-ориентированной модели преподавания русского языка как родного и как иностранного.

Список литературы

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. СПб: Питер, 2013. 512 с.
2. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды в 2-х тт. М: Школа «Языки русской культуры», 1995. Том 2. 767 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 913 с.
4. Богданова Л.И. Культурные ценности в преподавании русского языка как иностранного // В сб.: Межкультурная коммуникация в новой эпохе: теория и практика. Екатеринбург: УрГПУ, 2019. С. 132-140.
5. Богданова Л.И. Ценности и оценки в процессе культурной трансмиссии // Вестник Московского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. №2. С. 9-19.
6. Богданова Л.И. Формирование культурной идентичности молодёжи через изучение русского языка // В сб.: Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 7. М.: Ун-т мировых цивилизаций, 2024. Ч.1. С. 636-640.
7. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М.: Русский язык, 1999.
9. Михальченко В.Ю. Языковой конфликт в полиэтническом государстве // В кн.: «Языковая политика и языковые конфликты в современном мире». М.: Ин-т языкознания РАН, 2014. С. 210 – 213.
10. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 17.01.2024).
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.
12. Павловская А.В. Русский мир. Характер, быт и нравы. В двух томах. М.: Слово, 2009. Том 1. 1136 с.
13. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. Пер. с англ. / Ред. и сост. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
15. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
16. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М.: Слово, 2008. 343 с.
17. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи: Онтология и эвристика. М.: URSS, 2019. 200с.
18. Фуко М. Слова и вещи. М.: A-cad, 1994. 408 с.
19. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 503 с.
20. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ. Транзиткнига, 2004. 635 с.
21. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.

2.6. ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Межкультурная коммуникация и языковая картина мира

В своей работе «Язык и межкультурная коммуникация» С.Г. Тер-Минасова говорит о трех картинах мира, возникающих у человека в процессе его познания и жизни в данном обществе: реальная картина мира, т.е. объективная данность, культурная (или понятийная) картина мира, сформированная на основе представлений человека, являющихся результатом как индивидуального жизненного опыта, так и коллективного сознания, и языковая картина мира [Тер-Минасова, 2004, с. 47]. Последняя служит отражением первых двух. Следует сразу подчеркнуть, что только она дана нам, так сказать, «в ощущениях», в виде физически доступного языкового материала, именно ее можно изучать посредством наблюдения и лингвистического экспериментирования.

Важность изучения языковой картины мира трудно переоценить, особенно в текущий период глобализации экономики и культуры и активного перемешивания социальных слоев даже внутри отдельных национальных сообществ, ибо при контакте с иной культурой может возникнуть диссонанс картин мира и ценностных ориентиров (ср. [Герман, 2009, с. 66]). Отклонение же коммуникативного поведения одного из участников диалога от диапазона ожидаемых вариантов поведенческих моделей может вызвать затруднение взаимопонимания и сбой в общении.

Языковую картину мира обычно определяют как «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития» [Попова, Стернин, 2001, с. 68]. Однако на практике изучению подвергаются концепты, реализуемые на уровне лексических единиц (ср. дальнейшее уточнение приведенного выше определения: «заложенная в системных значениях *слов* информация о мире» [Там же]) или метафор и фразеологизмов [Иванова, 2022]. Представляется все же, что внимания в этом отношении достойны единицы всех уровней лингвистической иерархии. Тем не менее, произносительные свойства языка чаще всего вовсе выпадают из поля зрения лингвокультурологов, но именно они оказываются исключительно актуальными при изучении языковой картины мира в первую очередь.

Фонетические аспекты межкультурной коммуникации

(1) **Фоносемантическая картина мира**

О существовании особой фоносемантической картины мира как составной части общеязыковой картины мира свидетельствуют исследования в области языковой иконистики, или фоносемантики. Последняя предполагает наличие (или возможность) безусловной ассоциативной связи между звучанием языковой единицы и ее значением, при этом означенная связь может быть как звукоподражательной, так и звукосимволической [Воронин, 1982]. Поскольку звукоизобразительность

базируется на общих когнитивных стратегиях и таком психофизиологическом явлении, как синестезия, она с необходимостью демонстрирует черты универсальности, которые, тем не менее, не могут не иметь специфического выражения в языках разного строя. Фоносемантические явления регистрируются во всех языках, подвергшихся рассмотрению с данных позиций, однако их проявления могут быть либо высвечены, либо затемнены в той или иной культуре по тем или иным причинам.

Так, в некоторых языках, в том числе, в японском, существуют специальные лексические категории примарно мотивированных слов с особенностями формы и функции, обычно называемых идеофонами, а в японской традиции ономатопеями (хотя они вовсе не обязательно являются собственно звукоподражаниями), например, *カチカチ katikati* «тиканье часов», *ピカピカ пикапика* «продолжительное свечение», *そわそわ совасова* «невозможность успокоиться из-за сильных переживаний». Отмечается, что такая лексика не только очень выразительна, но и частотна, а вот параллелей в европейских языках не имеет. Однако, если пренебрегать ее изучением при овладении японским языком как иностранным, то возникают сложности с адекватным восприятием как разговорной устной речи, так и литературных текстов или образцов делового и политического дискурса [Ещеркин, Кириллов, 2016; Ono, 1984].

Сложности могут возникнуть и при восприятии экспрессивной лексики даже в генетически очень близких языках – в силу различий их фонотактических закономерностей. Так, в русском языке шумные щелевые (шипящие) согласные ассоциируются с чем-то плохим, неприятным и страшным и часто входят в состав звуковой формы соответствующих эмоциональных сленгизмов (ср. *шухер, шалава, жупел* и т.д.). В польском это затруднительно, так как подобные согласные характеризуются высокой частотностью в речи и, следовательно, воспринимаются как нечто обычное и лишенное экспрессии.

Считается, что в русском и английском языках, как уже было сказано, идеофонов нет, но оба языка имеют богатую литературную традицию так называемой звукописи, т.е. использования в художественных произведениях соответствия звуковой ткани текста его общей семантике. Здесь уместно вспомнить хотя бы знаменитое стихотворение Эдгара По «Ворон», в звуковую форму которого вплетено множество глухих щелевых согласных, призванных изобразить таинственную и пугающую атмосферу, в которой герой получает мрачное предсказание, и его многочисленные переводы на русский:

And the silken, sad, uncertain rustling of each purple curtain
Thrilled me – filled me with fantastic terrors never felt before… //
Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах
Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего...

(перевод М. Зенкевича, 2002)

А вот другое широко известное в англоязычной культуре стихотворное произведение практически не знакомо русскоязычной аудитории, несмотря на давно установившуюся и очень успешную практику переводов на русский язык классической английской поэзии. Оно редко переводилось и только в последние годы – вероятно, именно по причине сложности передачи его специфически английских фоносемантических особенностей по-русски [Шамина, 2019]. Речь идет о стихотворении «Лодорский водопад» Роберта Саути, в котором поэт в живописных деталях изображает эту природную достопримечательность, отвечая на вопрос «Как вода падает со скалы?» и используя при этом почти исключительно причастные глагольные формы: ***dinn**ing, **hopp**ing, **gugg**ling* и т.д. Мало того, что не все русские глаголы образуют деепричастия, которые переводчики сочли наиболее подходящей формой для их представления в русском, выяснилось, что и подходящих глаголов не столь много. Но самое главное состоит в том, что их звуковая форма плохо приспособлена к тому, чтобы передавать звуки ударов волн о камни, в то время как многим глаголам в английском оригинале это легко удается. Они имеют закрытый ударный слог (см. примеры выше), т.е. относятся к классу инстантов (ударов) по универсальной классификации ономатопов. С.В. Воронина [Воронин, 1982, с. 44-66]. При превалирующей тенденции к открытости слога в русском языке русским глаголам такая звукоизобразительная задача оказывается не под силу. Фоносемантическая картина мира другая.

(2) **Поэзия и ее восприятие: ритм**

Восприятие художественного, особенно поэтического, произведения на иностранном языке – вообще задача непростая. Это тем более обидно, что для представителей европейских культур умение понимать поэзию и наслаждаться ею является неким мерилом интеллектуального, образовательного и культурного статуса. Тем не менее, носителям европейских языков и европейских культур японская традиционная поэзия представляется, в лучшем случае, странной, в худшем, – не поэзией вовсе. В ней отсутствует рифма, хотя она богата ассонансами и аллитерацией: рифма была бы скучной, поскольку имеются жесткие фонотактические ограничения на качество звуков на конце японского слова. Вместо привычных строк и ритмически организованных строф используются последовательности из 5 или 7 слогов (мор) [Дьяконова, 2024. Эл. ресурс], как, например, в хокку жившего конце XVIII – начале XIX веков Кобаяси Иссы:

Тихо-тихо ползи, улитка, по склону Фудзи, вверх, до самых высот.

Даже студенты филологического факультета СПбГУ не всегда признают этот текст стихотворением. Но когда они пытаются читать Уильяма Шекспира в оригинале, тоже получается не слишком удачно.

Шекспироведы всего мира признают, что сонеты великого барда написаны пятистопным ямбом, т.е. размером, в котором, в идеале, последовательность безударного и ударного слогов повторяется 5 раз, хотя

возможны варианты с пропуском метрических ударений, дополнительным ударением и добавлением лишнего безударного слога в начале или конце строки [Холшевников, 2002, с. 28-38]. Что невозможно в русском классическом стихосложении, так это утрата или появление лишних слогов в середине строки. Однако, в работе, описывающей точно те же ритмические принципы английского стихосложения, можно найти замечание о том, что только «сильные» (?) слоги следует учитывать при определении стихотворного размера [Halle, Keyser, 1971]. В самом деле, при внимательном прочтении одного из самых известных сонетов Уильяма Шекспира под номером 29 оказывается, что только 3 строки в нем полностью отвечают строгим ритмическим требованиям ямба, например, последняя:

That then I scorn to change my state with kings.

В других строках сталкиваются 2 ударных слога при выпадении безударного (выделены жирным шрифтом) и возникают лишние безударные слоги (подчеркнуты):

For thy ***sweet love*** *remember'd such* ***wealth brings*** (строка 13);

And trouble ***deaf heaven*** *with my bootless cries* (строка 3).

Тут русский читатель обычно спотыкается и теряет поэтическую нить. Однако такие ритмические вольности ничуть не умаляют мастерства и гениальности великого поэта, но свидетельствуют о разных подходах к ритмической организации стиха.

Дело в том, что декламация стихотворения во многом повторяет произносительные тенденции обычной устной речи. Английский язык, по крайней мере, в его наиболее распространенных национальных вариантах, британском и американском, относится к языкам тактосчитающим (stress-timed), т.е. таким, в которых сильное словесное ударение реализуется через примерно равные промежутки времени, вне зависимости от того, сколько между ними случается слогов безударных [Fuchs, 2016]. Другую ритмическую структуру демонстрируют языки слогосчитающие (syllable-timed), которые с бо́льшим уважением относятся ко всем слогам и где временно́е расстояние между ударениями зависит от количества безударных слогов, например, романские или японский. Русский язык, с его сильной редукцией гласных в безударной позиции, занимает промежуточное положение на ритмической шкале, однако рэп на нем звучит куда менее привлекательно, чем на английском (исключительно личное мнение автора статьи). А вот по-английски, грубо говоря, любая поэзия – это рэп. Считаются только ударные слоги, а безударные выполняют поддерживающую миссию: могут быть произнесены быстро и незаметно, могут получить дополнительное ударение из чисто ритмических соображений, могут быть «проглочены» совсем. Недаром в английской литературной традиции существуют 2 способа орфографического представления предлога *over*: так, как пишется обычно, и *o'er*, что указывает на выпадение интервокального согласного и слияние гласных в дифтонг, т.е. на произнесение в один слог, ср. строчки из

стихотворения Уильяма Водсворта «Нарциссы», написанное четырех-стопным ямбом:

I wandered lonely as a cloud
That floats on high o'er vales and hills...

Указанные ритмические тенденции напрямую связаны с тем фактом, что в английской речи служебные слова, которых в ней много, в связи с аналитизмом грамматики, чаще всего не несут ударения (кроме отдельных случаев, никак не связанных с логическим выделением) и подвергаются значительной редукции: *I'm, it's, can't* вместо *I am, it is, can not*, и даже если не существует на письме конвенционального обозначения подобных «слабых форм», как они называются в методике преподавания английского произношения, от этого в устном дискурсе ничего не меняется. Грамматически важные слова: артикли, местоимения, вспомогательные и модальные глаголы, на которые изучающие английский язык тратят огромное количество времени и сил, в живой речи практически не слышны.

(3) **Произносительная норма и вариативность произношения**

Понятно, что фонетические системы и, следовательно, артикуляторные и перцептивные привычки очень разнятся от языка к языку. Другое дело, какое значение приписывает произношению та или иная языковая культура. Общеизвестно, что различия между русскоязычной и англоязычной культурами в этом отношении огромны. В русистике языковую норму принято называть «литературной», как бы апеллируя к авторитету великой русской литературы, в то время как ни в одном определении нормы в англистике литература не упоминается. Произносительная норма на русскоязычном культурном пространстве представляется своеобразным идеалом, пользующимся глубоким уважением, служащим мерилом сравнительного социолингвистического и, уже, фонетического анализа, тесно связанным с лучшими образцами художественного слова. Отношение к ней видится центростремительным, а отклонения от нее – ошибками; научное изучение соотношения нормы и вариативности строится, в основном, на определении уровня речевой компетенции или уровня речевой культуры [Богданова, 2009; Скрелин, 1997]. Отношение британских и американских лингвистов к произносительной норме в последние годы становится все более центробежным, в центре их внимания находится именно языковая вариативность. А она может быть настолько велика, что люди, живущие в одной стране и говорящие на одном языке (английском), могут не понимать друг друга именно из-за различий в произношении: ср. отрывок онлайн видеозаписи парламентских слушаний платформе Youtube (https://www.youtube.com/watch?v=n7G4z5uEQnE), который демонстрирует невозможность устной коммуникации между членами Палаты Общин британского парламента во время заседания. Такое русскому человеку даже представить сложно.

Отмеченная выше фонетическая вариативность в англоязычных сообществах далеко не случайна: она несет массу важной социолингвистической информации. Недаром британский социо-антрополог К. Фокс отвела в книге, посвященной описанию английского национального характера, целую главу классовым языковым кодам, многие из которых являются произносительными [Fox, 2004, p.73–83]. Выдающийся британский фонетист Дж. Ч. Уэллс утверждает, что связь языковых различий с социальными прекрасно осознается всеми членами британского языкового сообщества [Wells, 1982, p.15]. При этом он ссылается на результаты национального опроса общественного мнения, дающие ему право заявлять, что фонетические свойства речи являются более показательным индикатором общественного положения, чем профессия, образование или доход. Здесь возможно вспомнить, что русские «встречают по одежке», а не по тому, как человек говорит. Несмотря на то, что некоторые из социальных оценок, сформированных на основе произношения говорящего, могут быть стереотипическими и не отражать истинного положения дел [Garrett, Coupland, Williams, 2003], они реально существуют. Дилемма Элизы Дулиттл, которой ради работы получше пришлось переучиваться говорить на родном языке, знакома многим представителям англоязычной культуры не только по пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион». Об этом необходимо помнить методистам и преподавателям английского языка при подготовке лингводидактических материалов, ибо фонетическая ошибка в английском языке – это ошибка не столько языковая, сколько социокультурная [Шамина, 2022].

Своеобразным доказательством этого положения следует считать существование в англоязычной культуре особого юмористического жанра, непосредственно связанного с изображением особенностей произношения. Многочисленные как профессиональные, так и любительские видеозаписи, размещенные в сети Интернет, могут служить иллюстрацией данного положения. В некоторых случаях при этом используются отрицательно окрашенные социолингвистические стереотипы, например, о наивности и глупости шотландцев, чей акцент не распознает система искусственного интеллекта, управляющая лифтом [Scottish Elevator – Voice Recognition. Эл. ресурс], в других искусное подражание фонетическим свойствам того или иного вида речи представляется самодостаточным, как в ролике, где молодой британец успешно, судя по положительным комментариям, представляет 67 образцов акцентной английской речи [The English Language in 67 Accents & Random Voices. Эл. ресурс]. Последняя запись собрала более 17 миллионов просмотров, что является неоспоримым доказательством популярности такого жанра, существование которого трудно вообразить в русскоязычной среде.

Еще одним показателем особого и постоянного внимания представителей англоязычной (как британской, так и американской) культуры к фонетической стороне своего языка следует считать регулярную произносительную портретизацию персонажей, появляющуюся на

страницах художественных произведений самых разных жанров примерно в пять раз чаще, чем в литературе русскоязычной [Шамина, 2017]. Наблюдаются расхождения не только в частотности, но и в стратегиях использования этого литературного приема. Русскоязычные авторы чаще указывают на индивидуальные или сиюминутные особенности (картавость, заикание, громкость или скорость речи и т.п.), а также на иностранный акцент, т.е. на отклонения от ожидаемой нормы: *Несмотря на упомянутую «старость и усталость», это был все тот же великолепный артикулированный, выразительный баритон, с тем же неуловимо «старосветским» выговором коренного ленинградца, с проникновенными – когда это нужно – модуляциями голоса, которому в юности Захар совершенно не мог противиться* (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы); *И когда пораженный Анатолий Иваныч с воплем: – Ты что-о, ты что де-лаешь?! – сграбастал его за шиворот и так и понес в учительскую на вытянутой руке, мальчик все еще смеялся* (там же); *От этого грузинский акцент, и без того более очевидный, чем у Наркома, сегодня особенно чувствовался...* (Борис Акунин. Шпионский роман). Англоязычные же писатели стремятся с помощью подобных комментариев поместить героев на точно определенное место на социальной лестнице, увязывая его с уровнем образования и местом жительства: *Anyway, that man sounded most polite and well educated. Nice voice, too: West Countyish – rather like his own.* (Colin Dexter. Last Bus to Woodstock); *Nuh-uh, not dat hand – you need dat hand to draw wit* (речь старенькой чернокожей няни во Флориде) (Stephen King. Duma Key); *Her accent really stuck in Troy's craw. Toney. British racing green. Born to order others jump to it.* (Caroline Graham. Death in Disguise). Примечательно, что в последнем примере эмоциональное неприятие слушающего вызывает слишком правильная манера говорить представительницы аристократии.

(4) **Интонация и ее функции**

Интонация устной речи тоже находит отражение в англоязычной литературе, и это неудивительно. Не следует забывать, что под термином "произношение" понимается широкий спектр языковых артикуляторных и акустических явлений, от положения кончика языка при произнесении тех или иных звуков до способа фонации. Пассаж ниже привлекает внимание читателя к ставшей модной среди британской молодежи в 90-х годах прошлого века восходящей интонации [Lindsey, 2019]:, как бы превращающей повествовательные высказывания в вопросы *Leagh Soutar piped in her usual fashion, with that bizarre cadence peculiar to young girls with too much exposure to adolescent films on satellite television. "Mum, I'm hungry?" she said. "I'm starving?"* (Elizabeth George. Careless in Red). Быстрое внедрение этой интонации в молодежную среду вызвало не только интерес лингвистов, что понятно, но и такое негодование у старшего поколения, представляющего истеблишмент, что явилось предметом обсуждения и порицания на телевизионных ток-шоу (ср. [Starmer bows to Elensky. Elections France. Эл. ресурс]). Нечто подобное сейчас происходит и

с получившей распространение, особенно среди молодых женщин в США, манеры говорить скрипучим голосом (так называемая ларингализация, vocal fry), которая также вошла в число клише для осуждения и иронии (ср. [Vocal Fry. Эл.ресурс]). Да, русские тоже не всегда едины во мнении относительно рода слова *кофе,* но чтобы дорогостоящие ролики в интернете с участием известных актеров и публичное порицание? Так что, если уж браться за изучение языка лингвокультуры, отличающейся особым вниманием к фонетическим характеристикам речи, необходимо учитывать и интонацию. И, может быть, даже в первую очередь.

Если сопоставить интонационные системы русского и английского языков [Брызгунова, 1977; O'Connor, Arnold, 1973], окажется, что общего очень мало. Русские говорят в более низком регистре, скорость изменения частоты основного тона в нисходящих и восходящих контурах выше, что не добавляет приятности нашей малоулыбчивой внешности, а имеющиеся сходства в акустической реализации интонационных единиц перечеркиваются полным несовпадением их семантики. Так, русская нейтральная интонация общего вопроса, например, *Сегодня суббота?*, очень похожа по форме на интонацию высоко эмоционального восклицания в английском языке: *How dare you?!*, причем эмоциональность далеко не всегда имеет знак плюс. Коллега автора, преподаватель русского языка как иностранного, делилась с ней воспоминаниями о том, как две разных группы американских студентов были в шоке от этой интонационной конструкции и реагировали на нее словами: «Так разговаривать мог только Сталин». Понятно, что культурное наполнение имени этой исторической фигуры может быть в глазах американцев только резко отрицательным. Так языковая интерференция на уровне интонации может превратиться в конфликт культур.

Общеизвестно, что британцы – нация вежливых людей. Лингвистически это выражается не только в востребованном иллокутивном приеме недосказанности и в высокой частотности употребления форм вежливости и обращений, но и в интонации. Восходящие тоны, видимо, в силу иконических принципов, звучат вежливей и приятней нисходящих. Возможно, именно поэтому в английской традиции принято к простому короткому высказыванию добавлять семантически пустые слова, которые практически не изменяют его смысл, но которые можно произнести с восходящей интонацией, смягчая таким образом излишнюю, по мнению говорящего, категоричность (ср. [O'Connor, Arnold, 1973, 92-93]): *Have you been to Brighton? – No, I'm afraid; Do you often spend time in Scotland? – Yes, generally; Does he enjoy his studies? – Yes, apparently.* Функция таких просодических фигур, удлиняющих высказывание, чрезвычайно важна для поддержания коммуникативного контакта в англоязычной среде и потому должна учитываться и в условиях межкультурной коммуникации.

Итак, наблюдения за произносительной стороной языкового общения позволяют сделать неоспоримый вывод о том, что она ничуть не в меньшей

степени, чем лексика и грамматика, отражает картину мира носителей той или иной лингвокультуры. Значение ее трудно переоценить, если не забывать о том, что вербальная коммуникация, по крайне мере, в норме, – это, прежде всего, коммуникация устная, а письменная, при всех ее особенностях, является вторичной. Изучение принципов успешной межкультурной коммуникации, овладение ее приемами и обучение ей в целях обеспечения бесконфликтных контактов между культурами никак невозможны без привлечения фонетических данных.

Список литературы

1. Богданова Н.В. Уровень речевой компетенции как реальная социальная характеристика говорящего, определяющая его речь // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 16–20 марта 2009 г.). Вып. 22. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2010. С. 29–40.
2. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М.: Русский язык, 1977. 194 с.
3. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 244 с.
4. Герман Н.Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 11 (149). Философия. Социология. Культурология. Вып. 11. С. 63–66.
5. Дьяконова Е. Как читать и понимать хайку. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://arzamas.academy/materials/703 (дата обращения: 27. 01.2024).
6. O'Connor J.D., Arnold G.F. Intonation of Colloquial English. A practical handbook. London: Longman Group, 1973. 288 p.
7. Ono H.A Practical Guide to Japanese-English Onomatopoeia and Mimesis. Tokyo: Hokuseido Press, 1984. 408 p.
8. Scottish Elevator – Voice Recognition. URL: https://www.youtube.com/watch?v=NMS2VnDveP8 (accessed: 22.05.2024).
9. Starmer bows to Elensky. Elections France. URL: https://www.youtube.com/watch?v=xs5fH1ECzWc (accessed: 18.04.2024).
10. The English Language in 67 Accents & Random Voices. URL: https://www.youtube.com/watch?v=riwKuKSbFDs (accessed: 22.05.2024).
11. Vocal Fry. URL: https://www.youtube.com/watch?v=WDfJn1kcQuU (accessed: 18.04.2024).
12. Wells J.C. Accents of English. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 277 p.

2.7. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В АСПЕКТЕ АКТУАЛЬНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

У истоков исследований межкультурной коммуникации в нашей стране в первую очередь стоят такие известные ученые, как Е.М. Верещагин, В.Г. Костомарова, С.Г. Тер-Минасова, которые заложили в основу понимания данной концепции идею о том, что межкультурная коммуникация представляет собой «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин, Костомаров, 1973, с. 43] и что межкультурную коммуникацию необходимо интерпретировать как «общение людей, представляющих разные культуры» [Тер-Минасова, 2000, с. 13].

Современные коммуникативные процессы представляют собой многогранное взаимоотношение подсистем культуры, включающих систему ценностных предпочтений. В данном контексте представляется правомерным остановиться на вопросе, связанном с адекватным пониманием «слоев культуры», где основными составляющими являются ядро культуры, а также наружный и средний слои. Наружный слой культуры представлен продуктами и артефактами, средний слой культуры состоит из норм и ценностей. Ядро культуры представлено концепциями, связанными с существованием всего человечества и его универсальными характеристиками. Межкультурная коммуникация как средство общения, передачи информации от одной культуры к другой находит свое применение во всех сферах культуры, соприкасаясь со всеми культурными слоями.

Примечательно, что при рассмотрении феномена «культура» мы обнаруживаем многозначность толкования данного явления. В качестве примера обратимся к толковому словарю русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 1995, с. 45]. Авторы данного лексикографического труда в феномене «культура» выделяют категорию «духовное начало», которая является важным компонентом нашей культурной жизни. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова отмечают, что «культура – это совокупность производственных общественных и духовных достижений людей» [Ожегов, Шведова, 1995: 45].

В этой связи важно провести сравнительно-сопоставительный анализ и обратиться к интерпретации феномена «культура» в англоязычной лексикографии. Для этого мы обратились известному словарю английского языка «Cambridge International Dictionary of English» (1995), который составлен лексикографом Полом Проктером [Procter, 1995, p. 47], и обнаружили, что автор в своем понимании феномена «культура» в качестве основы для толкования приводит образ жизни, нравы, обычаи и традиции людей. Пол Проктер утверждает, что культура – это образ жизни, основанный на обычаях и традициях: *«culture is the way of life, especially general customs and beliefs of a particular group of people at a particular time»* [Procter, 1995, p. 47].

При моделировании реальности исследователи опираются на различные языковые и культурологические категории, характерные для той или иной лингвокультурной системы**.** Наше восприятие окружающего мира преломляется в культуре. Оно отражается через язык, который, выполняет множество функций, включая также когнитивную функцию. Благодаря этой важной функции мышления и языка, человек познает как окружающую действительность, так и свой внутренний мир. Именно поэтому вопросы, связанные с познанием взаимоотношения языка и культуры, а также человека как носителя культуры и языка, проходят красной линией через многие лингвистические труды.

Как сказано выше, под термином «межкультурная коммуникация» понимается общение между представителями различных культур – как общение в сфере личных контактов между людьми, так и самые

разнообразные опосредованные формы коммуникативного акта, к примеру, массовая коммуникация и письменность в широком смысле. Подобное использование исследователями термина «межкультурная коммуникация» является причиной того обстоятельства, что представители различных парадигм знаний находят предметы и объекты как филологических, так и междисциплинарных исследований в области межкультурной коммуникации. Участниками межкультурного коммуникативного акта являются конкретные реальные люди, представляющие собой носителей тех или иных норм и правил поведения, ценностей и предпочтений.

Эффективная межкультурная интеракция требует не только владения партнерами по коммуникативному акту абстрактной системой правил языка, используемого ими в качестве средства общения, но также предполагает умение применять эти правила в конкретных социальных ситуациях, а также наличие способности генерировать мысли на языке общения [Аникеева, 2020, с. 77-80; Вишнякова, Липгарт, 2023, с. 74; Вишнякова, Мартюшова, 2021, с. 17; Пищальникова, 1993, с. 23-41; Попова, 2015, с.169-174; Попова, 2022, с. 72-80; Попова, 2011, с. 181-185; Разлогова, 2015, с. 243–250; Тер-Минасова, 2017, с. 9; Тер-Минасова, 2000, с. 29-47; Тер-Минасова, 2021, с.96 -104; Nord, 2002, p. 32–44; Nord, 2018,p. 57-69; Osimo, 2004, p. 17-19; Osomo, 2004 (b), p. 67-83; Popova, 2009, p. 86-96; Popova, 2013, p. 34-43; Popova, 2014, p. 178- 184; Popova, 2015, p. 174-178; Tannen, 2020, p. 203-231; Ter-Minasova, 2018, c. 24-35; Verschueren, 2018, p. 489-509; Vishnyakova E.A., Vishnyakova O.D., 2020, p. 21-30].

Рассматривая вопросы межкультурной коммуникации, отметим также и то обстоятельство, что межкультурная коммуникация имеет социальный характер и представляет собой важное условие регуляции как общественной жизни, так и взаимоотношений между странами и народами. Соответственно, здесь мы акцентируем наше внимание на роли культурных модераторов и должны подчеркнуть, что установление контактов, взаимопонимание и взаимный учет интересов и векторов ценностной ориентации предполагает освоение и своего рода «вторжение» в другое, «чужеродное» культурное пространство. При этом немаловажной задачей является выделение ключевых моментов коммуникативного акта, что, следовательно, способствует оценке ресурсов партнера и возможностей упрочения своей собственной позиции. Подобная линия поведения направлена на то, чтобы иметь возможность выбрать, а при необходимости – корректировать соответствующую тактику коммуникативного поведения и, таким образом, оптимизировать соответствующую избранную заинтересованным лицом стратегию.

Поскольку вопросы межкультурной коммуникации тесно связаны с проблемами переводоведения, отметим, что важной составляющей переводческой деятельности является (само)контроль переводчика в плане соотношения творческого и субъективного в переводе. Одно из доминантных положений концепции переводоведения связано с положением о том, что «перевод как письменная фиксация индивидуальной читательской

проекции исходного текста позволяет провести реконструкцию мировоззренческой позиции, сформированной или формирующейся в принимающем социуме» [Масленникова, 2012, с. 19].

Исследователи, занимающиеся изысканиями в области перевода и переводоведения, пишут о том, что перевод – это своеобразная «игра». В связи с этим, приведем некоторые ссылки на подобное понимание роли перевода учеными, занимающимися вопросами переводоведения: «Перевод – это игра с четкими правилами, и пренебрежение ими влечет за собой серьезнейшие потери. Каждую единицу (словосочетание или предложение, не слово) надобно взвешивать, пока мысль, заключенная в ней, не обретет форму, пусть даже и не окончательную» [Gardner Moore, 1992, p. 285].

Следующую ссылку о переводе как игре приведем из научной работы В. Шпигельмана, который отмечает, что «перевод – это игра без выигрыша; век за веком классику заново открывают, переделывают, пересматривают, и любой перевод – если не насилие над текстом, то хотя бы его сложное опытное испытание» [Spiegelman, 2009, p. 9]. В труде С. Норда красной линией проходит мысль о том, что «переводчику отведена великая роль: в коммуникативной “игре” перевода он единственный, кому известны обе культуры – и донорская, и родная» [Nord, 2002, p. 35].

С подобным пониманием роли игры соглашаются и многие другие авторы. Например, D.L Gorlée говорит о том, что «игра перевода – это игра для одного, предполагающая принятие решений на основании рационального выбора из множества возможных альтернатив. Обычно этот игрок-одиночка – переводчик, против которого выступает сама Природа, текст-подлинник – его безликий соперник» [Gorlée, 1994, p. 75]. О сложности процесса перевода говорит также Н. Раунд, отмечая, что перевод представляет собой совокупность разных видов человеческой деятельности. Исследователь подчеркивает, что «по-видимому, лучше сказать, что мы имеем дело не с одной, а с разными взаимосвязанными видами деятельности, а “перевод” столь же трудно поддается определению, как и “игра” в поздних работах Витгенштейна» [Round, 2005. p. 49–50]. Примечательно, что итальянский практик-переводчик и теоретик перевода Б. Озимо в 2004 г. в «Практическом руководстве для переводчика» озаглавил один из разделов своей работы «La traduzione come gioco», что переводится на русский язык фразой «Перевод как игра» [Osimo, 2004 (b), p. 113–115].

Кроме приведенных нами выше работ также хотелось бы выделить научный труд, написанный А. Гроссом. Автор назвал свою работу «Some Images and Analogies for the Process of Translation» («Некоторые образы и аналогии для обозначения переводного процесса») [Gross, 2008, p. 27-37]. А. Гросс особо подчеркивает свое понимание перевода как процесса и результата и при этом отмечает задачу перевода (сказать так же и то же самое, но при помощи других средств), а также применяет метафорическую единицу пазла и игры в конструктор. Таким образом,

исходя из интерпретации А. Гросса [Gross, 2008, p. 27-3], следует понимать, что ИТ и ПТ представляют собой не что иное, как два пазла, в которых одна картинка появляется на основе составных частей другого размера и формы, похожей на модели, собранные из двух различных наборов конструктора.

Обратимся к вопросам перевода и межкультурной коммуникации на примере поэтического текста. В качестве методологической основы при исследовании поэтического текста с точки зрения взаимоотношений языка и культуры мы опираемся на функциональный, критический и интерпретативный подходы. Отметим, что интерпретативный подход позволяет нам описывать культуру как среду обитания человека, который формирует и кристаллизует его мировоззрение, характер и ценностные установки. Что касается функционального подхода, то следует подчеркнуть, что данный подход, применяемый к анализу прагматики влияния процесса интеракции языка и культуры на особенности функционирования поэтического текста, направлен на выявление особенностей денотации и коннотации в тексте. В исследовании проблем перевода и межкультурной коммуникации мы также опираемся на метод интроспекции, о котором говорит Леонард Талми [Талми 2007, с. 22-34], отмечая, что этот метод выступает в качестве отправной точки для других методов исследования языковой системы, в том числе применительно к вопросам взаимоотношения культуры и языка.

Приступая к освещению вопросов, связанных с проблемами перевода художественного / поэтического текста, прежде всего следует отметить, что в нашей отечественной науке наряду с двумя традиционными направлениями теории художественного перевода (литературоведческим и лингвистическим) оформившимися в 1930-х годах, мы можем отметить третье направление, которое занимается исследованием текста в его взаимосвязи с социально-культурной средой. Это направление носит ярко выраженный интегральный и междисциплинарный характер и, соответственно, учитывает опыт, накопленный в межкультурной коммуникации, социологии, культурологии, психологии, теории перевода и переводоведении, стилистике, лексикологии, литературоведении и т.д. Главным тезисом этого направления переводоведения является понимание перевода как процесса и результата, представленных в качестве **форм межкультурной коммуникации.**

Образ создателя поэтического произведения оформляется на основе множества его образов, созданных интерпретаторами его произведений, что заложено и в концепции всемирной литературы (Weltliteratur), которая была выдвинута Гете в 1827 г. Нельзя переоценить роль перевода в рецепции художественного произведения, поскольку перевод является заместителем оригинала в новой лингвокультурной среде. В процессе переложения текста с одного языка на другой происходит неизбежное перекодирование оригинала текста. Чаще всего в поэтическом тексте вольному или невольному переосмыслению подвергаются такие уровни,

как тема, жанр, стилистические приемы, выразительные и изобразительные средства языка, ритм, рифма, пунктуация, интонация, фоносемантика и т.д. С точки зрения межкультурной коммуникации нам представляется важным рассмотреть преображение текста при его переходе из одной лингвокультуры в другую в аспекте мотивов, тем, ключевых слов, метафоризации, которые, соответственно, связаны между собой теснейшим образом. Покажем это на примере ключевого слова русской национальной концептосферы.

Например, в русской поэтической картине мира образу «Родина» и ее теме отводится одна из главенствующих ролей, поэтому данная лексическая единица часто выносится в заглавие стихотворного произведения. Если мы, например, обратимся к антологии произведений русских поэтов, которые писали и пишут о Родине, озаглавливая свое произведение словом «Родина», то мы увидим среди них таких авторов, как Блок, Есенин, Некрасов, Цветаева, Бунин, Андрей Белый, Лермонтов и многие другие. Так, например, Александр Блок в стихотворении «Родина» пишет:

«Ты отошла/и я в пустыне /
К песку горячему приник/
Но слова гордого отныне /
Не может вымолвить язык/
О том, что было/ не жалея /
Твою я понял высоту /
Да. Ты — родная Галилея /
Мне — невоскресшему Христу /
И пусть другой тебя ласкает /
Пусть множит дикую молву /
Сын Человеческий не знает /
Где приклонить ему главу /» (*30 мая 1907г)*

(https://obrazovaka.ru/biblioteka/blok/rodina-stih – дата обращения 27.03.24)

Для сравнения приведем строчки из стихотворения «Родина», написанного Н.А. Некрасовым:

«Воспоминания дней юности известных/
Под громким именем роскошных и чудесных /
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой /
Во всей своей красе проходят предо мной /».

(https://ilibrary.ru/text/1028/p.1/index.html – дата обращения 27.03.24).

Отметим, что в британской поэтической картине мира в отличие от русской картины мира практически отсутствуют стихотворения, имеющие эквивалентный русскому заголовок «Родина» / ‘Motherland’, что может быть объяснено несовпадением русской и английской концептосфер. Так, русская концептосфера характеризуется романтичностью, эмоциональностью, чувственностью, душевностью, противопоставлением материального и духовного миров, тоской по несбыточным мечтам, более глубоким пониманием данного феномена на уровне тесной взаимосвязи разума и эмоций.

Обратимся к знаковому труду С. Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация» [Тер-Минасова, 2000], где ученый отмечает, что открытый патриотизм, словесно выраженная любовь к родине» является отличительной чертой русского характера. Что касается британцев, то они, как подчеркивает С. Г. Тер-Минасова, гораздо более сдержанны в проявлении своих чувств к родной стране. Светлана Григорьевна связывает эту особенность с общей склонностью к снижению эмоционального тона, характерного для британской культуры. Справедливости ради, нужно отметить, что в период расцвета Британской империи британские поэты более открыто стали проявлять свой патриотический дух и любовь по отношению к своей стране. В этой связи можно назвать такие произведения, как “England’s Answer” Редьярда Киплинга, “Rule, Britannia!” Джеймса Томсона, “England, My England” Уильяма Хенли и т.д. Приведем строчки из стихотворения Джеймса Томсона “Rule, Britannia!”:

‘/When Britain first/ at Heaven's command /
Arose from out the azure main/
This was the charter of the land/
And guardian angels sung this strain/ Rule, Britannia! rule the waves /’
(https://en.wikipedia.org/wiki/Main_Page – дата обращения 26.03.2024)

Приведем также строки из стихотворения “England, My England” Уильяма Хенли:

WHAT have I done for you /
England, my England/
What is there I would not do/
England, my own/
With your glorious eyes austere,
As the Lord were walking near/
Whispering terrible things and dear/
As the Song on your bugles blown/
England--Round the world on your bugles blown!/ “.
(https://www.best-poems.net – дата обращения 26.03.2024)

Поскольку в британской и русской национальных концептосферах есть различия, обусловленные в том числе и уровнем контекстности соответствующих культур, то очевидно, что в переводе будут иметь место очевидные лексико-семантические трансформации на уровне освещаемой тематики. Обратимся к переводу на английский язык стихотворения «Родина» Марины Цветаевой. Переводчиком стихотворного произведения выступает поэт Джо Шепкотт, при переводе отходящий от оригинала стихотворения, где заменяет слово «Россия» в стихотворении Марины Цветаевой и, таким образом в английском тексте появляется слово «Англия» вместо слова «Россия»: *‘Language is impossible in a country like this/ Even the dictionary laughs / when I look up “England”/ “Motherland”/ “Home’*/ (Autumn 1993:7). Сложность перевода ключевого слова «Родина» связана с несовпадением коннотаций: для представителя русской

лингвокультуры понимание «Родины» связано с семьей, родом, отчим домом, с родной землей, с широким пониманием своей принадлежности к своей стране и своему народу. Для британца понимание слова «Родина» связано с тем местом, где находится дом, а также с конкретикой, свойственной низкоконтекстным культурам и проявляемой в детализации, уточнении названий и других значимых фактических элементов, встречающихся в тексте. По указанным причинам в данном случае слова «Родина» и «Homeland» и соответствующие им географические названия использовать синонимично, одновременно подвергаясь определенным лексико-семантическим трансформациям, – что оказывает влияние как на содержание, так и весь облик поэтического текста.

Как известно, язык является сложной, многогранной и разноуровневой системой, отражающей коллективный опыт представителей той или иной лингвокультуры. В поэтическом тексте широко представлены метафорические единицы, которые также представляют немалую сложность при передаче смысла. Метафоры, обладая когнитивной энергией и образным потенциалом, находят воплощение в своем историческом поле и культурном коде. Метафора от поколения к поколению передает нам ценностные ориентиры нашего бытия. Она аккумулирует в себе такое своеобразное триединство, как владение словом, творчество и смысл, с учетом аксиологических и культурных смыслов соответствующих метафорических единиц. В данном контексте, с нашей точки зрения, будет уместно процитировать высказывание И.А. Стернина и А.В. Рудаковой о том, что «семантические составляющие в структуре значения имеют достаточные отличия яркости для языкового сознания» [Стернин, Рудакова 2011, с. 118-137].

В качестве примера функционирования метафоры в языке обратимся к поэтическому тексту, поскольку, как подчеркивает Ю.С. Степанов [Степанов 2008, с. 131], основными принципами функционирования поэтического текста являются такие принципы, как принцип интенциональной символизации, принцип символизации полного смылообозначения и смыслонесущий принцип текста поэзии в собственной культурно-ценностной системе смыслов и образов. Следует также добавить, что интеракция языкового и поэтического знаков проявляется в том, что эти знаки представляют собой вершину семиогенеза в отношении функций. Речь здесь идет как о коннотации, так и денотации, которые представляют собой яркое отражение друг друга.

Приведем пример метафоры, используемой в стихотворении известного чешского поэта Яна Скацела «Песня о девушках» («Píseň o dívkách»). Само стихотворение представляет собой концептуальную метафору с общим семантическим признаком «Неудовлетворенность» / «досада». Эта концептуальная метафора способствует тому, что Ян Скацел создает для читателя его поэтического произведения впечатляющую и яркую картину: некогда влюбленный главный персонаж стихотворения «Песня о девушках» («Píseň o dívkách») разочаровывается в своих

возлюбленных, теряя к ним интерес, старея и становясь с каждым днем все более равнодушным к ни в чем не повинным девушкам. Характерным почерком Яна Скацела является его умение передавать быстротечность времени. В стихотворении «Песня о девушках» («Píseň o dívkách») поэт для этой цели обращается к образу моста, который весьма символично олицетворяет прошлое, настоящее и будущее. Так, например, с целью создания картины соединения времен на основе образа моста поэт использует такой глагол, как «*spínat»,* который на русский язык с чешского языка переводится как *«скреплять», «закалывать», «соединять».* Если говорить о форме имени существительного, то она имеет такую форму, как «spona» – (*pomůcka ke spínání).* Имя существительное «*spona»* является в чешском языке полисемантической единицей и имеет такие значения, как «*пряжка*», *зажим*», «*застёжка*». В данном контексте приведем, к примеру, такие сочетания с чешским словом *«spona»,* как «pásek se sponou»*,* что переводится на русский язык, как *«ремень с пряжкой».* Сочетание в чешском языке «spona do vlasů»/ «kravaty» «*заколка для волос» /* переводится на русский язык, как *«заколка для галстука».* В качестве дополнительного примера обратимся к сочетанию «*sponové sloveso»,* которое в русском языке будет пониматься, как «связка». В данном случае посредством реализации рассматриваемой языковой единицы полисемантического характера и стоящими за ней концептуальными содержаниями выражена не только идея скоротечности бытия и взаимосвязи времен, но и прочная «привязка» человека к объективно существующей пространственно-временной реальности, включающей разочарования уходящей молодости и неизбежность наступления старости. Аксиология как оценочная категория поэтического текста представляет собой одновременно эстетическую категорию, которая отображает художественное осмысление действительности, а смысловое наполнение высказывания и структура поэтического текста способствуют раскрытию стремлений человека, «расшифровке» его ценностей и реальных базовых установок.

Таким образом, «Межкультурная коммуникация» как научное направление включает в себя целый ряд важных аспектов лингвокультурологического, аксиологического, когнитивного, сравнительно-сопоставительного, переводческого плана. В этом отношении исследовательский вектор может быть направлен как в сторону комплексного анализа, так и в конкретные, значимые для современной науки области.

Список литературы

1. Аникеева И.Г. К вопросу об антроцентрическом подходе к изучению метафоры// Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2020, № 4 (82). С. 77-80.
2. Верещагин В.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1973. 251 с.
3. Вишнякова О.Д., Липгарт А.А. Языковая экономия как лингвокреативная деятельность (антропоцентрический подход // Когнитивные исследования языка,

издательство Общероссийская общественная организация Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (Тамбов), 2023. № 4 (55). С. 74-77
4. Вишнякова О.Д., Мартюшова Н.О. Коллективная память о прошедших событиях в лингвистическом освещении: опыт анализа речей членов королевской семьи Великобритании // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Том 8. № 3. С. 3-19
5. Масленникова, Е.М. Художественный перевод: модели и моделирование. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2012. 184 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь современного русского языка. М:.Азъ, 1995. 928 с.
7. Пищальникова, В.А. Введение в психопоэтику. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993. 209 с.
8. Попова Т.Г. Межкультурная коммуникация и проблемы перевода // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения: Сборник статей и научных сообщений Международного научного семинара (26 октября 2014 года – 2 ноября 2014 года). Прага, Чешская Республика, 2015. С. 169 -174.
9. Попова Т.Г. Конфликт как объект социолингвистического исследования // Речь и языки общения в конфликтногенном мире: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 139-141.
10. Попова Т.Г., Категоризация эгоцентрического пространства языковой личности в политическом дискурсе // Организационная психолингвистика. Москва: «Агентство социально-гуманитарных технологий, 2022. № 3 (19). С. 72 -86.
11. Разлогова Е.Э. О нейтральном переводе // Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. М.: Буки-Веди, 2015. С. 243–250.
12. Степанов М.С. Принципы семиотического функционирования поэтического текста // Интеграуионные языковые процессы и современное лингвистическое образование в России: Материалы Седьмых Годичных научных чтений факультета иностранных языков РГСУ. Москва, 2008. С. 130 – 133.
13. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы. Монография. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2011. 192 с.
14. Талми Л.Предисловие к книге «Методы когнитивной лингвистики» // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. Выпуск 5. Ставрополь – Пятигорск, 2007. С. 22-34.
15. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. 261 с.
16. Тер-Минасова С.Г. Challenges of Intercultural Communication: A View from Russia // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), 2017. № 4. С. 9-19.
17. Тер-Минасова С.Г. Другому как понять тебя? // Когнитивные исследования языка, издательство Общероссийская общественная организация Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (Тамбов). № 2. С. 96-104
18. Gardner Moore, F. Orations of Cicero, with a selection of his letters / F. Gardner Moore. Boston : Ginn & Company, 1992. XIV. 552. 142 p.
19. Gorlée D.L. Semiotics and the problem of translation / D.L. Gorlée. Amsterdam : Rodopi, 1994. 255 p.
20. Gross A. Some images and analogies for the process of translation / A. Gross // Translation / ed. M.L. Larson. Amsterdam : Philadelphia : John Benjamins Publ. Co., 2008. P. 27–37.
21. Hall E.T. The Silent Language. Fawcett, 1968. 478 p.
22. Nord C. Manipulation and loyalty in functional translation / C. Nord // Current Writing. 2002. Vol. 14, № 2. P. 32–44.

23. Nord C. Translating as a purposeful activity. Functionalist approaches explained / C. Nord. London : New York : Routledge, 2018. XII. 153 p.
24. Osimo B. Cours de traduction / B. Osimo ; traduction de R. Parent. Modena : Logos Group, 2004. URL: http://courses.logos.it/plscourses/linguistic_resources.traduzione_fr?lang=fr (дата обращения: 01.07.2019).
25. Osimo B. Manuale del traduttore: guida pratica con glossario / B. Osimo. Milano: Hoepli, 2004b. XV. 368 p.
26. Paul Procter. Cambridge international dictionary of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1792 p.
27. Popova T.G. Kulturnye i kognitivno-semanticeskie zakonomernosti perevoda // Rijek (asopis za filologiju),Rijeka (Croatia), 2009., god. 15., sv. 1. – 3. Str. 86-96.
28. Popova T.G. Метафора в концептуальной системе //Языки и культуры в современном мире: XI Международная конференция НОПриЛ.-Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ). Париж, 2014. С.178- 184.
29. Popova T.G. Metaphor as a mental and language mechanism // Cross-cultural communication and translation questions// Language, Literature and Culture as Domains of Intercultural Communication. International scientific seminar October 26, 2014. Proceedings of International Seminar. November 2, 2014 Prague, Czech Republic, 2015. P. 174-178.
30. Round N. Translation and its metaphors: The (N+1) wise men and the elephant / N. Round // Skase Journal of Translation and Interpretation. 2005. № 1. P. 47–69.
31. Spiegelman W. Imaginative transcripts / W. Spiegelman. Oxford : New York : Oxford Univ. Press, 2009. XVIII. 311 p.
32. Ter-Minasova S.G. Changement de jalons et apprentissage des langues étrangères dans la Russie d'aujourd'hui et de demain // Recherches et applications / Le français dans le monde, 2018. № 63. С. 24-35
33. "Thirteen Ways of Looking at Tsvetaeva: Tsvetaeva versions by Wendy Cope, Mimy Khalvati, Carole Satyamurti, Sujata Bhatt, Jo Shapcott, Fleur Adcock, Carol Rumens, Gillian Clarke, Anne Stevenson, Carol Ann Duffy, Sarah Maguire, Kathleen Jamie" / Poetry Review. 83 3 (Autumn 1993). С.7.
34. Verschueren J. English for cross-cultural communication // Language in Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 489-509.
35. Vishnyakova E.A., Vishnyakova O.D. Soubriquet nomination as referred to cultural awareness and intercultural competence // Training, Language and Culture, издательство Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Российский университет дружбы народов (РУДН) (Москва), 2020. Том 4. № 3. С. 21-30.

2.8. ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ФИЛОСОФ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ВЫРУБОВ

Творческое наследие Г.Н. Вырубова (1843-1913) до сих пор неизвестно в России, ибо зрелые свои труды он писал по-французски, и они не переведены на русский язык. Ныне мы коснемся работ философа, написанных на русском языке в пору ранней юности и последних лет жизни, затерявшихся было в периодике дореволюционной печати, а также его личности и его влияния на российскую и европейскую науку.

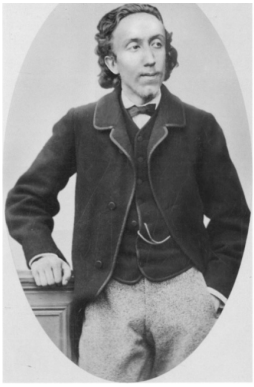
I. Философ-позитивист на перепутье двух культур

Московский университет в середине XIX в.

Наверное, первым слово «коммуникация» в том, значении, которое близко к нашему пониманию этого термина, употребил Григорий Вырубов, выпускник Московского императорского университета, в письме к своему учителю, заведующему кафедрой геологии, но – в негативном контексте:

«Москва. 24 октября 1866 г.

Ваше превосходительство Григорий Ефимович!



Г.Н. Вырубов — студент Московского университета. Нач. 1860-х. Фонд Научной библиотеки Московского государственного университета. Отдел редких книг и рукописей. Москва

Покидаю Москву под тяжестью университетской *экскоммуникации* (excommunication – отлучение. – *Авт.),* покидаю ее без злобы, без негодования. Мнение мое о Московском университете составилось уже давно, и такой исход моего дела я предвидел и ожидал… Еще в прошлом году, когда Вы предложили мне занять кафедру в университете, еще прежде этого, я должен был понять, что быть мне в университете так же невозможно, как и невозможно мне возвратиться к прежним, наивным понятиям моего детства… В длинном ряду философских систем, выработанных человечеством, я и Московский университет занимаем две крайние точки: я занимаю скромное место на конце левой стороны, Московский университет блестящим образом занимает край правый… Наш разрыв, тихий и миролюбивый, не пройдет без плодотворных последствий: университет избавится от беспокойного последователя новых идей, я избавлюсь от неприятной обязанности стесняться в приложении и популяризировании этих идей… Я наскоро уложил свой нетяжелый дорожный мешок, взял свою дорожную палку и завтра утром пускаюсь по этой дороге» [Зайцева, Любина, 2006, с. 392; РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. N 10. Л. 40 об. 42.].

И с этой дорожной палкой и скромным дорожным мешком он и отправился в совершенно другой мир. Как свидетельствовали современники, глава кафедры геологии Г.Е. Щуровский и рад был бы, чтобы Вырубов принял кафедру, будучи самым одаренным из всех выпускников 1864 года. Да вмешалась судьба и строптивый, бесконечно честный нрав его ученика. Сам ход развития науки и социальных изменений, произошедших на

протяжении XX- нач. XXI вв., показал, что Вырубов был прав в своих научных новаторских взглядах. И ныне статья о нем украшает сайт философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова [Вырубов, сайт МГУ. Эл. ресурс]. Но тогда пробить стену непонимания было невозможно. Вырубов стал первым. Первым философом-позитивистом в России. Первым социологом. Ему первому удалось создать синтезированный рубин, который ныне в музее Сорбонны называется «Вырубов». Наконец, он возглавил первую кафедру истории науки в Коллеж де Франс — едва ли ни единичный случай, ведь французы не любят чужестранцев на ведущих постах их ведущих отечественных учреждений. А тут — сделали исключение. Ибо авторитет русского философа и естествоиспытателя Григория Вырубова во всей Западной Европе оказался со временем недосягаемо велик.

Отметим, что Вырубов дерзал понимать философию, к началу 1860-х гг. в России ушедшую в метафизическое и отвлеченное русло, как осмысление и синтез инноваций, которые возникли в результате опытных исследований, предлагаемых точными и естественными науками. Таким образом, позитивная философия была для него преодолением и материализма, и идеализма. Позитивизм представлялся Вырубову *таким образом структурированной (и изменяющейся) концепцией мира, которая координирует все отрасли точных знаний для того, чтобы способствовать получению нового знания*.

Следует отметить, что интерес молодого поколения к достижениям естествознания и связь их с идеями преобразования общества в более справедливое, учитывающее интересы всех сословий, вызвал тревогу императора Николая I. И решительным распоряжением императора 1850-го г. было – закрыть все философские факультеты в России. Только начиная с 1860-го, при императоре Александре II, они стали восстанавливаться в университетах. А занятия были возобновлены – разумеется, всё в том же отвлеченном схоластическом ключе и вскоре стали областью острых противоречий между поколениями. Вырубов, с юности ставший последователем позитивиста Огюста Конта, предстал в глазах старой профессуры Московского университета неслыханно «левым».

Годом раньше предполагаемой защиты магистерской диссертации в 1866 г. Григорий Вырубов перевел на русский язык книгу известного философа-позитивиста, филолога, выдающегося энциклопедиста Эмиля Литтре под названием: «Несколько слов по поводу положительной философии», предпослав переводу свою статью «Позитивизм и Россия» [Вырубов, 1865]. Автору в то время едва исполнилось 22 года, но ход мыслей его был вполне зрелым. В частности, Вырубов пишет:

«Мы принадлежим к философии, которая не приобрела еще права гражданства в истории человеческой мысли… Открытие социальных законов было первым делом бессмертного основателя положительной философии… Во-первых, направление нашего века заключается в любви ко всему *положительному*, чувствами осязаемому, а во-вторых, существует прямая пропорциональность между развитием науки в обществе и его

нравственным и политическим развитием… Сознавая социальную пользу позитивизма, мы будем проповедовать его, несмотря ни на какие неудачи; придет день, когда молодое русское поколение скажет нам спасибо» [Вырубов, 1865, с. I, XVIII, XXI].

Открыв для себя, что общество движимо законами, подобными миру природы, и они вытекают из политики властей по отношению к разным сословиям, а с другой стороны из запросов и потребностей этих сословий, Вырубов прокладывает дорогу социологическим исследованиям, сам оказываясь их первым автором в России.

Впрочем, пока это был только молодой и страстный научный интерес. Формально Григорий Николаевич Вырубов ни к философии, ни к социологии тогда отношения не имел. Ибо блестяще закончил естественное отделение математического факультета Московского университета. Его основными занятиями была минералогия, кристаллография и геология. А еще ранее, в отрочестве, он посещал лекции в Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга и продолжил слушать медицинские курсы и на медицинском отделении Московского университета. В результате Вырубов стал врачом и практикующим хирургом, всякий раз покидая стены своей лаборатории и становясь добровольцем, когда нужно было спасать раненых в «горячих точках» – во Франко-прусской войне 1870-1871 гг., во времена Парижской коммуны 1871 г., в Русско-турецкой войне 1876-1877 гг. За храбрость он был представлен к французскому ордену Почетного легиона и русскому ордену Св. Владимира с мечами. Так что перед нами редкий тип и влиятельного общественного деятеля, и углубленно кабинетного ученого: и представителя точных наук, и гуманитария. И в той, и в другой области науки он сумел совершить некий «прорыв», добиться открытий.

Вырубов скрывал от себя печаль по Москве и университету, погрузившись в насущные задачи науки и поиски их решений. Он менял свою жизнь сверх прагматично, сообразуясь с одной целью – принести максимальную пользу науке, при этом, не переставая думать о ее применении в России и благе России. В Париже позитивному направлению философии никто не препятствовал, естественнонаучные опыты Вырубова были оценены, и он получил лабораторию. А в воспоминаниях последних лет он все-таки подчеркнуто подробно описывает тот болезненный для него поворот, за которым ученому открылись другие двери. Но другие – закрылись. Вырубов писал:

«Оставалось представить и защитить магистерскую диссертацию… До сих пор университетские дела наши шли очень гладко, но тут вдруг встретились непредвиденные обстоятельства, очень характерные для того давно прошедшего времени. В Париже вступил я в полемику с весьма тогда известным аббатом Муаньо[1], очень умным и ученым человеком, но

[1] *Франсуа Наполеон, аббат Муаньо* (1804-1884) французский математик и популяризатор науки. Вышел из ордена иезуитов в 1843 г. Автор научно-популярных сочинений, автор и научный редактор многих видных журналов.

большим шарлатаном, напечатавшим в своем журнале „Les Mondes“ математическое доказательство существования Бога. Статья была основана на двух-трех математических недоразумениях; а так как он был отличный математик, ученик Коши[1], то нельзя было допустить, что эти недоразумения были результатом неведения… тут вмешался третий полемист. В то время при русской церкви в Париже издавался довольно дрянненький листок под заглавием: „Union chrétienne“[2]; его единственным редактором был перешедший из католичества в православие некий аббат Геттё[3]. С этим аббатом возились как с писаной торбой: он представлял собою результат совокупных проповеднических усилий русских теологов. Вероятно, за неимением более интересных сюжетов, он стал нападать на меня в целом ряде статей, который походили не столько на полемику, сколько на прямой донос. Оказалось, что эту прозу Геттё читают в высших правительственных сферах, и конечно меня сильно не одобряли. Из этих сфер неодобрение спустилось вниз и проникло в московский университет. Когда мы вернулись со своими диссертациями, мы встретили уже не прежние приветливые лица, а совсем кислые физиономии.

Прямо забраковать мою диссертацию было трудно: для этого не представлялось ни приличных, ни даже неприличных поводов; это был оригинальный труд, уже напечатанный за границей и с тех пор вошедший во все учебники. Но университетские мудрецы придумали чрезвычайно оригинальную уловку: они нашли, что некому ее рассмотреть. Минеролог Толстопятов нашел, что ее химический характер выходит из его компетенции, а химик Лясковский – что она писана на минералогический, ему неподведомственный сюжет… я тотчас понял, в чем дело, и взял обратно свою диссертацию, объяснив в официальном письме, что не хочу ставить факультет в смешное положение… Письмо мое было, несомненно, слишком резко и лучше было бы ничего не писать; но я прошу читателя припомнить, что мне было тогда двадцать три года, и заметить, что я всегда имел и теперь еще, на старости лет, сохраняю боевой темперамент» [Вырубов, 1910 (№2), с. 17-18].

Поворот был совершен. Еще в детстве, будучи болезненным ребенком, Григорий Николаевич был отправлен на несколько лет в Европу, чтобы в другом климате подправить здоровье. Он усвоил с детства французский язык и французские традиции. Теперь, когда сложилась так, что Вырубов на несколько поколений опережал отечественную науку, ему не представлялось сложным очутиться во французской научной среде.

И здесь Вырубову удалось то, что удавалось единицам. Он приобрел прочную известность и исключительное положение в мире европейской науки. Он стал «духовным вождем» для «немногих», – как характеризует

[1] *Огюстен Луи Коши* (1789-1857) французский математик и механик, член Парижской академии наук, Лондонского королевского общества, Петербургской академии наук и др. академий.
[2] «Христианский союз», *фр*.
[3] *Рене Франсуа Геттё* (1816-1892), в православии Владимир; доктор богословия, католический, а затем православный священник.

его другой яркий российский философ-позитивист и социолог В.Е. Де Роберти: Вырубов – из тех, кто «глубоко влияет на умы ограниченного числа, какой-нибудь сотни-другой, если даже не десятка наиболее выдающихся представителей данной общественной среды» [Де Роберти, 1914, с. 397].

«Лет 40 тому назад, когда Вырубов далеко не осуществил еще своих широких научных замыслов, когда никто не думал увидеть его на кафедре истории наук в Collège de France, его имя [уже] гремело по всей Европе, – пишет М. М. Ковалевский, – и слава его доходила и до нас, его ближайших соотечественников… Личность Вырубова скоро стала притягивать к себе передовую интеллигенцию Франции. Иностранцы при проезде через Париж посещали его холостую квартиру… Вырубов отличался той разносторонностью, которой отличаются только люди с широкой научной подготовкой. Это был энциклопедист в полном значении этого слова» [Ковалевский, 1913, с. 5].

Но на закате жизни он не советовал молодым соотечественникам повторять его судьбу: «Время от времени получаю я из России от знакомых и незнакомых родителей запрос о том, какую западную школу лучше всего выбрать для их детей. Я всем даю один и тот же ответ: не отрывайте молодежь в первые, самые впечатлительные ее годы от той среды, в которой и на которую им придется потом действовать. Между культурой Запада и русской культурой лежит целая пропасть, глубокая разница встречается во всем – в миросозерцании, в нравственных понятиях, в общественном строе, в мелочах будничной жизни. Не приучайте детей к таким вещам, которых они тщетно будут искать в отечестве и о которых потом будут горько сожалеть.

Совсем другое дело – в высшей степени полезное пребывание на Западе подучившихся, через русские школы прошедших молодых людей. Их умственный горизонт расширяется, приобретаются знания, уменье наблюдать, уменье работать, сглаживаются угловатости – но главные устои, характеризующие данную эпоху в данной стране, остаются нетронутыми. Они возвращаются домой улучшенными продуктами своей страны, в которой являются полезными, передовыми деятелями… житейская мудрость в важных, как и в мелких вопросах, заключается не в вечном искании какого-то недостижимого идеала, а в умении пользоваться тем, что есть под рукой, выбирать в каждом данном случае из двух зол меньшее» [Вырубов, 1910 (№ 2), с. 20-21].

Итак, резюмирует Климент Аркадьевич Тимирязев, крупный ученый России и большой поклонник таланта и личности Вырубова:

«Часто приходится слышать вопрос, зачем Вырубов предпочел жизнь в Париже жизни дома. Ответ очень прост… дела своей жизни не совершил бы он, живя дома. Во-первых, по отношению к пропаганде позитивизма – в Париже он мог вести ее успешно, открыто на весь мир, а дома?... Приведу ничтожные, но характерные факты из своей собственной жизненной опытности. Как отнеслась бы к этой задаче Вырубова официальная

Россия?.. я еще студентом был убежденным позитивистом, и этим я был обязан Публичной библиотеке того времени… С моего рабочего места месяцами не сходили заветные шесть томов Конта. Но когда лет через двадцать или более, уже пожилым профессором, я, по старой студенческой привычке, забросил в ящик требований старое заглавие «Comte, Philosophie Positive» [Конт, Положительная философия. *Фр.*], то, появившись на следующий день, получил лаконический ответ: *«Не выдается»*…» [Тимирязев, 1939, с. 90-91].

II. «Холодный энтузиаст». Портрет героя

Г. Н. Вырубов в образе Мольера. Рис. неизв. худ. Всероссийский музей А.С. Пушкина. Санкт-Петербург.

«Холодный энтузиаст» – так назвал его выдающийся ученый-естествоиспытатель Климент Тимирязев, который долгие годы с восхищением и вниманием вглядывался и вслушивался в психологическую природу Григория Николаевича, представлявшую собой единение подчеркнутой рациональности и захватывающей страстности натуры [Тимирязев, 1939, с. 92-93].

Да и сам Григорий Николаевич сказал о себе с предельной ясностью: он был предельно прагматичен в своих жизненных решениях, и в нем горел «священный огонь», без которого в науке возможны труженики, но немыслимы созидатели» [Вырубов, 1910 (№ 1), с. 36].

Вот портрет Григория Николаевича Вырубова в образе Жана-Батиста Мольера. Есть какая-то притягательная таинственность в этом наброске, сделанном рукой неизвестного мастера. Портрет нравился и самому Вырубову. Видимо, нераскрытость, загадочность резонировала с той частью его души, которая для всех оставалась неведомой. По крайней мере, его внучатый племянник Николай Васильевич Вырубов, даря рисунок Музею А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге, сопроводил его записью: рисунок, «изображающий Moliere, который он всю жизнь хранил при себе, я предполагаю, что рисунок времен лицея…» [Вырубов Н. В. Музей Пушкина]. Хранил при себе.

Мы может обсуждать плоды тех или иных общественных поступков Вырубова, научных предпочтений, глубинные же движущие мотивы, при всей заявленной им прагматичности, остаются в тени его гениальности и по сей день. Можно сказать одно: он всегда был один, наедине со своею мыслью, никогда не стремясь ни к каким коалициям, общностям и группам. Он предпочел всегда остаться один. Ни с кем. Только со своими научными соображениями. Непостижимым образом Вырубов производил впечатление (и, видимо, был таковым) столь умудренного столпа ученой мысли, что двум своим ровесникам, выдающимся ученым Клименту

Тимирязеву и Евгению де Роберти, он казался недостижимой звездой, старшим наставником. А Герцен:

«Помилуйте, – говорил мне Герцен своим горячим, проникновенным тоном, – это не молодой человек, это *мудрорыбица* какая-то!» [Боборыкин, 1965, с. 93].

«Ярко выступившею чертою Вырубова было то, что в этом революционере, смелом новаторе, вольнодумце, масоне и научном социалисте было нечто, напоминающее не только монаха в хорошем смысла слова, с чисто бенедиктинской работоспособностью, но даже что-то аскетическое, очищавшее его внутренний мир от бесчисленных мелочей и суетливых забот повседневной жизни», – сообщает Де Роберти [Де Роберти, 1914, с. 398].

«Неисправимый москвич в душе», – сказал он нем Де Роберти, питомец Санкт-Петербургского Царскосельского лицея, русский дворянин из старинного рода Вырубовых обладал экзотической и несколько мистической внешностью, и одновременно – ярко барственной, аристократической, с вытянутым силуэтом, удлиненными, прекрасной формы руками и ногами, скульптурно вылепленной головой.

Писатель, известный точными зарисовками людей, обычаев и традиций, Петр Дмитриевич Боборыкин, его многолетний друг так описывает Григория Николаевича:

«Чтобы иметь более верное представление о Вырубове как о бытовом типе, надо брать его, прежде всего, как продукт не французской жизни, а дворянско-русской. В нем сидели явственные черты московского барского дитяти, но рано сбросившего с себя все, что мешало ему быть самим собою… Он оставался русским своего времени и, несмотря на долгое житье в Париже,.. сохранил яркую русскую окраску во всем своем душевном складе, особенно в тоне, языке, настроениях» [Боборыкин, 1913, с. 4].

Григорий Вырубов в отрочестве в марокканском костюме. Сер. 1850-х. Акварель неизв. худ. Всероссийский музей А.С. Пушкина. Санкт-Петербург.

Облик его будто просился и на живописные портреты, а «костюмированные образы» хорошо с ним соотносились и его раскрывали.

Вот его словесный портрет, который воссоздал Климент Аркадьевич Тимирязев:

«Рост его был выше среднего, впалая грудь, слегка сгорбленная фигура, да еще, дома, почти неизменная черная шелковая calotte [ермолка, *фр.*] – неизбежный головной убор старого профессора – и консьержа, – все это старило его не по летам. Худое лицо с резко выраженным горбатым

носом и глаза, то слегка прикрытые тяжелыми, будто усталыми, веками, то, при малейшем возбуждении, широко раскрывавшиеся, будто выходившие из орбит, придавали его речи особую живость, особую страстность, производя впечатление глубоко убежденного человека, которому никогда не безразлично то, что он говорит или что ему отвечают. Эта живость и убежденность его речи невольно подкупала в его пользу, даже когда его речь, при встрече противоречия, доходила до преувеличенной страстности и доводила его до парадоксов, – впрочем, всегда остроумных и умело защищаемых» [Тимирязев, 1939, с. 86].

Вот как его словесный портрет динамично развивает известный ученый Максим Ковалевский:

«Вырубов умел приковывать внимание к себе блестящей и в то же время простой и несколько юмористической речью. Он умел пересыпать ее анекдотами, остроумными, а иногда даже колкими выходками по адресу противников его взглядов. Его без труда можно было слушать по часам, не чувствуя усталости, так как он умел будить внимание и неожиданностью своих сближений, и частым переходом от спокойного тона рассказчика к смелому натиску беспощадного критика. Мы, молодежь, благоговели перед ним и в то же время боялись его. Привлечь к себе симпатии теми ласковыми словами, на которые так щедры французские «causeur»ы, ни мало не входило в его расчеты; он был резок и прям, необыкновенно находчив в полемике, и в то же время всегда искренен и хорошо «подкован». От него подчас уходили с некоторым раздражением, но в то же время с уверенностью, что не все то, что вам казалось ясным и несомненным, вполне заслуживает такой оценки. Ему удавалось пробить брешь в логическом построении, которое ранее казалось вам неприступной крепостью. А как полезно в молодые годы найти такую «бритву», скажет вам всякий, прошедший период «выработки убеждений» и «установки правильного миросозерцания»» [Ковалевский, 1913, с. 5].

А вот и художественный образ философа, который оставил нам, помимо документального портрета, Петр Дмитриевич Боборыкин, Вырубов свидетельствовал: «мой старый приятель П. Д. Боборыкин», описал «меня с фотографической точностью в одном из своих романов». Писатель сохранил подлинное имя Вырубова – Grégoire и, при вымышленной фамилии Шелонин, наградил его княжеским титулом, подчеркивая этим благородство Вырубова и древность его рода. Титул по замыслу романа был передан по линии матери, ибо по мужской линии род прервался. Здесь очевидный намек на светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, не оставившего потомства. Так что Григорий – родовое имя. Светлейший был родным дядей прадеда Вырубова. Сын сестры Потемкина, Пелагеи Александровны, Николай Петрович Высоцкий (1751-1827) был генерал-майор и флигель-адъютант императрицы Екатерины II. Но это к слову. Для Боборыкина и других товарищей Вырубова он был подлинный «русский принц» – благородством манер и поступков.

«Полоска [света] шла из «детской» комнатки, занятой по-прежнему молодым барином, только что в тот вечер явившемся в Шелониху.

В двойственном свете этой низкой спаленки стоял худощавый, стройный, чуть-чуть сутуловатый мужчина лет двадцати шести, с бледным лицом, впалыми карими глазами и необычайно тонким для русского носом; небольшая бородка, разделенная на два клинышка, и темные волосы, закинутые за уши, давали его облику что-то юношеское, стыдливое, почти целомудренное...

Большой заграничный сундук с приподнятой крышкой занимал часть пустого места из-под пьянино. На комоде лежал сак и сверток с пледом, а рядом с ним холщевая сумка, из которой выглядывал конец ручки геологического молотка. На бюро выложены были: ящик с микроскопом, несколько письменных вещей, две-три книги и брошюра в оранжевой немецкой обертке, только что на одну треть разрезанная широким костяным ножом.

Все, что привез с собой и разложил постоялец «детской», не выказывало особой щеголеватости, но отличалось резко бросающеюся в глаза опрятностью и удобством. Ни один ремешок не оборвался, ни одна книга не замшарилась [замшариться – сделаться мохнатым, шероховатым]. Та же печать лежала и на туалете его. Он начал раздеваться тихо, все положил на стул в порядке, и по-европейски выставил свои башмаки на площадку. Он делал все это почти машинально, в силу давней привычки, но без жесткости человека, ушедшего в одну аккуратность, без всякого педантизма. Его мягкие движения, тонкая юношеская фигура и в особенности выражение лица отгоняли от него и его вещей все чопорное и самодовольное. Убираясь, он вел себя, как студент, живший в привычках недорогого комфорта и мягкой, осмысленной, так сказать, научной порядочности.

В постели, откинув часть полога, он еще почитал с полчаса брошюру в оранжевой обертке, сделал даже на одном месте отметку твердым и удлиненным ногтем указательного пальца, и перед тем, как задуть свечку, взглянул еще раз на окно, причем на белом, гладком лбу его, сильно сдавленном в висках, обозначалась всего одна, довольно резкая морщинка» [Боборыкин, 1876, с. 188].

III. Убеждения и принципы

Нигилист?

Дядюшка Вырубова, Петр Григорьевич Высоцкий, закалявший мальчика слабого здоровья самыми решительными и смелыми методами (о чем можно прочитать в воспоминаниях Вырубова) был, видимо, тоже оригинальной личностью, не подчинявшейся обыкновениям своей среды. И не он ли вдохнул в племянника первые ростки независимого мышления? По крайней мере, мы знаем, что он женился на крестьянке, что для родовитого дворянина было такой же редкостью в середине XIX века, как и раньше, так и позже…

А в Александровском лицее Вырубов столкнулся с *новыми людьми*.

«Они ужасно одевались, совсем почти не причесывались, говорили громко и исключительно по-русски, в классы ходили мало, на заведение смотрели как на чистилище, откуда им следует поскорее удалиться. И многие, не дождавшись окончания курса, шли в университет… Он отличался от них внешним видом, опрятностью, манерами, тоном, выговором; но *он был их человек»* [Боборыкин, 1876, с. 219-220].

Кого имеет в виду Боборыкин, описав в художественном произведении молодого Григория? Нигилистов. Писатель и в мемуарах утверждал, что «нигилистическая подкладка» была присуща юноше Вырубову, правда, позже получила «другую директиву… в сторону позитивизма» [Боборыкин, 1913, с. 4].

Бесспорно, общие черты были, но сам Вырубов не считал их столь существенными, чтобы отожествлять себя с нигилистами. В частности, эпоха 1850-х предлагала молодому поколению изучение религии в столь безжизненных и лицемерных формах, никак не коррелирующих с современной жизнью, что вызывало естественное отторжение. Как и омертвевшие формы государственных институтов, не отвечающих запросам общества. Недаром и «сверху» остро чувствовали «застой» – коренные реформы императора Александра II и стали происходить в это самое десятилетие с лишком, когда мужал и отдавал все силы науке Вырубов, – в 1861-1874 гг. – и касались не только отмены крепостного права, но и преобразования судов, земства, финансов, образования и пр.

Как резкая реакция молодых людей, полных энтузиазма менять жизнь соплеменников в лучшую сторону, на отжившие, давящие формы «официальной духовности», понятны атеизм нигилистов и доведенный до карикатуры материализм, увлечение естественно-научными дисциплинами (знаменитое «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» в романе «Отцы и дети» И. С. Тургенева), стремление «переформатировать» жизнь народа, вытащить из тьмы невежества, осознание социальной несправедливости.

Роман «Отцы и дети» написан в 1860 г., Вырубову в это время 17 лет, однако он вполне сформировал свои взгляды. Нужно заметить, что позже Вырубов познакомится с Иваном Сергеевичем, сблизится и даже будет одним из самых близких в последние горестные месяцы земной жизни писателя. Он же произнесет надгробную речь, которая поразит своей смелостью французских полицейских.

Да, конечно, нигилизм (как известно, от лат. nihil ничто) в самом общем смысле, как отрицание неприемлемых социальных условий жизни для непривилегированных сословий, отживших форм образования, давящего поведения церковников был присущ Вырубову. Как и активная позиция в изучении естественных наук и продвижении идей социологии. Однако это было запросом времени, носилось в воздухе. Ведь, как известно, столь широко известный благодаря Тургеневу термин «нигилизм» имел свою долгую историю и в Западной Европе – как форма самых разных типов протеста по отношению к несовершенствам окружающей действительности. Но на этом сходство Вырубова с реальным типом нигилиста заканчивается.

Григорию Николаевичу был чужд и неприемлем антиэстетизм нигилистов, пренебрежение к достижениям культуры, доведенный до абсурда материализм, вульгарная эпатажность в обществе и та замкнутость на себе, эгоистический индивидуализм, который делает невозможной всякую последовательную коллективную научную деятельность. А также Вырубов ни в малейшей мере не был сторонником революций.

Его сильной стороной стал крайний прагматизм, подчеркнутая и даже преувеличенная рациональность во всем, к чему бы он ни прикасался, желание изучать конкретные законы естественных наук и земные закономерности взаимодействия разных слоев общества, и полное отторжение от всякой метафизики и к тому же – от всякого клерикализма. Взамен эпатажа и отрицания – положительная интенсивная работа. И стремление к профессионализму во всем, чем бы он ни занимался.

Помимо достижений в точных науках, Вырубова называют первым социологом России: обратную связь с запросами различных групп государства, разработку реальных способов улучшения их бытия, опирающихся на данные естественных наук, философ считал важнейшей целью своей эпохи.

«В конце же 60-х – 70- е гг. Вырубов был знаменит совсем в иной области, а именно в качестве активного и авторитетного, благодаря многочисленным работам, продолжателя социологии Конта… Практически все начинающие российские социологи испытали влияние школы Вырубова, а Де Роберти и Ковалевский стали его наиболее решительными сторонниками и пропагандистами объективной социологии в России» [Миненков, 2000].

Отметим и то, что нигилисты были в основном разночинцами. Со всеми привычками своей среды. Вырубов же принадлежал к российским аристократам – нехарактерная, неожиданная фигура для его собственной среды? И да, и нет. Таких людей было крайне мало. Но они стали «симптомом» новой эпохи. Вырубов был отважнее, умнее и дальновиднее других, он сумел *выстроить систему* своих воззрений и *воплотить* её в жизнь. И вот, когда А. И. Герцен, которого почитал и любил Вырубов, назвал его нигилистом, видимо, желая сделать комплимент и причислить к передовой части человечества, Вырубов резко и публично возразил:

«Нигилистом я не был ни в какой мере и всецело принадлежал не отрицательной, а органической доктрине... тогдашняя «Молодая Россия», ходившая в мундире Базарова, с ее грубым отрицанием всякого искусства, с ее крайне скудными и поверхностными знаниями, с ее манерой рубить все с плеча и, под предлогом непризнавания авторитетов, ругать самых почтенных деятелей, – была мне глубоко антипатична. Я готов был признать ее полное право на существование, как представительницы неизбежного, переходного фазиса общественного развития, через который Запад прошел в свое время; но идти с этой нигилистической Россией я никак не мог» [Вырубов, 1913 РВ].

Так что нет, не нигилист. И не материалист. Его близкий друг, социолог Е. де Роберти прямо указывает на две статьи Вырубова, как «на

две замечательных «отповеди» материализма и критицизма» [Де Роберти, 1914, с. 403].

Атеист?

Мы затронули тему отторжения Вырубова от всякого клерикализма. Особенно он беспокоился о том, чтобы человек имел право не объявлять в официальных документах о своей принадлежности какой-либо религии. О независимости науки от клерикалов. Но именно от клерикалов. Когда в своей юношеской статье говорит о свободе от теологии, то, конечно, имеет в виду ту церковную программу, которую навязывали юношеству в учебных заведениях, ему известных. Речь идет о желательном невмешательстве церкви и конкретных церковников в жизнь гражданского общества.

Однажды на публичной лекции для всех желающих студентов МГУ в начале 1990-х, зная религиозность акад. Н. И. Толстого, его спросили: «Как Вы относитесь к включению цикла религиозных дисциплин в программы гуманитарных факультетов?» И он ответил неожиданно: «Отрицательно. Достаточно вспомнить, сколько революционеров вышло из стен семинарий». Вот и Вырубов – о том же. Не о вере самой, а как тяжело была устроена система взаимоотношений церковь-государство, об отрицательных поступках конкретных церковных чинов и о нежелании общества замечать и обуздывать их – земные поступки земных людей, об отсутствии в этой области здравого смысла. В частности, Вырубов приводит возмутивший его пример, как священник потребовал перезахоронить погибшего воина, чтобы получить привычные деньги за совершенную требу.

Что же касается самой веры, то, видимо, это был вопрос для него сложный, и он не хотел обсуждать своих раздумий ни с кем, тем более публично. И еще, видимо, учитывал слова Апостола Иоанна «о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:15, 16). Чего не мог постичь, к тому был холоден, где мог – горяч и деятелен сверх меры.

Григория Николаевича сильно задел отзыв о нем как об атеисте, и он взвился и энергично ответил:

«Кн. Мещерский рассказывает с несколько театральным негодованием, что я, как «атеист», выгнал всех попов из всех госпиталей… Я не буду упрекать автора в том, что он смешал позитивиста с атеистом, потому что это для него люди, одинаково осужденные на все муки ада, и потому что такие подробности истории философии, очевидно, не входят в его умственный кругозор» [Вырубов, 1911, с. 107-108].

Обиделся. Хотя старался не показывать виду:

«я никогда не обижаюсь названиями *материалиста, нигилиста, атеиста* (которые мне часто дают), *хотя я не принадлежу ни к одной из этих категорий*, – потому что считаю необходимым приучить публику поставить в позор [Зд. «позор» в значении «рассмотрение, разглядывание,

изучение»] какую бы то ни было философию, будь это христианство или материализм» [Вырубов, 1913].

Он хотел только одного – чтобы любую сторону общественной жизни можно было рассматривать, обсуждать, высказывать свободные оценки.

А поступки его на протяжении всей жизни говорят, что он был человек глубокой нравственности. Не переставал утверждать:

«труд – не добродетель, а обязанность всякого честного человека, что на то мы и живем, чтобы приносить пользу и помогать ближним» [Зайцева, Любина, 2006, с. 56].

А также Вырубов в больших объемах занимался благотворительностью: он давал деньги на проекты, которые казались ему перспективными, субсидировал бесплатные учебные заведения, давал деньги на издания журналов, помогал нуждающимся друзьям и знакомым.

Интеллигент?

Боборыкин так и именует Вырубова «интеллигентом», причем дважды, второй раз называя «россиянином барско-интеллигентного типа», то есть подчеркивая, что он оставался русским человеком, при всем лоске французской культуры и любви к ней. И из его уст это чрезвычайно ценно. Почему? Боборыкин был первым, кто ввел слово «интеллигенция» в прессу в 1866 г. – применительно к разночинной интеллигенции. Ошибочно его считают автором идеи, что интеллигенция и возникла в этой среде и в это время. На самом деле Петр Дмитриевич замечал, что слово «интеллигент» появилось «раньше», относилось к людям 1840-1850 гг., то есть к «испытанным либералам, чаявшим падения крепостного права». То есть сам Боборыкин считал, что до «разночинной» был период «дворянской» интеллигенции. И вот к этому разряду, вполне сознательно он относил Вырубова. Ибо он был автором больших программных статей, где разбирал сущностные черты русской интеллигенции [Боборыкин, 1904, с. 80-89; Боборыкин, 1909, с. 119-138].

Он отмечал такие обязательные черты, как «люди высшей умственной и этической культуры», считающие науку «руководящей нитью при выработке своего понимания», понимающие ценность культурных плодов человечества. Интеллигент, по мнению Боборыкина не может не настаивать на гражданских свободах для личности и общества, не может не проявлять действенного интереса к положению крестьян и рабочих, не может не требовать свободы совести в религиозной жизни и не протестовать против «гнета… государственно-полицейского церковного быта» [Боборыкин, 1909, с. 86].

Тут всё прямо «списано» с личности Григория Николаевича. Но и тут Вырубов капризно отмахивается:

«Как не люблю я это корявое, не русское и не иностранное слово! Что оно обозначает: ум, знание, культурность?» [Вырубов, 1913]

Шутит, приводит анекдотичные примеры употребления этого понятия. Не любит «высоких слов». Но мы бы ответили так: Да, Вырубов интеллигент в самом подлинном значении этого слова.

Политика?

Вырубов считал наиболее благоприятным для общества республиканское, а не имперское правление, построенное на основе позитивизма Конта. Устройство Третьей республики, в создании которой Вырубов принимал деятельное и прямое участие, не удовлетворяло, а разочаровывало его. «Вырубов не без горечи отмечал засилье меркантильных интересов в действиях граждан республики, алчную жажду обогащения и наживы… Вырубов считал, что даже при разгуле столь низменных страстей политика должна оставаться нравственной или, по крайней мере, стремиться к этому» [Зайцева, Любина, 2006, с. 94].

Это, пожалуй, был единственный случай его активной роли в политике:

«Он не ввязывался в политическую борьбу, она слишком противоречила его внутреннему строю, его нравственным идеалам… Вырубов попытался осмыслить роль России в балканском вопросе, в дальневосточном кризисе. Многие его замечания на этот счет отличались пророческой проницательностью. Современники отмечали, что вырубовская критика организации русской армии в русско-турецкой войне оказалась вполне приложимой к событиям русско-японской войны, случившейся на 25 лет позже» [Зайцева, Любина, 2006, с. 13].

Загадочна поездка Вырубова по Испании в 1874 г., в разгар междоусобной войны. Объяснение его, данное в частном письме к другу и однокашнику по Московскому университету Петунникову, что «простые путешествия кажутся ему пресными» [Там же, с. 272], – тоже мало объясняют цель поездки. Как знать, не выполнял философ ли изредка некоторые миссии России, если ему представлялось нравственным долгом посвятить свое отечество в какую-либо информацию? По крайней мере, будучи официально внесен в список «неблагонадежных» в Российской империи, он всегда легко открывал двери к чиновникам ранга министра или заместителя министра (то же можно сказать и об отношениях Вырубова с высшими французскими властями). Каковы бы ни были представления о республиканском, а не имперском будущем России, в настоящем свою родину он считал необходимым защищать всеми доступными ему средствами. Потому и отправился в 1876 г. на Русско-турецкую войну, будучи не гражданином России. Иначе как объяснить его свободные приезды в Россию, когда и на сколько он хотел, хотя другие в его положении имели резко ограниченный срок?

«Я ожидал, что мое выступление в «Колоколе» мое деятельное участие в международных конгрессах «мира и свободы» навлекут на меня гонения русского правительства, в особенности в то время, когда оно, проскакав быстро вперед, вдруг повернуло оглобли и пошло шибко назад. Но, к моему вящему удивлению, ничего такого не случилось. Я ездил беспрепятственно почти каждый год в Россию на несколько недель, то повидать товарищей, то поохотиться в деревне, не подвергаясь никаким неприятным замечаниям со стороны властей» [Вырубов, 1913].

Как понять, что этого «последователя Конта» принимали высшие чины государства, помогая ему в продлениях виз, и над которыми он подтрунивает в воспоминаниях? Тогда как профессору К. А. Тимирязеву, всемирно известному, не выдали в эти годы в профессорской библиотеке даже книгу Огюста Конта?! Какая-то часть биографии Григория Николаевича и сегодня остается в тени неизвестности…

Революционная среда?

Мы уже говорили, что революция была для Вырубова неприемлема:

«я отъявленный враг всякого деспотизма и хочу вести пропаганду исключительно распространением знания» [Вырубов, 1913].

Знаменательна и другая сентенция философа: «*демократия заключается не в понижении высших слоев, а в повышении низших*» [Вырубов, 1898 (2), с. 2].

«Революционными» воспоминания Вырубова можно назвать только в ироническом смысле. Отдавая дань мужеству своих героев, подвижничеству, честности, свободе мышления и оригинальности видения мира, сочувствуя лишениям, он замечает такую художественность натуры Герцена, которая противоположна реальности, и нелепость жизненного пути Бакунина, а уж эпитет «чистый теоретик» по отношению к Лаврову звучит почти ругательно. «Средой» для Вырубова этот круг не был. Видно, что он отталкивает этот «антимир», видит безрезультатность деятельности.

Масонская среда?

А вот это да, бесспорно. Николай Васильевич Вырубов рассказывал:

Литтре и Вырубов «были франкмасонами. Сегодня Григорий Вырубов – легендарная фигура для франкмасонов ложи Великого Востока. Я немного преувеличиваю, но полагаю, что если войду в ложу Великого Востока, на улице Каде, они все встанут – так почитают его имя. Я нашел в своих бумагах рукопись речи, произнесенной там дядей Григорием в 1876 году: «Недопустимо, чтобы в нашем уставе была записана обязанность верить в Бога. Я прошу, чтобы мы убрали это условие и оставили свободу для каждого, верить ему или не верить». Устроили голосование, те, кто защищал веру как обязанность, стали основателями Великой ложи, те, кто ее отвергал, создали Великий Восток. Так Григорий Вырубов стал известен, поскольку послужил разделению двух лож» [Вырубов Н. В., 2021, с. 52]. И младший брат Василий Николаевич был масоном, и сын его Василий Васильевич: «я первым из своей семьи не стал франкмасоном», – говорит Николай Васильевич [Там же, с. 53].

Нельзя обойти вниманием ценные сведения, в которых Николай Васильевич проливает свет на русское масонство, которое до сих пор вызывает вопросы, недоумение и неприязнь. Он резко делит традиционное русское масонство в среде дворян со времен Екатерины II – и ту импортированную французскими социалистами ложу, куда вошли разномастные левые радикалы, имевшие целью свержение самодержавия.

Но ненадолго отвлечемся. Дворянские масонские ложи, как нам представляется, играли роль недостающих в Российской империи

социальных институтов, осуществляя обратную связь с обществом, отвечая на его нужды благотворительностью, возможным устранением несправедливых ошибок власти, стараниями об уменьшении бедности, помощи больным, содействием образованию. По словам Марка Раева, они заполняли социальную «пустоту» [Raeff, 1984]. Их недостаток передовые дворяне нач. XX в. чувствовали так же остро, как их предки в XIX в.

Итак, Николай Васильевич рассказывает режиссеру Эльдару Рязанову в фильме из серии «Парижские тайны» о двух совершенно разных масонских организациях под одним именем в России: 1. традиционное «спокойное» дворянское масонство XVIII-XIX вв., 2. леворадикальная, импортированная французскими социалистами ложа, включившая неких «серых» людей 3. традиционная ложа, существовавшая во Франции в XIX в. в научной среде. Из-за этой путаницы дворянское масонство в XX в. преследовал острый негативизм:

«Во Франции, это я говорю о начале века, социалисты все должны были быть масонами. Это так было принято, это доказывало, что они настоящие социалисты, потому что масонство во Франции после Французской Революции приняло характеристику завоевания против богов католической церкви и костного французского общества. И это… очень подходило к социалистам, как к движению и поэтому они были в одно: социалист и «Великий Восток Франции»… это масонский орден так назывался. Русские революционеры… вошли в контакт, чтобы получить от французских социалистов опору в своем желании создать республиканский строй в России. И тогда французы им посоветовали привезти в Россию этот «Великий Восток», эту ложу. Она прибыла в Россию и была создана. И в нее вошли большинство социал-революционеров… эти серые члены нового ордена, который ничего общего не имел с русским умеренным [масонством, члены] которого ходили в церковь, молились. А когда переворот случился в октябре, то для советских властей эти серые и эти масоны «Великого Востока» – они были слишком либерально настроены, чтобы принять участие в терроре... Но это только момент, короткий момент русской истории...

А русское масонство: нормальное, спокойное, просветительное, нравственное, русское – о нем никто никогда не говорил. Оно существовало, и здесь существовало, и существует… До сих пор в русской печати всегда очень отрицательно относятся.

Моя семья Вырубовых – мы масоны со времен Екатерины. Все мои деды, прадеды были масонами. Мой отец был масоном. Он очень мало значения придавал своему масонству, но он им был… никогда не состоял в «Великом Востоке», он был «масон Шотландского обряда»: это старый русский обряд со времен еще Екатерины или раньше. Так что это ошибочное – мешать одно с другим [русское масонство и импортированное накануне революции].

Его родной дядя Григорий Николаевич Вырубов, профессор, был вице-председатель «Великого Востока». Он здесь жил во Франции, был

ученый, профессор в «Коллеж де Франс» и в этой среде науки было принято быть масоном в «Великом Востоке»… Мое понятие, которое я получил от отца, либеральное, что Россия, какая бы она ни была: советская или не советская, что она наша страна, наша Родина. Никогда в жизни я не слыхал ни от моего отца, ни дома никогда не было слов: «Ах, ну как бы вот вернуться в имение или в дом в Москве». Говорили только о стране, а не о каком-то имуществе. Потому что это настолько… мелочно по отношению к потере Родины. Я посылал семейные портреты… думаю, лучше, чтобы они вернулись в Россию… я послал все бумаги, все вещи, которые я мог послать... И моя мечта, что придет день в России, умеренной нравственной России, которая возродится» [Беседа Эльдара Рязанова с Н.В. Вырубовым в передаче цикла «Парижские тайны Эльдара Рязанова», выпуск – «Человек, сохранивший в себе Родину», Париж, 1997] .

На наш взгляд, исследователям биографии Григория Николаевича удалось тонко и разносторонне описать роль масонства и его характер в жизни героя: «Его нравственное сознание легко восприняло заветы масонства о нерасторжимости родственных уз всех людей, о деятельной к ним любви» [Зайцева, Любина, 2006, с. 57].

Смеем сказать, что, видимо, его глубокой, скрываемой внутренней вере в божественную силу, которая воодушевляла жизнь, было легче в таких рамках, чем в каких-либо других.

Итак, Вырубов вступает в ложу, но его иронический критицизм и тут при нем:

«В феврале 1872 г. он сообщил Петунникову, что стал должностным лицом у масонов и написал фельетон о них для «СПб. Ведомостей» [Там же, с. 42].

Слово «фельетон» здесь употреблено в значении «очерк, имеющий критическую направленность». Верный себе, Вырубов, позволил себе критический обзор деятельности последних, современных ему 30-ти лет масонства и даже ироническую фразу: «Сочувствуют масонству одни только масоны». Какую же мысль транслирует Вырубов в статье «Парижские масоны»? – Масоны бесконечно различны по взглядам и убеждениям. Но! Масонство – это идеальная структура! То есть масонство – такое идеальное построение организации, которое может влиять на любое политическое событие [Вырубов, 1872]. Вот пафос его статьи.

Читатель найдет воспоминания Вырубова о днях Парижской коммуны, когда он, рискуя жизнью, спасал и лечил, лечил и спасал. Так, он пишет другу А.Н. Петунникову в июле 1871:

«Веришь ли, что в продолжение двух месяцев я ни разу не разделся на ночь и мог за четыре ночи подряд вовсе не ложиться» [Итенберг, 1971, с. 64].

Таким образом становится понятна его мотивация вступления в ложу:

«Сближение Вырубова с масонами произошло во время Коммуны, они приложили много стараний для водворения гражданского мира между враждующими сторонами. После отказа версальцев пойти на переговоры

масоны считали своим долгом защищать коммунаров. Вместе с масонами позитивисты спасли многих участников Коммуны от верной гибели и провели кампанию в пользу амнистии для заключенных» [Зайцева, Любина, 2006, с. 43].

Связь идей позитивизма и масонства не могла не вызвать положительной реакции Вырубова:

«Если сравнить социальную программу позитивистов и общие положения и устав масонского братства, то можно обнаружить немало общего. Это – принцип человеческой солидарности, идеал всесветного людского братства, построенного на началах толерантности – терпимости к иноплеменникам и иноверцам, это и идея нравственного совершенствования в таких ее проявлениях, как гармония нравственного и физического начала личности, и абсолютная свобода воли, любовь к ближнему, щедрость и бескорыстие. В отношении человеческого сообщества – это не менее как интеллектуальное и моральное усовершенствование человечества, объединение братьев по духу по всему земному шару. Вырубову могла импонировать политическая программа французских масонов, отражавшая требования восходящей к власти буржуазии: отделение церкви от государства и обмирщение школы, филантропическая направленность их деятельности» [Зайцева, Любина, 2006, с. 42-43].

И, наконец,

«К братству вольных каменщиков принадлежали почти все основатели республики и все видные политические деятели либерального толка. Масоны были продвинуты в высшие эшелоны местной администрации, из их числа назначали мэров, префектов и супрефектов. Многие профессора и школьные преподаватели последней трети XIX в. были масонами, они оказывали большое влияние на подрастающее поколение.

В последней трети XIX в. масонство обновило свою идеологию, провозгласив позитивистскую открытость влиянию научного прогресса, здравого смысла, либеральных идей. Его адепты занялись строительством основ того, что позже назвали гражданским обществом. Их социальная политика предусматривала смягчение классовых противоречий и либерализацию общества. Был подготовлен проект закона об отмене смертной казни, проведены кампании борьбы с социальными болезнями и строительства дешевого жилья, введено обязательное светское образование.

Апофеозом единения масонов и позитивистов стал одновременный прием в масонскую ложу Великого Востока Франции политика Ж. Ферри и главы позитивистов Э. Литтре» [Зайцева, Любина, 2006, с. 44].

Итак, Вырубов был одним из самых материалистических ученых своего времени. Но при этом его вера была очень сложной. Он её никому не доверял и ни разу о ней не обмолвился, слишком, видимо, она была ему дорога, слишком искренна и неординарна, потому сокровенна. Масоны были, видимо, подходящей организацией для его нравственного удовлетворения. Мы можем судить только косвенно, по его обширной

благотворительности, по его благородным поступкам участия во франко-прусской войне и в русско-турецкой войне. Вырубова туда никто не звал. Он был человеком нравственного долга.

А с другой стороны, может быть, в нем перевешивала всё и доминировала над всем жесткая рациональность, и именно прагматизм сделал возможным присутствие Вырубова в «Великом востоке». Ведь здесь, где были все научные соратники Григория Николаевича, ему удобнее всего было проводить в реальность идеи, которые он считал, бесспорно, полезными человечеству. Возможно, не посылал бы Вырубов очерка о масонах в «Петербургские ведомости», если бы известная отстраненность не присутствовала в его вступлении в ложу. Он и здесь остался верен себе, своей парадоксальной натуре, в своей нераскрытости, в своей бесспорной искренности, но и одновременно – в четкой продуманности тех шагов, которые принесли бы пользу его науке и обществу, как Вырубов это понимал. В-третьих, его критичность и обособленность от общепринятого и тут не оставила ученого. Ведь первоначально он был в «Великой ложе Франции» т. н. Шотландского обряда, но дерзнул вступить в конфликт с ней и перешел в «Великий Восток Франции» Французского обряда.

IV. Наследие на русском языке

Ранние социологические очерки

Через 5 лет после статьи «Позитивизм и Россия», обосновавшись в Париже и изучив политическое устройство французского общества, Вырубов набирает достаточно фактического материала, чтобы решиться высказать свои мнения российскому читателю. В то время газетой «Санкт-Петербургские ведомости» руководит *Валентин Федорович Корш*, просвещенный журналист, публицист весьма либеральных взглядов.

В течение 1869-1872 гг. Г. Н. Вырубов посылает в газету очерки, посвященные общественной жизни Парижа, которые называются «письма редактору». Ему в то время – 26-29 лет. Так рождаются два цикла: «Из парижской жизни» и «Осада Парижа». Редактор характеризует Вырубова в примечании к одному из писем «талантливым автором», его статьи «мастерскими». Корреспонденции Вырубова представляют собой «репортажи с колес» на злобу дня, но одновременно это и первые опыты социологических исследований, в России социологической науки в те времена не существовало.

Статьи зрелые по мысли, по оценке разных групп и партий общества. А стиль статей выдает молодость автора. Юношеские сочинения «Из парижской жизни» еще несут на себе явные черты хорошей научной школы Московского университета – сочинение следовало начинать с объяснения причин, побудивших писать. «Экспозиция» довольно пространна – ведь тогда не торопились. Затем автор предлагает тезу. Затем ее на разные лады доказывает, приводя множество фактического материала. И только в конце предлагает обобщающий вывод. Заметно и влияние латинского синтаксиса на строй фразы Вырубова. Значительные периоды (которые нужно делить на отдельные предложения для удобства современного читателя),

отделенные друг от друга знаком **«;».** Множество придаточных предложений, вводные слова, бесконечные «разумеется», «конечно», «следовательно». Потом-то Вырубов освободился от ученичества и пришел к своему стилю – мужскому, строгому, энергичному, «подсушенному». С годами выразительные средства языка Вырубова становятся лапидарнее, что ясно видно в его поздних публикациях в «Вестнике Европы».

Создавая объемный срез политической жизни Парижа, автор предлагает остроумную схему: от наименее серьезного к наиболее существенному. «Секрет империи», сообщает автор, – в том, что

«она раздробила общество на мелкие политические партии, между собой несогласные, между собой враждебные» [Вырубов, 1869, август].

Первой публикацией оказывается очерк «Французские нигилисты». Прежде всего дается очерк вспышек «нигилизма» в истории, определение понятия, выявляется его французский колорит. Так, пишет Вырубов:

«Нигилизм вовсе не является какой-нибудь определенной философской системой, каким-либо строго обособленным мировоззрением, он просто результат непреложного механического закона действия и противодействия. Он явился в форме атеизма там, где религиозное гонение слишком сильно; в форме материализма там, где идеалистическая философия, поддерживаемая силой, забрала в руки воспитание молодого поколения; в форме социализма там, где экономическое состояние особенно неудовлетворительно для какой-нибудь части общества. Мало того, в нем будут такие местные оттенки, которые часто положительно непонятны чужому человеку» [Вырубов, 1869, август].

По его определению, в отличие от русских нигилистов, это изящные, не чуждые эстетических наслаждений люди, но, по сути, «совершенно такие же, какими были и наши». Они играют «в обществе роль пугал, роль апокалипсических зверей»: произносят слишком резкие и слишком громкие речи, намеренно подвергаются опасности арестов. Пользы от их деятельности никакой, «такие господа не только не опасные враги империи, что они, напротив того, бессознательно служат ее интересам». Здесь, резюмирует философ, «энергия «я», одной молодости принадлежащая способность, одинаково легко доходит до истины и до самых крайних, непостижимых абсурдов» [Вырубов, 1869, август].

Продвигаясь по пути более серьезных объединений Вырубов и предлагая читателю очерк «Французские социалисты», подходит к ним с холодным скальпелем хирурга:

«Мне совсем неинтересна философия той или другой партии, мне все равно, логична она или нет, правильна или нет. Я взялся за перо вовсе не для того, чтобы писать трактат об идеологии, я обещал вам охарактеризовать практическую жизнь известной части Парижа, представить один из элементов происходящей в нем политической борьбы. Я разбираю здесь не теорию, а практику, я пишу о том, что в данную минуту во Франции может способствовать движению вперед, а что может его тормозить… Наше дело не перестраивать существующий порядок по

заранее составленной программе, а изучать многочисленные пружины общественного механизма и пользоваться теми из них, которые сильнее других» [Вырубов, 1869, ноябрь].

Анализируя деятельность и вес в обществе социалистов на тот момент, Вырубов делает вывод, который позже найдет подтверждение в действительности: «вопрос, который завтра, быть может, станет вопросом дня:

«возможна ли во Франции демократическая и социалистическая республика»?.. пока я, не задумываясь ни на минуту, отвечу – нет» [Вырубов, 1869, ноябрь].

Он предлагает еще более глубокий анализ третьей силы политического общества Франции. Если социалисты

«пока еще на втором плане, но им будет принадлежать эпилог давно начавшейся драмы, в которой представляется борьба между старым, отживающим порядком вещей и новыми общественными формами. Вы увидите сегодня демократов – они, в настоящую минуту, вместе с монархистами всех цветов и оттенков, играют главные роли» [Вырубов, 1870].

Социологический анализ Вырубова строится на столь крепкой методической базе, выработанной исключительно им самим, что позволил автору делать точные прогнозы. Достойно удивления, как точно предсказывает юный Вырубов в 1869 г. то, что произойдет во Франции через 2 года:

«Империя со своей дуалистической политикой, поддерживающей и класс рабочих, и класс собственников, переменила взаимное положение партий и покрыла густым слоем пепла зажженный огонь междоусобной войны. Но империя – не вечна; ее здание, не успевшее защититься сверху от политических невзгод, начинает ветшать и обваливаться. И первый порыв революционного ветра снесет пепел и вызовет дремлющее пламя наружу» [Вырубов, 1869, ноябрь].

Структура и цель поздних воспоминаний

Г.Н. Вырубов стал писать воспоминания, когда был неизлечимо болен, не мог работать над привычными научными занятиями, а оставаться без дела никак не мог. Они представляют собой несколько фрагментов, которые в памяти философа, видимо, оказались наиболее значимыми. Так, Вырубов беспокоился о судьбе высшего образования в России, а также о судьбе всякого образования, которое, как он считал, должно быть доступно всем сословиям. Никакое специальное образование не приживется, считал он, если фундаментом для него не послужит обширное общее. Во-вторых, он был консерватором в деле образования, считал частые реформы пагубными для него[1]. В этом свете Вырубов приветствовал классическое образование (латынь и древнегреческий):

«Я остаюсь убежденным защитником классицизма. Спешу оговориться: я не смотрю на него как на полную, законченную систему, а

[1] 3 апреля 2024 г. на собрании профессоров МГУ имени М.В. Ломоносова ректор МГУ, акад. В.А. Садовничий, сторонник традиционных фундаментальных форм образования, в частности, заметил: «Я помню много реформ образования… ни одна не удалась!»

как на основание, как на исходную точку общего образования. Греция и Рим представляют в истории человечества целый длинный ряд веков блестящей цивилизации, которая вошла, как необходимый элемент, в наше современное миросозерцание и влияет до сих пор на нашу современную общественную и индивидуальную жизнь» [Вырубов, 1910 (№ 1), с. 32].

Он написал «записку», то есть развернутый обоснованный план, имеющий целью улучшение системы образования, текст был опубликован друзьями Вырубова в России отдельной книгой, но никак не принят во внимание чиновниками [Вырубов, 1898]. Он огорчался, и в воспоминаниях о лицее, который он закончил в 1862 г., дал волю своему разочарованию.

Вырубов критичен к преподавателям и Московского университета, его мемуары пристрастны, часто желчны. Но это и понятно. Планка самого Вырубова была слишком высока – и адекватна в соответствии с тем колоссальным трудом, который он научился вкладывать в изучение наук с самого раннего возраста. «Высшее образование *шло какими-то шальными зигзагами*», – пишет Вырубов [Вырубов, 1910 (№ 2), с. 9]. И высказывает мудрое соображение, актуальное и сегодня:

«Не надо забывать, что в лекциях, даже университетских, важно не то, что они обучают науке – ее можно узнать гораздо лучше из книг, – а то, что они возбуждают в молодости интерес к ней» [Вырубов, 1910 (№ 2), с. 11].

И тем весомее и объективнее его положительные характеристики. Например, его учитель и в Лицее, и в Московском университете:

«Николай Николаевич Кауфман [(1834-1870) один из первых ботаников-географов в Российской империи], тогда только что вышедший из московского университета, впоследствии известный профессор ботаники и автор классического труда о флоре Московской губернии… Без выдающегося дарования, он работал прилежно и умел работать. Он любил свою науку не прерывисто, не урывками, а той тихой, спокойной любовью, которая позволяет дойти до результатов, быть может, не блестящих, но верных... своей необыкновенной работоспособностью он служил мне живым примером, а своей привычкой аккуратного наблюдения самых мелких фактов познакомил меня со сферой знания, в которой добываются точные результаты» [Вырубов, 1910 (№ 1), с. 30].

Или: «Особенно ярко выделялся наш профессор химии, Николай Эрастович Лясковский [(1816-1871) химик, фармацевт, ординарный профессор Московского университета, писатель, охотник.]… образованный, даровитый, он с одинаковым интересом относился ко всем частям своей науки, за всем одинаково следил и все одинаково ясно и изящно излагал… блестящим лектором он был, несомненно; говорю – лектором, а не учителем, потому что в лабораторно свою ходил редко… Большое спасибо ему за то, что он облегчал уразумение самого трудного в науке – ее общих начал» [Вырубов, 1910 (№ 2), с. 9-10].

Вырубов еще в Лицее раз и навсегда избрал для себя философию позитивизма, потому что она наиболее отвечала его природным качествам: исключительному демократизму, стремлению к справедливости и

желанию, чтобы каждый член общества мог получать равные возможности с другими и равное образование. Всё это было неслыханно ново для той среды, в которой он родился. Настаивал Вырубов и на важности общего образования для всех, полагая, что фундамент развития общества именно в этой базовой ступени, приводя в пример французскую школу, созданную еще в конце XVIII в.:

«службу свою она сослужила, выпустив сотни людей, сделавшихся из ряда вон выдающимися специалистами, потому что они строили свою специальность на прочном грунте обширного общего образования» [Вырубов, 1910 (№ 2), с. 51].

А следующий пассаж звучит актуально и современно:

«Отличительная особенность лицея, его главное достоинство заключалось в отсутствии какого-либо деления на среднее и высшее образование, в сохранении сначала до конца характера *общего* образования. Наш век страдает манией специализации, и все более и более распространяется мнение, что для удачной борьбы за существование необходимо специализироваться как можно ранее. Это мнение, которое распространяют некультурные специалисты всех родов, не только ложно, но в высшей степени вредно. Опыт всех стран и всех веков показал, что профессиональное знание тем плодотворнее, чем выше общее образование, служащее ему основой. Во всякой специальности, какова бы она ни была, теоретическая или практическая, необходимо критическое отношение к фактам, а оно вырабатывается не из одного какого-нибудь отдела знания, а из совокупности методов точных наук» [Вырубов, 1910 (№ 2), с. 51].

Итак, воспоминания о лицее и университете ярки, критичны, пристрастны. Но для чего Вырубов дарит бумаге свои соображения о дне минувшем? Им движет рациональное чувство: отметить как хорошее, так и дурное, чтобы *выявить путь для исправления системы*.

С тем же чувством Вырубов вспоминает о Парижской коммуне 1871 г., замечая все недостатки организации военного дела, санитарной помощи. Таковы же воспоминания об испанской войне 1874 г и о русско-турецкой войне 1877 г. Наконец, завершает воспоминания Вырубов обширным очерком, связанным с его знакомством с Герценом, Лавровым и Бакуниным в 1865, 1866 и 1870 гг. Его критический взгляд всюду остро замечает несовершенства, не из желания излить желчь – ум его взыскует пользы.

Увы, перо Вырубова остановила смерть на 4-ой странице «Научных воспоминаний»…

Анализируя деятельность и вес в обществе социалистов на тот момент, Вырубов делает вывод, который позже найдет подтверждение в действительности: «вопрос, который завтра, быть может, станет вопросом дня:

V. Закрыть лакуну и ввести в научный обиход

Исследователи впервые обратились к текстам Григория Николаевича Вырубова спустя более чем столетие после первых публикаций в

периодике в 1870-х и в 1910-х. Тексты являются ценным историческим источником, где проявляется оригинальный новаторский ум автора. Он достойно нес бремя интеллектуального одиночества, был верен созданной им самим системе взглядов. Спорил без устали с самыми уважаемыми им оппонентами, как А.И. Герцен или И.С. Тургенев. Однако великие умы его понимали и ценили. Герцен назначил Вырубова своим душеприказчиком, и Вырубов оправдал доверие, став редактором и издателем первого полного собрания сочинений Герцена. Очень сблизился Вырубов и с Тургеневым, особенно в последние годы. Его речь в день похорон Тургенева произвела колоссальное впечатление на весь русский интеллектуальный Париж. Он говорил:

«Тургенев обладал чем-то большим, чем идея, которая, как бы верна она ни была, может иногда столкнуться с глубоко укоренившимися предрассудками; он обладал чем-то большим, чем принципы, которые, как бы верны они часто ни были, идут вразрез с сложившимися привычками; он обладал формой, той безупречной и совершенной формой выражения, секрет которой известен только великим писателям… Для Европы, которая давно уже читала и ценила его, он был лишь чудесным художником. Для России он был воспитателем, родоначальником, апостолом, тем более благодетельным, что он вызывал восхищение даже у тех, с чьим учением он так страстно боролся» [Вырубов, 1883].

Напомним, Де Роберти, известный философ и социолог своего времени, товарищ философа Григория Вырубова по Александровскому лицею, называл его «духовным вождем» для «немногих». Журнал «Philosophie positive», редактором которого и издателем Вырубов вместе с Эмилем Литтре были на протяжении 17 лет (1867-1884), сыграл видную роль в «умственной жизни» всей Европы конца XIX в., – утверждает автор, – и Вырубов в становлении позитивизма сравним с ролью «апостола Павла в истории христианства». Нам кажется, что немалую роль в альянсе Вырубова и Литтре, выдающегося французского филолога-лексикографа, сыграла литературная одаренность и эрудиция Вырубова в области классической филологии. Де Роберти характеризует Вырубова как человека «широких, но непреклонных взглядов», как новатора, вольнодумца, научного социалиста, почти аскета-монаха в смысле «бенедиктинской работоспособности», отрешенного от суеты жизни, отважного борца со злом, считая, что «*directeur de conscience*» [духовный наставник, фр.] складывается именно из подобных черт личности [Де Роберти, 1914, с. 397-404].

До сих пор не переведено на русский язык его основное научное наследие, будем надеяться, что вскоре это произойдет. Укажем, какого рода тематика представлена в его статьях:

«Le prolétariat en Russie; *Le communisme russe*; *La Russie sceptique*; *Le clergé russe*; *De l'ivrognerie en Russie*; *Deux mois entre l'Europe et l'Asie*; *La question d'Orient*; *Lettres d'Asie*; *La guerre d'Orient*; *La question d'Orient et le traité de Berlin*; *Lettres de Russie*; *La Russie dans le passé et dans le présent*. *Le*

certain et le probable, l'absolu et le relatif; *Les modernes théories du néant: Schopenhauer, Leopardi, Hartmann*; *La conception métaphysique de la vie universelle*; *De l'individu dans le règne inorganique*; *De la méthode dans la statistique*; *De la classification de la sociologie*; *L'anthropologie, ce qu'elle est, ce qu'elle doit être, La sociologie et sa méthode*[1]» [Де Роберти, 1914, с. 403].

В совокупности с представленным здесь наследием ученого на русском языке, собрание этих текстов, переведенных на русский язык, мы убеждены, приобрело бы статус учебного пособия, издаваемого в МГУ в рубрике «История отечественной науки», что, несомненно, закрыло бы лакуну, которая до сих пор существует в области творчества Г.Н. Вырубова.

Список литературы

1. Боборыкин П.Д. Долго-ли?; В усадьбе и на порядке (Повести). СПб, Из-во П.Е. Кехрибарджи, 1876. 342 с.
2. Боборыкин П.Д. Русская интеллигенция // Русская мысль, 1904, Кн. XII.
3. Боборыкин П.Д. Подгнившие вехи. // В защиту интеллигенции. / Заря, 1909. С. 119-138.
4. Боборыкин П.Д. Русский позитивист // Русское слово. 1913. № 394.
5. Боборыкин П.Д. Воспоминания в 2-х томах. Т. 2. М., Художественная литература, 1965. 691 с.
6. Вырубов Григорий Николаевич. Сайт философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Режим доступа: https://philos.msu.ru/node/1336 (Дата обращения: 22.02.2024).
7. Вырубов Г.Н. Позитивизм и Россия // Литтре Эмиль (Член Парижского института, Медицинской академии и проч.). Несколько слов по поводу положительной философии. С предисловием переводчика. Берлин, В. Behr's Buchhandlung (E. Bock), 1865. С. I-XXI.
8. Вырубов Г.Н. Парижские масоны. «Из парижской жизни». «Санкт-Петербургские ведомости». 8 августа 1869 г.
9. Вырубов Г.Н. Французские социалисты. «Из парижской жизни». «Санкт-Петербургские ведомости». 13 ноября 1869.
10. Вырубов Г.Н. Французские демократы. «Из парижской жизни». «Санкт-Петербургские ведомости». 18 января 1870 г.
11. Вырубов Г.Н. Парижские масоны. «Из парижской жизни». «Санкт-Петербурские Ведомости». 4 мая 1872 г.
12. Вырубов Г.Н. Речь памяти Ивана Сергеевича Тургенева 4 сентября 1883 г. Литературное наследство. Том 76. Тургенев И. С. Новые материалы и исследования. М., Изд-во АН СССР, 1967. Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wyrubow_g_n/text_1883_turgenev.shtml (Дата обращения: 22.02.2024).
13. Вырубов Григорий Николаевич. Записка об устройстве Императорского Александровского лицея и программа преподавания в нем. СПб., 1898.
14. Вырубов Г.Н. Циркулярное письмо // Записка об устройстве Императорского александровского лицея и программах преподавания в нем. Спб. 1898.

[1] «Пролетариат в России», «Русский коммунизм», «Россия скептическая», «Русское духовенство», «Пьянство в России», «Два месяца между Европой и Азией», «Восточный вопрос», «Письма из Азии», «Восточная война», «Восточный вопрос и Берлинский договор», «Письма из России», «Россия в прошлом и настоящем», «Определенное и вероятное, абсолютное и относительное», Современные теории «Ничто»: Шопенгауэр, Леопарди, Хартманн», «Метафизическая концепция универсальной жизни», «Об индивиде в неорганическом царстве», «О методе в статистике», «О классификации в социологии», «Антропология, какая она есть и какой она должна быть», «Социология и ее метод», *фр.*

15. Вырубов Г.Н. Школьные воспоминания. Александровский лицей // Вестник Европы. 1910. № 1, январь.
16. Вырубов Г. Н. Школьные воспоминания. Московский университет // Вестник Европы. 1910, № 2, февраль.
17. Вырубов Г. Н. Военные воспоминания // «Вестник Европы». 1911, № 2, февраль.
18. Вырубов Г. Н. Революционные воспоминания. Герцен, Бакунин, Лавров. «Вестник Европы». 1913. № 1-2, январь-февраль. Цит. по: Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Революционные воспоминания_(Вырубов) (Дата обращения: 22.02.2024).
19. Вырубов Н. В. Дар. Лицейские реликвии в собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина // Библиотека Всероссийского музея Пушкина, СПб. Режим доступа: https://www.museumpushkin-lib.ru/publikacii-sotrudnikov/smirnova-s-l/liceskie-relikvii/ (Дата обращения: 22.02.2024).
20. Рязанов Эльдар. Парижские тайны. Док. фильм «Николай Васильевич Вырубов». Текст: 30-38 мин.
21. Герой французского освобождения, русский дворянин Николай Васильевич Вырубов. Источники и исследования. М., Издательский Дом ЯСК, 2021.
22. Де Роберти Е.В. Памяти духовного вождя // «Вестник Европы». 1914. № 1. С. 355-366.
23. Зайцева Е.А., Любина Г.И. Григорий Николаевич Вырубов. 1843-1913. М., Наука, 2006.
24. Итенберг Б.С. Аристократ, богач и ученый // Россия и Парижская коммуна, М., 1971. 202 с.
25. Ковалевский М. М. Памяти Г. Н. Вырубова // Газета «Русские ведомости». 1913. № 277. 1 декабря.
26. Миненков Г.Я. Введение в историю русской социологии. Мн.: ЗАО «Экономпресс», 2000. Режим доступа: https://studfile.net/preview/9717589/ (Дата обращения: 22.02.2024).
27. Тимирязев. К.А. Григорий Николаевич Вырубов. Обрывки личных воспоминаний // Собрание сочинений в 10 томах. М., Сельхозгиз. Т. 9. 1939.
28. Raeff Marc. Understanding imperial Russia. New Jork. Columbia University Press, 1984. 248 p.

2.9. РОЛЬ КИНОДИСКУРСА В ФОРМИРОВАНИИ КАРТИНЫ МИРА ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ

Межкультурная коммуникация как наука направлена на изучение коммуникативного взаимодействия представителей разных культур и на разрешение коммуникативных неудач. Другими словами, ее главная цель – интеракция носителей разных культур. В рамках данной дисциплины под культурой подразумеваются не только материальные объекты (предметы искусства, быта), но в и первую очередь нематериальное, т.е. ценности, традиции, привычки, стереотипы, нормы поведения. В широком смысле слова культура представляет собой систему мировоззрений, ценностей и миропонимания определенной нации. Следовательно, для реализации взаимодействия носителей разных культур необходимо, прежде всего, иметь не просто общее представление о культуре одного из коммуникантов, но владеть знаниями о ней.

Таким образом, современная интерпретация межкультурной коммуникации характеризует данную научную область как динамическую систему интеракции субъекта с миром, как целостность внутренней

(процесс концептуализации и категоризации) и внешней деятельности (предметность конкретной сферы). Особая роль в этом взаимодействии принадлежит языку. С.Г. Тер-Минасова пишет, что «язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [Тер-Минасова, 2000, с.13]. Такая сложная организация определяет становление интегративного объекта исследования, охватывающего и субъекта деятельности, и предметность, и совокупность внешней и внутренней деятельностей.

В настоящее время англоязычное кино обладает огромной популярностью по нескольким причинам. Во-первых, появляется возможность узнавать что-то новое и расширять свой кругозор в языковом плане. Во-вторых, так или иначе любой фильм является отражением общественного мнения на происходящие события, поскольку в нем затрагиваются актуальные вопросы современности. В-третьих, кино репрезентирует характерные черты той или иной культуры, воссоздает ценностную картину мира. Данные факторы влияют на интерес лингвистического исследования к англоязычному кинематографу, а именно к его языковой составляющей.

В связи с вышесказанным необходимо обозначить, что *основным терминологическим аппаратом нашего исследования* являются понятия кинодискурс, англоязычная кинематографическая картина мира, межкультурная коммуникация, язык. Исследование кинодискурса носит междисциплинарный характер. Известно, что данное явление изучается в семиотике, в психологии, в философии, в социологии, в лингвокультурологии, в теории и практике переводоведения, в межкультурной коммуникации и в многих других областях. Изучению кинодискурса посвящены работы большого количества ученых, в той или иной мере касавшихся проблем языковых и культурных взаимодействий в данной области (Лотман Ю.М., Сорока Ю.Г., Цивьян Ю.Г., Иванова Е.Б., Зарецкая А.Н., Слышкин Г.Г., С. Джевитт, Дж.А. Бейтман, К. Ценг и др.). Кинодискурс, по мнению исследователей, выступает как комплексное, гетерогенное, многоаспектное образование со сложной структурой [Духовная, 2018, с. 47-48]. С одной стороны, данный феномен рассматривается как обладающий динамикой процесс корреляции кинореципиента и автора, реализующийся в межъязыковом и межкультурном областях посредством киноязыка, основными свойствами которого являются интертекстуальность, контекстуальность значения, множественность адресата, синтетичность и иконическая точность [Назмутдинова, 2008, с. 7]. С другой стороны, под кинодискурсом подразумевается креолизованное образование с такими свойствами, как целостность, связность, информативность и медийность [Зарецкая, 2012]. Кинодискурс характеризуется симбиозом вербального и невербального

компонентов когнитивно-коммуникативного направления. Отдельного внимания заслуживает разграничение отечественными учеными понятий «кинотекст», «кинодиалог» и «кинодискурс». Кинодиалог рассматривается как вербальный компонент кино, содержащий смысловую нагрузку [Зарецкая, 2010, с. 5], а кинотекст является фрагментом кинодискурса [Самкова, 2011, с. 137]. Структура кинодискурса обладает иерархической последовательностью: кинотекст, дискурс кинофильма, кинодиалог, киноречь, субтитры [Духовная, 2015].

В зарубежной лингвистике данное явление трактуется как разновидность мультимодального дискурса. Согласно мнению немецкого ученого Дж. А. Бейтмана, истолкование кинодискурса сводится к пониманию фильма вследствие когнитивной деятельности реципиента. При этом когнитивная деятельность реципиента зависит от дискурсивной природы кино и от субъективного восприятия реципиента, детерминированного его опытом, знаниями и чувствами [Bateman, 2019]. Некоторые итальянские и голландские лингвисты осуществляют мультимедийный дискурс-анализ, основываясь на динамической сущности кинодискурса. Они вводят понятие «динамический контекст» в научный обиход и применяют контекстно-ориентированный принцип, в котором на первый план выдвигается воздействие контекста дискурса и динамических изменений на процесс декодирования [Wildfeuer, Pollaroli, 2018]. Для декодирования смысловой нагрузки предлагается метод идентификации кинематографических метафор (FILMIP) [Šorm, Steen, 2018].

Иначе говоря, концепция изучения кинодискурса отечественными исследователями базируется на интеграции когнитивно-дискурсивной и логико-семиотической парадигм с учетом психологических и культурологических особенностей в процессе коммуникации, в то время как зарубежные ученые выдвигают на первый план мультимодальный анализ (мультимодальный дискурс-анализ). Зарубежные исследователи полагают, что семантика кинодискурса воссоздается мультимодально, в то время как для отечественных языковедов кинодискурс понимается как полипарадигмальный объект. Кинодискурс в современной традиции рассматривается как поликодовое когнитивное и коммуникативное формирование, основанное на цельности, завершенности, связности вербальных и невербальных единиц для реализации авторского целеполагания за счет синергии с кинорецепиентом.

Исходя из вышесказанного, к ключевым особенностям кинодискурса можно отнести такие, как:

- ✓ Культурно-историческая составляющая;
- ✓ Мультимодальность;
- ✓ Коммуникативная и прагматическая направленности;
- ✓ Сосуществование в процессе взаимодействия вербального и невербального компонентов в качестве единого средства выражения смысла;
- ✓ Дискурсивная неоднородность;
- ✓ Интерсемиозис;

✓ Зависимость от психологических и социологических аспектов.

Мультимодальность понимается как средство реализации предмета, материализующегося в разных модусах. Модус может быть любой системой значения, соответствующей той или иной культуре. Другими словами, к модусу относят звук, жест, интонацию, эффекты и т. д.

Необходимо отметить, что любой кинодискурс представляет собой репрезентацию системы ценностей своего народа сквозь призму авторского восприятия и познания окружающей действительности. Он отражает внутренние переживания общества, его цели, интересы, культуру, историю, морально-нравственные принципы. Кинодискурс в значительной степени является и авторской интерпретацией видения мира, обладающей определенным способом трансляции информации и некоторой стереотипностью. Иными словами, кинодискурс «зеркально» отображает картину мира автора за счет субъективных факторов, к которым можно отнести авторскую позицию (позицию команды создателей кинофильма), актерскую игру, поскольку актеру выражают не только авторский посыл, но и собственный, который накладывается на авторское мнение.

С коммуникативно-прагматической точки зрения к основным функциям исследуемого феномена можно отнести репрезентирующую, формирующую, воздействующую, моделирующую и информационную. Репрезентирующая функция ориентирована на отражение авторского мнения и позиции актеров, а также на передачу системы ценностей, взглядов, зашифрованных посредством языковых средств. Формирующая функция фокусируется на формировании менталитета реципиента за счет репрезентированной концепции ценностей в кинопроизведении. Воздействующая функция осуществляет управление эмоциями и чувствами реципиента, вследствие чего аудитория становится более открытой для авторского влияния. Моделирующая функция выполняет особую роль, поскольку она конструирует модель картины мира целевой аудитории, оказывая частичное влияние на ее трансформацию. Другими словами, аудитория видит «авторский проект картины мира», но при этом авторская модель отражает современные проблемы общества, его законы, мироустройство в субъективной интерпретации. Информационная функция отвечает за передачу информации и ее обмен между участниками в процессе коммуникации. Таким образом, целесообразно говорить о существовании кинематографической картины мира как о проекции реальности в контексте авторского творения.

Англоязычный кинодискурс представляет собой комплексную систему мировоззрений, хранящую культурные коды наций, говорящих на английском языке, а также способную формировать ценностную картину мира для англоязычных носителей. Однако в связи с огромным количеством потока зарубежного кино во многие страны его влияние масштабно, поскольку любое кино транслирует культуру, ценности, менталитет. Следовательно, изучение англоязычного кинодискурса позволит расширить границы познания в направлении сотрудничества

между культурами, т.е. развить межкультурную компетенцию в условиях межкультурной коммуникации.

В процессе изучения англоязычного кинодискурса за 2023 год было выделено несколько тематических категорий с наиболее частой репрезентацией:

- ✓ Семейные проблемы;
- ✓ Подростковая жизнь;
- ✓ Спасение человечества;
- ✓ Глобальные катастрофы;
- ✓ Интерес к военным событиям прошлых лет;
- ✓ Супергерои;
- ✓ Паранормальные явления;
- ✓ История страны [Эл. ресурс]

Обращаясь к тематической составляющей англоязычного кинодискурса, следует выделить две основные тенденции. Во-первых, наблюдается интерес к интерпретации семейных проблем. Во-вторых, происходит смещение фокуса внимания на историю конкретных стран, в частности, США, Великобритании, а также на их роли в мироустройстве.

Для проведения комплексного анализа англоязычного дискурса был разработан соответствующий алгоритм анализа, который содержит в себе несколько взаимосвязанных этапов. Начальный этап связан с отбором материала согласно нескольким критериям. Во-первых, одобрение кинофильма критиками; во-вторых, отзывы аудитории; в-третьих, успех кинопроката в мире. Вышеперечисленные факторы важны, поскольку показывают, каким образом фильм принят в мире. Более того одобрение критиками и аудиторией позволяет говорить об адекватности ценностной картины мира, интерпретированной в фильме.

Далее рассматриваются отдельно лингвостилистические особенности и культурологическая специфика, осуществляется анализ лингвокультурологических характеристик и концептуальных оснований. Исходя из мониторинга СМИ, фильм «Пережитки» (“The Holdovers”), 2023 года является самым успешным. Его тепло воспринимают кинокритики, аудитория и западное киносообщество. Подтверждением вышесказанного служит наличие большого количества наград и премий [Эл.ресурс]. В данной кинокартине повествуется история о трех абсолютно разных персонажах. Каждый из которых переживает свою душевную драму. События разворачиваются в семидесятые годы в Новой Англии в период рождественских каникул.

Любой фильм обладает характерными чертами, которые позволяют выделить его среди остальных. Отличительные особенности изучаемой кинокартины можно разделить согласно их лингвостилистической специфике и культурологической обусловленности.

Лингвостилистическая специфика проявляется в следующих аспектах:

- Вульгарный юмор;

- Нецензурная лексика;
- Сленг (blow up history, all right, layabouts);
- Модальные глаголы (can)
- Сокращенные формы (we’re, you’ll, it’s been)
- Пассивные конструкции (are dismissed, am supposed, will be afforded, is withheld)
- Субстантивированные прилагательные (the poor, the helpless)
- Эпитеты (outstanding, powerful, fascinating)
- Present Perfect, Past Simple, Future Simple, Future Continuous (happened, have been married, will be following, will clean
- Фразовые глаголы (end up, hold over, put down)
- Сравнение (like monk)
- Вербализация концептуальной метафоры (life is a henhouse ladder)

Выявление лингвостилистических черт позволяет говорить о превалировании разговорного стиля, тенденции к упрощению речи, но при этом в языке репрезентируется стилистически окрашенная лексика и присутствуют языковые средства выражения, отвечающие за образную составляющую, которые несут основную идейно-содержательную нагрузку. Таким образом, акцент приходится на образный компонент.

Для изучения лингвокультурологических особенностей сначала необходимо проанализировать базовый слой, который содержится в ключевой концептуальной сущности, репрезентированной названием кинокартины – “holdovers”. Информационный компонент обладает следующим содержанием:

- a person or thing that continues from an earlier time, especially a person who continues in an organization after other people have been replaced[Online Cambridge dictionary, 2023] (человек или вещь, которые сохранились с более раннего времени, особенно человек, который продолжает работать в организации после замены других людей);
- an official who remains in office after his term (должностное лицо, которое остается на своем посту по истечении срока полномочий);
- something that has survived from the past (что-то, что сохранилось из прошлого);
- something that has stuck around for a long time [Online dictionary, 2023.Эл. ресурс] (что-то, что сохранялось в течение длительного времени)

Рассмотрение информационного компонента базового слоя позволяет сформулировать ключевую характеристику кинокартины, связанную с акцентированием внимания на прошлом, локус кинокартины сосредоточен на прошедших событиях и прошлом времени. Ценностная картина мира и картина мира окружающей действительности реализуются сквозь призму ретроспективного обзора. Такой контраст апеллирует к ассоциативному мышлению, порождая различные яркие образы и стереотипы.

В ядро концепта входят следующие содержательные компоненты: loneliness (одиночество), troubles (проблемы), losers (неудачники), past

(прошлое), Christmas (Рождество), априори содержащие отрицательные коннотации, за исключением двух последних. Каждый из языковых элементов несет определенный ассоциативный код, хранящий и значения, и формы репрезентации. Например, языковая единица “loneliness” провоцирует воспоминания о событиях, обстоятельствах, которые вызвали это ощущение, а также возрождает образ человека, из-за которого возникает это чувство. Так, возвращаясь к ядру концепта, необходимо отметить несколько основных аспектов:

содержит информацию о конкретном временном периоде (past, Christmas);

- отражает негативное эмоциональное состояние человека (loneliness);
- репрезентирует конкретную установку общества (loser);
- указывает на наличие трудностей (problem).

Таким образом, ядро концепта формирует основные критерии для построения образной составляющей, состоящей из различных структурированных предикаций, отражающих конкретные концептуальные признаки.

Периферия концепта более разнообразна, поскольку не только отражает разные содержательные аспекты ядра, но и расширяет их границы за счет дополнительных признаков экстралингвистического характера (культура, опыт, мировоззрение, менталитет и т.д.).

Так, периферию ядра концепта можно распределить на определенные группы согласно значениям языковых единиц:

1. Единицы, указывающие на проблемы общества: divorce (развод), broken body and spirit (сломленный дух и тело), miss one’s family (скучать по семье),

2. Единицы, описывающие состояние, эмоции и чувства: shocked (шокированный), exhausting (изнеможденный), insecure sociopath (опасный социопат), lonely (одинокий), disappointment (разочарование), uncomprehending (непонимающий)

3. Единицы, характеризующие общество: shallow mind (узкое мышление), rich (богатый), dumb (глупый), insightful (проницательный), no friends (нет друзей), can’t dream (не может мечтать), weary (усталый), civil disobedience (гражданский протест), unwavering (непоколебимый), poor (бедный), helpless (беспомощный)

4. Единицы, содержащие сравнительные характеристики для страны: gracious kingdom (милосердное королевство)

5. Единицы, отражающие нужды общества: good education (хорошее образование), produce one man of good character (воспитать настоящего человека), come to senses (обретать здравый смысл)

6. Единицы, репрезентирующие философию: not for ourselves we are born (мы рождены не для себя), adversity builds the character (невзгоды формируют характер), be your own man (быть самим собой), not like our parents (не похожи на родителей)

7. Единицы, отражающие стереотипное мышление общества: rich and dumb get everything (богатые и глупые получают все)

8. Единицы, отражающие философию жизни: life is a henhouse ladder (жизнь – это лестница в курятнике).

Периферия концепта “holdovers” позволяет сформировать целостный и комплексный образ англоязычного общества. Необходимо отметить, что большая часть языковых единиц обладает отрицательной коннотацией, в частности, эти элементы относятся к эмоционально-чувственной сфере. Создается образ истощенной личности, погруженной в состояние одиночества, недопонимания и разочарования. Отсутствие настоящей дружбы, теплых семейных взаимоотношений влияет на внутреннее состояние человека и его мироощущение. Человек предстает сломленным физически и духовно. Поднимается социальная проблема, связанная с материальной стороной – разделение на богатых и бедных, вседозволенность обеспеченного слоя населения. Следует подчеркнуть, что сама идея стереотипна, потому что данная установка реализуется уже давно и не прекращает свое существование. Отдельного внимания заслуживают потребности общества, поскольку они связаны с образовательной системой и воспитательной деятельностью. Следовательно, реализуется идея взаимодействия образования и воспитания. Не менее значимым аспектом является проблематика философии личности: подчеркивается важность сильного характера, который человек приобретает в результате преодоления трудностей (adversity builds the character); прослеживается тенденция к принятию себя вне зависимости от недостатков (be your own man); реализуется идея о том, что дети не похожи на родителей (not like our parents). Достаточно интересно интерпретируется создателями фильма и собственное видение своей страны (gracious kingdom). Так, обращаясь к значению слова “ gracious” можно найти следующие трактовки:

- marked by kindness and courtesy (выделяющийся добротой и вежливостью)
- characterized by charm, good taste, generosity of spirit, and the tasteful leisure of wealth and good breeding (характеризуется обаянием, хорошим вкусом, душевной щедростью и приятным досугом, присущим богатству и хорошему воспитанию)
- merciful, compassionate (милосердный, сострадательный) [Merriam Webster’s Online Dictionary, 2023. Эл. ресурс]

Все вышеуказанные значения обладают положительной характеристикой, что позволяет утверждать о наличии у англоязычного общества любви к своей родине, несмотря на проблемы, которые они упоминают в фильме.

Не менее важную роль в периферии концепта играет и репрезентация концептуальной метафоры “Life is a henhouse ladder”. Идея, лежащая в основе концептуальной метафоры, заключается в том, что каждый живет в

своем маленьком пространстве с определенными ограничениями и движется по своей траектории.

Таким образом, обращение к анализу кинодискурса в его лингвистических аспектах позволяет выявить важные характеристики процессов репрезентации лингвокультурных особенностей различных социумов, трансляции ценностей из одной культуры в другую, способов формирования и трансформации картин мира.

Список литературы

1. Духовная Т.В. Субтитры как элемент кинодискурса: лингвистический и паралингвистический аспекты: дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2018. С. 47-48.
2. Зарецкая А.Н. особенности реализации подтекста в кинодискурсе: монография. Челябинск, Абрис 2012. 192 с.
3. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2010. С. 5.
4. Назмутдинова С.С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса) автореф.дис.канд филол. Наук. Тверь, 2008. 18с.
5. Самкова М.А. Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. №1(8). С.135-137.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 146с.
7. Bateman J.A. Multimodality and Matriality // Poetics Today. 2019. № 40 (2)
8. Šorm E., Steen G. VISMIP: Towards a method for visual methaphor identification // Converging Evidence in Language and Communication Research. 2018. Vol. 18: Visual Metaphor. Bort-Mir L. Developing, applying and testing FILMIP: the filmic metaphor identification procedure. L.: Routledge, 2019. Pp. 47–88.
9. Wildfeuer J., Pollaroli C. When context changes: the need for a dynamic notion of context in multimodal argumentation // International Review of Pragmatics. 2018. № 10 (2)
10. Merriam Webster dictionary online. [Электронный ресурс]. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/gracious (accessed 09.04.2024)
11. Online dictionary. (https://www.vocabulary.com/dictionary/holdover) (accessed 09.04.2024)
12. Online dictionary Cambridge. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/holdover (accessed 09.04.2024)
13. The Guardian's 50 Best Films of 2023 in the UK URL: https://www.theguardian.com/film/2023/nov/11/nostalgia-has-consumed-pop-culture-but-the-holdovers-does-something-special (accessed 09.04.2024)
14. Rating top 50 best films of 2023 year [Электронный ресурс]. URL: https://www.imdb.com/list/ls566239961/ (accessed 15.05.2024)
15. Polygon. The 50 best movies of 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.polygon.com/what-to-watch/23597815/best-movies-2023 (accessed 09.04.2024)
16. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/film/2023/dec/05/the-50-best-films-of-2023-in-the-uk (accessed 18.03.2024)
17. Sight and sound poll: The 50 best films of 2023. URL: https://www.yearendlists.com/2023/sight-sound-poll-the-50-best-films-of-2023 (accessed 09.04.2024)
18. UK. Poll The 50 best films of 2023. URL: https://www.bfi.org.uk/sight-and-sound/polls/50-best-films-2023 (accessed 09.04.2024)
19. Online platform streamm4u.to URL: https://streamm4u.to/watch-the-holdovers-2023-y6yab (accessed 12.04.2024)

ГЛАВА 3. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР В СВЕТЕ ТЕОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

3.1. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В основе межкультурной коммуникации лежит знание культурной специфики «своего» и «чужого» языков, культурных кодов, вербализованных в языковых фактах, понимание того, какие культурные смыслы стоят за лексемами того или иного языка. При культурологическом подходе к изучению языковых фактов нас интересует бытование той или иной лексемы в языковом сознании представителей национального лингвокультурного сообщества, вербализуемое в переносных значениях данной единицы, во фразеологии, в паремиях. При вторичном использовании языкового знака он нередко наделяется культурологической информацией, объективирующей особенности восприятия окружающего мира тем или иным этносом. В результате вторичные номинации становятся репрезентантами этнокультурной специфики, которая связана с тем или иным общим для разных культур образом. Поэтому «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры» Светлана Григорьевна Тер-Минасова относила к компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску [Тер-Минасова, 2000, с. 28].

Любая лингвокультура характеризуется наличием системы эталонов, символов и стереотипов, в которых отражаются нормативные представления того или иного этноса о каком-либо явлении. В них находит отражение когнитивный опыт представителей этой этнокультуры. Они транслируют миропонимание данного народа, его систему норм и представлений об окружающем мире и человеке, «воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [Телия, 1996, с. 233] и имплицитно содержат оценку и предписание. «Символы вместе со стереотипами и эталонами составляют ту прагматическую надстройку, знание которой необходимо каждому, кто нацелен на диалог культур, на эффективную межэтническую коммуникацию» [Маркова, 2014, с. 208]. Сложность межславянского диалога культур в том, что общая в формальном отношении лексика славянских языков характеризуется неравномерностью ее смыслового, метафорического, символического развития. Полноценное межкультурное общение связано со знанием и адекватным использованием идиоматических средств языка, выражающих систему эталонов и символов. Поэтому составной частью современной теории межкультурной (в том числе межславянской) коммуникации становится коммуникативно-прагматический аспект сопоставительной лингвокультурологии, который

имеет не только теоретическое, но и лингводидактическое значение, ибо «каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием (опять же и н о с т р а н н ы м, если слово иностранное) представление о мире» [Тер-Минасова, 2000, с. 24].

Для иллюстрации русско-чешских лингвокультурных различий мы выбрали наиболее значимые для характеристики человека оппозиции: «молодой» – «старый» (физическое состояние человека), «глупый» – «умный» (умственное состояние), «прямой» – «кривой» (поведенческая составляющая). В номинациях человека оценочный компонент выступает на первый план, о чем свидетельствует приведенный ниже иллюстративный материал.

«Молодой» – «старый» являются крайними возрастными оппозициями, воспринимаемыми в качестве антинормы по отношению к среднему, зрелому, возрасту, они оказались наиболее актуализированными в средствах вторичной номинации.

Высокий рост подростков и в то же время умственная незрелость, неразвитость, отсутствие ума, жизненного опыта подчеркивается с помощью таких отрицательно окрашенных номинантов, как рус. *дубина*, *болван*, *каланча*, чеш. *trdlo* ‘дубина’, *bidlo* ‘жердь, шест’, *klacek* ‘каланча, балбес’ (от *klacek* ‘дубина, палка’), чеш. *dlouhán* (от *dlouhý* ‘длинный’), чеш. *čahoun* ‘верзила’ (от *čouhat* ‘торчать, высовываться’), *trumbera*, *trulant* ‘болван, балбес’ из ‘труба’ (‘музыкальный инструмент, издающий пустой звук’); *trouba* ‘олух, болван’ (из *trouba* ‘труба’) [Klégr, 2007].

С другой стороны, для наименования молодых людей также актуален растительный код, при помощи которого экспрессивно выражается стройность, красота, цветущий вид молодых: напр. рус. *березка* ‘молодая стройная женщина’, *ромашка* – ‘наивная, романтичная девушка’, *дубок* о крепком парне, молодом человеке – символизируют собой молодость, красоту, силу. Здоровье молодого человека в чешской культурной традиции подчеркивается с помощью сравнения с буком, деревом, символизирующим силу, здоровье, мощь: *kluk / chlapec zdravý jako buk* (букв. ‘здоровый как бук’); *roste jako buk* (букв. ‘растет как бук’). С пихтой, обозначаемой в чешском языке лексемой *jedle* (рус. *ель*), ассоциируется стройность и высокий рост молодых мужчин: *hoch jako jedle* ‘статный парень’ (букв. ‘парень как ель, пихта’), *urostlý jako jedle* ‘рослый как пихта’ [Čermák, Hronek, 2009].

Красота, привлекательность девушки ассоциируется у русских с чем-то сладким и легким, что выражено словом *конфетка*. Близкий этому образ и в основе компаратива *divče* / *kluk jako cumel* (букв. ‘девушка / парень как карамелька, леденец’) [Čermák, Hronek, 2009], характеризующего симпатичную девушку или молодого человека.

Старость, как правило, оценивается отрицательно, в качестве переносных названий старых людей в сравниваемых языках активно используется артефактный код культуры: рус. *старая перечница*, *старая*

кастрюля и чеш. *stará škatule* (‘старая шкатулка’), представляющие собой переосмысленные названия емкостей, закрытых вместилищ; рус. *реликт* – чеш. *vykopávka* ‘археологическая ценность’ (по отношению к старому человеку) [Klégr, 2007], выражающие сравнение с древними, ветхими предметами, пролежавшими долгое время в земле.

Вместе с тем встречаются и образные спецификации: рус. *старая калоша, старый лапоть* (реализующие обувную метафору), *старый пень, старая кочерга* (подчеркивающие признаки изношенности, трухлявости и согнутости старого человека), чеш. *škeble* ‘ракушка, беззубка’ (указывающее на признак отсутствия зубов у стариков), *staré trdlo* ‘старый дурак’ (актуализирующем глупость, передающуюся с помощью деревянной метафоры, т. к. восходит к *trdlo* ‘деревянный инструмент для растирания мака’, восходящего к *třít* ‘тереть’) [Rejzek, 2001, с. 672].

О старом человеке русские образно и шутливо говорят: *из него песок сыплется*. Выражение является калькой с англ. *the sands are running out*, которое, скорее всего, связано с другими языковыми обозначениями старения как биологического процесса (*рассыпается, развинтился, развалился, расклеился*) [Бирих и др., 2005, с. 528]. На основе этого оборота образовано сочетание *старая песочница*, так же как глагол *развалился* послужил основой агентива *старая развалина*. По отношению к старому, немощному, ни на что не годному человеку употребительно и выражение *мышей не топчет*, а также *вышел в тираж*, т. е. ‘стал непригоден к чему-л. по старости’ [там же, с.193].

Для образного наименования старых людей в разных языках типичным является фитонимический код, основанный на сравнении пожилого человека с высохшим несъедобным грибом, старой, высохшей травой: рус. *мухомор, божий одуванчик*, чеш. *jako věchýtek* ‘как пучок соломы, как соломинка’. Еще бодрящийся старичок сравнивается в разных лингвокультурах с перцем: рус. *(старый) перец, старый хрен* – чеш. *paprika*. Задействована во вторичных названиях пожилых людей и зоонимическая метафора: ср. рус. *старая кляча, старая лошадь, старая корова, старый козел*, чеш. *starý kozel, stará koza*, престарелого ловеласа в обоих культурах сравнивают с *котом облезлым* – чеш. *opelichaný kocour*.

Лексика и фразеология, номинирующая неумных людей, составляет огромный массив в экспрессивном фонде любого языка. При этом важно следующее: «оценка объекта номинации – глупого человека – гораздо меньше зависит от каких-либо культурных обстоятельств», чем представления о прочих характеристиках человека [Березович, Леонтьева, 2004, с.369]. Универсальными для реализации значения глупости в разных языках является целый ряд базовых метафор, или культурных кодов: соматический, артефактный, фитонимический, зоонимический, речевой, социальный, кулинарно-гастрономический, технический и др. В действии единообразных моделей семантического переноса выражается универсальность мышления человека. Вместе с тем их различное образное наполнение свидетельствует о специфике видения мира представителями того или

иного этноса, обусловленной их национально-культурными особенностями.

Во многих языках для образного, сниженного, иронического наименования головы как «вместилища» ума с целью показать его отсутствие используются названия различных предметов, напоминающих по форме голову: наблюдается переход «горшок», «лубок», «плод круглой формы» → «голова» как «пустая голова», «голова без мозгов». «Голову» в русском языке называют *котелком, тыквой, маковкой, грушей, ящиком*, в чешском – *palice* ‘молот’, ‘початок (кукурузы)’, *kotrba* ‘торчащая’, ‘торчок’, *bedna* ‘ящик, абажур’(от которого возможны даже дериваты *zabedněný, zabeděnec* ‘глупый, дурак’), *koule* ‘шар’, *tágo* ‘бильярдный кий’ (в сочетании *blbý jako tágo* ‘тупой как бильярдный кий’), *kokos* ‘кокос’, *ořech* ‘орех’, *kebule* (возможно, как контаминация нем. арг. *Köpel* от *Kopf* ‘голова’ и *cibule* ‘лук, луковица’, а также ‘маковка’), *šiška* ‘шишка’, *makovice* ‘маковка’ (‘головка мака’), *kedlubna* ‘капуста кольраби’, *bluma, slíva* ‘слива’, *lemon, lemoun* ‘лимон’, *bambula* ‘недотепа’ (из *bambule* ‘помпон от шапочки’) [Klégr, 2007], а в романских языках еще и ‘яблоком’, ‘дыней’, ‘шаром’, ‘ведром’, даже ‘скрипкой’.

Во фразеологизмах, номинирующих неумного человека, закреплен перенос «покрытие, верхняя часть» → «голова», причем для характеристики глупца используется образ сдвинувшейся, пришедшей в движении крыши, башни и т. п.: рус. *крыша, башня* в выражениях *башню снесло, крыша поехала* (о человеке, совершающем глупые, безрассудные поступки), чеш. *věž* во фраземе *straší mu ve věži* (букв. ‘у него нечисто в башне’).

Идея глупости конкретизируется мотивами беспорядка, смещения, недостатка, нарушения целостности, порядка, нарушение траектории движения, поломки механизма и др.: *мозги набекрень*; *сойти с ума*; *умом тронуться; спятить* (букв. ‘пойти назад’); *шарики за ролики зашли, сдвиг по фазе, шариков / винтиков не хватает, съехать с рельс*; чеш. *mluvit z cesty* ‘спятить’ (букв. ‘говорить с дороги’), чеш. *haraší mu v kouli* (букв. 'у него звенит / гремит в шаре’); чеш. *ruplo* (*luplo / prasklo*) *mu v kouli* (*v bedně*) (‘у него треснуло / лопнуло в шаре / ящике’). Подобная деформация может быть связана с ударом по голове, что отражают такие вторичные номинации, возникшие на стыке метафор, как рус. *пыльным мешком ударенный* – чеш. *pytlem praštěný* ‘мешком ударенный’, а также *praštěný pavlačí* ‘ударенный галереей, балкой’ [Klégr, 2007].

Картину разрухи и беспорядка при языковой разработке образа дурака дополняет еще одна важная тема: тема отсутствия в доме полной семьи (*не все дома*, чеш. *nemít všech pět pohromadě* ‘не иметь все пять вместе’), отсутствия главного человека в государстве (рус. *без царя в голове*), а также присутствия в нем нечистой силы (напр., в чеш. *šplouchá mu na maják* (‘у него нечисто в башне’).

Используется для разработки образа неумного человека и фитонимический код, реализуемый моделью: «растение» → «человек»:

напр., рус. *лопух*. Растительная метафора близка ландшафтной, задействующей образ темного, непроходимого леса: *темный лес, как в темном лесу, тундра* (о глупом человеке). В рамках растительного кода актуализируется «деревянная» метафора: *дубовая голова, еловая голова, голова садовая, здравствуй, дерево!* и др. Для актуализации образа дурака типичным для славянских языков является сравнение человека с дубом. Дуб не только символ крепости, мощи в славянской языковой картине мира, но и символ тупости, глупости из-за гулкого, тупого звука при ударе о древесину дуба, неподвижность дерева: рус. *дуб дубом* ‘о тупом человеке’, *дубиной* называют тупого человека; чеш. *má dubovou hlavu* ‘твердолобый’, *dubová palice / hlava* ‘дубовая голова, башка’ (ср. гоголевское *дубинноголовая* о Коробочке); *hloupý jako dub* (‘глупый как дуб’).

Другое направление развития древесной метафоры – подключение для выражения глупого человека образов деревьев с легкой древесиной, задействующих признак легковесности: *рус. тупой как пробка,* рус. *бамбук*.

Пень как ненужная, бесполезная часть дерева в метафорической проекции также актуализирует признаки негодности, трухлявости, аномалии (что усиливается признаком «торчащий»): рус. *пень,* чеш. *pařez* ‘пень, чурбан’, но и рус. *болван* (первоначально о дереве, торчащем из земли) чеш. *dlouhán* (от *dlouhý* ‘длинный’), чеш. *čahoun* ‘верзила’ (от *čouhat* ‘торчать, высовываться’) [Klégr, 2007].

На стыке «деревянной» и «артефактной» метафор возникла семантическая модель: «дубина, палка» → «глупый человек», реализуемая в русском языке вторичными номинантами *дубина*, *колода*, сюда же можно отнести *остолоп* как производное от *столп, столб* [Фасмер, 1986] и им соответствующие чеш. *bidlo* ‘жердь, шест’, *klacek* ‘каланча, балбес’ (от *klacek* ‘дубина, палка’). Полые изделия из дерева также становятся актуальными для наименования глупца, ср. чеш. *hloupý jako necky* ‘глупый как корыто’; *truhlík* ‘деревянный ящик (для углей, цветов)’ [Klégr, 2007].

Деревянными могут быть и орудия труда, наименования которых также втягиваются в рассматриваемое семантическое поле: разного рода колотушки, песты и другие «дубиноподобные», тупые предметы, имеющие утолщение на конце и напоминающие голову, могут ассоциироваться с глупым человеком: *орясина* ‘большая дубина, палка’, *колотушка* ‘глупая женщина’, чеш. *palice* ‘деревянный молот’, *prázdná palice* (букв. ‘пустой молот’ о тупом, упрямом человеке), чеш. *trdlo* ‘дубина’ (первоначально как ‘приспособление для растирания мака’, восходит к *třít* ‘тереть’ [Rejzek, 2001].

Деревянная метафора взаимодействует со строительной в разработке образа глупца: рус. *неотесанный, полено нестроганое, чурка с глазами, чурбан*, чеш. *blbý jako poleno* ‘тупой как полено’. Отсутствие ума у человека подчеркивается и с помощью замены его на мусор, отходы от производства, чаще всего древесные: рус. *у него в голове опилки, солома*;

голова мякиной набита; чеш. *má v hlavě piliny / drtiny / otruby* ‘у него голове опилки / стружки / отруби’.

На первый план могут выйти и функциональные характеристики предмета, что основано на представлении о том, что глупый человек способен выполнять только самую примитивную, простую, монотонную работу: отсюда метафоры на базе наименований долбящих орудий, которые могут быть сделаны не только из дерева, но и из других материалов: рус. *кувалда,* чеш. *palice* ‘молот’, а также на базе предметов, которые вбивают, что отражает чеш. *cvok* ‘ненормальный, помешанный’ (из первичного *cvok* ‘гвоздь’). Не только долбящие инструменты, но и крутящиеся части примитивных орудий используются для метафорической разработки образа дурака, что демонстрирует чеш. *motovidlo* ‘пентюх, увалень’ (первоначально ‘часть прялки для наматывания пряжи’, восходит к прасл. *мотать*), чеш. *vrták* ‘растяпа’ из первичного ‘сверло, бур’ [Rejzek, 2001]. Этнокультурное разделение в данном случае проявляется в том, что в русском языке образ дурака связан с долбящими орудиями, а в чешском – с крутящимися.

Со стороны речи глупца может характеризовать, с одной стороны, неспособность хорошо говорить, косноязычие, отсутствие вразумительных высказываний, что выражают сравнения с деревом, пнем в обоих языках, а также рус. (прост.) *ни бэ, ни мэ, ни кукареку* и чеш. *hloupý až bučí* (букв. ‘тупой до мычания’), рус. *мямля* и чеш. *mameluk, mamlas*. С другой стороны, дурака может отличать и пустая болтовня, ненужное многословие, что отражают номинации: рус. *бесструнная балалайка* и чеш. *třeštidlo* ‘сумасброд, вертушка’ (от *třeštit* ‘трещать, болтать, беситься’); рус. *молоть из пустого в порожнее* и чеш. mlít *voloviny* (от *vůl*) ‘молоть глупости’.

Артефактная метафора представлена во вторичных номинациях дурака семантической моделью: «головной убор, чехол, мешок» (как пустая емкость, упаковка, оболочка без содержимого) → «человек»: рус. *шляпа,* чеш. *čápice* ‘шапка (вязаная)’ в значении ‘глупая женщина’; рус. *мешок, тюфяк,* чеш. *balík* ‘пакет’ в значении ‘неотесанный человек, мешок’, *pytlík* ‘мешок’, *mezulán* ‘глупец’ (первоначально ‘вид дешевой хлопковой ткани’, вероятно, в развитии вторичного значения сыграла свою роль и звуковая ассоциация с *mezek* ‘ишак, лошак’) [Klégr, 2007].

Полые, имеющие пустую внутренность предметы нередко метафорически переосмысляются для обозначения неумного человека. Специфически чешской является ассоциация глупого человека с кишкой во фраземе: *učiněné střevo* (букв. ‘кишка законченная’). В противовес этому умный человек метафорически представлен как заполненное помещение, напр., рус. *у него ума палата* – чеш. *má fůru rozumu* (букв. ‘у него фура ума’) [Klégr, 2007].

Типичным для номинации дурака является сравнение с обувью. Использование «обувной» метафоры для обозначения глупости человека вполне естественно: в семантике слов, обозначающих виды обуви, импли-

цитно присутствует не только сема округлости, но и сема низа, сниженности, приземленности, которая дает негативные коннотации, т. к. обувь наиболее удалена от головы и является своеобразным антиподом последней (ср. рус. *валенок,* жарг. *башмак, калоша, туфля, тапочек, сапог*, чеш. *hloupý jako bota* ‘глупый как ботинок’, чеш. *bačkora* ‘тапочек’ (в значении ‘безвольный человек, простофиля, тюфяк’) [Čermák, Hronek, 2009].

Дихотомия «умный»-«глупый» метафорически связан с оппозицией «острый»-«тупой», ср. рус. *тупой* в значении ‘глупый’, выражение *круглый дурак*; чеш. *hloupý jako patník* (от *pata* ‘пятка’) ‘тупой как (каменная) тумба’.

Отдельные коды в метафорическом переосмыслении могут сочетаться, что нередко усиливает этнокультурную специфику. Взаимодействие «обувной» и «социальной» метафор проявляется, например, в следующих фраземах: рус. *как сибирский валенок, лапоть, лаптем щи хлебает*, чеш. *jako farařové boty* ‘как ботинки приходского священника’, чеш. *hloupý jako hovězí boty* ‘глупый как бычьи ботинки’. Актуализируются для наименования глупого человека и названия старой, поношенной обуви: напр., рус. *тупой как старый башмак*, чеш. *hloupý jako stare boty* ‘глупый как старые ботинки’ [Čermák, Hronek, 2009].

Широкую сеть вторичных номинаций традиционно представляют названия животных – зоонимы. Издавна человеческие качества сближались с теми или иными особенностями, приписываемыми животным, в частности, глупость ассоциируется в русском и чешском языковом сознании с такими животными, как *осел*, *баран*, (рабочая) *лошадь*, *курица* (чеш. *slepice*), вообще *птица*: ср. рус. *глуп как осел, как баран, как сивый мерин, баранья башка, куриные мозги*; чеш. *osel, moula, mezek* (осел, лошак), *kůň* ‘лошадь’, *beran* ‘баран’, *hlava skopová, skopovice* ‘баранья башка’, *jít jako ovce za beranem* ‘идти как овца за бараном’ (рус. *как стадо баранов*), *mít slepičí mozek* ‘иметь куриные мозги’, *ptačí mozeček* ‘птичий мозг’. Вместе с тем есть и спецификации в образной реализации зоонимического кода для выражения представления о глупом человеке. В русской лингвокультуре этот образ получает эталонное сравнение также с уткой: *доходит как до утки,* (грубо-прост., презр.) *вумная как вутка*, а в чешской – с образами гусыни (чеш. *hloupá husa* ‘дура’), вола (чеш. *vůl*), быка (*hovado*), верблюда (чеш. *verbloud*), а также молодого бычка – чеш. *bulík* переносно значит ‘болван, дурак’, что получило дальнейшее развитие во фраземе *věšet bulíky na nos* (букв. ‘вешать бычки на нос’, ср. с рус. *вешать лапшу на уши* или *водить за нос* ‘морочить голову’), откуда глагол *bulíkovat* ‘дурачить, морочить голову’ [Klégr, 2007].

Человеком подмечается и объективируется во вторичной номинации чаще всего то, что отклоняется от нормы, подлежит осуждению и порицанию. Поэтому все, что является нормой, оказывается неразработанным в языковом отношении. Нормой является наличие ума для человека, поэтому тема умного человека нашла гораздо меньше способов языковой реализации, нежели тема глупца.

Одним из стереотипных метафорических представлений об умном человеке является признак заполненности какого-либо вместилища, помещения умом: напр., в рус. *кладезь премудрости, бездна премудрости / учености, ума палата,* чеш. *má fůru rozumu* ‘у него вагон ума’.

Представления об умном человеке связаны и с большим лбом как вместилищем ума, напр., в рус. *семи пядей во лбу*, представляющем собой гиперболу. *Семь пядей* – мера высоты лба, *пядь* – расстояние между концами растянутых большого и указательного пальцев. По мнению А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, если понимать выражение буквально, то лоб человека, имеющий семь пядей, был бы высотой около полутора метров [Мелерович, Мокиенко, 2001, с. 557]. В образ также вкраплена числовая символика: число *семь* в универсальном мифологическом коде имеет ‘обобщенное значение большого множества’ [там же].

Национально специфическими образами представлен кулинарный код для обозначения умного, сообразительного человека в русском и чешском языках: ср. рус. *у кого голова / котелок / черепушка варит* – как результат сравнения процесса мышления с процессом приготовления пищи; чеш. *jedl vtipnou kaši* ‘ел остроумную кашу’ – как результат сравнения обогащения ума с процессом поглощения каши, которая обычно употребляется в больших количествах.

Своеобразной альтернативой идее незаполненности помещения, отсутствия полной семьи, выраженной в русской идиоме: *не все дома* и метафорически обозначающей отсутствие ума, является чеш. *má všech pět pohromadě* ‘у него все пятеро вместе’, символизирующее умного человека. В русской лингвокультуре идею ума символизировало раньше наличие в голове царя как главного человека в государстве, правителя государства: *с царем в голове* (в отличие от глупца, который *без царя в голове*). Сравнение с царем присутствует и в сравнении *мудрый как царь Соломон.*

Зоонимический код во вторичных номинациях умного, мудрого человека представлен сравнением со змеей, известным многим языкам, включая русский и чешский: рус. *мудрый как змея,* чеш. *chytrý jako had* ‘умный как змея’. Помимо этого, в чешской культуре к «умным» животным относятся также обезьяна и лиса: *chytrý jako opice* ‘умный как обезьяна’*/ jako stado opic* ‘как стадо обезьян’ / *jako liška* ‘как лиса’ [Čermák, Hronek, 2009]. Возможно, это связано с синкретизмом понятий «умный» и «хитрый, ловкий» в чешском языковом сознании (чеш. *chytrý* ‘умный’), и именно с хитростью ассоциируются прежде всего такие животные, как лиса и обезьяна.

Умный человек сравнивается в разных культурах и с чертом, дьяволом, что также связано, скорее, с хитростью, изобретательностью, присущим этому образу: рус. *умен как черт / бес / дьявол*; чеш. *chytrý jako čert / ďabel*. Национально специфическими сравнениями являются в русской культуре: *ходячая энциклопедия*, в чешской: *chytrý jako četník* (‘умный как жандарм’) / *jako policajt* (‘как полицейский’) / *jako advokát* (‘как адвокат’) / *jako žid* (‘как еврей’) [Čermák, Hronek, 2009].

Ассоциативная связь умного человека с евреем отмечается и в русской культурной традиции.

Оппозиция «прямой» – «кривой» в славянской языковой картине мира метафорически проецируется на поведение человека и ассоциируется, с одной стороны, с правильным, одобряемым обществом поведением, с другой – с неправильным, осуждаемым.

Лексемы *прямой* и *изогнутый, кривой,* являясь антонимами, развивают в славянских языках наряду с пространственными значениями ‘прямой’ и ‘изогнутый’ значения нормативно-оценочного характера: соответственно ‘откровенный, справедливый’ и ‘хитрый, неискренний’ [Маркова и др., 2020]. Указанный перенос произошел уже в древнерусском языке у слова *лука*, обозначающего «излучину, изгиб реки, часть суши, образуемую этим изгибом» и «хитрость», «обман» [Срезневский, 1958]. *Лука* как обозначение кривизны реки и ее берега, а затем качества человека послужило семантической и словообразовательной основой для слова *лукавство* ‘хитрость, неискренность’. Выражения *кривить душой*, *делать вкривь и вкось*, *пойти по кривой дорожке*, *куда кривая выведет*, *ходить вокруг да около*, *нести околесицу*, основанные на признаке кривизны, связаны с обозначением изворотливого, нечестного, непрямого в поступках и выражениях, нерадивого человека.

Фразеологизм *говорить без обиняков* означает ‘прямо’, что связано с семантикой слова *обиняки*, производного от *обвить*, также имеющего семантику изогнутости. «Неправильное» поведение мужа манифестируется чеш. *zahnout* и его русским эквивалентом *сходить налево* ‘изменить жене’, связанными с понятиями кривизны, отступления от правильного пути.

Слова-соматизмы с семантикой изогнутости, кривизны нередко получают переносное обозначение чего-л. неправильного, плохого в поведении человека, например, в составе устойчивых выражений: *выкидывать коленца* ‘вести себя неподобающим образом’, *корчить из себя что-л.*, *горбатого могила исправит*, *нечего на зеркало пенять, коли рожа крива*. Согнутое положение человека ассоциируется с его подобострастием, желанием услужить, что нашло выражение в таких оборотах, как *гнуть шею*, *на согнутых коленях*, *ползать на карачках*, *согнуться в три погибели* (при этом слово *погибель* также является производным от *гнуть*) [Бирих и др., 2005]. Некоторые фраземы с признаком «гнуть» подчеркивают агрессию, что тоже имеет пейоративную семантику: *согнуть в бараний рог*, *согнуть в дугу*, *подковы гнуть*, *гнуть свою линию*, *перегнуть палку*.

Анализ культурно значимых оппозиций и их метафорической разработки в русском языке на фоне другого славянского языка – чешского – помогает раскрыть единообразие и разнообразие видения мира славянами и специфику этого «видения» в русском языке, увидеть глубину происшедшего за полтора тысячелетия расхождения между русским и другим славянским языком, выявить возникшие за это время межкультурные различия, транслируемые языковыми средствами.

Исследуя своеобразие русского языка в плане отражения лексическими и фразеологическими средствами тех или иных участков действительности и ее познания, можно прийти к заключению о том, что би- и полилингвальное описание русского языка помогает не только создать более объемную, более богатую и яркую картину развития его лексического состава, но и продемонстрировать особенности национального представления о том или ином явлении, важном для осуществления свободной межъязыковой коммуникации.

Список литературы

1. Березович Е.Л., Леонтьева Т.В. Языковой образ дурака: этнолингвистический аспект // Язык культуры: семантика и грамматика. М.: Индрик, 2004. С. 368-383.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь // Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд-е, испр. и доп. М., 2005.
3. Большой фразеологический словарь русского языка // Под ред. В.Н. Телия. М., 2006.
4. Маркова Е.М., Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Ручина Л.И. и др. Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: Коллективная монография / под ред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 248 с.
5. Маркова Е.М. Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имен существительных). Монография. М.: ИИУ МГОУ. 2014. 312 с.
6. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. М., 2001. 856 с.
7. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. С.-Пб., 2003. 603 с.
8. Русский семантический словарь. В 3-х т. / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2002. 674 с.
9. Срезневский И. В. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 261 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., 2-е изд. М., 1986.
13. Klégr A. Tezaurus jazyka českého. Praha, 2007. 1189 s.
14. Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002. 659 s.
15. Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha, 2001. 752 s.
16. Čermák F., Hronek J. a kol. Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1. Přirovnání // Praha: Leda, 2009. Part I: 512 p., Part II: 552 p., Part III: 1248 p., Part IV: 1272 p.

3.2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Лингвокультурологический срез любого дискурса предполагает всестороннее изучение связи и взаимовлияния языка и культуры как единого целого механизма [Тер-Минасова, 2000, с. 17]. Таким образом, язык трактуется как инструмент, формирующий этнос и обеспечивающий ему целостность посредством хранения и передачи культуры, традиций и мировоззрения определенного лингвокультурного сообщества [Там же, 2000, с. 14].

Одним из наиболее ярких и показательных способов отражения лингвокультурологических представлений является метафора. Для многих крупных метафорологов связь метафоры, мышления и культуры является уже аксиомой, не требующей доказательств. Существует широкий спектр работ, наглядно доказавших данный факт [Lakoff, Johnson, 1985; Steen, 2008; Kövecses, 2005; Zinken, 2007]. Знаменитая теория концептуальной метафоры, выдвинутая Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, заложила основы для современного понимания процессов метафорической репрезентации интроцептивных ощущений, выдвинув базовую схему переноса салиентных признаков из сферы-источника в сферу-цели [Lakoff, Johnson, 1985]. Также в теории утверждается о «внедренности» метафор в мышление человека и их основанности на общих когнитивных моделях [Lakoff, Johnson, 1985, p. 27]. Дж. Стейн расширил понятие концептуальной метафоры и показал ее «трехмерность» в единстве лингвистического, концептуального и коммуникативного аспектов [Steen, 2008]. А благодаря Й. Зинкену, который ввел понятие дискурсивной метафоры, в современной метафорологии появился постулат о возможности индивидуальной трактовки и расширении уже имеющихся метафорических моделей [Zinken, 2007]. Об уникальности способов вербализации интероцептивного опыта также пишет А.В. Нагорная в монографии «Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений» [Нагорная, 2014, с. 322].

Метафора как зеркало отражает жизнь социума, используя культуру в качестве призмы для моделирования языковых репрезентаций. В любом обществе всегда находятся темы, которые не теряют свою значимость на протяжении многих поколений и остаются актуальными для изучения и по сей день. Такой темой является беременность и продолжение рода. Издревле беременность имела священный, сакральный характер для людей. Уже давно и прочно существует устоявшийся дискурс беременных в англоязычном и русскоязычном лингвокультурном пространствах, которые отличаются устоявшимся метафорическим «поведением», и, одновременно, креативностью в отношении уже существующих моделей.

Так, в англоязычном дискурсе беременных нами была выделена четко сформированная метафорическая модель БЕРЕМЕННОСТЬ – ПУТЕШЕСТВИЕ (pregnancy journey), которая отличается не только устойчивым характером существования, но и наличием многочисленных идиосинкразических расширений и интерпретаций. Однако, при изучении аналогичного русскоязычного дискурса нами не было выявлено столь развитых и устойчивых метафорических образований. Причина кроется в различных историко-культурных путях развития обществ и соответствующих представлений.

Если обратиться к истории восприятия опыта беременности, то прежде всего нужно отметить табуированный и мистический характер данного состояния в русскоязычном обществе. Подобные представления

восходят к архаическому мировоззрению предков, в связи с которым бытовало представление о беременности как опасном пограничном состоянии, т.е. беременная находилась на перепутье, границе между жизнью и смертью [Кириленко, 2016, с. 3]. Женщина считалась сакральным объектом с большой магической силой и одновременно была «нечистой» из-за наличия двух душ в одном теле. В силу большой опасности этого состояния, разговоры о беременности носили табуированный характер, социальные функции беременной были резко ограничены, поведение окружающих было направлено на ее защиту [Славянская мифология, с. 43. Эл. ресурс.]. Примеры использования метафорических репрезентаций пути в русскоязычной культуре связаны скорее не с путешествием, носящим легкий и комфортный характер, а с дорогой, полной опасностей. Восприятие беременности как пути в древности трактовалось как «физическое прохождение через препятствие» [Седакова, 2009, с. 358], преодоление которого требовало применения различных магических действий. Поскольку женщина носила в себе две души, то путь к родам проходил и еще не рожденный ребенок («дитя дороги не найдет» – о трудных родах) [Орлова, 2020, с. 69]. В этом и была главная трудность такого «путешествия» – провести две души к заветной цели.

Подобные историко-культурные и лингвистические процессы послужили причиной смещения метафорического фокуса с самой беременности на роды и материнство в современном дискурсе. Многие русскоязычные женщины нацелены на роды, и беременность часто представляется через повторяющиеся «мотивы страшного, неизвестного и опасного», где нарушение запрета или несоблюдение рекомендаций ведет к неминуемому «воздаянию» [Кукса, 2020, с. 171]. На этом фоне концепт об «осознанной беременности» в русском сообществе интерпретируется как особая система поведения и подготовки к по-настоящему значимым событиям – родам и материнству [Там же, 2020, с. 181].

Как следствие вышеперечисленных процессов, закономерно возникновение эвфемизации состояния беременности, при которой используются термины, обозначающие тяжесть, груз и их вариации – «тяжела, натяжеле, отяжелевать, в тяготе, в тягости». Также в данную категорию вошли производные от терминов бремя, ноша (беременная) и живота, чрева (черевата, брюхатая), которые до сих пор встречаются в современном дискурсе [Лазаревич, 2014, с. 107].

Скорее всего, в существующих представлениях нашли таким образом свое отражение архаичные представления предков о сакрализации, табуировании, регулировании и защите беременных женщин. Сама метафорическая составляющая не претерпела сильных изменений, и в русскоязычном дискурсе не регистрируется настолько комплексных, устоявшихся и развитых метафорических репрезентаций беременности, как путешествие.

В исторической ретроспективе в англоязычной культуре отмечается несколько иное восприятие беременности. Отмечаются пять основных лексических полей, которые используются для метафорической репрезентации: женщины – объекты / животные, беременность – факт / реальная действительность, беременная женщина – большая или огромная по размеру, беременность – состояние, которое нужно скрывать, беременность – естественное событие [Manfred, 2005, p. 9]. Термины, связанные с размером живота беременной, – bag / bagged, great / great-bellied / big-bellied, great with, heavy являются самыми «старыми». Их использование регистрируется с XIII–XIV веков, и они же являются самыми «долгоиграющими», найдя свою нишу в современном дискурсе, например to be heavily pregnant и др. [Ibid, 2005, p. 13]. В XVIII-XIX веках дискурс беременных наводняется большим количеством медицинских и научных терминов в связи в активным развитием медицины и акушерского дела. В оборот входят метафорические обороты, «камуфлирующие» факт беременности: gravid / multigravida, condition (delicate, particular), expect / expectant, to be / to go 3 months gone, accident / mistake (unexpected pregnancy), gestation / gestant [Ibid, 2005, pp. 15-16]. Таким образом, заметно, что до начала двадцатого века в англоязычном сообществе культурная детерминанта предписывала использование метафоризации для сокрытия состояния беременности. Данная культурная черта частично находит общие точки с русскоязычным историческим дискурсом беременных – использование «маскирующих» метафор, использование семантических полей «тяжесть, груз», однако интерпретация и мотивация разнятся.

Современный дискурс беременных в обеих культурах отличается разнообразием метафорических тематик: «пищевая метафора» (ср.: have a bun in the oven – ‘быть беременной’; гороху объесться – о беременности вне брака); «фитоморфная метафора» (ср.: have a pea in the pod – ‘быть беременной’; дети вяжутся); «зооморфная метафора» (споймать воробышка – ‘забеременеть’; have a bat in the cave – ‘быть беременной’). Осталась и старая метафора груза, ноши, тяжести (be heavy with child; в тягости быть, на сносях, с грузом), обязательно профилирование салиентных признаков размера: in the increasing way, weary our apron high, wear the bustle wrong, горб спереду растёт, обручи спадывают, с кучечкой. Метафоризации подвергается зачатие ребенка (горб спереду растёт, обручи спадывают, с кучечкой; in the increasing way, weary our apron high, wear the bustle wrong), изменение социального статуса (ждать ребёнка, ожидать прибавления в семействе; expecting a baby, expectant mother, anticipating birth), обретение статуса беременной женщины (be in the club, join the club, in the (plum) pudding club), сам процесс беременности (деликатном, интересном, счастливом, таком) положении; англ. In a delicate (or certain or interesting) condition or state; a gleam (or twinkle) in someone’s eye, in the family way) и деторождение и послеродовый период (be brought to bed; lady in the straw). Метафорические переносы в дискурсе

беременных также могут носить сакральный или религиозный характер (Бог дал, дар Божий, от святого духа; a blessing from God) или женщина может испытать природное или стихийное воздействие (ветром надуло, ветер под подол попал) [Орлова, 2020, с. 67-68].

При видимой схожести многих аспектов метафорических переносов, тем не менее, в англоязычном лингвокультурном сообществе в силу иного восприятия и трактовки беременности сформировалась устойчивая и объемная по количеству расширений метафора ПУТЕШЕСТВИЯ (PREGNANCY JOURNEY). Сама метафора путешествия имеет широкое распространение в англоязычном культурном пространстве. В работе "Master Metaphor List" данная метафора приводится как базовая для английского языка, для которой характерно описание длительного по времени процесса с конечной целью у главного действующего персонажа (longterm purposeful change is a journey) [Lakoff, Espernson, Goldberg, 1989, p. 5]. З. Кёвичеш также характеризует метафору путешествия как прототипичную, для которой сферой-источником выступает движение (т.е. долгосрочный процесс с заранее определенной целью или конечным пунктом и актором) [Kövecses, 2000 p. 46]. Метафора ПУТЕШЕСТВИЕ хорошо подходит для описания беременности, потому что на лицо все салиентные признаки: длительный и многоэтапный процесс изменения (период гестации), актор (женщина в положении), главная цель (родить ребенка) и разнообразные препятствия и события на пути к материнству [Нагорная, Смирнова, Цыгунова, Чермошенцева, 2023, с. 227].

Данная метафора прочно утвердилась в дискурсе беременных не только благодаря удачной модели переноса салиентных признаков, но и историко-культурной традиции восприятия периода гестации не только как пути с множеством препятствий, где главное выносить и родить ребенка, но и как познавательного и интересного путешествия, которое может приносить и удовольствие от самого процесса. Здесь важно также отметить, что фокус внимания сосредоточен не только на родах и самом ребенке, но и на оттенках переживаний будущей матери.

Подобная дорога многими женщинами представляется как путь к мечте, полный светлых чувств, надежд и ожиданий:

The road to becoming a parent is challenging, joyous, and life-affirming. "Expectful" will be here for you every step of the journey[1];

Sending you love, light, and hope *on your path to parenthood*[2].

Во время такого важного путешествия женщина испытывает целую гамму различных эмоций, совладать с которыми не просто. Беременность превращается в «эмоциональные американские горки». В рамках данной метафоры интересно наличие, дополнительной, ориентационной

[1] Trying to Conceive. URL: https://expectful.com/c/trying-to-conceive (accessed: 15.04.2023).
[2] Op. cit.

метафоры, которая маркирует движение актора в двух плоскостях – горизонтальной и вертикальной:

This is the most exciting time of mine and Richard's lives… thrilling *– a bit like a rollercoaster— so many ups and downs*;[1]

Overall, this whole pregnancy journey has been *a rollercoaster but the ups far outweigh the downs*. We are so excited for baby E to join us![2]

Такое непростое путешествие как беременность становится рубиконом для женщины, перейдя который она замечает, что ее жизнь сильно меняется:

Who was I going to be on the other side, and how painful would it be crossing over? [Strasser, 2011, p. 13].

Можно найти и иную интерпретацию перехода из одного состояния в другое. Женщина сравнивает девять месяцев беременности с экзаменом на получение прав или покупкой машины, но «экзамен» тела оказывается сложнее, т.к. требует полного с ним слияния и умения чувствовать малейшие нюансы соматических ощущений:

For the next 9 months, I *would be on a journey very different to passing an exam or buying a car*. This journey *was life changing, life creating* and what I had to do was become still, become one with my body, attune, be still enough to hear what my body was telling me, which was to slow down, relax, take rest and have sleep [Salem, 2018].

Переход в другое состояние происходит поэтапно, поэтому и в метафорической картине путешествие концептуализируется в виде временных отрезков, соответствующих триместрам. Первый триместр имеет особое значение, пройти который нужно соблюдая все предосторожности, из-за особенностей развития эмбриона:

Feeling much better today. I woke up with that blissed-out, "I am a pregnant woman, hear me roar" vibe. *I must really be hitting the second trimester now* [Walker, 2018, p. 93];

When the dust settled on my first trimester, I had gained sixteen pounds [Strasser, 2011, p. 100].

Интересны и отдельные расширения метафоры ПУТЕШЕСТВИЯ, которые репрезентируют отдельные детали, например, приобретение билета. Чтобы сесть на «детский поезд» нужен билет, что отсылает нас к манипуляциям, совершаемым для наступления беременности. Еще более интересная интерпретация этой же метафоры – приобретение билета для выхода из поезда, чтобы психологическое здоровье женщины вернулось в «добеременное» состояние:

Next, I googled "How to get pregnant." Well, that was the *hot ticket to the baby train* right there [Salem, 2018];

[1] My twin pregnancy diary – 18 weeks pregnant with twins/ URL: https://thelistedhome.co.uk/18-weeks-pregnant-with-twins (accessed: 15.04.2023).

[2] My pregnancy journey: Trimester by Trimester. URL: https://www.chasinglinen.com/blog/pregnancy-journey (accessed: 17.05.2023).

I held on to this luck. It was *my ticket back to decency*. I had clawed my way through a strange passage toward motherhood. Part of me destroyed by it; part of me fortified [May, 2017, p. 16].

Маркерами начала и конца путешествия являются тест на определение беременности и роды:

My journey to motherhood began like most of you. *I looked down at a pregnancy test and saw a positive sign*[1];

We'll see if that starts anything but in my heart I know I just have to have patience. *Babies come when they are ready and there's not much I can do about that*[2].

Гестационный период – это прежде всего время физиологических, психологических и социальных изменений. В данный период происходит поиск новой идентичности, что отражается на выборе метафорических средств репрезентации. Женщина может искать поддержки и ассоциировать себя с воином, у которого впереди трудный путь со множеством испытаний:

I found a weekly mother's group that <…> *helped me adopt a warrior's mentality and cope with my harrowing journey*[3].

В конце путешествия самоидентификация претерпевает изменения. Женщина представляет себя путником, вернувшимся домой после дальнего путешествия, полного тягот и испытаний:

Friends call and I recount the birth like *a wanderer returned from a long voyage* [May, 2017, p. 28].

В процессе поиска новой идентичности женщинами часто применяется контейнерная метафора и ее разнообразные вариации. В основе лежит ассоциация себя с транспортным средством, которое бережно доставляет груз к месту назначения:

I also love the pregnancy glow and how sweet people are to you when you're *carrying precious cargo*[4];

Perhaps my most important piece of advice to mothers grieving a lost child (or children) and now *carrying a new life is to be gentle with yourself*[5].

Отдельно отметить можно расширение контейнерной метафоры и агентивной функции женщины – ассоциирование с кораблем:

In the toilets on the way out, the women steer around each other like *ocean liners* [Goldsworthy, 2013].

---

[1] Journey to Motherhood: My First Pregnancy and Birth. URL: https://www.baby-chick.com/my-journey-to-motherhood (accessed: 17.05.2023).

[2] Waiting for baby. URL: https://www.tigerlillyquinn.com/2015/11/waiting-for-baby (accessed. 17.05.2023).

[3] Trying to Conceive. URL: https://expectful.com/c/trying-to-conceive (accessed: 23.05.2023).

[4] My pregnancy journey: Trimester by Trimester. URL: https://www.chasinglinen.com/blog/pregnancy-journey (accessed: 20.05.2023).

[5] Faith instead of Fear; My Rainbow Pregnancy Journey. URL: https://againstallgrain.com/faith-instead-of-fear-my-rainbow-pregnancy-journey (accessed: 20.05.2023).

[16] 6 Weeks Pregnant: Symptoms, Baby Development And Tips. URL: https://medium.com/@mumdiaries/pregnancy-blog-six-weeks-in-d7a054d5e81(accessed: 20.05.2023).

Продолжением темы поиска идентичности и морской тематики является ассоциация не только с кораблем, но и с членами команды. Женщина на нем выполняет роль капитана, а ребенок – матроса:

That's my baby! And then it was as if the synapses in my brain sending exploratory signals to my uterus finally made contact. Aye, *mate*, is it a go down there? Yes, yes, *Captain*, we're full steam ahead! [Walker, 2018, p. 2].

Постепенное формирование у будущей матери материнско-фертильной привязанности инициирует возникновение метафоры пассажира, при которой женщина и ребенок совершают путешествие в одном транспорте:

I eventually fell into an empty seat. It's ironic that early pregnancy provides no indication of *an additional passenger*, yet this is a time, when expecting moms are perhaps the most tired and *need a seat*.

Вызывают интерес более комплексные применения и толкования транспортной метафоры в рамках дискурса беременных для передачи наиболее ярких впечатлений от токсикоза, который ассоциируется с морской болезнью. Нагнетание нескольких подряд метафорических моделей переноса транспортных средств расширяет понимание читателя о размахе неприятных ощущений:

The nausea I feel can only be described as *a motion sickness* so intense it feels like *I rode in the back of an old station wagon*, while reading, to an amusement park, where *I rode the spinning teacups for an hour* before *returning home by helicopter through choppy weather* to my houseboat lit only by a flickering, fluorescent disco ball [Strasser, 2011, p. 47].

Токсикоз также находит свою репрезентацию через тематику морских путешествий – транспортная метафора (перевернутый катамаран) и огромные массы воды:

Then I drove to my homeopath's office grumbling about what a bummer it is that I can't wear scent without feeling like *I am on a capsizing catamaran* [Walker, 2018, p. 16];

I cannot drive to the store without having to slow the car to twenty in a fifty-mile-per-hour zone, without pulling over at a gas station *to let the ocean of nausea subside* [Walker, 2018, p. 28].

Гормональная перестройка организма отражается на частой смене настроений у беременных. Данный момент тоже нашел свое место в метафорике морских путешествий, а именно в виде приливов и отливов:

Everyone safe enough to be close annoyed me. I lashed out with mean comments. I apologized as much as I vomited. They watched me scream at the moon. They backed away slowly. Chris and I *happened to simultaneously be in the middle of an uncomfortable changing of the tides*. We avoided each other or stewed [May, 2017, p. 15].

Из вышеприведенных примеров очевидно, что различные исторические и культурные условия существования общества стимулируют

появление совершенно уникальных метафорических образований. В англоязычном дискурсе беременных сформировалась уникальная для данного сообщества дискурсивная метафора PREGNANCY JOURNEY (БЕРЕМЕННОСТЬ – ПУТУШЕСТВИЕ), тогда как в русскоязычном лингвокультурном пространстве не произошло аналогичного метафорического переноса. Можно сказать, что на лицо метафорическая лакуна, причина которой коренится в особенностях и различиях историко-культурного развития двух сообществ.

Список литературы

1. Кириленко Е.И. Болезнь и человек: культурные архетипы медицинского опыта русских. Омск.: Наука, 2016. С. 2-13
2. Кукса Т.Л. «Страшилки» для рожениц: конструирование и преодоление страха в родах // Фольклор и антропология город. 2020. Е. 3 №. 1–2. С. 166–187.
3. Лазаревич Е.М. Эвфемизмы, используемые для обозначения беременности, в диахронической перспективе (на материале русского языка) // ВЕСНІК МДПУ імя І. П. ШАМЯКІНА, 2014. С. 106-111.
4. Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. М.: ЛЕНАНД, 2014. 320 с.
5. Нагорная. А.В., Смирнова А.Г., Цыгунова М.М., Чермошенцева К.А. Метафорика субъективного опыта в современной англоязычной культуре: под ред. А.В. Нагорной. М.: URRS, 2023. 248 с.
6. Седакова И.А. Путь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. 2009. Т. 4. М.: Международные отношения. с. 357–360.
7. Славянская мифология. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2002_Slavjanskaja_mifologija.pdf (дата обращения 22.02.2024).
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Издательство Московского университета, 2008. 352 с.
9. Goldsworthy A. Welcome to your new life. Melbourne : Black Inc., 2013. 226 p.
10. Kövecses Z. *Metaphor in culture: Universality and variation.* Cambridge University Press, 2005. P. 336
11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago : University of Chicago Press, 1980. P. 242.
12. Lakof, G., Espernson J, Goldberg A. Master metaphor list. Berkeley: University of California at Berkeley, Cognitive Linguistics Group, 1989. P. 215.
13. Manfred M. Terms of pregnancy in the history of English: an onomasiological approach based on the OED // Neuphilologische Mitteilungen, Modern Language Society. 2005. Vol. 106. № 1. P. 7-21
14. May M. Body full of stars. – New York : Catapult., 2017. 243 P.
15. Salem E. Finding inner peas: my sometimes-hilarious story of infertility, high-risk pregnancy, and finding out that I control absolutely nothing. Bloomington: Balboa Press, 2018. 232 P.
16. Steen G. (2008). The paradox of metaphor: Why we need a three-dimensional model of metaphor // Metaphor and Symbol. 2008. Vol. 23. № 4. P. 213–241.
17. Strasser T. Exploiting my baby: because it's exploiting me. – New York : Berkley, 2011. – P. 304.
18. Zinken J. Discourse metaphors: the link between figurative language and habitual analogies // Cognitive Linguistics. 2007. Vol 18. № 3. P. 1-32.
19. Walker R. Baby love: choosing motherhood after a lifetime of ambivalence. New York : Riverhead Books, 2008. P. 240.

3.3. ГЛЮТТОНИЯ В АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Одной из сфер межкультурной коммуникации, для которой характерно продуктивное заимствование в процессе взаимодействия, является гастрономия или глюттония (от лат. gluttire – ‘глотать’, ‘поглощать’). Под термином «глюттонимия» А.В. Олянич понимает пищевой процесс от добычи продуктов питания и до потребления пищи. Глюттонимы, т.е. лексемы, которые называют феномены глюттонии, включают в себя не только названия пищи, но и наименования средств добычи пищи, выращивания продуктов, обработки продукта для приготовления и потребления пищи, превращения продукта в продукт, готовый к потреблению, и инструментов, обеспечивающих потребление и эстетизацию потребления [Олянич, 2004, с. 398]. Они в разной степени и функции участвуют в межкультурной коммуникации. В нашей работе исследуется, как в межкультурной коммуникации функционируют глюттонимы, обозначающие продукты питания, блюда, субъекты, физические предметы как предметы культуры, с помощью которых происходит потребление пищи, а также лексемы с абстрактным значением, которые могут служить когнитивными концептами в глюттоническом дискурсе.

Пища и ее потребление играют одну из главных ролей в жизни человека, в связи с этим в последние полвека увеличивается интерес к исследованию этих феноменов в гуманитарных науках. Социологи исследуют то, как пища и ее потребление способствуют формированию социальной идентичности [Sassatelli, 2004a], а именно состав продуктов, сам акт потребления и связанные с ним привычки и практики. Лингвисты изучают различные аспекты функционирования глюттонической лексики [Там же, с. 398]. Для культурологов важно исследование еды как культурной ценности, культурное измерение пищи, ритуалы, символы и традиции, связанные с едой и формирования этих практик.

Глюттоническая тема играет существенную роль в межкультурных отношениях и рассматривается через призму «этничности». В процессе межкультурной коммуникации происходит взаимообмен глюттоническими практиками, которые далее подвергаются глобализации, если представляют интерес для одной из сторон. Распространение продуктов питания и кулинарных практик по всему миру способствует развитию экономик [Materassi, 2016, с. 183].

Нельзя не согласиться с Летицией Матерасси (L.Materassi), утверждающей, что пища – это культурный объект, поскольку у нее есть создатели (повара, домохозяйки, писатели-путешественники, редакторы, фермеры, люди, занятые в продовольственном бизнесе), получатели (покупатели, посетители заведений общественного питания, члены семьи, читатели, телезрители или путешественники), социальный контекст и связи между этими элементами. Отсюда, межкультурная коммуникация в

сфере глютонии это, прежде всего, практическая деятельность, которая реализуется в различных жизненных ситуациях, отражая взаимоотношения между создателями и получателями в определенном социальном контексте, имеющем свои культурные ценности, ритуалы, символы, традиции, стереотипы и т. д.

В настоящее время выдвигается гипотеза о непосредственной корреляции гастрономических номинантов и национально-культурных параметров коммуникации. В статье «Гастрономический дискурс Франции: опыт лингвосемиотического анализа» авторы последовательно доказывают, что гастрономическая номинация непосредственным образом связана с идентификационными механизмами языкового мышления, операциональными моделями репрезентации гастрономического универсума, аксиологическими ориентирами лингвокультуры [Прюво, Бузинова, Седых, 2019, с. 27-39]. Кроме того, современные ученые используют глютоническую культуру как шкалу для оценивания уровня развития как социума, так и отдельной личности. Речь может идти либо о «гастрономической бедности» неразвитых стран, либо о культуре питания индивида, который может повысить свой уровень развития, перейдя на правильное питание и придерживаясь режима, и т.д. Поэтому глютоническая культура может восприниматься либо как набор правил при приготовлении еды, либо как мера соответствия общепринятому кулинарному образцу.

Многие исследователи отмечают, что особенностью глютонической культуры является направленность на поддержание социального статуса. К примеру, различия в культуре питания и содержании пищи между разными слоями населения имеет ярко выраженный характер и оставляет свой отпечаток на особенностях использования языка. Отличие в плане диахронии лишь в том, что если раньше крестьяне не могли есть блюда, приготовленные для буржуазии или для королевской знати, то сегодня почти каждый человек сможет попробовать блюдо для высших или низших сословий, сходив в ресторан или же приготовив его дома.

Среди культур и языков, оказавших влияние на английский язык и англоязычную культуру в сфере глютонии на протяжении длительной истории французский язык оказывается наиболее важным. Существует множество лексических тематических групп в английском языке, в которые проникли французские слова. Исторически объем и степень ассимиляции французских заимствований разнится, в настоящее время наблюдается тенденция к сокращению заимствования французских слов в английский язык, поскольку в силу целого ряда причин в данный момент английский в большей степени является языком-донором, а не реципиентом [Poliakova, Bervialle, 2016, с. 430-434].

Вместе с тем, до сих пор продолжается заимствование французских языковых единиц в английский язык в сфере глютонии. Важно отметить, что англо-французская межкультурная коммуникация в сфере глютонии исторически была преимущественно однонаправленной, что в первую

очередь обусловлено высоким статусом и авторитетом французской кухни. Одной из главных ассоциаций у людей во всем мире, связанных с Францией, уже давно стала французская кухня: *foie gras* (гусиная печень), *maigret de canard* (филе утки), устрицы, лотарингский киш, мильфей, сыры, вино и множество других блюд, закусок и напитков. Во французском языке даже имеется отдельное слово для обозначения подобного процесса поглощения пищи, для которого в английском языке нет эквивалента – *gourmandise* (гурманство). Первое упоминание "gourmandise" датируется концом XIV века. В Большом словаре французского языка «Робер» мы находим следующие определения данного слова:

1. Свойство характера, недостаток человека, который слишком любит есть и пить спиртные напитки.

2. Харктеристика гурмана. Обладать высшей, утонченной степенью гурманства.

3. Интенсивное желание (в том числе чувственное) [Le Grand Robert de la Langue française, v. 4].

Существует также и другое слово во французском лексиконе – кухня, cuisine, первое упоминание которого фиксируется XII веком. В том же словаре среди его значений отмечаются следующие:

1. Помещение;

2. Подготовка продуктов, искусство готовить продукты так, чтобы они были приятны на вкус. Кулинарный стиль. Буржуазная, семейная, региональная. Кухня французская, китайская, греческая, итальянская и т.д. Общие черты национальных кухонь.

Новая кухня – стиль, выработанный во Франции в 1960-1970-е гг. – сочетание неожиданных элементов, недолгая тепловая обработка, легкость приготовления [Le Grand Robert de la Langue française, v. 4]. Как справедливо отмечает Т.Ю. Загрязкина, термина «французская кухня» не существует, так как не существует единой французской кухни, как не существует единого национального костюма, типа жилища и т.п. Французская кухня очень разнообразна, что проявляется не только в количестве блюд и их вариативности в зависимости от региона, но и в том, что существуют разные области французской гастрономии: высокая кухня (*haute cuisine*), региональная кухня во всем её многообразии (*cuisine régionale*), повседневная кухня, диетическая кухня и т.д. [Загрязкина, 2007, с. 61]. Наконец, нельзя не упомянуть о региональной кухне, основыванной на сельской пище, которая, в отличие от высокой, более проста, в ней преобладают местные продукты. Региональная кухня – это кухня отдельных регионов Франции. Она также разнообразна и неоднородна, как и сами территории, где она распространена. Региональные блюда нередко входят и повседневную кухню, распространенную повсеместно, как, например, тарт фламбе (*tarte flambée*) или эльзасская тушеная капуста (*choucroute*). И конечно, явной противоположностью такому гастрономическому разнообразию, по мнению французов, является английская еда. В книге С. Кларк «Франция

без вранья» мы находим следующее отношение представителей французской нации к гастрономическим привычкам англичан: «Они клятвенно уверяют, будто британцы в своей жизни только и делают, что со скорбным видом жуют вареные овощи, переварившуюся брюкву и искусственный сыр, запивая всё это реками теплого, выдохшегося пива» [Кларк, 2018, с. 76].

Обращаясь к англо-французскому языковому взаимодействию в сфере глюттонии, следует отметить следующие характерные черты: 1) заимствование преимущественно осуществляется из французского в английский язык; 2) заимствованная лексика относится первоначально к высокой сфере, сфере элиты, сфере высокой кухни и т.д., а не простой, а затем распространяется на другие слова общества, и происходит постепенная ассимиляция слова в английском языке; 3) заимствуется лексика, называющая продукты питания, готовые блюда; глаголы, описывающие действия по приготовлению пищи; предметы обихода, связанные с потреблением и приготовлением пищи; заведения общественного питания; глюттонические концепты.

Межкультурная коммуникация имеет исторический характер, обусловленный отношениями между этносами и их социально-экономическим развитием. Выделим следующие этапы англо-французского взаимодействия в сфере глюттонии, которые будут рассмотрены далее:

1. После нормандского завоевания, когда французская/англо-нормандская культура как культура элиты доминировала в Англии – XII-XIVвв.

2. XV-XVI века, Столетняя война, война Алой и Белой розы, путь к абсолютизму, чума;

3. XVII-XVIII века, политические и экономические изменения, эпоха промышленной революции;

4. XIX век, расцвет буржуазии, превращение Великобритании в Империю;

5. XX и XXI века, когда английский язык как повсеместный язык-донор тем не менее принимает лексику из французского языка.

В 1066 году нормандский король Вильгельм Завоеватель вторгся в Англию, что обусловило навязывание и массовое заимствование французских слов в последующие века. В целом нормандцы представляли собой знать, а коренные англичане были их слугами. Названия домашних животных и названия мяса отражают особенности этой связи: номинации животных английские (*cow, sheep, pig*), а номинации мяса, полученного от этих животных, французские (*beef, mutton, "pork", bacon, venison*), окончательно вошедшие в английский язык к 1300 г.

С нормандским завоеванием в Англию также пришли и некоторые новые продукты питания и способы их приготовления. В последующий период англо-французской двуязычной культуры английская кухня менялась и быстро развивалась. Таким образом, многие термины, относящиеся к еде, были заимствованы в английский язык из англо-

нормандского диалекта старофранцузского языка, на котором говорили в средневековой Англии. Это возможно объяснить тем, что поскольку английская знать того периода говорила по-французски и заказывала еду на французском языке, другие слои общества в конечном итоге стали использовать французский язык для названий изысканных блюд. Так, после удачной охоты на оленя или кабана требовали по-французски, чтобы им подали *la venesoun*, что буквально означает ‘дичь, на которую мы только что охотились’, и именно поэтому слово «*venison*» имеет современное английское значение ‘оленина’.

В Англии появились новые ингредиенты, названия которых имеют французское происхождение. Отмечается интерес к сахару и специям. Появляются продукты и блюда кондитерского плана. Слово «*sugar*», образованное от старофранцузского «*sugre*», появилось в языке в XII веке, но только в XIII-XIV вв. его употребление приобрело значительную частотность [Hieatt, 2013, с. 36]. Лексема «*paste*» со значением ‘тесто для выпечки хлеба или пирожных’ произошла от старофранцузского «*paste*» ‘тесто, выпечка’. Слово «*pantry*» произошло от французского слова «*panneterie*», обозначавшего хлебную комнату, где хранился хлеб, необходимый продукт для всех французских кухонь, чтобы он оставался максимально свежим. В начале XIV веке лексема «*custard*» означает ‘заварной крем’, который французы иногда называют *crème anglaise*, т.е. ‘английский крем’. Лексема происходит от старого французского слова «*coutarde*», которое в середине XIV века было изменено на «*crustarde*», что означает ‘покрытый корочкой’.

Несмотря на культивирование фруктовых деревьев в кельтскую и англо-саксонскую эпохи, слова «*fruit*» и «*cherry*» появились после нормандского появления. В конце XII в. заимствовано слово «*fruit*» ‘любой растительный продукт, полезный для человека или животных’ от старофранцузского «*fruit*» ‘фрукт, фрукт, съеденный в качестве десерта; урожай; добродетельное действие’. Лексема «*cherry*», заменившая древнеанглийское слово «*cirisæppel*» произошла от англо-французского «*cherise*», при этом произошло переосмысление структуры слова носителями английского языка, которые «обнаружили» показатель множественного числа в структуре слова и «выделили» его форму единственного числа – cherry. Слово «*lettuce*» для обозначения садовой травы, культивируемая для использования в качестве салата, происходит от старофранцузского «*laitues*» (конец XIII в.).

Рассмотрим заимствования группы «рыба-мясо». Слово «*bacon*», означающее сейчас один из любимых ингредиентов полноценного английского завтрака, было заимствовано в английский язык из старофранцузского в начале XIV веке в значении ‘вяленое мясо, взятое из спины и боков свиньи’. «*Poultry*» произошло от старого французского «*pouletterie*», обозначавшего место, где продавалась домашняя птица. Затем в конце XIV века это слово стало обозначать домашнюю птицу. Слово «*salmon*» ‘североатлантический лосось’ (любимый сорт рыбы в

Великобритании) заимствовано в начале XIII века из англо-французского «*samoun*».

В XIII-XIV веках в английском языке появились слова, означающие приправы к пище, что указывает на изменение вкусов и рационов питания под влиянием французской кухни. Слово «*savour*» (начало XII в) произошло от старого французского слова «*savor*», которое имеет широкий спектр значений, включая ‘аромат, вкус, соус, приправу, восторг и удовольствие’. Лексема «*sauce*» появилась в английском языке в середине XIV в. в значении ‘приправа к мясу, рыбе и т. д.; жидкость для маринования, рассол’, от старофранцузского «*sauce / sausse*». «*Vinegar*» заимствовано из старофранцузского «*vinaigre*» в начале XIV в. Также в процессе межкультурной коммуникации были заимствованы названия напитков. Слово «*liquor*» (1200 г.) имеет французское происхождение от старофранцузского «*licor*» ‘жидкий’. Сужение понятия ‘перебродивший или дистиллированный напиток’ впервые отмечено на рубеже XIII-XIV вв. Слово «*juice*» произошло от старофранцузского «*jus*» ‘сок, сок растений, жидкость’ (1300 г.), а «*champaign*» от старофранцузского «*champagne*» ‘открытая местность, равнина’ на рубеже XIV-XVвека. Англо-нормандский язык также был источником названий способов приготовления пищи, ранее не используемых англичанами. Данные глаголы в настоящее время употребляются наряду с другими глаголами приготовления пищи и составляют лингвокультурную особенность сферы кулинарии. В XIII веке появились следующие глаголы: «*fry*» от французского «*frire*» ‘готовить на огне в неглубокой сковороде’, «*boil*» от французского «*bouillir*» ‘кипеть, бурлить, фонтанировать’. Глагол «*roast*» произошел от старофранцузского «*rostir*» ‘жарить, обжигать’ (современный французский «*rôtir*»). Отметим, что данная лексема в свою очередь появилась в старофранцузском языке из древнегерманских языков, где она имела значение ‘готовить на решетке’, что прослеживается в немецком языке (ср. нем. «*Rost*» ‘колосник, решетка’). В XIV веке из старофранцузского заимствованы глаголы «*toast*», где «*toster*» ‘жарить, запекать, обжигать до коричневого цвета’, и «*stew*» от «*estuver*», что означает ‘погружаться в горячую воду’. Таким образом, XII-XIV века принесли в английский язык значительное количество слов глюттонической сферы, а вместе с ними и новые продукты или подходы к их приготовлению.

«Кулинарные» отношения Англии и Франции продолжились в XV веке, несмотря на Столетнюю войну между двумя странами. Англо-французские династические браки способствовали межкультурной коммуникации в глюттонической сфере, когда королева, рожденная во Франции, но вышедшая замуж за английского короля, старалась сохранить свой французский образ питания. Так, прибытие Марии де Гиз в Шотландию привнесло в довольно пресную островную диету нотку французского кулинарного вкуса. Это включало новые методы приготовления пищи и добавление насыщенных соусов к традиционной простой шотландской кухне. Тюдоры заказывали вина во Франции, однако

предпочитали еду, не требующую большого искусства приготовления. Главным продуктом питания было мясо. В середине XV века было заимствовано слово «*sausage*», продукт питания, состоящий из рубленого мяса, приправленного и фаршированного в очищенные кишки быка, овцы или свиньи, от старо-северофранцузского «*saucisse*».

Генрих VIII был любителем сладких десертов. Уже существующее в английском языке слово «*jelly*» от старофранцузского «*gelee*» стало использоваться в XVI веке в значении ‘сгущенный сок фрукта, приготовленный в пищу’. В 1530 г. зафиксировано слово «*marmalade*» от французского «*marmelade*» ‘варенье или кондитерское изделие мясистой консистенции из айвы’.

Овощи и фрукты массово употреблялись в пищу только бедной частью населения. Само слово «*vegetable*» было заимствовано из старофранцузского в начале XV века. Веком ранее в английский язык пришло слово «*cucumber*» для обозначения садового растения, издревле культивируемого во многих странах Европы, из старофранцузского «*cocombre*». Это слово заменило древнеанглийское «*eorþæppla*» ‘земляные яблоки’. Также в XVI веке было заимствовано слово «*cabbage*» из среднефранцузского «*caboche*» ‘голова’. Лексема «*mushroom*», обозначающая съедобные разновидности грибов происходит от англо-французского «*musherun*» (середина XV в.). Лексема «*poach*» (от старофранцузского «*poché*») описывала способ приготовления яиц в кипящей воде, когда желток оказывается в мешочке из белка. Интересной представляется этимология английской лексемы «*kickshaw*» со значением ‘изысканное блюдо в кулинарии’ (особенно неместное), появившейся в конце XVI века как квинтэссенции англо-французского языкового и культурного взаимодействия. «*Kickshaw*» этимологизируется как искаженное английское произношение французского выражения «*quelque chose*» ‘что-то, немного чего-то’.

В XVII и тем более в XVIII веке увлечение французской едой было вызвано привязанностью к ней со стороны многих аристократов и политиков, связанных с королевской семьей Стюартов (в том числе, самого Карла II) и Римской католической церковью, которые вернулись из длительного изгнания во Франции с укоренившимся предпочтением французской кухни. Любовь к французской еде вызвала волну энтузиазма среди аристократии, что сопровождалось и укреплялось интересом к моде и танцам. Кулинарная книга Ла Варенна, изданная во Франции в 1651 году и предварявшаяся словами, что «из всех поваров в мире французы оцениваются как лучшие», появилась в английском переводе уже в 1653 году [Lane, p. 71]. Аристократия и дворянство часто нанимали лучших французских поваров для себя и обедали во французских тавернах. Многие представители высшего и среднего слоев населения регулярно посещали Францию. Также представители буржуазии, например, купцы, представители творческих и либеральных профессий демонстрировали привязанность к французской кухне.

В это время в английский язык заимствуется слово «*cuisine*» ‘способ или стиль приготовления пищи’ (1786 г.), от французского «*cuisine*» ‘стиль приготовления пищи’, первоначально ‘кухня; приготовление пищи, приготовленная еда’. Также английский язык заимствует и другие глюттонимы, которые, в отличие от более ранних заимствований, сохраняют свои иноязычные особенности. Слово «*soup*» ‘жидкая пища’ (1650-е гг.) происходит от французского «*soupe*» ‘суп, бульон’. Лексема «*compote*» (1690-е гг.) происходит от старофранцузского «*compote*» ‘фрукты, консервированные в сиропе’. Термин «*omelet*» возникло для обозначения блюда по недоразумению. Считается, что слово «*alemette*», происходящее от «*alemele*», означающего ‘тонкая маленькая тарелка’, было ошибочно понято как «*omelette*», когда оно использовалось для описания плоской части омлета.

Появляются новые предметы для приготовления пищи и слова, их обозначающие. Так, слово «*terrine*» ‘жаростойкая супница, миска’ произошло от французского «*terrine*» ‘глиняный сосуд, глиняный кувшин’ (ранее от старофранцузского прилагательного «*terrin*» ‘земляной’. «*Casserole*» ‘кастрюля’ также эквивалентно французскому оригиналу «*casserole*» (1706 г.). В середине XVIII века в английский язык входит слово «*canteen*» ‘магазин в военном лагере’, далее ‘столовая на заводе, фабрике, мастерской с невысокими ценами для работников’ от французского «*cantine*» ‘продуктовый магазин в армии’. К новым способам обработки и приготовления еды относится маринование, обозначенное глаголом «*marinate*» ‘мариновать (рыбу, мясо); готовить в маринаде’ (1640-е гг.), от французского «*mariner*» ‘мариновать в (морском) рассоле’ (от старофранцузского «*marin*» ‘морской’).

Диапазон специй, используемых в английской кухне, был более ограниченным, чем в предыдущие века, и включал мускатный орех, гвоздику и имбирь. Большое внимание уделялось мясу, которое в давние времена подавалось более жестким, чем в настоящее время. Картофель еще не был распространен, хотя и был уже ввезен. Овощи употребляли редко и только в качестве гарнира к мясу [Lane, 2018, p. 77]. Однако и в этих условиях начал распространяться английский кулинарный национализм, который подхватили разные слои общества. При этом ранее заимствованные продукты и способы приготовления уже признавались как собственные, а не заимствованные. Шло формирование английской национальной кухни, которая будет позднее включать продукты и блюда, ранее заимствованные из других культур в процессе межкультурной коммуникации и освоенные в качестве иконических компонентов английской кухни: *bacon and eggs, tea, fish&chips* и др. Так, в период промышленной революции открывались *fish bars* ‘рыбные бары’ для рабочих, в которых продавалась жареная рыба. В качестве гарнира к рыбе подавался картофель-фри, блюдо французского происхождения. Это блюдо быстро обрело популярность, которая сохраняется до настоящего времени [Пожидаева, 2012, с. 77].

Следующий всплеск интереса к французской кухне произошел в Англии в XIX веке, во времена королевы Виктории. Французский язык являлся общепринятым и признанным языком кухни, так же как и языком дипломатии. Французский был признан английской элитой и элитой других стран, где царил культ кулинарии и гастрономии. Тысячи французских поваров работали в британских домах, клубах, отелях и дворцах к концу XIX века. Создатель высокой кухни Огюст Эскофье переехал в Лондон в 1890 году и провел там остаток своей карьеры, руководя известными ресторанами сначала в отеле «Savoy», а затем в «Carlton» и популяризируя французскую кухню. Его мнение об английской кухне было настолько невысоким, что он даже не пытался выучить английский язык или перевести на него меню. Так, его фирменное блюдо «Beefteack-Pies et Puddings de Boeuf & UAnglase» осталось в меню ресторанов в непереведенном виде. За время работы в «Савое» Эскофье создал ряд других знаменитых блюд. Лондон стал мировой столицей французской кухни, а повара британского происхождения изучали французский язык, так как надеялись достичь высот в своей профессии. Независимо от того, были ли они французами или британцами, повара, работающие в самых популярных ресторанах страны, использовали британские ингредиенты, управляли британским персоналом и готовили блюда по вкусу британцев. Таким образом, именно повара, владельцы и посетители ресторанов стали субъектами межкультурной коммуникации в сфере глюттонии.

Вопрос о языке меню всегда был острым (на французском, английском или двуязычное меню). Компромиссным решением было использование языка в зависимости от характера ингредиентов и ассортимента блюд: если на ужин предлагались английские блюда, меню должно было быть на английском, насколько это возможно. Если преобладал французский стиль, то использовался французский язык. Отдельные рестораны соблюдали верность английскому языку, если хотели пробудить у посетителей ощущение глубоко укоренившихся традиций английской кухни. Но при этом язык варьировал и в пределах одного заведения, например, в отеле «Royal Bath» в Борнмуте меню на завтрак и обед были написаны полностью на английском языке и уступали место французскому только за ужином. А также, если блюдо было на французском, раздел меню обозначался на английском, например, «Soups», «Fish», кроме слова «Enirée», для которого в то время еще не было английского эквивалента ‘main courses’.

Хотя к концу XIX века Великобритания стала доминирующей мировой державой, приоритет в кулинарии был у Франции. Английская элита, в особенности буржуазная, будучи по природе более космополитичной [Trubek, 2000, p. 62], предпочитала французскую кухню, которая стала одним из важных элементов британской глюттонической практики XIX века, оттеснив национальные британские традиции в сфере еды на второй план. Приверженцем и ценителем

изысканной французской кухни и французского стиля был наследный принц Уэльский Эдуард. Он покорил Париж своими знаниями о том, как готовить изысканные салаты. Журнал «Food and Cookery», который Эдуард поддерживал, считал его настоящим гастрономическим лидером. Даже меню королевского завтрака было написано на французском языке, включая названия традиционных английских блюд: «Bacon a UAAnglaiv», «Oeuf pocher». Члены королевской гвардии, питавшиеся в отведенной для них столовой в Сент-Джеймсском дворце, заказывали блюда из французского меню. Меню ресторана в Палате общин также было французским. Когда Верховный шериф Ланкашира устроил ужин для Большого жюри в 1895 году (11 блюд, восемь вин), он предложил им французское меню. И даже в тех торжественных случаях, когда Великобритания праздновала важные исторические юбилеи (Бриллиантовый юбилей правления королевы Виктории, коронация короля Эдуарда), меню было французским.

Для описанного периода характерно заимствование названия блюд, названия субъектов глюттонического дискурса и названия учреждений общественного питания. Заимствования сохраняют свою графическую форму и особенности французского произношения. К названиям блюд относятся: *souffle* ‘нежное, легкое блюдо, иногда пикантное, но обычно сладкое’ от французского *soufflé* (1813 г.), *croissant* ‘маслянистый, слоеный рулет из слоеного теста’, названный в честь формы полумесяца (1899), *margarine* ‘заменитель сливочного масла’ (1873). Был заимствован французский глагол *sauté*, буквально ‘прыгающий, подпрыгивающий’.

Среди названий субъектов, вовлеченных в глюттоническую сферу, выделим следующие: «*gourmet*» ‘знаток еды и вина’ (1820), «*chef*» ‘шеф-повар’ (1842), сокращенно от «*chef de cuisine*», буквально ‘начальник кухни’, «*sommelier*» ‘винный официант’ (1889) от французского «*sommelier*» ‘дворецкий’, первоначально ‘офицер, отвечавший за продовольствие’ (XIII в.). К заведениям общественного питания относятся «*cafe*» ‘кофейня, ресторан’ (1802), «*bistro*» ‘бистро’ (1906), «*restaurant*» ‘столовая, заведение, где можно купить и съесть еду’ (1821) от французского «*restaurant*» ‘ресторан’ с первоначальным значением ‘еда, которая восстанавливает’.

Уже в 1902 году, после смерти королевы Виктории, ее сын, король Эдуард пожелал, чтобы его меню были написаны на английском языке, а не на французском. Однако в XX и XIX вв. англо-французское взаимодействие в сфере высокой кухни продолжается, в связи с чем в английский язык входят новые выражения, языковой статус которых можно обозначить как иноязычные вкрапления: *à la carte* (блюда из меню, которые можно заказать индивидуально, а не в составе комплексного обеда), *apéritif* (алкогольный напиток, принимаемый перед едой для возбуждения аппетита), *au gratin* (подрумяненное блюдо, приготовленное в духовке или на гриле, посыпанное панировочными сухарями или тертым сыром), *baguette* (багет), *bon appétit* (Приятного аппетита), *café au*

lait (кофе с молоком), *crème brûlée* (крем-брюле), *hors d'oeuvre (небольшая закуска перед основной едой)*, *maître d'hôtel* (метрдотель), *petit four* (небольшой изысканный торт, выпечка или конфета, которые обычно подают с кофе после еды).

Таким образом, социально-исторические условия взаимодействия между Англией и Францией обусловили проникновение лексических единиц сферы глюттонии из одного языка в другой. Как показывает проведенное исследование, на протяжении веков заимствовались в основном лексемы из французского языка в английский, что обусловлено, в первую очередь, более высоким статусом и авторитетом французской кухни. Значительное количество заимствованных слов глюттонической сферы приходится на XII-XIV века, что вызвано вторжением нормандского короля Вильгельма Завоевателя на территорию Англии. Но даже Столетняя Война не смогла препятствовать процессу развития «кулинарных» отношений между двумя странами.

В настоящее время заимствования в сфере глюттонии продолжают проникать из французского языка в английский, однако, в целом наблюдается тенденция к их сокращению, поскольку английский язык в условиях глобализации в большей степени является языком-источником заимствований в разных сферах человеческой деятельности.

Список литературы

1. Загрязкина Т.Ю. Франция в культурологическом аспекте. М.: ИД «Стратегия», 2007. 192 с.
2. Кларк С. Франция без вранья. М.: РИПОЛ классик, 2018. 288 с.
3. Оляних А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507с.
4. Пожидаева Е.В. Лингвокультурная ситуация «фьюжн»: интеграция национальных традиций в номинации современных английских блюд) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (14). С. 75-79.
5. Прюво Ж., Бузинова Л.М., Седых Н.В. Гастрономический дискурс Франции: опыт лингвосемиотического анализа // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 1. С. 27-39.
6. Hieatt C.B. Medieval Brtain // Regional Cuisines of Medieval Europe: A Book of Essays. Routledge, 2013. C. 19-46.
7. Lane Ch. From Taverns to Gastropubs: Food, Drink, and Sociality in England // Oxford University Press, 2018. 229 p.
8. Le Grand Robert de la Langue française. En 6 vol. P.1986-1990.
9. Materassi L. Food as an “inter-cultural object”. A diversity experience among immigrants in Italy // Sociologia on line, N°10, Abril 2016. P. 182-192.
10. Poliakova, N. La composante lexicale comme reflet de l'aspect national et culturel dans le discours des affaires français / N. Poliakova, B. Bervialle // Романское культурное и языковое наследие: история и современность : Материалы международной научной конференции, Москва, 21–22 июня 2016 года / Ответственный редактор: И.В. Скуратов. М.: Московский государственный областной университет, 2016. P. 430-434.
11. Sassatelli R.Consumo, cultura e società. Il mulino, 2004. 256 p.
12. Trubek A.B. Haute Cuisine: How the French Invented the Culinary Profession University of Pennsylvania Press, 2000. 192 p.

3.4. ВОЕННЫЙ КОД ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ: ПАРАЛЛЕЛИ И КОНТРАСТЫ

История изучения фразеологических единиц (далее – ФЕ) в отечественной науке насчитывает уже несколько десятилетий, тем не менее только в последнее время с развитием баз данных, электронных словарей и накоплением большого массива данных как собственно фразеологических единиц, так и контекстов их употребления в разных языках появилась возможность сравнительно-сопоставительного описания их национально-культурной специфики с опорой на лингвокультурологический подход. Как отмечает И.В. Зыкова, «становление лингвокультурологического направления было обусловлено обращением к проблеме взаимоотношения культуры и фразеологии, рассматриваемой в рамках целого ряда более частных вопросов, среди которых вопрос о способах проявления культурно-национальной специфики» [Зыкова, 2015, с. 182]. Действительно, жизнь каждого этноса обусловлена различными условиями окружающей его реальности, и соответственно, эти условия реальности описываются языком, включаются во фразеологический фонд. Об этом явлении пишет С.Г. Тер-Минасова: «Фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее наглядно иллюстрируют и образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой» [Тер-Минасова, 2000, с. 80].

В условиях жизни в «глобальной деревне» выявление национально-культурной специфики ФЕ, описание их коннотации и контекстов употребления, а также изучения особенностей метафоризации, т.е. отражения объективных условий реальности существования народа является несомненно актуальным как с целью сохранения национально-культурной идентичности, так и для развития межкультурного взаимодействия. «Фразеологическая единица представляет реальность посредством метафоры, в которой абстрактное понятие представлено через конкретное» [Багана, 2022, с. 148]. Анализируя национально-культурную специфику фразеологических единиц, М.В. Ковшова разграничивает «национальную» специфику, которая выявляется при сопоставлении разных языков, и «культурную», выявляющуюся «лингвокультурологическим методом соотнесения образа языкового знака с другими символически нагруженными знаками материальной и духовной культуры народа, сведениями из его истории, верований, обычаев» [Ковшова, 2016, с. 91]. «Выявление уникальности плана выражения фразеологизмов есть прямой путь к очерчиванию их национально-культурной специфики». [Василенко, 2021, с. 25].

В таком ракурсе с использованием данных параллельных и национальных корпусов текстов, фразеологических и толковых словарей и других материалов возникает возможность по-новому осмыслить проблемы изучения ФЕ, ставившиеся ранее, и с привлечением новейших

данных рассмотреть вопрос выявления тождественных и национально-специфических параметров во ФЕ и в первую очередь – особенности экспликации метафоры в их внутренней форме в типологически разноструктурных языках.

Обращение к анализу фразеологических единиц в китайском и русском языках представляет определенный интерес в связи с тем, что, во-первых, между ними нет типологических и генетических сходств, во-вторых, контакты между носителями этих языков были ограничены в связи с территориальной удаленностью, что, возможно, обусловило разный подход к метафоризации определенных идей и явлений. Работы, содержащие попытки описания национально-культурной специфики ФЕ на материале разноструктурных языков, получили широкое распространение на протяжении последнего десятилетия. В то же время описание ФЕ военной тематики в сравнительно-сопоставительном аспекте в настоящее время требует дополнительных исследований. Отдельные усилия предприняты в сфере описания эмпирической и аксиологической информации во фразеологизмах с компонентом «военное оружие» [Скачкова, 2019], осуществлена попытка анализа русских и китайских ФЕ, характеризующих поведение человека во время военных действий [Ван, 2018], ФЕ военной тематики анализировались в сопоставитнльном аспекте в английском и русском языках [Лупанова, 2022], немецком и русском языках [Ахметсагирова, 2010].

В предлагаемом исследовании рассматриваются фразеологические единицы военной тематики на материале русского и китайского языков. Фактический материал был собран из фразеологических словарей китайского и русского языков (см. список). Всего было проанализировано около 100 ФЕ, примерно по 50 единиц в каждом языке. В китайском языке материал ограничивается фразеологическими единицами-идиомами класса «чэнъюй» — «устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения» [Войцехович, 2007, с. 18]. (Классификацию китайских ФЕ подробно см.: [Войцехович, 2007]). При анализе собранной картотеки примеров ФЕ были использованы методы сравнительно-сопоставительного, контекстуального и лингвокультурного анализа, позволившие выявить тождественные и уникальные черты в исследуемых единицах, а также общетеоретические методы анализа и синтеза, типологизации и концептуализации, обеспечившие достоверность полученных результатов.

Появление фразеологических единиц военной тематики обусловлено как появлением особой касты людей, основным занятием которых была защита государства от врагов, так и ведение многочисленных войн, иногда длившихся не одно десятилетие, – через которые на протяжении веков проходили современные Россия и Китай.

Например, в истории России значительный след оставили Смутное время (1598 – 1613 гг.), Походы Петра Первого (1700-1721), войны с Турцией (XVI-XX вв.), Отечественная война 1812 г. В истории Китая наиболее известны такие периоды войн как 三国时代 (Эпоха Троецарствия) – противостояние государств — Вэй, У и Шу (220-280 гг.), 战国时代 (Период Сражающихся царств), завершившийся объединением Китая (длился с 475 по 221 гг. до н. э.). В современной истории войн XX в. Россия и Китай были вовлечены во Вторую Мировую войну (1939-1945 гг.), а также локальные конфликты. Победы и поражения в различных сражениях оказывали влияние на жизнь и культуру народов России и Китая, а, следовательно, обогащали фразеологический фонд языков через метафорическое описание битв, успешных и неудачных манёвров, мудрости полководцев и храбрости солдат, а также посредством создания профессиональных ФЕ, приходивших в языковой обиход обычных людей через военных. В.Н. Телия отмечала, что «язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит (историческую память народа), обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [Телия, 1996, с. 226].

ФЕ военной тематики можно раздеспределить по трем тематическим группам, в зависимости от наличия или отсутствия компонента, номинирующего оружие или обладающего опосредованной военной спецификой: ФЕ с компонентом, номинирующим оружие, ФЕ с компонентом, имеющим военную специфику, ФЕ, опосредованно эксплицирующие военную специфику. Рассмотрим подробнее предлагаемую классификацию:

1. ФЕ с компонентом, номинирующим оружие: *копье, штык, пистолет, пушка* и т.д., например, в русском языке *ломать* ***копья***, *на* ***пушечный выстрел*** [Бирих, 1998]. В китайском языке *金**戈**铁马 (jīngētiěmǎ) – букв. металлические* ***копья*** *и железные* ***кони*** *(обр. бесконечные войны)* [БКРС, 2024. Эл. ресурс]. *反戈相向 （fǎn gē xiāng xiàng） букв. овернуть оружие в другом направлении (обр. переметнуться на сторону противника* [Готлиб, 2019, с.120].

2. ФЕ с компонентом, имеющим военную специфику: *война, сражения, битва, сражаться, парад* и т.д. В русском языке примерами, относящимися к рассматриваемой группе, являются следующие ФЕ: *идти* ***напролом*** *(выражение, связанное со штурмом крепости)*, театр *войны*, [Бирих, 1998]. В китайском языке находим чэнъюй с лексемой *战 — война, сражение*: *百**战**百胜 (bǎi zhàn bǎi shèng)* – букв. *в ста сражениях — сто побед (*обр. *непобедимый, не имеющий равного в чем-то).*

3. ФЕ, опосредованно эксплицирующие военную специфику. Во фразеологических единицах, которые могут быть отнесены к данной группе не содержатся компоненты, прямо номинирующие оружие или же имеющие военную специфику, но они непосредственно связаны с рассматриваемой профессиональной сферой. Например, в русском языке *не*

на жизнь, а на смерть, как швед под Полтавой [Бирих, 1998]. В китайском языке *暗度陈仓 (àn dù chén cāng) букв. в темноте пробраться в Чэньцан; осуществить обманный маневр, прибегнуть к хитрости* [成语词典, 2024. Эл. ресурс].

В русском и китайском языках возникновение некоторых фразеологических единиц, которые могут быть отнесены к группе ФЕ, опосредованно эксплицирующих военную специфику, обусловлено историческими событиями. Так, битва армии Петра Великого со шведским королем Карлом Двенадцатым под Полтавой, в результате которой шведы потерпели поражение, позднее была метафорически переосмыслена во фразеологической единице русского языка *как швед под Полтавой*, обозначающей *полный крах* [Бирих, 1998]. Приведем пример: «*“Сгорел, как есть сгорел. Пропал, как швед под Полтавой...” Глаза солдата мимовольно закрываются».* [НКРЯ, Евсеев, 2010]. Еще один фразеологизм: *словно/как/будто Мамай прошел* – связан с именем хана Мамая, который применяя тактику выжженной земли, атаковал русские земли во времена татаро-монгольского ига. [Даль, 2024. Эл. ресурс]. Например: *А вокруг словно Мамай прошел: разбитые дома без крыш, с черными провалами окон, поваленные заборы, дикий бурьян*. [НКРЯ, Екимов, 2008].

Следует отметить, что работа с группой фразеологических единиц, опосредованно эксплицирующих военную специфику, требует скрупулезного подхода и исследования не только фразеологических и толковых словарей, но и исторических событий, а также рассмотрения контекстов употребления рассматриваемой ФЕ, для исключения неверной классификации.

Рассмотрим график продуктивности данных тематических групп фразеологических единиц в русском и китайском языках.

Как показывает исследование, в русском и китайском языках среди ФЕ военной тематики преобладают единицы с компонентом-оружием (46% и 44% соответственно). В китайском языке по сравнению с русским количество ФЕ с компонентом, имеющим военную специфику, преобладает (42% и 34% соответственно), в то время как в русском языке преобладают ФЕ, с компонентом, опосредованно эксплицирующие военную специфику. (20% и 14% соответственно).

Такое распределение обусловлено, по нашему мнению, спецификой исследуемого пласта фразеологических единиц военной тематики, а также трудностью отграничения последней группы ФЕ. Поскольку наиболее важным атрибутом военных действий является использование оружия с целью захвата территории, ФЕ с компонентом, номинирующим оружие преобладают в обоих языках. В китайском языке и культуре особое внимание уделяется тактическим умениям полководцев, в связи с этим ФЕ с компонентом, имеющим военную специфику, преобладают по сравнению с русским языком.

Возможности репрезентации национально-культурной специфики наряду с базовыми ценностями лингвокультуры представлены во фразеологических единицах военной специфики в оппозиции «храбрость – трусость». Семантические и коннотативные особенности ФЕ с военной спецификой в русском и китайском языках, основанных на оппозиции «храбрость – трусость», определяет соответственный позитивный и негативной векторы оценки явлений окружающего мира через призму военных метафор. ФЕ, представляющие оппозицию, включены в «мировоззренческую сетку координат, которая помогает человеку ориентироваться в многообразном окружающем мире» [Григорьева, 2015, с. 91]. Например, *братья по оружию, стоять грудью, смелость города берет*. О смелом отважном человеке в русском языке можно сказать, что он или она *не робкого десятка.* ФЕ характеризуется положительной коннотацией. *— Я, — говорит, — нарочно так, дедушка: пускай все видят, что не робкого десятка*. [НКРЯ, Бианки, 1923-1958]

В китайском языке чэнъюй с положительной коннотациейэксплицируют семантику храбрости ***背水一战*** *(bèi shuǐ yī zhàn)* – букв. *сражаться спиной к реке (*обр. *биться не на жизнь, а на смерть)* [成语**词典**, 2024. Эл. ресурс], *剑拔弩张 (jiàn bá nǔ zhāng)* – букв. *меч обнажен, тетива натянута, (*обр. *находться в полной боевой готовности)*. [Готлиб, 2019, с.120]. Приведем пример реализации ФЕ ***背水一战*** в контексте.

*当前改革已进入攻坚期和深水区，必须紧紧依靠人民群众，以壮士断腕的决心、**背水一战**的气概，冲破思想观念的束缚… – Ныне, когда наши реформы вступили в период штурма и в зону глубоководья, необходимо с непреклонной решимостью и отвагой **стоять на смерть** за полное углубление перестройки во всех областях, прочно опираясь на народные массы, сбрасывая с себя путы идеологических стереотипов....* [РКПП, **李克**强, **政府工作**报告, 2014].

Фразеологические единицы с военной спецификой в исследуемых языках также метафорически переосмысливают страх, панику во время боевых действий. Включенные в оппозицию «храбрость – трусость» они обобщают негативную оценку. Приведем примеры.

В китайском языке ***草木皆兵*** *(cǎo mù jiē bīng)* – обр. *трава и деревья кажутся [вражескими] солдатами (обр. в знач.: впасть в панику, всего бояться)* [成语**词典**, 2024. Эл. ресурс].

让李雪莲不明白的是，二十年来，李雪莲告状从没成功过，从省里、市里到县里的各级政府，为啥对她的告状还草木皆兵呢？ *Загадкой для нее оставалось то, почему, несмотря на ее неудачные попытки в течение двадцати лет, чиновники всех рангов от провинции до уезда так сильно ее боялись.* [***刘震云***, *2012*].

Концепция проведения боевых действий актуализируется при описании оппозиции «победа-поражение», а также метафорическом описании вида боевых действий (наступление, оборона) и тактических приемов (осада). «Некоторый фрагмент концептуальной сети военных действий частично переносится» на бытовую обыденную сторону жизни (спор – это война) «язык следует этому примеру» [Лакофф, Джонсон, 2024, с. 28]. В русском языке к рассматриваемой оппозиции можно отнести ФЕ военной тематики: *глухая оборона* [ФСРЯ, 2024. Эл. ресурс]. Приведем пример реализации ФЕ в контексте: Не правда ли, похоже, что наступает природа, а человеку остается лишь глухая оборона?.. [М. Тарковский. Грозный поток (1975)]

В китайском языке чэнъюй *坚壁清野 (jiān bì qīng yě)* – букв. *укрепить стены и опустошить поля (ничего не оставлять врагу; применить тактику выжженной земли);* ***退避三舍*** *(tuì bì sān shè)* – букв. *отвести войска на 3 перехода (держаться на почтительном расстоянии; уступать, идти на уступки)* могут быть отнесены к рассматриваемой оппозиции. Коннотация ФЕ негативная. Приведем пример:

本想像其他地方的*贼一样，要么****退避三舍****，再不到唐山人的地盘；要么投奔唐山人，有生意大家一块儿****做****。 Сначала он думал поступить как другие воры: или уйти подальше от территории брата Цао и никогда на нее не соваться, или же примкнуть к его банде и работать вместе.* [РКПП, **刘震云**, **我叫刘**跃进, 2007].

Национально-культурная специфика ФЕ военной тематики заключается в уникальном выборе компонентов для метафоризации. Метафора актуализируется при описании различного оружия.

В русском языке оружие, используемое в качестве компонента фразеологических единиц, относится к позднему Средневековью и Новому времени. Например, порох и пушки появились на Руси в конце XIV конце начале XV века (*сидеть как на пороховых бочках, не подпускать на пушечный выстрел, палить из пушки по воробьям)*. Еще один вид оружия, используемого в качестве компонентов фразеологических единиц, – штыки, прикрепляемые к огнестрельному оружию, считаются оружием ближнего боя с конца XVII начала XVIII веков (*идти в штыки, воспринимать что-то в штыки*). Однако в небольшое количество ФЕ в качестве компонента входит более раннее оружие, например, *копье* (*ломать копья*), *щит* (*Со щитом или на щите, поднять на щите*) [ФСРЯ, 2024. Эл. ресурс].

В китайском языке зооним马/лошадь выступает в качестве компонента-оружия. 马/лошадь использовалась до изобретения автомобиля как главное средство передвижения и атаки в войне, хорошо организованная конница становилась верным условием для победы над врагом. Так, во ФЕ негативной коннотации ***兵荒****马乱 (bīnghuāng mǎluàn)* – букв. «солдаты и лошади в беспорядке», обр. *беспорядок, кавардак, время войн и смуты* 马/лошадь выступает в качестве компонента-оружия

[成语词典, 2024. Эл. ресурс]. **戈** гэ – колюще-рубящее древковое оружие, использовавшееся в Китае с 1600 г. до н.э. по 220 г. н.э. также является частотным компонентом ФЕ в китайском языке. Приведем пример: ***金戈***铁马 *(jīngētiěmǎ)* букв. *металлические копья и железные кони* (обр. *военные дела, войны*) [БКРС, 2024. Эл. ресурс]. Кроме того, в китайском языке есть чэнъюй, метафорически интерпретирующие более современное вооружение, например, *炮火* – артиллерийский огонь: *炮火连天*(pàohuǒ liántiān) обр. небо полыхает огнем орудий, букв. шквальный огонь [成语词典, 2024. Эл. ресурс].

Несмотря на то, что и в русском, и в китайском языках компонент-оружие выступает как основной во внутренней структуре фразеологической единицы, однако сами «культурные артефакты», их интерпретация и метафоризация уникальны и актуализируют национально-культурную специфику.

В китайском языке образ мудрых полководцев опосредовано эксплицируется во внутренней форме ФЕ, обладающих положительной коннотацией. Например, ***运筹帷幄*** *(yùnchóu wéiwò) обр. мудрая стратегия, хитроумный план; разрабатывать стратегию, планировать*. ***决***胜千里 *(juéshèng qiānlǐ) спланировать стратегию победы за тысячи миль; обр. талантливый руководитель* [成语词典, 2024. Эл. ресурс].

Общеизвестный факт, что источником происхождения чэнъюй в китайском языке являются классические романы, так, например, роман *Ло Гуаньчжун*а «Троецарствие» является источником происхождения ФЕ ***步步为营*** *(bù bù* wéi yíng) букв. на каждом шагу устраивать военный лагерь *(*обр. *продвигаться шаг за шагом, закрепляя свои позиции)* [成语词典, 2024. Эл. ресурс].

Древнекитайский стратег и мыслитель **孙子** (*Сунь Цзы),* автор знаменитого трактата «**兵法**» («Искусство войны»), посвященного военной стратегии и политике, стал также автором целого ряда чэнъюй, которые словари относят именно его авторству. Обратимся к материалу.

В китайском языке широко известен чэнъюй 围**魏救**赵 (wéi wèi jiù zhào) – букв. окружить Вэй, чтобы помочь Чжао [**成**语词**典**, 2024]. Время возникновения этой ФЕ – IV в. до н. э. Военный стратег царства Ци Сунь Бинь был направлен для помощи союзному царству Чжао, которое атаковали войска царства Вэй. Вместо того, чтобы напрямую атаковать противника, Сунь Бинь применил военную хитрость, атаковав тылы противника, создав угрозу захвата столицы. Войска царства Вэй поспешили обратно, сняв осаду царства Чжао, и в бое под Гуйлином в IV в. до н. э. Сунь Бинь разгромил противника. Позднее военная хитрость, примененная в этом бою, была включена в древнекитайский военный трактат «Тридцать шесть стратагем». В произведении «Красный гаолян»

(«红高粱家族»), написанном в 1986 г. современным китайским писателем Мо Янем (莫言) приводится пример употребления ФЕ: «*昨天我们骚扰了平度城，迫使鬼子仓惶撤退，这是『**围魏救赵**之计』吧，江队长？*” — *Мы вчера напали на Пинду и вынудили чертей спешно отступать. Эта стратагема называется «**окружить Вэй, чтобы помочь Чжао**», не так ли, командир Цзян?*» [РКПП, 莫言, 红高粱家族, 1986].

Рассмотрим статистическую картину распределения оценочных коннотаций в ФЕ в обсуждаемых языках. В русском языке среди ФЕ с военной спецификой одинаковое процентное соотношение положительной и негативной коннотации (50% соответственно), в китайском языке большинство ФЕ (60%) эксплицируют положительные характеристики, и 40% – являются негативными. Такое распределение коннотаций обусловлено, по нашему мнению, как национально-культурной интерпретацией ФЕ с военной спецификой (прославлением храбрости воинов, мудрости полководцев (что характерно в большей степени для китайской культуры), военных успехов, так и пониманием того, что война – это опасное, кровопролитное и сложное время, что тоже в целом нашло отражение в семантике ФЕ военной тематики.

ФЕ военной тематики, образно интерпретируют явления окружающего мира, поведения человека через ассоциации с различными реалиями, связанными с военной тематикой, такими как оружие, маневры и сражения, победы и поражения и, следовательно, обладают яркой национально-культурной спецификой. Образы, определяющие специфику метафоризации ФЕ военной тематики соотносятся с военным кодом культуры русского и китайского военного сословия.

Предложенная классификация фразеологических единиц военной тематики в русском и китайском языках на тематические группы в зависимости от наличия компонента, номинирующего оружие, имеющего военную специфику, а также тематической группы ФЕ, опосредованно эксплицирующих военную специфику через описание исторических событий или явлений профессиональной сферы военного дела, задействованы при описании широкого круга явлений окружающей действительности. Отметим тот факт, что хотя в русском языке сложно проследить источник происхождения многих из существующих фразеологическая единиц, в России высказывания фельдмаршала А.В. Суворова из книги «Наука побеждать» (*Пуля – дура, штык – молодец. Тяжело в учении – легко в бою.*) стали известными афоризмами, о чем следует упомянуть в силу отражения в них специфики русского культурного кода, несмотря на то, что в рамках проводимого исследования они не рассматривались.

Фразеологические единицы военной тематики в русском и китайском языках сквозь призму знаний о тактике, стратегии, особенностях использования того или иного оружия, исподьзуются при описании широкого

круга явлений и эмоций. Универсальность выявленных в процессе исследования оппозиций обусловлена сходством оценки носителями языка особенностей поведения человека («трусость», «поражение» оценивается негативно, а «храбрость», «победа» обладает положительной оценкой). Уникальность метафоры мотивирована историческими событиями, через которые проходили народы на протяжении своей истории, спецификой используемого военного снаряжения, стратегии и т.д. Фразеологические единицы военной тематики представляют собой уникальную группу, в которой происходит преобразование «культурных артефактов» и проживаемых событий в универсальные единицы, оценивающие практически любую жизненную ситуацию. Таким образом, высокий образный потенциал фразеологических единиц военной тематики обусловливает способность их интеграции в различные сферы жизни человека.

Список литературы

1. Ахмедсагирова Л.И. Об эмотивности фразеологизмов военной сферы (на материале русского и немецкого языков) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 298-304.
2. Багана Ж., Яковлева Е.С., Глебова Я.А. Национально-культурные особенности фразеологических единиц с компонентом ворона (на материале четырех языков) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 6. С. 146–159.
3. БКРС – Большой китайско-русский словарь. [Электронный ресурс]. URL: https://bkrs.info (дата обращения: 13.03.24).
4. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
5. Ван Синьцзюй Русские и китайские фразеологизмы, характеризующие поведение человека во время военных действий // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. №2. С.468-472.
6. Василенко А.П. Антропоморфный критерий в образе фразеологизма // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2021. № 1. С. 24–29.
7. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 509 с.
8. Григорьева Т.В. Аксиологические особенности оппозиции ‘сладкий – горький’ в русском языке // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 8. С. 87–93.
9. Готлиб О. М., Хуан М. Китайско-русский фразеологический словарь. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 596 с.
10. Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=3681 (дата обращения: 13.03.24).
11. Зыкова И. В. Теория и методы лингвокультурологического изучения фразеологии // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2015. Т. 6, № 1. P. 181–195.
12. Ковшова М. Л. Культурно-национальная спецификация фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4 (30). С. 91–102.
13. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
14. Лупанова Е.В. Универсальные образы в семантике фразеологизмов военного происхождения русского и английского языков. // Вестник Московского информа-

ционно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 2. С. 61-67.
15. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 13.03.24).
16. РКПП – Русско-китайский параллельный подкорпус НКРЯ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://linghub.ru/rnc_ parallel_chinese/search (дата обращения: 13.03.24).
17. Скачкова Л. В. Фразеологизмы с компонентом «военное оружие» (эмпирический и аксиологический уровни информации) Автореф. дис. канд. филолог. наук. Майкоп, 2019. 18 с.
18. Телия В.Н., Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. 1996. М.: Шк. «Яз. рус. культуры». 288 с.
19. Телия В. Н., Словарь образных выражений русского языка. М.: «Отечество», 1995. 368с.
20. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация (Учеб. пособие). М.: Слово, 2000. 624 с.
21. Фразеологический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rus-phrase-dict.slovaronline.com/ (дата обращения: 13.03.24).
22. 杨忠。 2004. **中**华词典宝库.**北京**：**人民日**报出版社， 1213页.
23. **原建平**.2002. **中**华成语大词典.**北京: 人民日**报出版社, 732页.
24. **在**线新华词典. [Электронный ресурс]. URL: http://xh.5156edu.com (accessed: 13.03.24).
25. **成**语大全 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hydcd.com/zidian/hz/15316.htm (accessed: 02.02.2022).

3.5. ИНДИКАТОРЫ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ[1]

Идеи ведущего отечественного учёного Светланы Григорьевны Тер-Минасовой обогащают лингвистику, теорию межкультурной коммуникации, лингводидактику, а также создают концептуальную платформу для получения новых знаний, в том числе в цифровой дискурсологии. В своих публикациях профессор Московского университета неоднократно подчёркивает, что в основе многих межнациональных конфликтов лежит агрессия и ксенофобия, представляющие большую угрозу для национальной безопасности государства [Тер-Минасова, 2010; Тер-Минасова, 2015; Тер-Минасова, 2019]. В дискурсивных исследованиях ксенофобия рассматривается как фактор идеологического миромоделирования, приводящего к предвзятости в оценках недоминантных социальных групп [Кушнерук, 2023].

Понимание корней и причин угроз, способных порождать социальную напряжённость на межкультурной основе, особенно актуально в настоящее время в связи с масштабной трудовой миграцией в Россию из

[1] *Данный раздел исследования выполнен при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ», 2024.*
The study was financially supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of ChelSU, 2024.

Центральной Азии (Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана) и Закавказья (Азербайджан, Армения) и активным обсуждением этих проблем на интернет-опосредованных платформах. В последние два-три года первенство среди них по числу пользователей и количеству сообществ занимает Telegram [Инклиент, 2024. Эл. ресурс] В условиях стремительной телеграмизации коммуникации главенствующая роль в формировании представлений о межкультурном взаимодействии принадлежит цифровой текстуальности. Какие из её средств являются основными маркерами межэтнической конфликтогенности? Проблема анализа практик телеграм-текстуальности в аспекте речевых индикаторов феномена не получила достаточного внимания. Вместе с тем специальные наблюдения за функционированием языка в телеграм-сфере позволяют утверждать усиление вектора поляризации между «своими» и «чужими». Это, в частности, проявляется в характере репрезентации представителей инокультур, осуществляющих трудовую деятельность в разных секторах российской экономики [Кушнерук, 2023 (1)].

Даже мимолётный взгляд на публикуемые в телеграм-канале посты, в которых используются этнонимы и их производные, даёт весьма нелицеприятное представление о трудовых мигрантах. Используя кейс-подход, мы ставим цель систематизировать основные средства телеграм-текстуальности, указывающие на культурно-мировоззренческие противоречия между гражданами России и иностранными специалистами из Азии. Материалом для исследования послужили 946 постов, отобранных методом сплошной выборки по ключевому слову «*мигрант*» из трех телеграм-каналов, охватывающих более 200 тыс. подписчиков каждый, в период с 2019 г. по 2023 г. В своих рассуждениях мы полностью разделяем мнение С.Г. Тер-Минасовой о том, что именно «язык, несущий в себе огромный заряд культуры, идеологии, системы ценностей, образа жизни, отношений между людьми играет определенную роль в развитии агрессии в человеке и является одной из причин межнациональных и межкультурных конфликтов» [Тер-Минасова, 2010, с. 31]. В словах заложен мощный потенциал напряжённости, что без должного внимания со стороны общества может привести к межэтнической ненависти и конфликтам за пределами виртуальной среды. Предвестниками этого на речевом уровне выступают конфликтогены. Понятие используется в конфликтологии для обозначения провокативных факторов, которые могут привести к конфликту [МШК, 2024. Эл. ресурс]. К речевым конфликтогенам мы относим единицы разной протяжённости – отдельные слова, имеющие пейоративную семантику, словосочетания, высказывания, а также тексты. Приведём примеры.

Семантика именных выражений и выражений сентенциального типа способствует пониманию резко негативных оценок трудовых мигрантов, содержащихся во включённых в речь средствах, – предметно-понятийном компоненте значения лексем (*извращенец, убийца, террорист, педофил, грабитель*); ассоциативно-образном компоненте значения словосочетаний, например *танцоры с гор* применительно мигрантам, исполнившим

лезгинку на проезжей части; пропозициональном содержании высказываний, содержащих этнонимы (*занимались проституцией три транса (два узбека, один таджик), которые находили время для ЛГБТ-пропаганды в интернете*). Конфликтогенами также выступают оценочные суждения, содержащие инвективы. Ср.: *Почему эти танцоры с гор такие* ***скоты****?*

В семантике лексем обнаруживаются стигматичные семы, то есть компоненты значения, обозначающие отрицательное качество лица, имеющее отражение в именовании что, фактически, превращает номинацию в идеологический ярлык [Сковородников, Копнина, 2022]. В словообразовательном отношении словесные ярлыки могут сочетать морфемы «своего» и «чужого», то есть, к примеру, русские корни и морфемы, традиционно ассоциируемые с языками стран Востока. Ср.: ***абу****-бандит устроил стрельбу* и пр. *Абу* – (араб.). приставка входит в состав собственных имён и значит: *отец*; напр., *Абу-Абдалла*, т. е. отец Абдаллы. В семантике лексемы *абу-бандит* значение первого компонента (отец) выхолащивается и ограничивается общим указанием на представителя Востока, характеризуемого резко негативно за счёт предметно-понятийного компонента (денотат – *бандит*).

Телеграм-текстуальность содержит целый арсенал «взрывоопасных» речевых средств, способных провоцировать межэтнические конфликты. Прежде чем перейти к их систематизации в заявленном аспекте, подчеркнём, что текстуальность в целом рассматривается нами как «совокупность сущностных черт, делающих текст текстом и отличающих текст от нетекста» [Чернявская, 2005, с. 78]. Под цифровой текстуальностью понимается множество текстов, производимых для чтения в цифровых форматах. Изначально трактовка понятия текста созвучна определению Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 2004, с. 512], которое развивается нами для обозначения информационно самодостаточных речевых произведений с ясно оформленным целеполаганием, ориентированных на аудиторию подписчиков Telegram. Качество цифровой текстуальности предопределено аффордансами цифровой среды – «возможностями и ограничениями для действий в виртуальном пространстве» [Кресс, 2016; Trimarco, 2015]. Одним из наиболее значимых аффордансов виртуальной коммуникации является мультимодальность. В этих условиях понятие телеграм-текста существенно расширяется, включая представления о соположении в пределах речевого произведения знаков разной семиотической природы.

Рассмотрим качественное своеобразие знаков естественного языка как ведущей составляющей цифровой текстуальности и докажем, что «ингерентно заложенная» (по С.Г. Тер-Минасовой) в ней конфликтогенность реализуется в речи телескопией графических, орфографических, лексических, грамматических, текстовых особенностей, что свидетельствует о межэтнической напряжённости и проблемах межкультурного взаимодействия российских граждан и трудовых мигрантов из стран Центральной Азии и Закавказья.

Графический уровень. Ландшафт цифровой текстуальности телеграм-постов о трудовых мигрантах формируется благодаря использованию графиксатов – семиотически-гибридных средств, к которым относятся сочетания цифр, компьютерных знаков, подчёркивания, шрифтов, капса, эмодзи. Графиксатами (или графодериватами) называют единицы, полученные с помощью графо-орфографической игры, которые, как правило, рассматриваются в пределах конструирования одной лексемы [Замальдинов, 2021].

Специальные наблюдения подтверждают, что объём обсуждаемого понятия существенно меняется в сторону расширения. В телеграм-дискурсе о трудовой миграции имеет место **мультимодальная графиксация**, которая проявляется не на уровне слова, но на уровне высказывания. Ср. примеры в квадратных скобках: [**«Одного притушили»**]; [В Госдуме хотят изменить понятие «соотечественник» из-за наплыва мигрантов]; [Обнаглевших мигрантов вышвырнули из маршрутки]. Приведённые речевые произведения являются сочетают модусы письма и изображения, отличаются повышенной аттрактивностью, поскольку выражают конфликтогенные смыслы за счёт конвергенции знаков символической, иконической и индексальной природы. Этому также способствуют многочисленные фото и видео, вмонтированные в канву телеграм-постов.

Концентрация внимания на модусе письма позволяет выделить ряд графологических особенностей как признаков межэтнической напряжённости. К ним в широком смысле мы относим представление естественного языка в текстовом виде с помощью набора символов, определяемых с точки зрения начертания заглавных букв, правописания, пунктуации, способов смыслового выделения (курсив, жирный шрифт, подчёркивание и т.д.).

Капитализация – выделение семантически значимого слова большими буквами. Ср.: … *два друга камазиста приходят в Дикси и требуют показать им камеры, чтобы найти детей, которые не дали избить мужчину и* ***ОТОМСТИТЬ***. Приём используется для привлечения внимания к социальной проблеме. Телеграмер демонстрирует осуждение действий мигрантов-водителей, имеющих намерение совершить акт мести обидчикам. В иных контекстах с той же целью используются жирный шрифт и подчёркивание. Ср.: *Количество изнасилований, совершённых мигрантами в 2022 году,* ***равно 737****, что на* ***42% больше****, чем в 2021 г.; Мало кто знает, что гастарбайтеры в России* ***по закону*** *могут быть избраны на пост мэра города*.

Графологические приёмы помогают сделать части поста более заметными, бросающимися в глаза и применяются модераторами для стимулирования решения острых социальных вопросов, нуждающихся в результативных подходах со стороны общества.

Грамматический уровень. Индикатором конфликтогенности являются словообразовательные, морфологические, синтаксические

средства, использование которых телеграмерами нацелено на «захват внимания» аудитории и моделирование ракурсов негативного восприятия «иностранных специалистов» из Средней Азии и Северного Кавказа.

На **словообразовательном** уровне морфема «абу-» используется в структуре существительных и прилагательных, обозначающих представителей трудовой миграции: *абу-бандиты, абу-боец, абу-блогер, абу-бандитские.* Ср.: ***Абу-бандит*** *демонстративно избил девушку*. Для образования окказиональных слов-номинантов регулярно используется сложение и контаминация (*блогер-неонацист, лгбт-нацисты, строитель-нацист, ваххабит-собакофоб, охранник-ваххабит, блогер-ваххабит, интернет-ваххабит, авиа-ваххабит, мигрант-извращенец* и др.). Ср.: *Напомним, что лидер* ***блогеров-неонацистов*** *уже осторожно убежал в Азербайджан*.

На **морфологической уровне** регулярны замены существительного «мигрант» сочетаниями, образованными по модели [имя прилагательное + имя существительное]: *иностранный специалист, предприимчивый специалист, иностранный шаурмист, ценный специалист, незаменимый специалист, многонациональный сотрудник, трудолюбивый водитель/ коммунальщик/кондуктор, самоуверенный приезжий* и др. При этом семантика прилагательного содержит негативную оценку и передаёт иронию. Ср.: *200* ***незаменимых специалистов*** *устроили массовую драку с охраной склада.*

С позиций когнитивной грамматики, предложение является лингвистическим аналогом ситуации [Radden, Dirven, 2007, p. 41]. Под ситуацией понимаются события, которые происходят, или состояния, в которых находятся концептуальные сущности. С учётом связи концептуального и синтаксического уровня репрезентации событий в телеграм-дискурсе о трудовой миграции мы выделили регулярную модель организации пропозиционального содержания «*Место – субъект 1 – субъект 2*». Она используется для фокусирования внимания подписчиков на проблеме, её локализации и вовлечённых участниках.

Модель реализуется полностью, если субъекты (мигранты, местные жители, компетентные органы) эксплицированы и пространственный параметр (место) обозначен. Ср.: *В* [название города] *азербайджанец с паспортом РФ жестоко зарезал местного русского парня*; *В* [название города] *абу-бандиты сожгли автомобиль единственной женщины-депутата*; *В* [название города] *нелегальные торговцы устроили огромный стихийный рынок; В* [название города] *мигрант зарезал девушку прямо в её автомобиле*.

При частичной реализации модели профилируется один субъект. Ср.: *В* [название города] *поймали мигранта-педофила*; *В* [название города] *задержали мигранта, подозреваемого в отправке детям порноснимков*. Грамматически это выражается при помощи неопределённо-личных конструкций, акцентирующих внимание на глаголе-сказуемом, обозначающем действие компетентных органов (*поймали, задержали*).

Одновременно профилируется социальный актор «мигрант», его негативная оценка содержится в денотативном значении номинантов (*педофил*), а также характеристике действий (*отправке порноснимков*). Ср.: *В настоящее время проводятся необходимые мероприятия.* Глагольность неопределённо-личных конструкций придаёт им динамизм и позволяет подчеркнуть характер действий, производимых для устранения проблемы.

Использование грамматических ресурсов естественного языка подчинено прагматическим целям телеграмеров, основной из них является привлечение внимания к противоправным действиям трудовых мигрантов. Стремление достичь профессиональный отклик уполномоченных лиц и эмоциональный резонанс у граждан предопределяет выбор векторов синтаксического форматирования концептуального содержания. Это во многом происходит за счёт односоставных конструкций, выполняющих разные функции.

Определённо-личные предложения нередко выполняют функцию обращения и побуждения к действию. Ср.: *Всех читающих наш канал правоохранителей* ***просим*** *обратить внимание на этого ценного специалиста и привлечь его к ответственности.* В других случаях они придают экспрессию коммуникации, указывают на глубокую заинтересованность адресанта в установлении справедливости, регулируемой законом. Ср.: *Все подозреваемые сдали друг друга во время допроса. Сейчас они находятся под домашним арестом.* ***Надеемся*** *на крупный срок.*

Наиболее характерная форма сказуемого обобщённо-личных конструкций – глагол 2-го лица единственного числа, которая передаёт генерализирующее значение и выполняет констатирующую функцию. Ср.: *К сожалению, этих* [трудовых мигрантов] *никуда* ***не депортируешь.*** Обобщённо-личные конструкции с глаголом 1-го лица, указывающим на действие, которое может относиться к любому человеку, обладают ещё большей риторической силой как части сложноподчинённого предложения. Ср.: *Скоро дождёмся того, что будут десятками отбивать намаз в самых разных местах.* Проблема культурных различий возводится в разряд угрожающих интересам всех российских граждан.

Стремление к объективному изложению фактов о трудовых мигрантах обусловливает использование безличных оборотов, которые, с одной стороны, позволяют адресантам избежать категоричных оценок, с другой, – усиливают действенность речи, выполняя функцию предписания. Например, при помощи глаголов, выражающих оттенки долженствования (*следует, приходится*), и порядка слов. Ср.: *В вопросах же работы с мигрантами* ***упор следует делать*** *на адаптацию прибывающих, обучение их языку и общественным правилам.* В роли сказуемых нередко выступают модальные безлично-предикативные слова (*надо, нужно, необходимо, можно, нельзя, пора*), выражающие значения необходимости, готовности, возможности выполнить действие, обозначенное глаголом. Ср.: *Таких* ***надо депортировать*** *обратно на Родину без права возврата в Россию!; Таких*

можно *сразу* ***отправлять*** *на родину*; *В таких случаях* ***нужно объявлять*** *в международный розыск.*

Инфинитивные предложения открывают возможности выражения высокой степени категоричности и эмоционального накала. Они несут мощный экспрессивный заряд и отличаются повышенной напряжённостью, если дополняются невербальными знаками, – эмодзи и стикерами. В телеграм-дискурсе о трудовых мигрантах инфинитивные конструкции часто используются в значении императива. Ср.: – ***депортировать***!; ***Аннулировать*** *все визы для мигрантов!*; *Это не люди!* ***Наказать*** *по всей строгости, никаких поблажек*.

К числу средств, указывающих на конфликтогенность межкультурного взаимодействия, относятся грамматические явления, передающие субъективно-эмоциональное восприятие трудовой миграции. Вместе с тем они подчёркивают стремление к **интимизации** общения с подписчиками и имеют выраженный разговорный характер:

а) форма повествования «от первого лица»: *Пока мы не можем достоверно подтвердить, что за рулём был именно мигрант, но в любом случае, надеемся, что это вопиющая история не останется без внимания*;

б) обращение к подписчикам «здесь и сейчас»: *Перешлите это сообщение в Следственный Комитет в телеге и в приёмную Бастрыкина в ВК*;

в) вставные конструкции: *Мы считаем, что таким нелюдям в России делать нечего (а если и есть чего, то на условных урановых рудниках), призываем подписчиков максимально распространить пост с целью скорейшей поимки и наказания абу-бандита*. Обычно вставные конструкции лишены экспрессии. В телеграм-дискурсе о трудовых мигрантах они передают значения субъективной модальности, служат для пояснения позиции телеграмера и являются оценочными. Содержание постов к действительности устанавливается с точки зрения желательной для адресанта перспективы (заключение под стражу);

г) вводные конструкции указывают на источник информации: *По словам нашего подписчика, иностранные торговцы выбрали тактику работать в определенные часы*; *По словам местных жителей, третий сообщник их ждал на улице*. Они используются модераторами для создания эффекта достоверности.

д) чужая речь – прямая, косвенная, несобственно-прямая.

Первые две разновидности создают эффект документальности: *«Выясняются мотив и все обстоятельства преступления. Возбуждено уголовное дело по ст. 115 УК РФ (умышленное причинение лёгкого вреда здоровью)», – написала после его задержания Ирина Волк*. Источники цитирования – представители государственной власти, компетентных органов, эксперты, УК РФ, очевидцы. Косвенная речь передаёт содержание высказываний вовлечённых лиц (преступников, жертв, случайных прохожих и пр.). Особую выразительность создаёт несобственно-прямая речь. Обладая двуплановостью, она, с одной стороны, позволяет охарактеризовать

ситуацию с позиции телеграмера, с другой – через восприятие другого участника событий: *Преступные действия малолеток из Узбекистана попали в объектив камеры. Местные правоохранители уже отчитались – с несовершеннолетними была проведена беседа, а после их передали родителям. Ну если побеседовали, теперь точно больше «хулиганить» не будут, пускай дальше в РФ живут, мы же многонациональная держава*.

Указанные грамматические средства оформления дискурсивных практик свидетельствуют о высоком градусе накала межэтнических отношений между гражданами и представителями инокультур, ведущих трудовую деятельность в разных сегментах российской экономики.

Лексический уровень. Маркерами конфликтогенности выступают функционирующие в телеграм-дискурсе лексико-семантические единицы. В подтверждение выделим основные группы имён нарицательных, используемых для номинации трудовых мигрантов:

а) апеллятивы, изначально содержащие негативно оценочные семы (*нелегал, дикарь, террорист, хулиган, насильник, агрессор, грабитель, педофил, боевик, моджахед, наркобарон, извращенец, нечисть* и др.). Ср.: *Посмотрите на поведение этого* ***дикаря*** *– просто квинтэссенция неадекватности*.

б) апеллятивы, приобретающие негативную коннотацию в контексте (*инородцы, уроженцы, горец, среднеазиат, ваххабит, таджик, узбек* и др.). Ср.: *…****инородцы*** *избили русского парня прямо в автобусе; …задержали* ***ваххабита****, ранее напавшего на мужчину.* Семантика лексем *инородец* и *ваххабит* является нейтральной. Инородец – уроженец окраины страны, принадлежащий к одному из национальных меньшинств. Ваххабиты – последователи одного из течений в исламе, призывающие отказаться от роскоши, песен и танцев, от употребления вин и табака [Академик, 2024. Эл. ресурс]. В приведённых примерах пейоративные семы, отсутствующие в системном значении слов, контекстуально «наводятся» (по Б.Ю. Норману). В обоих случаях комбинаторика со словами-партнёрами способствует деградации значения слов.

в) апеллятивы, приобретающие негативную коннотацию в результате метафорического употребления (*бабуин, крысёныш, орда, клещ, танцор* и др.). Ср.: *Самый активный* ***бабуин****, размахивая палкой и поливая всех грязью, несколько раз ударил одного из наших бойцов*; *Нас больше беспокоит наплыв* ***орды*** *чужеземцев на нашу землю.*

в) окказионализмы, несущие пейоративную оценку субъекта (*многонациональный бомбила, беспредельщик, закладчик, кладмены, доморощенные исламисты, дружбанародные специалисты, обнаглевший многонационал, импортированные вандалы* и др.). Ср.: *Работающий нелегально* ***многонациональный бомбила*** *решил отжать площадку у местных таксистов. Двое студентов из Средней Азии подрабатывали* ***закладчиками*** *– их задержали с героином*.

г) апеллятивы-инвективы – слова и словосочетания, которые передают резко отрицательную оценочную характеристику трудовых

мигрантов (*подонок, мразь, мерзость, шваль, скоты* и др.). Ср: *узбек изнасиловал девочку. <…> Какое наказание заслуживает* ***подонок****?; сколько такой завозной* ***мерзости*** *обитает в наших городах да весях.* Инвективами обозначается социально осуждаемая позиция характеризуемого. Типичным для многих телеграм-каналов является замена астериском гласной буквы нецензурных слов.

Лексические индикаторы межэтнической конфликтогенности также обнаруживают тенденцию к **вульгаризации** общения между модераторами и подписчиками, то есть намеренному использованию нелитературной лексики (просторечия, жаргонизмов, слов с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской) как устойчивой черте содержания телеграм-дискурса о трудовой миграции.

Текстовый уровень. Индикаторы конфликтогенности рассматриваются нами с формальной, семиотической и функциональной точек зрения, что обусловливает обращение к организации и кодированию информации в телеграм-постах, а также установлению прагматических «эффектов» цифрового речепорождения, основанного на симбиозе форм речи.

В структурно-семиотическом плане телеграм-сообщения являются конвергентными. Это значит, что в них комбинируются разные модули и модусы, обеспечивающие целостность передаваемого содержания. При модульной конвергенции в пределах телеграм-поста конфигурируются словесные и несловесные блоки. Это наделяет сообщение особыми когезивными свойствами, усиливает суггестивность смыслогенерации, повышает её содержательно-экспрессивный и миромоделирующий потенциал. Поскольку конструктивные блоки располагаются в определённом порядке, можно утверждать наличие суперструктуры телеграм-поста, в которой выделяются облигаторные и факультативные составляющие. **Облигаторными** мы называем слагаемые, без которых телеграм-коммуникация не происходит: (а) модуль самопрезентации (фото, изображение, название канала); (б) модуль «тело» телеграм-поста; (с) модуль обратной связи. **Факультативными** являются модули, присутствие которых в структуре телеграм-поста является возможным, но не обязательным. Они объективированы элементами невербальной природы, передающими дополнительную информацию об объекте речи: фото, видео, аудио, графика (картинка, рисунок, график, чертёж, диаграмма, схема, скриншот, плакат, афиша, постер, инфографика, мемы, созданные с помощью точек, линий, пятен, штрихов). Любой из перечисленных элементов может выступать конфликтогеном.

«Тело» телеграм-поста представляет собой наиболее значимый конструктивный модуль. Конфликтогенные смыслы все чаще создаются по композиционным принципам, предполагающим взаимное расположение и упорядочение нескольких модусов, – письма, изображения, звука. Основополагающий в доцифровую эпоху модус письма в условиях виртуального общения подвержен существенным трансформациям. В цифровой коммуникации письменная речь всё больше «выступает как

эквивалент бытовой разговорной речи» [Голев, 2013, с. 14]. Наблюдается активное внедрение устно-разговорной речи в письменную, что ведёт к появлению «письменно-разговорной речи» (Н.Д. Голев) и «письменного просторечия» (Б.А. Ларин).

В постах о трудовых мигрантах из Центральной Азии и Закавказья на уровне внешней формы доминирует письменный способ общения, концептуально – устный. В формально-языковом и функциональном плане это, фактически, означает, что письменная речь «заимствует» многие свойства звучащей речи (неподготовленность, обращённость, неформальность, отсутствие ограничений на способы выражения). В результате появляется «письменная разговорность» как особая гибридная форма цифровой текстуальности. В телеграм-дискурсе она производит следующие прагматические «эффекты»:

1) **спонтанности**, признаком которой можно считать отсутствие сложных синтаксических конструкций, обилие парцеллированных конструкций, неполных предложений, где присутствуют ключевые слова высказывания, остальное восполняется ситуацией речи и/или сопутствующим изображением. Ср.: *В подъезд одной из многоэтажек зашли трое специалистов. Долго лазили по углам и укромным местечкам, но не смогли найти того, что искали. Ушли, но через 10 минут вернулись, схватили два детских самоката и укатили* (о мигрантах, искавших наркотики).

2) **непринуждённого двустороннего общения**, характерной черты повседневной коммуникации «лицом к лицу». Телеграмер прямо или косвенно обращается к аудитории. Ср.: *Если у кого-то есть фотография без ретуши – пришлите, поможем СК найти педофила*; *… давайте перешлём это сообщение в Следственный Комитет в телеге, чтобы преступники не ушли от ответственности*.

3) **неформальности**, **раскованности**, традиционных для фамильярного общения. Обилие слов и оборотов, часто с пометой *сниж.*, *простореч.* (*свернуть шею, отправить в дурку, хряпнуть водки, до кучи, раздать «люлей»* и др.). Ср.: [мигрант] *напал на шестилетнюю девочку, угрожая свернуть ей шею*; *…бухой гастарбайтер, налакавшись шайтан-воды, принялся культурно обогащать сотрудников полиции*.

4) **свободы выражения** («говорю, что хочу и как хочу»). Проявляется в предложении возможных с точки зрения телеграмера решений проблемных ситуаций. Ср.: *А вот если бы с ним не сюсюкались, а депортировали после первой административки, то не было бы никакого ДТП и пострадавших детей*.

5) **аутентичности**, подчёркивающей подлинность сообщений. Реализуется на уровне отсылок к артефактам мусульманской культуры и религии (*никаб, хиджаб, паранджа, намаз, кафир* и др.), а также графической передачи особенностей речи трудовых мигрантов. Ср.: *«С Новым годай, с новый щастей»; «Ты вабще не чилявека»*; *«Я из другой страны – меня нельзя трогать, понель?!»*.

6) **экспрессивности**, выражающей не-нейтральное (субъективное) отношение говорящего к содержанию речи. Эффект достигается за счёт органичного содружества, взаимного наложения и дополнения таких свойств текста, как оценочность, образность, интенсивность, иносказание, структурно-композиционные и семиотические особенности.

Приведём пример димодусного телеграм-поста, созданного по модели «письмо + динамическое изображение». Видео демонстрирует, как мальчик азиатской внешности употребляет бранную лексику в отношении русских, и прохожий записывает это на камеру. Модус письма служит целям интерпретации, разъяснения и оценки происходящего. Он представлен следующим текстом: ***Малолетний специалист из Таджикистана*** *культурно обогатил прохожего. Кто-то на полном серьёзе надеется такое вот интегрировать в российское общество, хотя за подобное должна следовать немедленная депортация всей семьи и родственников на солнечную родину к спелым дынькам и курдючным барашкам. <…> И не нужно обманывать себя, что это единичный случай, это не так* [Многонационал, 2023. Эл. ресурс].

Экспрессивность усиливает конфликтогенность. Внимание подписчиков концентрируется на трудовой миграции как социальном недуге. По мнению модератора, его невозможно излечить интеграцией инокультурных представителей в «своё» общество. Выход видится в депортации мигрантов как кардинальной мере. Личностная составляющая, главным образом, присутствует в виде рациональных оценок. Негативному видению социального неблагополучия способствует отбор иллюстративного материала (видео, демонстрирующего поведение ребёнка из семьи мигрантов), ирония (*культурно обогатил прохожего*), эмфаза (*надеется такое вот интегрировать*), экспрессивно-оценочные слова с суффиксом «к», передающие презрительность и уничижительность (*дынькам, барашкам*).

Анализ особенностей цифровой текстуальности Telegram в каналах, посвящённых трудовой миграции, позволяет выявить многочисленные проявления речевой конфликтогенности межкультурного взаимодействия, организованного по поводу деятельности представителей азиатских этносов в российской экономике. Телеграм-текстуальность обладает мощным зарядом агрессии, который заложен в системе графических, грамматических, лексических и текстовых средств, генерирующих исключительно пейоративные оценки трудовых мигрантов из стран Центральной Азии и Закавказья.

Психологи единодушно признают, что агрессия порождает ещё большую агрессию. Речевые конфликтогены провоцируют ответную реакцию как желание «обиженного» компенсировать потерю «лица». Это отнюдь не способствует сохранению национально-культурной самобытности сторон, вступающих в коммуникацию на профессиональной основе. В урегулировании миграционных вопросов заинтересованы как государственные службы, так и обычные граждане. На этом фоне недопущение межнациональных конфликтов должно стать первостепенной задачей всего российского общества.

Для предотвращения эскалации межэтнической конфликтогенности, как в виртуальной среде, так и за её пределами, требуются конструктивные меры со стороны самых разных специалистов. Дальнейшее исследование цифрового языка с точки зрения трансляции этнических, религиозных, ценностных ориентиров представителей взаимодействующих культур способно внести свой посильный вклад в решение межэтнических конфликтов и упреждение ксенофобии.

Список литературы

1. Академик [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dic.academic.ru/ (дата обращения: 17.05.24).
2. Голев Н.Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5(25). С. 12-30.
3. Замальдинов В.Е. Особенности образования и функционирования графиксатов-эргонимов салонов красоты Нижегородского региона // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 2(41). С. 12-18.
4. Инклиент. Статистика Телеграм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://inclient.ru/telegram-stats/ (дата обращения: 17.05.24).
5. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. 2016. № 3. С. 77-100.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славян. культуры, 2004. 560 с.
7. Кушнерук С.Л. Ксенофобия как фактор идеологического миромоделирования в цифровой коммуникации // Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. 2023. № 16 (6). С. 871-883.
8. Кушнерук С.Л. Референциальный аспект миромоделирования в цифровой коммуникации о трудовых мигрантах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023 (1). № 3. С. 112-124.
9. Многонационал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://t.me/mnogonazi (дата обращения: 4.08.23).
10. МШК. Московская школа конфликтологии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://conflictmanagement.ru/chto-takoe-konfliktogen/ (дата обращения: 1.05.24).
11. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Словарь современных политических ярлыков. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. 176 с.
12. Тер-Минасова С.Г. Язык и национальная безопасность (современный аспект проблемы) // Ценности и смыслы. 2010. № 6(9). С. 25-33.
13. Тер-Минасова С.Г. Культурные и языковые аспекты национальной безопасности // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения : Материалы международного научного семинара, Прага, 26 октября-02 ноября 2014 года. Прага: ООО «Градиент», 2015. С. 29-38.
14. Тер-Минасова С.Г. Языковые проблемы национальной безопасности в современном обществе (на материале русского и английского языков) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2019. № 29. С. 174-176.
15. Чернявская В.Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 2. С. 77-83.
16. Radden G., Dirven R. Cognitive English Grammar. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. 2007. xiv, 374 pp.
17. Trimarco P. Digital Textuality. UK: Palgrave, 2015. 176 p.

3.6. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СОЦИУМОВ КАК ПРЕДМЕТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О связи языка и культуры со времен В. фон Гумбольдта написаны десятки книг, однако, исследование преломления и отражения этих феноменов друг в друге остается актуальным, раскрываясь с новых сторон при использовании разных подходов в их изучении. Особый интерес в глобальном мире приобретают такого рода исследования для осуществления бесконфликтной коммуникации между представителями разных языков и культур. В исследовании межкультурных отношений и выявлении культурных различий применяют разные подходы, обусловленные классификацией культурных различий, сопоставимостью культур и понятий. Исследователь межкультурных отношений Геерт Хофстеде на основе эмпирического исследования более 110 000 сотрудников IBM разработал в 60-е годы XX в. с помощью факторного анализа модель культурных измерений. Применение дальнейших разработок этого подхода и полученные для некоторых стран данные вызывают широкую полемику в последние десятилетия. Вместе с тем, материал представляет разнообразные возможности для оценки при проведении коучинга в области личного и профессионального контекстов [Barmeyer, 2012; Hofstede, 2017]. Были разработаны и другие виды культурных измерений (Hall, 1981), определены разные типы культур, даны их описания, издан словарь основных понятий межкультурной коммуникации и культурологии [Barmeyer, 2012].

Существенный вклад в разработку отечественной теории и практики межкультурной коммуникации внесла выдающийся советский и российский ученый, заслуженный профессор и Звезда Московского университета С.Г. Тер-Минасова. Благодаря усилиям Светланы Григорьевны научное направление «Межкультурная коммуникация» вошло в реестр вузовских специальностей. В ходе разработки этого аспекта теории общения был издан «Словарь терминов межкультурной коммуникации» [Жукова, Лебедько, Прошина, Юзефович, 2015], благодаря которому стало возможным уточнение базовых понятий, определение ключевых терминов. С.Г. Тер-Минасова описала и проанализировала явные и скрытые языковые и социокультурные проблемы, с которыми приходится сталкиваться при общении на иностранных языках. Опираясь на научные изыскания и практический опыт, Светлана Григорьевна показывает на своих многочисленных примерах, что знание языка не является единственным гарантом для эффективного общения. Для этого требуется еще и знание культурных норм партнеров по общению, «то есть их традиций, образа жизни, видения мира, менталитета, национального характера» [Тер-Минасова, 2008а, с. 98]. «Язык – орудие познания, с помощью которого человек познает мир и культуру. Наконец, язык – это орудие культуры: он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию.

Язык – строгий и неподкупный учитель, он навязывает нам заложенные в нем идеи, представления, модели культурного восприятия и поведения» [Тер-Минасова, 2008б, с.134]. Как проявляются культурные нормы, если народы, живущие в разных странах, используют один язык общения? Как соотносятся терминологические единицы в западной традиции и насколько они совпадают с элементами терминологических систем других лингвокультурных сообществ? Сопоставимы ли культурные нормы представителей различных социумов и какова роль языка в этом процессе? Важной областью исследования является межкультурная профессиональная коммуникация, в процессе анализа которой могут быть выявлены значимые с теоретической и практической точек зрения особенности.

Словарь терминов межкультурной коммуникации дает следующее определение культурной нормы: «**норма культурная/коллективная** – *cultural/ collective norm.* – Предписания, требования, пожелания и ожидания соответствующего общественно одобряемого поведения в контексте определенной ситуации. Нормы можно легко вычленить на основе наблюдения за поведением членов культурного сообщества. На нормы большое влияние оказывают культурные традиции, верования и ценности» [Жукова и др., 2015, с. 272]. Словарь «Культурология. XX век» определяет культурную норму следующим образом: «Норма культурная – стандарт культурной деятельности, регулирующий поведение людей, свидетельствующий об их принадлежности к конкретным социальным и культурным группам и выражающий их представление о должном, желательном. Назначение нормы состоит в минимизации случайных обстоятельств, субъективных мотивов, психологических состояний. Нормативное регулирование отношений предполагает добровольное и сознательное принятие каждым человеком распространенных в данной культуре норм деятельности» [Словарь Культурология. XX век, 1997, с. 321].

Философский энциклопедический словарь определяет норму как «предписание, образец поведения или действия, мера заключения о чем-либо и мера оценки. Норма выражает то, что существует или должно существовать во всех без исключения случаях, в противоположность закону, который говорит лишь о существующем и происходящем, и правилу, которое может быть выполнено, а может быть и не выполнено» [Философский энциклопедический словарь, 1997, с. 306].

В условиях глобализации, массовой миграции, катаклизмов неизменно растет число людей, которые должны или хотят жить, общаться и работать вместе с представителями других культур. В ходе такого взаимодействия возникают межкультурные недопонимания или более серьезные проблемы, которые подлежат разностороннему исследованию для их разрешения и устранения.

Обратимся к рассмотрению фактического материала на примере описанных в литературе результатов лингвокультурологических, в том числе сравнительно-сопоставительных, исследований. Современный немецкий социальный психолог и сооснователь института менеджмента

сотрудничества (Instituts für Kooperationsmanagement) Александер Томас (Alexander Thomas) занимается вопросами культурных стандартов (Kulturstandards) в разрезе межкультурной коммуникации, прежде всего в деловой коммуникации для подготовки немецких менеджеров к работе за рубежом. Как соотносятся термины культурный стандарт в западной науке и культурная норма в отечественной? Согласно «Словарю терминов межкультурной коммуникации», стандарт – «общепринятый, исторически сложившийся набор правил. Стандарт и норма очень близкие понятия, но иногда они различаются тем, что под нормой понимают социальные ожидания, которые определяют соответствующие формы взаимодействия в рамках той или иной системы, в то время как стандарт – это исторически обусловленная форма употребления» [Жукова, 2015, с. 394].

А. Томас понимает под культурными стандартами все виды восприятия, мышления, суждения и действия, которые воспринимаются подавляющим большинством членов социальной группы (нации, общества, объединения и т.д.), которая считает их нормальными, типичными и обязательными для себя и для других. Собственное поведение и поведение других людей оценивается и регулируется этими основными культурными стандартами. Индивидуальный и групповой подход к центральным культурным стандартам регулирования поведения может варьироваться в пределах определенного диапазона терпимости. Поведение, выходящее за пределы соответствующих границ, отвергается и подвергается наказанию социумом [Thomas, 1993, 2005]. Исследователь различает центральные культурные стандарты, являющиеся характерными для страны или какой-то культурной области; специфические для конкретной сферы культурные стандарты и контекстуальные культурные стандарты, которым следуют представители культур в определенной ситуации [Thomas, 2003].

Были изучены различия культурных стандартов не только на уровне государств, но и на уровне различных конфессиональных групп, в частности, путем сравнения европейской (христианской) культуры с индуистской. Так, приводится случай из практики, в котором демонстрирует особое отношение к материальному достатку, обусловленное культурными нормами населения Индии. Во время полевых исследований в Индии в 1982 году исследователи брали интервью у представителя низшей касты из Варанаси, который со своей семьей жил в крайне плохих условиях. На строительной площадке университета, где стояла его хижина, необходимо было разгрузить повозку, нагруженную камнями. Мужчине предложили работу с относительно хорошей почасовой оплатой. Прежде чем согласиться, он исчез в хижине и вернулся через несколько мгновений. Он спросил жену, достаточно ли в доме риса на этот день. Когда она ответила утвердительно, мужчина отказался работать [Thomas, 1991, с. 105]. Индуистское отношение ко времени Томас видит в выражении их расслабленности и отсутствии планирования. Вероятно, это связано и с климатическими особенностями, которые позволяют собирать два-три урожая в год, и с трудностями, возникающими в связи с необходимостью

сохранять плоды человеческого труда в определенных условиях, поэтому у фермеров, как правило, нет запасов урожая. Возникающий здесь культурный стандарт также сформирован мифом о бесконечном бесцельном цикле событий, в котором действия человека, не способствующие освобождению от цикла, считаются менее важными [Там же].

Интересно отметить тот факт, что совместно со своей коллегой австрийским психологом С. Лакнер (Saskia Lackner) А. Томас работал над программой бизнес-тренинга „Beruflich in Österreich" («В Австрии по работе»). Тренинг предназначен для руководителей высшего звена, которые отправляются на работу из Германии в Австрию.

Программа тренинга состоит из семи блоков. В рамках каждого блока рассматриваются примеры взаимодействия с австрийскими коллегами в соответствующих ситуациях:

1. Межличностные отношения в коллективе. Ситуации: деловые встречи, общение в коридоре, передача проекта.
2. Непрямая коммуникация. Ситуации: договоренности, оперативные совещания, предложение стратегии.
3. Стремление к гармонии и избегание конфликтов. Ситуации: обсуждение, разговор с коллегами, заявление, претензия.
4. Должности. Ситуации: доставка, рассылка, у врача.
5. Правила. Ситуации: волна гриппа, порядок взимания налогов, оплата церковного налога, квартальный отчет.
6. Круг знакомств. Ситуации: смена школы, новый коллега, оперный бал, льготы.
7. Дружелюбные соседи. Ситуации: собрания, футбольные состязания, основное здание.

Как следует из названия блоков и рассматриваемых ситуаций, программа тренинга охватывает не только коммуникацию по долгу службы, но и бытовое общение за пределами офиса. Можно предположить, что выбор тем обусловлен не только наиболее часто встречающимися ситуациями, но и теми ситуациями, которые могут вызвать непонимание между представителями разных государств в силу различных культурных норм. Так, например, заслуживают внимания такие блоки как «непрямая коммуникация» и «стремление к гармонии и избегание конфликтов». Здесь можно сделать вывод не только о менталитете австрийцев, но и о более прямом, ассертивном поведении немцев, для которых непрямой стиль общения является непривычным. Во вступительной части А. Томас озвучивает возможные мысли немецкого читателя, для которого предназначена книга, задавая отчасти риторический вопрос, для чего немцу необходим специальный тренинг в работе с австрийскими партнерами, когда их объединяет немецкий язык. Кроме того, продолжает автор, согласно общепринятому мнению, австрийцы очень похожи на баварцев, культура которых знакома немцам. Отчасти, соглашается автор, культуры Германии и Австрии действительно ближе друг другу, чем культуры Германии и Китая, Бразилии, Индии, а также США и России. При этом, несмотря на общий язык, важен

выбор тех или иных слов и выражений для каждого контекста, учет временного фактора в определенной ситуации (насколько короткой или продолжительной должна быть коммуникация), какие выражения могут рассматриваться как проявление вежливости, а какие как оскорбительные [Thomas, 1991].

Важность владения культурными знаниями представляется необходимой для развития межкультурной компетенции у сотрудников и будущих специалистов [Vishnyakova, 2020]. Исследователи подчеркивают необходимость знания деловых и культурных особенностей партнеров [Малюга, 2008; Назарова, Буданова, 2006; Пономаренко, 2015] в целях адекватного понимания деловых и социальных установок, соответствующих местной поведенческой культуре, в том числе и языковой.

Итоги исследования культурных стандартов в ходе экономического сотрудничества представителей трех стран-соседей – австрийцев, немцев и чехов представляют интересный показательный сравнительно-сопоставительный материал. Работа проводилась на основе интервью в 1996-97 гг., взятых в Германии, Австрии и Чехии – письменные опросы, групповые дискуссии, интервью с экспертами, которые затем были подвергнуты качественному анализу и результаты которого рассматриваются как культурные стандарты в описываемых категориях [Fink, Novy, Schroll-Machl, 2000]. В ходе опросов рассматривались наиболее критические моменты, возникающие в межкультурных профессиональных отношениях. Так, одним из основных отправных пунктов при анализе культурных стандартов было изучение отношения к делу и роль межличностных отношений при этом.

По данным настоящего опроса, для чешских представителей наиболее важно на первом этапе установление межличностных отношений и только затем переход к делу. Большую роль играет при этом создание комфортной атмосферы общения. Партнерские отношения, начатые чехами, поддерживаются и далее. Напротив, для немцев первоочередным является дело, роль в нем участников и их профессиональная компетенция. Деловой подход – то, что ценится немцами в первую очередь. Если при этом устанавливаются более дружеские отношения, это считается приятным бонусом, но не является релевантным. Для немцев важно строго оперировать фактами, в то время как для австрийцев большую роль играют межличностные отношения, чем деловой подход, однако, в меньшей степени, чем у чехов. Опросы показывают срединное положение австрийцев по отношению к делу между чехами и немцами. Для австрийцев важны компетенции партнеров, но они не являются определяющими. Их стиль коммуникации учитывает необходимость поддерживания вежливого отношения, создания хорошего впечатления, дружелюбия, готовности помочь, гостеприимства и учитывания интересов партнера. Аргументации австрийцев не столь жесткие, как у немцев. Вторым контрастным показателем явилась девальвация структур у чехов, их любовь к импровизации. Своими преимуществами они считают

гибкость, податливость, находчивость. Креативность, способность проектировать рассматриваются ими как почва, на которой могут процветать новые идеи. Нередко чехи воспринимают план, выработанный кем-то, как ограничение творческого подхода и сомневаются в его необходимости. Особенностью этого стандарта является их субъективное восприятие импровизации как свободы и суверенитета. Чешские сотрудники демонстрировали недоверие и сомнение по поводу всего, что является для них ранее неизвестным. Прежде чем предпринять что-то новое, оно должно быть исследовано и проверено. Немцы предпочитают любую форму планирования, модернизацию структур. Они ставят качественно высокие цели и хотят идти к ним максимально эффективно, включая структуры, системы, стандарты, устраняющие двусмысленность. Решающая базовая позиция противоположна чешскому скептицизму. Стандарты для немцев – символ мастерства, прогресса в смысле непрерывных, улучшающихся изменений. Чтобы достигнуть высоких стандартов, немцы готовы тщательно прорабатывать планирование, структурировать все до мельчайших деталей, чтобы избежать неопределенности, минимизировать риски и не упустить ничего важного. Австрийская позиция – спокойная оценка ситуации и потенциала всех задействованных в процессе структур. Австрийцы схожи с немцами в данном вопросе, но любовь к доскональной организации у них выражена не так сильно, как у немцев: планы выполняются гибко, цели достигаются более спокойно.

Следующим пунктом является отношение к последовательности или одновременности действий. Чехи в ряде случаев любят делать несколько дел одновременно, как принято в соседних полихронных культурах, креативно рассматривают многие направления и идеи, не ограничиваясь только одной линией. Для немцев, типичных представителей монохронной культуры, важна последовательность в выполнении и точное следование временным параметрам для максимально быстрого достижения цели. Если и возможно выполнение параллельного проекта, он также тщательно продумывается на предмет сроков и результата. Следование всем временным соглашениям является обязательным.

Что касается системы контроля, то чехи предпочитают систему персонализированного контроля. Личностные, человеческие отношения являются при этом значимыми. Контроль немцев строго регламентирован правилами, которые они неукоснительно соблюдают. Контроль австрийцев не столь жестко регламентирован правилами. Австрийцы также придерживаются правил, как и немцы, но степень следования правилам контроля у австрийцев ниже. Также немцы строго разделяют разные сферы своей жизни, в отличие от чехов. Немцы работают, пока они на работе. В личной жизни они посвящают себя другим интересам и может казаться, что перед нами другой человек. Рациональное преобладает на работе, эмоциональное в личной жизни. Близость также играет для немца решающую роль. У одного и того же человека можно наблюдать очень разное поведение в зависимости от того, является ли его партнер по взаимодействию незнако-

мцем, знакомым, коллегой, хорошим знакомым, другом. Чем контакт дальше, тем формальнее отношение немца. Развитие дружеских отношений – исключение из правил. Австрийцы имеют более высокий уровень личностной референции, чем немцы. Они поддерживают личностные контакты также активно, как чехи. Доля неязыковых сообщений у чехов более высокая, они используют косвенные, имплицитные формулировки, неязыковые сигналы и возможности реализации языкового потенциала, – что соответствует более высокому уровню контекстности их лингвокультуры [Вишнякова, Вишнякова 2019; Стефаненко, 1999].

Немцы демонстрируют выраженный низкий контекст, поэтому может казаться, что они недипломатичные, но зато честные и прямые. В связи с этим, как считают аналитики, они сами не всегда способны понять то, что им говорится имплицитно. Австрийцы демонстрируют средний контекст: для немцев он кажется довольно эксплицитным и дипломатичным, для чехов – преимущественно эксплицитным. Чехи избегают конфликтов, немцы легко идут на конфронтацию, борются аргументированно, отстаивают свои позиции, активно критикуют, пытаются выявить проблему и проанализировать её. Австрийцы, как и чехи, стараются избегать конфликтных ситуаций, не поднимать проблемы раньше времени, пока те не станут очевидными. Если они и критикуют, то дипломатично. Но в крайних ситуациях они также способны выражать негативные эмоции, жаловаться, однако, в отличие от немцев, делают это за спиной тех, на кого направлены их негативные чувства.

В этой связи следует подчеркнуть тот факт, что приведенные данные в значительной мере имеют характер обобщения и результаты кратко описанных опросов соотносимы с утверждениями на уровне стереотипов [Гладких, 1999; Леонтьев, 1977; Мануковский, 2005; Павловская, 2003; Стефаненко, 1993, 1999; Фролова, 2009]. В.В. Красных отмечает, что предсказуемость играет важнейшую роль в реализации понятия стереотипа-представления, который ученый определяет как структуру ментально-лингвального комплекса, формируемую «инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ, представление феномена, стоящего за данной единицей, в его …. национально-культурной маркированности» [Красных, 2002, с. 178]. Поскольку описанные стандарты соответствуют среди других факторов ожиданиям определенного поведения представителей рассматриваемых культур, то они коррелируют и с понятием культурной нормы, и с понятием стереотипа. В данном случае речь может идти о взаимодействии двух стереотипических разновидностей – поведенческом стереотипе и стереотипе-представлении [Там же, с. 179].

Как пишет К. Бармейер, культурные стандарты, как и культурные измерения, не являются неизменными канонами правил поведения. Как и культурообусловленные измерения (представления о времени, пространстве, власти, гендерных ролях, будущем и пр.), культурные стандарты представляют собой средства, помогающие сориентироваться в данной

культуре, но которые следует модифицировать путем преломления через собственный опыт. Трудности в определении культурных стандартов заключаются в их идентификации, поскольку они, подобно ценностям, становятся более интернациональными и, тем самым, невидимыми [Barmeyer, 2010].

Отметим также, что немецкие исследователи выделяют три области, в которых австрийцы явно отличаются от немцев. К ним относятся непрямой стиль общения; спокойствие, невозмутимость; ориентированность на людей, а не на социум (внешняя референция) [Kaunzner, 2008]. Иначе говоря, такие ожидания от поведения австрийцев не отличаются от культурных стандартов, выявленных выше.

На протяжении всей истории Австрия всегда имела интенсивные контакты с соседними странами. Формирование австрийского менталитета связано, в частности, с Австро-Венгерской империей (1867-1918). Имперская Австрия была большим многонациональным государством. Немцы, чехи, венгры, словаки и боснийцы, среди прочих, были объединены под короной Габсбургов. Жизнь в таком мультикультурном разнообразии породила особую способность австрийцев идти на компромиссы и жить с ними [Utri, 2013]. Контакт с языками соседей и языковое многообразие внутри империи сказывалось особым образом – происходило языковое заимствование. По большей части заимствовалась лексика австрийской кухни, например, Golatsche, Havarie, Palatschinke, Powidl, Weichse [Радович, 2023l. Это же правомерно и для заимствованных австрийцами уменьшительно-ласкательных форм, которые в большом количестве встречаются в славянских языках [Utri, 2013].

Лингвист Р. Утри рассматривает различия немецкой и австрийской культур в разрезе словообразования. Исследователь отмечает более частое употребление имен существительных в уменьшительной форме в немецком языке Австрии. Согласно Р. Утри тенденция австрийцев использовать уменьшительные формы связана с отличными от Германии культурными стандартами, в том числе вследствие исторических контактов Австрии с соседними государствами [Utri, 2013].

Австрийский лингвист R. Muhr в работе «Kulturstandards in Österreich, Deutschland und der Schweiz im Vergleich – Sprache und Kultur in plurizentrischen Sprachen» (Культурные стандарты в Австрии, Германии и Швейцарии в сравнении – язык и культура в плюрицентрических языках) проводит сравнительный анализ культурных особенностей немецкоговорящих стран, являющихся плюрицентрическими центрами немецкого языка. На примере вариантов немецкого языка Австрии, Германии и Швейцарии лингвист опровергает утверждение о тождестве языка и культуры. Поясняя свою позицию, автор указывает на то, что несмотря на существование традиционной точки зрения об отсутствии значительных культурных различий между носителями языка, в отношении немецкого языка это утверждение не может быть применено. Это связано с тем, что немецкий язык не является моноцентрическим языком с единственной общепринятой

формой стандартного немецкого языка, нормы которого приравниваются к языковым нормам федерального немецкого варианта [Muhr, 1994].

В рамках исследования представлены результаты опроса, проведенного среди носителей вариантов немецкого языка в Австрии, Германии и Швейцарии, которые выявляют межкультурные различия в вопросах общества и государства. Рассматриваются такие вопросы, как национальная гордость и самоопределение, отношение к своей стране; чувство собственного достоинства; определение понятия нации; роль национальных языков в формировании индивидуальной и коллективной идентичности и становлении государственной, национальной и индивидуальной идентичности; внешняя репрезентация, а также роль, которую играет в ней немецкий язык. Согласно результатам исследования, 53% австрийцев, 38% швейцарцев и только 21% жителей Германии гордятся своей страной. В основе культурных стандартов жителей Австрии лежит нейтралитет, красота и стабильность их страны, а также качество жизни. В значительной степени это относится и к жителям Швейцарии, которые не демонстрируют такой высокий уровень национальной гордости, как австрийцы, однако также среди ценностей отмечают демократию, нейтралитет и красоту своей страны. Граждане Германии, говоря о самоопределении и национальной гордости, прежде всего отмечают успешную экономику страны.

Патриотизм австрийцев (как и некоторых швейцарцев) часто кажется представителям других наций странным и откровенно шовинистическим. Однако, если в Германии патриотические настроения демонстрирует правый политический сектор, то в Австрии это отношение больше встречается у левых, поскольку правый сектор в Австрии имеет националистическую направленность. Патриотизм австрийцев декларируется прежде всего через демонстративное разграничение с Германией и разотождествление себя с внутренним немецким национализмом и правым радикализмом. Сильный австрийский патриотизм австрийских левых политических сил черпает из этого мощную движущую силу. Р. Мур отмечает, что в отличие от более самоуверенного швейцарского патриотизма, австрийская национальная гордость «спокойна» и сдержанна, что отражается и в том, что австрийский национальный праздник отмечается как национальный экскурсионный день [Muhr, 1994]. Это не патриотизм против других, а патриотизм, направленный на свою страну. С другой стороны, швейцарский патриотизм и национализм иногда связывают с ксенофобией и изоляционистскими настроениями. Военные парады и демонстративный акцент на национальном величии воспринимаются в Австрии как нечто отчуждающее и устаревшее. Как отмечают исследователи, выраженный патриотизм очень сильно контрастирует со стремлением австрийцев сетовать по поводу своей страны, – что отражает тесно взаимосвязанные чувства любви и ненависти [Там же].

Как показывает проведенный анализ, несмотря на общность языка, представители Австрии и Германии демонстрируют от диаметрально противоположных до более слабо отличающихся друг от друга культурных стандартов и норм, особенности проявления которых могут объясняться своеоб-

разием культурных традиций обоих регионов, историческим опытом, верованиями и особенностями понимания ценностного потенциала разных форм коммуникации. Представляется логичным выделение фактора исторически сложившейся культурной традиции взаимодействий австрийцев с другими народами в составе империи как оказавшим максимальное влияние на современные культурные стандарты и культурные нормы австрийцев.

Подводя итоги, следует обратить внимание на факт существования, (несмотря на значительные сходства), большого количества различий между немецкоговорящими социумами, которые находят свое проявление как в области культуры, так и на уровне языка, в том числе в сфере профессиональной коммуникации.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Химеры страны Оз. «Культурный поворот» в теории международных отношений // Международные процессы. №3. 2012. С. 12-15.
2. Вишнякова Е.А., Вишнякова О.Д. Национально-культурные аспекты лингвокреативного осмысления действительности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2019. Том 38. № 1. С. 23-34.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. Изд-во Лабиринт, М., 1999. 352 с.
4. Гладких С.В. Этнические стереотипы и проблемы межкультурного общения // Этнические проблемы современности: Сб. статей. Вып. 5. Ставрополь, 1999. С. 57-65.
5. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. 2.е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 640 с.
6. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
7. Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. 640 с.
8. Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 5-13.
9. Малюга Е.Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2008. 320 с.
10. Мануковский М.В. Стереотипы сознания в межкультурной коммуникации: учеб. пособие по курсу «Теория межкультур, коммуникации». Воронеж: Воронеж. гос. ун-т., 2005. 100 с.
11. Назарова Т.Б., Буданова Б.В. Семиотика коммуникантов в деловом общении на английском языке //Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. ó М.: МАКС Пресс, 2006. Вып. 32. С. 43-50.
12. Павловская А.В. Этнические стереотипы и проблема общения культур // Россия и Запад: диалог культур: сборник. / [отв. ред. А. В. Павловская]. Москва: Центр по изучению взаимодействия культур, 2003.С. 428-441.
13. Пономаренко Е.В. Лингвистика и лингводидактика делового общения: успех в гармонии // Профессиональная коммуникация и мультикомпетентность: Сборник научных трудов к 15-летию кафедры английского языка № 5 МГИМО / Под общ.ред. Л.К.Раицкой. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 119-127.
14. Радович М.А. Субстантивные номинации в сфере гастрономии в аспекте словообразования в немецком и австрийском вариантах литературного языка (на материале тематической группы «GEMÜSE- UND OBSTKULTUREN/ОВОЩНЫЕ И ПЛОДОВЫЕ КУЛЬТУРЫ»): автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Белгород, 2023. 24 с.
15. Стефаненко Т.Г. Методы исследования этнических стереотипов // Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С.3-28.
16. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Прогресс, 1999. 320 с.

17. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: (Учеб.пособие) М.:Слово/Slovo, 2008. 344 с.
18. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб.пособие) М.:Слово/Slovo, 2008. 264 с.
19. Философский энциклопедический словарь. Москва: ИНФРА-М, 1997. 576 с.
20. Фролова О.Н. Национально-культурная специфика стереотипа: на материале немецкого языка : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 20 с.
21. Barmeyer C., Genkova P., Scheffer, J. (Hg.) Interkulturelle Kommunikation und Kulturwissenschaft. Grundbegriffe, Wissenschaftsdisziplinen, Kulturräume. Passau, Verlag Karl Stutz, 2010. S.93-127.
22. Barmeyer C. Taschenlexikon Interkulturalität. Göttingen: Vandenhoek &Ruprecht, 2012.175 S.
23. Boesch E.E., Kultur und Handlung. Eine Einführung in die Kulturpsychologie, Bern: Huber 1980. 270 S.
24. Fink G., Novy, I., Schroll-Machl, S. Tschechische, österreichische und deutsche Kulturstandards in der Wirtschaftskooperation. Journal for East European Management Studies, Rainer Hampp Verlag, Mering, Vol.5, Iss.4, 2000, pp.361-377.
25. Hofstede G. Lokales Denken, globales Handeln/ Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. 6. Auflage, München: Beck, 2017. 557 S.
26. Kaunzner U. A. (2008) Anglizismen in der Sport-Werbung. Deutschland und Österreich im Vergleich. In: S. M. Moraldo (Hg.): Sprachkontakt und Mehrsprachigkeit. Zur Anglizismendiskussion in Deutschland, Österreich, der Schweiz und Italien. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, S.177-191.
27. Piaget J., Nachahmung, Spiel und Traum, Gesammelte Werke 5, Stuttgart, 2009. 366 S.
28. Ringel E. Die österreichische Seele. Zehn Reden über Medizin, Politik, Kunst und Religion Unveränd. Neuauflage. Wien: Verlag Kremayr & Scheriau, 2005.352 S.
29. Thomas A. Kulturstandards in der internationalen Begegnung. Saarbrücken; Fort Lauderdale: Breitenbach, 1991.182 S.
30. Thomas A. (ed.), Kulturvergleichende Psychologie, Eine Einführung, Göttingen, Bern, Toronto, Seattle: Hogrefe Verlag für Psychologie, 1993. 591 S.
31. Thomas A. (ed.), Psychologie interkulturellen Handelns, 2nd ed., Göttingen: Hogrefe, 2003. 474 S.
32. Thomas A. Beruflich in Österreich. Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. 164 S.
33. Utri R. Die regionale Vielfalt des Deutschen als Kulturrealität – am Beispiel des österreichischen Deutsch. In: Olpińska-Szkiełko Magdalena/ Pawłowski Grzegorz/Bonacchi Silvia: Człowiek – język – kultura/ Mensch – Sprache – Kultur. Konferenzband der Internationalen Konferenz des Verbandes Polnischer Germanisten, 25. – 27. Mai 2012, Warszawa, 2013, S. 300-310.
34. Utri R. „Standardsprache und Plurizentrik – am Beispiel des Österreichischen Deutsch“. In: Zofia Berdychowska et al. (Hg.): Konferenzband der Internationalen Konferenz des Verbandes Polnischer Germanisten Einblicke in die deutsche Sprache, Kultur und Literatur – Forschungsparadigmen und Anwendungsbereiche. Kraków, 10-12 maja 2013 r., 2014, S. 29-42.
35. Utri R. Das slawische Element im österreichischen Deutsch – der Diminutiv: seine Funktionen, Anwendungsbereiche und Hintergründe, 2017. URL: http:// https://www.researchgate.net/publication/313821660_REINHOLD_UTRI_Das_slawische_Element_im_osterreichischen_Deutsch__der_Diminutiv_seine_Funktionen_Anwendungsbereiche_und_Hintergrunde (дата обращения 25.03.2024)
36. Vishnyakova O. Cultural Knowledge in Terms of Interculturaland Cross-Cultural Communication Issues // Языки и миграция в условиях глобализации = Languages and Migration in a Globalized World : материалы саммита QS по предметным областям «Современные языки» и «Лингвистика». 15–17 декабря 2020 г. М.: Изд-во РУДН (М.), 2020. С. 447-453.

ГЛАВА 4. КУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ГЛОБАЛЬНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

4.1. ГЛОБАЛЬНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И РЕГИОНАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Светлана Григорьевна Тер-Минасова – это целый мир, в котором есть место преемственным многолетним человеческим взаимоотношениям и содержательной профессиональной коммуникации. В свое время меня привело в спецсеминар С.Г. Тер-Минасовой желание исследовать словосочетания современного английского языка, что мы и делали, следуя лекциям, учебным курсам и консультациям Светланы Григорьевны. Интерес к словосочетанию я сохраняю и по сей день, но в предлагаемой публикации я обращаюсь к другой научной области – межкультурной коммуникации, которая в течение нескольких десятилетий успешно разрабатывается профессором С.Г. Тер-Минасовой, неизменно привлекая внимание научной общественности в нашей стране и за рубежом. Я хочу остановиться на том, как английский язык реагирует на различия между разными национальными культурами и демонстрирует необыкновенную гибкость, передавая тончайшие нюансы значений и смыслов, подчеркивая общее между разными англоязычными культурами и одновременно с этим указывая на особенное в характерном для каждой из них многообразии речеупотребления, специфике когнитивных структур и направленности мыслительных процессов.

Современный английский язык с течением времени (за последние шестьдесят-семьдесят лет) приобрел статус языка глобального / мирового. В англоязычной терминологии уже стали привычными и общеупотребительными два сочетания – English as a global language и English as a world language. Достаточно традиционной стала и форма множественного числа: World Englishes или Emerging Englishes (cf.: the English family of languages). Иначе говоря, английский язык вышел далеко за пределы языка национального и, по мнению многих авторитетных специалистов, функционирует в трех состояниях (англоязычная формула “3 in 1”) – **во-первых**, родной язык (native language / mother-tongue / first language) в Великобритании и США; **во-вторых**, второй язык (second language/SL) в тех странах, где английский язык сосуществует с рядом национальных языков и наречий, выполняя важнейшие административные функции (на уровне государственном, в системе образования и средствах массовой информации) и, **в-третьих**, иностранный язык (foreign language/FL).

Рост числа говорящих на английском языке (более двух миллиардов человек по всему миру) свидетельствует не только о его географическом распространении (geographical dispersal), что является одним из критериев, отличающих глобальный английский от других национальных языков. Другой не менее важный критерий (functional spread) свидетельствует о том, что современный английский язык оказывается все более способным

к выполнению многообразия социальных и социально-психологических функций в глобальном коммуникативном пространстве: хранение и передача информации, систематизация и распространение знаний, межличностная, научная и профессиональная коммуникация, деловая коммуникация, международные отношения, политическая коммуникация.

Третий критерий связан с влиянием англоязычных государств на историю развития мировой цивилизации. Говоря об этом, специалисты, как правило, подчеркивают роль когда-то весьма влиятельной британской империи, с одной стороны, и возрастающее агрессивное повсеместное присутствие США на мировой арене, с другой стороны. Оба государства в немалой степени содействовали приобщению (нередко насильственному) больших масс людей к говорению и письму на английском языке в ущерб знанию и усвоению родного языка (некоторые из таких языков только в третьем тысячелетии получили право формирования и фиксирования собственной литературной нормы, что делает необходимым создание пособий по грамматике и составление словарей родного языка).

Стремительное и нарастающее распространение английского языка как средства межнационального общения – предмет особой гордости англоязычных лингвистов [Crystal, 2016]. Следует признать, однако, что этот процесс вызывает к жизни немало изменений в языковой системе и в том, что лингвисты привычно именуют литературной нормой (the standard или the standard variety). Литературная норма британского варианта испытывает колоссальное влияние массового узуса: меняется лексика (“the vocabulary explosion”) [Crystal, 2000, p. 3], демонстрирует изменчивость диакритический уровень (план выражения в широком смысле этого термина – сегментная фонетика, сверхсегментная фонетика, произношение), становятся очевидными изменения в грамматической системе [Crystal, 2016].

Меняется не только литературная норма британского английского. Изменениям подвержены все региональные варианты английского языка. Региональное варьирование в третьем тысячелетии (regional variation) носит беспрецедентный характер. Многими поколениями лингвистов, филологов и англистов не раз подчеркивалась необходимость уровневого подхода в выявлении онтологии регионального варьирования. В авторитетных источниках детально представлены различия на уровне орфографии и орфоэпии [Васильев, 1980; Баранова, 1996], силлабики и ритма [Дечева, 1995], лексики и терминологии [Назарова, Преснухина, 2009], грамматики (морфологии и синтаксиса) [Crystal, 1995; Crystal, 2016], стиля (cf.: “the increasing colloquialisation of written English in the decades since 1966”) [Crystal, 2016, p. 111]. Для обозначения всей совокупности лингвистических исследований регионального варьирования на разных уровнях языковой системы и в разных проявлениях речевой деятельности введен термин **региональная (**или **кросс-региональная) семиотика** [Назарова, 2016].

В обсуждении сформулированной научной проблематики весьма важно понимать, что мы имеем дело не с дихотомией «британский английский – американский английский», а с тройственным, и в высшей

степени динамичным, соотношением: британский английский – американский английский – общеанглийский пласт. С семиотической точки зрения [Назарова, 2003; Назарова, 2016] речь идет о том, что британский английский в предлагаемом соотношении охватывает региональную маркированность единиц разных уровней по степени их прямой связи и/или распознаваемой ориентации на собственно британский узус (British English/BrE). Иначе говоря, все проявления региональной маркированности по этой линии будут отличаться от американского речеупотребления, носители которого в свою очередь будут подчеркивать, вольно или невольно, неразрывную связь с американской национальной культурой и американским узусом (American English/AmE). Не будь в вышеприведенном соотношении третьего элемента, т. е. общеанглийского пласта, который с семиотической точки зрения является регионально-нейтральным, мы бы имели дело с двумя разными языками. Именно это и произошло бы, если четверть населения земного шара (более двух миллиардов говорящих и пишущих) не вовлекалась бы практически ежедневно в разные виды общения на английском языке: устное и письменное, прямое и опосредованное, диалогическое и полилогическое, формальное и неформальное, личностное и обезличенное, инициативное и недобровольное, монокультурное и межкультурное, etc. Массовая англоязычная коммуникация в разных формах и форматах, в разнообразии ситуаций и контекстов продолжает снижать региональную маркированность слов, словосочетаний, терминов, фразеологизмов и идиом, вырабатывая тем самым регионально-нейтральную разновидность речеупотребления, что сохраняет общее между разными региональными вариантами на фоне постоянно возникающих разноуровневых отличий [Назарова 2003, 2016].

Достижения отечественных и зарубежных ученых по систематизации проявлений регионального варьирования в английском языке на разных уровнях языковой системы позволили со временем перейти к исследованию собственно речевой деятельности и разных типов англоязычного дискурса. Исследование восьми функционально-коммуникативных типов речи деловой направленности – Socializing for business purposes, Telephoning for business purposes, Business correspondence, Business documents and contracts, Business meetings, Presenting for business purposes, Negotiating, The business media [Назарова, Преснухина, 2009] дало ясное представление об онтологии региональной маркированности и отличиях с этой точки зрения между британским английским и американским английским в устной и письменной формах англоязычной деловой коммуникации. Были также выявлены основные различия между двумя ведущими региональными вариантами современного английского языка в таком весьма существенном пласте словарного состава делового английского, как общеупотребительная бизнес-терминология (core business terminology), охватывающая бизнес-термины, обозначающие ключевые понятия мира бизнеса [Назарова, 2006; Назарова, Преснухина, 2009, с. 131-172].

Продолжая обсуждение новейших подходов к исследованию региональной маркированности в развернутых произведениях речи, нельзя обойти вниманием исследование и публикации Е.Р. Левенковой, которая многие годы изучала англоязычный институциональный политический дискурс и в своей докторской диссертации [Левенкова, 2011] убедительно продемонстрировала конвергентные тенденции на фоне национально-специфического. Приведу в связи со сказанным один из выводов, представленных Е.Р. Левенковой в автореферате ее докторской диссертации: «... политический дискурс Великобритании характеризуется большей нейтральностью и аргументативностью, стремлением к беспристрастности как наивысшей цели публичной коммуникации. Политический дискурс США более явно ориентирован на иррациональные способы воздействия на сознание адресата, что выражается в подмене аргументации декларативными повторами, обобщениями, более выраженной эмоционально-оценочной окрашенностью речи.» [Левенкова, 2011, с. 11]

Исследование Д.Д. Аристовой [Аристова, 2024], выполненное под руководством профессора С.В. Дечевой – ведущего фонетиста кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ, посвящено изучению «сегментных и сверхсегментных характеристик университетской лекции с учетом фоностилистических тенденций в научном общении в британском и американском вариантах английского языка.» [Аристова, 2024, с. 18-19]

В связи с изучением регионального варьирования заслуживает внимания кандидатская диссертация «Когнитивно-дискурсивное поведение коммуникантов в виртуальном пространстве (на материале англоязычных социальных сетей)» [Ильин, 2024], выполненная на кафедре английской филологии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург). Одно из наблюдений диссертанта заключается в выявлении наиболее популярных типов дискурса у британских и американских пользователей соцсетей – политический, спортивный и бытовой. Другие наблюдения и выводы исследователя касаются сравнения и сопоставления коммуникативных практик британцев и американцев с точки зрения поликодовости, экспрессивности, разговорности общения, отношения к правилам этикета и других параметров [Ильин, 2024, с. 10-11].

Еще один аспект регионального варьирования исследуется в настоящее время на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ несколькими специалистами, работающими над магистерскими и кандидатскими диссертациями в научном направлении «Английский язык делового общения: теория и практика» (“Business English: Theory and Practice”). С учетом многолетних наблюдений над общеупотребительной бизнес-терминологией делового английского и с опорой на терминологические ряды, свидетельствующие о региональных различиях между британским английским и американским английским [Назарова, Преснухина, 2009], показалось целесообразным продолжить

исследование этой проблематики и приступить к изучению регионального варьирования в английском языке первичных, вторичных, третичных и четверичных отраслей мира бизнеса. Со временем мы надеемся получить убедительный ответ на следующий вопрос: наблюдаются ли различия по линии региональной маркированности в отраслевых терминосистемах (industry-specific terminological systems)?

Юбилей Светланы Григорьевны Тер-Минасовой – значимое интеллектуальное событие в научной и общественной жизни Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Значимые интеллектуальные события, как правило, оказывают на нас воздействие, заставляя задуматься над наиболее существенными сторонами бытия и наиболее существенными понятиями, нас объединяющими. Завершу свою публикацию содержательной цитатой из книги *Язык и межкультурная коммуникация*: **«Язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива»** [Тер-Минасова, 2000, с. 15].

Список литературы

1. Аристова Д.Д. Фоностилистическое своеобразие жанра лекции в свете современной риторики интеллективного общения: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2024. 37 с.
2. Баранова Л.Л. Онтология английской устной и письменной речи: дис. … докт. филол. наук. М., 1996. 336 с.
3. Васильев В.В. Орфоэпическая общность британского и американского вариантов современного английского языка: дис. … канд. филол. наук. М., 1980. 143 с.
4. Дечева С.В. Слогоделение в английской речи (когнитивная силлабика): дис. … докт. филол. наук. Москва, 1995. 379 с.
5. Дечева С.В., Копанева А.В. Своеобразие акцентуации в английской речи. М.: Наука, 2023. 246 с.
6. Ильин М.И. Когнитивно-дискурсивное поведение коммуникантов в виртуальном пространстве (на материале англоязычных социальных сетей): Автореф. дис. канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2024. 18 с.
7. Левенкова Е.Р. Конвергентные и дивергентные тенденции в политическом дискурсе Великобритании и США: Автореф. дис. … докт. филол. наук. Самара, 2011. 41 с.
8. Назарова Т.Б. Кросс-региональная семиотика в составе англоязычного литературного произведения // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: Материалы III международной конференции. 2016. С. 117–122.
9. Назарова Т. Б. Филология и семиотика. Современный английский язык. 2-е издание. М.: Высшая школа, 2003. 191 с.
10. Назарова Т.Б., Преснухина И.А. Региональное варьирование в деловом общении на английском языке. Спецкурс. М.: АСТ/Астрель, 2009. 256 с.
11. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: АСТ/Астрель, 2007. 287 с.
12. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
13. Crystal D. Emerging Englishes // English Teaching *professional*. Issue Fourteen. January 2000. P. 3-6.
14. Crystal D. Plenary: Who would of thought it? The English language 1966-2066 // IATEFL 2016 Birmingham Conference Selections. Edited by Tania Pattison. Published by IATEFL, 2017. P.107-115.
15. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 1995. 500 p.

4.2. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Коммуникация между различными странами и культурами на протяжении веков позволяет международному сообществу решать проблемы глобального масштаба: преодолевать последствия природных и техногенных катастроф, предотвращать войны, совершать научные открытия и обогащать национальные культуры. Однако в ходе такой коммуникации неизбежно возникают проблемы, приводящие в ряде случаев к недопониманию и коммуникативным неудачам. Такие риски обусловлены столкновением языков и культур. Межкультурная политическая коммуникация представляет собой сложный и многоуровневый коммуникативный процесс, который может включать в себя множество различных аспектов, которые необходимо принимать во внимание как участникам такой коммуникации, так и исследователям.

Межкультурная коммуникация, а также связанные с ней вопросы, широко освещались многими учеными как в России, так и за рубежом. Однако, проблемы политической лингвистики и межкультурной политической лингвистики стали объектами исследования относительно недавно. Изучение межкультурной политической коммуникации подразумевает под собой анализ трех уровней репрезентации: лингвистический, лингвокультурологический и дискурсивный.

Проблемы межкультурной коммуникации неразрывно связаны с вопросами языка, так как именно он является тем средством выражения, через который представители той или иной культуры транслируют в окружающую действительность культурные воззрения, свойственные их группе. Как отмечают исследователи, язык является зеркалом культуры и отражает все нюансы, происходящие в культурном пространстве [Ter-Minasova, 2017]. При анализе межкультурных политических коммуникативных актов необходимо обращать внимание на языковые средства, используемые коммуникантами, а также на то, чем обусловлен их выбор в той или иной ситуации. Не следует забывать, что при общении с представителем другой культуры идет соприкосновение не только на уровне языков, но и на уровне культур. Исследователи полагают, что культурные конфликты и разногласия, рождающиеся на почве культурных ошибок, намного более критичны и опасны и могут вызвать со стороны собеседника негативную реакцию, вплоть до агрессии и полного разрыва отношений [Ter-Minasova, 2014; Вишнякова, 2017].

Стоит понимать, что данный вопрос невозможно изучить теоретически, не соприкасаясь с представителями других культур на практике и не подвергая себя риску коммуникативных неудач. Считается, что глубина проблем, свойственных межкультурной коммуникации, видны только при сопоставлении двух языков, что неизбежно приведет к сравнению двух культур [Ter-Minasova, 2017].

Политическая жизнь планеты напрямую связана с регулярным межкультурным общением. Страны постоянно взаимодействуют друг с

другом в торговой, культурной, военной и других сферах. При этом такое взаимодействие происходит на самых разных уровнях, в том числе и на самом высшем, когда встречаются лидеры различных государств.

Межкультурная политическая коммуникация как сложное коммуникативное явление, включающее экстралингвистические факторы различного порядка, рассматривается в терминах политического дискурса. При анализе межкультурной политической коммуникации следует учитывать все возможные компоненты, которые могут повлиять на порождение и восприятие текста участниками коммуникации, например другие тексты или политические взгляды участников коммуникации [Чудинов, 2003, с. 50]. Индивидуальный и коллективный опыт, стоящий за каждым из участников межкультурной политической коммуникации, напрямую влияет на то, как участники воспринимают и описывают события и явления. При этом, избранная форма вербализации оказывает воздействие на то, как эти события и явления будут интерпретированы, как они запомнятся и в дальнейшем будут представлены последующим поколениям [Вишнякова, Липгарт, Мартюшова, 2022, с. 702]. К вышеперечисленным аспектам межкультурной политической коммуникации также добавляется фактор опосредованной коммуникации в случае, если коммуникация двуязычная и осуществляется через переводчика [Рябкова, 2011, с. 144]. Очевидно, что на межкультурное взаимодействие оказывают влияние особенности политического языка и политического дискурса. Иначе говоря, помимо лингвистического и лингвокультурологического анализа при изучении межкультурной политической коммуникации лингвисту следует применять и методы дискурсивного анализа.

Одним из самых громких событий февраля 2024 года стало интервью президента Российской Владимира Владимировича Путина американскому журналисту Такеру Карлсону. Стоит отметить, что явление это стало значимым не только в русскоязычном сегменте интернета, но и в западных медиа.

Действующий президент России В.В. Путин является ярчайшим представителем российской политической культуры, подавая пример другим современным политикам. Такер Карлсон, некогда уволенный из американского издания Fox News, после своего ухода из республиканского СМИ вступил в конфронтацию с действующим президентом США Джо Байденом и его администрацией, выказывая полную поддержку 45-ому президенту США Дональду Трампу, который выдвинул собственную кандидатуру на грядущие президентские выборы в ноябре 2024 года. Кроме того, по словам Дональда Трампа мл., Такер Карлсон рассматривается Д. Трампом в качестве кандидата на пост вице-президента [The Economic Times, URL]. Данные факты позволяют предположить, что Такер Карлсон все чаще действует как политик и как участник политического процесса в США.

В определенном смысле данное интервью можно рассматривать с точки зрения столкновения современной американской и современной российской политической культуры и дискурсов, что одновременно является примером профессиональной межкультурной коммуникации.

В данном разделе исследования анализ проводился на основе четырех источников: англоязычная версия интервью, выложенная на сайте Такера Карлсона [Tucker Carlson Network, URL], русскоязычное интервью на канале российского СМИ «Спутник на русском» на видеохостинге Rutube [Rutube, URL], а также англоязычный транскрипт с сайта Sputnik International [Sputnik News, URL] и русскоязычный транскрипт с официального сайта Президента России [Оф. сайт Президента России]. Такое разнообразие источников одного и того же видеоматериала обусловлено необходимостью оперировать оригинальными репликами участников интервью, не полагаясь на те или иные переводы. В процессе описания проведенного анализа реплики В.В. Путина будут даны на русском языке, а реплики Такера Карлсона будут приведены на английском. В качестве основного объекта анализа было выбрано оригинальное видео, опубликованное на сайте "Tucker Carlson Network", так как в нем присутствует вступительное слово, в котором журналист дает своей аудитории дополнительную информацию.

Обратим внимание на это вступительное слово и сравним три «самых мощных интервью в мире» ("The Most Powerful Interviews Around the World"), как указано на сайте американского журналиста: интервью с действующим президентом РФ В.В. Путиным, действующим президентом Аргентины Хавьером Милеем (на момент записи интервью он был еще кандидатом в президенты) [TCN: The Javier Milei Interview, URL] и кандидатом в президенты США Дональдом Трампом [Youtube: Tucker Carlson Interviews Donald Trump On Debate Night, URL]. Таким образом, два интервью с неамериканскими политиками, одно интервью – с политиком-американцем. Каждый из медиатекстов предваряется вступлениями, длина которых разнится.

Вступление перед интервью с Д. Трампом длится всего несколько секунд, в течение которых журналист произносит всего одну фразу: *"It's debate night but we are not in Milwaukee"*. В то же самое время в Милуоки проходили первые дебаты в рамках республиканских праймериз. Таким образом, Т. Карслон показал, что Д. Трамп, являясь одним из кандидатов от республиканской партии, предпочел дать интервью ему, а не участвовать в дебатах со своими соперниками-однопартийцами. Однако данное высказывание носит информирующий характер с точки зрения американской внутриполитической повестки. Участники этого интервью, а также его целевая аудитория являются представителями одной политической культуры, а значит, говорят на одном политической языке.

Перед интервью с Хавьером Милеем Такер Карлсон предоставил более подробное вступление, которое представляло собой скорее историческую справку. В ней американский журналист знакомил американского зрителя с историей политико-экономического развития Аргентины. Аналогичным вступлением предварялось интервью с Владимиром Владимировичем Путиным, однако, характер информации в них отличался. Если в случае с интервью с президентом Аргентины автор посчитал нужным

снабдить американского зрителя исторической информацией, то перед интервью с российским президентом журналист подготавливал аудиторию к правильному пониманию последующего разговора. При анализе данного отрывка стоит обратить внимание на следующие три аспекта.

Т. Карлсон отмечает: *“At the beginning of the interview, we asked the most obvious question… And the answer we got shocked us”*. Таким образом он показывает, что ожидал прямого ответа на его «наиочевиднейший» вопрос, однако, не получив его, испытал сильное удивление. Действительно, американской политической культуре свойственна прямота и высокая доля транспарентности речи, как и принято в низкоконтекстных культурах в целом [Hall, 1976, с. 106]. При столкновении с более сдержанной российской политической культурой американский журналист испытывает своего рода культурный шок.

Как известно, коммуникация с высоким контекстом подразумевает важную роль контекста (в первую очередь фоновых знаний участников коммуникации, в том числе и в отношении содержательности языковых значений как таковых), в котором заключено значительное количество информации, тогда как в самом вербализованном сообщении содержится лишь ее часть. В коммуникации с низким контекстом, напротив, вся информация (или почти вся) высказывается напрямую [Hall, 1976, с. 91]. Высококонтекстные культуры зачастую обладают более широким «полем неопределенности» с точки зрения представителей других культур, причинно-следственные связи могут быть представлены как эксплицитно, так и имплицитно. Такое «размытие» может наблюдаться при реализации, например, безличных предложений, где нет указания на причину, а следствие возникло будто бы «само собой» [Вилкова, 2019].

В анализируемом интервью в речи В.В. Путина содержится порядка сорока четырех предложений, где используются безличные конструкции. В основном они вводятся через слова «надо» и «можно» и носят императивный оттенок, однако, встречаются также такие фразы как, например, «мне достоверно известно», «ответа не было», «от этого никуда не деться» и так далее. Хорошо заметно, что в подобных фразах часть (иногда даже значительная) сообщения сокрыта и заложена в контекст, естественным образом воспринимаемый русскоязычной аудиторией.

В то же время, в речи Такера Карлсона обнаружено лишь шесть предложений с формальным подлежащим “it”, которые можно условно считать аналогом безличных конструкций русского языка, так как местоимение в них десемантизировано и служит только удовлетворению норм английского синтаксиса. Разумеется, в рамках интервью российский президент говорил намного больше, чем его интервьюер: 11 837 слов в речи российского лидера (на русском языке) и 2 650 слов в речи американского журналиста (на английском языке и с учетом вступления, упомянутого ранее). Таким образом, на одно слово Т. Карлсона приходилось примерно 4,5 слов В.В. Путина, что вполне естественно в случае взаимодействия интервьюера и интервьюируемого (респондента).

При этом, на одну конструкцию с десемантизированным подлежащим “it” пришлось приблизительно семь безличных конструкций в речи российского президента. Как уже отмечалось, формат интервью предполагает, что интервьюируемый будет говорить больше, чем интервьюер.

Комментируя продолжительный экскурс в историю Восточной Европы, журналист говорит: *“We thought this was* a filibustering technique *and found it annoying and interrupted him several times and he [Putin] responded, he was annoyed by the interruption”*. В ряде случаев Т. Карлсон, пытаясь направить речь интервьюиромого российского президента в нужное ему русло, вмешивается в речь собеседника, демонстрируя явное несоответствие двух политических культур, которое может привести к сбоям в коммуникации.

Отметим также выражение, использованное американским журналистом, для описания развернутых ответов российского президента: *“filibustering technique”*. “Filibuster” или “filibustering” – это практика срыва голосования по законопроекту в Сенате США. С помощью долгих выступлений и непрекращающихся обсуждений сенаторы-«флибустьеры» не допускают начала процедуры голосования, саботируя тем самым работу верхней палаты Конгресса США [Heitshusen, Beth, 2017, с. 1]. Используя такое описание, Т. Карлсон показал, что воспринял долгие разговоры об истории Восточной Европы как попытку со стороны В. Путина взять ход интервью в свои руки, частично игнорируя его вопросы. Информативные вступление и максимально полное освещение контекста, считающиеся нормальными в современной российской общественно-политической культуре воспринимаются носителем другой культуры как попытка отклониться от существа разговора, затянув его и наполнив нерелевантной информацией.

Понимая разницу между двумя культурами, глава российского государства в самом начале интервью задает интервьеру вопрос: *«У нас с Вами ток-шоу или у нас серьёзный разговор?»*. Таким образом проводится линия между несерьезным и бесплодным разговором, которые по мнению В.В. Путина являются неотъемлемой частью американского политического дискурса, и серьезной обстоятельной беседой. Ответ американского журналиста однозначно указал на его стремление к «серьезному разговору»: *“It’s a formidable, serious…”*. Слово “formidable” имеет значение: “causing you to have fear or respect for something or someone because that thing or person is large, powerful, or difficult” [Эл. ресурс]. Это слово характеризует интервью не только как серьезное, но и как внушающее уважение ввиду его значимости и сложности.

Однако понимание «серьезности» разговора у участников интервью, как у носителей разных политических культур, разнится. Позднее, российский президент комментирует стремление Т. Карлсона прервать продолжительное введение в исторический контекст: *«Я понимаю, что мои длинные диалоги, наверное, не входят в такой жанр интервью. Поэтому я в начале Вас спросил: у нас будет серьёзный разговор или шоу?»*. Таким

образом В.В. Путин показал, что длительное вступление, охватывающие все возможные аспекты предстоящей беседы, является непременным атрибутом серьезной беседы, тогда как желание приступить сразу к делу характерно для шоу.

Напротив, Такер Карлсон, по-видимому, ждал от интервью формата «конкретный вопрос-конкретный ответ» без каких-либо отклонений от заданной темы. Это, в его понимании, является манерой серьезного диалога. При этом он сам связывает такую точку зрения со своим происхождением. В дополнительном видео, выпущенном Такером Карлсоном, журналист произносит: *"First of all I'm American, so I asked you a specific question, I want a specific answer. Let's go!"* [Youtube: Tucker Carlson: After the Vladimir Putin interview]. Столкнувшись с более размеренной манерой повествования, требующей объяснять не только сами действия, но и их мотивы и причины, американский журналист испытал непонимание и даже некоторое раздражение, вызванное состоянием культурного шока, что частично проявлялось, несмотря на все попытки Т. Карлсона проявить вежливость и понимание логики президента России. В конце монолога, посвященного истории развития Восточной Европы, В.В. Путин отметил: *«Я подхожу сейчас к очень важному моменту сегодняшнего дня»*. Американский журналист отреагировал на это фразой, сказанной с заметным облегчением: *"Thank you"*.

Владимир Путин, комментируя интервью в разговоре с журналистом Павлом Зарубиным, пояснил: *«Потому что я-то, честно говоря, думал, что он как раз и будет вести себя агрессивно и будет задавать эти так называемые острые вопросы»* [Russian RT: Путин об интервью Такеру Карлсону]. От Такера Карлсона, как представителя американской политической культуры, ожидались напористость и нетерпеливость, неготовность к восприятию продолжительных монологов о предпосылках действий российского руководства. Тем не менее журналист смог адаптироваться и в целом понять особенности российского политического дискурса. Подобную готовность подстроиться под чужую культуру, В.В. Путин оценил как терпеливость, не свойственную западным журналистам [Russian RT: Путин об интервью Такеру Карлсону].

Т. Карлсон демонстрировал свое стремление к конкретным, соответствующим его ожиданиям ответам словом "relevant", реагируя на реплики В.В. Путина. Российский президент подарил журналисту копии писем Богдана Хмельницкого русскому царю, сопроводив это фразой: *«Чтобы Вы не думали, что я что-то придумал…»*. Американец ответил: *"It doesn't sound like you are inventing. I'm not… sure why it's relevant to what happened two years ago"*. Еще в одном случае журналист дал свою оценку исторического монолога Владимира Владимировича: *"It's not boring. I just don't know how it's relevant"*. С точки зрения американской политической культуры, нацеленной на конкретику и прямое, безапелляционное продвижение своей концепции, любое отклонение от основной линии разговора и конкретного текста считается нерелевантным, никак не связанным с ним. Этим можно

объяснить слова благодарности, ставшие реакцией на переход российского лидера к событиям сегодняшнего дня, как было указано выше.

Кроме того, чем более высокий контекст у культуры, тем больше аспектов принимается во внимание [Hall, 1976, с. 111]. Таким образом, если отталкиваться от положения, что американская политическая культура обладает

более низким контекстом, чем российская, как и культура в целом, то становится понятно, почему многие важные вещи, о которых говорит президент, мастерски используя данную специфику русской культуры и в этой связи потенциал русского языка, для Т. Карлсона кажутся не относящимися к сути вопроса и вызывают нетерпение.

Стоит отметить, что при соприкосновении культур могут сталкиваться не только различные аспекты, но и схожие. Это повышает вероятность взаимопонимания между участниками межкультурной коммуникации. Использованный российским президентом сторителлинг, как инструмент, характерен для политических дискурсов как США, так и России [Минаева, 2017]. Владимир Владимирович Путин рассказывал про свое путешествие на Западную Украину в советские годы, где увидел этнических венгров, сохраняющих свою культуру: *«Я где-то в начале 80-х годов на машине из тогдашнего Ленинграда, из Петербурга, поехал просто в путешествие по Советскому Союзу – через Киев, в Киев заехал, а потом поехал на Западную Украину. Въехал в город, Берегово называется, а там все названия городов, посёлков на русском и на непонятном для меня языке – на венгерском. На русском и на венгерском. Не на украинском – на русском и на венгерском. Проезжаю по какой-то деревне, возле домов сидят мужчины в чёрных костюмах-тройках и чёрных цилиндрах. Я говорю: это что, артисты какие-то? Мне говорят: нет, это не артисты, это венгры. Я говорю: а чего они здесь делают? Как чего, это их земля, они здесь живут. Все названия! В советское время, в 80-е годы. Они сохраняют венгерский язык, названия, все национальные костюмы. Они венгры и чувствуют себя венграми. И конечно, когда сейчас происходит ущемление…»*. По мнению исследователей, прием сторителлинга основывается на таких базовых компонентах, как 1. конфликт; 2. сюжет; 3. герой и 4. мораль [Там же]. История, рассказанная В.В. Путиным, включает в себя все элементы: 1. компактное проживание этнического меньшинства в рамках культурно чуждой для них страны (конфликт); 2. автопробег по Советскому Союзу (сюжет); 3. будущий президент России (герой); 4. границы, расчерченные в XX веке, не соответствуют реальному расселению национальностей Восточной Европы, что в настоящие время приводит к ущемлениям по национальному признаку (мораль). Благодаря приему, характерному для обеих политических культур, Владимир Владимирович был понят собеседником, и Такер Карлсон адекватно отреагировал на эту историю: *“many nations feel frustrated by the redrawn borders of the wars of the 20th century and wars going back a thousand years, the ones that you mentioned”*.

Интервью, данное Владимиром Путиным американскому журналисту Такеру Карлсону, является благодатным иллюстративным материалом для

исследователей в области межкультурной политической коммуникации. Вербальные и невербальные реакции американского журналиста на реплики и манеру общения российского президента наглядно демонстрируют, насколько важно во время межкультурной политической коммуникации учитывать различия между национальными культурами в целом и между политическими культурами в частности.

Таким образом, межкультурная политическая коммуникация заключает в себе риски и сложности, присущие любому другому виду межкультурной коммуникации, обладая особыми характеристиками в плане определения стратегий и тактик взаимодействия между государствами и правительствами различных стран. При столкновении политических культур могут прослеживаться как отличительные, так и общие черты. Очевидно, что различия будут увеличивать риск коммуникативной неудачи. Напротив, инструменты общения и культурные основания, которые в одинаковой мере характерны для взаимодействующих политических дискурсов, могут способствовать взаимопониманию между участниками.

Список литературы

1. Большое интервью Владимира Путина журналисту Такеру Карлсону. Полная версия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rutube.ru/video/dcc7925d4ff75b2d5ae7939d96d6a4c5/ (дата обращения: 13.04.24).
2. Вилкова А. С. Высококонтекстные и низкоконтекстные культуры // Наука, образование и культура. 2019. Т. 37, № 3. С. 49-51.
3. Вишнякова О.Д. Ирония и речевая агрессия (опыт анализа прозвищных наименований в современном английском языке) //Сборник научных и учебно-методических трудов. Выпуск 14 / Под общей ред. проф. С.Г. Тер-Минасовой и доц. М.Г. Бахтиозиной, место издания КДУ, Москва, 2017. С. 36-46.
4. Вишнякова О. Д., Липгарт А. А., Мартюшова Н. О., Проблема исследования памяти в лингвистике: междисциплинарный подход // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. №4. 702 с.
5. «Для западного журналиста оказался терпеливым»: Путин об интервью Такеру Карлсону [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russian.rt.com/world/video/1273262-putin-karlson-zarubin-ssha (дата обращения: 08.06. 2024)
6. Интервью Такеру Карлсону, транскрипт. [Электронный ресурс] //Президент России официальный сайт: сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73411 (дата обращения: 13.04.24).
7. Минаева Л.В. Доклад "Сторителлинг в политическом дискурсе", СПбГУ, 22 ноября 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=M7TZosACVSg (дата обращения: 13.04.24).
8. Рябкова И. П. Межкультурная коммуникация в сфере политики и вопросы перевода // Политическая лингвистика. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2011. Т. 37, № 3. 144 с.
9. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. 50 с.
10. Cambridge dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (accessed : 23.02.2024)
11. Donald Trump's son says Tucker Carlson as US Vice President “on the table” [Электронный ресурс] // The Economic Times: News: сайт. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/donald-trumps-son-says-tucker-carlson-as-us-vice-president-on-the-table/articleshow/106971445.cms?from=mdr (дата обращения: 13.04.24).
12. Hall E. T. Beyond culture. Garden City, N.Y. : Anchor Press, 1976. P. 91-111.

11. Heitshusen V., Beth R. S. Filibusters and Cloture in the Senate (Report). // Congressional Research Service. (April 7, 2017). 1 p.
13. Hofstede G. H. Culture and organizations: Intercultural Cooperation and its Importance for Survival. Software for the Mind. New York : HarperCollins, 1999. 103 p.
14. Putin's Interview to Tucker Carlson: Full Video and Text //Sputnik news: сайт. [Электронный ресурс] URL: https://www.rev.com/blog/transcripts/tucker-carlson-interviews-vladimir-putin-transcript
15. Ter-Minasova S. G. Challenges of intercultural communication: A view from Russia // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация., 2017. № 4. P. 9-19.
16. Ter-Minasova S. G. The dialectics of international communication // Procedia – social and behavioral sciences. 2014. Vol. 154. P. 8-13.
17. The Javier Milei Interview [Электронный ресурс] // Tucker Karlson Network: сайт. – URL: https://tuckercarlson.com/javier-milei/ (accessed: 13.04.24).
18. The Vladimir Putin Interview [Электронный ресурс] // Tucker Karlson Network: сайт. – URL: https://tuckercarlson.com/the-vladimir-putin-interview/ (accessed:13.04.24).
19. Tucker Carlson: After the Vladimir Putin interview [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=dLowwK-MBO0 (accessed: 13.04.24).
20. Tucker Carlson Interviews Donald Trump On Debate Night [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=tIsemTMgyO0 (accessed:: 13.04.24).

4.3. МНОГОПОЛЯРНОСТЬ РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО МЕДИАДИСКУРСА[1]

Глобализационные процессы активно изменяют все сферы жизни человека с помощью технологий. Молодежь наиболее восприимчива к инновациям и изменениям, рассматривая их как положительные, ведущие к развитию и успеху в будущем. Еще 100 лет назад К. Мангейм писал, что «благодаря расширению средств связи и росту социальной мобильности, как, например, миграции или передвижения вверх и вниз по общественной лестнице, происходит перемешивание и изменение самых различных ценностей» [Мангейм, 2010, с. 560]. Он также отмечает, что «для нейтрализации негативных последствий чрезмерного разнообразия необходимо найти метод постепенной стандартизации основных ценностей, чтобы восстановить равновесие установок и мнений» [Мангейм, 2010, с. 561].

В XX и XXI вв. бурное развитие получили телекоммуникационные системы. Бум Интернет-технологий, мобильного сверхскоростного обмена данными больших объемов только усилили востребованность стандартизации культурно-ценностной матрицы. Чрезмерное развитие естественно-научного и технического знания «ведет к изменению структуры языкового сознания: смены ценностных ориентиров, разрушению культурной матрицы, формирования новых паттернов поведения и правил существования, новых норм морали и когнитивной системы представлений о мироустройстве» [Мамонова, 2022, с. 74].

[1]*Данный раздел исследования выполнен при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ», 2024.*
The study was financially supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of ChelSU, 2024.

Более того, в XX веке появился тренд формирование глобального языкового сознания наряду с глобальными стандартизированными ценностями. Безусловно, это вызвано бурным развитием торгово-экономических отношений, развитием транспорта и техники, что позволило миллионам людей мигрировать в поисках лучшей жизни на огромные расстояния за короткие временные промежутки. Бенефициарами данных процессов стали транснациональные компании [Mann, 1992].

Запрос на стандартизацию языкового сознания жителей разных регионов планеты был решен с появлением средств массовой информации и получил свое бурное развитие в цифровой среде XXI века, сформировав таким образом медиадискурс.

Медиадискурс взял на себя роль стратификации аморфного мирового сообщества. Медиадискурс предлагает каждому индивиду готовые модели и алгоритмы поведения на все случаи жизни. В медиадискурсе реализуется собственная оценочная категоризазация: индивидам в доступной форме разясняется, какой выбор является хорошим, а какой плохим и почему, что в значительной мере облегчает управление обществом и делает социальные процессы более предсказуемыми.

Появившиеся новые возможности глобализации прежде всего, привлекают прежде всего молодежь. Молодежь «выступает основным источником пополнения трудовых ресурсов», является основным носителем «интеллектуального и физического потенциала общества», «способна быстрее других социальных групп общества овладевать новыми знаниями», является «наследником материальных и духовных богатств общества», «объективно восприимчива к новациям» [Сайганова, 2015, с. 21]. В связи с этим огромное значение приобретают медиа аспекты формирования языкового сознания молодежи. Основная среда обитания молодежи на сегодняшний день – это цифровая среда, это медиадискурс. Именно там разворачиваются основные баталии в информационном противостоянии в борьбе за молодежь. Кроме того, именно молодежь имеет склонность к миграции и смене места жительства, страны, континента.

Согласно утверждению С.Г. Тер-Минасовой, «язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жи́зни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, ви́дение мира» [Тер-Минасова, 2000, с. 13]. С.Г. Тер-Минасова подчеркивает, что «поскольку язык и культура неразделимо спаяны и каждый язык несет в себе весьма значительный культурноидеологический заряд, продвижение и доминирование одного языка – в настоящее время английского – в качестве средства общения между народами мира неизбежно приводит к тому, что вместе с языком проникает чужая культура и идеология» [Тер-Минасова, 2013, с. 127].

О.Н. Астафьева развивает данные идеи и подчеркивает, что «в результате контактов с другими культурами, интенсивных включений в виртуальную сферу коммуникаций, открытости информационно-

коммуникативного пространства новые средства связи и виртуальные формы общения приводят к возникновению в языках разных культур (даже и не родственных) общих структурных свойств вследствие достаточно длительных и интенсивных языковых контактов» [Астафьева, 2009, с. 128]. За последние десятилетия «современное глобализированное общество выделяет английский язык как основной инструмент всемирного межкультурного общения» [Лагерь, 2014, с. 223]. Рассуждая о роли английского языка в глобализации, В.М. Алпатов отмечает, что «особенности строя английского и русского языков влияют на представления их носителей о языке и мире», «на национальные лингвистические традиции, а во многом и на традиции других гуманитарных наук» [Алпатов, 2018, с. 15]. Язык непосредственно передает мировидение, определенную идеологию, выраженную в языке; языковую картину мира, которая не может не трансформироваться при переводе на другой язык в отличие от мировоззрения [Там же, с. 16].

Особенно отчетливо данные изменения проявляются в медиадискурсе, который репрезентирует основные узлы культурно-ценностной матрицы языкового сознания общества. Современная массовая культура в идеологизированном срезе трактуется О.В. Одеговой, как «затянувшееся зрелище-шоу, лишенное содержания и подразумевающее соучастие и сопричастность подавляющего числа членов глобального сообщества» [Одегова, 2017, с. 132]. Некоторые авторы рассуждают о вероятности вытеснения языков при высоком темпе глобализационных процессов. Даже если «языку не угрожает исчезновение, он начинает вытесняться из ряда культурных сфер, в том числе из сферы науки, включая науку о языке; это касается и русского языка» [Алпатов, 2018, с. 15]. Ряд авторов отмечают наблюдаемые языковые трансформации в речевых практиках. В.М. Алпатов пишет о том, что английский язык «стал возводиться в ранг всеобщего эталона, тогда особенности русского языка вроде свободного порядка слов рассматриваются как отклонения от базовых принципов языка или вообще игнорируются, но это уже прямое влияние англоязычной традиции, все более становящейся международной» [Алпатов, 2018, с. 23]. Исследователи отмечают распространение англоамериканизмов, «трансмиттеров американской культуры», указывая, что «субъективный слой массовой культуры как ее идеологическая компонента является своего рода эрзацем глобальной культуры, поскольку не имеет философского обоснования» [Одегова, 2017, с. 132].

Кроме того, анализ научных исследований отражает общие тенденции в интернет-коммуникациях на русском и английском языках. Например, появление новых практик в цифровой среде и использование в общении «всеми участниками одного и того же «арсенала средств» формирует некий интернациональный комплекс приемов, норм и стратегий общения» [Максимова, 2010, с. 88]. Кроме того, «в сети наблюдается распределение … ответственности между автором и читателем; равновесие устанавливается спонтанно, в процессе коммуникации (приблизительно так же, как в устном

межличностном общении)» [Там же]. Другими словами, можно утверждать, что Интернет-коммуникация способствует формированию общих алгоритмов и мировоззрения, в конечном счете, мировидения. В исследованиях, посвященных степени влиянии глобализации на молодежь, О.Р. Тучина, Е.В. Черный приходят к выводу о том, что «молодые жители Кубани и Крыма рассматривают глобализацию, прежде всего, как пространство возможностей для себя, общности и мира в целом» [Тучина, Черный, 2021, с. 79]. Категория «глобализация» ассоциирована в массовом сознании молодежи «с образом единого экономического, информационного и коммуникационного пространства» [Там же 79]. Даже в университетском дискурсе «использование английского языка в качестве языка лингвистической презентации университета следует признать обязательным требованием для выхода на глобальный образовательный рынок» [Белоусова, 2018, с. 99].

Несмотря на интенсивные глобализационные процессы следует говорить о формировании национального самосознания, в том числе с помощью медиадискурса, где «ядро национального самосознания представлено глубинными установками в эмоционально-чувственной сфере, набором этнических стереотипов, которые выполняют роль системного регулятора и стабилизатора» [Мамонова, 2022, с. 824]. Именно через молодежь общество восприимчиво к изменению ценностей и установок в социуме. Языковое сознание молодежи наиболее неустойчиво и нелинейно, готово к принятию новых креативных аттракторов и когнитивных конструкций.

Рассмотрим степень влияния глобального медиадискурса на языковое сознание молодежи в университетском медиадискурсе. В качестве материала используются телегам-каналы нескольких ведущих российских вузов.

Согласно данным компании TGStat (https://tgstat.ru/tag/russian-universities) лидерами на 11.03.2024 являются:

- по количеству подписчиков официальный телеграм-канал Финансового университета (Москва, @finuniverchan),
- по цитируемости официальный телеграм-канал РЭУ им. Г.В. Плеханова (Москва, @PlekhanovUniverse),
- по охвату университет ИТМО (Санкт-Петербург, @itmolnia).

В вышеперечисленных телеграм-каналах методом сплошной выборки были отобраны посты и формируются соответственно три русскоязычных корпуса медиатекстов за первый квартал 2024 года (январь–март 2024). Для автоматического семантического анализа используется программа Miratext. В результате обработки корпусов генерируются три лексических облака. В центре каждого лексического облака располагаются самые частотные лексемы. Более крупным шрифтом обозначены частотные единицы, более мелким, менее частотные.

В ядерной части каждого полученного облака актуализируются лексемы, связанные с названием университета, его статусом. В центре расположены такие единицы как ФИНАНСОВЫЙ, УНИВЕРСИТЕТ, FINUNIVER. Лексические единицы ПРОГРАММА, РОССИЯ, ДЕНЬ,

УЧАСТИЕ, ПРОЕКТ, РОССИЙСКИЙ, БЫТЬ, ЗАЯВКА, а также прилагательное НОВЫЙ находятся в околоядерной зоне облака.

В данном лексическом облаке (в отличие от двух последующих) присутствуют два эмодзи. Облачко с многоточием символизирует некое сообщение, на которое следует обратить внимание. Кружащаяся звезда имеет двойной смысл: чувство головокружения от плохого самочувствия и переносный смысл – потрясающее событие, от которого «идет кругом голова». Чаще используется именно второе значение эмодзи.

Популярные словосочетания из 2 слов телеграм-канала @finuniverchan представлены следующим образом: финансовый – университет, принимать – участие, финансовый – грамотность, млрд – рубль, российский – федерация, образовательная – программа, университет – правительство, выставка – форум, мастер – класс, трлн – рубль, форум – Россия, заявка – участие, высокий – образование, прием – заявка и т.д.

Статистические данные показывают, что в данном корпусе доминируют финансовые темы, что соответствует роду деятельности университета, темы учебной деятельности, трудоустройства. Присутствие англоязычных вкраплений минимально. Использование латиницы обусловлено особенностями используемого приложения.

В ядерной области лексического облака публикаций телеграм-канала @PlekhanovUniverse (январь-март 2024 г.) расположены лексемы PLEHANOV, UNIVERSE, созвучные названию канала. В околоядерной зоне облака представлены лексемы РОССИЙСКАЯ НАУКА, ПРОГРАММА, СТУДЕНТ, РЭУ, РОССИЯ, ШКОЛА, ДЕНЬ, ПЛЕХАНОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,, ФИЛИАЛ, а также прилагательные НОВЫЙ, ВЫСОКИЙ.

Самые частотные словосочетания телеграм-канала @PlekhanovUniverse – это принимать – участие, студент – преподаватель, фестиваль – молодежь, материал – технология, высокий – образование, российский – экономический, инженерный – школа и др. Темы телеграм-канала @PlekhanovUniverse также в большей степени экономического характера, что соответствует основной сфере деятельности университета. Актуализируются лексемы форм проведения образовательных проектов и структур, связанных с этой деятельностью (фестиваль, технология, команда, мероприятие, конкурс, кафедра, преподаватель и пр.). Англоязычные заимствования минимально представлены.

В лексическом облаке публикаций телеграм-канала @itmolnia (январь-март 2024 г.) ядро облака выражено лексемой ITMOLNIA, образованной от сложения двух компонентов: ИТМО и (мо)лния. Непосредственно название телеграм-канала позиционирует источник, предоставляющий новости для аудитории с нестандартным мышлением, изобретательностью и предположительно молниеносной стремительностью в решении вопросов. Самые частотные словосочетания телеграм-канала @itmolnia представлены следующими парами: подача – заявка, будет – доступный, подробность – гайд, студенческий – офис, бюджетный – основа,

направление – деятельность, запись – открывается, образовательный – программа, открытый – подача и пр.

Автоматический семантический анализ показывает, что преобладают темы организации образовательного процесса и досуга (сайт, консультация, подача, запись, конкурс, заявка и пр.). Англоязычные заимствования представлены несколько чаще, чем в предыдущих двух корпусах. В периферийной части лексического облака встречаются лексемы, например, КОВОРКИНГ, ГАЙД. Частотные лексемы VEIW (просмотры) и FOR ENGLISH PRESS HERE (нажми сюда для перехода на английский), а также ITMO.Share, ITMO.Charge передают высокую включенность в глобальную повестку, открытость для интернациональных читателей и подписчиков.

В телеграм-каналах @finuniverchan и @PlekhanovUniverse латиница используется в минимальных количествах. Однако присутствуют некоторые англоязычные заимствования, которые делают мероприятия более привлекательными для молодых людей и понятными для студентов иностранных государств. Например, в телеграм-канале @finuniverchan используется лексема ФУДФЕСТ – фестиваль уличной еды. В примере поста телеграм-канала @PlekhanovUniverse примере используются термины МЕДИАЦИЯ, МЕДИАТОР – посредничество в урегулировании споров, посредник.

Во всех телеграм-каналах университетов активно используются эмодзи. Это делает сообщения более эмоционально привлекательными и понятными для молодых людей.

Таким образом, был рассмотрен университетский медиадискурс на материале медиатекстов российских телеграмм-каналов. Исходя из полученных данных, можно сказать, что происходит определенная стандартизация языкового сознания согласно концепции российской цивилизации. Глобальное влияние велико, однако оно уравновешено процессами создания полицентричного мира и поэтому затрагивает университетский дискурс минимально.

В своих трудах известный философ и социолог А.Г. Дугин приходит к выводу о необходимости создания многополярного мира, «где полюсов будет столько же, сколько цивилизаций», что «позволит предложить человечеству широкий выбор культурных, мировоззренческих, социальных и духовных альтернатив» [Дугин, 2012, с. 477]. В настоящее время мы наблюдаем процесс зарождения многополярного мира, где значимое место отводится концепту ЦИВИЛИЗАЦИЯ. Противостояние / взаимодействие / сосуществование разных культурно-ценностных матриц англосаксонского языкового сознания, китайского языкового сознания, российского языкового сознания или каких-либо иных ментальностей можно отследить в медиадискурсе.

В заключение отметим, что в российском университетском медиадискурсе наблюдается смена культурно-ценностных ориентиров с глобальных на цивилизационные. В современных медиатекстах появляются новые доминирующие смысловые конструкции, которые

фиксируют в языковом сознании российской молодежи российские культурно-ценностные ориентиры взамен глобальных, которые популяризировались в медиадискурсе с 1991 года. Новые смысловые конструкты, распространяемые в университетском медиадискурсе, соответствуют векторам развития многополярного мира.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Языковой аспект глобализации // Язык в глобальном контексте. Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации. Серия: Теория и история языкознания/ Отв. ред.: Потапов В.В., Казак Е.А.М.: Издательский центр ИНИОН РАН, 2018. С. 202.
2. Астафьева О.Н. Взаимодействие культур: динамика моделей и смыслов // Социальная синергетика и актуальная наука. Глобализация. Глобалистика. Потенциалы и перспективы России в глобальном мире : сборник научных трудов, Йошкар-Ола, 27–29 ноября 2009 года. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2010. С. 120-130.
3. Белоусова В.С. Вербализация концептуального содержания современного университетского дискурса (на материале сайтов университетов Азиатско-Тихоокеанского региона): дисс. … канд. филол. наук. Пермь, 2018. С. 99.
4. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2012. 532 с.
5. Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О. Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. 2012. №15. С. 18-37.
6. Лагерь А.И. Динамика языка в эпоху глобализации: социально-философский анализ // Философия образования. 2014. № 2(53). С. 223-237.
7. Максимова О.Б. Язык в интернет-коммуникации: общие закономерности и национально-культурные особенности (на материале русского и английского языков) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 3. С. 74-90.
8. Мамонова Н.В. Когнитивная лингвистика в контексте шестого технологического уклада // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы XI Международной научной конференции: в 2 ч., Челябинск, 07–09 апреля 2022 года / Челябинский государственный университет. Часть 1. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2022. С. 73-75. DOI 10.47475/9785727118047_73.
9. Мамонова Н.В. Формирование национального языкового самосознания // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2(49). С. 821-824.
10. Мангейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010, 744 с. (Книга света).
11. Одегова О.В. Глобализация языка и культуры: специфика и место в системе глобальных процессов современности. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 168 с.
12. Сайганова Е.В. Трансформация роли молодежи в современном обществе // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. №1. С. 19-22.
13. Тер-Минасова С.Г. Судьбы языков и культур в эпоху глобализации // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 1(1). С. 124-134.
14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2000. 624 с.
15. Тер-Минасова С.Г. Язык и национальная безопасность (современный аспект проблемы) // Ценности и смыслы. 2010. № 6(9). С. 25-33.
16. Тучина О.Р. Глобализация глазами молодежи (на материале исследования респондентов Кубани и Крыма) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2021. № 1(54). С. 73-80. DOI 10.26456/vtpsyped/2021.1.073.
17. Mann S.R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters. 1992. Autumn. № 55. Pp. 54-68.

4.4. ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ “BRITISHNESS” В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, язык – это мощнейший социальный инструмент, организующий поток людей в этнос, образующий нацию через сохранение и передачу культуры, традиций, социального самосознания данной языковой общности. Язык – важнейшее средство общения, именно благодаря языку культура может служить как способом межличностного взаимодействия, так и средством изоляции людей. Язык указывает на принадлежность его пользователей к определенной цивилизации [Тер-Минасова, 2000, с. 15].

В этой связи следует обратиться к той отрасли лингвистики, которая непосредственно связана с изучением языка и культуры, а именно лингвокультурологии – многогранной научной дисциплине синтетического характера, изучающей взаимную взаимодействие культуры и языка в их функционировании и представляющей этот процесс как целостное образование в единстве его лингвистического и экстралингвистического (культурного) содержания с помощью системных методов, ориентированных на современные проблемы и культурные рамки (системы норм и социальных ценностей). Сложные диалектические отношения между языком и культурой являются предметом широкого изучения в самых разных научных дисциплинах, включая лингвистику, антропологию, психологию и социологию. Эти отношения часто характеризуются взаимным влиянием, когда язык формирует культуру и формируется ею, а также ролью языка в поддержании и передаче культурных ценностей, верований и практик [Александрова et al., 2018; Вишнякова, 2012, 2015]. Одним из важнейших аспектов этой взаимосвязи является то, что язык представляет собой символическую систему, с помощью которой люди могут общаться и обмениваться своим культурным опытом. Используя слова, фразы и грамматику, язык кодирует культурные знания, убеждения и ценности и позволяет людям передавать эту информацию другим поколениям. Этот процесс имеет решающее значение для развития и поддержания общей культурной идентичности, обеспечивая понимание и соблюдение членами определенной группы норм, обычаев и традиций, которые их определяют.

В то же время язык способен формировать культурные убеждения и обычаи. Например, способ, которым тот или иной язык классифицирует мир (например, с помощью грамматического рода), может влиять на то, как люди воспринимают его и взаимодействуют с ним. Это говорит о том, что язык – не просто пассивное отражение культуры, а скорее активная сила, способствующая ее развитию и эволюции. Более того, использование языка может способствовать возникновению новых культурных практик и верований, поскольку люди передают друг другу свои идеи и опыт.

С этой точки зрения "идентичность" – это набор субъективных убеждений, где язык, религия, класс, национальная лояльность влияют друг на друга, причем так, что в современном мире идентичность стано-

вится все более сложной. Язык играет центральную роль в формировании идентичности в плане идентификации своего и чужого в лингвокультуре. В формировании идентичности же важнейшую роль играет религия, напрмиер, в случае большой иммиграции мусульман в Великобританию. Класс по-прежнему является одним из важнейших неформальных маркеров идентичности. Лояльность в Великобритании имеет два очень важных аспекта – национальная лояльность, гордость за ношение британского паспорта, патриотизм [Mertania & Amelia, 2020; Scott-Baumann et al., 2020].

Значение мультикультурализма в британском обществе можно понять через исторические нарративы, отношение общества и политику правительства. Государственная политика в отношении меньшинств после событий 11 сентября в США, повлиявших на весь мир, показывает, как изменился уровень мультикультурной интеграции в Британии; в то время как исторические нарративы иллюстрируют влияние этнических сообществ на общий ландшафт Британии до 11 сентября. Эта динамика подчеркивает значительный контраст между двумя периодами, а также изменение отношения британской общественности. Специфика мультикультурализма в британском обществе заключается в его неустойчивости и влиянии на национальную идентичность.

"Britishness" – это неоднозначное и многогранное понятие, невозможно определить как единичную сущность; скорее, это изменчивая и коллективная идентичность, возникающая в результате сложного взаимодействия исторических, социальных и культурных факторов. Конструирование понятия и стоящего за ним концепта "Britishness" причудливо вплетено в ткань общественных конвенций, формируемых жителями, которые называют Соединенное Королевство своим домом. Важно понимать, что сам факт проживания в Соединенном Королевстве не наделяет человека данными качествами автоматически. Действительно, множество коренных жителей, а также космополитичное население мира, проживающее на территории Соединенного Королевства, могут с гордостью называть себя британцами [Вишнякова и др., 2019]

Понятие "Britishness" включает в себя огромное количество сложных аспектов, вплетенных в богатый гобелен истории, общества и культуры Великобритании. Сложность этого понятия делает его неуловимым для краткого определения, поскольку оно процветает благодаря своей постоянно развивающейся природе. Разгадка сущности "Britishness" требует изучения многогранных взаимосвязей между прошлым, настоящим и будущим Соединенного Королевства. В границах Соединенного Королевства понятие "Britishness" представляет собой сплав различных этносов и национальностей, гармонично переплетенных между собой [Moskal & Sime, 2022]. Оно преодолевает ограничения единого определения, принимая свою изменчивую и коллективную идентичность. Нельзя упускать из виду и тот факт, что само по себе проживание в Соединенном Королевстве не дает автоматического права на британское гражданство.

Историческая эволюция британской идентичности – сложный и многогранный процесс, который формировался под влиянием множества факторов. С момента своего возникновения как совокупности англосаксонских королевств в V веке до превращения в глобальную сверхдержаву в XIX веке британская идентичность претерпела множество изменений и адаптаций. Одним из ключевых факторов формирования британской идентичности стало влияние английской культуры и языка. Англосаксонские королевства, которые в конечном итоге объединились в Англию, отличались от своих кельтских и норвежских соседей по языку и культуре. Это языковое и культурное своеобразие способствовало укреплению английской идентичности по мере ее распространения путем завоевания и колонизации в последующие века. Еще одним важным фактором формирования британской идентичности стало влияние колониализма и империализма. В период своего расцвета в XIX веке Британская империя охватывала большую часть земного шара, и эта обширная сеть территорий способствовала укреплению британской идентичности как силы и влияния на мировой арене. Наследие колониализма продолжает формировать британскую идентичность и в настоящее время, оказывая влияние на специфические трансформации в национальном самосознании и развитие адаптационных механизмов членов социума.

В последнее время роль иммиграции и культурного разнообразия становится все более значимой в формировании британской идентичности. Прибытие большого количества мигрантов из бывших колоний и других частей света привело к формированию мультикультурного общества, которое одновременно бросает вызов членам британского общества в его новом формате и укрепляет традиционные представления о национальной идентичности. Дебаты вокруг таких вопросов, как мультикультурализм, интеграция и политика самой идентичности, становятся все более заметными в британском общественном дискурсе в последние годы, отражая сложный и динамичный характер британской идентичности в XXI веке [Вишнякова, Костина, 2012]. Связь между эволюцией британской идентичности, иммиграцией и культурным разнообразием в Великобритании сложна и многогранна. Хотя иммиграция сыграла значительную роль в формировании британской идентичности, она также стала источником напряженности и противоречий. Исторически сложилось так, что иммиграция стала одним из ключевым факторов в эволюции британской идентичности. Начиная с XVII века, в Великобританию прибывало большое количество мигрантов из Европы, Северной Америки и других стран, что способствовало ее экономическому, социальному и культурному развитию. Мигранты принесли с собой свои языки, религии и культурные традиции, которые помогли обогатить и разнообразить британское общество. В то же время они бросили вызов традиционным представлениям о британской идентичности, особенно в том, что касается языка, религии и культурных ценностей.

Влияние иммиграции на британскую идентичность стало особенно заметным в последние десятилетия, когда большое количество мигрантов

из бывших колоний и других частей света приехали в Великобританию в поисках работы, образования и лучшей жизни. Эти мигранты привезли с собой свои языки, религии и культурные традиции, которые помогли сделать Британию более разнообразным и мультикультурным обществом. Однако они также бросили вызов традиционным представлениям о британской идентичности, особенно в том, что касается языка, религии и культурных ценностей, а также таких вопросов, как интеграция, гражданство и политика идентичности.

Дебаты вокруг таких вопросов, как мультикультурализм, интеграция и политика идентичности, становятся все более заметными в британском общественном дискурсе в последние годы, отражая сложный и динамичный характер британской идентичности в XXI веке. Одни утверждают, что иммиграция обогатила британское общество и способствовала его экономическому, социальному и культурному развитию, другие – что она бросила вызов традиционным представлениям, особенно в том, что касается языка, религии и культурных ценностей. Поскольку в XXI веке Великобритания продолжает решать вопросы идентичности, мультикультурализма и интеграции, более глубокое понимание связи между иммиграцией и культурным разнообразием, с одной стороны, и эволюцией британской идентичности, с другой, важно как никогда. Если колониализм помог сформировать британскую идентичность в XIX и начале XX века, то глобализация оказала более сложное влияние на британскую идентичность в XXI веке. Обширная сеть территорий, составлявших Британскую империю, способствовала укреплению Великобритании как силы и влияния на мировой арене. Наследие колониализма продолжает формировать британскую идентичность и сегодня, поскольку многие британцы продолжают считать себя частью мирового сообщества с богатым имперским наследием. В то же время та эпоха отмечена эксплуатацией, угнетением, захватническими войнами, – что в дальнейшем привело к постоянным дебатам по таким вопросам, как возмещение ущерба, примирение и деколонизация. Сегодня многие британцы до сих пор борются со сложным и болезненным наследием колониализма и продолжают обсуждать проблемы исторической несправедливости и культурного присвоения.

Вместе с тем в настоящее время Великобритания остается крупным игроком в мировой экономике, а британская культура продолжает экспортироваться по всему миру. Продолжающееся развитие глобализации экономики и новых технологий привели к появлению новых форм культурной и языковой гибридности, которые оказали влияние и на традиционные представления о британской идентичности. Влияние глобализации на британскую идентичность также отражается в дебатах по таким вопросам, как иммиграция, мультикультурализм и политика идентичности.

Изменение отношения к культурной интеграции и инклюзивности также сыграло значительную роль в формировании современной Британии. В последние годы растет понимание того, что культурная интеграция – это не только вопрос ассимиляции традиционных британских ценностей и

культурного наследия, но и признание и укрепление культурных традиций все более мультикультурного британского общества. Сдвиг в сторону укрепления и роста культурной интеграции обусловлен рядом факторов, включая демографические изменения, политические события, социальные и культурные тенденции. Еще одним фактором, способствовавшим изменению отношения к культурной интеграции и инклюзивности в современной Великобритании, стали политические события, такие как передача власти Шотландии и Уэльсу, а также растущее признание прав меньшинств и необходимость решения проблем исторической несправедливости и культурного присвоения. Эти события способствовали развитию чувства культурного плюрализма и уважения к разнообразным культурным традициям все более мультикультурного британского общества.

Влияние наследия колониализма, глобализации и меняющегося отношения к культурной интеграции и инклюзивности на современную британскую идентичность по-разному отражается в культурной жизни страны. Приведем несколько примеров:

1. *Колониализм:* Наследие колониализма продолжает оставаться темой для обсуждений и дебатов в британской прессе, а также в британской видео- и киноиндустрии. Например, в 2020 году на канале BBC вышел документальный сериал основанный на одноименной книге Ниала Фергюсона *'Empire: how Britain made the modern world'*, в котором исследовалось влияние колониализма на современное британское общество. В сериале рассматривались как положительные, так и отрицательные аспекты колониализма, в том числе его роль в формировании британской идентичности, а также наследие эксплуатации, угнетения и несправедливости.

2. *Глобализация:* Например, в 2019 году на канале BBC вышел документальный сериал *'England's Asian Renaissance'*, в котором исследовалась роль азиатских общин в формировании современного британского общества. В сериале рассматривалось влияние глобализации на британскую культуру, а также перспективы и возможности, связанные с растущей глобализацией экономики и появлением новых технологий.

3. *Культурная интеграция и инклюзивность*: Например, в 2020 году на канале BBC вышел документальный сериал *'A history of black britons'*, посвященный истории и культуре чернокожих общин в Великобритании. В сериале рассматривалась роль чернокожих общин в формировании современного британского общества, а также проблемы, возникающие в связи с растущим культурным плюрализмом британского общества.

Помимо этих примеров, британские СМИ отражают влияние наследия колониализма, глобализации и меняющегося отношения к культурной интеграции и инклюзивности в новостях, материалах и культурных программах. Эти средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного дискурса и формировании того, как люди думают о проблемах идентичности, мультикультурализма и глобализации в современной Великобритании.

Будучи газетой придерживающейся левых взглядов, 'The Guardian' часто занимает прогрессивную позицию по вопросам, связанным с колониализмом, глобализацией, культурной интеграцией и проблемами инклюзивности в современной Великобритании. В газете опубликовано множество статей и мнений, которые подчеркивают влияние последствий колониализма на британское общество, выступают за более глубокое культурное понимание и инклюзивность, а также исследуют сложности современной британской идентичности. Например, освещаются такие темы, как влияние Brexit на мультикультурализм в Великобритании, представление меньшинств в СМИ и необходимость более инклюзивной образовательной политики. В журнале также публикуются статьи, критикующие наследие колониализма в Великобритании и призывающие к более честному и взвешенному отношению к истории империализма в стране.

Газета ‘The Guardian’ [Esther, 2023. Эл. ресурс] опубликовала множество статей и мнений, в которых рассматривается наследие колониализма в Великобритании. Например, в 2019 году была опубликована статья *”Britain's colonial past is still shaping our society today”*, в которой утверждалось, что последствия колониализма все еще ощущаются в британском обществе, а также актуальные материалы, в том числе серию статей 2019 года под названием *"The Untold Story of Empire"*, в которой подробно рассматривалась история британского колониализма [Priyamvada, 2019. Эл. ресурс].. В серии были затронуты такие темы, как влияние колониализма на коренные народы, роль женщин в социально-экономических процессах и последствия колониализма для современного британского общества.

‘The Guardian’ также освещает влияние глобализации на британское общество, особенно в плане ее воздействия на культуру и идентичность. Например, в 2016 году они опубликовали статью под заголовком *’The key lesson of Brexit is that globalisation must work for all of Britain’* [Brown , 2016. Эл. ресурс], в которой рассматривались пути, по которым глобализация трансформирует британское общество, как в положительную, так и в отрицательную сторону. В статье утверждалось, что, хотя глобализация принесла много преимуществ, таких как расширение экономических возможностей и культурного обмена, она также привела к новым проблемам, таким как неравенство и культурная гомогенизация.

‘The Guardian’ освещает влияние глобализации на широкий круг вопросов, от экономики и политики до культуры и идентичности. Например, в 2019 году они опубликовали статью под названием "Globalisation is changing the way we eat" [Davey 2022. Эл. ресурс], в которой исследовали пути, по которым глобализация трансформирует пищевую промышленность, как в положительную, так и в отрицательную сторону. В статье утверждалось, что, хотя глобализация открыла новые возможности для производства и распространения продуктов питания, она также привела к появлению новых проблем, таких как пищевые отходы и разрушение традиционной культуры питания.

‘The Guardian’ активно выступает за культурную интеграцию и инклюзивность британского общества. Например, в 2019 году они опубликовали статью под заголовком ‘The Guardian view on multicultural Britain: learning to live together’ [The Guardian view on multicultural Britain: learning to live together, 2018. Эл. ресурс]., в которой утверждалось, что мультикультурализм является неотъемлемой частью современной британской идентичности и что попытки подорвать его являются ошибочными и опасными. В статье содержится призыв к более активным усилиям по содействию культурному взаимопониманию и инклюзивности, а также пропаганда политики, поддерживающей мультикультурализм и социальную сплоченность.

The Guardian активно выступает за культурную интеграцию и инклюзивность, особенно в вопросах, связанных с расовой и этнической принадлежностью. Например, в 2019 году они опубликовали статью под названием *"Why we need to talk about race in Britain"* [Nels, 2023. Эл.ресурс] в которой рассматривалось наследие колониализма и его влияние на современное британское общество. В статье утверждалось, что, хотя Британия добилась прогресса в области расовых отношений, впереди еще долгий путь, и что усилия по развитию культурного взаимопонимания и инклюзивности необходимы для построения более справедливого и равноправного общества.

В целом освещение этих тем в ‘The Guardian’ отражает стремление к социальной справедливости, равенству и культурному взаимопониманию в современной Великобритании. Газета активно выступает за повышение осведомленности о сохраняющихся последствиях колониализма и призывает к более активным усилиям по решению проблем неравенства и социальной несправедливости. Они также являются активными сторонниками мультикультурализма и культурной интеграции и призывают к проведению политики, способствующей социальной сплоченности и культурному взаимопониманию.

Сложно предсказать, как именно люди в Великобритании (и СМИ в частности) будут понимать концептуальную структуру "британской идентичности" (’британскости’) в будущем. Однако есть несколько тенденций и событий, которые позволяют предположить, как этот концепт может развиваться дальше:

1. **Все большее признание мультикультурного общества Великобритании.** По мере того как Британия становится все более разнообразной и мультикультурной из-за иммиграции и глобализации, среди многих британцев растет признание необходимости переосмысления понятия "Britishness" в более инклюзивных и разнообразных терминах. Это признание находит отражение в растущем внимании к общинам меньшинств в британских СМИ и популярной культуре, а также в призывах к политике, способствующей социальной сплоченности и культурному взаимопониманию.

2. **Больший акцент на ценностях и принципах.** Поскольку традиционные представления о британской идентичности, основанные на

расовой, этнической или национальной принадлежности, теряют свою актуальность в условиях все более глобализированного мира, все больше внимания уделяется определению последней в терминах ценностей и принципов, таких как демократия, права человека и социальная справедливость. Этот акцент находит отражение в призывах к проведению политики, способствующей социальной сплоченности на основе общих ценностей, а не общей идентичности или наследия.

3. **Продолжение дебатов о колониализме.** Несмотря на то, что сегодня в Великобритании продолжаются дебаты о том, как решать вопросы, связанные с колониализмом (например, о возмещении ущерба за историческую несправедливость или о возвращении культурных артефактов), эти дебаты, скорее всего, будут продолжать формировать у населения понимание того, что значит быть британцем. По мере того как все больше людей осознают продолжающееся влияние колониализма на современное британское общество, вероятно, будет возрастать давление в сторону решения этих вопросов и содействия большему культурному пониманию и примирению.

4. **Роль средств массовой информации.** Роль средств массовой информации в формировании популярного понимания британской идентичности, вероятно, будет продолжать развиваться по мере появления новых технологий и платформ. Например, развитие социальных сетей позволило привлечь больше внимания к общинам меньшинств и альтернативным взглядам на "Britishness", а также вызвало новые опасения по поводу распространения дезинформации и языка ненависти. По мере развития средств массовой информации будет важно обеспечить, чтобы они отражали разнообразный и мультикультурный характер современного британского общества.

В целом, будущее концептуальной структуры "британская идентичность", вероятно, будет формироваться под влиянием целого ряда социальных, политических и культурных факторов, отражающих как преемственность, так и изменения. Несмотря на продолжающиеся споры о том, как определять британскую идентичность сегодня, очевидно, что эти споры отражают более широкие сдвиги и изменения, происходящие в британском обществе, которое в условиях мультикультурных трансформаций продолжает решать вопросы, связанные с проблемами колониалъной политики, глобализации, культурной интеграции и инклюзивности.

Список литературы

1. Александрова О.В., Тер-Минасова С.Г., Баранова Л.Л., Вишнякова О.Д. и др. Функциональные аспекты исследования языка и междисциплинарность научного знания: проблемы филологии, культуры, методики преподавания: коллективная монография под общей редакцией О. Д. Вишняковой. Чешская Республика: Западночешский университет в Пльзене, 2019. 191 с.
2. Вишнякова О.Д. “Britishness”: концептуализированная область и способы вербального выражения // Актуальные проблемы английского языкознания: Сб. науч. статей. К юбилею профессора О.В. Александровой. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 162-167.

3. Вишнякова О.Д. Языковой знак в культурной памяти социума // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 25-42.
4. Вишнякова О.Д., Вишнякова Е.А., Доброрадных Т.А.. Актуализация языкового потенциала как способ решения эвристических задач в англоязычном дискурсе СМИ. Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2019. № 3 (27). С. 21–31.
5. Вишнякова О.Д., Костина Д.М. О влиянии дискурсивных факторов на формирование оценочных характеристик концепта "multiculturalism" в британском лингвокультурном социуме // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. 2012. №. 6 (125). Вып. 13. С. 58-64.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. "Лингвистика и межкультурная коммуникация". М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. 261 с.
7. Mertania Y., Amelia D. Black Skin White Mask: Hybrid Identity of the Main Character as Depicted in Tagores The Home and The World. Linguistics and Literature Journal, 2020. 1(1), 712.
8. Moskal M., Sime D. Young Europeans in Brexit Britain: unsettling identities. Global Networks, 2022. 22(2), pp. 183-196.
9. Alison Scott-Baumann, Mathew Guest, Shuruq Naguib, Sariya Cheruvallil-Contractor, Aisha Phoenix. Islam on Campus: Contested Identities and the Cultures of Higher Education in Britain, Oxford University Press, 2020. 272 p.
10. Brown G., 2016. “The key lesson of Brexit is that globalisation must work for all of Britain”. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jun/29/key-lesson-of-brexit-globalisation-must-work-for-all-of-britain (accessed: 23.04.2024).
11. Davey E., 2022 “Globalisation of food production has left millions hungry”. URL: https://www.theguardian.com/world/2022/may/23/globalisation-of-food-production-has-left-millions-hungry (accessed: 24.04.2024).
12. Esther A., 2023 Colonial past must be in mainstream of UK history, says new English Heritage chief. URL: https://www.theguardian.com/culture/2023/nov/24/colonial-past-must-be-in-mainstream-of-uk-history-says-new-english-heritage-chief (accessed: 24.04.2024).
13. Nels A., 2023. We need to talk about ‘racism laundering’: what it is, who benefits – and how to be vigilant. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/sep/19/racism-laundering-ghostwriting-daily-mail (accessed: 20.04.2024).
14. Priyamvada G., 2019. Britain’s story of empire is based on myth. We need to know the truth. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/jul/06/britains-story-empire-based-myth-need-know-truth (accessed: 24.04.2024).
15. The Guardian view on multicultural Britain: learning to live together, 2018. [URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/sep/17/the-guardian-view-on-multicultural-britain-learning-to-live-together (accessed: 24.04.2024).

4.5. ЭВОЛЮЦИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ГЛОБАЛЬНОГО ЯЗЫКА И ИХ ПУТЬ К СТАНДАРТИЗАЦИИ

Многообразие вариантов английского языка нередко ставит вопрос о том, что такое вариант и чем он отличается от языка, сколько у нас на земле вариантов, по каким признакам надо выделять вариант языка, как соотносится понятие нормы, стандарта и варианта, как происходит стандартизация варианта и можно ли считать вариантами такие идиомы,

которые не имеют собственных стандартов; на какой стандарт должны мы ориентироваться при изучении английского языка. Поиск ответов на эти вопросы приводит нас к трудам классиков парадигмы, называемой World Englishes, или контактной вариантологии английского языка, а также к исследованиям по истории английского языка.

Первый идиом, о котором заговорили как о варианте, отличном от британского, был американский английский. Война за независимость от Британии имела результатом подъем национального сознания, желание показать, в чем именно проявляется специфика жителей нового континента[1]. Языковые различия американцев, возникшие в результате аккомодации к новым условиям среды, заимствований из локальных языков, смешения языков и диалектов прибывших в Новый Свет европейцев, заставили великого американского лексикографа Ноя Уэбстера заявить в 1787 г.: «Будучи независимой нацией, мы считаем честью иметь свою собственную систему, как в языке, так и в управлении (государством). Великобритания, чьи мы дети, больше не должна быть нашим стандартом...» (цит. по: [Schreier, 2013, p. 361]). Таким образом, предпосылками образования варианта стали две: осознание национально-культурной идентичности и лексикографическая кодификация.

Именно эти два критерия считал главными для образования стандартизированных вариантов основоположник теории World Englishes Брадж Качру, назвавший четыре основных фактора кодификации вариантов [Kachru, 1985]:

1) образовательный – он реализуется через систему образования, в том числе через учебники, грамматики, словари, систему тестирования, а также через средства массовой информации, литературу и т.д.;

2) социолингвистический, социокультурный – признание речевым социумом факта того, что их вариант отражает культурно-языковую идентичность носителей этого варианта;

3) авторитарный – существование специального кодифицирующего органа, типа Académie Française во Франции. Для английского языка этот фактор не работает, хотя одна академия английского языка (English Academy) все-таки существует – в Южно-Африканской Республике, но это не государственный орган, а общественный, созданный профессурой южноафриканских университетов для защиты английского, который является одним из официальных языков государства, от другого европейского языка, африкаанс, сохранившего некоторые традиции голландского и являющегося также одним из официальных языков ЮАР;

4) индивидуально-психологический – признание норм и узуса отдельными представителями речевого сообщества.

Таким образом, словарная кодификация американского варианта произошла в 1828 г., с выходом из печати двухтомного «Американского

[1] Именно этим фактом обусловлено и введение в программу ФИЯР по инициативе С.Г. Тер-Минасовой курса «Мир США» [Тер-Минасова, 2014].

словаря английского языка» Н. Уэбстера. Интересно, что в 1780 году по предложению Джона Адамса была предпринята попытка создать Академию американского английского [Kretzschmar, Meyer, 2013]. Но авторитарная кодификация оказалась лишь историческим фактом. Своего апогея идея национализации американского варианта достигла в 1919 году, когда американский журналист Г. Менкен опубликовал книгу «Американский язык» (“The American Language”), правда, некоторые социолингвисты утверждают, что полное осознание и принятие американского варианта произошло все-таки после Второй мировой войны, когда США стали мощной экономической державой, и этот вид индивидуально-психологической кодификации выявляется через повышение престижности произнесения американского /r/ после гласных [Labov, 2001; Kretzschmar, Meyer, 2013].

Остальные варианты, даже национальные Внутреннего круга [Kachru, 1985], были признаны гораздо позже, почти через полтора века после американского, несмотря на то что их эволюция начиналась почти одновременно.

Примерно к тому же времени, как произошло зарождение американского варианта английского языка, можно отнести и начало формирования канадского варианта: с подписанием американской Декларации о независимости в 1776 г. американские лоялисты, поддерживавшие Великобританию, устремились на северные территории, соперничая с французами. Социолингвисты отмечают, что это было начало процесса формирования канадской идентичности [Avis, 1973; Chambers, 1998; Dollinger, 2008], которая завершилась лишь в 1950-х годах осознанием «особого канадского национального характера» [Быховец, 1988; Walker, 2015]. Вторая волна иммиграции после 1815 г. была связана уже не с американским влиянием, а с британским, ирландским и шотландским. Далее с конца XIX века значительной оказалась европейская, а после Второй мировой войны – азиатская миграция. С учетом незначительного влияния еще коренных народов Севера, так сложился канадский вариант английского языка, имеющий официальный статус практически на всей территории Канады, кроме Квебека [Быховец, 1988; Chambers, 2010]. Многие лингвисты видят в канадском варианте определенный языковой компромисс взаимодействия в первую очередь британского и американского варианта и воздействия других языков [Scargill, 1957; Trudgill, 2006].

Термин «канадский английский» впервые был зафиксирован в 1857 г. Его презрительно использовал шотландский пастор Арчибальд Констебль Гэйки, называя этим выражением «испорченный вульгарный диалект», на котором говорили необразованные канадцы [Dollinger, Clarke, 2012].

Изменение сознания и отношения к канадскому варианту английского языка произошло после Второй мировой войны. В 1967 г. вышли в свет “The Gage Canadian Dictionary: The Senior Dictionary”, “A Dictionary of Canadianisms on Historical Principles” – 1-е издание,

доработанное в 2017 году как 2-е издание. В 1998 г. канадские школы и университеты получили “The Canadian Oxford Dictionary”, рассматриваемый как стандарт канадского английского. В качестве грамматического стандарта с 1997 г. используются справочники в форме “usage guide”. С середины 1980-х годов обучение в школах проводится на канадском варианте английского языка. Как доказательство стандартизации появился термин «общий канадский» (General Canadian) – возможно, под влиянием «общего американского» (General American), который по-прежнему оказывает значительное влияние на канадский английский [Dollinger, Clarke, 2012].

Таким образом, в Канаде стандартизация канадского варианта прошла достаточно поздно, и в этом процессе огромную роль сыграла образовательная и социолингвистическая кодификации.

Заселение Австралии англичанами происходило с 1788 г., когда туда привезли первую партию каторжан. К 1825 году большая часть юго-восточной Австралии была колонизирована и заселена британцами. В основе зарождавшегося австралийского варианта английского языка лежал язык деклассированных элементов, говоривших на разных британских диалектах, и лондонский кокни. Значительную роль в образовании австралийского варианта сыграли кельтские языки: шотландский, валлийский и особенно ирландский. С конца XIX века усилился приток других европейских и азиатских народов, в то время как аборигенное население стало резко сокращаться. В результате смешения языков, в том числе более 200 аборигенных, и «выравнивания» диалектов [Орлов, 1978, с. 20; Burridge, 2010, p. 132] к концу XIX в. английский язык в Австралии начал приобретать специфические черты, отличавшие его от британского английского. Сначала термин «австралийский английский» имел отрицательную коннотацию и воспринимался как грубое, вульгарное проявление речи. Требовалось коренное изменение сознания, чтобы австралийский вариант английского языка был принят социумом.

И это произошло после Второй мировой войны – как пишут социолингвисты и лингвокультурологи, когда австралийцы резко отвернулись в культурном плане от Великобритании и начали сближение с США [Кириллова, 2003; Peters, 2014]. В 1945 г. филолог Сидней Бэйкер выпустил книгу под названием «Австралийский язык» (“The Australian Language”) как доказательство различий между британским и австралийским идиомами.

«Кризис идентичности» достиг своего пика в 1970-е годы [Butler, 2001; Collins, Blair, 2001]; это и было время, когда окончательно оформилось национальное самосознание австралийцев [Ощепкова, 2006, с. 70]. Именно в 1970-е годы изменилось отношение и к австралийской норме: если еще сразу после Второй мировой войны престижным считался так называемый «культивированнный» английский (Cultivated English), фонетика которого базировалось на британском RP (Received Pronunciation), то с 1970-х годов в речи дикторов радио и телевидения

начали проявляться черты «общего австралийского» (General Australian), в котором были заметны девиантные произносительные черты, создающие специфику звучания австралийцев. Так появился новый стандарт австралийского варианта английского языка. Даже привлечение к этому варианту внимания со стороны пародистов и сатириков, которые подшучивали над языком австралийцев, было позитивным фактором, поскольку убеждало людей в их культурно-лингвистическом своеобразии, что способствовало социолингвистической кодификации варианта.

В 1980-е гг. в Австралии ведется интенсивная лексикографическая работа: в 1981 г. издан первый словарь *Macquarie Dictionary,* в 1988 г. Оксфордское издательство напечатало *Australian National Dictionary*; в 1988 г. издан словарь австрализмов на исторических принципах, *A Dictionary of Australianisms on Historical Principles,* под руководством Уильяма Рэмсона (William S. Ramson). Это была лексикографическая кодификация австралийского варианта английского языка, начатая еще в конце XIX века, когда вышел в свет (1898) словарь “Austral English” Э. Морриса, продемонстрировавший особенности австралийской лексики.

В 1966 г. под эгидой австралийского правительства вышел из печати “Style Manual”, закрепивший локализацию стандарта письменной речи на английском языке и использовавшийся издателями, журналистами, преподавателями. Стали издаваться местные учебники. С 2013 г. дистинктивные языковые черты варианта включены в новую национальную программу по английскому языку, реализуемую в стране [Peters, 2014, p. 110].

Таким образом, как и в случае с американским вариантом, для утверждения австралийского английского решающими факторами стали социолингвистический и образовательный, которые, в свою очередь, способствовали индивидуально-психологическому признанию варианта.

Новозеландский вариант английского языка считается самым молодым национальным вариантом. Первые англоязычные переселенцы стали прибывать в Аотеароа, как называли эти земли местные племена маори, в конце XVIII в. Но это были не британцы, а австралийцы, поскольку Новая Зеландия считалась частью британской колонии Нового Южного Уэльса.

Новозеландский вариант английского языка с его характерными признаками начинает складываться в 1850-70-х годах [Maclagan, 2010, p. 153]. Находясь в непосредственной близости от Австралии и ведя свое происхождение от австралийского варианта, новозеландский английский похож на австралийский, но имеет свои дистинктивные признаки. Термин *New Zealand English* получает употребление с 1970-х годов – в первую очередь, в трудах о специфике произношения новозеландцев [Hawkins, 1973; Maclagan, 1975]. К этому же времени относится и лексикографическая кодификация: в 1979 г. под редакцией Гарри Орсмана (Harry Orsman) вышел из печати "The New Zealand Dictionary”; в 1994 г. Гарри и Элизабет Орсман (Elizabeth Orsman and Harry Orsman) выпускают

в свет "A New Zealand Dictionary", а в 1997 г. Г. Орсман издает словарь новозеландского английского на исторических принципах – "The Dictionary of New Zealand English: A Dictionary of New Zealandisms on Historical Principles". С середины 1970-х годов началось радиовещание на новозеландском варианте английского языка: и так называемом варианте пакеха (европеизированном), и варианте маори (коренного населения). В 1990-х годах Министерство образования Новой Зеландии рекомендовало «обратить внимание на дистинктивные варианты новозеландского английского» [Gordon et al., 2004, p. 23], имеющего свои эндонормы; обучение и в школах, и в университетах ведется на общем новозеландском (General New Zealand English). Таким образом, стандартизация новозеландского английского произошла благодаря образовательному и социокультурному фактору. Как и в случае с австралийским английским, развитие шло от понимания особенностей английского языка, который используется в Новой Зеландии, к признанию новозеландского варианта английского языка как такового – от English in New Zealand к New Zealand English [Gordon, Deverson, 1998]. Интересный пример предлагает Элизабет Гордон, отмечающая, что все новозеландцы считают, что они говорят на «нормальном» английском, «без всякого акцента», пока не окажутся за рубежом и не столкнутся с тем, что их не всегда понимают. Например, одна новозеландка рассказала о своей коммуникативной проблеме в лондонском банке, где она попросила разменять ей деньги на четыре 10-фунтовые купюры ("four tenpound notes»), а кассир постоянно повторял ей, что у них нет 14-фунтовых («fourteens») банкнот [Gordon, 2009].

Мы кратко разобрали, как происходила эволюция вариантов английского языка в так называемом Внутреннем круге, выделенном Б. Качру [Kachru, 1985]. Статус этих вариантов ни у кого не вызывает сомнения – они выполняют все функции, характерные для национальных языков, имеют собственную эндонорму, которой могут пользоваться все те, кто лишь начал изучать английский язык. Самым главным признаком стандартизации стали два фактора – социокультурный / социолингвистический (признание, что их вариант может выражать и выражает особенности их культуры и менталитета, что по языковым особенностям их варианта можно определить их принадлежность к определенной культуре) и образовательный (лексикографическая и грамматическая кодификация; использование варианта в системе образования, в публичных выступлениях, в том числе на радио и телевидении, а также в печатных СМИ).

Однако не следует забывать, что ни один из уже стандартизированных вариантов не является монолитным образованием и далеко не все даже образованные люди пользуются стандартизированным английским во всех ситуациях общения. Согласно данным Уиллема Холлманна, профессора лингвистики из Ланкастерского университета, в 2021 г. в Англии только 12-15% населения использовали стандартный английский дома, в семье, и это значительная разница с 3% так называемого «принятого произношения» (RP), сегодня считающегося высокопарным

социолектом, но, тем не менее, служащего моделью обучения во многих учебных заведениях, в частности, нашей страны [Hollmann, 2021]. Остальные примерно 85% – это разного рода диалекты, считающиеся показателями культурно-языковых корней и потому достаточно высоко чтимые даже высоко образованными людьми. А еще необходимо отметить, что шотландцы утвердили свой собственный стандарт шотландского английского [Corbett, Stuart-Smith, 2013], развитие которого ускоренно пойдет далее, если случится так, что Шотландия все-таки отделится от Британии.

Согласно уже несколько устаревшим данным Джона Уэллса, 2/3 американцев говорят на общем американском (General American) [Wells, 1982]. Более поздние подсчеты, сделанные Рейчел Тэтман, показывают, что всего 10% американцев пользуются стандартным американским [Tatman, 2017]. На общем австралийском варианте говорят 90% австралийцев [Evan, 2023], хотя, возможно, эта цифра несколько завышена. «Википедия», например, сообщает, что 72% австралийцев в семье используют только английский, но их английский может включать не только общий (General Australian), но и сильноакцентный (Broad Australian) и даже культивированный (Cultivated Australian English)[1].

Все варианты Внутреннего круга Качру прекрасно вписываются в теорию эволюции вариантов, предложенную немецким социолингвистом Эдгаром Шнайдером для так называемых «новых» (постколониальных) вариантов Внешнего круга и названную им динамической моделью развития вариантов [Schneider, 2003]. Согласно этой теории, развитие вариантов проходит пять стадий: 1) основание (foundation) – заселение новых территорий; 2) экзонормативная стабилизация – изучение языка метрополии и ориентация на нормы ее английского; 3) нативизация – описание девиантных от эндонормы локальных черт появляющегося варианта; 4) эндонормативная стабилизация – принятие собственных норм и признание своего варианта; 5) дифференциация – расслоение образовавшегося варианта на социолекты, диалекты и функциональные варианты. По сути, пятая стадия представляет собой образование уже не просто варианта, а фактически нового функционально развитого языка. Национальные варианты Внутреннего круга, упомянутые в этой статье, прошли эти пять стадий, а вот варианты Внешнего круга находятся на разных этапах. Принято считать, что абсолютно точно эндонормативной стадии достигли сингапурский и индийский варианты. В мультилингвальном Сингапуре около 60 % населения признают себя грамотными только в английском языке [Lim, 2013, p. 282]. Лингвисты считают, что кодификация их варианта проведена посредством “Times-Chambers Essential English Dictionary”, а также целого ряда лингвистических описаний этого варианта. Стандартизированный сингапурский вариант английского языка определяется как «вариант речи (письменной и устной), которым

[1] Language of Australia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Languages_of_Australia (accessed: 21.03.2024); Language used at Home. URL: https://profile.id.com.au/australia/language (accessed 21. 03. 2024).

пользуются образованные сингапурцы для формальных целей, т.е. в образовании, законодательстве и СМИ» [Lim, 2013, p. 285]. Считается, что стандартный сингапурский английский отличается от других стандартных вариантов только в фонологии, т.е. фонетическим акцентом, но в морфологии и синтаксисе отличий практически нет. В неформальном контексте те же сингапурцы пользуются разговорной разновидностью сингапурского английского, которую называют «синглишем» и которая, как многие из них считают, гораздо больше отражает их лингвистическую и культурную идентичность, несмотря на закрепляемую правительством Сингапура, особенно в ходе кампании «Говорим на хорошем английском», стигматизацию этой разновидности варианта.

В отношении индийского варианта английского языка усилия по установлению эндорм направлены прежде всего на кодификацию произношения [Lange, 2013, p. 260], хотя обычно фонологический уровень подвергается стандартизации позже всех других языковых уровней. Однако, как пишет Клаудиа Ланге, здесь оказал воздействие принцип «педагогического реализма», согласно которому, вполне естественно, что образованные индийцы имеют акцент в английском языке и что это произношение стоит называть «образованным индийским английским» или «общим индийским английским» (Educated / General Indian English) [Lange, 2013, p. 264]. Вместе с тем, несмотря на тот факт, что в семьях на английском языке общаются около 1/3 населения Индии, что составляет примерно 350 млн. человек, далеко не все индийцы признают, что их английский является символом национальной идентичности [Lange, 2013, p .262]. Это значит отсутствие или неполное распространение социолингвистической кодификации.

Варианты Расширяющегося круга, как например, русский или китайский английский, пользуются экзонормами, преимущественно заложенными в британской или американской моделях, но, как абсолютно верно отмечают лингвисты и педагоги [Seidlhofer, 2011, p. 194; Sharma, 2012, p. 586], в результате изучения иностранного языка итоговый вариант на выходе далеко не всегда совпадает с входной моделью оригинала. В результате возникает фонетический акцент, появляются лексические изменения и инновации, влияние первого языка нередко замечают и на лексическом, и на грамматическом уровнях в речи даже образованных пользователей. Описаний этих вариантов, их черт и особенностей функционирования уже немало [Russian English, 2016; Kirkpatrick, Xu, 2002; Иванкова, 2007; Xu, 2010; Завьялова, 2011; Прошина, 2020; Bolton, Botha, Zhang, 2020; Fong, 2022; Xu, 2022], и эти описания представляют собой формирование третьей стадии в эволюции вариантов – нативизации. Кроме того, можно говорить о том, что китайский английский сделал первый шаг к созданию эндонорм на фонографическом уровне: в Китае разработан и законодательно принят стандарт латинизации китайского письма – пиньинь, признанный во всемирном масштабе.

В России требование единого стандарта латинизации для перевода слов, записанных в кириллице, на латиницу высказывалось неоднократно,

но единый стандарт так и не кодифицирован. Возможно, российским педагогам и лингвистам стоит также принять позицию «педагогического реализма» и описать в деталях ту фонетическую систему, которая характеризует речь образованного пользователя русского варианта английского языка (как мы отмечали выше, эта система не совпадает с британской или американской моделью, но она должна быть понятна пользователям других вариантов английского языка и отражать требования российской школы[1]), а также первостепенной задачей является лексикографическое отражение русскоязычных концептов, реалий, а также слов, свойственных узусу русских, говорящих / пишущих на английском языке. Возможно, так постепенно мы придем к признанию необходимости кодификации собственных норм русского варианта английского языка, отражающего русскую культуру и необходимого для межкультурной коммуникации, основателем школы которой в нашей стране мы по праву считаем С.Г. Тер-Минасову.

Список литературы

1. Быховец Н.Н. Лексические особенности английского языка Канады. / АН УССР. Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. Киев: Наукова думка, 1988. 151 с.
2. Завьялова В.Л. Английский язык в Китае: Особенности просодического строя. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2011. 178 с.
3. Иванкова Т.А. Английский язык в Китае: Региональные особенности. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 193 с.
4. Кириллова О.О. Культурные и языковые связи Австралии и Великобритании в историческом и современном аспектах. Дис. ... канд. культурол. наук : 24.00.01. М., 2003. 255 с.
5. Орлов Г.А. Современный английский язык в Австралии. М.: Высшая школа, 1978. 172 с.
6. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.: Глосса-Пресс; СПб: Каро, 2006. 336 с.
7. Прошина З.Г. Межкультурная коммуникация: английский язык и культура Восточной Азии: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 399 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Преподавание иностранных языков в современной России. Что впереди? // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2014. №2. С. 31-41.
9. Avis W.S. The English language in Canada // Current Trends in Linguistics / Thomas Sebeok (ed.). Vol. 10/1. The Hague: Mouton, 1973. P. 40-74.
10. Bolton K. Chinese Englishes: A Sociolinguistic History. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 338 p.
11. Bolton K., Botha W., Zhang W. English in China // The Handbook of Asian Englishes. / K. Bolton, W. Botha, A. Kirkpatrick (eds.). Hoboken: Wiley Blackwell, 2020. P. 503-528.
12. Burridge K. English in Australia // The Routledge Handbook of World Englishes. / Andy Kirkpatrick (ed.). London and New York: Routledge, 2010. P. 132-151.
13. Butler S. Australian English – an identity crisis // English in Australia. / Blair David and Collins Peter (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 151-162.

[1] Уже сейчас некоторые школы и детские сады, которые внедряют раннее обучение английскому языку, сталкиваются с проблемой того, что приглашенные ими «носители» английского языка не владеют «стандартным» произношением, которого ожидают от них родители, владеющие английским языком, и администрация школ, ограниченная рамками государственных тестов и экзаменов.

14. Chambers J.K. English: Canadian varieties // Language in Canada. / John Edwards (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 252-272.
15. Chambers J.K. English in Canada // Canadian English: A Linguistic Reader / Elaine Gold and Janice McAlpine (eds.). Kingston, ON: Strathy Language Unit. 2010. P. 1-37. [Online]. URL: http://www.queensu.ca/strathy/apps/OP6v2.pdf (accessed 19 March 2024)
16. Collins P., Blair D. Language and identity in Australia // English in Australia. / Blair David and Collins Peter (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 1-16.
17. Corbett J., Stuart-Smith J. Standard English in Scotland // Standards of English: Codified Varieties Around the World. / R. Hickey (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 72-95
18. Dollinger S. New-dialect Formation in Canada: Evidence from the English Modal Auxiliaries. Amsterdam: John Benjamins, 2008. 355 p.
19. Dollinger S., Clarke S. On the autonomy and homogeneity of Canadian English // World Englishes. 2012. Vol. 31, No.4. P. 449-466.
20. Evan. English around the world: Australian English // Transcore. 2 Jan. 2023. [Online]. URL: https://transcore.co.id/english-around-the-world-australian-english/ (accessed 20 March 2024)
21. Fong E.T.Y. English in China: Language, Identity and Culture. London, New York: Routledge, 2022. 198 p.
22. Gordon E. The New Zealand accent: a clue to New Zealand identity? // New Zealand English Journal. 2009. Vol. 23. P. 40-54.
23. Gordon E., Campbell L., Hay J., Maclagan M., Sudbury A., Trudgill P. New Zealand English Its Origins and Evolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 370 p.
24. Gordon E.M., Deverson T. New Zealand English and English in New Zealand. Auckland: New House, 1998. 208 p.
25. Hawkins P.R. The sound-patterns of New Zealand English // Proceedings and Papers of the 15th Australasian Universities Language and Literature Association Conference, 1973, Vol. 13, Sydney: AULLA. P. 1–8.
26. Hollmann W. Five things people get wrong about standard English // The Conversation. 8 Oct. 2021. [Online]. URL: https://theconversation.com/five-things-people-get-wrong-about-standard-english-168969 (accessed 19 March 2024).
27. Kachru B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures / Randolph Quirk and H.G. Widdowson (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 11-30.
28. Kirkpatrick A., Xu Z. Chinese pragmatic norms and “China English” // World Englishes. 2002. Vol. 21, No.2. P. 269–279.
29. Kretzschmar W., Jr., Meyer C. The idea of Standard American English // Standards of English: Codified Varieties Around the World. / R. Hickey (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 139-158.
30. Labov W. Principles of Linguistic Change: Social Factors. Peking: Peking University Press; Blackwell, 2001. 572 p.
31. Lange C. Standards of English in South Asia // Standards of English: Codified Varieties Around the World. / R. Hickey (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 256-273.
32. Lim L. Standards of English in South-East Asia // Standards of English: Codified Varieties Around the World. / R. Hickey (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 274-293.
33. Maclagan M. Thoughts on New Zealand English // The New Zealand Speech-Therapists’ Journal. 1975. Vol. 30. No.1. P. 6–11.
34. Maclagan M. The English(es) of New Zealand // The Routledge Handbook of World Englishes / Andy Kirkpatrick (ed.). London: Routledge, 2010. P. 152-163.

35. Peters P. Differentiation in Australian English // The Evolution of Englishes. The Dynamic Model and Beyond. / Sarah Buschfeld, Thomas Hoffamn, Magnus Huber and Alexander Kautzsch (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin, 2014. P. 107-125.
36. Russian English: History, Functions, and Features. / Z.G. Proshina, A.A. Eddy (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 309 p.
37. Scargill M.H. Sources of Canadian English // Journal of English and Germanic Philology. 1957. No. 56. P. 611-614.
38. Schneider E.W. The dynamics of New Englishes: From identity construction to dialect birth // Language. 2003. Vol. 79, No. 2. P. 233-281.
39. Schreier D. Varieties resistant to standardization // Standards of English. / Raymond Hickey (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 354—368.
40. Seidlhofer B. Understanding English as a Lingua Franca. Oxford: Oxford University Press, 2011. 244 p.
41. Sharma D. Second language varieties of English // The Oxford Handbook of the History of English. / T. Nevalainen, E. C. Traugott (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 582-591.
42. Tatman R. How many people in the US don't have an accent? // Making Noise & Hearing Things. Linguistics and Data Science. 2 May 2017. [Online]. URL: https://makingnoiseandhearingthings.com/2017/05/02/how-many-people-in-the-us-dont-have-an-accent/ (accessed 20 March 2024)
43. Trudgill P. Dialect mixture versus monogenesis in colonial varieties: The inevitability of Canadian English // Canadian Journal of Linguistics. 2006. No. 51. P. 265-286.
44. Walker J.A. Canadian English: A Sociolinguistic Perspective. New York: Routledge, 2015. 147 p.
45. Wells J.C. Accents of English. Vol. 1: An Introduction (pp. i–xx, 1–278), Vol. 3: Beyond the British Isles. Cambridge University Press. 1982. P. 467–674.
46. Xu Z. Chinese English: Features and Implications. Hong Kong: Open University of Hong Kong Press. 2010. 264 p.
47. Xu Z. Chinese English: Names, Norms and Narratives. London, New York: Routledge, 2022. 300 p.

4.6. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВСТРАЛИЗМОВ

Изучение этнокультурных / национальных образов мира, складывающихся из этнокультурных / национальных словесных образов, чрезвычайно важно для таких междисциплинарных научных направлений, как лексикология, лингвокультурология и теория межкультурной коммуникации. Специфика национальной культуры проявляется в выражении этнического сознания посредством историко-, этно-, социокультурных и семиотических фонов и культурно нагруженных единиц языка.

О способности языка воздействовать на формирование народной культуры говорили в свое время И. Гердер и В. фон Гумбольдт. В работе последнего «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» впервые указывается на воздействие языка народа на его характер. Идея В. фон Гумбольдта нашла продолжение в трудах Ф. Боаса, А. Брюкнера, Л. Вайсгербера, Э. Сепира и Б. Л. Уорфа.

Среди многочисленных определений языка обращает на себя внимание его представление в виде поэтического образа «дома бытия духа», сформулированного Ю.С. Степановым. Обобщая эволюцию взглядов на язык, ученый конкретизировал тезис философа М. Хайдеггера и ввел данное определение языка в научный обиход. Когнитология – наука о мыслительных процессах, связанных с обработкой знаний, также соотносит язык с «пространством мысли», пространством реальным, видимым, духовным, ментальным…» [Степанов, 1997, с. 33]. Словесное выражение образа, как известно, обусловлено законами номинации языка, само же возникновение и характер определяются внутренней формой слова и его внешними ассоциативными связями [Ощепкова, Петриковская, 1998].

Известно, что в современной науке также возрос интерес к проблемам этнопсихолингвистического уровня, рассматривающего язык как отображение социокультурной реальности. Территориальные варианты полицентричного английского языка отражают историю и культуру соответствующей культурно-языковой общности. Поскольку язык и культура находятся в постоянном взаимодействии, как полагал К. Леви-Стросс, можно считать, что в основании лингвокультурологии лежит положение о том, что язык является продуктом, важной составной частью и условием существования культуры, с одной стороны, [Маслова, 2004, с. 9], и с другой, – язык связан с мышлением, так как «слово отражает не предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. Таким образом, язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать и существовать без двух других. Все вместе они соотносятся с реальным миром, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его» [Тер-Минасова, 2000, с. 40]. Именно в силу данного обстоятельства вопрос о соотношении культурной (понятийной, концептуальной) и языковой картин мира чрезвычайно сложен и многопланов. Его суть сводится к различиям в преломлении действительности в языке и в культуре [Тер-Минасова, 2000, с. 51].

Принимая во внимание вышесказанное, можно предположить, что жизнь колонистов и поселенцев на новых территориях постепенно меняла английский язык его носителей. В формирующийся территориальный вариант проникали специфические термины, так называемая безэквивалентная, коннотативная и фоновая лексика, в разряд которой, в частности, вошли реалии, отражающие особенности природно-географической среды. Одновременно с этим, на бескрайних просторах новых земель колонистам пришлось приспосабливаться к новым географическим и природным условиям, отличавшимся от британских.

В словаре ***Australian National Dictionary*** содержится около 10 000 австрализмов, слов, заимствованных из индигенных языков коренного населения Австралии. Разумеется, не все они узнаваемы за пределами

Зеленого континента, но для австралийского населения с ними связан ряд стереотипных ассоциаций, закрепленных в фоновых знаниях народа-носителя.

Фоновой лексикой принято считать денотативные реалии, не имеющие словесных соответствий в других языках из-за отсутствия соответствующих реалий либо из-за отсутствия лексических единиц, обозначающих эти реалии. Чаще всего такую лексику заимствуют либо переводят описательно, например: *крик, буш, аутбэк, коала, бушрейнджер (австрал.)*. Как правило, названия эндемиков и широко распространенных животных и растений становятся названиями-символами. К подобным символам относятся слова-существительные, обозначающие животных (*gulawan>gula>Coola>koolah>coala; gogobera>kookaburra*); растения (*wirna; mulga*); орудия (*kylie; boomerang*), а также предметы быта, окружающей среды и многих аспектов культуры коренного населения, его религиозных верований и церемониальных ритуалов. Как правило, заимствованные слова проникали в язык колонистов исключительно с прагматической целью: британцы не могли обходиться без этих слов-концептов, сопровождавших взаимодействие с контактирующими языками и культурами.

Безэквивалентная, коннотативная и фоновая лексика, содержащая культурный компонент значения, концентрированно выражает особенности семантики и, по словам Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, «требует для своего распредмечивания сочетания лингвистических и лингвострановедческих знаний» [Цит. по: Ощепкова, 2006, с. 172]. Одновременно с этим, безэквивалентная лексика наиболее ярко иллюстрирует идею отражения языком действительности. Язык, как правило, заимствует слова из чужой языковой среды для выражения понятий, свойственных чужому мышлению.

Говоря о названиях-символах, стоит отметить, что безусловным лидером среди анималистических символов Австралии является одно из первых слов, которое проникло в английский язык из языка коренных жителей the Guugu Yimidhirr. Это слово *«кенгуру»*. Известно, что капитан Дж. Кук, причалив 23 июня 1770 г. на корабле *Endeavour* в Ботани Бэй (штат Новый Южный Уэльс), записал в корабельном журнале, что один из членов его команды увидел экзотическое животное “One of the men saw an animal something less than a grey hound, it was of a Mouse colour very slender made and swift of foot”. 4 августа того же года Дж. Кук писал: «Местные жители называют это животное Kangooroo, or Kanguru» [Moore, 2008, p. 1].

По возвращении Дж. Кука и Дж. Бэнкса в Англию слово *«кенгуру»* быстро вошло в обиход англичан. Известный английский лексикограф, автор-составитель знаменитого ***Dictionary of the English Language*** (1775) доктор Сэмюэл Джонсон умело изображал невиданное животное на званых ужинах для английской знати. “The appearance, conformation, and habits of the quadruped were of the most singular kind; and in order to render his description more vivid and graphic, Johnson rose from the table and volunteered

an imitation of the animal. The company stared; and Mr Grant said nothing could be more ludicrous than the appearance of a tall, heavy, grave-looking man, like Dr Johnson, standing up to mimic the shape and motions of a kangaroo. He stood erect, put out his hands like feelers, and, gathering up the tails of his huge brown coat so as to resemble the pouch of the animal, made two or three vigorous bounds across the room" [Op.cit., p. 2].

С легкой руки Дж. Бэнкса слово *"kangaroo"* получило интернациональное звучание. Оно было зафиксировано в 1787 г. в словаре "***New Holland Language"***. Впоследствии данная лексема приобрела родовое значение. В новой английской колонии словом *"kangaroo"* стали обозначать животных. Данный факт приводил в смятение коренное население Австралии, непривычное к употреблению слова *"kangaroo"* для обозначения разновидностей кенгуру *patagarams* и *wallabies*. Лишь спустя некоторое время нашлось объяснение данному недоразумению. В 1790 г. член морского корпуса Первого флота Уоткин Тенч писал, что, по всей видимости, капитан Кук совершил ошибку, неточно употребляя слово «кенгуру». В районе Сиднея животное называли *"patagaram"*, а в Куктауне – *"kangaroo"*.

Дело в том, что, когда капитан Дж. Кук спросил у представителя коренного населения, как называется это животное, тот ему ответил – *kangaroo*, что буквально означало на языке народа the Guugu Yimidhirr «Я не знаю». Как выяснилось, Кук взял на вооружение слово «кенгуру», которое на одном из местных диалектов обозначало большого и черного кенгуру *Macropus robustas*.

Открыв эпоху заимствований из языков коренного населения, слово «кенгуру» получило невероятно широкое употребление в австралийском варианте английского языка. С 1930-х гг. им называют членов австралийской лиги регби. Ранее, в 1880-1890 гг. словом *«кенгуру»* обозначили игроков австралийской команды по крикету. Австралийских солдат обеих мировых войн также называли *кенгуру*. В начале XX века для обозначения австралийца получило широкое распространение слово *"kangarooster"*. Оно вошло в состав сложных слов для обозначения растений и других животных, например: *"kangaroo apple" (*произрастающий в южной и восточной Австралии кустарник со съедобными плодами яйцевидной формы*), "kangaroo bush" (*разновидность акации, произрастающей в засушливых районах*), "kangaroo grass" (*растущая пучком (кочкой) трава, распространенная по всей территории Австралии*), "kangaroo rat" (*небольшого размера кенгуру, обладающие прыгучестью и переносящие на хвосте строительный материал для своих гнезд*),* "kangaroo fish" (разновидность лососевых, обитающих в тропических водах северной Австралии и в водах штата Квинсленд) и т.д. [Гришаева, 2011, с. 7].

В современном австралийском варианте английского языка употребляются такие сложные сочетания как *"kangaroo bar (bulbar)" (*расположенная в передней части автомобиля решетка из прочного металла, защищающая его в случаях столкновения с животными, в

частности, с кенгуру. “His vehicle was a late-model bone-white station wagon with plenty of chrome and massive kangaroo-bars forming a protective grid in front of the radiator grille.*), kangaroo route* (the Quantas route to London via Singapore), *kangaroo start* (a jerking start by a motor vehicle) (резкий старт мотора), *kangaroo steamer* (a stew made from kangaroo meat) (жаркое из мяса кенгуру)”. Словосочетанием *“kangaroo paw”* обозначают распространенный в юго-западной Австралии цветочное растение, напоминающее удлиненную лапку кенгуру; цветочная эмблема Западной Австралии.

Любопытно, но выражения, имеющие в своем составе слово «кенгуру», стали появляться за пределами Австралии и проявляться в совершенно других социокультурных ситуациях. Так, например, для обозначения суда, состоящего из людей, не имеющих никаких законных оснований и полномочий, например, *суд забастовщиков, суд заключенных, суд мятежников*, появилось выражение *“kangaroo court”*. Данное выражение получило широкое употребление на предприятиях золотодобывающей промышленности в Америке в 1853 г. Еще одно выражение *“kangaroo closure”*, означающее «допущение председателем парламентской комиссии обсуждения лишь некоторых поправок к законопроекту», также свидетельствует об интернационализации терминологии. Напротив, фраза *“to have kangaroos in the top paddock”* означает *“to be crazy or eccentric”* (If you show signs of mental weakness you are either balmy, dotty, ratty, or you may even have… *kangaroos in your top paddock* употребляется исключительно в австралийском контексте (paddy – неистовый гнев (австр.) [Dixon, Moore, Ramson, Thomas, 2006, p. 58].

Процесс словообразования в современном австралийском варианте английского языка далек до завершения. Слово *“kangaroo”* продолжает формирование новых терминов. Так, словосочетание *“kangaroo nugget”* обозначает монету из золота высокой чистоты весом в 1 унцию, отчеканенную в Перте в середине 1980-х гг. Или другой пример: также в середине 1980-х гг. для обозначения видоизмененной игры в крикет, когда использовались мягкий мяч и пластиковая бита, в обиход вошло выражение *“kanga cricket”*. По свидетельствам респондентов Национального лексикографического центра, в английском языке местного населения широко употребляется выражение *“kangaroo marriage”* для обозначения того, кто, не будучи связанным ни с европейским законодательством, ни, тем более, с законами коренного населения Австралии *“hop on, hop off, and hop away*”.

В общеупотребительном австралийском английском языке и в настоящее время происходят словообразовательные процессы с использованием части слова *“kangaroo”*, а именно, суффикса – *roo*. Мужская футбольная команда обозначается словом *“Socceroos”*; женская сборная по хоккею – *“Hockeyroos”*; олимпийская сборная по футболу – *“Olyroos”* [Moore, 2008, p. 16].

Зачастую процесс заимствования сопровождался неверным этимологическим толкованием. Так, небольшого размера кенгуру (*wallaby*)

стали называть *pademelon>paddy-melon-pademelon "a small wallaby"* (*Paddy* – шутливое прозвище ирландца). Кроме того, для обозначения небольших млекопитающих животных в языке коренного населения, жившего на территории современного Сиднея, употреблялось слово *"wallaby": black-gloved wallaby, brush wallaby, hare wallaby, nail-tailed wallaby, rock wallaby, swamp wallaby, whiptail wallaby*.

Выражение *"wallaby track"* буквально означало *"path worn by a wallaby"* (впервые зафиксировано в 1849 г.). Уже через три года оно стало использоваться для обозначения сезонного рабочего. Данное выражение постепенно стало употребляться в усеченной форме *"on the wallaby"* – быть на заработках. Впоследствии словом *"wallaby"* стали обозначать кочующего сельского работника. Ср.: "Three cooks were kept during the "wallaby" season – one for the house, one for the men, and one for the travelers" (1869) [Clarke, 1869, p. 41].

Как отмечалось выше, до сих пор в современном языке бытует выражение *"on the wallaby"* для обозначения армий кочевников и путешествующих по Австралии в своих камперванах пенсионеров. Ср.: "What's the attraction of spending six or seven months a year on the wallaby?" "What else can you do when you're retired – in my age? Joe says. "I get a lot of pleasure out of it. Rather than stay in the murky city, get out in the fresh air" [Sydney Morning Herald, 2006, p. 6].

Слова-существительные нередко употреблялись в словосочетаниях как прилагательные и вносили некое уточнение их значения, как например, *"gibber stone"* (камень определенной формы); "a *gilgai hole"* (отверстие в определенного вида почве); *"mulga scrub"* (скраб, в состав которого входит австралийская акация или мимоза). Слово *"mulga"* пришло из языка, который некогда был распространен среди коренных жителей современных штатов Новый Южный Уэльс и Южная Австралия. Мимоза традиционно произрастала во внутренних засушливых территориях Австралии, отдаленных и мало заселенных. Это слово вошло в состав словосочетаний: *"mulga country"* (After the rains the *mulga country* becomes alive with the colour of up to 20 species of flowers in any one area) [North West Telegraph, 1991], *"mulga flats"* (These *mulga flats* are intersected by small gun creeks) [Tietkens, 1891, p. 15], *"mulga paddocks"* (Where the *"mulga paddocks"* are wild and wide, That's where the pick of stockmen ride) [Mahood, 2000, p. 14], *"mulga scrub"* (Most days she rides out bare-back on the piebald horse…and explores the surrounding *mulga scrub* and the claypan country) [Moore, 2008].

Встречаются также интересные сочетания слова *"mulga"* с наименованиями животных: *"mulga ant" (муравейни**к**,* строительным материалом для которого служат листья акации*), "mulga parrot" (*попугай зеленого цвета с яркими желтыми или голубыми пятнами, обитающий в засушливых районах Австралии*), "mulga grass"* (растущая пучками или кочкой трава); характерными описаниями человека и его происхождения: *"mulga-bred"* (уроженец отдаленной территории) либо *"Mulga Bill"*

(деревенский простак). Сформировалось даже такое понятие как *"Mulga Billness"*, возникшее по аналогии с *"mulga madness"* для характеристики эксцентричного поведения, характерного для жителей захолустья. Так, в апреле 1909 г. в сиднейском Бюллетене были описаны случаи проявлений *"mulga madness"*: привычка носить пробки на полях шляпы или молодого тюленя в походном котелке и иметь отношения с девицами легкого поведения [Bulletin**,** 1909, p. 18].

Известный английский лингвист Боб Диксон, родившийся в Ноттингеме и получивший образование в Лондоне и Оксфорде, по приезде в 1963 г. в Австралию предпринял попытку изучения языков аборигенов. Однако очень быстро он заметил, что чрезвычайно мало изменилось со времен Е.Е. Морриса, издавшего в 1898 г. словарь ***Austral English***. "In 1963, the languages of Australia were very much a terra incognita. Pitifully little work had been done in the 175 years since the first white invasion, and half-way decent grammars were only available for three or four of the two hundred distinct Aboriginal languages. During my period in the field, there was just one other linguist at work—the Sanskrit scholar Luise Hercus, who was recording the languages of Victoria from their last speakers" [Dixon, 1983, p. 14].

До недавнего времени можно было встретить неточное этимологическое толкование заимствований из языков коренного населения Австралии. В первом и последующем дополненном изданиях ***Macquarie Dictionary*** (1981 г., 1985 г.) в слове *«кенгуру»* содержалось указание на заимствование из языков аборигенов. Лишь в 1991 г. во втором издании была указана верная этимология для слова *gangurru- большой черный или серый кенгуру*: (абориг.; из языка Guugu Yimidhirr). Б. Диксоном была изучена и пересмотрена этимология многих слов. Изменения были зафиксированы в ***Australian National Dictionary*** в 1988 г. и ***Australian Aboriginal Words in English*** в 1990 г.

В словарь Б. Диксона вошли, в первую очередь, несколько тысяч топонимов. По сравнению с заимствованиями географических названий количество других заимствований было более скромным. Из разных языков местного населения было заимствовано порядка 440 слов. Как правило, основными языками-экспортерами служили языки, которые были распространены на территориях первых поселений. Так, например, вокруг Сиднея прибрежное коренное население говорило на языках Dharuk и Eora. Они обогатили английский язык наименованиями животных и растений: *"cobra"* (корабельный червь; моллюск) (1836), *"dingo"* (1789), koala (1798), *"pademelon"* (кенгуру небольшого размера) (1802), *"potoru"* (мышиный кенгуру) (1789), *"wallaroo"* (кенгуру большого размера) (1826), *"warragal"* (дикая собака динго) (1790), *"wombat"* (сумчатое животное вомбат) (1798), *"wonga wonga"* (голубь) (1821), *"burrawang"* (дерево-пальма) (1790), *"geebung"* (кустарник с плодами, похожими на сливу) (1790), *"waratah"* (дерево с ярко красными крупными цветами округлой формы) (1788). В английский язык вошли также слова, обозначающие людей и

церемониальные ритуалы: *“gin”* (женщина) (1790), *“koradji”* (тот, кто занимается традиционной медициной) (1793), *“myall”* (незнакомец, более позднее – дикий абориген) (1798); оружие: *“boomerang”* (1790), *“nulla-nulla”* (военный клуб) (1790), *“woomera”* (метательное взрывчатое вещество) (1793). Еще одна группа заимствований включала наименования для морской стихии и природных явлений: *“bombora”* (океанская волна у рифа) (1871), *“gunyah”* (укрытие, убежище) (1803), *“gibber”* (скальный камень) (1790), *“bogey”* (плавать, купаться) (1788).

Приведенные примеры, без сомнения, свидетельствуют о первостепенном значении фоновой лексики, которую взяли на вооружение европейцы. Она была необходима для номинации предметного мира. Многие слова составили костяк для обозначения флоры и фауны австралийского континента, религиозных верований, традиционных церемоний и обрядов, явлений окружающего мира. Примерно по тем же законам происходил процесс заимствования из языков североамериканских индейцев в американский вариант английского языка, куда вошли слова *“moccasin”*, *“skunk”*, *“totem”*, *“wigwam”* и т.д.

Из местных языков, распространенных в юго-западной Австралии, в английский язык вошли следующие эндемики – слова-наименования для растений, например, для эвкалипта: *“jarrah”*, *“karri”*, *“mallet”*, *“marri”*, *“tuart”*; для оружия: *“kylie”* (бумеранг) (1835), для человека: *“boylya”* (умный человек) (1841) и т.д.

В 1938 г. поэт Р.С. Ингамеллс ввел в обиход слово *“Jindyworobak”* из мельбурнского диалекта для обозначения литературной группы, целью которой являлось дальнейшее продвижение традиционных австрализмов в литературе и искусстве Австралии.

Китобои и торговцы меховыми шкурами обогатили английский язык выражением *“mia-mia”*, которое обозначало «укрытие».

К названиям-символам, характерным исключительно для природного ландшафта Австралии, относится лексема *“the bush” (буш)*, которая изначально означала природно-ландшафтную зону, а впоследствии получила дальнейшее семантическое развитие. Как показывают исследования, для австралийцев *“the bush”* – «одно из ключевых понятий культуры, отражающее сложные взаимодействия между языком и культурой первых европейских поселенцев, а также их отношение к окружающему природному миру на Зеленом континенте» [Moore, 2008, p. 29; Bromhead, 2011, p. 445]. Изучив семантику данного слова и способы его вербализации в языке, можно приблизиться не только к пониманию истории современной Австралии и образа жизни австралийцев, но и объяснить их психику и процессы вживания европейских переселенцев в новые земли.

По свидетельству Б. Мура, использование термина *“the bush”* явилось попыткой переселенцев отразить в языке новые географические особенности [Moore, 2008, p. 28]. В начале XIX века, этот термин пришел на смену слову *“woods”*; им стали обозначать просторы, покрытые густой

растительностью [Ramson, 2002, p. 111]. Со временем данный термин получил значение, имевшее непосредственное отношение к культуре и географии Австралии.

Австралийская исследовательница Х. Бромхед считает, что понятие *“the bush”* в различных вариантах английского языка, а именно, в языке поселенцев имеет ядерное значение. Данным термином обозначали просторы, покрытые индигенной растительностью и являющиеся естественной средой обитания для животных и птиц. Кроме того, обязательным семантическим компонентом *“the bush”* в новозеландском варианте является понятие густоты и непроходимости буша:*“…when someone is in one part of the place this someone can’t see many things in other parts of this place”* (если кто-то оказывался в этом месте, он не мог уже разглядеть, что находилось в другой стороне) [Bromhead, 2011, p. 451].

Новозеландский буш – это среда обитания многочисленных птиц: *“birds of many kinds live in this place”* (различные виды птиц живут в этих местах) [Bromhead, 2011, p. 451].

Как было отмечено выше, в австралийском варианте английского языка термином *“the bush”,* прежде всего, обозначают массивы растительности, лес. В Австралийском национальном словаре представлена широчайшая палитра определений буша. Они, во-первых, различают *буш* как растительность и, во-вторых, как просторы, на которых произрастает буш. Например, *“Natural vegetation of any kind; a tract of land covered in such vegetation”* (Любая растительность; полоса земли, покрытая такой растительностью), а также *“Country which remains in its natural state; country which has not been settled or which has resisted settlement”* (земля, сохранившаяся в нетронутом виде; не заселенная земля или которую не позволили заселить). Приведенные примеры говорят о том, что в одном случае термин *“the bush”* означает растительность, а в другом – место.

Фрагментарно представленные языковые репрезентации свидетельствуют о том, что *«буш»* – слово-эндемик. С ним наиболее часто употребляются такие прилагательные-определения, как *“native”, “Australian”. “…the river is fringed by native Australian bush and rolling farmland…”* (…по берегам реки росли заросли буша и встречались фермерские угодья). Часто со словом *«буш»* употребляется прилагательное «девственный» *(virgin*). *“…dozens of walking paths through virgin bush”* (через девственный лес проходили десятки пешеходных троп). Этим словом обозначают, как правило, дикорастущие растения. В ботанических садах можно встретить традиционные для Австралии растения, но никогда – буш.

Как следует из приведенных примеров, общенациональное «прочтение мира» находит отражение в процессах номинации. Выделение лексических групп, содержащих культурный компонент значения: безэквивалентную, коннотативную и фоновую лексику, выражающую особенности семантики языка, ведет к созданию особой образности в контексте австралийской лингвокультуры. С широко распространенными

эндемиками (названиями животных и растений) связан целый ряд стереотипных ассоциаций, закрепленных в фоновых знаниях носителей языка. Таким образом, слова-реалии выражают особенности национально-культурной семантики плюрицентричного английского языка (австралийского варианта английского языка) и играют важную роль в его формировании.

Анализируя соотношение языка и культуры, исследователи приходят к следующим выводам: язык выступает как форма существования культуры, инструмент групповой стереотипизации, групповой идентификации и как система кодирования и передачи культурно-семантической информации [Хроленко, 2021, с. 16]. По мнению В.А. Масловой, язык служит средством выражения культуры [Маслова, 2004, с. 9]. Н.И. Толстой рассматривает язык как «вербальный код» [Толстой, 1995, с. 24]. Культура определяется как «внеязыковой коррелят языка и национальной личности, представляющий собой систему материальных и духовных ценностей» [Воробьев, 2008, с. 20].

Список литературы

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2008. 336 с.
2. Гришаева Е.Б. Слова-образы как выражение национальной культуры // Язык и культура. 2011. № 2, С. 5-12.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Academia, 2004. 208 с.
4. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.: Изд-во Каро, 2006. 336 с.
5. Ощепкова, В.В., Петриковская, А.С. Австралия и Новая Зеландия (Лингвострановедческий словарь). М.: Изд-во «Русский язык», 1998. 212 с.
6. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 261 с.
8. Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
9. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2021. 220 с.
10. Bromhead H. The Bush in Australian English // Australian Journal of Linguistics. 2011. Vol. 31. № 4. P. 445-471.
11. Bulletin (Sydney), 13 April 1909.
12. Clarke M. The Peripatetic Philosopher. Melbourne: George Robertson, 1869. P. vii-viii.
13. Dixon R.M.W. Searching for Aboriginal Languages. St Lucia: UQP, 1983. 330 p.
14. Dixon R.M.W., Moore B., Ramson W.S., Thomas M. Australian Aboriginal Words in English. Oxford University Press, 2006. 262 p.
15. Mahood K. Craft for a Dry Lake. 2000. 266 p.
16. Moore B. Speaking our Language. The Story of Australian English. Oxford University Press, 2008. 225 p.
17. North West Telegraph, 3 April, 25, 1991.
18. Ramson, W.S. Lexical Images: the story of the Australian national dictionary. Melbourne: Oxford University Press, 2002.
19. Sydney Morning Herald, 16 February 2006.
20. Tietkens W. H. Journal of the Central Australian Exploring Expedition, 1889. Adelaide: C.E. Bristow, Government Printer, North-Terrace, 1891. 98 p.

4.7. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

В современной лингвистике вопросы контактного взаимодействия не теряют своей значимости. XXI век представляет собой период активного взаимодействия между Россией и Африкой не только в сферах политики, экономики, но и в областях языка и культуры. Одной из важных задач в этом направлении может считаться проведение комплексного анализа адаптации языка и культуры в условиях межъязыкового и межкультурного взаимодействия, выявление новых свойств территориального варианта того или другого языка [Прошина, 2024]. Так, обратимся к рассмотрению территориального варианта английского языка Ганы (далее именуемый как ТВАЯГ), возникшего в результате взаимодействия британского английского языка (далее именуемого БАЯ) и многочисленных языков и культур данной страны.

Английский язык в Гане является единственным официальным языком, в то время как коренные языки Ганы обладают лишь статусом «поддержки правительства», что означает предоставление некоторых возможностей их использования в сферах экономики, политики, образования, СМИ. В перечень коренных языков, обладающих государственной поддержкой, входят: *акан, адангме, дагари, дагбани, га, гонджа, касем, нзима, эве* [Adike, 2012]. На современном этапе развития языковой политики Ганы обсуждается весьма дискуссионный вопрос о введении второго официального языка – французского, что обусловлено экономическим сотрудничеством с соседями-франкофонами (Кот-д'Ивуар, Камерун) [Dako, 2022].

Сложный характер многоязычия в Гане привел к необходимости предоставить первенство английскому языку как средству официальной коммуникации. Тем не менее, «функционируя на чужой территории, английский язык подвергся лингвокультурологической адаптации, под которой мы понимает вынужденные изменения на всех языковых уровнях: фонетическом, грамматическом, лексическом, которые происходит вследствие влияния автохтонных языков и культур» [Багана, Волошина, 2023, с. 135].

Как известно, Гана является крупным государством, расположенным в Западной Африке. На территории Ганы функционирует около 50 автохтонных языков, среди которых основными являются *акан, адангме, дагари, дагбани, га, гонджа, касем, нзима, эве* и др. [Волошина, Глебова, 2022, с. 710]. Английский язык пришел на территорию Ганы в XVI веке как язык колонизаторов, затем постепенно вытеснив многие коренные языки. Автохтонные языки Ганы принадлежат к различным языковым группам, что говорит о значительных различиях в их строе. Именно фактор значительной разнородности автохтонных языков привел к первенству роли иностранного языка – английского – в качестве объединяющего элемента [Kirkpatrick, 2007, p. 101-118].

Автохтонный язык *акан* является наиболее продуктивным на территории Ганы. На этом языке говорят в Гане, *акан* – средство межэтнического общения. В свою очередь, языки *нзима* и *дагари* также широко распространены в Гане, это языки, которые используются не только в качестве первого и второго, но также и средство коммуникации для мигрантов и жителей Северной Ганы. Арабский язык используется как язык религии в исламских школах по всей Гане. Сельские районы современной Ганы становятся более неоднородными по своему этническому составу, поэтому постепенно некоторые языки коренных народов исчезают [Ngula, 2010].

Английский язык в Гане является необходимостью для успешной жизни во всех областях. Что касается уровня владения английским языком, то в Гане более половины населения (55%) умеют читать и писать на английском языке, их уровень определяется как Intermediate (средний). Важно отметить, что молодежь владеет английским языком на более высоком уровне по сравнению с представителями среднего и преклонного возрастов. Почти 70 % взрослых, проживающих в городских районах Ганы, грамотны, в то время как лишь около 30 % взрослых, которые проживают в сельских районах, являются грамотными людьми [Ngula, 2011]. Английский язык – язык обучения, начиная с первой ступени образовательного процесса. Вопрос о выборе языка в образовательной среде вызывает дискуссии в современной Гане. Действующая языковая политика Ганы окончательно закрепила право именно за английским языком как языком-средством базового, среднего и высшего образования. Многие педагоги, лингвисты, ученые подвергли критике подобные действия, так как процесс начального обучения на иностранном языке в значительной степени затруднен. В современной Гане многие исследователи поддерживают идею о необходимости «внедрения в практику начального обучения на основе одного из автохтонных языков, продолжение образования на основе английского языка считается целесообразным на уровне среднего и высшего звена» [Багана, Волошина, Слободова-Новакова, 2020, с. 256]. Многие современные исследователи отмечают значимость как языков коренных народов, так и английского языка во всех сферах жизни, поэтому в рамках общей программы развития Ганы необходимо предоставить языкам равные возможности функционирования.

Специфика английского языка, функционирующего на территории Ганы, была предметом анализа в трудах зарубежных исследователей. В трудах K. Osei-Tutu анализу подлежит специфика адаптации британского и американского вариантов английского языка в Гане [Osei-Tutu, 2021]. R. Ngula выявляет особенности фонетической системы территориального варианта английского языка Ганы [Ngula, 2010]. Работы G. Adika [Adika, 2012] посвящены изучению гибридных инноваций в английском языке, функционирующем на территории Ганы.

В данном исследовании анализу подлежат все подсистемы английского языка, функционирующего в Гане: фонетическая, грамма-

тическая и лексическая. Фонетические трансформационные процессы в ТВАЯГ обусловлены влиянием коренных языков и вызваны необходимостью аппроксимации звуков нормам родных языков. Ключевыми фонетическими процессами в системе вокализма являются редукция гласных и монофтонгизация дифтонгов, например:

- *Heart – сердце*. В БАЯ /hɑ:t/ центральный гласный звук произносится долго, в то время как в ТВАЯГ происходит редукция гласного звука и гласный звук произносится кратко: /h^t/.
- *Pork – свинина*. В БАЯ гласный звук произносится долго: /pɔ:k/, а в ТВАЯГ происходит редукция гласного звука и гласная произносится протяжно: /pɔk/.
- *Murmur – шепот, шум*. В БАЯ произносится как /mɜ:mə/, в ТВАЯГ трансформируется в /mema/.
- *Tune – мелодия*. В БАЯ гласный звук имеет длительное звучание при произношении: /tju:n/, в ТВАЯГ гласный звук является кратким: /tjun/.
- *Careful – осторожный*. В БАЯ произносится как /keəf(ə)l/, в ТВАЯГ происходит трансформация дифтонга /eə/ в монофтонг /e/: /keful/.
- *Fire – огонь*. В БАЯ анализируемое существительное произносится как /faɪə/, в то время как в ТВАЯГ происходит фонетическая трансформация, при которой дифтонг /aɪə/ переходит в монофтонг /^/: /fa/ [Bamiro, 1997, с. 105-109]

Для системы консонантизма наиболее частотными трансформационными процессами являются эпентеза (добавление сегмента для благозвучного произношения) и максимальная симплификация согласных звуков, например:

- *Stable – устойчивый*. В БАЯ произносится как /steɪbl/, в ТВАЯГ подвергается значительным фонетическим изменениям и произносится как /stebel/, в данном случае кроме монофтонгизации дифтонга мы наблюдаем добавление сегмента /e/ между двумя согласными звуками /b/ и /l/».
- *Recognizable* – узнаваемый. В БАЯ произносится следующим образом: /rekəgnaɪzəbl/; в ТВАЯГ происходит добавление гласного сегмента /e/: /rekegnazebel/.
- *Faithful – верный, истинный*. В БАЯ имеет следующее произношение: /ˈfeɪθf(ə)l/, в ТВАЯГ происходит замена согласных звуков на аналоги. Необходимо отметить, что ни в одном из автохтонных языков Ганы нет межзубных звуков (например, /θ/ или /ð/), поэтому в ТВАЯГ происходит замена на максимально приближенный звук. Следовательно, рассматриваемое слово будет иметь следующее фонетическое оформление: /fesfel/.
- *Bathe – купаться*. В БАЯ произносится как /beɪð/, в ТВАЯГ происходит замена звука /ð/ на аналог, существующий в автохтонных языках /z/: /bes/.
- *Third – третий*. В БАЯ имеет место произношение /θɜ:d/, в ТВАЯГ трансформируется в /ted/. В данном случае происходят трансформации и в системе вокализма (переход долгого гласного звука /ɜ:/ в краткий звук/e/), и

в системе консонантизма (замена межзубного согласного /θ/ на аналог /t/) [Canagarajah, 2006, с. 231-240]

Кроме того, некоторые фонетические изменения относительно нормы, существующей в британском английском, касаются отдельных народов Ганы. Например, народ Фанте, проживающий на южном побережье Ганы между Аккрой и Секонди-Такоради, говорящий на языке *фанте*, имеет уникальную произносительную черту: отличительной особенностью англоязычного произношения этой лингвокультурной общности является палатализация губных гласных в позиции перед передними гласными верхнего ряда. Например, *pen – ручка, перо* произносится как /pʲɛn/. Также для этого автохтонного языка типична трансформация гласного звука /ʌ/ в звук /ɛ/, например: *bus – автобус* – /bes/ (вместо /bʌs/); judge – судья – /ʤɛʤ/ (вместо /ʤʌʤ/).

Для автохтонного языка *эве* типична замена гласных звуков /ɔ/ и /ɛ/ на долгий звук /a:/, например*: bottle – бутылка, флакон* в БАЯ произносится как /bɔtl/, в ТВАЯГ имеет следующее фонетическое звучание: /bɔtel/, в то время как в английском языке представителей Эве это слово будет звучать как /ba:tel/.

«Для автохтонного языка *нгулу* характерна такая фонетическая уникалия как “spelling pronunciation” – произношение под влиянием орфографии, например: *country – страна, деревня* – в БАЯ произносится как /ˈkʌntrɪ/, в английском языке, на котором говорит народ Нгулу – /kauntri/; castle – замок – в БАЯ произносится как /kɑ:sl/, а в английском языке нгулу /kastle/» [Багана, Волошина, 2019, с. 95].

Следует отметить, что современный фонетический строй ТВАЯГ подвержен значительному влиянию со стороны американского варианта английского языка, что отражено в следующих трансформационных процессах:

- Функционирование в речи связующего маркера /r/, например, *better nor worse – ни лучше, ни хуже*. В БАЯ имеет следующее звучание: /betə nɔ: wɔ:s/, в то время как в ТВАЯГ произносится так: /betər nɔr wɔrs/.
- Трансформация дифтонга /ai/ в монофтонг /i/, например, *either – тоже, также* в БАЯ произносится как /aiðə/, а в современном ТВАЯГ как /ize/.

Все фонетические трансформационные процессы ТВАЯГ обусловлены влиянием автохтонных языков Ганы и продиктованы необходимостью фонетической адаптации для комфортного произношения.

Грамматический строй ТВАЯГ, так же как и фонетический строй, подвержен значительным изменениям по сравнению с нормой. Грамматические изменения будут рассмотрены нами с позиции разделения частей речи на самостоятельные и служебные. К ключевым трансформационным процессам самостоятельных частей речи относятся: употребление абстрактных имен существительных в форме множественного числа, формирование степеней сравнения наречия по принципу односложного прилагательного, симлификация временных форм глагола и ограниченное функционирование модальных глаголов.

Например: *Chop moneys are needed now-now. Send money for rent and chop* [Ahulu, 1994, p. 26] – *Деньги на еду мне необходимы прямо сейчас. Пожалуйста, отправьте мне деньги на аренду квартиры и еду.*

В приведенном примере мы наблюдаем грамматическое отступление от английской нормы – неисчисляемое существительное *money – деньги* употребляется в форме множественного числа – *moneys*. В автохтонных языках Ганы существительное *деньги* употребляется в форме множественного числа, поэтому вследствие интерференционных процессов со стороны местных языков британский английский адаптируется к реалиям Ганы и приобретает свойства автохтонных языков.

- *He went quicklier and quicklier as box became heavier and heavier* [Frimpong, 2012, p. 180] – *Он шел все быстрее и быстрее, так как чемодан становился все тяжелее и тяжелее.*

В рассматриваемом примере трансформационные грамматические процессы проявляются при образовании сравнительной степени сравнения наречия – *quicklier – быстрее*. Согласно грамматическим правилам БАЯ степени сравнения наречия образуются по принципу многосложного прилагательного: *quickly – быстро, more quickly – быстрее* или *срочно, the most quickly – как только можно быстро*. Для ТВАЯГ характерно функционирование степеней сравнения наречий по форме односложного прилагательного, что обусловлено влиянием местных языков.

- *He said we come tomorrow-tomorrow* [Ahulu, 1994, p. 27] – *Он сказал, что придет послезавтра.* С точки зрения британского английского корректным будет вариант: *He said we would come tomorrow,*

В приведенном примере не соблюдено грамматическое правило БАЯ согласования времен, для которого характерно четкое следование временным нормам глагольного оформления. Несоблюдение норм в данном случае продиктовано спецификой временных форм автохтонных языков Ганы, для которых не свойственно правило соблюдения согласования временных форм глагола».

- *Marie said she saw Michael two days ago. But now he not here* [Frimpong, 2012, p. 182] – *Мари сказала, что видела Майкла два дня назад. А сейчас его уже нет.*

Данный пример иллюстрирует значительное отклонение от грамматической нормы британского варианта английского языка. В первом предложении глаголы *to say – сказать* и *to see – видеть, встречаться* оба употребляются в форме простого прошедшего времени: *said – сказал* и *saw – видел.* Однако, второй глагол выражает предшествующее действие, поэтому согласно правилам БАЯ в данном случае он должен иметь форму прошедшего завершенного действия – *had seen – видел* (до совершения другого действия). Следует отметить, что грамматический строй автохтонных языков Ганы не имеет такой разветвленной грамматической системы временных форм глагола, как БАЯ, поэтому, функционируя на территории Ганы, английский язык принимает временные формы глагола местных языков – простое прошедшее, простое настоящее и простое будущее.

• *Can I come in? I know I late* [Ngula, 2010, p. 18] – *Можно мне войти? Я знаю, что опоздал.*

В этом примере студент, который опоздал на занятие, просит разрешения у преподавателя войти в аудиторию, используя в качестве выражения просьбы модальный глагол *can*, хотя традиционно в английском языке в данном случае используется модальный глагол *may*. Следует отметить, что для ТВАЯГ не характерно функционирование модальных глаголов в целом. Наиболее частотными модальными глаголами в речи являются *can – мочь* и *must – должен,* при этом эти модальные глаголы употребляются в форме настоящего времени как для выражения отношения к действию относительно настоящего, так и относительно прошедшего и будущего времен, например:

• *He must hand in his essay yesterday-yesterday* [Ngula, 2011, p. 29] – *Он должен был сдать эссе еще позавчера.*

Согласно грамматическим правилам БАЯ в данном случае модальный глагол *must* должен иметь форму прошедшего времени – *had to*, так как речь идет о действии, которое произошло в прошлом.

К ключевым трансформационным процессам служебных частей речи относятся: опущение артиклей, замена предлогов.

Опущение определенного и неопределенного артиклей в ТВАЯГ обусловлены отсутствием такой части речи в автохтонных языках, например:

• *Last week we went to theatre and saw film. Film was interesting – На прошлой неделе мы ходили в кинотеатр и посмотрели фильм. Фильм был интересным.*

В приведенном примере отсутствуют артикли. В первом предложении перед существительным *theatre – театр* отсутствует определенный артикль *the*, и перед существительным *film – фильм* отсутствует неопределенный артикль *a*. В начальной позиции второго предложения мы также наблюдаем опущение артикля (определенного артикля *the*). В грамматическом строе автохтонных языков Ганы такая служебная часть речи как артикль отсутствует, поэтому в речи жителей данной страны происходит опущение артикля любого вида.

Для ТВАЯГ характерно несоответствие нормативному употреблению предлогов. Грамматические трансформации подобного рода часто связаны с неверным употреблением предлога в составе фразовых глаголов, например:

He always find fault at me. It not fair! [Ngula, 2011, p. 31] – *Он постоянно придирается ко мне. Это – несправедливо!*

Выражения БАЯ *to find fault with somebody – придираться к кому-либо* употребляется в ТВАЯГ с предлогом *at* (вместо *with*), что продиктовано влиянием местных языков.

Для грамматического строя ТВАЯГ характерно функционирование побудительных конструкций для выражения просьбы вместо использования лексических маркеров вежливости (*please – пожалуйста*) и модальных глаголов (*could, would, will* и др.), например:

Bring me the file of Mr. Ocran [Ngula, 2010, p. 4] – *Принесите мне досье на мистера Окрана, пожалуйста.*

Такое обращение может расцениваться как приказ в британском английском языке, в то время как в ТВАЯГ употребление повелительного наклонения может рассматриваться в качестве просьбы.

Английский язык в условиях межкультурного и межъязыкового взаимодействия Ганы вынужден адаптироваться к нормам местных языков, в результате такой адаптации в его лексическом строе возникают многочисленные инновации, которые происходят главным образом благодаря заимствованиям и семантическим процессам, включающим расширение и сужение значения, либо сочетание этих процессов. Лексический состав территориального варианта английского языка Ганы пополняется за счет семантического сдвига или семантического переноса.

Так, например: *small room – туалет*. В БАЯ анализируемое словосочетание имеет значение «небольшая комната». В ТВАЯГ значение рассматриваемого словосочетания подвергается изменению, а именно расширяется и употребляется для обозначения туалета: *Where small room here* [Bamiro, 1997, p. 109] – *Подскажите, пожалуйста, где здесь находится туалет.*

Еще примеры: *Artificial – парик*. В БАЯ прилагательное *artificial* имеет значение искусственный, в то время как в ТВАЯГ, во-первых, происходит субстантивация (переход одной части речи в другую), а, во-вторых, значение подвергается расширению. В ТВАЯГ существительное *artificial* употребляется в значении *парик*, например: *Melanie has cancer. She wears artificial* [Ngula, 2011, p. 33] – *У Мелани рак. Она носит парик.*

Fitter – человек, который занимается ремонтом мотоциклов. В БАЯ анализируемое существительное имеет значение *слесарь*, в исследуемом варианте значение рассматриваемой лексемы подвергается сужению и употребляется исключительно для тех специалистов, которые ремонтируют мотоциклы.

Depot – подготовительная школа (чаще всего для полицейских). В БАЯ существительное *depot* употребляется со значением *склад, хранилище*. Значение этой лексической единицы в современном ТВАЯГ подвержено изменению и употребляется в образовательное среде, обозначая *дополнительную подготовку* или *подготовительный этап обучения*, причем чаще всего относительно определенного рода профессий – полицейских, например: *To be a police officer he must have depot courses. Then he will enter Police Academie* [Dako, 2002, p. 49] – *Чтобы в будущем стать полицейским он должен пройти специальное подготовительное обучение. После этого он поступит в Полицейскую Академию.*

Лексический состав ТВАЯГ может пополняться за счет использования сокращенных форм. Высокочастотное функционирование сокращенных форм характерно для всех частей речи: существительных, глаголов, прилагательных, например: *Colo* – сокращенная форма от прилагательного *colonial – колониальный*: *Colo politica is still actual today*

[Ngula, 2011, p. 22] – *Колониальная политика – все еще актуальная проблема сегодня.*

Harv – сокращенная форма от существительного *harvest – урожай: We have good pumpkin harv this year* [Dako, 2002, p. 48] – *В этом году у нас отличный урожай тыкв.*

Massa – сокращенная форма от существительного *master – учитель:Our new Massa is so smart* [Ngula, 2010, p. 24] – *Наш новый учитель очень умен.*

В значительном количестве случаев именно специфика местной культуры оказывает существенное влияние на значение лексических единиц. Местные реалии обусловливают целый ряд оттеночных значений, типичных именно для культуры Ганы. Например, профессия *herbalist*, определяемая в БАЯ как *травник*, то есть человек, который занимается сбором лечебных трав и определяет их свойства, в ТВАЯГ имеет значение *врач*. Такое значение обусловлено спецификой местной культуры – особым отношением к медицине. Следует отметить, что в Гане, как и в большинстве других стран Африки, народная медицина играет значимую роль. Такие лекарственные средства, как травы, активно используются для лечения самого широкого спектра заболеваний. Врачи в Гане часто лечат пациентов при помощи трав и различных других средств народной медицины.

Для лексического строя ТВАЯГ характерной особенностью является семантический сдвиг, при котором значение слова чаще всего используется за пределами его обычного употребления, например, лексема *park,* имеющее в БАЯ значение *поле,* в ТВАЯГ имеет первичное значение а *football field – футбольное поле,* и периферийное значение *парк развлечений*. В современном ТВАЯГ лексическая единицы *park* чаще всего употребляется именно в значении *парк развлечений:There is a lot of entertainment in this park. You ride roller coasters, ride horses* [Ahulu, 1994, p. 27] – *В этом парке развлечений много интересного. Можно покататься на горках, поездить на лошадях.*

Особой чертой лексического строя ТВАЯГ является высокочастотное функционирование лингвокультурем, под которыми мы понимаем уникальные маркеры этнической лингвокультуры, обладающие особой лингвосоциокультурной информацией. В ходе нашего исследования были выявлены высокопродуктивные лингвокультуремы, функционирующие в следующих областях жизни жителей Ганы: социальная среда, культурная сфера, финансовая среда, сфера здравоохранения, политическая среда. Рассмотрим каждую из приведенных сфер более детально.

Лингвокультуремы в социальной среде Ганы:

Высокочастотное функционирование лингвокультурем Ганы характерно для социальной сферы, это группа является наиболее продуктивной, частотность примеров достигает 30%. Важно отметить, что уникалии, репрезентирующие социальную сферу, часто отражают специфику местных профессий, моды, развлечений и спорта, например:

- *Kayaye girl – молодая девушка носильщик*:

Iren kayaye girl. She work in luxurious hotel and help visitors carry luggage [Ngula, 2011, p. 33] – *Ирен работает носильщиком. Она работает в роскошном отеле и помогает гостям носить багаж.*

- *Akwaaba restaurant – уютный ресторан.*

We can celebrate his birthday in akwaaba restaurant next Friday [Ngula, 2010, p. 25] – *Мы можем отпраздновать ее день рождения в уютном ресторане в следующую пятницу.*

- *Ebusua dwarfs – семейная команда, семейные соревнования.*

Next weekend we have Ebusua dwarfs competition in school [Ahulu, 1994, p. 26] – *На следующей неделе у нас будет в школе спортивное соревнование среди семейных команд.*

- *Kasahari night – вечерника, на которой играет только рэп.*

If you want come to kasahari night, it will be cool [Adika, 2012, p. 157] – *Если хочешь, приходи на рэп вечеринку. Будет круто.*

- *Adwinsa publications – местные печатные газеты и журналы хорошего качества.*

Adwinsa publications reliable! I not trust those cities [Frimpong, 2012, p. 178] – *Местные издания – очень надежные. Я не доверяю информации, опубликованной в крупных городах.*

Важно отметить, что 75% лингвокультурем, выявленных в социальной среде, являются заимствованиями из разновидностей автохтонного языка *акан.* Остальные заимствования этой группы были заимствованы из автохтонных языков *эве, дагбани, хауса*.

Приведенные примеры лингвокультурем, функционирующих в социальной сфере, свидетельствуют о доминировании языка *акан* над другими автохтонными языками. Общины, говорящие на других языках, таких как, *хауса, адом, ахомка, аквааба, эбусуа, касахари, адвинса,* используют язык *акан* в качестве средства внутриэтнической коммуникации.

Лингвокультуремы в культурной среде Ганы:

Для сферы культуры характерно продуктивное функционирование лингвокультурем, примеры этой группы занимают вторую позицию по продуктивности в ТВАЯГ (25%). Лингвокультуремы, относящиеся к специфике местной культуры, репрезентируют традиционные продукты питания и напитки, фестивали, одежду и обувь, отражают типичную культуру Ганы, например:

- *Adinkra – традиционный символ*, который часто изображают на тканях, стенах, глиняной посуде.
- Kente cloth – специальная церемониальная ткань Акан.

Kente cloth is must for traditional wedding here [Ngula, 2011, p. 27] – *На традиционной свадьбе дресс код – элемент с тканью Акан.*

- *Bresuo dry gin – местный алкогольный напиток.*

Day hot. We better have some bresuo dry gin [Ngula, 2010, p. 22] – *Сегодня очень жарко. Хорошо бы пропустить стаканчик местного джина (рюмочку алкоголя).*

- *Damba drums – особые барабаны для Северного фестиваля.*
- *Tuo dzaafi – особое блюдо, которое подают в Северной Африке.*
- *Olonka cup – специальный мерный стаканчик для круп и других пищевых продуктов.*
- *Dawadawa tree – дерево, которое растет в Северной Гане.*
- Dawadawa – *пищевая добавка, улучшающая вкус и аромат.*

Local markets have good dawadawa. You must buy and taste it. [Adika, 2012, p. 160] – *На местных рынках продают отличную приправу. Ты обязательно должен купить ее и попробовать приготовить еду с этой приправой.*

- *Aponkye soup – суп из козлятины.*

Приведенные примеры содержат в своем составе лингвокультуремы из автохтонных языков. Очевидно, что местные лингвокультуремы этнически ограничены с точки зрения их происхождения. Например, в то время как язык *адинкра* происходит из языка *акан*, язык *дамба* происходит от языка *дагбани*, одного из языков северной части страны. И когда люди, которые используют лингвокультуремы в речи, содержащие те или иные местные лексические единицы, пересекают этнические границы государства, эти единицы функционируют во всей стране, что, безусловно, затрудняет процесс определения языка, из которого была заимствована та или иная лингвокультурема. Использование таких лексических гибридных словообразований не ограничено и не свойственно определенным группам жителей Ганы, а распространено среди многочисленных этнических групп, оказывая влияние на процесс адаптации традиционного английского языка к условиям многоязычия Ганы.

Лингвокультуремы в среде здравоохранения Ганы:

В ТВАЯГ лингвокультуремы, репрезентирующие специфику сферы здравоохранения, занимают третью позицию по продуктивности, их частотность достигает 20% от всех примеров. В Гане довольно много продуктов местного производства, которые обладают лечебными свойствами и способны вылечить определенные недуги. Употребление продуктов подобного рода способствует укреплению здоровья, как правило, названия таких продуктов содержат в своем составе лингвокультуремы, например:

- *Agbeve tonic – тонизирующее средство, укрепляющее здоровье.*

Take this agbeve tonic and have it every night before going to bed [Ahulu, 1994, p. 28] – *Возьмите это тонизирующее средство и употребляйте его каждый вечер перед сном.*

- *Chocho cream – крем от кожных инфекций.*

This chocho cream heals skin perfectly [Ngula, 2011, p. 27] – *Этот крем от кожных инфекций отлично заживляет кожу.*

- *famanyame powder* – буквально переводится как «предоставьте это Богу» – *особая пудра, которая заживляет дефекты кожи.*

- *alafia bitters – напиток, имеющий горький вкус, употребление которого способствует скорейшему выздоровлению.*
- *ahomka ginger – ириска со вкусом имбиря, которая поднимет настроение: No sad mood! Just have some ahomka gingers* [Dako, 2002, p. 47] – *Никакого плохого настроения! Лучше примите несколько ирисок, они поднимут Вам настроение.*

Приведенные примеры отражают местную специфику в сфере здравоохранения, для которой свойственно лечение местными лекарственными средствами. Названия таких средств содержат в своем составе сочетание лексем местных языков и единиц БАЯ. Использование подобного рода гибридных образований является эффективной попыткой преодолеть разрыв между неродным английским языком, с одной стороны, и местными языками – с другой.

Лингвокультуремы в финансовой среде Ганы:

Лингвокультуремы, отражающие особенности финансовой среды Ганы, не являются частотными и занимают четвертую позицию (15%). Финансовая сфера функционирования лингвокультурем связана со спецификой банковских операций и сомнительными финансовыми операциями, часто осуществляемыми людьми, наделенными властью. Например:

- *Mmofra account – банковский счет для детей.*

Newlyborns have mmofra accounts. Parents can invest some money on it [Ngula, 2011, p. 31] – *Детям с рождения открывают специальный счет. Родители могут класть деньги на этот счет.*

- *Akuafo cheque – счет за ведение сельского хозяйства.*
- *Sakawa – мошеннические сделки, часто проводимые недобросовестными чиновниками.*

The Governer was imprisoned for sakawa [Ngula, 2010, p. 17] – *Губернатор был заключен в тюрьму за ведение мошеннических операций.*

- *Sika card – деньги на карте.*

I not have sika card just some cash [Bamiro, 1997, p. 105] – *Я не могу расплатиться картой, не ней нет денег, у меня есть наличка.*

Лингвокультуремы в политической среде Ганы:

Лингвокультуремы, репрезентирующие специфику политической деятельности в Гане, являются наименее частотными, частотность языковых примеров этой группы достигает 10% от общего количества. На политических митингах и собраниях в Гане часто функционируют лингвокультуремы, отражающие желание политиков объединить многочисленные местные языки и культуры, особенно в периоды предвыборных кампаний.

Например: *Fellow akatamansonians – обращение к членам политической партии.*

My dear fellow akatamansonians, let's make our political route for next period together [Волошина, Нерубенко, Блажевич, 2023, с. 101] – *Мои дорогие коллеги, давайте вместе определим наш политический маршрут на следующий срок.*

- *akatamanso means – политическая поддержка.*

We must pay much attention to akatamanso means in local voting [Bamiro, 1997, p. 106] – *Мы должны уделять существенное внимание политической поддержке во время местной избирательной компании.*

- *Nkrumaist ideals* – буквально «идеалы Нкрумы». Это выражение происходит от гибридизации лексемы автохтонного языка со значением *сила власти* (или «сила большого пальца») и лексемы БАЯ *ideals – идеалы*. Употребляется это сочетание в современном ТВАЯГ со значением *мощный авторитет политической власти*: *Nkrumaist ideals are strong enough not see the corruption aftereffects* [Dako, 2022, p. 50] – *Из-за неоспоримого авторитета политиков на коррупцию не обращают никакого внимания.*
- *Agbena campaign – неоспоримая политическая победа.*

Course it was Agbena campaign! More than 55% of locals supported him [Adika, 2012, p. 157] – *Конечно, это была неоспоримая победа! Более 55% местных жителей поддержали его.*

Как и в предыдущих примерах, лингвокультуремы отражают особенности местных культур. Высокочастотное функционирование лингвокультурем в коммуникации на английском языке продиктовано необходимостью упрощения общения, с одной стороны, и необходимостью сохранения норм родной культуры, с другой стороны.

Таким образом, в период глобализации английский язык является лидирующим средством межъязыковой и межкультурной коммуникации. На территории Африки английский язык обладает официальным статусом во многих странах, не являясь при этом исконным, родным языком. В ходе исследования была изучена специфика такого лингвокультурологического явления, как лингвокультурологическая адаптации английского на территории Ганы.

В процессе адаптации БАЯ и автохтонных языков и культур Ганы возник вариант, который является по своей структуре гибридным образованием, именуемый нами как ТВАЯГ. Процесс адаптации БАЯ в условиях межкультурного и межъязыкового взаимодействия способствовал значительному отклонению от нормы БАЯ на всех языковых уровнях: фонетическом, грамматическом и лексическом. К наиболее частотным фонетическим изменениям в ТВАЯГ относятся: редукция гласных и монофтонгизация дифтонгов, аппроксимация согласных звуков

Грамматические изменения касаются как самостоятельных, так и служебных частей речи. К наиболее частотным грамматическим трансформационным процессам относится употребление абстрактных существительных в форме множественного числа, функционирование степеней сравнения наречий в форме односложного прилагательного, симплификация временных форм глагола, опущение артиклей. Адаптация на уровне лексики проявляется в изменении семантики слов, что проявляется в расширении или сужении их значений.

Для ТВАЯГ характерно высокопродуктивное функционирование лингвокультурем, отражающих реалии местных языков и культур. В ходе исследования были выявлены наиболее частотные сферы функционирования лингвокультурем, к которым принадлежат: социальная, куль-

турная, финансовая, политическая сферы и область здравоохранения. Было установлено, что социальная и культурная сферы представляют собой наиболее продуктивные области применения, в которых функционируют лингвокультуремы. Высокочастотное употребление лингвокультурем в речи жителей Ганы обусловлено необходимостью следовать нормам родной культуры и сохранять наследие коренных языков.

Список литературы

1. Багана Ж., Волошина Т.Г. Влияние глобализации на состояние лингвокультуры этнических сообществ (на примере территориального варианта английского языка Нигерии) // Научная мысль Кавказа. 2019. № 1. С. 92-102.
2. Багана Ж., Волошина Т.Г., Слободова-Новакова К. Нигерийский вариант английского языка: особенности заимствований из нигерийского пиджина // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39. № 2. С. 255-262.
3. Багана Ж., Волошина Т.Г. Нигерийская киноиндустрия и киносценарный текст: исторический и лингвосоциокультурный симбиоз // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 1. С. 132-150.
4. Волошина Т.Г. Лингвокультурологическая креолизация английского языка Нигерии : дисс. … докт. филол. наук. Белгород., 2021. С. 472.
5. Волошина Т.Г., Глебова Я.А. Гастрономический код как отражение лингвокультурной картины мира (на примере африканской лингвокультуры) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41. №4. С. 707-715.
6. Волошина Т. Г., Нерубенко Н.В., Блажевич Ю. С. Лингвокультурная специфика нигерийских киносценарных текстов // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6. С. 94–102.
7. Прошина З.Г. Локальные варианты и глобальные тенденции английского языка. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XXI. Вып. 1. С. 13–17.
8. Прошина З.Г., Иванкова Т.А. World Englishes Paradigm, или контактная вариантология английского языка // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12. № 1 (53-54). С. 173-174.
9. Adika G.S. English in Ghana: Growth, Tensions, and Trends // International Journal of Language, Translation. 2012. № 1. P. 151–166.
10. Ahulu S. How Ghanaian in Ghanaian English? // English Today. 1994. Vol. 10. № 2. P. 25-29.
11. Bamiro E.O. Lexical innovation in Ghanaian English: some examples from recent fiction // American Speech. 1997. Vol. 72. № 1. P. 105–112.
12. Canagarajah S. Changing communicative needs, revised assessment objectives: testing English as an international language // Language, Assessment Quarterly. 2006. Vol. 3. № 3. P. 229–242.
13. Dako K. Code-switching and lexical borrowing: which is what in Ghanaian English? // English Today. 2002. № 18. P. 48–54.
14. Frimpong G. K. Pidgin English in Ghana Churches // Legon Journal of the Humanities. 2012. №2. P. 177-201.
15. Kirkpatrick A. World Englishes: Implications for International Communication and English Language Teaching. Cambridge University press, 2007.
16. Ngula R. S. Variation in the semantics of modal verbs in Ghanaian English, Drumspeak // International Journal of Research in the Humanities. 2010. № 2. P. 1–27.
17. Ngula R. S. Ghanaian English: spelling pronunciation in focus // Language in India. 2011. № 11. P. 22–36.
18. Osei-Tutu K. The influence of American and British Englishes on Ghanaian English: a corpus-based study of some verbs forms and modals // Ghana Journal of Linguistics. 2021. Vol. 10. № 2. P. 84-102.

ГЛАВА 5. ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ И БИЗНЕС-СРЕДЕ. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

5.1. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ

Язык – часть культуры, но культура – только часть языка. Значит, языковая картина мира не полностью поглощена культурной, если под последней понимать ***образ мира, преломленный в сознании человека, то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности.***

С.Г. Тер-Минасова

Одним из ключевых направлений, которым посвящена педагогическая и научная деятельность профессора, доктора филологических наук, Президента-основателя факультета иностранных языков Светланы Григорьевны Тер-Минасовой, является теснейшее взаимодействие языка и культуры. Язык – зеркало культуры, культуры ЧЕЛОВЕКА, а он, как все живое, эволюционирует, и его привычки меняются, потому что меняется картина мира, и каждое поколение ***имеет право*** *выражать свои мысли в речи по-своему. Это важно для дискурсивных практик, тем более для тех, которые «проживают свою жизнь» в межкультурной среде и «вплетаются» в, казалось бы, уже созданный годами привычный контекст.*

Рассказ, история, сказка, миф… они близки и понятны каждому. Мы знаем их с детства, они сопровождают нас всю жизнь. Уместно ли их активное применение в профессиональном дискурсе деловой тематики, когда речь идет об обучении и о вопросах управления? Практическая деятельность человека, дискурсивные практики показывают, что это так. За годы своей научной и педагогической деятельности С.Г. Тер-Минасова показала значимость такого подхода, и, – это общеизвестно – такая практика была принята и одобрена и российскими, и мировыми научными сообществами. Благодарим Светлану Григорьевну за то, что она рассказала и продолжает рассказывать нам истории. Они разные – это «Language, Linguistics and Life. A View from Russia», «Язык и межкультурная коммуникация», «Война и Мир языков и культур», это две замечательные книги «Записки динозавра» и «Воспоминания Динозавра». Бесценный опыт, переданный поколениям, не одному, а уже нескольким, и можно с уверенностью утверждать, что и в дальнейшем многие воспользуются ценным советом, донесенным простыми, доступными средствами мудро и тактично, ярко и лаконично.

В современном стремительно изменяющемся мире процессы, так или иначе затрагивающие коммуникацию, эволюционируют и приобретают новые формы. Социальная сущность коммуникации, выводимая известными исследователями, поле деятельности которых связано с сущностью языка, культуры, коммуникации и роли личности в этом процессе, на первый план выдвигают новые активные методы взаимодействия участников, проявляющиеся не только в наиболее очевидных обновляемых технических медиумах, но и в самих дискурсивных практиках (Л. Витгенштейн, Н.А. Ахренова, Т.А. ван Дейк, О.С. Иссерс, Л.В. Куликова, С.Г. Тер-Минасова, У. Эко). «Как стандартизированный коллективный опыт дискурсивные практики составляют существенную часть коммуникативного ресурса делового сообщества, который исторически конституируя социокультурные сферы (коммуникацию повседнева, юридический, научный, политический, деловой дискурс), обеспечивает устойчивые когнитивно-коммуникативные поведенческие паттерны представителей данной культуры» [Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации, 2015, с. 10].

Современный англоязычный деловой дискурс является одним из наиболее подвижных и находится в фокусе междисциплинарных исследований. Новые социальные институты, возникающие способы, методы и формы взаимодействия порождают соответствующие тенденции, перерождающиеся в обновление правил общения, определяют и «узаконивают» границы норм стиля и жанров, приобретающие все более размытые черты в онлайн-среде. Деконвенционализация в бизнес-дискурсе, характеризующаяся различными признаками, привлекает внимание авторов научных трудов уже более пятнадцати лет (Ю.В. Данюшина, Т.А. Ширяева, Д.С. Храмченко и др.).

Описание существующих жанров современного профессионального делового дискурса показывает, что не только непосредственный отход от традиции можно считать признаком, маркирующим практики. Именно данный тип дискурса является областью, в которой проявляется творчество, искусное выражение новых и ранее существовавших, «забытых» форм подачи материала, нестандартных идей с использованием всего арсенала языковых средств, фигур речи; здесь находится место и для отражения авторского начала. Метафоричность и аллюзивность, блестящая языковая игра притягивают внимание читателя, вступающего мысленно в диалог с автором текста. Подобные проявления можно наблюдать в давно устоявшихся жанрах, таких как деловая презентация, деловые переговоры, деловое письмо, жанры деловых медиа, жанры PR-дискурса, дискурса в сфере образования (Н.И. Клушина, М.Г. Корнеева, А.О. Стеблецова, Е.Н. Малюга, Т.Б. Назарова, Е.В. Пономаренко, Л.А. Колобова).

Возникают новые жанры, заслуживающие внимания исследователей. Так, условия социального взаимодействия, «ожидающие» максимальной эффективности и результативности функционирования бизнеса, мотивировали появление, а точнее – возрождение неординарного метода

мягкого воздействия на пользователя продукта или услуги – реципиента информационного потока, называемого сторителлингом или мифом. Сторителлинг (англ.: storytelling) – это один из инструментов входящего маркетинга, который помогает посредством историй доносить до целевой аудитории информацию о ценностях компании и ее продуктов, укреплять доверие, выстраивать эмоциональную связь, формировать имидж бренда, повышать продажи [SendPulse. Эл. ресурс]. Например, сайт «Записки маркетолога» делает акцент на том, что данный прием не является рекламой в собственном смысле слова, а больше направлен на установление прочного контакта с аудиторией, поскольку задача сторителлинга – захватить внимание реципиента-собеседника с первой же секунды общения и держать его на протяжении всей истории, вызывая интерес, симпатию и сочувствие к главному герою истории и, таким образом, донести до него основную мысль и расположить к себе [Записки маркетолога. Эл. ресурс].

Придерживаясь ключевой концепции “4P” (Purpose, Plot, People, Place) – то есть, актуальность и понятность (purpose – цель), обязательное развитие (plot – сюжет), жизненные обстоятельства, связывающие героя/героев с деятельностью компании (people – люди), место и обстоятельства действия (place – локация) – созданная история должна быть естественным и гармоничным образом интегрирована в реальную ситуацию, она призвана побуждать целевую аудиторию сфокусировать на ней свое внимание. При этом, как известно, могут быть задействованы разнообразные вербальные и невербальные средства, которые должны быть соотнесены с интересом отправителя и получателя сообщения. Известны случаи размещения историй на сайтах компаний (например, компания British Airways достаточно продуктивно пользуется сторителлингом в формате видео, показывая красивые романтические сказки с участием клиентов, пользующихся услугами Британских авиалиний), в рекламных видеороликах (например, компания Coca-Cola и др.).

Случаи использования сторителлинга как инструмента в профессиональной бизнес-коммуникации появились в начале 90-х годов XX века. В исследованиях разных направлений описаны различные формы и жанры, в которых обозначался данный метод подачи информации. Одной из наиболее ранних, ярких и привлекающих внимание целевой аудитории, в том числе специалистов в данной области и прессы, а также ряда научных кругов, стала появившаяся в 1992 году книга Д. Армстронга “Managing by Storying Around: A New Method of Leadership” [Armstrong, 1992]. Данный метод был определен в литературе как метод сторителлинга в корпоративном управлении. «Сторителлинг как гибкий и естественный способ взаимодействия с аудиторией предусматривает познавательный акт, в который включены эффекты вовлечения и развлечения. Немаловажно, что к процессу данного акта коммуникации подключаются эмоции, это способствует многократному увеличению воспринимаемой информации и пополнению опыта слушателей, вступающих в интерактивное взаимодей-

ствие при помощи воображения, имеющих возможность стать непосредственным участником событий» [Челнокова и др., 2016, с. 1162-1166]. Л.В. Минаева определяет корпоративный сторителлинг как инструмент коммуникационного менеджмента, делая акцент на заинтересованности ключевой аудитории и привлечении разных медиа [Минаева, 2016].

"Managing by Storying Around" Д. Армстронга – книга, положившая начало использованию новой практики в управленческой сфере деятельности (она и получила название «коммуникационный менеджмент»), осуществляемой посредством передачи опыта через истории, путем трансляции обыденного нарратива, одновременно имеющего целью передачу знаний и обучение практическим навыкам, необходимым для менеджерского состава. В предисловии автор пишет о том, что он составил книгу таким образом, чтобы каждый мог найти именно ту подходящую историю, которая удовлетворила бы его личный интерес: *"If you are looking for stories that will inspire your people to boost company margins, you'd look in "Stories About Finding New Sources of Profit"; stories that deal with empowering your people can be found in "Stories to Inspire Self-Management"* [Armstrong, 1992]. "Managing by Storying around", состоящая из 18 разделов, безусловно является уникальным изданием, ее создание было мотивировано желанием автора, теоретика и практика, работавшего в бизнес-сфере, представить рутинный опыт не только с позиции известных постулатов, но и продемонстрировать его жизненную основу, доступную для понимания целевой аудитории.

Отметим, что ценность выбранного подхода неоспорима. Примечательно и то, что автор объясняет свои интенции, опираясь на личные мотивы, основанные на личном опыте. Его отец, Меррил Армстронг, делился с ним своими мыслями по поводу устройства и функционирования бизнеса. В авторском стиле обращает на себя внимание стремление ссылаться на знания, приобретенные с течением времени разными поколениями. Автор использует приемы неформального изложения, выражения нетрафаретной мысли с помощью простой обиходной лексики, привлечения внимания реципиента при помощи контактоустанавливающих личных местоимений, достаточно экспрессивного, насыщенного тона в текстовом целом: *"My father… spent countless hours teaching me and nurturing me through my life, and coached me during tough times – not only as a businessman but also as a father. Most of my thoughts, on leadership, people, and customers have been developed through my close relationship with my father"* [Armstrong, 1992].

Личное, лежащее в основе посыла Д. Армстронга, отображено средствами языковой прагматики, в том числе выявляющейся в предикативной нагрузке письменной речи, что не могло не вызвать соответствующей реакции реципиента-читателя. Так, в появляющихся публикациях-откликах заметно не просто одобрение, а намерение ответить с помощью использования тех же методов, той же практики, оказавшейся удачной и привлекшей внимание миллионов своей доступностью,

достоверностью и легкостью авторского стиля («зеркальное отражение») – все это для достижения максимальной эффективности, как это и предполагается в профессиональном бизнес-дискурсе. "*This book is timeless, because story-telling's power is timeless. But it's timely, too, very timely. The marketplace is demanding that we bur the policy manuals and knock off the incessant memo writing; there's just no time. It also demands we empower everyone to constantly take initiatives. It turns out stories are a – if not the leadership answer to both issues*" [Armstrong, 1992]. Автор использует яркие языковые средства, умело реализуемые в плотном контексте, насыщенном расширенными синтаксическими конструкциями, выразительной оценочной и экспрессивной лексикой, направленной на создание соответствующего коммуникативно-прагматического и стилистического эффекта. Сама идея Армстронга являлась развитием концепции руководства компании, которой был дан термин MBWA – management by wandering around / management by walking around, в основе которого лежала идея обсуждения событий или работы сотрудников с целью улучшения морального климата, осмысления цели работы организации, создания условий для продуктивности и максимально благоприятной атмосферы, при которой работники могли бы постоянно совершенствовать свои способности, то есть непосредственно связанной с укреплением корпоративной культуры. Иными словами, не менее важным данный метод является для позиционирования и укрепления корпоративной культуры внутри самой организации, деятельность которой так или иначе связана с процессом коммуникации между людьми [Вишнякова, 2006; Персикова, 2007, 2011].

Такая практика не оставила равнодушным не только научное сообщество, но и прессу. Так, в 2005 году газета «Коммерсантъ» откликнулась с воодушевлением на выдвинутую Д. Армстронгом инициативу и прокомментировала ее следующим образом: «Дэвид Армстронг учел простой факт: люди любят слушать истории, с помощью которых на людей можно воздействовать. Сказки, притчи, анекдоты, байки из жизни обращены не к разуму и логике человека, а к его эмоциям. Правильно и вовремя рассказанная история рождает цепочку «эмоция–вывод–действие». Вызвав у слушателей определенные переживания, можно подвести их к необходимым выводам, а затем побудить их к поступкам» [Обыкновенные истории, 2005. Эл. ресурс]. Авторы опубликованной статьи попытались выделить особенности сторителлинга как элемента медиадискурса и назвали такие его функции, как пропагандистская, объединяющая, коммуникативная, утилитарная и «на чужих ошибках» [Там же].

Разработанные в последние десятилетия коммуникативные стратегии и тактики, в том числе и те, которые развиваются в новых дискурсивных практиках делового контекста, позволяют выделить специфические для данного метода (сторителлинг) такие тактические приемы, как взаимодействие, манипулирование, исключение, переключение,

искусственное нагнетание, активизация обменных процессов [Храмченко. Эл. ресурс]. Ю.В. Данюшина [Данюшина, 2011] выводит на первый план коммуникативно-прагматическую стратегию, заслуживающую особого внимания в данном направлении исследования. Автор отмечает тот факт, что может быть выделен ряд приемов, соответствующих обсуждаемому методу, например, информационно-презентационный прием семантической доминанты, а также соответствующие стратегии: кооперативные, самопрезентационные, аргументативные [Там же]. Исследователи пишут, что успешность «нестандартных» дерегламентирующих приемов и стратегий, эффективность оказываемого на адресата прагматического воздействия могут быть отражены «в прямо пропорциональной зависимости между целенаправленным усилением хаотизации функционального пространства письменного английского делового дискурса и интенсификацией взаимообмена смысловой системы с сознанием читателей, предусматривающего как приток в систему новых прагматических компонентов из внешней среды, так и противоположный процесс модификации самой среды» [Храмченко. Эл. ресурс]. Данный перечень может быть дополнен персуазивными коммуникативными стратегиями, в том числе такими, как контактоформирующие стратегия и тактики, стратегия и тактики самопрезентации, информационные стратегия и тактики, стратегия и тактики интенсификации персуазивного воздействия [Торбик, 2016].

Вполне очевидным является тот факт, что описываемые практики изначально изучались с точки зрения менеджмента, а затем – маркетинга. Сегодня, принимая по внимание значимость междисциплинарных исследований, интересно проследить прогресс научной мысли, развиваемой при изучении профессионального дискурса бизнес-тематики с точки зрения лингвистики, о чем свидетельствуют и приведенные выше примеры.

Исследуя особенности функционирования речи в профессиональных сферах коммуникации, Т.В. Чернышова обращает внимание на то, что тексты и издания, особенно научно-популярные и профессионально-ориентированные, в которых ярко выражено внедрение речевых практик, существуют в России достаточно долгое время. Исследователи констатируют тот факт, что процесс «вплетения» в медиатексты речевых практик, принятый в профессиональных дискурсах, будь то язык науки, образования, права, экономики, управления и т.п., сложен и обусловлен рядом функционально-стилевых факторов, к наиболее значимым из которых можно отнести кодовые, адресатные, определяемые условиями общения и функциональные [Jelinek, 1969], т.е. те факторы, которые в лингвистических исследованиях стали рассматриваться как дискурсивные [Чернышова. Эл. ресурс]. Обращаясь к практике использования сторителлинга (он же *миф)*, возможно в качестве примера привести научную публикацию из журнала “Journal of Management Development” под названием “The power of organizational storytelling: A management development perspective”, где авторы С. Морган и Р.Ф. Денни предлагают

использовать сторителлинг как мощную технологию, применяемую для обучения менеджеров, основываясь на том, что людям, которые читают истории, легче даются иностранные языки. В статье предложены рекомендации по применению данного инструмента в управлении бизнесом, где истории могут использоваться для иллюстрирования любой концепции, принятой организацией. Данное положение затрагивает проблемы общения с клиентами, вопросы вознаграждения, мотивации, аспекты общей культуры, норм поведения и стереотипизации, лидерства, бюрократии, власти, прогнозирования, командной работы, принятия решений, удовлетворенности условиям работы и т.д. Уровень сложности таких историй также может быть различным.

С языковой точки зрения интересно то, что С. Морган и Р.Ф. Денни прибегают к цитированию, содержащему средства языковой игры, что позволяет создать эффект моментального воздействия на читателя. Слова теоретика и практика сторителлинга Нила Постмана, манера письма и индивидуальный стиль которого привлекают своей образностью, удачным обыгрыванием и яркими примерами, создают условия для эффективного взаимодействия в данном типе дискурса. Любопытно, что именно мастерски сформулированная мысль третьего лица, не являющегося прямым участником коммуникации, выступает в качестве культурного и языкового кода, который позволяет осуществить тактический ход и завладеть вниманием адресата, привлечь его на свою сторону, воздействуя с помощью узнаваемых средств языковой игры и феномена прецедентности: «*Without air our cells die. Without stories ourself die*» [Morgan, Dennehy. Эл. ресурс]. Предполагается, что опытный читатель узнает слова критика, теоретика масс-медиа Н. Постмана. Как известно, именно Нил Постман уделил особое внимание значимости историй и охарактеризовал их как своеобразные ограничительные рамки, без которых любые пояснения были бы бесконечно многословными и нескончаемыми:

«Мы бы буквально утонули исключительно в собственном опыте, дрейфуя в море фактов… Их перечисление не поможет, потому что, если нет истории, которая будет служить определенной опорой, подтверждением истины, факты останутся лежащими в бесконечном списке. История указывает нам направление, обеспечивая теорией, которая изображает мир и то, как именно он устроен, как в нем работать и как выживать. Без такой теории, без такой истории люди не будут знать, что им делать с той информацией, которую они получают. Даже более того, они не смогут распознать, что действительно является информацией, а что – нет» [Postman, 1989].

Существует достаточно большое количество зарубежных исследований подобных практик. Не удивительно, что их описание привлекло внимание авторов, работающих в междисциплинарных направлениях. Так, Д. Коллинз, анализирующий деятельность известного специалиста в данной области Т. Питерса с точки зрения продуктивности практики сторителлинга в сфере управления персоналом, осуществляет в своей статье критический

анализ контента, используемого «гуру менеджмента» [Collins, 2008]. Составляя типологии историй, лежащих в основе нарратива Т. Питерса, автор выявляет оригинальность и ценность примененного им метода, вместе с тем выдвигая тезис о том, что качественные и количественные показатели, демонстрирующие ситуацию в сфере бизнеса, отражаются на очевидных изменениях в содержании историй в книгах, посвященных обучению менеджеров и построенных на сторителлинге. Понятно, что и дискурсивные практики, как и весь процесс современной коммуникации, связанной с тематикой бизнеса, подвержены очевидным, обладающим динамикой изменениям. Стоит добавить, что новые поколения, в значительной степени ориентированные на визуализацию и мультимодальность в дискурсивных практиках, скорее всего будут ожидать от инструктивных и иллюстративных материалов именно такой опоры, которая позволит оптимальным образом воспринять и усвоить информацию.

Результаты, полученные при анализе книг Т. Питерса, вызывают особое внимание со стороны исследователей. Так, на основе существующих данных, приведенных в работе Д. Коллинза, стало очевидно, что одной из наиболее успешных явилась книга “The Search of Excellence” [Peters, Waterman, 1982], в которой 71 процент составляют эпические истории (из общего количества – 137 – выделено 97 такого типа). Последующие позиции с большим отрывом занимают комические (21–15 процентов), трагические (9–6.5 процента), трагикомические (8–6 процентов), двусмысленные (2–2 процента) истории. Более поздняя работа Питерса “Re-imagine!” [Peters, 2003] содержит 44 случая сторителлинга (сравним с 137 в предыдущем случае), где в количественном отношении эпические истории составили 30, комические – 2, трагические – 7, трагикомические – 5, историй с двусмысленным содержанием выявлено не было. Д. Коллинз приходит к выводу о том, что ориентиры Т. Питерса смещаются и он превращается в большей степени в комментатора, чем в креативного автора [Collins, 2008]. Анализ лингвистического аспекта данных историй позволяет обнаружить целый ряд важных трансформаций в структурно-содержательной области, что связано в первую очередь со смещением акцентов в соответствии с возникающими потребностями в бизнес-областях. Таким образом зарождаются и фиксируются инновационные и нестандартные для дискурсов практики, и, при условии их успешности, они прочно укореняются в коммуникационном процессе. Коммуникативные стратегии, используемые в них, создают основу для взаимодействия в сложном коммуникационном пространстве, с учетом таких областей, как популяризация и управленческая деятельность в науке [Дивеева, 2014]. Особо следует подчеркнуть выраженный диалогический характер рассматриваемых типов коммуникации и вспомнить слова Г.О. Винокура о том, что «язык может быть искусством уже потому, что он есть непрерывная активность. Речь – это акт деятельности сознания, а не автоматическое отправление психофизического организма… Здесь всегда налицо выбор и творчество, самостоятельное использование материалов,

представленное говорящему (лицу или объединению лиц) социально заданной языковой традицией» [Винокур, 2006, с. 26-27].

Следует подчеркнуть, что традиция сторителлинга, заложенная Т. Питерсом и Д. Армстронгом в профессиональном бизнес-дискурсе конца 80-х – начала 90-х годов XX в., по-прежнему является распространенной практикой, обусловленной в значительной степени лингвокультурными факторами вследствие своего существования в данной лингвокультуре и будучи продуктом создания и воспроизведения членами конкретного социума. Данная ситуация должна быть учтена в процессе межкультурного общения, где процесс сторителлинга на уровне передачи новой информации неминуемо подлежит той или иной степени адаптации в плане учета культурного кода и общих фоновых знаний целевой аудитории. Л.А. Городецкая отмечает важность понимания того, что культура не является врожденной, а усваивается членом лингвокультурного коллектива; культура может передаваться от одного человека к другому и от одного народа к другому [Городецкая, 2007, с. 7].

Приведенные в качестве примеров тексты профессиональной бизнес-тематики относятся к разным жанрам, однако они наглядно демонстрируют потребность авторов, специалистов и практиков применять новые эффективные образцы построения дискурса, в основе которых лежат инструменты и методы общения с целевой аудиторией, обусловленные потребностями времени, с учетом социо- и лингвокультурных особенностей. Сторителлинг, успешно практикуемый сегодня в профессиональном дискурсе управления, экономики и корпоративной сферы, имеет свои стратегии и тактики, которые позволяют раскрыть важные аспекты бизнеса и бизнес-коммуникации, активизируя интеллектуальный потенциал получателя информации не только за счет содержательной составляющей, но и с помощью тонкого использования всего арсенала средств языка.

Список литературы

1. Винокур Г.О. Культура языка. М.: Лабиринт, 2006. 256 с.
2. Вишнякова О.Д. Корпоративная культура и проблемы речевого воздействия // Вестник университета. Сер. Социология и управление персоналом. № 9 (25). 2006. С. 55-58.
3. Городецкая Л.А. Лингвокультурная компетентность личности. М.: Макс Пресс, 2007. 224 с.
4. Данюшина Ю.В. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса : дис. … докт. филол. наук. М., 2011. 486 с.
5. Дивеева Н.В. Популяризация науки как разновидность массовых коммуникаций в условиях новых информационных технологий и рыночных отношений. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2014. 186 с.
6. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография / [под науч. ред.] Л. В. Куликовой. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 182 с.
7. Записки маркетолога Режим доступа: https://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_s/storytelling/ (дата обращения 02.04.2024).

8. Минаева Л.В. Корпоративный сторителлинг // Вестник университета. 2016. №2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/98 (дата обращения 26.03.2024).
9. Обыкновенные истории // Коммерсантъ. 14.11.2005. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/862266 (дата обращения 23.03.2024).
10. Персикова Т.Н. Корпоративные культуры в российских и иностранных организациях // Вестник Московского университета. Серия 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 1. С. 159-169.
11. Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М.: Логос, 2011. 224 с.
12. Психологический словарь / [под ред. В.В. Давыдова и др.]. М.: Наука, 1985. 344 с.
13. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М: Слово/Slovo, 2000.261 с.
14. Торбик Е.М. Персуазивные коммуникативные стратегии в деловом дискурсе: на материале англоязычных проектных заявок: Автореф. дис. канд. наук. М., 2016. 208 с.
15. Храмченко Д.С. Коммуникативные стратегии и тактики письменного делового дискурса в условиях деконвенционализации англоязычного бизнес-общения: функционально-синергетический аспект. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-pismennogo-delovogo-diskursa-v-usloviyah-dekonventsionalizatsii-angloyazychnogo-biznes/pdf (дата обращения 23.03.2024).
16. Челнокова К.А., Казначеева С.Н., Юдакова О.В. Метод сторителлинга в корпоративном управлении // Фундаментальные исследования. 2016. №12 (часть 5). С. 1162-1166. Режим доступа: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41235 (дата обращения 22.03.2024).
17. Чернышова Т.В. Профессионально-речевые практики и менеджмент: к типологии кодовых факторов. // Медиалингвистика. Режим доступа: https://medialing.ru/professionalno-rechevye-praktiki-i-mediatekst-k-tipologii-kodovyh-faktorov/ (дата обращения 23.03.2024).
18. Armstrong D. Managing by Storying Around: A New Method of Leadership. New York: Broadway Business. 1992. 272 p. URL: https://archive.org/details/isbn_9780964802711/page/n7/mode/1up (accessed: 20.03.2024).
19. Collins D. Has Tom Peters lost the plot? A timely review of a celebrated management guru // Journal of Organizational Change Management. 2008. 21 (3). URL: https://www.researchgate.net/publication/228885732_Has_Tom_Peters_lost_the_plot_A_timely_review_of_a_celebrated_management_guru (accessed: 02.04.2024).
20. Collins D. Tom Peters and Management. A History of Organizational Storytelling. Routledge, 2022. 258 p. DOI: 10.4324/9781003188940
21. Jelinek M. Stylove rospeti soucasne spisovne čestiny // Bělič, Daneš č др. Kultura české hojazyka. Liberec, 1969.
22. Morgan S., Dennehy R.F. The power of organizational storytelling. A management development perspective. URL: https://www.researchgate.net/publication/235278456_The_power_of_organizational_storytelling_A_management_development_perspective (accessed: 23.03.2024).
23. Peters T. Re-imagine! London: Dorling Kindersley, 2003. 352 p.
24. Peters T., Waterman R. In Search of Excellence. Lessons from America's Best Run Companies. New-York: Harper and Row, 1982. XXIV, 360 c.
25. Postman N. Learning by Story. / The Atlantic, D.ec. 1989 issue. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1989/12/learning-by-story/667930/ (accessed:21.03.2024).
26. SendPulse. URL: https://sendpulse.com/ru/support/glossary/storytelling (accessed: 02.04.2024).

5.2. ДЕЛОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

Как показывает анализ Государственных стандартов высшего образования последнего поколения, фактически все направления обучения включают в себя требования по овладению межкультурной компетенцией. Например, в ФГОС ВО (3++) по направлениям бакалавриата «Экономика и управление» универсальные компетенции в области коммуникации и межкультурного взаимодействия сформулированы как способность «осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах) и воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах». [Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. N 970]

Российские ученые рассматривают особенности формирования межкультурной компетенции у студентов как языковых, так и неязыковых вузов в основном посредством изучения иностранных языков. Значимый вклад в разработку данной проблематики внесли Л.П. Алексеева, Е.И. Пассов, И.Л. Плужник, Зимняя И.А., Р.П. Мильруд и др. Такое пристальное внимание к формированию межкультурной компетенции у специалистов в различных областях свидетельствует о том, что в современном мире межкультурная коммуникация занимает особое место, так как обеспечивает возможность эффективного общения между представителями различных культур на разных уровнях. Сформированная межкультурная компетентность предполагает знание культуры и ценностей другого народа, принципов успешного речевого общения, норм и правил поведения в определенных коммуникативных ситуациях.

Объектом исследования многих ученых, занимающихся проблемами межкультурной коммуникации, являются различные виды институционального дискурса. Значение понятия дискурс (от франц. discours – речь) видоизменялось и расширялось с развитием лингвистических исследований от понимания его как последовательности предложений, объединенных логическим, смысловым типом связности [Степанов, 1996, с. 71] до определения дискурса как связного текста «в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социальными, психологическими и другими факторами»; текста, взятого в событийном аспекте. Дискурс рассматривается «как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [Большой энциклопедический словарь. Языкознание, 2000].

Понимая дискурс как коммуникативное событие, Т. ван Дейк предлагает осуществлять анализ дискурса с помощью, введенного им понятия «модель ситуации», включающей в себя накопленный опыт предыдущих событий с теми же или подобными предметами, лицами или явлениями [ван Дейк, 1989, с. 103]. Таким образом, при изучении дискурса наряду с анализом собственно языковых явлений необходимо учитывать и

социальный контекст функционирования языка. Известный российский ученый В.И. Карасик различает персональный и институциональный дискурс и определяет институциональный дискурс как общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Институциональный дискурс «обусловлен целью и задачами того или иного социального института, т.е. организации, функционирующей для удовлетворения определенной социальной потребности» [Карасик, 2000, с. 62]. Е.А. Кожемякин понимает институциональный дискурс как «дискурс, осуществляемый в социальных институтах» [Кожемякин, 2007, с. 97]. Е.И. Шейгал отмечает, что общение в таких институтах «является составной частью их организации» [Шейгал, 2004, с. 42]. Знакомство студентов с различными видами институционального дискурса является неотъемлемой частью формирования у них компетенций в области межкультурной коммуникации. К наиболее распространенным видам институционного дискурса относятся политический, дипломатический, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, деловой, научный и др.

Говоря о структурных компонентах дискурса, ведущие отечественные и зарубежные ученые (Р. Белл, Дж. Серл, Д. Хаймс, З. Харрис, В.Г. Гак, В.И. Карасик) выделяют локальный уровень (грамматика на уровне предложения, синтаксис, морфология), уровень лексики и семантики (когезия, когерентность, грамматика на уровне текста), глобальный уровень (тема и общая схема распределения смысла в дискурсе). Контекст дискурса включает в себя личность автора, личность адресата, цель (намерения, интенции), а также культурные правила и ожидания по построению дискурса (нормы).

Рассмотрим данные структурные компоненты на примере корпоративного дискурса ведущих германских компаний. Предметом исследования явились материалы, представленные на официальных сайтах компаний Германии. Данный вид дискурса и представляющих его текстов является результатом таких процессов, как развитие информационных технологий и формирование на их основе глобального информационного пространства.

Для анализа дискурса была использована классификация, предложенная В.И. Карасиком в работе «Комментарий как жанр герменевтического дискурса» [Карасик, 2009, с. 32-47]. Характеризуя этот тип дискурса на основании социального признака, его можно отнести одновременно к массово-информационному и деловому дискурсу. На основании коммуникативной тематики он является экономическим и частично экологическим. На основании способов воздействия и информирования данный дискурс является аргументативным и описательным. Для характеристика дискурса официальных сайтов компаний следует использовать понятие «медиатекст», под которым понимается «динамическая сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [Современный медиатекст, 2013, с. 5]. Отечественные исследователи

медиатекста отмечают, что он объединяет в себе различные виды текстов и функционирует на стыке журналистики, рекламы и PR (связи с общественностью) (В.Г. Костомаров, М.М. Лукина, Т.Г. Добросклонская, Г.Я. Солганик, Н.А. Кузьмина и др.). На официальных сайтах компаний представлены тексты различных жанров, материалы СМИ (газетные и журнальные статьи о деятельности компании, интервью с руководителями и сотрудниками фирмы, репортажи), аналитические материалы об экономической деятельности компании, финансовые отчеты, графики, презентации и др. В зависимости от жанра текста использован деловой или газетно-публицистический стиль. Таким образом, дискурс официальных сайтов компаний нельзя рассматривать только как журналистский продукт, он является результатом интеграции журналистики, рекламы, PR, экономической (финансы, маркетинг, менеджмент) и других сфер. Следовательно, возникает необходимость обучения студентов разным видам текстов для их успешного ориентирования в материале и понимании целей определенной публикации.

Т. ван Дейк отмечает, что для успешной вербальной коммуникации необходимо наличие общих знаний, т.е. общих принципов интерпретации высказывания у коммуникантов. [Т. ван Дейк, 1989, с. 46]. В этой связи особый интерес представляет тематика (набор тем) определенного дискурса. Тематический подход к дискурсу позволяет детально проанализировать предметную сторону общения, выделить его единицы и ситуативно обусловленные смыслы. «Именно эти смыслы имеют лингвокультурную значимость» [Карасик, 2016, с. 37].

Экономическая тематика делового дискурса достаточно полно отражается в организационной культуре предприятия. Она включает в себя основные ценности организации, ее цели и миссию. Важным компонентом организационной культуры являются нормы и правила, которые определяют как сами решения, так и механизм их принятия, поведение и отношения внутри компании. Следует отметить, что данные правила могут быть зафиксированы в письменной форме (Устав предприятия, Правила поведения сотрудников, должностные инструкции), но также существуют внутренние правила компании, следование которым обязательно для всех сотрудников. Эти правила определяют работу организации, взаимодействие отдельных подразделений и структур, общение сотрудников.

Таким образом, деловой дискурс как пример социокультурного взаимодействия предполагает наличие общего стиля поведения, интересов и целей коммуникантов. Процессы глобализации и развитие цифровых технологий влияют на организационную культуру предприятия, заставляя ее трансформироваться и подстраиваться под текущие процессы. Увеличивающаяся скорость изменений – еще одна особенность сегодняшнего момента. Первоначально организационная культура складывалась годами, традиции занимали важное место в формировании ценностей. Сегодня не все сотрудники успевают подстроиться под изменения, что вызывает социальное напряжение.

Большое влияние на формирование организационной культуры предприятия и поведение его сотрудников оказывает тип деловой культуры. Так, согласно классификации Ричарда Д. Льюиса, деловая культура Германии относится к моноактивным культурам, для которых характерно тщательное планирование и проработка всех процессов, строгая приверженность планам, точность и пунктуальность, официальный стиль общения, выполнение взятых на себя обязательств, проверенная информация [Льюис, 2001]. Отличительными чертами немецкого национального характера являются трудолюбие, прилежание, пунктуальность, бережливость, организованность, педантичность и расчетливость [Введенская, Павлова, 2004].

Организационная культура предприятий придерживается принятых в деловом сообществе правил и норм поведения, делового этикета. Под деловым речевым этикетом понимается «специфический раздел этикета, который содержит совокупность норм и принципов, задающих стратегию и тактику деятельности людей в этикетных ситуациях делового общения» [Капкан, Лихачева, 2017, с. 5]. Важным аспектом делового этикета является умение употреблять речевые клише и штампы в соответствии с этическими нормами делового взаимодействия. Стоит отметить, что в современном деловом общении одной из проблем является правомерность использования англицизмов [Скуратов, Полякова, 2017, с. 75-80]. Несмотря на то, что рассматриваемые нами компании имеют филиалы во многих странах мира и являются транснациональными, при официальном общении не приветствуется смешение английского и немецкого языков. Такое явление носит название «denglisch», т.е. Deutsch+Englisch. Согласно нормам этикета деловое общение должно быть свободным от использования «denglisch», т.е. «denglischfrei».

Крупные компании декларируют одинаковые ценности, правила и нормы делового поведения для всех своих структурных подразделений. Социологами отмечается стирание национальных особенностей делового поведения в условиях глобализации. Крупные ТНК (транснациональные компании) приобретают наднациональный характер, становясь «мини-государствами» со своей собственной культурой. Однако следует подчеркнуть, что это не созданная вновь культура, она опирается на особенности и нормы национальной культуры страны, где первоначально была основана компания.

Рассмотрим примеры ценностей четырех компаний Германии, декларируемые на их сайтах. Для анализа были выбраны компании, входящие в DAX (Deutscher Aktienindex), фондовый индекс, отражающий современную структуру экономики Германии.

Adidas

- устойчивое развитие (экологичность);
- сотрудничество;
- разнообразие, развитие творческих способностей;
- здоровый образ жизни;

- навыки лидерства;
- повышение уверенности, поиск цели

Bayer

- лидерство (желание добиться успеха, руководствоваться целью, развивать себя и других);
- честность (действовать экологично, укрепление доверия, обеспечение инклюзивности);
- гибкость (быть новаторами, усиление цифровизации); эффективность (брать на себя ответственность, действовать бережливо, расширять возможности других).

Henkel

- ставим наших клиентов и потребителей в центр того, что мы делаем;
- ценим и вознаграждаем наших сотрудников;
- стремимся к лидерству в области устойчивого развития (экологичность);
- формируем наше будущее с сильным предпринимательским духом, основанным на традициях нашего семейного бизнеса.

Deutsche Telekom

- надежный партнер, поддерживаем наших клиентов;
- в центре внимания находятся люди;
- ориентированы на решения, инновационное обслуживание;
- действуем справедливо и честно;
- мы команда, поддерживаем друг друга;
- гордимся, что являемся Телекомом, действуем ответственно и целеустремленно.

В представленных примерах можно выделить общие ценности, характерные для всех компаний. К ним относятся приверженность принципам устойчивого развития и экологичности, клиентоориентированность, поддержка, личностное и профессиональное развитие сотрудников. Помимо общих ценностей, на сайтах компаний представлены ценности, призванные выделить эту компанию среди прочих. Так фирма Henkel, являясь семейным предприятием, подчеркивает важность приверженности традициям семейного бизнеса. Фирма Adidas, специализирующаяся на производстве спортивных товаров, отмечает важность здорового образа жизни.

Концепт «Nachhaltigkeit» в значении экологичность является центральным при формировании организационной культуры предприятия и становится одним из ключевых в шкале немецких культурных ценностей. Содержание концепта определяется теми историческими, культурными, политическими и социальными условиями, в которых он реализуется. В рамках лингвокультурологического подхода к изучению концепта следует подробнее остановиться на месте, которое занимают экокультура и ответственное отношение к окружающей среде в национальном сознании

немцев. Ценностное измерение концепта “Nachhaltigkeit” выражается определениями с положительной коннотацией, которые призваны вызвать позитивный эмоциональный отклик у адресата, например umweltfreundlich, umweltverträglich, umweltbewusst, umweltgerecht, umweltrelevant, umweltorientiert, sparsam, erneubar, nachhaltig. Всплеск интереса к экологическим проблемам происходит в 70-ые годы XX века в связи с набирающим силу движением против атомных электростанций. В 1980 г. с выходом в свет книги Германского Института Экологии “Energiewende – Wachstum und Wohlstand ohne Erdöl und Uran” («Энергетический переход – рост и процветание без нефти и урана») в политическом словаре немцев появился термин “Energiewende” («Энергетический переход»), послуживший названием правительственной программы перехода Германии на возобновляемые источники энергии. На правительственном уровне Германия подписывает и ратифицирует многочисленные международные соглашения, касающиеся охраны окружающей среды.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что ценности компании формируются во многом под влиянием внешних факторов. Рассматриваемая в данном исследовании ценность «устойчивое развитие и бережное отношение к окружающей среде» сформировалась в компаниях Германии, т.к. страна приняла в 2015 г. цели в области устойчивого развития ООН. Эта повестка включает в себя 17 целей, в том числе цели в области экологии, например, чистая вода и санитария, недорогостоящая и чистая энергия, борьба с изменениями климата. Помимо внешнеполитических факторов на определение ценностей компаний влияют и внутренние факторы. Так, на фоне растущей популярности партии Союз 90/Зелёные (Bündnis 90/Die Grünen), которая входит в правительственную коалицию, цели «зеленой политики» продвигаются во всех сферах общественной жизни, включая деловую. Результаты выборов в парламент обеспечивают поддержку идей, декларируемых данной партией, среди широких масс населения.

Другим направлением экологического движения является личное участие граждан в решении поставленных задач. Неослабевающее внимание немцев к экологическим проблемам выражается в их участии в демонстрациях, например Fridays for Future, многочисленных публикациях в газетах, журналах, блогах, дебатах на телевидении и радио. Все чаще в немецкой прессе встречаются понятия “Umweltbewusstsein” (экологическое сознание) и “Umweltverhalten” (экологическое поведение). Экологическое образование стало неотъемлемой частью государственных образовательных стандартов во всех предметных областях, формируя картину мира жителей страны, что имеет огромное значение для понимания различных сфер общественной жизни.

Важными структурными элементами дискурса являются цели, намерения и интенции. Так как дискурс официальных сайтов компаний объединяет различные виды коммуникации и текстов, то целесообразно представить отдельно особенности делового общения и черты, присущие

PR- коммуникации. Деловое общение, являясь более широким понятием, всегда целенаправленно и предметно ориентировано как с точки зрения содержания, так и деятельности. Основной целью делового общения является стремление «достичь поставленной предметной или информационной цели: убедить партнера принять ваши конкретные предложения, побудить его предпринять конкретные действия в ваших интересах, дать вам необходимую информацию ...» [Стернин, 2000, с. 16]. Для достижения поставленных целей коммуниканты используют в общении определенные аргументы. «Аргументацию можно охарактеризовать как особый вид коммуникации, суть которой заключается в специфическом воздействии на сознание адресата посредством языковых выражений, организованных в соответствии с принятыми в данной культуре принципами убеждения» [Карасик, 2016, с. 64]. Аргументации в германском деловом дискурсе присуща логичность, объективность, иногда определенная жесткость. Целями «связей с общественностью» является позиционирование и продвижение компании и ее продукции, формирование позитивного общественного мнения о фирме, создание положительного имиджа, установление контакта с целевой аудиторией. Достижение этих целей наиболее полно отражается в формулировке организацией своей миссии и ценностей.

Анализируя сайты ведущих компаний Германии, возможно выделить ряд типовых ситуаций, для которых характерны сходные коммуникативные намерения и цели.

- информирование о продуктах и услугах;
- повышение престижа фирмы;
- укрепление традиций фирмы;
- развитие отношений между сотрудниками фирмы;
- установление и развитие отношений с клиентами и партнерами;
- создание условий для успешного решения задач, стоящих перед фирмой;
- личные цели сотрудников (профессиональное развитие, безопасность, карьерный рост, социальное обеспечение).

Для реализации целей делового общения фирмы применяют различные коммуникативные стратегии, например:

- стратегия презентации;
- стратегия выявления творческого потенциала сотрудника;
- стратегия делегирования полномочий и ответственности.

Заявленные цели определяют виды коммуникации. Наиболее распространенными являются информационное, убеждающее и партнерское деловое общение [Титова, 2005, с. 63-65]. Помимо целей и стратегий общения, выделяют и другие структурные элементы дискурса, например, личности участников коммуникации.

В дискурсе официальных сайтов германских компаний субъектами делового общения выступают сама фирма и отдельные ее подразделения, СМИ (на сайтах приводятся статьи в отдельных СМИ, сообщающих об

отдельных аспектах работы фирмы; клиенты, потенциальные сотрудники и все интересующиеся деятельностью фирмы являются пассивными участниками коммуникации. Так как материалы сайта предназначены для широкого круга читателей, то «наличие достаточного объема специальных знаний … в той области, в которой протекает коммуникативный акт, объем активного тезауруса личности, лабильность мыслительного аппарата», необходимые для успешного делового общения не являются обязательными [Омоле, 2000, с. 119].

Если рассматривать характер отношений между отправителем и получателем, то для делового дискурса официальных сайтов характерен формальный характер отношений, отсутствие личных отношений. Коммуникация осуществляется дистантно. Для анализа дискурса важен учет специфики общения, обусловленной его каналом. Компьютерно-опосредованный дискурс становится предметом научных интересов ученых. Так, Е.Н. Галичкина выделяет признаки компьютерного общения. К ним относятся «1) бимодальность – возможность двух режимов общения (актуального и сетевого), 2) металинеарность – наличие гипертекста как системы разнородных связей данного текста с другими текстами, типами дискурса и способами редактирования текста, 3) креолизуемость – возможность включения мультимедийных иконических знаков в последовательность вербальных сигнальных знаков» [Галичкина, 2012, с. 18]. Коммуникация посредством Интернета характеризуется такими чертами как «интерактивность (возможность обратной связи и непосредственного участия в процессе коммуникации), нелинейность и использование новых нарративных стратегий, использование цифровых форматов, модульность (комбинирование разнородных элементов в едином смысловом пространстве, … конвергенция, приводящая к созданию гибридных форм текста и интеграции различных технологий» [Современный медиатекст, 2013, с. 8].

Рассматривая дискурс официальных сайтов компаний, отметим, что на них предусмотрена возможность обратной связи (даны контакты представителей фирмы), но ограничено их непосредственное участие в процессе коммуникации. Контакты даны в основном для желающих устроиться на работу в компанию. Дальнейшее общение будет происходить напрямую, вне сайта и не будет доступно широкому кругу пользователей. Говоря о канале коммуникации, стоит подчеркнуть, что это письменный дискурс. Передаваемая информация зрительно воспринимается адресатом и может быть многократно прочитана. Есть время на осмысление. Текст отправителя отредактирован, не спонтанен. Задача автора – обеспечить понимание текста адресатом. Деловой дискурс должен быть ясным, связанным, логичным, понятным, т.е. должна отсутствовать многозначность, важно употребление стандартного для данного вида дискурса языка и минимальное наличие лексики, относящейся к контексту дискурса. Дистантный характер дискурса означает отсутствие возможности получать невербально выраженную информацию об адресате.

Согласно классификации Э. Холла, дистанция между коммуникативными партнерами в условиях коммуникации посредством официального сайта компании является социальной (общение с полузнакомыми или незнакомыми людьми в официальном режиме) [Hall, 1969].

Рассмотрев особенности формирования и процесса актуализации дискурса официальных сайтов крупных германских компаний, можно сделать вывод о том, что, являясь институционным дискурсом, он рассчитан на массовую целевую аудиторию в разных странах, поэтому имеет, с одной стороны, универсальный характер, а с другой, ему присущи специфические черты немецкой культуры. Тот факт, что адресатом данного дискурса является широкий круг читателей, объясняет отсутствие корпоративности, характеризующей любой специальный язык в его воплощении. Дискурс официальных сайтов крупных компаний является сложным явлением, объединяющим различные по жанру медиатексты, включающие в себя новости, публицистику, аналитику и т.д.

В современных условиях развития информационного общества все большее значение приобретает изучение материалов, представленных на различных сайтах, в том числе сайтах представителей деловой среды. Для формирования умения ориентироваться в потоке информации для разных социальных групп, правильно ее отбирать и оценивать необходим целый комплекс компетенций, где межкультурной компетенции принадлежит особое место.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
2. Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Деловая риторика: Учебное пособие для вузов. 3-е изд. М.: ИКЦ «МарТ», 2004. 512 с.
3. Галичкина Е.Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство. Волгоград: Парадигма, 2012. 322 с.
4. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Изд. центр «Академия», 2006. 336 с.
5. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
6. Капкан М.В., Лихачева Л.С. Деловой этикет: учеб. пособие // М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 168 с.
7. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
8. Карасик В.И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда.2009. Вып. 7. С. 32-47.
9. Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 56-77.
10. Кожемякин Е.А. Институциональные дискурсы: программа сравнительных исследований // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 2. С.96-106.
11. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: Пер. с англ. 2-е изд. М.: Дело, 2001. 448 с.
12. Омоле О.И. Лингвокультурные компоненты современного английского делового письма: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 182 с.

13. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. N 970 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 38.03.02 Менеджмент" [Электронный ресурс]. Режим доступа: 380302_B_3_31082020.pdf (fgosvo.ru) (дата обращения: 11.03.2024).
14. Скуратов И. В. Политика франсизации англоязычных заимствований (на материале прессы) / И.В. Скуратов, Н.В. Полякова // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2017. № 4(20). С. 75-80.
15. Современный медиатекст: учебное пособие / [отв. ред. Н. А. Кузьмина]. Москва: Флинта : Наука, 2013. 409 с.
16. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности // Язык и наука конца XX века: сб. статей. М.: РГГУ. 1995. 432 с.
17. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯ РАН, 1996. С.52-55.
18. Титова Л.Г. Деловое общение: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 271 с.
19. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.
20. Яковлева Н.Ф. Деловое общение: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2014. 269 с.
21. Adidas.com: сайт. [Электронный ресурс] – URL: https://www.adidas.com/de (accessed: 06.03.2024).
22. Bayer.com: сайт. [Электронный ресурс] – URL: https://www.bayer.com/de (accessed: 06.03.2024).
23. Deutsche Telekom.com: сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://www.telekom.com/de (accessed: 06.03.2024).
24. Hall E.T. The Hidden Dimension. New York: Anchor, 1969. 217 p.
25. Henkel.com: сайт. [Электронный ресурс] – URL: http://www.henkel.com (дата обращения 06.03.2024).

5.3. МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ДЕЛОВОЙ СРЕДЕ: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ МАРКЕТИНГОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В настоящее время инновационный путь развития является ориентиром как для экономики России, так и для экономик англоязычных стран. Основная задача в условиях инновационного развития заключается в создании благоприятных условий для так называемой инновационной деятельности в условиях глобализации и усиления конкуренции [Андреев, 2019]. Стимулирование инновационной активности, являющееся как направлением деятельности отдельных компаний, так и государств на протяжении нескольких десятилетий, заключается не только в техническом прогрессе как таковом, но и в донесении важности и необходимости инноваций различным группам населения.

Немаловажную роль в продвижении инновационных продуктов и сервисов информационных технологий среди разнородной аудитории играет создание убедительных рекламных и PR-текстов, которые являются одной из важнейших форм осуществления коммуникативного взаимодействия в жизни людей XXI-ого века. Данные тексты выступают как средство общения между производителем товаров и услуг и

потенциальным потребителем. Такие тексты считаются самыми дорогостоящими в мире по ряду причин. Во-первых, создание рекламного текста требует больших финансовых затрат со стороны компании. Во-вторых, качество такого текста имеет значительное влияние на судьбу продукта. В-третьих, к рекламному тексту всегда предъявляются высочайшие требования, так как он, как и PR-текст, выполняет не только информативную функцию, но и функцию установления контакта и воздействия на целевую аудиторию. Эффективность рекламного текста определяется не только его эстетической составляющей, которая побуждает читателя дочитать его до конца, но и тем, насколько быстро этот текст побудил покупателя совершить покупку [Репьев. Эл. ресурс].

В виду того, что ведущую роль в эффективности рекламного текста составляет язык, для достижения эффективности рекламного текста необходимо использование многочисленных лингвистических средств. Через язык рекламных текстов можно сформировать представление о национальном менталитете и картине мира, так как рекламные тексты нацелены на массовую аудиторию и поэтому являются зеркалом общего уровня культуры и образования адресата. Иными словами, массовая коммуникация является отображением сложных форм речевого взаимодействия общества, в рамках которого происходит ее осуществление.

Одним из важных механизмов при создании рекламных текстов для воздействия на аудиторию в этом секторе инновационных информационных технологий является использование интертекстуальных включений, т.е. встраивание в маркетинговые сообщения ссылок (цитат и аллюзивных фигур речи) на другие источники, что часто позволяет укрепить доверие потребителей и подвести аудиторию к покупке того или иного продукта. В качестве эмпирической базы для количественного и качественного анализа были отобраны официальные посты в социальных сетях и новости корпоративных сайтов 10 ведущих российских (Ростех, ИнфоТех, Лаборатория Касперского, Айтеко, Технософт) и зарубежных (NVIDIA, Microsoft Corp., Adobe, Intel, Oracle Inc.) компаний сферы информационных технологий. Важно отметить, что новостной раздел сайтов зарубежных компаний был рассмотрен как на русском, так и на английском языках. При этом выборка формировалась с учётом объективных критериев: общий объём выручки по итогам 2023 года составляет около 50 миллиардов долларов (для отечественных компаний: свыше 500 миллионов рублей), доля на рынке более 50% (для отечественных компаний: более 5%), а штат сотрудников превышает 150 000 человек (для отечественных компаний: свыше 500 специалистов). Включение в выборку компаний обеспечивает репрезентативность именно этих компаний относительно всей популяции крупных IT-компаний страны.

Для сбора первичных данных была использована процедура контент-анализа официальных маркетинговых публикаций компаний-респондентов за период с 2022 по 2024 год. Выборка текстов охватывала следующие типы сообщений: анонсы новых продуктов и услуг, обзоры

рынка, информация об участии в выставках и конференциях, презентации результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Единицей анализа являлся отдельный текст, фиксировались следующие количественные показатели: тип интертекстуального включения, тематическая направленность цитируемого источника, количество позитивных комментариев пользователей. Регистрация данных осуществлялась в электронной таблице, специально разработанной для анализа. Для выявления частоты использования различных типов интертекстуальности применялся метод «сплошной выборки», после чего результаты подверглись обобщению и тщательно проанализированы.

Теоретическая база феномена интертекстуальности закладывалась в рамках структурализма и постструктурализма. Термин «интертекстуальность» был введен в обращение Ю. Кристевой для обозначения взаимодействия и пересечения текстов в рамках одной культуры. По мнению Ю.Кристевой, любой текст создаётся на фоне множества других текстов и является их трансформацией, интерпретацией и комбинацией [Кристева, 2000]. Данный подход был развит М. Бахтиным, который ввёл понятие «диалогизма» как взаимодействия голосов в тексте. Согласно Бахтину, любое высказывание наполнено голосами других, прошлых высказываний по данной тематике [Бахтин, 1979]. Постепенно концепция интертекстуальности стала применяться не только в литературоведении, но и в других гуманитарных областях, включая лингвистику и социологию.

В последние десятилетия исследователи обратили внимание на роль интертекстуальности в массовой коммуникации. Р. Барт утверждал, что в современном мире нет изначально оригинальных текстов, каждый фрагмент культуры является цитатой, трансформацией предшествующих образцов. «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собою новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки старых культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [Барт, 1989]. На этой основе появилась концепция интертекстуальности как части постструктуралистского подхода к анализу дискурса. Жеррар Женетт поспособствовал развитию теории интертекстуальности применительно к коммуникациям, выделив пять уровней интертекстуальной связи: цитирование, плагиат, аллюзия, имитация и интертекст [Genette, 1982].

В российской науке изучение природы и функций интертекстуальности занимались Е.Е. Завьялова, В. И. Карасик, Е.А. Попова, Н.И. Степанова, В. Варченко и другие исследователи. В значительной мере они акцентируют внимание на аспекте формирования нового смыслового пространства в результате диалога текстов, что особенно актуально для современных масс-медиа. На кафедре английского

языкознания Московского университета значительный вклад в изучение природы интертекстуальности, а также вертикального контекста и его элементов внесли О.С. Ахманова, Л.В. Болдырева, О.Д. Вишнякова, И.В. Гюббенет, В.Я Задорнова, А.А. Липгарт, М.Ю. Прохорова.

Анализ дискурса СМИ в рамках которого представлены рекламные тексты изучаемых IT-компаний вряд ли может быть полным, если не уделить особое внимание понятию массовой коммуникации. Термин представляется крайне важным для данной работы, поскольку СМИ обращаются к читателю именно посредством массовой коммуникации. Рассмотрим определения данного термина.

Так, например, известный английский лингвист Джозеф Доминик в своей книге «Динамика массовой коммуникации» определяет массовую коммуникацию как процесс, в ходе которого сложная организация с помощью одной или нескольких машин производит и передает публичные сообщения, направленные на большие, разнородные и разрозненные аудитории. Он также выделяет несколько основных функций, которые, как представляется, выполняет массовая коммуникация. К ним относятся следующие: информативная, интерпретационная (идеология), развлекательная, образовательная, рекламная и социальная. Иными словами, массовая коммуникация направлена на информирование, развлечение, а также на убеждение той или иной целевой аудитории, служит экономической системой и трансляцией культуры [Dominick, 2012]. М.М. Назаров, автор социологического исследования "Массовая коммуникация в современном мире", выделяет следующие функции массовой коммуникации: информационную; функцию социальной связи; функцию обеспечения преемственности (выражение образов доминирующей культуры, обеспечение «узнаваемости» субкультур и новых культурных течений) [Назаров, 1999].

В. З. Демьянков, сравнивая медиа-дискурс с fast-food в сети ресторанов McDonald's, пишет: «И фаст-фуд, и дискурс должны легко перевариваться и быстро производить свой эффект («усваиваться», как и любая пища «быстрого приготовления»), позволяя по возможности незаметно манипулировать сознанием аудитории» [Демьянков, 2003].

Понятие дискурса средств массовой информации также четко и лаконично объясняется в работах Т. Г. Добросклонской, по мнению которой это «сообщение вместе со всеми другими компонентами коммуникации (отправитель, получатель, сообщение, обратная связь, контекст, процесс зашифровки и расшифровки информации)» [Добросклонская, 2005, 2006].

В большинстве работ по коммуникативистике массовая коммуникация интерпретируется как процесс не только обмена и передачи информации группам людей одновременно с помощью специальных средств массовой информации, но и как процесс установления желаемого взаимопонимания (эмоционального контакта) с целевой аудиторией. По

словам Л.М. Земляновой, существует пять основных особенностей этого феномена:

1) массовость аудитории;

2) её гетерогенность;

3) использование высокоскоростных и репродукционных средств связи и информации;

4) быстрое распространение сообщения;

5) относительно небольшая потребительская стоимость получаемой информации [Землянова, 2004].

Кроме того, массовая коммуникации играет важнейшую роль в формировании культурных убеждений, картины мира, а также отражает и формирует общественное мнение.

Анализ различных текстов позволил выявить следующие закономерности использования интертекстуальности в массовых коммуникациях рассматриваемых компаний. В большинстве сообщений, а именно в 32 случаях из 57, содержались по 1-2 ссылки на внешние источники. Наиболее распространённым методом включения интертекстуальных элементов стало прямое цитирование – прямое включение фрагментов текстов, цитат или статистических данных в сочетании с указанием на источник.

Чаще всего, в 15 сообщениях из общего числа, цитировались отзывы и мнения клиентов компаний. Это положение подтверждает тот факт, что одним из основных направлений интертекстуальности в рекламном и PR-дискурсе выступает подкрепление слов производителя отзывами конечных потребителей. Отзывы покупателей способны побудить к покупке более широкий круг массовой аудитории, которая не обладает достаточными фоновыми знаниями и образованием для восприятия данных научных исследований и результатов научно-технических разработок.

Также наблюдается большое количество цитирования руководителей компании:

А) «Наши специалисты сделали протез, который соответствует всем критериям современного детского протезирования. Нам удалось учесть все потребности маленьких пациентов и совместить в одной конструкции функциональность и привлекательность. В итоге получилась эргономичная модель весом всего 88 граммов. Наш протез похож на игрушку. Конструкция выполнена в виде тукана с ярким клювом. Надеемся, что протез станет для детей незаменимым помощником», – отметил генеральный директор МПО «Металлист» Эдуард Янушенко.

Б) «Сегодня надежное функционирование ИТ-инфраструктуры и качественная поддержка пользователей является обязательным требованием к современной компании, – отметил Виталий Шадрин, директор департамента информационных технологий "Русгидро". – В рамках перехода на Naumen Service Desk была проведена оптимизация всех ключевых ИТ-процессов, что позволяет с уверенностью планировать

дальнейшие инициативы по цифровизации предприятия и внедрению новых решений».

В) «Хакеры-вымогатели очень упорны и требуют огромные выкупы. Если жертва отказывается платить, они часто угрожают обнародовать похищенные данные. Мы напоминаем, что в рамках инициативы No More Ransom доступны бесплатные инструменты для дешифровки, разработанные нашими специалистами. Их скачали более 360 тысяч раз за пять лет», – комментирует Дмитрий Галов, руководитель российского исследовательского центра «Лаборатории Касперского».

Г) Россия – это страна ПК-гейминга и один из регионов, где мы видим большой интерес пользователей к GeForce NOW, – говорит Фил Айслер (Phil Eisler), вице-президент и директор GeForce NOW в NVIDIA. – Вместе с группой «САФМАР» мы сможем обеспечить миллионам российских любителей ПК-игр комфортный опыт игры на GeForce практически на любом компьютере».

В 13 случаях в качестве источников использовалось самоцитирование, т.е. данные собственных научных исследований, а в 12 публикациях упоминались результаты научно-технических разработок. Такой вид интертекстуальных включений аппелирует к более образованной аудитории, которая более склонна доверять фактам, а не субъективным отзывам покупателей.

Было установлено, что после включения интертекстуальных элементов объём текстов увеличивался в среднем на 15%. Это также свидетельствует об использовании цитирования для более полного раскрытия темы сообщения. Кроме того, количество позитивных комментариев, которые оставляла аудитория под публикациями, возрастало в 1,5 раза. Таким образом, интертекстуальность способствовала повышению вовлечённости целевой аудитории.

Дополнительный анализ выявил, что в публикациях российских компаний чаще всего интертекстуальные элементы размещались в середине текста, а не в начале или конце. Это подтверждает тот факт, что основная цель их использования заключалась не столько в привлечении внимания, сколько в обосновании и конкретизации информации.

Контент-анализ около 500 комментариев к публикациям выявил наибольшую позитивную реакцию в формате лайков и благодарностей у аудитории при цитировании отзывов реальных клиентов (среднее число положительных реакций составляет 27). Для других типов источников показатель был ниже и колебался в пределах 14-16.

Рассмотрим подробно одну из наиболее представительных публикаций из выборки. Компания ТехноСофт разместила на своей странице в социальной сети пост, посвященный результатам тестирования новой версии офисного ПО. Объем текста до включения цитат составил 132 слова. В нем кратко описывались основные нововведения и функции обновленного продукта. Затем были процитированы 2 отзыва

пользователей текущей версии ПО. Первый отзыв в 14 слов характеризовал работу с документами как "удобную и интуитивно понятную"; второй в 11 словах отмечал простоту ведения электронных таблиц. После добавления цитат объем поста увеличился на 25 слов, или 19%, и составил 157 слов. К цитатам были добавлены комментарии разработчиков о том, что положительные аспекты будут усилены в новой версии.

Было оставлено 12 комментариев, в 5 из которых содержалась благодарность авторам статьи за включение в текст ценных отзывов пользователей. Данный пример подтверждает тенденции исследования, проиллюстрировав значимый рост объема текста и вовлеченности аудитории после включения интертекстуальных элементов.

Интересный пример деформированной цитаты можно встретить в статье сайта CNews. Сайт CNews.ru (http://www.cnews.ru/) был создан в 2000 году на базе ленты новостей «Hi-Tech News» РИА «РосБизнес-Консалтинг» и быстро приобрел признание профессионалов ИТ отрасли и широкой читательской аудитории. Специализация CNews – оперативные новости и аналитические материалы мира высоких технологий. Ежедневно на сайте выходит свыше 100 новостей, освещающих состояние российского и зарубежного рынков компьютерного оборудования, программного обеспечения, информатизации и автоматизации, электронной коммерции и телекоммуникаций, игровой индустрии.

В статье «Новый сюрприз от Microsoft. Windows 11 удалит данные пользователя, если отказаться от обновлений» встречается выражение «ни шагу назад», которое было впервые использовано В.И. Лениным в 1918 году в речи на VII Всероссийском съезде Советов. Сегодня это выражение часто используется в метафорическом смысле для выражения решительности и готовности идти вперед, несмотря на любые трудности и препятствия:

«Ни клика назад: в новой сборке Windows 11 появилась не документированная функция удаления информации из памяти компьютера при откате на предыдущую версию ОС. Если поставить это обновление, а затем отказаться от него, можно лишиться важных документов».

Уникальный случай представляет русская версия сайта американской технологической компании NVIDIA, которая является разработчиком графических процессоров и систем на чипе. Хотя на данный момент работа компании на территории России приостановлена, справедливо будет сделать предположение о том, российские офисы компании брали на вооружение приемы, используемые в англоязычных странах, тем самым осуществляя диалог культур и демонстрируя свою абсорбционную способность.

Так, в статье «Исследователи NVIDIA демонстрируют революционные достижения в области создания графики в реальном времени» используется метафорическое выражение «краеугольный камень»:

«Компьютерная графика и искусственный интеллект – это краеугольные камни технологий NVIDIA.»

Данное выражение вошло в культуру христианских стран из Библии, где обозначает Самого Иисуса Христа – ведь на Нём основана

Церковь. Происхождение выражения «краеугольный камень» связано еще с Ветхим Заветом, а в Новом оно цитируется:

«Посему так говорит Господь Бог: вот, Я полагаю в основание на Сионе камень, – камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный: верующий в него не постыдится».

Для сравнения был проведен анализ 60 маркетинговых постов ведущих американских, европейских и азиатских компаний IT-сектора. Выявлены следующие отличия в использовании интертекстуальных инструментов:

1. Частота цитирования источников в зарубежных публикациях выше – до 80% против 55% в российском сегменте.

2. Наиболее часто процитированными источниками за рубежом являются данные научно-технических разработок (35% случаев), а не клиентские отзывы, как в России.

3. В зарубежных компаниях чаще используются косвенные, а не прямые цитаты, а также аллюзии и идиомы.

4. За рубежом цитаты встраиваются не только в текст, но и в изобразительные элементы постов – с использованием приёма креолизации.

В качестве общего приема интеграции интертекстуальных включений в рекламный текст, используемого и российскими и англоязычными компаниями, можно выделить цитирование руководителей:

“Small language models can make AI more accessible due to their size and affordability,” says Sebastien Bubeck, who leads the Machine Learning Foundations group at Microsoft Research. “At the same time, we’re discovering new ways to make them as powerful as large language models.”

“Multimodality has the power to create more human-like experiences that can better take advantage of the range of senses we use as humans, such as sight, speech and hearing,” says Jennifer Marsman, principal engineer for Microsoft’s Office of the Chief Technology Officer, Kevin Scott.

Таким образом, проведенный анализ показал, что зарубежные IT-компании в значительном количестве случаев демонстрируют более продвинутые подходы к использованию интертекстуальности в целях продвижения инновационной продукции, что наводит на мысль о необходимости интеграции зарубежных приемов в рекламные тексты российских IT-компаний. Отмеченные особенности могут быть взяты на вооружение российскими компаниями для повышения эффективности продаж вычислительной техники и для стимулирования развития инноваций.

Важность интеграции интертекстуальных элементов в маркетинговой коммуникации при продвижении инновационных информационных технологий должна быть отражена в курсе обучения языку профессионального общения как специалистов в сфере информационных технологий, так и специалистов сферы маркетинга. В этой связи стоит упомянуть слова профессора Светланы Григорьевны Тер-Минасовой: «Получив этот бесценный дар [язык], вобравший в себя весь огромный мир – и внешний, и внутренний – мы приступаем к главному делу – общению, ком-

муникации с другими людьми…Вся наша жизнь и в большом, и в малом, и в настоящем, и в будущем зависит от того, насколько хорошо, эффективно и правильно мы умеем общаться» [Тер-Минасова, 2008, с. 364].

Список литературы

1. Андреев О.С. Развитие инноваций в условиях глобализации / Финансовая экономика, № 9, 2019. С 127-129.
2. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания, №3, 1977. С. 47 – 54.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. / Ролан Барт; Сост., общ. ред. и вступ. ст. [с. 3-45] Г. К. Косикова. М.: Прогресс: Универс,1994. 615 с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
5. Болдырева Л.В. К вопросу о вертикальном контексте, фоновом знании, языковой картине мира и понимании текста на иностраннном языке // Актуальные проблемы английского языкознания: сборник научных статей, посвященный зав. кафедрой английского языкознания филол. ф-та МГУ имени М.В.Ломоносова доктора филологических наук, профессора Ольги Викторовны Александровой. М.: «МАКС» Пресс, 2012. С. 149-161.
6. Болдырева Л.В. Понимание авторского вертикального контекста как необходимое условие адекватного перевода. Сборник научных статей памяти доцента МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидата филологических наук Ирины Владимировны Гюббенет. Москва: Издательство «Наука», 2019. 42-59 с.
7. Варченко В.В. Цитатная речь в медиа-тексте. М.: URSS : ЛКИ, 2007. 236 с.
8. Гюббенет И.В. К вопросу о «глобальном» вертикальном контексте // Вопросы языкознания № 3, 1980. С. 97-102.
9. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. С.116-133.
10. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. М., URSS, 2005. 286 с.
11. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учебн. пос. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.
12. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета, серия 10. No 2, 2006. С. 20-33.
13. Завьялова Е.Е. Русско-зарубежные литературные связи: учебное пособие. Астрахань: Астрах. ун-т, 2008. 123 с.
14. Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации: англо-рус. толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 415 с.
15. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М: Гнозис, 2004. 390 с.
16. Кристева Ю., Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427-457.
17. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. Ин-т социол. образования Рос. центра гуманитар. образования и др. М.: УРСС, 1999. 239 с.
18. Попова Е.А. Интертекстуальность как средство воздействия в политическом дискурсе: на материале англоязычных текстов о политической карьере А. Шварценеггера. Дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 220 с.
19. Репьев А.П. Язык рекламы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.repiev.ru/articles/ad_lang.htm (дата обращения: 23.05. 2024)
20. Словарь библейских образов : [энциклопедическое исследование образов, символов, основных тем, метафор, речевых оборотов и литературных стилей Библии] /

под общ. ред.: Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Тремпера Лонгмана III ; [пер.: Скороходов Б. А., Рыбакова О. А.]. Санкт-Петербург: Библия для всех, 2008. 1423 с.
21. Степанова Н.И. Интертекстуальность в текстах культуры // Преподаватель XXI век. 2012. №3. С. 360-363.
22. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов и аспирантов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 3-е изд. М.: Изд-во МГУ, 2008. 350 с.
23. Dominick J.R. Dynamics of Mass Communication: Media in Transition. 12th edition. McGraw Hill. 2012. 496 p.
24. Genette G. Palimpsestes: La litterature au second degre. Paris: Édition SEUIL, 1982. 467p.
25. Prokhorova M.Yu. Allusive Figures of Speech in terms of Philological Topology// Ахмановские чтения 2015: материалы конференции/ Отв.ред. О.В. Александрова; под ред. Е.В. Михайловской, И.Н. Фоминой. М.: Университетская книга, 2016. P. 109–114.
26. Prokhorova M.Yu. Prosody as a Means of Bringing Out Quotations in the English Artistic Texts (Results of the pragmalinguistic experiment). Материалы XII международной конференции Лингвистической ассоциации преподавателей английского языка МГУ имени М.В. Ломоносова/Отв.ред. О.В. Александрова; ред. Е.В. Михайловская, И.Н. Фомина. М.: Университетская книга, 2015. P. 344–349.

5.4. ИНТЕРНЕТ КАК ОБЛАСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В середине XX века под воздействием глобализации значительно возрос интерес к изучению коммуникации в межкультурном пространстве, к изучению происходящих коммуникационных процессов, а также к их теоретическому осмыслению и описанию. Известно, что до этого времени человек также с интересом наблюдал за другими, не похожими на него людьми, фиксировал свои и наблюдения и анализировал их. В настоящее время изучение процессов межкультурной коммуникации является весьма актуальным, поскольку бурно развивается общение во всех областях, в том числе туризм, что позволяет в реальном времени на месте ознакомиться с культурными ценностями разных социумов.

Как известно, что существует два подхода к определению понятия межкультурной коммуникации: лингвистический и культурно-антропологический. С точки зрения лингвистического подхода все процессы межкультурной коммуникации связаны с речевой деятельностью. Иными словами, этот подход подчеркивает первостепенное значение языка в процессах межкультурной коммуникации. Культурно-антропологический подход в свою очередь опирается на достижения других наук и согласно ему, процессы межкультурной коммуникации в огромной степени детерминированы ценностно-культурной составляющей. Данный подход подчеркивает первостепенное значение культуры в определении межкультурной коммуникации.

В общем смысле межкультурная коммуникация представляет собой взаимодействие представителей разных культур. С.Г. Тер-Минасова гово-

рит о том, что определение понятия межкультурная коммуникация вытекает непосредственно из самого термина и означает «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Тер-Минасова, 2000, с. 13]. Исследователи пишут, что «межкультурная коммуникация – это обмен информацией, осуществляемый носителями разных культур, причем то, что коммуниканты являются носителями разных культур, значительнейшим образом влияет на их коммуникацию и в некоторой степени определяет ее ход» [Гузикова, Фофанова, 2015, с. 8]. (См.также: [Фурманова, 1994].

Изучая межкультурную коммуникацию, немецкий ученый Г. Малецке отмечает: «Мы говорим о межкультурном взаимодействии и межкультурной коммуникации, когда партнеры по коммуникации являются представителями различных культур и осознают это, т.е. когда присутствует взаимное ощущение «чужеродности» партнера. Под межкультурными отношениями подразумеваются все отношения, участники которых используют не только собственную систему кодировки, нормы, установки и формы поведения, принятые в родной культуре, но и сталкиваются с иными кодировками, нормами, установками и бытовым поведением» [Maletzke, 1996].

Таким образом, авторы едины во мнении, что межкультурная коммуникация представляет собой общение и взаимодействие представителей разных культур. Изучением такого взаимодействия занимается научная дисциплина «Теория межкультурной коммуникации». Данная дисциплина является междисциплинарной и связана с такими науками, как теория коммуникации, лингвистика, антропология, психология, социология и др.

В процессе изучения межкультурной коммуникации сформировалось три подхода к изучению данного процесса: функциональный, объяснительный и критический. Э.А. Усовская отмечает, что «они основываются на различных представлениях о природе человека, человеческом поведении и природе человеческих знаний» [Усовская, 2017, с. 7]. Рассмотрим подробнее каждый подход.

Функциональный подход к изучению межкультурной коммуникации оформился в 1980-е гг. и основан на социологии и психологии. В рамках данного подхода культура любого народа, а также изменения в ней могут быть описаны с помощью различных методов. Поведение и общение человека также определяется культурой. «Основная цель данного подхода – показать специфику влияния культуры на коммуникацию» [Усовская, 2017, с. 7]. Успех или сбой коммуникации может быть предсказан посредством сравнения культурных различий сторон коммуникации.

Объяснительный подход к изучению межкультурной коммуникации предполагает, что культура является средой обитания человека, которая постоянно меняется и развивается благодаря общению и коммуникации. Этот подход фокусируется на анализе моделей коммуникации внутри определенной культурной группы и их ценностей. Основной идеей объяснительного подхода является то, что коммуникативные правила

определенной социальной группы базируются на их культурных ценностях. Задача этого подхода – понять и описать поведение человека, а не предсказывать его. Для реализации этой задачи используются методы антропологии и лингвистики.

Критический подход к изучению межкультурной коммуникации основан на идее, что специфика коммуникации определяется историческим контекстом и властными отношениями. Культура, которая формирует коммуникацию, рассматривается как пространство борьбы, где различные интерпретации культурных явлений сталкиваются друг с другом и доминирующая сила определяет культурные различия и способ их интерпретации. Цель изучения межкультурной коммуникации в рамках этого подхода – объяснить поведение человека и через это понимание разработать стратегии для изменения жизни людей к лучшему. Сторонники критического подхода считают, что изучение и понимание доминирующей силы в культурных контекстах поможет людям противостоять ей и более эффективно взаимодействовать с другими людьми и культурами. Главный метод критического подхода – анализ текстов.

В структуре коммуникации традиционно принято выделять такие компоненты, как коммуникатор, реципиент, предмет коммуникации, сообщение, средства коммуникации, результат коммуникации и шум. Коммуникатором является создатель сообщения, реципиентом – получатель, средствами коммуникации – код и канал передачи сообщения, результатом являются какие-либо изменения в следствии получения сообщения, а шумом – помехи, препятствующие достижению результата. Существует два основных типа межкультурной коммуникации: прямая и косвенная. Данные типы выделяются на основании способа передачи информации и типа взаимодействия между субъектами. Прямой тип межкультурной коммуникации подразумевает непосредственное взаимодействие двух субъектов, при котором в другую культуру транслируются знания, артефакты, ценности. Здесь главную роль играют вербальные и невербальные средства коммуникации. Косвенный способ межкультурной коммуникации в свою очередь подразумевает получение знаний о другой культуре через средства массовой информации, литературу и др. Здесь имеет место преимущественно односторонний характер коммуникации.

Э.А. Усовская отмечает, что «нередко к этим двум типам добавляют опосредованную и непосредственную межкультурную коммуникацию. Они отличаются друг от друга наличием или отсутствием промежуточного звена, выступающего в роли посредника между партнерами» [Усовская, 2017, с. 17]. Автор указывает, что посредником в данном случае может быть как человек, так и техническое средство. В то же время коммуникация с использованием технических средств может носить прямой характер, например, разговор по телефону, однако использование невербальных средств при таком типе практически исключается.

На сегодняшний день в мире четко прослеживается усиление процесса глобализации. В этой связи расширяются взаимосвязи между разными народами и культурами. Это подтверждает тот факт, что необходимо уделять пристальное внимание изучению процесса межкультурной коммуникации, поскольку она важна не только для налаживания связей между странами, но и для укрепления самой страны. Развитие современного общества основано на развитии технологий, что несомненно оказывает влияние на культуру общества. Ярким примером такого влияния является сеть Интернет, которая появилась относительно недавно, но при этом успела оказать воздействие на все сферы жизни человека. Соответственно, возникает потребность в изучении сети Интернет с разных сторон, в том числе и в качестве средства межкультурной коммуникации.

Одним из инструментов глобализации культуры является Интернет. Неоспорим тот факт, что Интернет оказывает большое влияние на современную культуру. Однако это влияние приносит не только положительные, но и отрицательные «плоды». «Так, в Интернете сейчас часто наблюдается огромное количество информации на тему расизма, ксенофобии и межнациональной розни. Кроме того, существует огромное количество сайтов экстремистских, террористических убеждений, посредством которых различные религиозные организации ведут широкую пропаганду своей идеологии» [Ермолкин, 2012, с. 1]. Именно этот факт и обусловливает необходимость создания информационно безопасной среды для человека в сети Интернет. Если человек начинает общение через Интернет с представителем другой культуры, ему следует понимать, что теперь их общение выходит за рамки его собственной культуры. Важно помнить, что “культура” – это не просто подсознательная концепция, которая представляет собой набор общих для всех ценностей, но также и концепция, которая проявляется в поведении определенной социальной группы при взаимодействии с другими культурными группами. Незнание особенностей другой культуры может привести к неловким или забавным ситуациям в общении, в лучшем случае. В худшем же случае подобные недопонимания могут привести к путанице, конфликту или обиде тех, с кем мы стремимся общаться.

Ю.А. Лымарь отмечает, что Интернет «представляет собой некую коммуникативную среду и утверждает новые, современные принципы жизни человека и его деятельности: виртуальные и интерактивные» [Лымарь, 2017, с. 745]. Сеть Интернет как среда межкультурного общения обладает такими свойствами как коммуникативность, интерактивность, информативность, удобство, своевременность, полиязычность. Рассмотрим эти свойства детальнее. Коммуникативность в Интернете реализуется в двух форматах: прямом и концентрированном. Прямой формат подразумевает непосредственную передачу информации от адресанта к адресату. Концентрированный формат в свою очередь подразумевает массовую передачу информации, т.е. информация транслируется сразу

большому количеству адресатов. Следует отметить, что сеть Интернет развилась до такой степени, что межкультурная коммуникация может быть успешно реализована вне зависимости от формата общения. Интерактивность сети Интернет заключается в том, для пользователей открывается широкий круг уникальных возможностей для общения, в отличие от других средств общения. Здесь каждый пользователь может не только делиться информацией, но и получать мгновенный отклик других людей. Такие свойства Интернета, как информативность и удобство неразрывно связаны. Каждый пользователь в сети имеет неограниченный доступ к широкому спектру информации, при этом поиск ее удобен и прост. Таким образом, человек может с легкостью найти интересующую его информацию не только о своей культуре, но и о других интересующих его культурах и странах. Своевременность и мобильность сети Интернет заключается в том, что большинство процессов в Интернете происходят в режиме реального времени. Архитектура сети стирает границы времени между пользователями, позволяя им оперативно общаться и обмениваться информацией. Именно это и повышает привлекательность общения в сети и делает его удобным средством межкультурной коммуникации.

Универсальность сети Интернет заключается в том, что люди, говорящие на разных языках, имеют доступ к сети, а значит при общении представителей разных культур реализуется акт межкультурной коммуникации. При этом новые технологии позволяют им общаться, не зная языка друг друга. Существует большое количество вспомогательных средств, которые упрощают процесс общения представителей разных культур, тем самым преодолевается языковой барьер. Отличительной чертой любой коммуникации в сети Интернет является ее добровольность. Каждый пользователь в сети начинает общение с другими пользователями только по своему желанию. Точно так же только при желании пользователя данное общение прекращается. Коммуникация в сети Интернет, в том числе и межкультурная, имеет свои отличительные особенности. Например, при общении в сети можно избежать конфликтов на почве использования средств невербального общения. Зачастую незнание или недостаточная осведомленность людей относительно использования тех или иных средств невербальной коммуникации в контексте другой культуры, например, жестов, может привести к недопониманию (в лучшем случае) или конфликту. Общение в сети Интернет по большей части происходит в письменном виде, тем самым лишая пользователей возможности реализовать нежелательные средства невербальной коммуникации.

Другой отличительной особенностью коммуникации в сети Интернет является затруднение в использовании эмоционального компонента общения. В большинстве случаев коммуникация в сети реализуется в текстовом формате, а значит, эмоциональная составляющая общения реализуется довольно скудно, по сравнению с общением «вживую». Выразить эмоции в сети пользователям помогают смайлики, однако, есть

опасность неправильной их трактовки, что также может привести к недопониманию между участниками коммуникационного процесса. В качестве еще одной особенности Интернета исследователи выделяют анонимность. В этой связи в Интернете можно столкнуться с заведомо ложной информацией, обманом или сокрытием информации. Из-за анонимности в сети пользователи чувствуют себя раскрепощенными и отчасти безнаказанными, что приводит к тому, что они могут проявлять большую свободу выражения, которая может проявляться в, например, использовании инвективной лексики. Вследствие анонимности в сети возникает такое явление, как притворство. Поскольку обычным пользователям сети практически невозможно выяснить, кем является их собеседник в реальной жизни, они зачастую приукрашивают действительность. Некоторым пользователям нравится играть в сети любую другую роль, которую они не могут реализовать в реальности. Выражается это в сокрытии или искажении информации о себе, а также в несвойственном для этого человека поведении. Иногда эти причины и являются стимулом входа в Интернет с целью общения. Таким пользователям хочется новых эмоций, впечатлений, отличных от реального положения дел в жизни.

Интернет – это глобальное средство массовой информации, которое предлагает множество преимуществ. Он обеспечивает доступ к огромному объему разнообразной информации для всех пользователей. Это, безусловно, полезно для тех, кто стремится к знаниям. Интернет также облегчает общение в реальном времени, независимо от местоположения пользователей. Это способствует поиску друзей по интересам и позволяет примерять на себя другие роли, хотя эффективность такого подхода может быть спорной. Несомненно, Интернет играет ключевую роль в межкультурном общении. Благодаря этой глобальной компьютерной сети люди разных культур имеют возможность “встречаться” и общаться в киберпространстве. Средства массовой информации важны для общественной жизни и оказывают влияние на различные аспекты жизни социума и его членов.

Т.Ю. Виноградова считает, что ключевыми психологическими причинами обращения к Интернету являются следующие: во-первых, отсутствие у субъекта достаточного насыщения в общении с реальными контактами; во – вторых, при помощи сети индивид имеет возможность проигрывания определенных ролей, а также переживания широкого спектра эмоций, которые по тем или иным причинам в реальной жизни находятся в состоянии фрустрации. Данные возможности возникают вследствие анонимности и нежесткой нормативности при общении в сети, о которых мы говорили выше. Острой потребностью в переживании определенных эмоций, по мнению Т.Ю. Виноградовой, объясняется стремление к особого рода эмоциональной наполненности текста [Виноградова, 2004, с. 63-67]. Известный семиотик Умберто Эко писал, что в ближайшем будущем социум будет разделен на два класса: первый – те,

кто получает готовую информацию об окружающей действительности с экрана ТВ уже в готовом виде, второй, – благодаря общению в сети, имеет возможность фильтрации и обработки информации [Цит. по: Пятигорский, 2001. Эл. ресурс].

Т.Ю. Виноградова также отмечает, что субъекты виртуального пространства имеют возможность общаться в основном при помощи письменных текстов в реальном времени, которые достаточно сильно зависят от влияния стихийной разговорной речи. Таким образом, язык становится своего рода способом создания виртуальной реальности: «Искусственные языки программирования представляют из себя лишь технологическое средство, благодаря которому Интернет работает, а истинным языком виртуального социума оказываются естественные языки аудитории пользователей» [Виноградова, 2004, с. 63-67].

Некоторые ученые рассматривают так называемую языковую личность в сети интернет. В связи с этим Ш. Текл, являющаяся профессором социологии и психологии Массачусетского технологического института, провела исследование, которое основывается на двух аналитических фазах: первая- полевой компонент, вторая – клинический. Под полем исследователь подразумевает наблюдения на занятиях по программированию, проводимые в течение многих лет: в компьютерных лабораториях, в университетских кампусах, а также в сети Интернет. Исследователь считает, что ВР (виртуальная реальность) для большинства людей стала на сегодняшний день более реальна, чем реальность (РЖ – реальная жизнь). По ее мнению, в Интернете вы имеете возможность «переобозначить» себя, так как нет необходимости переживать о том, как Вы будете восприняты другими, а текст в Интернет ресурсах выполняет роль фиксированной маски, надеваемой на виртуальное Я. Это восприятие основано на той информации, которую вы транслируете. Таким образом, киберпространство приводит нас к осознанию необходимости создания нового критического дискурса о сетевом социуме, который сегодня охватывает миллионы пользователей [Turkle,1995].

Не менее важной особенностью коммуникации в Интернет-пространстве выступает гипертекстуальность. Любая энциклопедия или справочник, в котором есть ссылка на другие тексты является гипертекстом, трактующимся при помощи многозначности и полидискурсивности [Вишнякова, 2010; Сергиенко, 2009]. В русском языке гипертекстуальность особенно востребована в связи с его полисемичностью, передавая и воспроизводя все многообразие смыслов высказываний. Таким образом, коммуникацию в общем плане можно определить как постоянный процесс интеракций языковых субъектов с целью обмена, передачи и получения информации, требуемой для взаимного познания коммуницирующих личностей, в то время как коммуникация в Интернет-пространстве имеет принципиальные отличия с точки зрения количества пользователей, образующих некий синтетический тип личности, имеющий определенные цели коммуникации. Коммуникант

надевает своего рода маску «креативное Я», упрощающую процесс общения. Стороны коммуникативного процесса в Интернет- пространстве оказываются творцами виртуального языка, отличающегося спонтанностью в независимости от типа письменного воспроизведения.

Необходимо отметить, что коммуникация в Интернет-пространстве основывается в основном на непринужденном выражении собственного мнения, в связи с чем имеет дело с разговорной, экспрессивной по своей сути, лексикой, в первую очередь, фразеологией и сленгом. Остановимся на сленге как разновидности коммуникации в Интернет-пространстве подробнее. Многие исследователи рассматривают сленг как отклонение от языковой нормы, ее нарушение. Как правило, это эмоционально окрашенные, ироничные слова, специфическим образом обозначающие предметы окружающей действительности. С точки зрения синхронных универсалий языка имеется достаточно большое количество определений сленга, в том числе достаточно противоречивых главным образом в объеме дефиниции сленга. Ключевым в данном контексте является вопрос о том, необходимо ли включать в это понятие только синонимичные литературным словам экспрессивно окрашенные лексемы либо необходимо отнести сюда в целом все нестандартные лексические единицы, не являющиеся нормой для образованных людей. Первая фиксация дефиниции сленг (slang) в письменных источниках относится к XVIII веку, слово употреблялось как синоним к лексеме «оскорбление», а в дальнейшем любая незаконная просторечная лексика стала называться сленгом. Если рассматривать термин «сленг» с точки российского языкознания, то определение В.А. Хомякова заслуживает особого внимания п этом плане. О.С. Ахманова в словаре лингвистических терминов указывает на то, что сленг является разговорным вариантом профессиональной речи либо элементом разговорного варианта с особой эмоционально-экспрессивной окраской, принадлежащим какой-либо социальной группе: «1. Разговорный вариант профессиональной речи. 2. Элементы разговорного варианта той или другойсоциальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языкаособую эмоционально-экспрессивную окраску (особую лингвостилитсическую функцию» [Ахманова, 1966, с. 419]. В.А. Хомяков считает сленг широко употребительным компонентом «экспрессивного просторечия», входящего в состав литературного языка, обладающим «пейоративной экспрессией» [Хомяков, 1980, с. 43-44].

Английские исследователи также имеют свою градацию в выделении разновидностей сленга, так Э. Партридж отмечает, например: cockney slang, Yiddish slang, public-house slang и др. Также он описывает некоторые формы сленга, такие как: rhyming slang, back slang и пр. [Partridge, 1984]. Р. Спирс считает, что первоначально термин сленг являлся разновидностью британского криминального жаргона и был синонимичен номинации кэнт, однако, с течением времени, к нему добавились диалектизмы,

просторечные и вульгаризмы. Исходя из вышеизложенного, можно констатировать тот факт, что данное понятие не имеет терминологической точности [Spears, 1982б с. 10-11].

Необходимо отметить, что в русском языкознании существуют разного рода классификации сленга, используемого в интернет – пространстве. П.А. Горшков приводит следующую систематизацию: а) полные заимствования или калька с другого языка; б) заимствование основы или полукалька; в) перевод с использованием сленга различных профессиональных сообществ; г) фонетическая мимикрия (например, слово error – ошибка, получило по аналогии написания сленговое название «егор») [Горшков, 2007].

Н.В. Виноградова также выдвигает свою классификацию. Первой разновидностью является прямая транслитерация английской лексемы при сохранении основной семантики. Вторую – составляют примеры фонетического и грамматического искажения «русификации" оригинального слова (например, юзать и пр.). Третьей разновидностью являются слова, омонимичные лексемам в русском языке, приобретающие в результате переосмысления добавочные значения. Четвертая разновидность слов является сложносокращенными английским словами, еще не вполне освоенными русским языком – акронимами. В качестве примера можно привести в пример B4 – Before (перед), CYL – See You Later (увидимся позже) и др.

Что касается сферы употребления, то интернет- сленг подразделяется на: обозначения индивидуумов (bf – парень или boyfriend), качеств или черт характера (mummy's boy), объектов (eb – электронная книга), обозначение действий (I wanna ask u a qstn), выражение эмоций (lol) и пр.

Помимо прочего, сленговые выражения в интернет-пространствеможно охарактеризовать по способу образования. В данном случае они могут быть классифицированы как: а) аббревиатуры (начальные буквы словосочетаний); б) замены лексических единиц аналогичными символами; в) сокращения; г) слова, образованные в результате редукции.

Рассмотрев актуальные на данный момент классификации сленга в интернет-пространстве, мы пришли к заключению, что ни одна из них в полной мере не соответствует полной интерпретации данного термина, в связи с чем, пришли к выводу о целесообразности разработки более рационализированной структуры классификации сленговых языковых единиц.

Таким образом, термин «Интернет-общение», использующийся в современном языкознании, по своей сути является многоаспектным и вариативным. Общение в интернет-условиях определено поддержкой произвольного диалога с остальными членами интернет-коммуникации, выражающими свои личные мнения, делящимися знаниями, планами на будущее или участвующие в дискуссиях с профессионалами в той или иной сфере.

Социальная деятельность человека в настоящее время является неотъемлемой частью его жизни. Коммуникация – это процесс интеракции языковых субъектов, с целью обмена данными, передачи и получения информации, являющейся незаменимой для выполнения функций совместной деятельности среди коммуникантов. Интернет-коммуникация, является сравнительно новым видом общения, который, как мы подчеркивали выше, может быть охарактеризован следующими признаками: а) анонимность; б) неограниченное количество пользователей; 3) спонтанность, сочетающая в себе устную разговорную речь, эмоциональность коммуникативного акта, уникальный этикет, возможность самопрезентации личности и пр.

В среде российских и зарубежных лингвистов не выработано унифицированного мнения к возможности определения термина сленг. Это, в первую очередь, влияет на размытие границ данного понятия, более того, не определен единый способ классификации сленга, в связи с чем мы имеем дело с различными способами его структурирования, например, по принципу словообразования или же сферы употребления в тематических группах.

Дефиниции терминов экспрессивность, разговорная лексика, сленг, определяющих диалоговую коммуникацию в сети Интернет также во многом противоречивы, но не вызывает сомнения, что экспрессивно и эмоционально- оценочная лексика, используемая в интернеткоммуникации, но, несомненно то, что экспрессивно-оценочная и эмоционально-оценочная лексика, преимущественно использующаяся, в интернет общении является фундаментом для открытого диалога с другими коммуникантам. Экспрессивность и эмоциональность обусловлены стремлением максимально творчески и образно репрезентировать личное мнение участников общения в сети Интернет.

Разговорная речь, являющаяся ключевым признаком современного Интернет – общения, во многом базируется на процессе стремительного взлета и развития социальных сетей, характеризуется стремлением коммуникантов к открытому диалогу или полемике по тем или иным вопросам. Представители англоязычного Интернет – сообщества обеспечивают открытый доступ к межкультурной коммуникации для представителей других лингвокультурных социумов, желающих вступить в коммуникативный диалог, ссылаясь на лексическое наполнение собственного языка. Таким образом, например, нет необходимости в переводе некоторых итальянских слов на английский язык, так как последние выступают в качестве латинских заимствований и не сильно отличаются от английских аналогов (magnificent англ.; magnifico итал. – величественный). В связи с этим сложности в межкультурной Интернет – коммуникации по большей части нивелируются из-за значительного количества заимствований в английском языке, а также благодаря заимствованиям из английских других языков.

Основными отличительными чертами англоязычного интернет-общения являются: использование широкого ассортимента эмоционально и экспрессивно – оценочных единиц (метафорических и метонимических конструкций, сравнений, эпитетов, фразеологических оборотов, сленга).

Экспрессивность Интернет-коммуникации в целом базируется на использовании опущений слов (эллипсиса), непроизвольной деформацией фонетической или графической формы слова, употреблением аббревиатур и сокращений, восклицательных и вопросительных предложений, активным опущением знаков препинания.

Попытки нарушения определенных правил организации предложения, словообразования, написания слов, а также использование экспрессивно-оценочной лексики проистекают из желания участников интернет-коммуникации выражаться напрямик. Предпочтение в выборе представителями англоязычного интернет- сообщества того или иного слова зиждется на контексте, то есть, ориентировано на предмет сетевой дискуссии и желании избежать семантически избыточных лексем (чаще всего, опущение вспомогательных глаголов или, например, написание личного местоимения первого лица ед. ч., с прописной буквы вместо заглавной I.

Англоязычному Интернет-общению свойственно опираться на неформальный коммуникативный стиль, в основном оно направлено на акцентирование внимания других субъектов на себе, своих идеях, знаниях, умениях, личном опыте, а потому основывается на выражении интереса к интернет-коммуниканту, что во многом оправдывает частое использование междометий, вопросительных и восклицательных предложений.

Лингвокультурологическое исследование общения в сети Интернет имеет намерение обосновать специфику коммуникации в пределах определенного этноса, сформулировать наиболее устойчивые формулы речевого этикета и особенности общения в целом, изложить культурные доминанты соответствующего социума в виде концептов как единиц ментальной формации, репрезентировать и актуализировать способы апелляции феномена культуры к прецедентным текстам для данной лингвокультуры с учетом теснейшей связи интернет-общения со сложившимися в той или иной языковой картине мира ценностными признаками.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966.
2. Баркович А.А. Интернет-дискурс. Компьютерно-опосредованная коммуникация : учеб. пособие по интернет-лингвистике. М.: Флинта: Наука, 2016. 285 с.
3. Виноградова Н.В. Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции // Исследования по славянским языкам. 2001. № 6. С. 203–216.
4. Виноградова Т.Ю. Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект: сб. ст. / ред. Н.А. Андромонова. Казань, 2004. С. 63–67.

5. Вишнякова О.Д. Гипертекстовая структура как область развития смысловых составляющих инициирующего текста // COLLOQUIUM: Международный сборник научных статей /Под ред. У. Перси и А.В. Полонского. Бергамо – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2010. С. 25–29.
6. Горшков П.А. Сленг хакеров и геймеров в Интернете: дисс. …. канд. филол. н. Москва, 2007. 139 с.
7. Гузикова М.О., Фофанова П.Ю. Основы теории межкультурной коммуникации : учеб. пособие / Минобрнауки РФ, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 119 с.
8. Ермолкин И.А. Интернет как средство межкультурного общения в современном мире // I// Форум молодых ученых. 2019. № 3 (31). С. 455–458. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/neverbalnaya-kommunikatsiya-i-ee-osnovnye-kanaly (дата обращения: 29.01.2024).
9. Колесникова Т.Д., Чернядьева А. А. Невербальная коммуникация и ее основные каналы // Форум молодых ученых. 2019. № 3 (31). С. 455–458. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/neverbalnaya-kommunikatsiya-i-ee-osnovnye-kanaly (дата обращения: 29.01.2024).
10. Константинова В.А. Интернет как способ межкультурной коммуникации / науч. рук. В. Е. Черникова // Аллея Науки. 2019. № 5 (32), т. 1. С. 290–293. Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=38936998 (дата обращения: 29.01.2024).
11. Лымарь Ю.А. Интернет как среда для межкультурного общения // Инновационный потенциал молодежи: информационная, социальная и экономическая безопасность : материалы Междунар. молодежн. науч.-исследоват. конф. (Екатеринбург, 4-5 дек. 2017 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 744–749.
12. Пятигорский А. Общество и книга: от Гутенберга до Интернета. 2001. Режим доступа: livelib.ru: https://www.livelib.ru/quote/344342-ot-interneta-k-gutenbergu-tekst-i-gipertekst-eko-u?ysclid=ly95yi8179156261436 (дата обращения: 25.06. 2024).
13. Сергиенко П.И. Лингвокогнитивные особенности электронного гипертекста: на материале английского языка: автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 2009. 23 с.
14. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2000. 261 с.
15. Усовская Э. А. Межкультурная коммуникация: учеб.-метод. комплекс. Минск: БГУ, 2017. 125 с. Режим доступа: https://elib.bsu.by/handle/123456789/268376 (дата обращения: 29.01.2024).
16. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз). Дис. … д-ра пед. наук. М., 1994. 475 с.
17. Хомяков В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 168 с.
18. Maletzke G. Interkulturelle Kommunikation. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. 226 S.
19. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. In two volumes. London: Routledge & Kegan Paul, 1984. – Vol. I: The Dictionary. XVI, 1-974 p. Vol. II: The Supplement. X, 975-1528 p.
20. Spears R.A. Slang and Euphemism. N. Y., 1982. 423 p.
21. Turkle S. Life on the screen: identity in the age of the Internet. New York: Simon & Schuster, 1995. 347 p.
22. V Международная студенческая научная конференция: Студенческий научный форум – 2012 [офиц. сайт конф.] / Рос. акад. естествознания. М., 2016–2024. Режим доступа: https://rae.ru/forum2012/274/1617 (дата обращения: 13.02.2024).

5.5. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Значимость владения навыками межкультурной коммуникации на сегодняшний день переоценить невозможно: человеческое общение, во многом благодаря развитию современных технологий, носит интернациональный характер. Можно привести многочисленные примеры межкультурного взаимодействия в совершенно разных областях человеческой деятельности, начиная с личных связей (сайты знакомств, блоги путешественников и т.д.) и до делового сотрудничества (студенческий обмен, заграничные стажировки, бизнес командировки и т.п.). Современные школьники и студенты имеют возможность изучать иностранный язык под руководством носителей языка. В настоящее время заслуживают особого внмания и электронные курсы иностранных языков, которые выбираются не только с позиции личных предпочтений и целей изучения иностранного языка, но и с учетом индивидуальных способностей и уровня подготовки.

Современный уровень развития технических средств и технологий обеспечивает нас возможностью получения практически любой интересующей нас информации, что, в свою очередь, способствует как постоянному личностному совершенствованию, так и развитию межкультурных связей, международного сотрудничества, а также самих каналов и средств коммуникации.

Интенсивное развитие виртуальной коммуникации – через социальные сети, блоги, web-video, tele-чатов в сети Интернет, а также через мессенджеры на мобильных устройствах – вызвало большой интерес к исследованию различных видов дискурса в данной среде как отечественных, так и зарубежных ученых, работающих в разных областях современной науки: социологов [Debatin, 1997, p. 281-290], философов [Floridi, 1999, p. 38], языковедов [Tat, Azuma, 2016, p. 436] и культурологов [Gorniak-Kocikowska, 1996, p. 4-6]. Исследователей интересуют различные аспекты сетевой коммуникации: ллингвистический, культурологический, социологический, психологический и др. Лингвистические исследования особенностей виртуальной коммуникации проводятся сравнительно недавно, но практически все ученые сходятся во мнении, что одной из основных характеристик современной коммуникации в Интернете является стремление коммуникантов к экономии речевых усилий с целью минимизации временных затрат.

Данное исследование нацелено на идентификацию основных тенденций современной межкультурной коммуникации в образовательной среде сети Интернет на материале публикаций и сообщений, размещенных на информационно образовательных площадках университетов Великобритании и США.

Сегодня в виртуальное образовательное пространство вовлечено огромное количество студентов и преподавателей, которые активно используют различные медийные каналы общения, адаптируя англоязычные

тенденции к условиям иностранной коммуникативной реальности. Следует отметить, что на информационно образовательных площадках высших учебных заведений США и Великобритании наблюдается стремление коммуникантов противостоять громоздкости высказываний с целью передачи максимально большого объема информации за минимальное количество времени. Малоформатные послания пользователей университетских чатов и форумов характеризуются присутствием различных видов аббревиатур: (*AH* – At home; *AIAMU* – And I am a money's uncle; *AFPOE* – A fresh pair of eyes; *AIGHT* – Alright; *AISB* – As it should be/As I said before; *AISI* – As I see it; *AITR* – Adult in the room; *AIR* – As I remember, etc.). Самую многочисленную группу аббревиатур в англоязычных Интернет-чатах представляют инициальные аббревиатуры, позволяющие сделать длинные названия ассоциаций и объемные специализированные термины менее сложными для запоминания и менее монотонными при многократном упоминании. Как правило, в университетском текстинге используется аббревиация академических степеней, званий, статусов, должностей, названий учебных заведений:

a) *"Hi! I did **AQA** English a few years ago, but I have friends currently doing **OCR** and they really recommend Mr Hardy's youtube videos!"* [Manchester, 2024] (AQA stands for the Assessment and Qualifications Alliance; OCR stands for Optical Character Recognition. It is a widespread technology to recognize text inside images);

b) *"Yes your grades are below average for medicine at Oxford (and I didn't find similar statistics for Cam), but you haven't taken the BMAT yet so it all could change"* [Birmingham, 2023]. (Cam – Cambridge; BMAT – The BioMedical Admissions Test is an aptitude test used as part of the admissions process for Medicine, Biomedical Sciences and Dentistry in some universities in the United Kingdom);

c) *"Was just wondering if anyone else has applied to any **m&s** graduate schemes"* [Nottingham, 2023]. (m&s – the most popular scheme is the Retail Management programme with the end-goal of being a Commercial Manager in one of the M&S stores.

Следующей особенностью текстов современных университетских чатов является активное использование неологизмов, а также сленга как со стороны студентов, так и преподавателей, что сопровождается образованием новых языковых единиц в современном английском языке. В нашем материале по образовательному типу англоязычного дискурса были обнаружены следующие способы образования неологизмов:

1. Аффиксальный способ (префиксальный и суффиксальный):

a) *"Blocking or **defriending** her was a bit harsh and seems immature"* [Birmingham, 2023]. (To de-friend means to remove someone from your list of friends on a social networking website);

b) *"And apologies if this is on the wrong thread, I'm a **newbie**"* [Liverpool, 2023]. (newbie – новичок);

c) “*What it asks for and what students attain in the way of grades is easily* ***googlable****, it's on the uni website and gets put up on TSR several times a year*” [Manchester, 2023]. (googlable means something that can be found in the search engines);

d) “*Their* ***whatever-ship*** *didn't really involve me…*” [UCLA, 2023] (a relationship that is not clearly defined by pre-existing terms).

2. Стремление к лаконичности информативного содержания и усилению смысла породило слова-телескопы. По определению Т.Р. Тимошенко, телескопия – способ словообразования, предполагающий соединение усеченных основ двух или более лексических единиц [Тимошенко, 1975, с. 32]. Словосложение является самым распространенным способом образования новых слов на основе нескольких исходных компонентов, при этом сохраняется целостность основ, в то время как к разновидностям телескопии можно отнести сращение – усечение обоих лексемных элементов:

a) “*So you were just... you were just sitting around,* ***chillaxing****, just kicking like a chicken?”* [Manchester, 2024] (chillaxing – chilling + relaxing – отдых, полное расслабление);

b) “*Fatigue and increased* ***dreambition*** *to sleep may happen within a week”* [Princeton, 2023]. (dreambition – *deram + ambition – страстное желание, мечта);*

c) “*Every* ***wisensible*** *participant understands what threatens his own life”* [Cambridge, 2023]. (wisensible – *wise + sensible – мудрый, здравомыслящий);*

d) “*I really cannot figure out how he dares to wear that outfit at 50. He's just an* ***adultescent****”* [Birmingham, 2024]. (adultescent – adult + adolescent – это взрослый, ориентированный на молодежную/подростковую культуру).

Помимо неологизмов, тенденция экономии языковых средств находит выражение в образовании кратких по своей структуре наименований-коллоквиализмов, неформальных студенческих выражений, свойственных непринужденным беседам университетских чатов и форумов [Самборук, 2022, с. 157]:

a) “*So, you really want to participate in it with a bunch of overachieving* ***grade-grubbers****?”* [Princeton, 2022] (a grade-grubber – зубрила, помешанный на учебе);

b) “*I like knowing this stuff, even if you say I sound as if* ***I've swallowed a dictionary****”* [Liverpool, 2023]. (to swallow the dictionary – нахвататься много иностранных слов, ходячий словарь);

c) “*Then he* ***wised up*** *and started gathering data”* [Birmingham, 2023]. (wised up – опомнился, поумнел);

d) “*I was really* ***cheezed off*** *at that time”* [UCLA, 2023] (to be cheezed off – быть на грани).

Реализация кратких фразеологических единиц отражает идеи престижности высшего образования, почетности членства в конкретном университетском сообществе, причастности к коллективу учёных и привилегированности членов представленного высшего учебного заведения. В

своей работе, посвященной фразеологизмам, А.А. Ергазина рассматривает данные языковые единицы как микротекст, отражающий культурный код народа и позволяющий «…донести огромный поток культурной информации, экономя языковые средства, но, при этом, не теряя всей глубины народной культуры, не растрачивая народный дух» [Ергазина, 2022, с. 71]. Подобной точки зрения придерживается Л.А. Бессонова, настаивая на том, что современные фразеологические единицы характеризуются информационной сжатостью в обозначении действительности, служат выразительно-эмоциональным языковым средством, а также являются языковыми культурными канонами [Бессонова, 2014, с. 68]. Мы согласны с мнением вышеназванных языковедов относительно того, что фразеологизмы, выступая в качестве кратких и емких вторичных номинативных единиц, значительно экономят языковые усилия говорящего:

a) *"There are no promises/vows in joining a book club. And sororities don't accept everyone who wants to join. They can be very selective. It's similar mentally to applying to college. Some are easier to get into than others. She obviously had what they were looking for. She was probably good looking, fashionable and had a good personality so it was easy for her to* ***make the cut*** *at the top sorority. Other people would have been rejected"* [Princeton, 2022]. *(make the cut – to succeed at something or meet a requirement; to be chosen out of a field of candidates or possibilities);*

b) *"Learn about fraternities and find out how* ***to pledge a fraternity****"* [Princeton, 2022]. *(to pledge a fraternity – to stand the trials in order to become a member of fraternity or sorority);*

c) *"After I passed the final exam, my teacher promptly* ***threw cold water on*** *my excitement by reminding me that I still have to go to summer school"* [Manchester, 2022]. (*to throw cold water on someone* – to temper the excitement or enthusiasm someone feels about something).

Фразеологические единицы оживляют повествование и служат действенным средством лаконизации речи, придают ей подчеркнуто энергичный тон, который выражает целеустремленность авторской мысли.

По своим структурным и семантическим характеристикам данные образования близки к речевым клише, которые естественным образом включены в материал по современной разговорной речи. В современном языкознании речевые клише рассматриваются как стандартные конструкции, обладающие устойчивостью и воспроизводимостью, употребляемые в конкретной речевой ситуации *(It's ok!; I bet; no doubt; I have a feeling; absolutely, etc.).*

Корпоративная культура высшего образовательного учреждения основывается на высоких этических стандартах, соответствующих образовательным и научным потребностям социума, а также становится активным проводником специфических ценностей, принципов и нужд государства [Chomsky, 1997]. Такую группу университетов представляют собой образовательные учреждения с репутацией академического превосходства, избирательности при приеме на учебу и на работу,

социальной элитарности. В данном случае широкое распространение получили имена собственные и окказионализмы, реализуемые в ходе характеристики указанных учебных заведений. Под окказионализмами понимаются речевые единицы индивидуально-авторского характера, созданные в тесной связи с контекстом [Земская, 2011, с. 239]. В подтверждение данного тезиса рассмотрим следующие окказиональные номинации современного англоязычного образовательного дискурса: *The Magnolia League, Little Ivies* и *Public Ivy*. *The Magnolia League* – неофициальный термин, который используется в США для сравнения южных университетов со школами северо-восточной Лиги Плюща, как правило, по академическому качеству или социальному престижу. *Little Ivies* – неофициальная группа небольших, академически конкурентоспособных частных гуманитарных колледжей на северо-востоке Соединенных Штатов. *Public Ivy* – это термин, впервые использованный американским писателем Ричардом Моллом, означает государственное учреждение, предоставляющее возможность обучения в университетах Лиги Плюща по цене государственной школы [Ричард, 1985]. Данные индивидуально-авторские окказионализмы вошли в язык и используются носителями английского языка для обозначения высокого стандарта образования, который является характерным для университетов Ivy League («Лига плюща» – ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США: Brown, Columbia, Cornell, Dartmouth College, Harvard, Princeton, the University of Pennsylvania, and Yale).

Стремление к экономии печатного текста находит выражение в обилии кратких предложений, свободных от чрезмерного использования терминологии, сложных конструкций, от высокопарности официального стиля общения:

– *“Some of the hardest languages for native English Speaker to learn?”*

– *“Mandarin? indeed, it is. The pronounciation makes the fine difference in the meaning.”*

– *“In days like this, I would like to be fluent in Latin. Dont ask why, there is no plausible reason.”*

– *“defo chinese because of how widely it's used, and as a bonus my relatives would be happy lmao”* [Manchester, 2024].

Вышеуказанный пример свидетельствует о том, что в студенческой чат-коммуникации письменная речь все более отчетливо выступает как эквивалент разговорной бытовой речи, для которой характерно особое использование глагольных форм: редкое использование причастий, употребление лаконичных времен группы Simple вместо группы времен Perfect, многие правила и законы морфологии при общении в сети Интернет теряют свою значимость, поскольку процесс виртуальной коммуникации неизбежно связан с изменениями норм английского языка: опущение апострофа, элиминация артиклей, вспомогательных глаголов, отсутствие согласования времен, пропуск модального глагола можно обнаружить практически в каждом тексте нашей выборки.

Данное исследование позволяет нам согласиться с рядом авторов, отмечающих передачу информации в образовательном Интернет-пространстве не только в виде текстов, но и с помощью невербальных символьно-графических информационных единиц, выражающих реальные эмоции, мимику и переживания [Мозговая 2018, с.126; Галичкина 2001].

В заключение необходимо подчеркнуть тот факт, что информационные технологии в настоящее время создают неограниченные возможности для межкультурной коммуникации. Люди во всех частях современного мира могут не только переписываться, разговаривать по телефону, но и обмениваться различными файлами (фото, аудио, видео) в режиме реального времени.

Навыки межкультурной коммуникации важны для продуктивного общения и взаимопонимания людей, живущих в современной «глобальной деревне», где уровень интеграции и взаимопроникновения культур велик. В британских и американских вузах учатся студенты разных национальностей, в том числе и русскоговорящие. В настоящее время большая часть общения между студентами и преподавателями происходит в сети Интернет.

Всё более актуальной становится проблема изучения Интернет-общения в лингвистике. Возрастает потребность более тщательного анализа языка Интернет-чатов для осуществления систематизированного, фундаментального исследования, посвященного многоаспектной виртуальной коммуникации на английском языке в условиях минимизации усилий, затраченных в единицу времени.

В результате проведенного анализа англоязычного образовательного дискурса представляется возможным сделать вывод о том, что коммуниканты на университетских образовательных площадках креативно реализуют возможности по преодолению пространственных ограничений в одном сообщении, используя разного рода сокращения. Высокая частотность использования аббревиации, различных видов неологизмов, окказионализмов, кратких фразеологических единиц, речевых клише также демонстрирует современную тенденцию экономии языковых ресурсов [Липгарт et al,. 2023; Самборук, 2022, с. 159].

Анализируя особенности межкультурной коммуникации студенческой молодежи в Интернете, необходимо отметить тот факт, что межкультурная коммуникация оказывает влияние не только на язык и культуру, но и влияет на образ жизни и ценностные ориентации молодежи [Голдобина, Стеценко, 2017, с. 46].

Таким образом, изучение, анализ и осмысление новых тенденций коммуникации в образовательной среде ставит актуальные задачи как перед лингводидактикой, так и методикой обучения иностранным языкам. В контексте новой компетентностной модели обучения иностранным языкам встаёт огромное количество вопросов об изменениях в подходах к изучению иностранного языка, в организации учебного процесса, а также в самом содержании образовательного процесса. Мы имеем в виду

значительное обновление требований к содержанию учебников и учебных пособий с учетом возрастающей роли учебной автономии в электронной информационно-образовательной среде со своими законами, способами и средствами коммуникации.

Список литературы

1. Бессонова Л.А. Современные фразеологизмы как фрагмент языковой картины мира // Карповские научные чтения : сб. науч. статей. Минск: ИВЦ Минфина. 2014. Вып. 8. Ч. 2. С. 68-71.
2. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): дисс. … канд. филол. наук. Астрахань, 2001. 212 с.
3. Голдобина В.В., Стеценко Т.И. Особенности межкультурной коммуникации в сети Интернет // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : материалы VI Международной научной конференции молодых ученых. Часть 1 : Современные лингвистические исследования. Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ, 2017. С. 44-47.
4. Ергазина А.А. Фразеологизм как микротекст и выражение культурного кода народа // Проблемы востоковедения. 2022. № 1 (95). С.71-76.
5. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта : Наука, 2011. 323 с.
6. Липгарт А.А., Вишнякова Е.А., Самборук Л.А. Языковая экономия в обучении английскому языку русскоязычной аудитории //Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 63-72.
7. Мозговая А.О. Эмотивные маркеры интернет-коммуникации (на примере интернет-сервиса Instagram) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2. Ч.1. С. 125–129.
8. Самборук Л.А. Средства языковой экономии в современном англоязычном образовательном дискурсе на разных уровнях языковой экономии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28. № 4. С. 154–159.
9. Тимошенко Т.Р. Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1975. 192 с.
10. Debatin B. Ethische Grenze oder Grenze der Ethik? Überlegungen zur Steuerungs- und Reflexionsfunktion der Medienethik // Aktuelle Entstehung von Öffentlichkeit. Akteure-Strukturen Veränderungen. Bentele G., Haller M. (Hrsg.). Konstanz: UVK. 1997. Pp. 281-290.
11. Floridi L. Information Ethics: On the Theoretical Foundations of Computer Ethics // Ethics and Information Technology. 1999. Issue 1 (1). P. 37-56.
12. Gorniak-Kocikowska K. The Computer Revolution and the Problem of Global Ethics // Science and Engineering Ethics. 1996. Issue 2 (2). P. 177-190.
13. Tat M.J., Azuma T. Remembering txt but not text: The effect of context and lexicality on memory for text message abbreviations // Applied Psycholinguistics. 2016. Vol. 37. Issue 2. P. 435-459.
14. The University of Birmingham. 2024. URL: https:// www.birmingham.ac.uk/study/student-experience/meet-our-students/chat-with-ourundergrads (accessed: 20.02.2024).
15. The University of Bristol. 2024. URL: https:// www.thestudentroom.co.uk/showthread.php?t=6675690 (accessed: 01.2024).
16. The University of Cambridge. 2024. URL: https:// www.thestudentroom.co.uk/ (accessed: 18.02.2024).
17. The University of Edinburgh, 2024. URL: https:// www.ed.ac.uk/studying/undergraduate/student-life/student-chat (accessed: 13.02.2024).
18. The University of Manchesterю 2024. URL: https:// www.manchester.ac.uk/study/chat-with-our-students/ (accessed: 03.02.2024).

5.6. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОСТАВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ МОДЕЛИ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКА

По мнению экспертов, важным компонентом профессиональной компетенции переводчика является техническая составляющая, которая предполагает владение соответствующими техническими средствами и в первую очередь – электронными [Вишнякова, 2011; Шевчук, 2013]. В настоящее время профессиональная компетентность переводчика [Вишнякова, 2005] предполагает и умение пользоваться электронными ресурсами для поиска и обработки информации, создание и оформление текста перевода. Этот момент особенно важен, поскольку сейчас переводчики пользуются Интернетом, компьютером и другими электронными средствами и в этом контексте появилась целесообразность говорить об автоматизированном переводе. Под автоматизированным переводом (англ. *computer-aided translation*) понимается перевод текстов с использованием компьютерных технологий. От машинного перевода он отличается тем, что весь процесс перевода осуществляется человеком, а компьютерные ресурсы лишь помогают ему произвести готовый текст, добиться результат с лучшим качеством и за более короткое время. Из такого понимания очевидно, что, в отличие от машинного перевода, где все задачи по переводу уже много лет с переменным успехом пытаются возложить на компьютер, в автоматизированном переводе главным звеном является человек-переводчик, который использует различные специализированные компьютерные программы для ускорения и повышения качества перевода. К таким программам можно отнести электронные словари, программы машинного перевода, программы проверки орфографии и грамматики, терминологические базы данных, алфавитные и тематические указатели и некоторые другие.

Простейшим компьютерным инструментом переводчика можно считать текстовые редакторы. Они, в свою очередь, также могут различаться по своей функциональности: от самых простых, вроде встроенных в операционную систему *Windows Блокнота* и его более функциональной версии *WordPad*, до так называемых текстовых процессоров – полноценных программ для написания, редактирования и оформления документов, таких, как *Microsoft Office Word*, *Apache OpenOffice Writer* и др.

Так как *Microsoft Office Word* является наиболее известным текстовым редактором и считается многими стандартом де-факто, на его примере рассмотрим возможности текстовых редакторов, упрощающие работу переводчика. Основным является набор средств, позволяющий редактировать текст и проверять его правописание более чем на 50 языках. Программы, входящие в пакет *Microsoft Office*, дают возможность находить и исправлять в тексте орфографические, пунктуационные, грамматические и стилистические ошибки.

Во время проверки орфографии *Word* просматривает текст документа (или выделенную область) и все слова сравнивает со словами, содержащимися в нескольких встроенных словарях. Если в тексте

документа содержится слово, отсутствующее в словарях, *Word* помечает его как содержащее орфографическую ошибку. Довольно часто под такие слова попадают специфические термины, фамилии людей, географические названия и т.д. При желании такие слова можно включать в словарь, при этом *Word* будет их «запоминать» и в будущем не будет помечать как ошибочные. Существует и обратная сторона медали. Word пропускает слова, которые написаны правильно с точки зрения орфографии, однако неверно используются в контексте. Например, «подоходный залог», вместо «подоходный налог». Функция проверки орфографии также выявляет и помечает в документе одинаковые слова, следующие одно за другим.

Функция проверки грамматики проверяет текст на соответствие грамматических и стилистических правил. Проверка грамматических правил выявляет такие ошибки, как неправильное использование предлогов, согласование слов в предложении, двойное отрицание (в английских предложениях), неоконченная часть предложения и т.д. Проверка стилистики позволяет выявлять в документе малоупотребительные, просторечные слова и выражения, пассивные конструкции, неправильное употребление слов, слишком длинные и сложные предложения.

Следует заметить, что по умолчанию проверка правописания происходит, как правило, в автоматическом режиме по мере набора и редактирования текста. При наборе текста Word подчеркивает красной волнистой линией слова, содержащие орфографические ошибки, и зеленой линией – грамматические и стилистические ошибки. Ошибки можно исправить, выбрав правильное написание из числа предлагаемых вариантов или открыть окно диалога для дополнительных параметров соответствующих функций (рис. 1 и рис. 2).

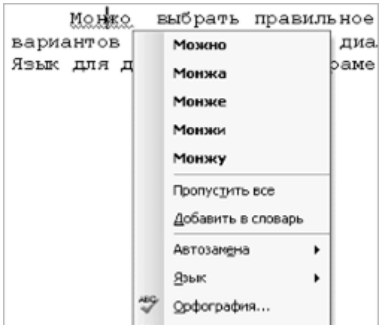


Рис 1. Контекстное меню исправления орфографических ошибок редактора Microsoft Office Word.

Помимо встроенных средств проверки правописания, для *Microsoft Office Word* можно использовать множество сторонних дополнений. Средин них можно выделить следующие:

- *English Writing Software* – комплекс надстроек для проверки грамматики, орфографии и стилистики;

- *Bullfighter* – надстройка для проверки правописания, синтаксиса и стиля текста, ориентированная в первую очередь на поиск жаргонизмов и проверку удобочитаемости текста;

- *ОРФО 2012* – программа проверки правописания, сертифицированная для русского издания *Microsoft Office*;

- *Spell Checker Ver. 2.1.0.115* – программа проверки правописания для большинства текстовых редакторов.

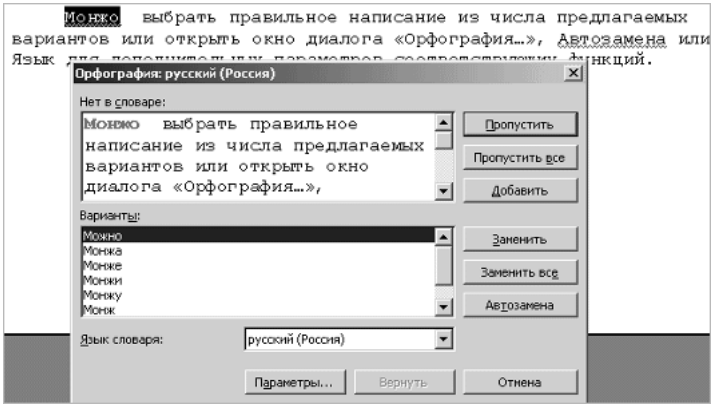


Рис. 2. Диалоговое окно исправления орфографических ошибок редактора Microsoft Office Word.

Следует заметить, что все вышеперечисленные программы и средства постоянно совершенствуются, однако переводчику не следует полностью на них полагаться. Такие программы могут оказаться малополезными при работе с определёнными авторскими стилями, включающими, например, сложные грамматические конструкции, неологизмы или архаизмы. По возможности, следует делать проверку текста самому по окончании набора.

Помимо программ проверки правописания в редакторе есть и другие интересные возможности.

Программа автоматического исправления обнаруживает и автоматически исправляет в тексте выявленные опечатки, неправильно написанные слова и грамматические ошибки.

Модуль автоматического составления реферата выявляет ключевые пункты в тексте и предложения с самым высоким рейтингом, после чего эти предложения автоматически сводятся воедино в форме реферата статьи, сообщения или научной работы. Стоит сказать, что данная функция полезна в основном в случае достаточно простых текстов с явно выделенными ключевыми моментами.

Полезной функцией является и «Рецензирование». Данная функция предназначена для автоматического отслеживания различий между двумя текстами. Таким образом, можно отследить изменения, сделанные в тексте после завершения работы над ним, что полезно, когда над одним текстом работает несколько человек.

Не менее интересной и полезной для переводчика функцией редактора *Word* является «Статистика». С её помощью можно определить объём конечного текста перевода и автоматически подсчитать количество слов и знаков в документе, как с пробелами, так и без них.

Пожалуй, наиболее важным инструментом любого переводчика является словарь. В эпоху массового развития компьютерной техники

бумажные издания словарей всё больше и больше сдают позиции своим электронным аналогам.

Как известно, все электронные ресурсы, в том числе и словари, можно условно разделить на две группы в зависимости от формы доступа к ним. Это онлайновые и офлайновые версии. Первые обычно размещены на веб-сайте, и для доступа к ним требуется постоянное подключение компьютера к Интернету, например, онлайновый словарь *Lingvo*. Вторые же скачиваются на жесткий диск, их можно просматривать в режиме офлайн, т.е. отключившись от Сети.

Электронные словари – это уникальный источник лексических (терминологических) ресурсов языка, а также переводческих соответствий для искомого слова при переводе. В отличие от обычных (книжных) словарей электронные лексикографические ресурсы содержат самую последнюю, новейшую лексику, более или менее оперативно пополняются новыми единицами и обеспечивают более быстрый поиск искомого слова. К тому же они фиксируют не только общеизвестные, но и принятые для внутриведомственного пользования лексические единицы, которые далеко не всегда печатаются на бумажных носителях.

Преимуществом электронных лексикографических источников, выгодно отличающим их от аналогичных печатных изданий, является удобство работы, более высокая скорость обработки информации и возможность оперативного импортирования найденного эквивалента непосредственно в текст перевода, а также портативность носителей информации.

Совершенно очевидно, что каждый из типов словарей – и электронный, и бумажный – имеет как преимущества, так и ограничения, недостатки. Тем не менее, по ряду причин переводчики отдают предпочтение именно первым.

Во-первых, электронные словари не столь консервативны, как бумажные, они постоянно обновляются и пополняются. Особенно это относится к отраслевым, узкоспециализированным словарям по таким перспективным и быстро развивающимся областям, как телекоммуникационные системы, нанотехнологии, компьютерная техника, автоматика, телемеханика и др. Бумажные словари этого типа быстро устаревают, не поспевая за научно-техническим прогрессом.

Во-вторых, электронные словари обеспечивают легкий доступ к лексикографическим ресурсам и более быстрый поиск специальной информации в различных сферах деятельности.

В-третьих, электронные словари, помимо прочего, допускают включение пользовательских словарей, их дальнейшее совершенствование и расширение, в том числе путем присоединения к базовой версии все новых и новых словарей, как, например, это делается в словаре *Lingvo*.

В-четвертых, электронные словари допускают возможность переключения направления перевода.

Наконец, важное преимущество электронных словарей – это удобство пользования, поскольку все ресурсы сосредоточены в одном

месте. Дополнительными преимуществами электронных словарей являются существенно более широкие возможности показа содержания словарной статьи, возможность частичного показа информации по разным критериям (различные «проекции» словаря), разнообразные графические средства, которые отсутствуют в обычных словарях, а также использование для доступа к содержанию различных лингвистических технологий, полнотекстовый поиск, распознавание и синтез звука.

В последнее время переводчики все чаще отдают предпочтение онлайновым словарям и глоссариям, поскольку они имеют целый ряд преимуществ по сравнению с лексикографическими электронными изданиями, работающими в режиме офлайн. Основные преимущества заключаются в следующем:

- наличие огромного количества онлайновых словарей и легкость доступа к ним;
- гораздо больший объем словаря, регулярное обновление, пополнение, расширение и модификация словарных баз составителями в режиме реального времени, что позволяет отразить самые последние изменения в лексической системе языка, как, например, это делается в словаре «*Мультитран*»;
- более высокая скорость, с которой ведется поиск информации;
- возможность одновременного комплексного поиска в нескольких словарях одновременно;
- разнообразие способов поиска лингвистической информации;
- наличие параллельных ссылок на иные онлайновые лексикографические источники;
- возможность использования функции «вырезать и вставить», т.е. копирования переводного эквивалента;
- возможность использования статистических данных, характеризующих употребление лексических единиц;
- отсутствие необходимости в дополнительном месте на жестком диске для хранения словаря.

В зависимости от количества привлекаемых языков электронные словари подразделяются на одноязычные, двуязычные (переводные) и многоязычные.

Имеется несколько больших словарей, каждый из которых в свою очередь включает целую коллекцию различных словарей (около 30), среди которых *Abbyy Lingvo, Multilex, Polyglossum, Context 7.0*. Они стали обязательным инструментом в арсенале средств профессионального переводчика английского языка, и сейчас уже трудно представить себе процесс перевода научно-технического или газетно-политического текста без применения этих словарей.

Помимо многоязычных электронных словарей существуют различные онлайновые и офлайновые версии одноязычных словарей-справочников и глоссариев, дающих возможность быстро уточнить тот или иной

термин в тексте. Такие словари могут пригодиться переводчику для следующих целей:

- для уточнения значений тех или иных слов и фразеологических словосочетаний (толковые словари, словари неологизмов, архаизмов, сленгизмов, фразеологических единиц);
- для поиска соответствующих синонимов, антонимов, гипонимов;
- при переводе терминов и терминологических сочетаний, цитат;
- для определения комбинаторных возможностей того или иного слова;
- для расшифровки аббревиатур.

Существуют различные электронные версии одноязычных словарей, которые значительно упрощают и многократно ускоряют поиск значений новых или незнакомых слов и выражений, синонимов, антонимов, гипонимов, а также облегчают расшифровку встречающихся сокращений. Одноязычные словари можно разделить на следующие группы:

- *энциклопедические (толковые) словари*, которые позволяют уточнить лексическое значение слов, примеры их использования. Существуют электронные версии таких известных словарей, как *«Толковый словарь русского языка»* С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, *«Толковый словарь живого великорусского языка»* В.И. Даля, «*Longman Dictionary of Contemporary English*», «*Oxford English Dictionary*» и многие другие.

Переводчику доступно огромное количество одноязычных словарей английского языка, в том числе по отдельным областям знаний, иногда даже очень узкой специализации. Термины и специальные слова несут огромную смысловую нагрузку в профессиональной коммуникации [Гринев-Гриневич, 2002; Суперанская, Подольская, Васильева, 2012; Шавкунова, 2004]. Б.Н. Головин определяет термин как слово или словосочетание, обозначающее специфическое профессиональное понятие и используемое в коммуникации в определенной сфере деятельности, такой как наука, техника, производство или управление [Головин, 1987]. Представляется возможным выделить следующие свойства термина:

1) специфическое использование – связанность термина с определенной сферой использования, поскольку он служит для обозначения понятий;

2) содержательная точность – ясность, ограниченность значения термина;

3) дефинируемость – специальное понятие имеет четкие границы, которые устанавливаются с помощью научной дефиниции, которая в то же время является определением значения термина;

4) независимость от контекста;

5) однозначность;

6) стилистическая нейтральность – термин не должен вызывать дополнительных ассоциаций;

7) конвенциональность – целенаправленный характер появления термина, когда необходимо обозначить новые понятия с помощью нового или тщательно выбранного из существующих лексических средств;

8) номинативный характер – в качестве терминов преимущественно используются имена существительные [Гринев-Гриневич, 2002].

Например, в области авиации разработаны терминологические словари международной гражданской авиации [Словарь английских сокращений и терминов по обеспечению международных воздушных перевозок, 2009], [Словарь по международной гражданской авиации. Эл. ресурс], электронные версии которых доступны переводчику и представляют собой ценнейший справочный ресурс. Терминология играет важную роль в области гражданской авиации и является неотъемлемой частью ее коммуникации и операций.

Как отмечают эксперты, современное развитие науки, техники, технологий способствуют быстрому обновлению терминосистем в различных сферах [Головин, 1987; Лейчик, 2005]. Она представляет собой систему специальных терминов и определений, которые используются для точного и единообразного обозначения различных аспектов авиационной деятельности, процедур и технических характеристик. Знание специализированной лексики является обязательным требованием для лиц, работающих в области управления воздушным движением. Международная организация гражданской авиации разработала нормативные документы по языковой подготовке и подчеркнула важность «языковой компетентности». В *«Руководстве по обучению персонала по использованию электронных средств для обеспечения безопасности воздушного движения»* предусмотрено использование установленного глоссария, включающего английские аббревиатуры с переводом на русский язык, а также требования к знанию и использованию терминологии в области управления воздушным движением [Руководство по обучению, 2011, с. 214].

Одним из важных компонентов языковой компетенции, способствующим высокому качеству перевода, является хороший стиль, и в этом плане к тексту перевода предъявляются такие требования, как ясность и недвусмысленность формулировок. Для переводчика очень важно уметь замечать малейшие стилистические нюансы и сомнительные места в своем переводе, критически оценивать его, глядя на него как бы со стороны, из третьей позиции восприятия в терминах нейролингвистического программирования. Именно в таких случаях могут оказаться полезными электронные издания стилистических справочников.

Руководство по стилю, или стилистический справочник (*Style Guide*) – это совокупность стандартов и требований, которые необходимо соблюдать при написании и оформлении статей в конкретном издании и документов в той или иной организации. Оно регулирует принятые в данном журнале, газете или организации правила форматирования страницы, размещения иллюстраций, регламентирует стилистические, грамматические, лексические и орфографические нормы публикаций и ставит целью выработать единые стандартные правила написания и оформления рукописей. Такие руководства по стилю имеются практически во всех крупных информационных агентствах и изданиях *(BBC, The Times,*

The Guardian, *РИАН*) и даже в некоторых известных во всем мире фирмах и корпорациях.

Стилистические справочники существуют как в бумажном, так и в электронном виде. Преимущество второго типа справочников заключается в том, что они, как правило, более доступны и обеспечивают более быстрый поиск необходимой лингвистической информации. Электронные стилистические справочники позволяют переводчику решать многие проблемы лексического, грамматического, стилистического и орфографического характера. Они дают возможность ориентироваться на определенные требования, которые предъявляются в тех или иных англоязычных информационных агентствах, например:

- *Common Errors in English* – справочник по наиболее частым фразеологическим ошибкам в английском языке, автор П. Брайан;
- *Guardian Style Guide* (полное название – *The Guardian, Observer and Guardian.co.uk style guide*) – справочник по стилю, принятый в британской газете Guardian;
- *Microsoft Manual of Style for Technical Publications* (2007) описывает основные стандарты по стилю технической документации, а именно – использование отраслевой терминологии, грамматические, орфографические и пунктуационные особенности стиля.

Однако, как отмечают эксперты, при всем разнообразии справочных и словарных ресурсов главная роль все же принадлежит лично переводчику, поскольку именно он, благодаря своим компетенциям и опыту, принимает решение о выборе эквивалента и приему перевода. Выбор зависит от профессионального опыта переводчика, его общего кругозора и специальных знаний в конкретной области. Процесс подготовки переводчиков не может обойтись без развития критического мышления и расширения базы фоновых знаний переводчика: «Практические занятия по техническому переводу также позволяют сформировать не только переводческие компетенции, но и дать студентам представления о тенденциях развития современной науки, расширить их кругозор, подтолкнуть к изучению информации в англоязычных источниках и применению знаний иностранных языков для сбора и обработки информации в конкретной технической области в форме рефератов и аннотаций» [Курбакова, Курбаков, 2024, с.166].

Важнейшим навыком работы с информацией, который должен развиваться и поддерживаться наряду с собственно переводческими компетенциями, это навык работы со справочными изданиями, в том числе электронными. Современные компьютеры позволяют быстро и эффективно осуществлять поиск необходимой информации.

Современные технологии предлагают и большие возможности по распознаванию текста.

Оптическое распознавание символов (англ. *optical character recognition, OCR*) – преобразование изображений рукописного, машинописного или печатного текста в текстовые данные. Распознавание

широко используется для конвертации книг и документов в электронный вид, для автоматизации систем учёта в бизнесе или для публикации текста на веб-странице. Оптическое распознавание текста позволяет редактировать текст, осуществлять поиск слова или фразы, хранить его в более компактной форме, демонстрировать или распечатывать материал, не теряя качества, анализировать информацию, а также применять к тексту электронный перевод.

В настоящее время существует несколько десятков программ для оптического распознавания текста:

ABBYY FineReader (*http://www.abbyy.ru*)**,** которую характеризуют:

- высокая точность и скорость преобразования документов;
- свобода от перепечатывания и переформатирования документов;
- улучшенная конвертация PDF файлов в редактируемые форматы;
- усовершенствованный интерфейс для повышения производительности работы;
- разделение пакета страниц на разные документы;
- улучшенное распознавание фотографий документов;
- поддержка 188 мировых языков;
- поддержка широкого спектра форматов сохранения результатов;
- создание электронных книг в популярных форматах fb2, ePub;
- инструменты для обработки изображений документов.

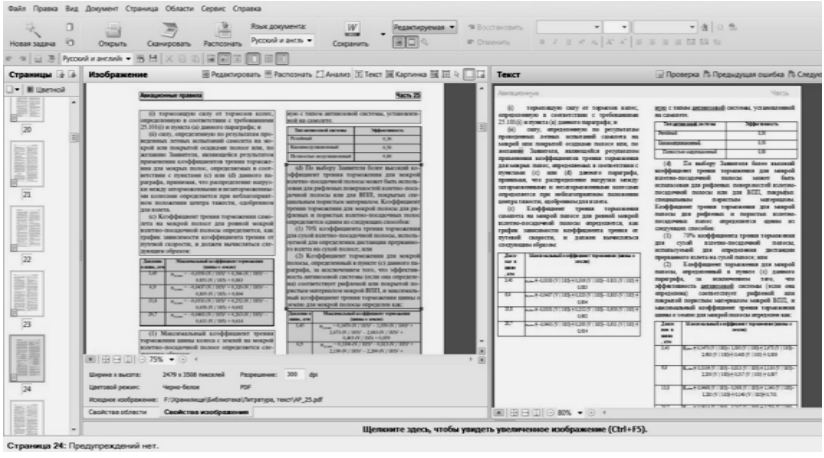


Рис. 3. Интерфейс программы ABBYY FineReader 11

В основе интерфейса программы находятся два больших окна (рис. 3). В левом отображается исходное изображение, а в правом – распознанный текст. FineReader автоматически и с весьма высокой точностью умеет разделять в разные группы (области) простой текст, таблицы, картинки и штрих-коды. Однако, если автоматическое определение по каким-либо причинам не устраивает (например, необходимо определить таблицу или

формулу как картинку, без распознавания), то в левом окне можно задать области распознавания вручную на каждой конкретной странице. В правом окне можно выполнить первичное редактирование текста (подправить плохо распознанные буквы и символы), после чего его можно сохранить в текстовом формате для дальнейшего редактирования. Стоит заметить, что программа показывает превосходные результаты в распознавании текста не только в случае PDF документов и отсканированных изображений с качественных бумажных источников, но и в случае, когда изображение нечёткое, выцветшее (например, старые книги или газетные статьи).

В настоящее время активно используются программы распознавания устной речи:

Dragon NaturallySpeaking / Dragon Dictate;
IBM Voice Type / ViaVoice;
Intelligent Voice Recognition System (IVOS) 2.0.2A;
Lernout & Hauspie Voice Xpress Pro (Version 5);
Phillips FreeSpeech 2000, MAC Speech;
Realize Voice 4.0;
Sakrament ASR и другие.

Например, варианты *Professional, Premium* программы *DNS* позволяют распознавать и выводить в печатном виде на дисплей экрана устный (диктуемый) текст перевода.

В устном переводе с помощью программы голосового ввода информации переводчик может в минимальные сроки надиктовать запись многочасовой беседы и преобразовать ее в электронный формат. Для этого требуется лишь в совершенстве владеть тематикой беседы и иметь хороший навык зрительно-устного перевода, т.е. перевода с листа. *DNS* требует тщательной подготовки к работе, а именно:

- адаптации системы к таким характеристикам голоса пользователя, как тембр, интонация и произношение (в последней версии *DNS* этот этап отсутствует, так как система привыкает к голосу по ходу работы);

- освоения и точного проговаривания основных голосовых команд;

- введения в память *DNS* звуковых образов специальных терминов, «привязанных» к определенной тематике;

- регулярной тренировки по использованию программы с целью постепенного наращивания скорости диктовки и точности распознавания текста.

Эта подготовительная работа занимает значительное время, но она крайне важна, и без нее применение программы будет неэффективным.

По мнению специалистов, основные преимущества программ по распознаванию речи заключаются в следующем:

- значительно сокращается физическая нагрузка на пальцы и запястья рук;

- более чем в два раза увеличивается скорость ввода информации по сравнению с традиционным способом печатания: некоторые программы

позволяют печатать тексты на английском языке со скоростью 120-180 слов в минуту;

- программу можно научить распознавать не только общеупотребительную лексику, но и специальную терминологию, использовать сокращения для ускорения ввода повторяющихся многокомпонентных словосочетаний.

Возможно, подобные программы целесообразно применять в письменном переводе комбинированным методом, оптимальным образом сочетая разные способы ввода информации – через голосовой канал, а в сложных случаях— с помощью клавиатуры.

Сегодня технологии позволяют использовать подобные программы в процессе печатания текста перевода в режиме диктовки, причем с достаточно высокой скоростью. Однако многие программы требуют от переводчика длительной тренировки, в ходе которой требуется кропотливая подстройка модуля распознавания речи с учетом тембра, интонации и произношения диктора. Это является основной причиной, почему эти программы не так часто используются переводчиками. Работа с текстами различной тематики требует перенастройки программы, на что уходит время. Таким образом, в данной области переводчики склонны использовать традиционные каналы восприятия и обработки текстов.

Развитие компьютерных технологий активно расширяет возможности переводчика путем создания программ, которые помогают переводчику быстро решать мелкие проблемы, часто встречающиеся в его работе, тем самым оптимизируя процесс перевода. Например, разработанная в текстовом редакторе *Word* опция «Статистика» не способна точно подсчитать общее количество знаков или слов в тексте перевода: она «игнорирует» сноски, верхние колонтитулы, слова и символы в надписях и подписях в текстовом окне, замечания и дополнительные пояснения в конце документов; она не может применяться для определения объема текста в файлах формата PPT. В таких случаях переводчику рекомендуется использовать следующие программы, обеспечивающие быстрый автоматический подсчет количества слов, символов (с пробелами и без), строк и страниц в документах различных форматов:

AnyCount (версия 7.0) автоматически подсчитывает количество слов, знаков, строк и страниц в файлах таких стандартных форматов, как doc, rtf, xls, ppt, pps, htm, csv, pdf, txt (всего 35 форматов) и автоматически разархивирует zip-файлы;

Practicount and Invoice используется для определения полного объема файлов, созданных в Microsoft Word, Excel, PowerPoint, WordPerfect, форматов html и pdf.

По сути, эти программы являются способами автоматизации процесса перевода, а именно, по поиску информации и решению часто повторяющихся переводческих задач. Например:

QuoteTransProof – полный подсчет общего количества знаков в файлах Microsoft Word, включая сноски, примечания и прочее, а также

подсчет стоимости выполненного перевода и технического редактирования;

PdfCharCount600 **–** - аналогичная функция подсчета знаков в файлах формата pdf и определение стоимости перевода;

Translator **–** эта программа выполняет поиск в тексте всех дробных чисел, разделенных запятой, и заменяет запятые на точки в документах на английском языке. Известно, например, что в русской традиции принято писать *30 000,* а в английской – *30,000.* Также с помощью программы можно заменить обычный пробел между цифрой и единицей на неразрывный пробел и т.д. Об этих и подобных макросах можно прочесть на странице *Useful Word macros* сайта *Tips & tricks for translators.*

Современные разработки предлагают возможности автоматического расширения отдельных слов, типичных фраз и предложений до полной формы. Наряду с использованием функции «автозамена» можно использовать такие программы, как *LetMeType, IntelliComplete Professional, Assistant typist, AutoComplete*. Подобные программы-расширители (автозаполнители) автоматически анализируют вводимый печатный текст и запоминают наиболее повторяющиеся слова и словосочетания. Спустя некоторое время уже по первым двум или трем напечатанным буквам они распознают, какое именно слово печатает переводчик, и позволяют восстановить его в полной форме путем нажатия одной-единственной клавиши. Применение подобных программ позволяет сэкономить время и значительно повысить скорость печатания при переводе. Кроме того, стоит упомянуть и программы по конвертации единиц измерения (*Unit Converter, Units Of Measure 1.2, Versaverter, Convert-me.com, Conversion & Calculation Center),* которые используются для перевода метрических величин в неметрические и наоборот.

Особую проблему для переводчика представляет преобразование файлов из одного формата в другой. Для ее решения используются специальные программы и макросы, например:

ABBYY PDF Transformer **–** универсальная программа, позволяющая конвертировать любые pdf-документы в редактируемые форматы;

Acrobat 7 Standard или Professional **–** преобразование файлов pdf в Word и html;

ePrint File Converter Software – преобразует файлы из одного формата в другой;

PDF Converters (Extraction Tools) – преобразует в pdf любые часто используемые форматы, например, doc, ppt и др.;

Solid Converter —преобразование файлов pdf в Word.

Следует заметить, что существующие сегодня программы-расширители пока далеки от совершенства и имеют некоторые ограничения и недостатки. Все они, как правило, требуют достаточно долгого времени на освоение. В этой связи стоит вновь указать на ведущую роль переводчика при выборе вспомогательного электронного средства – использование таких ресурсов должно быть целесообразным и

эффективным. Использование электронных помощников нисколько не умаляет важности прочных знаний и практических навыков поиска эквивалентов для достижения адекватности перевода, которые заложены в трудах В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 2013], А.В. Федорова [Федоров, 2002] и других представителей отечественной школы переводоведения.

Список литературы

1. Вишнякова Е.А. Интернет как область лингвистического моделирования (на материале английского языка). Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 6 (101). С. 112-119.
2. Вишнякова О.Д. Структурно-содержательные аспекты деятельности профессионального переводчика // Акмеология. 2005. № 3. С. 63-66.
3. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987. 103 с.
4. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М., 2008. 304 с.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода: лингвистические аспекты: учеб. для студентов институтов и факультетов иностранных языков. Репр. воспроизведение изд. 1990 г. М.: Альянс, 2013. 250 с.
6. Курбакова С.Н., Курбаков А.В. Знания, навыки, умения в современном техническом переводе / В сборнике: Интеграция педагогической науки и практики в контексте вызовов XXI века. Сборник статей III международной научно-практической конференции. Калуга, 2024. С.162-167.
7. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. 3-е изд. М., 2009. 256 с.
8. Руководство по обучению. Часть Е-2. Персонал по электронным средствам для обеспечения безопасности воздушного движения (ATSEP). Doc. 7192. ИКАО. 2011. 214 с.
9. Словарь английских сокращений и терминов по обеспечению международных воздушных перевозок. Сост. И.О. Тычкова. М., 2009. – 368 с.
10. Словарь по международной гражданской авиации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://airspot.ru/library/book/icao-doc-9713-slovar-pomezhdunarodnoy-grazhdanskoy-aviatsii-ikao (дата обращения 06.01.2024)
11. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. 6-е изд. М., 2012. 248 с.
12. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учебное пособие М.: Высшая школа, 2002. 303 с.
13. Шавкунова Л.В. Авиационный английский. Aviation English Fundamentals for pilots: Ульяновск, 2004. 159 с.
14. Шевчук В.Н. Информационные технологии в переводе. Электронные ресурсы переводчика – 2 / В.Н. Шевчук. М.: Зебра Е. 2013. 384 с.

ГЛАВА 6. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ОБЛАСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

6.1. «КИТАЙСКИЙ КОНТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Каждая отдельная область культуры, в частности, изобразительное искусство, музыка и т.д. несет в себе значительный потенциал того культурного опыта, который был накоплен как человеческой цивилизацией в целом, так и представителями отдельных наций и народностей. Особое место в рамках накопления и осмысления культурного опыта человечества отводится художественной литературе, изучение которой, в том числе – посредством сопоставления литературных произведений разных эпох между собой, позволяет выявить «культурный код» народа.

Особый интерес применительно к постижению русской культуры представляет изучение отечественной литературы XIX – начала XX столетия, так как именно этот период получил название «золотого века русской литературы» (XIX в.) и «золотого века русской поэзии» (начало XIX в.). В свою очередь, начало XX столетия в истории русской литературы также было отмечено литературными течениями, возникновение которых во многом являлось обусловленным переоценкой ценностей, осознанием нецелесообразности развития литературной мысли согласно направлениям предшествующих литературных эпох. К числу указанных литературных направлений относились символизм, акмеизм, футуризм и некоторые другие, творчество основоположников которых ознаменовало собой обновление русской поэзии. Между тем, не только сопоставление отдельных произведений русских поэтов и писателей в плане их творчества позволяет проследить эволюцию отечественной художественной литературы, выявить основные идеи и направления развития последней, тем самым, определив ее потенциал с точки зрения накопления культурного опыта. В немалой степени реализации культурно-аккумулятивной функции русской литературы способствует выявление в произведениях авторов различных эпох конкретных направлений, синтез которых, фактически, обусловил формирование «тематических текстов» в рамках русской художественной литературы.

В литературоведческих исследованиях рубежа XX–XXI вв. фокус внимания ученых достаточно часто был сосредоточен на изучении различных вариантов так называемых «тематических текстов». Последние, в свою очередь, представляли собой литературные произведения, объединенные определенной темой, в основе которой лежало описание «топоса», иными словами, места, в рамках конкретного культурного ландшафта, обладавшего именем, или топонимом. При этом в качестве идеального начала для топоса следует рассматривать именно топоним, который, в силу присущего ему свойства отражения конкретного типа места, способен транслировать материальные характеристики художественного про-

странства. Подобным образом возникали «петербургские», «московские», «венецианские», а также другие «тематические тексты».

В то же время, «тематические тексты» могли конструироваться вокруг конкретной личности, жизнь и деятельность которой также были связаны с культурной сферой (например, А.С. Пушкин, Н.С. Гумилев и т.д.). Такие «тематические тексты» также назывались «именными», либо «персональными». В результате, они принимали участие в конструировании определенного контекста в сознании реципиента вне зависимости от способа его восприятия (зрительного или слухового), а также активно применяли для формирования требуемого образа ассоциации, характерные для конкретной культуры. Необходимо отметить, что сам термин «текст» применительно к «тематическим текстам» употребляется в том значении, которое вкладывали в него Ю.М. Лотман [Лотман, 1996], а также постструктуралисты [Барт, 1989]. В соответствии с данным подходом, текст есть составляющая единого целого, при этом имеющая собственную внутреннюю организацию и обладающая связью со множеством не только подобных текстов, но также и других феноменов, относящихся к сфере культуры, неоднократно пересекающихся между собой [Ильин, 1999, с. 97-105]. При подобном подходе к анализу сущности текста, он, фактически, является «точкой пересечения» огромного количества связей, играющих интегративную роль в области ценностей и смыслов, свойственных мировосприятию автора и реципиента. Текст, таким образом, объединяет последних, наряду с литературой в целом, равно как и иными проявлениями духовной и материальной культуры. Для филологической науки характерно рассмотрение таких текстов в качестве «сверхтекстов», посредством которых выражается комплекс высказываний, объединенных темпорально и локально, а также через внутреннее содержание и в рамках конкретной ситуации, характеризующихся достаточно «цельной модальной установкой» и «определёнными позициями адресанта и адресата» [Купина, Битенская, 2004, с. 214-233]. «Сверхтекст» есть некая система, интегративным началом которой выступает конкретная ценностно-смысловая позиция, определенные соотносимые с ним культурные образы и внетекстовые условия (в частности, элементы предметной выразительности). «Сверхтекст», таким образом, следует понимать как комплекс связанных между собой разнообразных текстов, каждому из которых присущи определенные особенности и внесение своего рода особой ноты в общую логику изложения.

В сфере изучения потенциала художественной литературы применительно к накоплению культурного опыта особое место отводится тематике Китая в произведениях русских авторов. Безусловно, интерес русских писателей к теме Китая был во многом обусловлен спецификой историко-культурного пути развития этой страны, а также характером ее взаимодействия с внешним миром. В свою очередь, комплекс таких произведений можно именовать «китайским текстом». Последний, в свою очередь, позволяет составить достаточно полноценное представление о

Китае, так как включает сведения о его истории, географии, культуре, в частности, литературе и философии, благодаря которым воспроизводятся характерные особенности жизни китайского народа.

Между тем, в формировании «китайского текста» участвуют не только описания этой страны, отражающие ее основные характеристики (население, климат и т.д.), но и в первую очередь особенности ее культурной сферы (национальные, религиозные и философские идеи, транслируемые китайской литературной традицией).

Применительно к русской литературе «китайский текст» вмещает в себя произведения, посвященные путешествиям (в частности, работы Н.М. Пржевальского [Пржевальский, 1948], П.П. Семенова-Тян-Шанского [Семенов-Тян-Шанский, 2003], Д.Г. Янчевецкого [Янчевецкий, 1903] и др., в которых присутствуют описания поездок по Китаю), разнообразные мемуарные (преимущественно составленные русскими эмигрантами) и переводные произведения (часто переводы с китайского языка на русский могли иметь вольный характер). На рубеже XIX–XX столетий «китайскому тексту» удалось уверенно войти в русскую литературу, в связи с чем стать сопоставимым с другими пространственными аналогами: «петербургскими», «московскими» и подобными текстами.

Формирование и укрепление «китайского текста» в русской литературе объяснялось, с одной стороны, культурными различиями России и Китая, с другой – теми чертами, сравнение которых позволяло выявить специфику исторического и культурного развития каждого из указанных государств. Благодаря формированию «китайского текста», российские авторы, равно как и их аудитория, более ясно представляли себе перспективы развития российского государства, его специфику, на глубинном уровне осознавали роль отдельной личности применительно к конкретному периоду исторического развития России и ее социума, особенности русско-китайских взаимоотношений. Необходимо отметить, что наличие в сфере конкретной культуры подобного текста представляется возможным только тогда, когда имеет место соответствующий культурно-исторический контекст. Если в традиционном понимании термин «контекст» включает в себя физические, общественные, исторические и культурные реалии, в рамках которых протекает то или иное явление или процесс, применительно к понятию «текст» номинация «контекст» предполагает не только некие исторические и культурные условия, но также определенные представления читательской аудитории относительно конкретной территории – в данном случае, Китая (языка народа, специфики природных и климатических особенностей страны, ее культуры и т.д.). При этом указанные представления не обязательно должны иметь объективную природу: они могут быть мифологичными, далекими от реальности. Указанный контекст, входящий в систему приобретенных фоновых знаний, в свою очередь, следует рассматривать в качестве «китайского контекста», который создает почву для восприятия авторского

текста реципиентом, во многом определяет содержание «тематического текста», формируя его характерные особенности.

В силу незначительности культурного взаимодействия российского и китайского народов в те времена основным источником формирования представлений русских поэтов и писателей об этой стране выступали оригинальные тексты, переводимые ими на русский язык самостоятельно (в том случае, если они были знакомы с китайским языком), либо уже готовые переводы. В частности, многие русские авторы, затрагивавшие «китайскую» тематику в своих произведениях, не имели личного опыта посещения этой страны. Из числа представителей русской поэзии Серебряного века в качестве примера можно привести Н.С. Гумилева, никогда не бывавшего в Китае. Между тем, его цикл «Фарфоровый павильон» имеет подзаголовок «Китайские стихи». В своем творчестве Н.С. Гумилев обращается к переводной литературе – сочинениям китайских поэтов Ли Вэя, Юань Цзэ, Цзяо Жаня, Чжан Жо-Сюя и др. С точки зрения Е.Ю. Раскиной, «фарфоровый павильон» в произведениях Н.С. Гумилева – это «… некое огражденное сакральное пространство, «рай земной», представляющий собой отражение рая небесного» [Раскина, 2008, с. 93]. Возможно, одной из причин подобных описаний Китая автором являлась его физическая недостижимость, граничащая с интеллектуально-духовной непостижимостью, желанием окунуться в культуру далекой страны, глубже постичь ее специфику, в том числе – на контрасте с особенностями русской культуры.

Наряду с Н.С. Гумилевым творчество других поэтов Серебряного века позволяет говорить о формировании этностереотипов, связанных с Китаем. В частности, в известном стихотворении М. Цветаевой, повествующем о женщине, которую разлюбили («Вчера еще в глаза глядел…») фигурирует выражение «равнял с Китайскою державою» [4, с. 168]. В данном случае, так как в стихотворении М. Цветаевой речь идет об утраченном чувстве, можно заключить, что «Китайская держава» в духовном смысле понимается автором как нечто великое. Вероятно, такое понимание Китая, было стихотворным отражением представлений современников о величии загадочной «поднебесной». В свою очередь, указание на то, что Китай является именно «державою» представляет собой следствие присутствия стереотипов в сознании русских людей, касающихся значительной численности китайского населения, проживающего как на территории самой страны, так и за ее пределами [Цветаева, 1989, с. 203]. В этой связи возвышенность и всепоглощающая сила состояния любви могут быть сопоставимы исключительно с «Китайскою державою».

Накопление культурного опыта отечественной художественной литературой, таким образом, представляет собой процесс, выходящий за рамки русского «культурного кода». Китайская культура также проникала в русскую литературу посредством публицистических произведений, мемуаров (преимущественно в воспоминаниях путешественников и

русских эмигрантов), и, наконец, произведений, в которых представлены мотивы, либо сюжеты, имеющие отношение к китайской культуре [Красноярова, 2021, с. 224]

Особенность проникновения китайских элементов» в русскую литературу определяется, прежде всего, экзотичностью данной страны по сравнению с другими «топосами», с которыми русские поэты и писатели имели возможность более длительного и близкого ознакомления. Как следствие, для русского читателя особенно остро стоял вопрос восприятия «тематических текстов», посвященных Китаю, а также их интерпретации, чему, в свою очередь, способствовал «китайский контекст» в российской литературе. Необходимо отметить, что «китайский контекст» в XIX в. конструировался русскими писателями и, как следствие, транслировался читателями посредством других текстов. Одной из главных составляющих «китайского контекста» применительно к русской культуре и, в частности, русской литературе, выступали размышления о ходе исторического развития российского государства (в рамках сопоставления с Китаем), в особенности – с конца XIX столетия и до начала XXI в.

Лишь в недавнее время начали издаваться научные работы, в которых предметом исследования являлся «китайский текст», «китайский контекст», а также в целом «образ Китая в русской литературе». Между тем, конструирование «китайского контекста», т.е. представлений русских авторов о китайском государстве, культуре и повседневном укладе его жителей, во многом зависело от характера двусторонних отношений между странами.

Формирование устойчивого интереса российской стороны к Китаю, хронологически относящееся к XVIII столетию, совпало по времени со стремлением европейских государств глубже познать историю и культуру далекой страны. Между тем, в данный период Китай продолжал оставаться закрытым для развития широких международных контактов. В этой связи источником большей части сведений, которые получала о китайском государстве русская читательская аудитория, являлась переводная китайская литература. Начиная с XVIII столетия для российского читателя появилась возможность ознакомления с произведениями китайских авторов через использование языков-посредников (в частности, английского, французского, маньчжурского и т.д.). Следует отметить, что Д.И. Фонвизин выполнил перевод одного из важнейших с точки зрения постижения китайской культуры текста «Да сюэ» («Великое учение») в 1779 г. именно с французского языка [Фонвизин, 1779]. Не только в XVIII столетии, но также на протяжении всей первой половины XIX в., Китай продолжал оставаться страной, закрытой для иностранных визитеров и не развивавшей внешнеполитических отношений как со странами Европы, так и с российским государством.

Между тем, Китай не создавал препятствий для пребывания на его территории представителей духовного сословия из других государств. В частности, в 1715 г. в России была сформирована и направлена в столицу

Китая Пекин специальная Духовная миссия. Ее пребывание в Пекине позволило сформировать базу для российского китаеведения, а также стремительного развития отечественной школы перевода [Головин, 2013, с. 4]. В свою очередь, публикации о китайском государстве, а также переводы текстов китайских классиков являлись основой заинтересованности русской читательской аудитории в постижении китайской культуры и цивилизации, что, в свою очередь, способствовало конструированию своего рода первоначального «китайского контекста», в дальнейшем расширявшегося по мере накопления представлений русских писателей и читателей о Китае.

Значительное пополнение представлений русских людей о жизни китайского народа было осуществлено уже в первой половине XIX столетия. В частности, фокус внимания российских исследователей в этот период был сосредоточен на исторических сочинениях, позволяющих русской читательской аудитории сформировать достаточно полноценное представление об историческом развитии китайского государства, а также выстроить определенные параллели с исторической судьбой России. В силу неуклонного роста интереса к «китайской» тематике российских поэтов и писателей, и, как следствие, их читателей, «китайский контекст» все более расширялся за счет сведений, позволяющих глубже постичь исторический путь китайского народа. Вместе с тем, объем текстов, которые являлись бы источниками информации о повседневной жизни и быте китайцев, в первой половине XIX столетия был не столь значителен. В качестве примера можно привести публикацию 1832 г. в альманахе «Северные цветы», который издавался А.С. Пушкиным, перевода фрагмента из китайского романа XVII столетия «Хао цю чжуань» («Счастливый брак») без указания авторства [Бичурин, 1980]. В свою очередь, на страницах журналов, например, такого крупного периодического издания европейской литературы, политики, культуры и философии, как «Вестник Европы», в первой половине XIX в. также периодически встречались описания путешествий по восточным странам, переводы произведений местных поэтов и писателей. При этом наибольшей популярностью у русской читательской аудитории пользовались такие описания путешествий, в которых значительное место отводилось экзотическим характеристикам китайского государства, а также оригинальным сюжетам. Издания, аналогичные «Вестнику Европы», позволяли формировать у русских читателей определенный комплекс представлений о Китае, которому свойственно было понимание самобытности исторического пути данного государства. Между тем, проблемы и переживания представителей китайского народа понимались как аналогичные тем, что испытывали русские люди. Знаковым с точки зрения формирования «китайского контекста» в русской литературе было выделение в рамках восточной тематики собственно темы Китая в 1830 г. В числе хронологически первых произведений, которые на данном этапе участвовали в формировании «китайского текста», можно, в частности,

привести роман-утопию В.Ф. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма» (1835 г.) [Одоевский, 1926], а также ироничные «китайские произведения» О.И. Сенковского [Сенковский, 1839].

Вместе с тем, произведением, завершающим формирование «китайского контекста» в русской литературе в первой половине XIX в., был «географический роман» И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада». В произведении, написанном в 1855-1855 гг. и опубликованном в 1858 г., автором был представлен образ Китая, который, в отличие от предшествующих произведений, был сконструирован не из отдельных характеристик и особенностей жизни в китайском государстве, но имел комплексный характер. В тексте «Фрегата «Паллады» автор уделил внимание китайскому национальному характеру, в числе основных черт которого он отметил прилежное отношение к труду, доброжелательность и смирение, честность, а также почтительность, выражаемую китайцами по отношению к своим родителям. В свою очередь, сравнение И.А. Гончаровым представителей китайского и английского народов позволило автору сделать следующее заключение: «Не знаю, кто из них кого мог бы цивилизировать – не китайцы ли англичан?» [Гончаров, 1986, с. 236]. При этом в романе И.А. Гончарова впервые была определена значимая характеристика «китайского текста» в русской литературе, обусловившая его стремительную трансформацию в «контекст»: для русских авторов и их читательской аудитории «Китай» представлял интерес не только и не столько вследствие слабой изученности и экзотичности его культуры, традиций и обычаев местного населения, но также вследствие того, что китайское государство, его исторический путь развития, с одной стороны, противопоставлялся российскому, с другой стороны – мир китайского человека во многом был схож с миром русских людей. По заключению Ю.М. Лотмана, произведение И.А. Гончарова, фактически, «… концентрирует внимание не на том культурном пространстве, которое пересекает путешественник, а на восприятии путешественником этого пространства» [Лотман, 2002, с. 747]. В результате, можно заключить, что китайская культура представляла такой пример «чужого», который был необходим русским писателям и их читательской аудитории для осмысления собственной культуры, частью контекста которой и стала культура китайская. В свою очередь, характеристики, которыми наделяет И.А. Гончаров в тексте «Фрегата «Паллады» китайский народ, во многом являлись следствием утверждаемой в Китае в течении не одного столетия идеологии конфуцианства. Именно конфуцианское наследие играло роль определяющего начала в отношении характера и специфики китайской цивилизации. По мнению одного из крупнейших представителей отечественного китаеведения Н.Я. Бичурина, составившего «Статистическое описание Китайской империи», в Китае понятие «религия» предусматривает собственно вероучение, иными словами, характерный «… образ мыслей в отношении к богопочитанию и нравственности». На данном основании можно заключить, что все религии, существующие на

территории Китая, следует именовать цзяо («изложение обрядов и нравственного учения той или иной религии»). По мнению Н.Я. Бичурина, в китайском государстве существуют три народные религии, а именно: «религия ученых», «религия даосов», а также «религия фоистов» [Бичурин, 1842, с. 62]. С точки зрения автора, конфуцианство следует определять как «религию ученых». Конфуцианству отводится большая роль с точки зрения понимания менталитета китайского народа русскими поэтами и писателями, а также их аудиторией. В свою очередь, трудолюбие, смирение, усердие как основные качества, присущие китайскому народу, имеют в своей основе уважение к старшим (не только к родителям, но также к старшим по возрасту, званию, положению), являющееся одним из постулатов конфуцианского учения.

Наконец, принципиально новый этап в расширении российского культурного опыта в рамках темы Китая в русской литературе начался со второй половины XIX столетия. Необходимо отметить, что статьи, публикуемые в этот период отечественными исследователями Востока, содержали сведения не только об историческом развитии китайского государства, но также информацию о его современном состоянии, развитии философии и религии, природно-климатических особенностях, а также обычаях и традициях не только китайского, но и соседних народов. Данные произведения были написаны с использованием ярких, художественно насыщенных элементов письменной речи и публиковались в периодических изданиях, имевших широкую читательскую аудиторию. К их числу следует отнести такие журналы, как «Известия Императорского Русского Географического Общества», «Современник», а также ряд газетных изданий, например, «Северную пчелу», «Биржевые ведомости», «Голос» и т.д.

Следует отметить, что в процессе конструирования «китайского контекста» в русской литературе особую роль сыграли произведения Л.Н. Толстого. Далекая страна, в первую очередь, привлекала писателя торжеством высокодуховных ценностей, глубиной философской мысли, доминированием внутреннего содержания человека над его внешней репрезентацией. Благодаря европейским переводам китайских авторов, в 1884 г. из-под пера Л.Н. Толстого вышло «Изложение китайского учения», где им кратко была передана сущность трактата «Да сюэ» («Великое учение»). В тот же год автор начал трудиться над трактатом «Китайская мудрость. Книги Кон-фуцы». По мнению Л.Н. Толстого, работы китайских авторов являлись своего рода ориентиром для русского человека в плане духовных изысканий, успешно аккумулирующим в себе особенности восприятия «своей» и «чужой» культуры, в процессе постижения которых русский человек способен был найти свой истинный путь, обратиться к истокам важнейших духовных ценностей.

Таким образом, подводя итоги рассмотрению художественной литературы в ее понимании в качестве сокровищницы культурного опыта и связующего звена эпох и культур, необходимо отметить, что культурный потенциал русской литературы сравнительно шире, нежели простое

накопление национальных ценностных и духовных представлений. Посредством заинтересованности русских поэтов и писателей в постижении культуры «другого», русская культура обогащалась представлениями о культуре народов Востока, в частности, Китая. В свою очередь, восприятие китайской культуры через призму русской культуры определило связующую роль художественной литературы по отношению к культурам различных эпох и народов.

Как следствие, формирование представлений русских писателей и их аудитории об истории китайского государства, его культуре, обычаях и традициях, повседневном укладе китайского народа происходило на основе преимущественно переводных текстов китайских авторов, а также ряда самостоятельных произведений русских поэтов и писателей, в которых раскрывались указанные особенности жизни населения Китая. В свою очередь, сопоставление произведений отдельных российских авторов, в которых раскрывается тема Востока (Китая), способствует, с одной стороны, формированию представлений о ее эволюции в русской художественной литературе XIX – начала XX в., а с другой стороны – о расширении отечественного культурного опыта, аккумулированного посредством русской литературы. Как следствие, китайская тематика в произведениях русских поэтов и писателей исследуемого периода является не только глубинным отражением культуры, обычаев и традиций «другого» народа, а своего рода преломлением авторских представлений о русской культуре, осмыслением последней через призму «культуры другого».

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр., сост., общ. ред. и вступит. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
2. Бичурин Н.Я. Отрывок из китайского романа «Хау-Цю-Джуань, т.е. Беспримерный брак» // Северные цветы на 1832 год / Издание подгот. Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1980. С. 34-52.
3. Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. С приложением географической карты на пяти листах: В 2 ч. СПб.: Тип. Э. Прада, 1842. 268 с.
4. Вчера ещё в глаза глядел / Цветаева М. Через сотни разъединяющих лет … / Коммент. А.А. Саакянц. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. 371 с.
5. Головин С.А. Российская духовная миссия в Китае: Исторический очерк. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. 284 с.
6. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: в 2 т. / Изд. подгот., [примеч. сост.] Т.И. Орнатская / Отв. ред. Д.В. Ознобишин. Ленинград: Наука: Ленингр. отделение, 1986. 879 с.
7. Ильин И.П. Постструктурализм // Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США: концепции, школы, термины: справочное издание / Науч. ред.: И.П. Ильин, Е.А. Цурганова; Отв. ред. А.Е. Махов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНТРАДА (INTRADA), 1999. 319 с.
8. Красноярова А.А. Китай в русской классической литературе // Исследователь года 2021. Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса. Петрозаводск, 2021. С. 222-231.
9. Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности / Человек – текст – культура: коллективная монография / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. Екатеринбург: АО – «Полиграфист», 2004. 235 с.

10. Лотман Ю.М. История и типология культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 768 с.
11. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / Вступ. ст. М.Л. Гаспарова. СПб.: Искусство-СПБ, 1996. 846 с.
12. Одоевский В.Ф. 4338-й год: Петербургские письма / Ред. и вступ. ст. О. Цехновицер. М.: Огонек, 1926. 64 с.
13. Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки: Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима / Под ред., со вступ. ст. «Второе тибетское путешествие Н.М. Пржевальского» и примеч. Э.М. Мурзаева. М.: Географгиз, 1948 (16-я тип. треста «Полиграфкнига»). 366 с.
14. Раскина Е.Ю. Образы китайской культуры в творчестве Н.С. Гумилева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4-2. С. 93-97.
15. Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань: с приложением очерков «Небесный хребет и Заилийский край» и «Сибирь» / Предисл. Н.Г. Фрадкина. М.: Эксмо, 2013. 473 с.
16. Сенковский О.И. Фаньсу, или Плутовка горничная: Китайская комедия знаменитого Джин-Дыхуэя // Библиотека для чтения. 1839. Т. 35. Отд. II: Иностранная словесность. С. 53-140.
17. Фонвизин Д.И. (пер.). Та-гио, или Великая наука, Примечание на Та-гио // Академические известия. 1779. Май. Ч. II. С. 59-101.
18. Чжэн Гуанцзе. Семиотика Китая и ее отражение в современной русской литературе // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 4. № 2. С. 202-206.
19. Янчевецкий Д.Г. У стен недвижного Китая: Дневник корреспондента «Нового края» на театре военных действий в Китае в 1900 г. / Сочинения Д. Янчевецкого; 100 портр., 250 рис.-фот., 8 фототип., 2 хромолитогр. и 2 пл. 7 рис. художника И. Смукровича. СПб.; Порт-Артур: П.П. Артемьев, 1903 (обл. 1900) (Санкт-Петербург). 618 с.

6.2. СОВРЕМЕННЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ РАССКАЗ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Последние публикации в журналах произведений англоязычной художественной литературы впечатляют разнообразием имен молодых писателей и представляемых ими культур: Каран Махаджан (американский писатель индийского происхождения), Лин Ма (китайско-американская писательница), Теджу Коул (американский фотограф и писатель нигерийского происхождения), Хан Онг (американский писатель родом из Республики Филиппины), Саид Сайрафизаде (американский писатель с иранскими корнями) и т.д.

Обратимся к современному американскому рассказу, отражающему проблемы миграции, культурной адаптации и ассимиляции иммигрантов в современном глобальном мире. Несмотря на заметную разницу в форме, деталях сюжета и композиции, рассказы «Настоящая Маргарет» Карана Махаджана и «Утка по–пекински» Лин Ма, обнаруживают примечательное сходство. Хотя первый рассказ представляет собой воспоминания молодой женщины по имени Мира о своем неудачном браке, а второй рассказ делится на шесть частей, по-разному освещающих тему «Утка по-

пекински», главные героини обоих произведений переезжают в другую страну вслед за своими мужьями – в Лондон и штат Юта, соответственно, оставляя в Индии и Китае свою семью, своих родителей.

Уже в первом абзаце рассказа «Настоящая Маргарет» автор раскрывает суть истории: главная героиня Мира, живущая в Индии, вспоминает, как приехав в Лондон за своим супругом Рави, она узнает, что у него там есть другая жена.

“Meera was recalling the tragedy of her first marriage. Married off to an Indian doctor in 1959, she had moved to London only to discover that her new husband, Ravi, already had a wife in the city.”

Далее следует описание ее жизни в Лондоне до скорого возвращения на родину к своему отцу, развода и второго замужества. Рави продолжает ей писать, говоря о своей любви. Его письма и вызывают воспоминания о времени, проведенном в Лондоне.

Мира родом из уважаемой, хорошо обеспеченной семьи – ее отец ушел в отставку с поста министра в правительстве Неру. И хотя девушка любит своего отца и братьев, получив хорошее образование, она возлагает большие надежды на новую жизнь в Лондоне, стремится открыть и познать мир за пределами родной страны.

Каран Махаджан выбирает местом действия Лондон, поскольку в конце 50-ых годов город еще продолжал восстанавливаться от последствий второй мировой войны, но уже предвкушал перемены 60-ых [Davidson, 2023].

В день прибытия в Лондон Рави признается Мире в том, что женат на англичанке по имени Маргарет, у которой есть дети от первого брака. Можно предположить, что Маргарет работает медсестрой в больнице, где Рави устроился врачом. Сначала Рави обещает Мире расстаться с Маргарет, но в итоге живет на два дома. Мира уходит от него, когда Рави начинает разговор о совместных детях. По приезде Миры в Индию брак аннулируется по согласию обеих сторон и Мира выходит замуж за человека старше нее, с которым у нее нет ничего общего. На письма Рави из Лондона она не отвечает.

В течение года, проведенного в Лондоне, Мира пытается привыкнуть к более холодному климату, более экономному образу жизни, более откровенным нарядам девушек, более свободным нравам. Она обращается за помощью к троюродному дяде, живущему в столице, но тот не готов вмешиваться в проблемы молодой семьи и пытается оправдать поведение Рави свободными нравами английских женщин.

Маргарет остается загадкой для Миры, хотя билеты Рави на транспорт и аптечные рецепты для детей помогают определить район проживания второй семьи супруга. В поисках Маргарет Мира начинает исследовать и узнавать город; гуляя по Лондону, она рассматривает подчеркивающие фигуру наряды девушек.

Когда Рави заводит разговор о ребенке, Мира выставляет свое условие – их встречу и знакомство с Маргарет, но сбегает из Англии,

продав свои золотые браслеты (свадебные подарки) накануне организованной Рави встречи. К этому времени она уже разочарована в своем супруге, который сломлен борьбой двух женщин и уже не похож на обаятельного доктора с чувством юмора, за которого она выходила замуж.

В чужой стране Мира сравнивает английскую и индийскую культурные традиции, отмечает английскую сдержанность, собранность и обходительность Рави, его изящную речь, его английский рационализм, но выбирает большую шумную семью своего отца, которая одновременно дает чувство уверенности и покоя.

В рассказе «Утка по–пекински» Лин Ма главной героиней является мать студентки, изучающей словесно-художественное творчество в одном из американских университетов. Будучи родом из Китая, молодая женщина отправилась за своим мужем в штат Юта, оставив хорошо оплачиваемую престижную работу, поскольку супруг писал в Америке докторское исследование по математике. Два года они жили в США без дочери, которая оставалась в Китае со своими бабушкой и дедушкой.

Так как стипендии супруга не хватало на содержание семьи, молодой женщине пришлось помогать зарабатывать на жизнь, выполняя неквалифицированную работу, начиная с уборки помещений, заканчивая ролью няни в состоятельной семье, живущей в большом доме с красивым видом на лес. Из клининговой компании она ушла, поскольку считала требование мыть пол, стоя на коленях, унизительным. Работа няней выявила другие уязвимые места жизни иммигрантов в Соединенных Штатах. Оставшись в доме в уединенной местности с двумя детьми, чужим ребенком и своей дочерью, героиня была вынуждена дать отпор навязчивому продавцу чистящих средств, который без приглашения прошел в дом на кухню и потребовал накормить его уткой по-пекински. Непросто было сохранить достоинство и избежать конфликта с незнакомцем, чье поведение было напористым и вызывающим, неся при этом ответственность за двух малолетних детей, но молодая женщина справилась с задачей. Она тянула время до возвращения хозяйки. Из имеющихся в доме продуктов она сумела приготовить блюдо, которое сошло для незнакомца за традиционную китайскую кухню.

По возвращении хозяйки продавец чистящих средств сбежал, услышав шум в гараже. Приезд хозяйки спас молодую женщину от угроз незнакомца, который намекал на незавидную судьбу коммунистов в США и требовал ответить, является ли она членом Коммунистической партии Китая. Однако допрос незнакомца сменился допросом хозяйки: что случилось в доме в ее отсутствие и как такое могло произойти. Убегая, незнакомец оставил на кухне беспорядок. Более того, по правилам найма няне не разрешалось брать хозяйские продукты из холодильника. Далее последовало предложение сделать на кухне уборку, на что няня ответила отказом. Она убирала за ребенком по собственной инициативе, стараясь лучше выполнять свои обязанности, но требование убрать за вторгшимся в дом незнакомцем, представлявшем угрозу для нее и детей, героиня

посчитала неуместным и унизительным. Отказавшись делать уборку на кухне, героиня потребовала от приехавшего за ней супруга тут же отвезти ее с дочерью домой, рискуя потерять так необходимую всей семье работу.

В обоих рассказах желание и попытки адаптироваться к новым условиям, к новому обществу, сталкиваются с необходимостью сохранить лицо и достоинство в критических обстоятельствах. Примечательно, что при всех различиях рассказов Карана Махаджана и Лин Ма главными героинями произведений становятся молодые женщины – наиболее уязвимые из иммигрантов. В рассказе «Настоящая Маргарет» Миру подводит не только супруг, но и ее троюродный дядя, проживающий в Лондоне, который не желает вмешиваться в проблемы молодой семьи. Только третья попытка Миры сбежать из Лондона становится успешной. В первый раз она пишет письмо отцу и, не раскрывая настоящей причины отъезда, ссылаясь на проблемы со здоровьем, сообщает о желании уехать из Англии домой. Однако согласно индийским традициям отец отвечает не Мире, а Рави, который в итоге обвиняет жену в трусости и нежелании обсуждать возникшие проблемы вдвоем. Сам Рави, работая врачом, считает себя способным содержать две семьи. Второй раз Мира меняет решение об отъезде после разговора с дядей, не получив поддержки члена семьи. В третий раз ей помогает с отъездом подруга, дочь хозяйки дома, в котором Мира живет со своим супругом.

Узнав настоящую причину отъезда Миры, ее отец принимает сторону дочери и вступает в переговоры с семьей Рави о разводе. Только после развода Мира вынуждена выйти замуж за человека старше себя, с которым у нее нет ничего общего: “It was understood that she had to go back into the world, even if it was as damaged goods”. Лишенная счастья жизнь в Лондоне сменяется ненамного более удачным браком в родной стране: “And so the shambles of London gave way to the shambles of India – a more lower-middle-class existence than she’d ever imagined, a union with a man she had nothing in common with, and who, strangely, had no interest in her famous family and instead asked her questions about England, as if she had been there for her studies rather than for a wreck of a marriage”.

Но во втором браке у Миры есть сын, которому она дает имя Ананд, что значит «счастье», «радость». Таким образом, Мира находит счастье на родине в браке без любви, организованном ее отцом. Анализируя, почему Рави выбрал в жены именно ее, Мира выдвигает предположение, что, возможно, это случилось из-за ее гибкости, уступчивости – “pliability”: “But of course it was this very charm that allowed Ravi to imagine he could maintain two wives, two selves; what he had seen in her was not her intelligence, she thought now, but her pliability – why else would he have been reckless with someone from a famous family, when he could have found a nobody who might have been grateful for even half or a quarter or a fifth of an Indian doctor?” В другом отрывке появляется контекстуальный синоним прилагательного “pliable” – “accommodating” («любезный», «сговорчивый»): “And it occurred now to Meera that Margaret could very well

have directed Ravi into this sham marriage, that Margaret might have even explained to him the type of Indian lady who'd be most accommodating…"

Похожая лексика появляется и в рассказе «Утка по–пекински» Лин Ма: "meek" – «кроткий», «смиренный»; "submissive" – «покорный», «послушный», «смиренный», – что является типичными характеристиками женшин из данных культур. В четвертой части рассказа историю о няне-китаянке анализируют и оценивают на семинаре студенты, воспитанные в других условиях и не представляющие себе тех проблем, с которыми сталкиваются женщины из среды иммигрантов, например: "Yeah," he says. "Like, when the salesman invites himself inside, she just goes along with it. She's very passive. It fits into representations of these meek, submissive women we see all the time. It's unrealistic".

От обеих героинь общество ожидает покорности и смирения, но они не забывают о чувстве собственного достоинства. Рави же описывается в рассказе «Настоящая Маргарет» как человек, потерявший себя: "He was a divided person, *he really was two people*…" Его переезд в Лондон как будто привел к появлению новой личности. Привлекает внимание и тот факт, что оба автора различного происхождения подчеркивают сложность укоренения в новой стране. Объясняя свой союз с Маргарет, Рави говорит: "You must realize, Meera, it was a very difficult circumstance for me. When a man is cast away from home, he needs an anchor to keep his ship in port". Тот же образ якоря используется и в рассказе «Утка по–пекински» Лин Ма: "Sometimes I think the landscape of Utah is the most beautiful I have ever seen. This view may be the only thing that anchors me to this job, to this new life my husband insists on pursuing". Если для Рави «якорем» в чужой стране стала Маргарет, то для героини рассказа «Утка по–пекински» – это красота природы и пейзажей штата Юты, его девственные леса, откуда выбегают к людям олени, которых она видит из окна дома своих работодателей.

Исследователи не раз отмечали значимость отдельного слова как единицы языка для произведений словесно-художественного творчества. Если в научных текстах базовая единица – это синтагматические последовательности, устойчивые словосочетания, характерные для языка науки, научного описания, то в художественной литературе это, конечно, отдельное слово [Alexandrova, 2007; Гюббенет, 2010]. Особое значение в литературно-художественном тексте приобретают наиболее важные для передачи его идейно-художественного содержания ключевые слова. Так, например, исключительно значимым для выбранных нами произведений является прилагательное "tough" («сильный», «крепкий», «суровый»). В рассказе «Настоящая Маргарет» Карана Махаджана слово "tough" появляется в описании Миры и ее сестер: *"Doesn't everyone say the Kukreja girls are like boys, tough and individualistic and educated, and didn't he agree to send me five thousand miles away?"* Это же качество позволяет Мире покинуть родину в поисках себя. В рассказе «Утка по-пекински» Лин Ма "being tough" – это обязательное качество иммигранта, необходимое для выживания в чужой стране, особенно для женщин: "My mother is smiling

incongruously. “But, see, you’re not tough. You need to be tough. He was just a silly man. You made him seem almost dangerous”.

Обе героини не изменяют себе. Мира возвращается в Индию, не решившись окончательно связать себя с Рави общим ребенком. Героиня рассказа «Утка по-пекински» демонстрирует внутренний стержень, отказываясь выполнять унизительные для себя требования своих работодателей. Мира, выбирая между двумя культурами, в итоге возвращается в свою семью. Вторая героиня находит способ вписаться в чужую культуру, не изменяя себе.

Примечательны имена собственные в обоих рассказах. Начнем с имен персонажей [Комова, 2012, с.116]. Мира, в переводе с санскрита, означает «океан», «предел», «граница». Неслучайно Мира готова выйти за пределы свой культуры и расширить свой кругозор, свои перспективы через брак с живущим в Лондоне Рави и общение с новой реальностью. Любопытно, что имя Маргарет тоже связано с морской стихией и означает «жемчужину». Сама Маргарет в повествовании не появляется: о ней рассказывает Рави; Мира пытается представить себе Маргарет, которая так и остается для нее загадкой. В поисках Маргарет Мира знакомится с Лондоном и его обитателями. Она пытается понять согласие Маргарет на новый брак Рави, угадать ее мотивы, представить себя на ее месте. В определенный момент она заявляет, что она и есть Маргарет: *“…I’m losing my mind, I am doubled now, too. I now have the gift or the curse of being inside everyone, like my husband does, and it is because I can’t bear to be inside my own self—I’ll be anyone but me. I’ll even be my enemy, Margaret, because in fact we are one”*. В другом контексте Мира заявляет, что у нее много общего с Маргарет: *“She and I have more in common than most women…”* Таким образом, заглавие рассказа «Настоящая Маргарет» можно понимать по-разному. Это и загадочная англичанка, которая так и не появляется в повествовании, но это также и какая-то сторона Миры, влюбившейся в галантного сдержанного доктора, чей английский рационализм бросается в глаза. Имя Рави значит «солнце».

В отличие от главных персонажей Карана Махаджана, персонажи Лин Ма вводятся в повествование без имен. Имена даются второстепенным персонажам, например, студентам семинара, которые читают рассказ о няне-китаянке. Это становится возможным благодаря повествованию от первого лица. От первого лица пишет студентка факультета искусств. От первого лица дается и ключевое для нас повествование о событиях, случившихся в доме, где ее мама работала няней. Здесь на первый план выходят различия между двумя произведениями. Каран Махаджан интересуется отношениями мужа и жены, Лин Ма – отношениями матери и дочери. Причем в самом рассказе «Утка по–пекински» имеется комментарий, что если от сына мать в лучшем случае может ожидать восхищения, то с дочерью можно надеяться на близость и понимание: “When I first learned that I was having a daughter, everyone in the family was so disappointed. In China, a boy is always better, if

you're going to have one child. But me, I was secretly happy. A boy, at best, can adore his mother, but a girl can understand her. When the doctor told me it was a girl, I thought, Now I will be understood. That was my happiest moment. The idea of a daughter". Но имена матери и дочери в рассказе опущены, как будто для того, чтобы превратить единичный случай, личный опыт в более широкое обобщение.

В целом Индия предстает в рассказе Карана Махаджана как страна с традиционно культурой, где родители ожидают от детей послушания в любом возрасте, где браки заключаются с одобрения всей семьи ("arranged match/ marriage") и поэтому более прочные, где семьи большие и много детей. Поэтому, если в семье много дочерей, их непросто удачно выдать замуж, им непросто дать хорошее образование. После неудачного замужества в общество можно вернуться, только потеряв преимущества своего класса, сменив социальное положение. При этом Англия описывается как страна, где у человека больше свободы. Хотя при этом чувства и эмоции принято подавлять и контролировать. Неудивительно, что большинство внесений из хинди в англоязычный текст – это термины родства: behnjis (золовка), bitiya (дочь), beti (дочь), papaji (папа) [Webtran]. Так, например: "But, when Meera started crying and told him the whole story, he said, "Oh, my bitiya, this is my mistake, you've run all this way –"

"No, Papaji, it's my fault," Meera said, crying. "I should have known."

Индийские термины родства появляются в диалогах; они, как представляется, проникнуты теплотой взаимоотношений и пониманием обязанностей членов семьи в индийской культурной традиции. Троюродный дядя Миры ("one of those doting third-cousin-ish father figures") использует в разговоре с ней обращение «дочка», как и ее отец, что, по-видимому, является особенностью восточной культуры: "He sat at the edge of his cigar-scented sofa with its dirty white lace cover. "Beti, what would your papa think?"

В речи Рави, однако, те же термины родства используются с иронией и сарказмом [Филиппова, 2005], как будто подчеркивая его отказ от родной культуры и ценностей и его ассимиляцию в новой окружающей среде.

"And see it from Margie's perspective. She's agreed to share me with you out of *deference* to my culture. When she could have easily said no and thrown a fit, as you have. But you see, these English women, they're practical, not entitled like you upper-class Indian behnjis". Еще пример: "If your dear Papaji had taken the time to investigate, if he didn't have ten other children to marry off, he would have seen it instantly".

Примечательно на этом фоне использование английских слов "husband" и "marriage". Рави говорит, что может быть мужем Миры лишь на половину: "I can only be half a husband," he declared. "I owe a responsibility to this woman. You see, when I was lonely and sad in this new country, she was of great . . . assistance . . . to me, and I am like a father to her two children…"

Похожим образом используется и слово “marriage”: “in their hot-water flat (small, as befitting a half marriage).” Обобщает неудачный опыт брака Мира словами: “She lasted a year. But, when she thought later of what one year meant against an entire life, it was nothing. She had almost accepted half a life *as* her life”. Последнее описание “half a life”, вероятно, отражает не только обман Рави, но и неспособность Миры прижиться на чужой почве.

Китай в рассказе Лин Ма предстает как культура, которая избегает крайностей и стремится к балансу и равновесию. Мама в разговоре с дочерью избегает однозначных ответов на прямые вопросы. Ответная реплика звучит как способ уйти от ответа, не связав себя какими-либо обязательствами. При этом есть четкое представление о необходимости сохранения своего лица, о человеческом достоинстве. Например: “My mother helps herself delicately to a bite of pea shoots, then the smelt. “Do you think the food is good here?” I ask her.

“I like simple food,” she says, neither confirming nor denying.”

При этом значимым может быть даже молчание. Свои сокровенные мысли няня-китаянка раскрывает незнакомцу, которого она больше никогда не увидит, не обсуждая важные вопросы ни с мужем, ни с работодателями, ни даже с дочерью. Хотя мечта ее сбылась, с дочерью у нее полное понимание – достаточно одного взгляда. Если мать не говорит о сложностях адаптации к новой культуре, дочь признается в том, что свои проблемы она обсуждает со своим психотерапевтом. Привычка замалчивать проблемы в детском и подростковом коллективе требует решения уже во взрослой жизни. Эта американская черта проговаривать все отрицательное, что с тобой случилось, остается непонятной матери. Общаясь с дочерью, она пыталась акцентировать положительный моменты жизни в новой стране: “The worst part was how my mother used to encourage me to lie to her, to pretend how great things were. She would phrase her questions like “You’re popular at school, right?” or “You have a lot of friends, right?,” priming me to answer the way she wanted... She needed to believe that I was thriving in the U.S., that my happiness came at the cost of hers, rather than acknowledge the fact that we were both miserable in this country together”.

Определенными знаками индийской и китайской культур становятся географические названия, внесенные в англоязычный текст. Джайпур, город, где Рави и Мира проводят несколько дней своего медового месяца, вместе с Дели и Агрой образует Золотой треугольник, популярный туристический маршрут, демонстрирующий природное разнообразие Индии. Амритсар, город, откуда родом Рави, расположенный на северо-западе Индии в штате Пенджаб – место встречи индуизма и ислама. Фучжоу, город в субтропическом Китае, где с бабушкой живет рассказчица «Утки по–пекински». Чанша, город в провинции Хунань, где расположен один из старейших университетов Китая. Именно в город Чанша отправляется любитель восточных боевых искусств Марк Зальцман (часть первая рассказа «Утки по–пекински»), который преподает там английский язык и позже пишет свои мемуары под названием «Железо и шелк». Один

из учеников Зальцмана сдает эссе на тему «Самый счастливый момент моей жизни», в котором описывает званый обед в Пекине, где подавали утку по-пекински. Как оказалось, он представляет в эссе не собственный опыт, а рассказ своей жены, побывавшей на этом обеде: “First we ate cold dishes,” he read, “such as marinated pig stomach and sea slugs. Then we had steamed fish, then at last the duck arrived! The skin was brown and crisp and shiny, in my mouth it was like clouds disappearing.” He recounted other courses of the Peking-duck dinner: the duck skin in pancakes with sauce and scallions, the meat with vegetables, the duck-bone soup and fruits”.

Автор «Утки по-пекински» использует этот пример, для того чтобы поднять тему авторства текста и его бытования, когда одна и та же история пересказывается разными людьми: историю китаянки, побывавшей на приеме, где подавали утку по-пекински, сначала пересказывает ее супруг, потом Марк Зальцман в своих мемуарах, потом героиня рассказа Лин Ма, прочитавшая эту книгу. Утка по-пекински, блюдо, впервые приготовленное для императора в XIV веке, стало в XX веке символом не только китайской кухни, но и, шире, китайской культуры. Автор развенчивает культурные штампы и стереотипы, показывая, что блюдо, сложное в приготовлении и достаточно дорогое, и сегодня остается недоступным предметом мечтаний для многих китайцев. В рассказе само понятие «Утка по-пекински» приобретает новое, более широкое понимание, выступая как нечто необычное, экзотическое, самобытное, репрезентирующее высокий экзистенциальный уровень.

Очевидно, что помимо «утки по-пекински» в рассказе Лин Ма появляются и другие блюда китайской кухни, представленные и как заимствования, и как в разной степени ассимилированные иноязычные внесения в англоязычный текст (об открытости современного английского языка, например, в отличие от древнеанглийских диалектов, иностранным заимствованиям см. работы О.А.Смирницкой [Смирницкая, 2021]; Тер-Минасова, 2000). Утка по-пекински вновь упоминается в рассказе Лин Ма, когда рассказчица приглашает свою маму в китайский ресторан в Америке, известный превосходным качеством этого блюда. Однако, обедая в этом ресторане, рассказчица и мама заказывают другие блюда, поскольку им обеим не нравится жирное мясо утки. Они заказывают рис, соевый тофу, корень лотоса, побеги бамбука, тофу с фаршем и острым соусом, корюшку с перцем, оставаясь верными своим предпочтениям: “The teen-age waiter returns with the appetizers and the main dishes together, setting down mock-chicken bean curd, lotus root, garlic pea shoots, mapo tofu, and salt-and-pepper smelt sprinkled with tiny diced jalapeños”. Как уже отмечалось, тема «Утки по-пекински» поднимается еще раз, когда ворвавшийся в дом незнакомец требует от няни-китаянки подать ему какое-нибудь китайское блюдо. Молодая женщина отвечает, что не готовит блюда китайской кухни, но может предложить ему что-нибудь другое. В ходе диалога незнакомец просит утку по-пекински и ряд других блюд, которые подают в китайских

ресторанах США: “moo shu” (свинина му шу), “egg foo young” (омлет фу янг).

Ассимилированная английским языком китайская лексика появляется в речи продавца моющих средств как знак определенных культурных стереотипов. Примечательно, что написание этих блюд в английском языке может варьироваться: moo shu pork/ mu shu/ moo shi pork; egg foo young/ egg fooyung/ egg foo yong/ egg foo yung/ or egg fu yung. Необычные буквосочетания (и сочетания звуков), а также вариативность написания сигнализируют, что перед нами заимствования, еще не полностью ассимилированные английским языком (о когнитивной силлабике, фонотактике и фонестемике см. работы С.В.Дечевой и Т.Б.Назаровой [Дечева, 1998; Назарова, 2010]). Курсивом в тексте рассказа «Утка по–пекински» выделено китайское слово, обозначающее мороженое, поскольку рассказчица впервые пробует его в США и пытается сравнить реальные вкусовые ощущения с тем представлением о мороженом, которое сформировалось в субтропическом климате Фучжоу (реальный вкус немного разочаровывает). Снег и мороженое – самые яркие воспоминания рассказчицы из детства: “There is, however, *bing ji ling*, which up until this point I have seen only on TV”. Если в центре рассказа «Настоящая Маргарет» Карана Махаджана – семейные ценности, что подчеркивают вносимые в текст индийские термины родства, обыгрывая тему «Утки по-пекински», Лин Ма помещает это всем известное блюдо в контекст других блюд китайской кухни, что помогает автору развенчать некоторые стереотипы и штампы.

Интересно также сравнить этот список блюд со списком торговых марок производителей продуктов, которые няня-китаянка находит в холодильнике и кладовой особняка, где она работает, и по которым рассказчица изучает английский язык: “…Minute Maid orange-juice concentrate, Yoplait strawberry-banana yogurt, Farley’s Dinosaurs Fruit Snacks, Lay’s potato chips, Surfer Cooler Capri Sun, Lunchables…” Различные бренды сока, йогурта, чипсов, фруктовых закусок – один из многих знаков потребительской культуры американского общества. Китайские внесения в англоязычный рассказ не являются частотными, возможно, потому что няня-китаянка так и не освоила в совершенстве английский язык и предпочитает говорить на китайском, а ее дочь, наоборот, уже не может свободно говорить на родном языке, будучи воспитанной в США и получив там среднее и высшее образование. Примечательно, что проблемы повествования устами иммигранта, когда, с одной стороны надо обозначить имеющиеся языковые трудности, а с другой, добиться повествования благозвучного и понятного читателю, обсуждаются в самом рассказе, в рамках семинара творческого письма (часть четвертая): стоит ли использовать китайский английский (“Chinglish”), вариант английского языка, созданный под влиянием китайского языка: “Others in workshop echo some of Thom’s sentiments about the inherent awkwardness of rendering the experiences of such a

character in English, but there's no consensus on how to solve this issue. Someone suggests that it could be written in Chinglish instead, but another student counters that this would play into stereotypes. "Using Chinglish would exaggerate the character's inarticulateness, and flatten her into an immigrant trope". Таким образом, заглавие рассказа «Утка по-пекински» позволяет автору поднять вопросы адаптации китайских иммигрантов к американской культуре, развенчать ряд культурных стереотипов и одновременно исследовать проблемы авторства текста и его онтологии.

В заключение следует подчеркнуть, что сложности адаптации и ассимиляции иммигрантов в новом обществе показаны в двух рассказах на примере женских судеб, на примере наиболее уязвимого слоя иммигрантов. Географические названия, названия туристических достопримечательностей позволяют менять место действия, а также показать, как работает человеческая память. Имена персонажей, термины родства, особенности национальной кухни, быта и климата помогают создать художественные образы отличных друг от друга национальных культур. Важность семейных уз и семейных ценностей в культуре Индии противопоставлены рационализму и индивидуализму Англии. Гибкость и мудрость китайского мировоззрения успешно противостоят агрессивности и прямоте американского подхода. В целом, обращение к межкультурной проблематике позволяет авторам данных произведений, наряду с целым рядом других, продемонстрировать и тот факт, что культурная адаптация в новых условиях осложняется имеющимися языковыми трудностями. Вкрапления в англоязычный текст лексики индийских и китайских языков и диалектов отражают тесную связь героев с родной культурой и открытость английского языка по отношению к иностранным заимствованиям.

Список литературы

1. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации художественного текста. 2-ое изд. Москва: URSS: ЛИБРОКОМ, 2010. 204 с.
2. Дечева С.В. Когнитивная силлабика. Москва: Диалог-МГУ, 1998. 215 с.
3. Комова Т.А., Гарагуля С.И. Имя личное в англоязычном культурно-историческом пространстве. Москва: URSS, 2012. 160 с.
4. Липгарт А.А. Лингвопоэтическое сопоставление: теория и метод. М, 1994. 276 с.
5. Назарова Т. Б. Современная английская филология. Семиотические проблемы. 3-ье изд. Москва: URSS: ЛИБРОКОМ, 2010. 212 с.
6. Смирницкая О.А. История английского языка. Москва: МАКС Пресс, 2021. 382 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
8. Филиппова М.М. Ирония и сарказм в английском языке и культуре. М.: МАКС Пресс, 2005. 102 с.
9. Alexandrova O.V., Komova T.A. Modern English Grammar: Morphology and Syntax. M: Изд-во МГУ, 2007.
10. Davidson W. Karan Mahajan on Immigration and the Self // The New Yorker. August 2023. URL: https://www.newyorker.com/books/this-week-in-fiction/karan-mahajan-08-14-23 (accessed: 10.01.2024)
11. Webtran. Online Translator. Online Dictionary. URL: https://www.webtran.ru/translate/hindi/from-russian/ (accessed: 10.01.2024)

6.3. ИЗ ЖИЗНИ АВТОРСКИХ РЕЧЕНИЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ ХУДОЖНИКА СЛОВА: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

I am, by calling, a dealer in words; and words are, of course, the most powerful drug used by mankind. Not only do words infect, ergotise, narcotise, and paralyse, but they enter into and colour the minutest cells of the brain …

R. Kipling

Обсуждая межкультурное измерение влияния литературных произведений на современников и потомков, нельзя обойти вниманием такой аспект этой проблематики, как цитирование. В литературоведении давно стало общим местом утверждение о том, что чтение художественного произведения представляет собой акт со-творчества автора с внимательным и подготовленным читателем: «Читатель не только «читает» «писателя», но и творит вместе с ним, подставляя в его произведение все новые и новые содержания. И в этом смысле можно смело говорить о «сотворчестве» читателя автору» [Виноградов, 1971, с. 8)[1]. Естественной составляющей такого сотворчества является усвоение (а нередко и присвоение) читателем не только привлекшей его мысли художника слова, но и той формы, в которую она была облечена в исходном тексте, с последующим более или менее точным воспроизведением того и другого уже в собственной речи, в иных обстоятельствах и контекстах. Цитирование первоисточника, особенно подхваченное узусом и приобретшее массовый характер, неизбежно сопровождается разнообразными модификациями оригинала – перетолковыванием, обыгрыванием, контекстуальной адаптацией смысла, нарочитым или случайным искажением формы, изменением функции и пр., и пр., что предоставляет богатый материал для изучения проблем инвариантности и варьирования с позиций филологической топологии [Полубиченко, 2017а; 2017б, с. 48-74; 2018; Полубиченко, Андросенко, 1989; Корнеева, 2008; Сурганова, 2010 и др.].

Надо признать, однако, что межъязыковой и межкультурный аспекты творческого воспроизведения «чужого слова» не получили еще со стороны лингвистов того внимания, которого, как представляется, они заслуживают, и этот пробел мы попытаемся сейчас хотя бы отчасти заполнить,

[1] Авторский текст воспроизведен точно. В.В. Виноградов в нем одобрительно излагал концепцию другого выдающегося отечественного филолога А.А.Потебни, что переносит нас еще почти на сто лет назад – во вторую половину XIX в. Среди англоязычных ученых-гуманитариев аналогичная идея воплощена в известной максиме, приписываемой знаменитому английскому лексикографу и литератору Сэмюэлю Джонсону (1709-1784): «A writer only begins a book. A reader finishes it». Иначе говоря, представители структурно-семиотического подхода в литературоведении (Ю.М.Лотман, У.Эко, Р.Барт и мн. др.), с исследованиями которых нередко связывают переосмысление роли читателя в литературном процессе, далеко не были в этом вопросе первооткрывателями, хотя именно их стараниями эти идеи получили широкое распространение.

обратившись к творчеству выдающегося английского писателя Джозефа Редьярда Киплинга (1865-1936), удостоенного в 1907 г. Нобелевской премии по литературе «за наблюдательность, яркую фантазию, зрелость идей и выдающийся талант повествователя». Уже одно то, что до сих пор, по прошествии ста с лишним лет, Киплинг остается самым молодым нобелевским лауреатом по литературе за всю историю премии, свидетельствует о его огромной прижизненной славе, особенно в Великобритании, США и других англоязычных странах. А поскольку бум невероятной популярности Киплинга очень быстро докатился до тогда еще царской России и сформировал до сих пор ощущаемый в отечественной культуре так называемый «феномен русского Киплинга», цитатное наследие писателя представляется удобным материалом для изучения роли художественной литературы как связующего звена между разными эпохами, странами и культурами.

Мало кто из писателей так ясно, как Киплинг, осознавал неотразимую, буквально магическую силу правильно подобранного и вовремя сказанного слова, и это осознание он – как всегда кратко, емко и образно – сформулировал в одном из своих публичных выступлений, процитированном в качестве эпиграфа к данному разделу работы[1]. В полисемантичной английской лексеме *drug* Киплинг акцентирует внимание на значении «наркотик», и то, как он работал над своими текстами, по многу раз их переписывая в поисках единственно верного слова[2], не оставляет сомнений в том, что в его понимании под наркотическую магию слов попадают все – не только воспринимающий произведение читатель, но и создающий его автор.

Таким образом, в фокусе данного исследования находятся памятные речения[3] Киплинга, зафиксированные в народной памяти и представленные в словарях и энциклопедиях как вошедшие в английский и русский языки и часто воспроизводимые в речи их носителями. Соответственно, иные аспекты этой широкой проблематики, периферийные с точки зрения нашего подхода, будут вводиться в обсуждение через ссылки на доступные источники информации, представляющиеся нам надежными.

Младший современник Киплинга, другой английский писатель с мировым именем, Джордж Оруэлл в своем некрологе о Киплинге, опубликованном через несколько дней после его смерти, на собственном примере весьма точно обозначил противоречивое отношение к нему британской общественности в XX в., отметив, что в тринадцать лет он Киплинга боготворил, в семнадцать – ненавидел, в двадцать – упивался его произведениями, в двадцать пять – презирал, а к моменту его смерти в

[1] Киплинг произнес процитированную речь в феврале 1923 г. в качестве почетного гостя на торжественном ежегодном обеде в Королевской коллегии хирургов Англии (Royal College of Surgeons of England), и его медицинские ассоциации в этом контексте понятны [Kipling. Эл. ресурс].

[2] См.: [Lewis. Эл. ресурс; Кагарлицкий, 1990, с. 22].

[3] Под речением мы понимаем «(книжн.) устойчивое сочетание слов, выражение, а также меткое, образное слово» [Ожегов, Шведова, 1992. Эл. ресурс].

январе 1936 г. снова им восхищался, будучи при этом уверенным, что такая смена отношения имеет под собой вполне объективные основания и единственное, чего абсолютно невозможно ожидать от читателя произведений Киплинга, – это что он его забудет [Ferreira, 2017, p. 61. Эл. ресурс]. Оруэлл оказался прав: Киплинга помнят, в том числе и в России, причем похоже, что помнят лучше, чем в какой-либо другой из неанглоязычных стран.

Интерес русской читающей публики к творчеству Киплинга возникает и начинает быстро расти уже с середины 1890-х гг. благодаря оперативно появляющимся (иногда почти сразу после публикации оригинала) переводам его поэзии и прозы. Высокое качество переводов обеспечивалось тем, что в разные периоды среди переводчиков были такие мастера, как К. Чуковский, М. Лозинский, С. Маршак, Е. Полонская, А. Оношкович-Яцына, Н. Дарузес, В. Хинкис, Г. Бен, В. Бетаки и др. [Шапиро, 2015. Эл. ресурс; Пичугина, Поплавская, 2015; Дудко, 2012. Эл. ресурс; Идиатуллин, 2019. Эл. ресурс и др.]. Влияние Киплинга на отечественную литературу было огромно, в особенности на поэтов, которых можно перечислять бесконечно: Н. Гумилев, Э. Багрицкий, Н. Тихонов, В. Луговской, К. Симонов, Д. Алтаузен, М. Светлов, А. Межиров, М. Дудин, П. Коган, М. Матусовский, А. Галич, Б. Окуджава, В. Высоцкий и многие другие [Витковский, 2002. Эл. ресурс; Бетаки. Эл. ресурс; Хорольский 2005. Эл. ресурс и др.]. Популярности Киплинга не в последнюю очередь способствовали талантливо сделанные по его сказкам мультфильмы и бардовские песни на его стихи («За цыганской звездой» («Мохнатый шмель»), «На далекой Амазонке», «Пыль», «На дороге в Мандалей», «Молитва влюбленных» («Серые глаза. – Восход») и многие другие).

При столь широкой известности Киплинга в англоязычных странах и России (включая еще Россию царскую, а затем и СССР) естественно ожидать, что его произведения должны были оставить отпечаток в соответствующих лингвокультурах, и в справедливости этих ожиданий убеждает обращение к словарям и энциклопедиям, причем буквально с первых страниц.

В английский язык вошло слово *Akela*, обозначающее «the adult leader of a pack of Cub Scouts» и снабженное пояснением «after a character in Kipling's *The Jungle Book* (1894–95), who is the leader of a wolfpack»[1]. Дело в том, что создатель скаутского движения английский генерал Роберт Баден-Пауэлл, заручившись согласием Киплинга, положил в основу программы для каб-скаутов, или «волчат», то есть младшей дружины бойскаутов (мальчиков от 7-8 до 10-12 лет), сюжеты из «Книги джунглей». Принимая во внимание, что киплинговского Маугли Закону джунглей обучал медведь Балу, логично, что курс подготовки Акел для руководства каб-скаутами

[1] Определение заимствовано из Collins English Dictionary – Complete and Unabridged, 12th Edition, 2014, размещенного на ресурсе [The Free Dictionary: Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus. Эл. ресурс]. См. также, например: «Akela - a leader of a cub scout pack; after Akela, wolf-pack leader in Rudyard Kipling's Jungle Book; first known use 1924» [Merriam-Webster.com Dictionary. Эл. ресурс].

получил название *BALOO* (аббревиатура, обозначающая «Basic Adult Leader Outdoor Orientation») [The Free Dictionary: Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus. Эл. ресурс]. Благодаря всемирной популярности скаутского движения в английский язык не только вошли и живут в нем до сих пор придуманные Киплингом новые слова, но и некоторые из давно существующих лексических единиц обогатились значениями, навеянными киплинговскими произведениями. Например, к давнему значению слова *cub* (a young lion, bear, wolf, etc.) добавилось новое –«a child aged between eight and eleven years old who is a member of the Cubs organization», а во множественном числе – «the section of the Scouts, an international organization for young people, that is for children aged between eight and eleven years old» [Cambridge English Dictionary. Эл. ресурс]. Слово *pack* (a group, set, or collection of something; a group of animals, such as dogs, that live and/or hunt together) получило новое значение «an organized group of children who are brownies or cubs» [Cambridge English Dictionary. Эл. ресурс]; у слова *den* (the lair of a wild usually predatory animal; a hollow or cavern used especially as a hideout; a comfortable usually secluded room; etc.) появилось значение «a subdivision of a Cub Scout pack made up of two or more boys» [Merriam-Webster.com Dictionary. Эл. ресурс].

При всей популярности скаутского движения в дореволюционной России благоприятная общественно-политическая ситуация для пополнения русского языка эквивалентами его англоязычной киплинговской терминологии не сложилась: в 1920-е годы в СССР движение было запрещено, а на смену ему пришла пионерская организация с совершенно иной терминологией. Тем не менее, необыкновенно популярные в нашей стране «Книги джунглей» оставили свой след и в лексике русского языка. Начать с того, что имя их главного героя Маугли вошло в состав психологических терминов *дети-Маугли* и *синдром Маугли,* которые можно найти в специальной литературе [Русина, 2011. Эл. ресурс; Ханова. Эл. ресурс и др.]. Любопытно, что в английском языке аналогичные выражения тоже есть (*boy / girl / child / children Mowgli, Mowgli syndrome*), но используются они заметно реже и в основном неспециалистами, тогда как общепринятым научным обозначением является *feral child.* Кроме того, имя вожака волчьей стаи Акелы все-таки вошло в русский язык, хотя и не отдельной лексемой с собственным значением, а в составе фразеологизма *Акела промахнулся*[1], часто фигурирующего сегодня в составе интернет-мемов, аналога которому на этот раз нет уже в английском языке.

Пополнило русский язык и слово *бандерлоги*, являющееся транслитерацией/транскрипцией английского *bandar-log,* сконструированного Киплингом из двух слов языка хинди со значениями «обезьяна» и «люди, народ» в качестве названия придуманного им в «Книге джунглей» обезьяньего народа. По информации со странички Библиотек Калинин-

[1] «О чьём-либо серьёзном просчёте, ошибке (шутл.). Цитируется также в качестве иронического комментария к поведению человека, который откровенно радуется ошибке своего ближнего» [Мир фразеологизмов. Эл. ресурс].

ского района Санкт-Петербурга в соцсети «ВКонтакте», первый русский перевод отдельных рассказов из «Книги джунглей» был опубликован в 1900 г., то есть всего через 6 лет после выхода в свет оригинала книги, а потом регулярно появлялись все новые и новые хорошие переводы уже всех рассказов полностью [125 лет сборнику рассказов «Книга джунглей» (1894) Редьярда Киплинга. Эл. ресурс]. Немудрено, что необычное слово и стоящий за ним яркий образ были быстро освоены отечественной лингвокультурой, хотя и до сих пор лексема *бандерлог* в словарях литературного языка отсутствует[1]. Тем не менее, это слово с детства знакомо русскоязычным людям и снова напомнило о себе после известной фразы Владимира Путина «Идите ко мне, бандерлоги!», произнесенной во время прямой линии с россиянами в декабре 2011 г. в адрес представителей оппозиции, финансируемой из-за границы: печатные и электронные СМИ тогда захлестнула волна обсуждений и толкований его семантики, а некоторые даже бросились перечитывать Киплинга [Макутина, 2011. Эл. ресурс]. Что же касается английского языка, то лексема *bandar-log* уже давно является частью и британского[2], и американского[3] вариантов литературного языка, при этом ее значение не столь распылено, как в случае ее русского эквивалента, а сконцентрировано вокруг основных сем «безответственность», «пустозвонство», «болтливость», «праздность».

Приведенные примеры наглядно показывают, что вхождение авторских речений в родной для автора и иностранные языки происходит асимметрично, причем родной язык (в нашем случае – английский) в этом процессе не обязательно лидирует – ни по количеству освоенных языком речений, ни по объему их закрепившихся в языке значений.

Можно привести еще слово *сталкер*, вошедшее в русский язык в определенной степени благодаря Р. Киплингу. Оно было создано отечественными писателями-фантастами А.Н. и Б.Н. Стругацкими в

[1] Зато как единица субстандартной лексики слово ведет себя в языке весьма активно и постепенно развивает целую систему взаимосвязанных значений: «БАНДЕРЛОГ, -а, м. Ирон.-шутл. 1. Дружеское обращение. 2. обычно мн. Шумная, бестолковая компания, крикливая толпа. 3. Любой человек. Обезьяны-бандерлоги – персонажи повести Р. Киплинга 'Маугли'» [Елистратов, 2002. Эл. ресурс]. Через словарь синонимов можно добавить к ним еще два – лентяй и обезьяна [Тришин, 2013. Эл. ресурс]. В молодежном сленге у слова два значения: «(1) заурядный, непримечательный человек, представитель «серой массы»; (2) человек, легко поддающийся влиянию массовой пропаганды, 'зомбированию'» [Вокабула. Энциклопедии, словари, справочники – онлайн. Эл. ресурс]. В бизнес-сленге бандерлоги – это «сотрудники низшего звена, занятые процессом «пылесоски» рынка на предмет поиска новых клиентов» [Погребняк, 2003-2006. Эл. ресурс]. В словаре воровского жаргона: «Бандерлоги – среди несовершеннолетних совокупность осужденных, относящихся к низшим ступеням иерархической лестницы (чушки, зашкваренные, обиженные, бухгалтера и др.)» [Александров, 2001, с. 79]. А российские солдаты в Сирии «бандерлогами» называют противников, прежде всего – террористов из ИГИЛ [Парамонов, 2018. Эл. ресурс]. Добавим, что приведенными примерами субстандартные значения и сферы употребления этого киплинговского слова далеко не исчерпываются.

[2] Bandar-log: any body of irresponsible chatterers [Oxford English Dictionary. Эл. ресурс].

[3] Bandar-log (n.) plural bandar-log or bandar-logs: a vacuous, chattering person Etymology: Hindi bā̃dar monkey + log people; from the portrayal of the monkey race as chatterers and poseurs in the jungle stories of Rudyard Kipling †1936 English writer [Merriam-Webster.com Dictionary. Эл. ресурс].

повести «Пикник на обочине» (1972) для обозначения людей, занимающихся опасным и незаконным выносом артефактов неземного происхождения из так называемой «Зоны». Борис Стругацкий позже вспоминал, что они с братом не заимствовали из английского словаря слово *stalk,* означающее, «в частности, ‘подкрадываться’, ‘идти крадучись’», а придумали название «сталкер» под влиянием книги Киплинга «Stalky & Co» «о развеселых английских школярах конца XIX – начала XX века и об их предводителе, хулиганистом и хитроумном юнце по прозвищу Сталки» [Вспоминает Борис Натанович Стругацкий. Эл. ресурс]. Популярность повести Стругацких, а затем и снятого А. Тарковским по ее мотивам фильма «Сталкер» (1979) сделала слово настолько широко известным [Белякова, 2012], хотя и сохраняющим «некоторую таинственность и загадочность значения» [Тельпов, 2015, с. 313], что его стали использовать в качестве названия для самых разных объектов и мероприятий (музыкальной группы, серии компьютерных игр, Международного кинофестиваля фильмов о правах человека в Москве, белорусской боевой разведывательно-диверсионной машины БРДМ-2Т, автовазовского внедорожника, арт-агентства, строительной компании и т.д.). Слово *сталкер* можно найти в современных толковых словарях, и его значения[1] уже привлекали к себе исследовательское внимание [Тельпов, 2015]. Зарегистрировано оно и в словарях молодежного сленга: «Сталкер – проводник в другие миры, практично – в другие человеческие сообщества, компании; образно – в другое состояние души, личности. Иногда используется в смысле ‘прозелитор’, т.е. приводящий к религии» [Словарь молодежного сленга. Эл. ресурс].

Интересно, что и в этом случае имеет место англо-русская лингвокультурная асимметрия: на этот раз «киплинговское» слово возникло на русской почве и вошло в русский язык, тогда как у имеющегося в английском слова *stalker* соответствующего ему нового значения не появилось. В этом легко убедиться, обратившись к любому британскому или американскому толковому словарю, например: «STALKER 1: a person who closely follows and watches another person for a long period of time in a way that is threatening, dangerous, etc. 2: a person who slowly and quietly hunts an animal» [Britannica Dictionary online. Эл. ресурс] .

Киплинговское влияние на язык – причем как английский, так и русский – становится еще заметнее при переходе с лексического уровня на уровень фразеологии. В английском многие фразы из произведений Киплинга стали настолько популярными и так часто воспроизводились носителями языка в самых разных контекстах, что к настоящему времени уже далеко не всегда и не всеми осознаются как авторские и поэтому нередко попадают во фразеологические словари и словари идиом даже без упоминания об их авторе. Еще в 1942 г., всего через несколько лет после

[1] Например: «Ста́лкер -а; м. (англ. stalk — подкрадываться) 1) Первопроходец, первооткрыватель (обычно в опасных для жизни местах) 2) Тот, кто рискует жизнью, подвергает ее большой опасности ради достижения какой-л. цели» [Толковый онлайн-словарь русского языка Кузнецова С. А. Эл. ресурс].

смерти Киплинга, эту особенность его текстов отметил Джордж Оруэлл, назвавший его единственным из современных писателей, кому удалось пополнить английский язык фразеологизмами благодаря умению говорить о том, что представляет для людей насущный интерес, и при этом в нескольких словах создавать простые и яркие образы[1]. Приведем несколько примеров.

Фразеологизм *from here to eternity*, означающий «from the present moment throughout the rest of time» [Farlex Dictionary of Idioms. Эл. ресурс], восходит к раннему (1892) стихотворению Киплинга «Gentlemen-Rankers» и многократно использовался, как это водится у англоязычных авторов, в аллюзивных заглавиях, например, романа американского писателя Джеймса Джонса (1951) и поставленных по нему оскароносного фильма (1953), телесериала (1980) и мюзикла (2013); книги Кейтлин Даути (2017); песни Фрэнка Синатры (1953); нескольких музыкальных альбомов разных авторов и исполнителей и пр. Стихотворение Киплинга, как и роман Джонса на русский язык переводились, но ни один из вариантов перевода киплинговской фразы в русском языке фразеологизмом не стал: *ныне и навечно* (перевод Е. Фельдмана), *отныне и вовеки веков* (перевод С. Тхоржевского), *отсюда и в вечность* (перевод В. Кузнецова, А. Ветошкиной, Г. Куликовой, В. Соловьёва), *отныне и вовек* (перевод А. Михалёва).

Среди английских идиом обнаруживаем и киплинговскую фразу *lest we forget*[2] из знаменитого стихотворения «Recessional», написанного к 60-летию правления королевы Виктории (1897), где этими словами завершаются четыре из пяти строф. Кстати сказать, Киплинг, хорошо знавший библейские тексты, использовал здесь очевидную аллюзию на стих из Второзакония (Deuteronomy 6,12: «Then beware lest thou forget the Lord which brought thee forth out of the land of Egypt», в Синодальном переводе: «Тогда берегись, чтобы не забыл ты Господа, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства»), но в язык вошел именно киплинговский вариант речения. Стихотворение переводилось на русский язык неоднократно, однако ни один из предложенных русских вариантов этого речения (*дабы забыть мы не смогли, да будет с нами, нам не забыть, не даждь забыть* и др.) широкой известности не получил и фразеологизмом не стал, как нет в русском языке и библеизма, восходящего к приведенному выше библейскому стиху.

Еще один показательный случай – фразеологизм *the white man's burden*[3], восходящий к печально знаменитому одноименному стихо-

[1] “Kipling is the only English writer of our time who has added phrases to the language. <…> The fact is that Kipling, apart from his snack-bar wisdom and his gift for packing much cheap picturesqueness into a few words (’palm and pine’ — ‘east of Suez’ — ‘the road to Mandalay’), is generally talking about things that are of urgent interest” [Orwell. Эл. ресурс].

[2] Например: «Lest we forget - used to emphasize the need to remember (someone or something)» [Farlex Dictionary of Idioms. Эл. ресурс] или «Lest we forget – idiom (formal + literary): it should not be forgotten» [Merriam-Webster.com Dictionary. Эл. ресурс].

[3] Например: «The white man's burden (offensive) - The belief of white European colonizers that they had a moral obligation to enforce their culture, religion, and ethics on the indigenous populations they

творению Киплинга, написанному в 1899 г. еще при жизни королевы Виктории, когда Британская империя казалась незыблемой. «Печально», потому что последовавший после Первой мировой войны пересмотр в британском обществе имперских ценностей привел и к переоценке отношения к Киплингу, которого провозгласили бардом империализма, шовинистом, джингоистом, расистом, фашистом и сексистом, причем особенно доставалось ему, прежде всего, как раз за это стихотворение. Не вдаваясь в обсуждение того, что основная неоромантическая идея Киплинга о долге и ответственности белых за своих «приручeнных» часто игнорировалась или искажалась в угоду господствующей идеологии, а также то, что со временем отношение в Британии к Киплингу снова изменилось и стало более объективным, подчеркнем лишь тот факт, что рожденная им фраза *the white man's burden* вошла в язык, постепенно оторвалась от исходного авторского контекста и превратилась в идиому, так как оказалась востребованной в качестве обозначения для стереотипных представлений, формировавшихся и изменявшихся в британском массовом сознании в условиях дефицита информации. Речь о «восприятии англичанами культур народов колоний не как «иных», а как «низших», требующих опеки со стороны «высших» европейских рас» [Голосеева, 2001, с. 8-9]. То обстоятельство, что в русской лингвокультуре эта крылатая фраза оказалась невостребованной в качестве идиомы и «не улетела» от своего создателя настолько далеко, чтобы имя автора забылось и она перестала восприниматься как цитата, высвечивает очередной аспект англо-русской лингвокультурной асимметрии, а именно важное (особенно в реалиях сегодняшнего дня) отличие российского имперского сознания от британского и в целом западного. Русский переводной эквивалент этой фразы – *бремя белого человека* – находим даже не в каждом словаре крылатых слов и афоризмов (нет его, в частности, в словарях Н.С. и М.Г. Ашукиных, С. Займовского, М. Булатова, М. Петровой), а там, куда фраза включена, лексикографы начинают статью как раз с указания на автора сентенции[1].

Однако среди так называемых «крылатых» слов, восходящих в английском и русском языках к произведениям Киплинга, можно обнаружить и полностью симметричные фразы-эквиваленты, претерпевшие в

---

enslaved or conquered» [Farlex Dictionary of Idioms. Эл. ресурс]. Постепенная фразеологизация киплинговской цитаты, сопровождаемая утратой авторства, подробно рассмотрена в [Полубиченко, 2017б, с. 41-43].

[1] «Бремя белого человека. С английского: The white man's burden. Название стихотворения (1899) английского писателя Джозефа Редьярда Киплинга (1865–1936). Писатель имеет в виду культуртрегерскую роль белого человека, который был должен приобщать народы колоний Великобритании к европейской цивилизации ради их собственного блага, а также то, что такая роль требует от белого человека терпения, самоограничения, мужества и труда. <…> Употребляется: в прямом, авторском смысле, но обычно иронически; служит шутливо-иронической самохарактеристикой человека («вот оно, бремя белого человека»), занимающегося чьим-либо просвещением, обучением и т.д.» [Серов, 2005. Эл. ресурс]. Аналогичным образом киплинговская сентенция представлена и в другом известном словаре [Берков и др., 2005, с. 54-55].

обеих лингвокультурах совершенно одинаковое семантическое развитие. Любопытный пример являет собой идиома *the law of the jungle / закон джунглей*. Его делает особенно наглядным тот факт, что за XX в. в обоих языках (в русском, вероятно, не вполне самостоятельно, а с оглядкой на английский язык, обслуживавший «жестокий и безжалостный мир чистогана») у данного идиоматического выражения сформировалось значение, прямо противоположное тому, которое вложил в него Киплинг в своих «Книгах джунглей». В самом деле, у Киплинга Закон джунглей представляет собой своего рода моральный кодекс волчьей стаи, диктующий нормы разумного, даже благородного поведения, направленного на общее благо. Сегодня же этот фразеологизм означает «Каждый сам за себя!»[1].

Все сказанное в полной мере относится и к другой не менее известной киплинговской фразе *East is East and West is West (and never the twain shall meet)*: она также имеет в русском языке популярный и устойчивый эквивалент, и в обеих лингвокультурах современное значение речения опять же прямо противоположно тому, которое вкладывал в него автор в контексте стихотворения «The Ballad of East and West», откуда оно было заимствовано. Фраза значится в англоязычных лексикографических источниках как пословица[2], русский ее эквивалент *Запад есть Запад, Восток есть Восток (и с мест они не сойдут)* подается обычно как крылатые слова или поговорка с обязательной ссылкой на автора, а иногда и с указанием на то, что в оригинале баллады «вопреки широко распространенному мнению» Киплинг показывает, что, «несмотря на различия этих цивилизаций, их представителей могут объединять сильные чувства и ценности – Любовь, Честь, Мужество» [Серов, 2005. Эл. ресурс][3].

---

[1] Приведем несколько английских и русских словарных дефиниций: «The law of the jungle (idiom) – the idea that people who care only about themselves will be most likely to succeed in a society or organization» [Cambridge English Dictionary. Эл. ресурс]; «a code that dictates survival by any means possible and that is presumed to be in effect among animals in their natural state or people unrestrained by any established law or civilized personal or civic control; also: activity following this code» [Merriam-Webster.com Dictionary. Эл. ресурс]; «a situation in which people are prepared to harm other people in order to succeed» [Farlex Dictionary of Idioms. Эл. ресурс]; «the way in which only the strongest and cleverest people in a society stay alive or succeed» [New idioms dictionary. 2014. Эл. ресурс]; «закон джунглей - об открытом произволе и насилии» [Малый академический словарь Евгеньевой А. П. Эл. ресурс]; «перен.: об открытом произволе и насилии» [Ожегов, Шведова, 1992. Эл. ресурс]; «иносказательно: о бесчеловечности, беззаконии, о такой общественной атмосфере, где действует жестокая конкуренция по принципу «каждый за себя», где выживает сильнейший за счет более слабых (неодобр.)» [Серов, 2005. Эл. ресурс] и мн. др.

[2] Например: «Prov. Two things are so different that they can never come together or agree. (From Rudyard Kipling's poem, "The Ballad of East and West")» (McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. 2002. Эл. ресурс].

[3] См. также, например: «Так говорят о разных взглядах на жизнь, о противоположных интересах людей. <…> Смысл баллады таков: люди Запада и Востока могут объединиться на основе общечеловеческих ценностей и чувств, таких как любовь, мужество, честь» [Мир фразеологизмов. Эл. ресурс] или «Поговорка о различии западной и восточной культур. <…> автор, своим произведением как раз наоборот, хотел показать, что люди из разных культур

В целом, результаты изучения памятных киплинговских речений-фраз и их освоения англоязычным и русскоязычным языковыми сообществами полностью подтверждают установленную филологической топологией закономерность постепенного перехода часто воспроизводимых в речи высказываний с этического на эмический уровень с естественным изменением при этом своей природы: от прямой цитаты – через крылатые слова – к утрачивающему авторство фразеологизму (идиоме / пословице / поговорке) [Полубиченко, 2017б: 48-74]. Прошедшие весь этот путь речения обретают в конечном итоге достаточно стабильную форму, устойчивое содержание и определенную функционально-стилистическую направленность (не всегда, правда, совпадающие с формой, значением и функцией исходной сентенции в первоисточнике). Так появились в английском языке, например, фразеологизмы *be brothers/sisters under the skin* (из часто воспроизводимой киплинговской цитаты «For the colonel's lady an' Judy O'Grady, Are sisters under their skins») и *the female of the species (is more deadly than the male)*, не имеющие русских аналогов. А вот идиома *the second-oldest profession (in the world) / the world's second oldest profession* вошла и в английский, и в русский (*вторая древнейшая профессия*) языки в результате смыслового развития идиомы *the world's oldest profession* / *the oldest profession (in the world)*, берущей, в свою очередь, начало в раннем киплинговском рассказе «On the City Wall» (1889) о проститутке Лалун, открывающемся сообщением «Lalun is a member of the most ancient profession in the world», многократно цитировавшимся на разные лады англоязычными авторами.

В заключение, подводя итоги проведенного исследования, еще раз подчеркнем лингвокультурную асимметрию, которая наглядно проявляется в том, что разные языки осваивают одни и те же авторские речения с разной скоростью и разными результатами. Процессу освоения способствует ряд характеристик как текстов-источников (известность автора и произведения, принадлежность к детской литературе, поэзия или проза) и самих речений (простые, общедоступные мысли, «вечные» истины, облеченные в краткую, запоминающуюся форму), так и принимающих лингвокультур, причем не только иноязычных, но и родной. Как показал проанализированный материал киплинговских речений, к особо важным лингвокультурным факторам, благоприятствующим постепенному вхождению авторских речений в язык, относятся подходящая общественно-политическая ситуация, языковая лакуна, экранизация произведения-источника, создание на его основе песни, цитирование речения известным и уважаемым в культуре лицом, а для иноязычных культур – еще и качество переводов.

всегда могут договориться и понять друг друга. Так, в балладе говорится о том, как индийский разбойник, ранее враждовавший с англичанами, вступает в английскую армию и становится боевым товарищем английского офицера. Но у нас, в России, выражение понимают, в основном, буквально» [Проект Dslov.ru. Эл. ресурс].

Список литературы

1. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М.: Права человека, 2001. 152 с.
2. Белякова С.М. Сталкер: имя судьбы и судьба имени // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 3. С. 154-158.
3. Берков В.П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. 623 с.
4. Бетаки В. Редьярд Киплинг и русская поэзия XX века // Киплинг Р. "Казарменные баллады" и "Семь морей" (книги стихов). Режим доступа: https://librebook.me/kazarmennye_ballady__i__sem_morei___knigi_stihov/vol1/1 (дата обращения: 10.02.2024).
5. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высш. шк., 1971. 235 с.
6. Витковский Е. Империя по имени Редьярд Киплинг // Против энтропии (Статьи о литературе). 2002.. Режим доступа: https://royallib.com/read/vitkovskiy_evgeniy/protiv_entropii_stati_o_literature.html#537396 (дата обращения: 11.03.2024).
7. Вокабула. Энциклопедии, словари, справочники – онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.вокабула.рф.
8. Вспоминает Борис Натанович Стругацкий // Медиа-архив «Андрей Тарковский» Режим доступа: http://www.tarkovskiy.su/texty/hr-stalker/Boris.html?ysclid=ltu374mo2r731625983 (дата обращения: 17.03.2024).
9. Голосеева А.А. Р.Киплинг об Индии: конфликт и диалог культур, стереотипы и открытия: Автореф. дис. канд. ист. наук. Саратов, 2001. 20 с.
10. Дудко А.Э. Первые переводы лирики Редьярда Киплинга в России // Вестник БГУ. 2012. № 2 (1).]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-perevody-liriki-redyarda-kiplinga-v-rossii (дата обращения: 10.03.2024).
11. Елистратов В.С. Словарь русского арго. ГРАМОТА.РУ, 2002. Режим доступа: https://rus-russian-argo.slovaronline.com/1845-%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B3 (дата обращения: 22.02.2024).
12. Идиатуллин Ш. Неистовый пес империализма: Редьярд Киплинг, враг России. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gorky.media/context/neistovyj-pes-imperializma/ (дата обращения: 14.03.2024).
13. Кагарлицкий Ю.И. Редьярд Киплинг и его роман «Ким» // Ким: Роман. М.: Высш. шк., 1990. С. 3-38.
14. Корнеева А.П. Топологический подход к изучению английской фразеологии библейского происхождения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 67–74.
15. Макутина М. «Идите ко мне, бандерлоги!» // Коммерсантъ 15.12.2011. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/1838421?ysclid=ltyh3gw4zt812831422 (дата обращения: 15.03.2024).
16. Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). Режим доступа: https://lexicography.online/explanatory/mas/ (дата обращения: 05.03.2024).
17. Мир фразеологизмов. Режим доступа: https://fraze.ru/index.php (дата обращения: 15.03.2024).
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1992. Режим доступа: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt (дата обращения: 17.03.24).
19. Парамонов К. Химки и бандерлоги: жаргон и байки российских военных в Сирии // Взгляд. Деловая газета. 03.06.2018. Режим доступа: https://vz.ru/society/2018/6/3/924029.html?ysclid=ltyk19muig260628008 (дата обращения: 03.03.2024).
20. Пичугина В.С., Поплавская И.А. Творчество Д. Р. Киплинга в рецепции русских писателей и критиков первой половины XX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 6 (38). С. 136-146.

21. Погребняк Е. Словарь бизнес-сленга. 2003-2006. Режим доступа: https://rus-business-slang-dict.slovaronline.com/138-%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8 (дата обращения: 03.03.2024).
22. Полубиченко Л.В. Топологическая парадигма гуманитарного знания: миф или реальность? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017а. № 4. С. 102-117.
23. Полубиченко Л.В. Топология цитатной речи: от сферы функционирования к сфере фиксации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 37-47.
24. Полубиченко Л.В. Филологическая топология: теория и практика: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017б. 280 с.
25. Полубиченко Л.В., Андросенко В.П. Топология цитат в художественной и научной речи // Филологические науки. 1989. № 3. С. 48-54.
26. Проект Dslov.ru Режим доступа: https://dslov.ru/pos/p2275.htm (дата обращения: 05.03.2024).
27. Русина Н.А. Нарушений общения причины // Психология общения. Энциклопедический словарь [под общ. ред. Бодалева А.А.]. М.: Когито-Центр, 2011 Режим доступа: https://communication_psychology.academic.ru/ (дата обращения: 01.03.2024).
28. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005 Режим доступа: http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/15.pdf (дата обращения: 27.02.2024).
29. Словарь молодежного сленга Режим доступа: https://slovar-molodezhnogo-slenga.slovaronline.com/4530-%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B5%D1%80 (дата обращения: 11.03.2024).
30. Сурганова Т.В. Топология поэзии и прозы Редьярда Киплинга. Дис. … канд. филол. наук. М., 2010. 279 с.
31. Тельпов Р.Е. О прямом и переносном значениях слова «сталкер» // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 311-314.
32. Толковый онлайн-словарь русского языка Кузнецова С. А. Режим доступа: https://lexicography.online/explanatory/kuznetsov/%D1%81/%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B5%D1%80 (дата обращения: 17.03.2024).
33. Тришин В.Н. Большой русский словарь-справочник синонимов. 2013. Режим доступа: https://c-cafe.ru/Dics/Word.php?Id=17009&DicId=2 (дата обращения: 11.03.2024).
34. Ханова О.А. Синдром Маугли // Детские болезни. Режим доступа: https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/children/Mowgli-syndrome (дата обращения: 12.03.2024).
35. Хорольский В.В. Литературная критика как фактор межкультурной коммуникации (к вопросу о восприятии английской поэзии рубежа XIX–XX веков в России) // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2005. №2. С. 198-207. Режим доступа: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2005/02/horolskyi.pdf (дата обращения: 28.02.2024).
36. Шапиро Я.Л. Русская киплингиана: изданное и неизданное // Вестник МГЛУ. 2015. Выпуск 11 (722). С. 196-201. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-kiplingiana-izdannoe-i-neizdannoe/viewer (дата обращения: 01.03.2024).
37. 125 лет сборнику рассказов «Книга джунглей» (1894) Редьярда Киплинга // Библиотеки Калининского района Санкт-Петербурга: сайт. Режим доступа:: https://vk.com/@spbbibliokalin-125-let-skazke-r-d-kiplinga-skazka-kniga-dzhunglei-maugli-18 (дата обращения: 07.03.2024).
38. Britannica Dictionary online. URL: https://www.britannica.com/dictionary/stalker (accessed: 07.03.2024).

39. Cambridge English Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english (accessed: 21.03.2024).
40. Farlex Dictionary of Idioms. URL: https://idioms.thefreedictionary.com (accessed: 21.03.2024).
41. Ferreira J. Carlos Viana. Orwell on Kipling: an imperialist, a gentleman and a great artist // ANGLO SAXONICA. Ser. III. 2017. №. 13. P. 59-72. URL: https://ulices.letras.ulisboa.pt/wp-content/uploads/2016/07/asaxoiii-n13.pdf (accessed: 11.03.2024).
42. Kipling R. Surgeons and the Soul // A Book of Words. Selections From Speeches and Addresses Delivered Between 1906 and 1927. URL: https://telelib.com/authors/K/KiplingRudyard/prose/BookOfWords/surgeonssoul.html (accessed: 11.03.2024).
43. Lewis Lisa. The Manuscript of Kim. 2001. URL: https://www.kiplingsociety.co.uk/readers-guide/rg_lewiskim.htm (accessed: 20.03.2024).
44. McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. 2002. URL: https://idioms.thefreedictionary.com (accessed: 11.03.2024).
45. Merriam-Webster.com Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary (accessed: 13.03.2024).
46. New idioms dictionary. 2014. URL: https://idioms_new.en-academic.com (accessed: 20.03.2024).
47. Orwell George. Rudyard Kipling. URL: https://www.laban.rs/orwell/essays/en/Rudyard_Kipling (accessed: 11.03.2024).
48. Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/search/dictionary/(accessed: 24.03.2024).
49. The Free Dictionary: Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus. URL: https://www.thefreedictionary.com (accessed: 11.03.2024).

6.4. ОППОЗИЦИЯ «Я – ДРУГОЙ» В ТЕКСТЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Синтез холистической сущности языка из его многоликих онтологических репрезентант составляет вечную сверхзадачу лингвистических поисков, творческое решение которой определяется научной парадигмой, доминирующей на конкретном временном срезе. Основные парадигматические трансформации минувшего столетия корректировали вектор интерпретации языковой природы, и сегодня язык рассматривается с когнитивно-прагматических и антропоцентрических позиций в качестве многомерного явления, «обеспечивающего такую уникальную способность человека, как способность говорить и понимать услышанное, а, главное, быть вплетенным во все виды человеческой деятельности» [Кубрякова, 2009, с. 5]: познавательную, коммуникативную, ценностно-ориентировочную и т.д. Поэтому объектом исследования современной лингвистики становится языковая личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [Караулов, 1987, с. 33]. Причем, в рамках антропоцентрической парадигмы языковая личность способна не просто декодировать текст, а интегрироваться в него, комплементируя собственными коммуникативными установками интенцию автора и совершая вместе с ним акт языкового творчества. Особенно явно

такая интеграция происходит при соприкосновении языковой личности с художественным произведением (текстом), генерируемым причудливой «симфонией» эстетических знаков – архетипических и индивидуально-авторских образов/образов-символов, актуализирующихся в микро- и макроконтексте через слово, фразу, абзац, главу и нередко складывающихся в последовательно развертываемую цепь или монолитный архиобраз [Виноградов, 1963, с. 119-120]. Окказиональная (контекстуальная) асимметрия и уникальный план выражения делают эстетический знак (образ) полифункциональным маркером идейно релевантных конструктов, формирующих концептосферу художественного произведения – систему ментальных единиц: мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов, абстрактных сущностей, объективирующих гетерогенные проявления внешнего мира [Попова, Стернин, 2002, с. 61-62].

Одним из продуктивных механизмов организации художественной концептосферы служит принцип оппозиций (оппозитивизм), т.е. способ первичного освоения реальности и упорядочивания ее умозрительной реконструкции посредством оперирования противоположностями. Противоположность или оппозиция есть фундаментальная детерминанта коллективного знания – номенклатуры идеальных и материальных результатов деятельности людского сообщества, реализующихся в нарративах различного вида: наивном (эмпирическом), художественном, сциентическом (философском, логическом, естественнонаучном и т.д.). Иными словами, оппозитивные паттерны структурируют концептуальную и лингвистическую картины мира – не совпадающие по границам и объему, но тесно взаимосвязанные системы архетипов, концептов, языковых знаков – тем самым обеспечивая внутреннюю целостность языковой личности.

В многомерном пространстве естественного языка оппозиции манифестируют «лингвистически существенное (…) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания и наоборот» [Ярцева, 1998, с. 348]. Оппозитивные отношения свойственны языковым знакам любого масштаба: фонемам, морфемам, лексемам, синтагмам и сверхфразовым единствам, но самые значимые воплощения оппозитивизма имеют место на трех наиболее семантически репрезентативных уровнях – лексическом, синтаксическом (грамматическом) и текстовом (дискурсивном). На лексическом уровне оппозитивный смысл транслируется путем антонимических пар. Оппозиции синтаксического уровня конституируются как бессоюзные/союзные сложноподчиненные предложения, переходные конструкции, сочинительные сочетания. На уровне текста принцип оппозиций осуществляется через противопоставление дискурсивных отрезков – сверхфразовых единств, сложных синтаксических целых, абзацев, предикативно-релятивных комплексов. В художественном произведении оппозиции выполняют композиционно-моделирующую функцию, а также отражают глубинное содержание образов, раскладываемых на «множество семиологически релевантных признаков, с по-

мощью которых они противопоставляются другим образам в поэтическом тезаурусе и закономерностям их реализации в тексте» [Новиков, 2001, с. 155]. Художественные образы коррелируют со словесными образами, сплетающимися в разноуровневые оппозитивные феномены, обладающие экспрессивно-стилистической ценностью: антитезу, оксюморон, параллелизм, хиазм, коррекцию, градацию, контраст и др.

К числу сквозных оппозиций, пронизывающих все ярусы мышления человека и детерминирующих его экзистенциальную матрицу, относится оппозиция *я – другой*. Ее общефилософская трактовка реализуется, исходя из экзистенциально-феноменологического подхода, в соответствии с которым *другой* – это выходящий за пределы чувственного опыта субъект, существующий в нашем сознании и во многом определяющий его.

В лингвокультурном сознании фундаментальная оппозиция *я – другой* высвечивает группу предельных понятий – опорных пунктов национальной ментальной реальности, в той или иной степени обнаруживающихся в мышлении большинства сформированных ею языковых личностей. В антропоцентрической и во многом индивидуалистической цивилизации Запада предельные понятия продуцируют несколько устоявшихся вариаций рассматриваемого оппозитивного паттерна, например, человек – человек, человек – социум, человек – природа, человек – бытие, человек – Бог (мораль), социум – социум, социум – Бог (мораль) и т.д. Структурно каждая из них представлена концептуально унифицированным транскультурным «скелетом» и аморфной культурно-специфичной «тканью», впитывающей из живой «этнопочвы» уникальные смыслы, актуализирующиеся в языке и не подлежащие или подлежащие лишь частично перекодированию в иной лингвосистеме. В словесном творчестве культурно-специфичная «ткань» обрастает еще и оригинальной образностью, формирующей «лицо» автора и его идейный посыл. Из этого следует, что оппозитивно организованная концептосфера художественного текста и маркирующие ее лингвистические и эстетические знаки совокупно репрезентируют универсальное и самобытное, общенациональное и индивидуальное начала, охарактеризовать которые с достаточной полнотой можно, осуществив комплексный компаративный анализ литературного произведения в дифференциальных лингвокультурных измерениях.

Рассмотрим особенности реализации оппозиции *я – другой* в английском и немецком языках на материале романа К. Исигуро “Never Let me Go” и его немецкой версии “Alles, was wir geben mussten”.[1] Как и

[1]Кадзуо Исигуро (Kazuo Ishiguro; p. 1954) – английский романист японского происхождения, лауреат Букеровской (за роман “The Remains of the Day”, 1989) и Нобелевской (2017). премий (2017). Роман “Never Let me Go”, 2005 – одно из самых известных произведений писателя. Его главная героиня Кэти Ш. делится воспоминаниями о своем обучении и воспитании в закрытом интернате для клонированных детей, предназначение которых, став взрослыми, пожертвовать все свои органы на лечение «нормальных» людей. Чтобы биологический материал не портился, опекуны тщательно следят за тем, чтобы у клонов с течением времени не появлялись вредные привычки и механические повреждения. Программа школы создает иллюзию гуманизма:

большинство произведений конца XX – начала XXI вв., роман является выразителем постмодернистской литературной методологии, в число новаторских инструментов которой входит прием двойного кодирования – множественного наслаивания смыслов в процессе монтажа художественного локуса, обусловливающего плюрализм разнотипных интерпретаций, чьи глубина и сложность напрямую зависят от степени отточенности умения читателя эффективно расплетать текстуальную ризому. Инкорпорирование двойного кодирования в ризоморфную среду наделяет ее почти неисчерпаемым потенциалом к поликонфигурационному сопряжению элементов в пределах одного дискурса [Синельникова, 2017, с. 808], изначально отличающихся широкой амплитудой семантических колебаний. Таким образом, органически предрасположенная к аккумуляции новых смыслов семиосфера оппозиции *я – другой*, растворяясь в концептуальном хитросплетении мира-ризомы, трансформируется в зыбкую территорию их бесконечной пересборки и мерцания, что обнаруживается в семантике, синтактике и прагматике как оригинального, так и переведенного текста на протяжении всего развертывания нарративной канвы. Поясним сказанное иллюстрацией из романа:

(…) As she came to a halt, I glanced quickly at her face – as did the others, I'm sure. And I can still see it now, the shudder she seemed to be suppressing, the real dread that one of us would accidentally brush against her. And though we just kept on walking, we all felt it; it was like we'd walked from the sun right into chilly shade. Ruth had been right: Madame was afraid of us. But she was afraid of us in the same way someone might be afraid of spiders. We hadn't been ready for that. It had never occurred to us to wonder how we would feel, being seen like that, being the spiders.

(…) Als sie stehen blieb und erstarrte, warf ich – und mit mir zweifellos auch meine Freundinnen – einen raschen Blick auf ihr Gesicht. Ich sehe es noch heute vor mir, das Schaudern, das sie zu unterdrücken versuchte, die echte Furcht, dass eine von uns sie womöglich aus Versehen streifen könnte. Und obwohl wir einfach nur weitergingen, spürten wir es alle: Es war, als wären wir vom hellen Sonnenschein in kalten Schatten getreten. Ruth hatte Recht behalten: Madame fürchtete sich vor uns. Aber sie fürchtete sich so, wie sich jemand vor Spinnen fürchtet. Darauf waren wir nicht gefasst gewesen. Es war uns nie in den Sinn gekommen, uns zu fragen, wie es für uns wäre, so gesehen zu werden: als die Spinnen.

В приведенном отрывке оппозиция *я – другой* служит концептуальной моделью отношений между миром клонов и миром их

воспитанников предметно готовят к их «миссии» и поощряют занятия искусством. Жизнь зрелых выпускников интерната также лишена свободы: она полностью подчинена графику «выемок» и реабилитаций. Ростки дружбы и любви, возникающие в «клонированном» мире вопреки обстоятельствам, обречены на гибель, как и сами доноры [Кучукова, Берберова, 2019, с. 398–399].

«оригиналов». Проявления внутреннего состояния клонированной девочки, ведущей повествование, а также остальных «особенных» детей, разделяющих ее рецептивную позицию, маркируются лексическими единицами (ЛЕ) с нейтральной ментально-сенсорной *(glance / warfen (…) einen raschen Blick; see / sehen; feel / spürten; wonder / in den Sinn kammen)* и кинестетической семантикой *(brush / streifen; walk / weitergingen),* создающими образ ненавязчивого и неагрессивного поведения, интенсифицируемый сжимающими *(quickly / rasch; accidentally / aus Versehen)* или сглаживающими действия *(just / nur)* лексическими единицами. Спокойной озадаченности клонов противопоставляется горячая неприязнь Мадам из мира «обычных» людей, быстро перерастающая в панику, что отслеживается по двусоставной восходящей градации эмотивных лексем *(shudder / Schaudern; real dread / echte Furcht)*[1]. Острота семантической оппозиции *недоумение – ужас* симметрично поддерживается и в оригинальной, и в переводной версиях текста сравнительно-уступительным сверхфразовым единством, с одной стороны *(And though we just kept on walking, we all felt it; it was like we'd walked from the sun right into chilly shade / Und obwohl wir einfach nur weitergingen, spürten wir es alle: Es war, als wären wir vom hellen Sonnenschein in kalten Schatten getreten,)* и сравнительно-адверсативным – с другой *(Ruth had been right: Madame was afraid of us. But she was afraid of us in the same way someone might be afraid of spiders / Ruth hatte Recht behalten: Madame fürchtete sich vor uns. Aber sie fürchtete sich so, wie sich jemand vor Spinnen fürchtet)*. Сравнительный оборот, утяжеленный антитетическими элементами *(sun – chilly shade / hellen Sonnenschein – kalten Schatten)*[2], выталкивает на передний план уступительного высказывания с союзом *though* / *obwohl* оппозитивный компонент, ввиду чего происходит образная фиксация драматического сдвига в ощущениях повествователя. Сравнение в структуре противопоставления, дополненное повтором семиологически релевантных единиц *afraid / fürchten,* максимально акцентирует страх Мадам, подводя его под органическую непереносимость детских «копий». Такой эффект достигается благодаря вплетению в семиотический код произведения образа пауков – архетипического символа, на внешнем содержательном уровне сигнализирующего о субъективно неприятном впечатлении от физического присутствия клонов и причисляющего тонко чувствующих и думающих клонированных детей к классу отталкивающих

[1]Концептуально-семантический фокус градационной вершины *dread / Furcht* не совпадает на языке оригинала и перевода: в отличие от семы *dread*, эксплицирующей понятие сильного, поглощающего страха (ужаса) как в ординарном (конкретно-бытовом), так и в метафизическом контекстах, сема *Furcht* «покрывает» эмоцию меньшей интенсивности в тех же дискурсивных сферах. По этой причине оригинальная градация демонстрирует более резкую эмотивно-оценочную динамику и, следовательно, большую экспрессивность, чем немецкий эквивалент.

[2]Асимметричной оппозиции на языке оригинала соответствует симметричная оппозиция на языке перевода. Монолитная сема *sun* в немецкой лингвосистеме расщепилась на два семантических компонента: *hellen* и *Sonnenschein*, что привело к понижению контраста между оппозитивными полюсами.

низших существ – на внутреннем. Семантико-символическая материя образа проходит процесс двухфазного макро- и микроконтекстного генерирования. В макроконтексте она получает метафорическую матрицу с насыщенной негативно-оценочной экспрессией, вызванной транспозицией компаративно-ассоциативной составляющей в зону-мишень (мир насекомых), радикально уступающую по экзистенциальному значению зоне-источнику (человеческому миру). В микроконтексте на метафорическую матрицу ложится дополнительный смысловой слой, формирующийся под воздействием оппозитивного окружения. Союз *but / aber*[1], оформляющий в обоих языках асимметричное противоположение страха в общем смысле *afraid / fürchten* и специфичного страха пауков *be afraid of spiders / vor Spinnen fürchtet*, наделяет эстетические знаки-репрезентанты последнего особыми прагматическими свойствами, позволяющими ему стать концептуальной доминантой выбранного отрывка. Ее утверждение сопровождается нарастанием внутреннего коммуникативного напряжения, индикатором которого служат оппозитивно-негационные паттерны, сочетающие в себе синтаксические и лексические единицы, маркирующие настораживающую клонированных детей симптоматику устоявшегося негативного восприятия со стороны *других* (*We hadn't been ready for that. It had never occurred to us to wonder how we would feel, being seen like that, being the spiders. / Darauf waren wir nicht gefasst gewesen. Es war uns nie in den Sinn gekommen, uns zu fragen, wie es für uns wäre, so gesehen zu werden: als die Spinnen).*

Отталкиваясь от смыслов, поверхностно намечающих дискретную линию столкновения отдельно взятых индивидов, демонстрирующих различные виды реагирования в одной и той же прототипической ситуации, оппозиция *я – другой* постепенно начинает аккумулировать глобальное онтологическое значение, разворачивая одномерный сегмент частных коммуникативных игр во всеобъемлющую, семантически переливающуюся сферу противостояния двух модусов единого бытия:

Thinking back now, I can see we were just at that age when we knew a few things about ourselves – about who we were, how we were different from our guardians, from the people outside – but hadn't yet understood what any of it meant. I'm sure somewhere in your childhood, you too had an experience like ours that day; similar if not in the actual details, then inside, in the feelings. Because it doesn't really matter how well your guardians try to prepare you: all the

Wenn ich jetzt zurückdenke, fällt mir auf, dass wir damals in einem Alter waren, wo wir schon manches über uns wussten – wer wir waren, inwieweit wir uns von unseren Aufsehern, von den Menschen draußen unterschieden –, aber was das alles bedeutete, das wussten wir noch nicht. Ich bin sicher, dass auch Sie irgendwann in Ihrer Kindheit etwas Ähnliches erlebt haben wie wir an diesem Tag; vergleichbar, wenn nicht in den äußeren Details, dann zumindest innerlich, gefühlsmäßig.

[1]В английском и немецком языках адверсативные союзы *but* и *aber* полностью эквивалентны.

talks, videos, discussions, warnings, none of that can really bring it home.	Denn es spielt eigentlich keine Rolle, wie gut Ihre Aufseher Sie vorzubereiten versuchen: die vielen Gespräche, Videos, Diskussionen, Warnungen, das alles hilft einem nicht, es tief im Inneren zu begreifen.

В первом предложении искусственный водораздел между двумя экзистенциальными полюсами – клонов и «нормальных» людей собирается группой лексических единиц с нулевой эмотивностью и оценочностью, формирующей мягкие, структурно симметричные оппозиции *(we – our guardians / wir – unseren Aufsehern; we – people outside / wir – Menschen draußen)*, затушевывающие драматизм ситуации и создающие иллюзию ее естественности и разумности. Тем не менее, картина далека от идиллии, ведь в положении *других* находятся не только те, кто никогда не соприкасался с «клонированным» миром *(people outside / Menschen draußen)*, но и те, кто живет с клонами бок о бок, искренне стараясь подарить им теплоту истинного человеческого участия *(our guardians / unseren Aufsehern)*[1]. Подспудно-напряженная тональность нарратива усиливается смысловыми лакунами, представленными синтаксически параллельными конструкциями *((…) we knew a few things about ourselves – about who we were, how we were different (…) / (…) wir schon manches über uns wussten – wer wir waren, inwieweit wir (…) unterschieden)*. По сути каждая из указанных лакун – это «белое пятно» в автогнозии клонов, натягивающее внутренний «нерв» повествования и плавно выводящее его в пространство намеков, сгенерированное ЛЕ-носителями семантики антиципации в финальной части оппозитивного предложения и стимулирующее «прорастание» новых смыслов *((…) but hadn't yet understood what any of it meant / (…) aber was das alles bedeutete, das wussten wir noch nicht)*. Во втором предложении давление авторской недосказанности снижается, а фатальная противопоставленность клонов *другим* как будто бы преодолевается засчет прямой отсылки к личному опыту читателя *(I'm sure somewhere in your childhood, you too had an experience like ours that day (…) / Ich bin sicher, dass auch Sie irgendwann in Ihrer Kindheit etwas Ähnliches erlebt haben wie wir an diesem Tag (…))*, вскрывающему, несмотря на некоторые «нюансы», наличие у клонов и их «оригиналов» общего духовного базиса *((…) similar if not in the actual details, then inside, in the feelings / (…) vergleichbar, wenn nicht in den äußeren Details, dann zumindest innerlich, gefühlsmäßig)*. Лексико-синтаксически параллель между клонированными и «обычными» людьми (а читатель,

[1]Примечательно, что ЛЕ *guardian* представляет собой англоспецифичное концептуально-семантическое образование, в «ядре» которого – идея заботы старшего/сильного по отношению к младшему/слабому, реализующаяся в идеальной/материальной сферах бытия. В немецкого аналоге *Aufseher* забота как нуклеарный элемент замещается формальным присмотром/надзором за индивидом в плоскости его материального существования, а потому оппозиция *wir – unseren Aufsehern* является менее эмотивно контрастной в сравнении с исходным вариантом *we – our guardians*.

несомненно, является «обычным» человеком) выстраивается в исходной и переводной версиях текста на паре логически переплетенных сравнений: значение первого подчеркивается интенсификатором *too* / *auch*, значение второго – условно-негационной конструкцией *if not in the actual details / wenn nicht in den äußeren Details*. В заключительном предложении за «нюансами», иносказательно репрезентируемыми уточняющими однородными существительными во множественном числе *((…) all the talks, videos, discussions, warnings (…) / (…) die vielen Gespräche, Videos, Diskussionen, Warnungen (…))* вырисовывается образ чего-то масштабного и неотвратимого, еще не осознаваемого клонами-подростками, но уже активно девальвирующего точки соприкосновения между двумя мирами. Концептуальное противопоставление усилий, приложенных опекунами для тщательной подготовки к будущей «миссии» своих подопечных, и самой «миссии» актуализируется как на языке оригинала, так и на языке перевода в асимметричном оппозитивном паттерне, чьи контрастивы дополнительно снабжены средствами лексико-синтаксической негации *(because it doesn't really matter how well your guardians try to prepare you (…) / denn es spielt eigentlich keine Rolle, wie gut Ihre Aufseher Sie vorzubereiten versuchen (…); none of that can really bring it home / das alles hilft einem nicht, es tief im Inneren zu begreifen)*. Финальный контрастив, умножающий «стартовую» семантику отрицания инициального контрастива и в экспрессивно-идиоматической форме обнуляющий реализующиеся в нем ЛЕ-индикаторы качества подготовки подростков, завоевывает прагматическое превосходство, углубляя мысль об особенном будущем, всесторонне определяющем жизнь клонов и составляющем на данном этапе развития нарратива основное отличие между ними и «нормальными» людьми. В этом контексте оппозиция *я – другой* обогащается тонкими психологическими гранями смысла, расширяющими и детализирующими филофско-онтологический ландшафт романа интимными экзистенциальными переживаниями клонированных подростков:

(…) What was so special about this song? Well, the thing was, I didn't used to listen properly to the words; I just waited for that bit that went: "Baby, baby, never let me go…" And what I'd imagine was a woman who'd been told she couldn't have babies, who'd really, really wanted them all her life. Then there's a sort of miracle and she has a baby, and she holds this baby very close to her and walks around singing: "Baby, never let me go…" partly because she's so happy, but also because she's so afraid

(…) Was war so besonders an diesem Song? Eigentlich achtete ich kaum auf den Text, sondern wartete immer nur auf die Zeile: *Baby, baby, never let me go*... Dabei stellte ich mir eine Frau vor, die erfahren hatte, dass sie keine Kinder bekommen konnte, aber sich ihr Leben lang nach nichts anderem gesehnt hatte. Dann geschieht ein Wunder, und sie bringt doch ein Baby zur Welt, und sie drückt dieses Baby fest an sich und trägt es herum und singt: "Baby, lass mich niemals los...", nicht nur weil sie so glücklich

something will happen, that the baby will get ill or be taken away from her. Even at the time, I realised this couldn't be right, that this interpretation didn't fit with the rest of the lyrics. But that wasn't an issue with me. The song was about what I said, and I used to listen to it again and again, on my own, whenever I got the chance.

ist, sondern auch weil sie große Angst hat, dass etwas passieren und das Baby krank oder von ihr getrennt werden könnte. Selbst damals war mir schon klar, dass das nicht stimmen konnte, dass diese Interpretation nicht zum übrigen Text passte, aber das war mir egal. Für mich erzählte dieses Lied von der Frau mit ihrem Baby, und ich hörte es mir immer wieder an, sobald ich allein war.

Подсознательное стремление повествователя жить полноценной жизнью вопреки наложенным его «миссией» ограничениям, раскрывающееся при прослушивании песни с символичным припевом *(Baby, baby, never let me go…)*, образно соотносится с желанием бесплодной женщины из мира *других* иметь детей. Этот метафорический перенос, обнажающий коллизию реальности и мечты, актуализируется в комбинации скоррелированных оппозитивных паттернов, обеспечивающих его поэтапное раскрытие. Так, первый из них аллегорически декларирует установку на достижение недостижимого (свободы действий) как сверхценность, определяющую смысл всего существования *((…) And what I'd imagine was a woman who'd been told she couldn't have babies, who'd really, really wanted them all her life / (…) Dabei stellte ich mir eine Frau vor, die erfahren hatte, dass sie keine Kinder bekommen konnte, aber sich ihr Leben lang nach nichts anderem gesehnt hatte).* В обоих языках указанный посыл передается разноструктурными лексико-грамматическими контрастивами: модально-негационным – отражающим физическую неспособность лирической героини стать матерью, и гиперболическим – манифестирующим жажду познать женское счастье вопреки данным прогнозам. Экспрессивно-эстетический субстрат преувеличения, усиленный ЛЕ-интенсификаторами интенции говорящего, делает гиперболический контрастив более коннотативно нагруженным в сравнении с модально-негационным членом контрастной пары. В результате оппозиция становится структурно асимметричной и приобретает ярко выраженный оценочный потенциал, прагматически оттеняющий мысль о материнстве. В отличие от модально-негационных контрастивов, практически совпадающих в оригинальной и переводной версиях, гиперболические – различаются по компонентному составу: на языке оригинала дополнительная идейная акцентуация обеспечивается препозитивным повтором интенсификатора, на языке перевода – единичным интенсификатором-отрицанием, частично эквивалентным исходному варианту.

Последующее распространенное противопоставление развивает мысль о сверхценности индивидуальной свободы и личностного выбора:

инициальная часть оппозитивного паттерна индицирует счастье от неожиданного воплощения долгожданной мечты *(Then there's a sort of miracle and she has a baby, and she holds this baby very close to her and walks around singing: "Baby, never let me go…" partly because she's so happy (…) / Dann geschieht ein Wunder, und sie bringt doch ein Baby zur Welt, und sie drückt dieses Baby fest an sich und trägt es herum und singt: "Baby, lass mich niemals los...", nicht nur weil sie so glücklich ist (…))*, а финальная – иллюзорность новой реальности и интуитивное предчувствие ее скорой деструкции *((…) but also because she's so afraid something will happen, that the baby will get ill or be taken away from her / (…) sondern auch weil sie große Angst hat, dass etwas passieren und das Baby krank oder von ihr getrennt werden könnte)*. И в английском, и в немецком языковых пространствах оппозиция является симметричной: окказионально антонимичные языковые единицы, рисующие противопоставленные друг другу картины, количественно и качественно равнозначны (*there's a sort of miracle – something will happen / geschieht ein Wunder – etwas passieren; she has a baby – the baby will get ill / sie bringt doch ein Baby zur Welt – das Baby krank werden könnte; she holds this baby very close to her – the baby will (…) be taken away from her / sie drückt dieses Baby fest an sich – das Baby (…) von ihr getrennt werden könnte; she's so happy – she's so afraid / sie so glücklich ist – sie große Angst hat)*. В то же время, несмотря на структурно-семантическую симметрию оппозиции, контрастив с негативной коннотацией все же доминирует над позитивно заряженным контрастивом, так как располагается в контекстуально сильной точке, замыкающей метафорический перенос и фиксирующей тревожно-пессимистичный колорит нарратива.

Финальный оппозитивный паттерн, хоть и не входит в поле развернутой метафоры, непосредственно «прорастает» из него, существенно дополняя уже имеющееся метафорическое содержание. Сначала предвосхищение неизбежного коллапса ирреального мира счастья и свободы, звучащее не в полный голос в момент «схлопывания» метафоры, становится здесь гораздо ощутимее благодаря повторяющимся оппозитивно-негационным конструкциям *((…) I realised this couldn't be right, that this interpretation didn't fit with the rest of the lyrics / (…) war mir schon klar, dass das nicht stimmen konnte, dass diese Interpretation nicht zum übrigen Text passte)*. Затем сигналы объективной реальности вновь заглушаются – на этот раз не косвенно-аллегорическим несогласием, а открытым противительным волюнтаризмом повествователя, воплощенном в оппозитивных элементах и интенсифицирующих их ЛЕ. На языке оригинала к ним относятся негационная лексико-синтаксическая конструкция, сопровождаемая генерализированным утверждением, и повторяющийся интенсификатор частоты действия *(But that wasn't an issue with me. The song was about what I said, and I used to listen to it again and again, on my own, whenever I got the chance*); на языке перевода – утвердительная конструкция с негативной семантикой, предваряющая

конкретное утверждение, и двусоставный интенсификатор того же вида, что и в оригинале *((…) aber das war mir egal. Für mich erzählte dieses Lied von der Frau mit ihrem Baby, und ich hörte es mir immer wieder an, sobald ich allein war).*

Таким образом, архетипично-метафорическое изображение женщины-матери конструирует онтологию социального мира *других* как сверхбытийную самозамкнутую территорию свободы и неограниченных возможностей для всех homo sapiens за исключением клонированных «экземпляров», чья жизнь должна встраиваться в иную – квазибытийную территорию и подчиняться иной логике – логике несвободы и железной, непреодолимой необходимости.

Подводя итог практическому анализу реализации оппозиции *я – другой* в английском и немецком языках на материале романа К. Исигуро “Never Let me Go”, можно сформулировать следующие выводы:

1. Из совокупного количества оппозиций *я – другой*, выделенных в тексте методом сплошной выборки (36 – в оригинале и 45 – в переводе), включая рассмотренные в настоящей статье примеры, подавляющее большинство относится к лексическому уровню лингвоиерархии: 19 (53%) – в оригинале и 25 (56%) – в переводе. Значительно меньшее количество оппозитивных паттернов принадлежит синтаксическому и дискурсивному (текстовому) уровням: 10 (28%) и 7 (19%) – в оригинале, 13 (29%) и 7 (15%) – в переводе. Полученные данные позволяют утверждать, что и в английском, и в немецком языках основную оппозитивную нагрузку несут лексические единицы, что свидетельствует о равно высоких возможностях лексических систем этих близкородственных языков.

2. В плоскости рассмотренных лингвосистем асимметричные лексические оппозиции (13 (69%) – в оригинале, 18 (72%) – в переводе) концептуально преобладают над симметричными (6 (31%) – в оригинале, 7 (28%) – в переводе). Ключевыми факторами асимметрии и в английском, и в немецком языках являются лексические повторы и эмотивно-оценочные интенсификаторы, входящие в пространство одного из оппозитивов. Причем на языке оригинала количественно преобладают повторяющиеся элементы: 14 (61%) из 23 (100%), а на языке перевода – интенсифицирующие: 18 (60%) из 30 (100%). Такая закономерность обусловливается большей семантической свободой немецкого языка, позволяющей продуцировать значительно более внушительное число усилительно-лексических комбинаций за счет большего количества лексических инструментов. Кроме того, при сопоставлении текстов наблюдаются случаи несовпадения семантического объема симметричных/асимметричных оппозитивов в английском и немецком языках, например, *our guardians / unseren Aufsehern.* Однако такие смысловые колебания довольно редки.

3. На синтаксическом уровне как в английской, так и в немецкой версиях романа симметричные/асимметричные оппозиции, в основном, формируются с помощью адверсативных союзов *and, but / aber, sondern* и

адверсативных частиц *not / nicht, kein* в рамках одного предложения или нескольких последовательно соединенных предложений. Тем не менее, в отличие от лексики, структурно-семантические расхождения между двумя языками в синтактике текста встречаются гораздо чаще. Так, например, немецкий язык, в отличие от английского, вследствие свойственных ему вербоцентризма и соблюдения полной синтаксической схемы предложения не допускает сокращения или опущения одного из элементов оппозитивной структуры. Наконец, на синтаксическом уровне, наряду с лексическим, также имеет место эпизодическое несовпадение функционально-семантического объема единиц-носителей оппозитивного смысла, например, *and / sondern*.

4. На текстовом (дискурсивном) уровне отличия между оппозитивными паттернами языка оригинала и перевода носят скорее формальный, чем содержательный характер. Несмотря на внешнюю дифференциацию, все дискурсивные оппозиции в исходной и переводной версиях сохраняют идентичные функции создания корреспондирующих художественных образов, например, *клон – человек, мир клонов – мир людей, свобода – несвобода* и т.д., обеспечивая текстовый контраст и структурируя всю художественную Вселенную произведения.

Таким образом, различия в лингвопрагматической реализации оппозиции *я – другой* двух близкородственных, но типологически различающихся языков на лексическом, синтаксическом и дискурсивном уровнях, в основном, касаются отдельных лексем/синтагм, а не ключевых концептуально-образных моделей. Это позволяет сделать вывод о фундаментальном сходстве концептуальной и лингвистической картин мира обоих германоязычных этносов и в силу этого идентичной интерпретации оппозитивного смысла, пронизывающего анализируемый роман и составляющего каркас его наднациональной антропоцентрической проблематики.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. 256 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 363 с.
3. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. №1. С. 5–12.
4. Кучукова З.А., Берберова Л.Б. За какие произведения присуждают Нобелевскую премию, или художественное измерение романа Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2019. № 3. С. 398–405.
5. Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: РУДН, 2001. 842 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2002. 203 с.
7. Синельникова Л.Н. Ризома и дискурс интермедиальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 805–821.
8. Ярцева В.Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

6.5. ПОНЯТИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В контексте современного этапа лингвистики, характеризующегося как полипарадигмальностью, так и ведущей идеей антропоцентричности языка, все более отчетливо проявляется необходимость изучения языковых явлений в широком социально-культурном контексте и в непосредственной взаимосвязи с коммуникативной деятельностью человека. Целостный и связный текст, трактуемый, в том числе, как «коммуникативно обусловленная речевая реализация авторского замысла» [Матвеева, 2003], в филологии выступает объектом, а часто и предметом исследования, который совпадает с объектом. Со времен средневековой герменевтики в центре проблематики филологических работ находится художественный текст, являющийся в то же время и частью культуры, и ее продуктом, и основой. Современное понимание системы художественного произведения, безусловно, предполагает изучение культурной информации, пронизывающей пространство текста и включающей в себя артефакты, элементы языковой картины мира, концепты, в том числе культурные и этноспецифические.

Отмечая важность изучения функционирования текста как феномена культуры, известный отечественный лингвист и литературовед Г.О. Винокур подчеркивал: «Всякий языковед, изучающий язык …, непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [Винокур, 1959, с. 211]. Данное суждение о неразрывной связи языка и культуры созвучно высказыванию известного советского и российского лингвиста С.Г. Тер-Минасовой, в работах которой новое фундаментальное научное направление “Лингвистика и межкультурная коммуникация” получило четкие контуры: «В то же время компонент культуры – не просто некая культурная информация, сообщаемая языком. Это неотъемлемое свойство языка, присущее всем его уровням и всем отраслям» [Тер-Минасова, 2000, с. 14].

Внимание зарубежных и отечественных исследователей к изучению коммуникативности как интегрального качества текста, к рассмотрению художественного текста как формы коммуникации и единицы культуры, к исследованию текстовой деятельности как одной из разновидностей коммуникативной деятельности человека, безусловно, связано с необходимостью аналитического рассмотрения понятия интерпретации текста, исследуемого в современном научном контексте. Интерпретационный процесс в данном случае трактуется как преодолеваемый читателем в ходе его общения с автором своеобразный «путь к пониманию» [Демьянков, 1983], к постижению «концептуального содержания текста, отражающего авторское видение мира» [Болотнова, 2009], к проникновению в образы другой культуры в контексте

межкультурной коммуникации, опосредованной чтением иноязычного художественного произведения [Bennett, Royle, 2014].

Важно заметить, что интерпретация мира вообще и, тем более, художественного текста всегда подразумевает известную долю субъективности [Wales, 2001]. В отношении художественного текста можно говорить о множественности картин мира как художественных мировидений с учетом того, что язык, согласно мнению исследователей, является зеркалом культуры, «в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [Тер-Минасова, 2000, с. 14].

В научной литературе понятие "картина мира" трактуется как представление о мире человека (индивидуальная картина мира) или социума (национальная картина мира) на определенном этапе его развития, отраженное в системе образов, понятий, концептов. В исследованиях различают концептуальную (в иной терминологии – когнитивную), культурную и языковую картины мира [Тер-Минасова, 2000]. Последнее понятие рассматривается как языковое воплощение объективного мира, при этом язык не создает своей собственной картины мира, а лишь фиксирует ту его картину, которая существует в сознании человека. Обращение к понятию "языковая картина мира" позволяет понять соотношение языка и действительности, процессы языкового отображения действительности, рассматриваемые исследователями как интерпретация человеком окружающего непреложного мира. Данные формы "картины мира" тесно связаны между собой, поскольку язык отражает определенный способ восприятия и моделирования окружающего мира. Язык, в понимании большинства современных исследователей, представляет собой инструмент, с помощью которого происходит концептуализация мира человеком [Gavins, Steen, 2003].

Рассматриваемое нами важное для современной науки о языке понятие интерпретации текста, достаточно емко и точно трактуемое отечественными филологами вслед за выводами психологов и философов как «отражение отражения» [Болотнова, 2009, с. 37], неизбежно включает как основное значение «истолкование, разъяснение смысла», так и другие коннотации, связанные с подчеркнутой выше диалогической сутью любого интерсубъектного общения, и, бесспорно, литературной коммуникации. Данные оттенки значения понятия интерпретации текста устанавливаются как «творческое раскрытие какого-нибудь художественного произведения, образа, определяющееся идейно-художественным замыслом и индивидуальностью артиста» [Крысин, 2005, с. 310]. В силу знакового характера и языка, и культуры, и всякого текста оба значения изучаемого нами понятия интерпретации соотносимы с понятием литературно-художественного текста.

Здесь важно отметить, что понятие интерпретации текста является характерным для западной гуманитарной научной мысли и рассматривается в литературной критике, стилистике, герменевтике, теории деконструкции (см. работы А. Беннетта, П. Вердонка, Д. Лоджа, Р. Поупа, Е. Семино, П. Стоквелла, К. Уэйлз, У. Эко и др.). В британской стилистике и литературной критике данное понятие непременно сопряжено с коннотациями толкования и признанием существования множественности текстовых интерпретаций. Тем не менее, исследователями подчеркивается, что данные интерпретации должны быть адекватными исходному тексту: “On the one hand, a text may give rise to more than one interpretation, because of the complexity or plurivalence of its language or themes (e.g. Hamlet); on the other, the reader or listener can be said to produce the meaning just as much as the author or the text does. Or rather, there is a continual interaction between the text and the reader, which (ideally) acts as a constraint on the degree of freedom or (im)plausibility of any interpretation” [Wales, 2001, p. 219].

Понятие диалогичности понимания текста, которое становится объектом внимания в работе профессора К. Уэйлз, основано как на признании активной позиции читателя, интерпретатора, адресата художественного текста в литературной коммуникации, так и на неразрывной связи субъективного и объективного в процессе чтения и понимания. Смысл интерпретируемого текста есть не что иное, как субъективное отражение содержательного плана текста в сознании воспринимающего его читателя, адресата на основе присущего ему культурологического тезауруса и разделяемых им духовных ценностей, моральных и социальных установок, формирующих его миропонимание. Вместе с тем как субъективные, так и объективные факторы оказывают влияние на смысл текста. Именно в этом убеждает нас, например, изучение стилистической и смысловой многослойности текста современного английского романа, анализ межтекстового взаимодействия в его художественном пространстве, в том числе рассмотрение влияния композиции на формирование его смысла.

Необходимо подчеркнуть, что коммуникативный подход к тексту, безусловно, как отмечалось выше, предполагает необходимость рассмотрения его информативно-смысловой организации при изучении понятия интерпретации. Взаимосвязь и неразрывность понятий интерпретации текста и его смысла обусловлены признанием инварианта смысла текста, объективно заданного текстовой организацией. В этой связи следует отметить, что одной из основных черт современного английского романа является межтекстовый диалог как средство выражения его смысла [Соловьева, 2006, с. 137-138]. Межтекстовый диалог как объективный фактор, оказывающий влияние на смысл текста данного жанра, играет весьма существенную роль в современной английской культуре. Литературные аллюзии, цитаты, реминисценции, заимствуемые из мировой литературы, книг Библии, собственного литературного наследия, не только

входят в тексты художественных произведений, но и играют важную роль в выражении смысла данных текстов, употребляясь в качестве заглавий произведений, многочисленных эпиграфов к ним, отдельным композиционным элементам, главам. Прецедентные тексты становятся концептуальной основой многих английских постмодернистских романов. Персонажи художественных произведений, принадлежащих данному жанру, часто обращаются к цитированию для выражения или иллюстрации своих мыслей, участвуют в игре цитатами, которая с начала XX века является общим увлечением писателей, критиков, и позже находит свое отражение в английской художественной литературе.

В свою очередь, субъективная сторона понимания текста подвержена влиянию исторической и культурной ситуации, т.е. экстралингвистических контекстов. Подобным образом, своеобразие современного английского романа как феномена культуры проявляется, в том числе, в его соотнесенности как с константами английской культуры, так и культурологическими тезаурусами английских писателей-постмодернистов. Определенные стилистические характеристики английского текста, принадлежащего англоязычному постмодернистскому литературно-художественному дискурсу, могут быть выявлены в контексте рассмотрения общих принципов постмодернистской поэтики. Вместе с тем, специфика английского литературного постмодернизма видится нам во взаимосвязи универсального характера интертекстуальности и британской национальной идентичности. Постмодернистский коллаж, свойственный рассматриваемому нами виду дискурса, в рамках которого функционируют тексты современного английского романа, как способ выражения стилистической множественности характеризуется проекцией цитат, отсылок, кодов и не отделим от предшествующих культурных текстов. Составляющие коллажа наполнены юмором, пародийностью, которые приглашают читателя к его интерпретации. В этом смысле важно, что постмодернизм как художественная парадигма вслед за структурализмом признает наличие кодов, обеспечивающих функционирование текста в процессе коммуникации. В подобной невозможности постмодернистского текста обойтись без цитирования, отсылок, заимствований и самоцитирования, критики и теоретики данного художественного явления отмечают не признак бессилия, а признание за ним права заново открывать смысл или смыслы [Джеймисон, 2004].

Нельзя не отметить, что вследствие признания текстовой деятельности как одной из разновидностей коммуникативной деятельности человека процесс понимания художественного текста, охватывающий несколько этапов коммуникативной деятельности адресата (восприятие, интерпретация, понимание), допускает творческое понимание читателем художественного слова – в этом случае читатель, интерпретатор, адресат литературной коммуникации объединяет плоды авторского и собственного воображения. В таком контексте читательская интерпретация текста может трактоваться как вид вторичной текстовой деятельности, ведущей к

созданию вторичного же речевого произведения в точке соприкосновения двух языковых личностей (автора и читателя, интерпретатора) [Ионова, 2008].

Важность рассмотрения понятия интерпретации в контексте деятельностного подхода – как «системы действий на основе знаний, навыков и умений, позволяющих создавать тексты и воспринимать, интерпретировать их» [Болотнова, 2002, с. 6-7], на наш взгляд, согласуется с справедливым высказыванием С.Г. Тер-Минасовой о значимости коммуникации в жизни человека и необходимости ее всестороннего изучения: «Его Величество Общение (или Ее Величество Коммуникация) правит людьми, их жизнью, их развитием, их поведением, их познанием мира и самих себя как части этого мира. И всякая попытка осмыслить коммуникацию между людьми, понять, что ей мешает и что способствует, важна и оправданна, так как общение – это столп, стержень, основа существования человека» [Тер-Минасова, 2000, с. 8].

Таким образом, множественность возможных толкований художественного произведения, вызванная общением автора и адресата, историческая изменчивость понимания текста объясняются зарубежными и отечественными учеными неоднозначностью семантического пространства текста, стилистической и смысловой многослойностью художественных текстов. Множественность интерпретаций художественного текста, который создает для интерпретатора пространство диалога с автором и самим собой, предопределена, согласно выводам исследователей, А Беннетта и Н. Ройла, как развитием личности читателя и его культурологическим тезаурусом, так и включенностью каждого литературно-художественного текста в «большой диалог»: “Like any piece of writing (even a text-message), a literary work is capable of outliving its author. This capacity for the text to live on is part of its structure, of what makes it a text. This is not something that the author can control. More generally, no author owns the meanings or the readings of his or her text” [Bennett, Royle, 2014, p. 26].

Важно подчеркнуть, что признание многообразия читательских интерпретаций гармонично сочетается в британской стилистике с рассмотрением коннотаций субъективности и творчества, свойственных сложному и динамичному характеру процесса стилистической интерпретации художественного текста: “Inevitably, the process of interpretation will be coloured by subjectivity, and even by changes in fashion and taste from one period to another. All these connotations, of exposition, creativity and subjectivity, are also there when we talk of an actor’s ‘interpretation’ of a role on stage” [Wales, 2001, p. 219].

Гипотетичность, многоаспектность рассмотрения фундаментальных вопросов интерпретации художественного произведения характеризуют работы известного отечественного лингвиста, основоположника научной школы стилистики декодирования И.В. Арнольд, посвященные проблематике научной и духовной методологии толкования текста, имеющей многовековую историю. Ученым были представлены подлинные

образцы и опыт целостного филологического анализа литературных произведений, принадлежащих различным литературно-художественным парадигмам и национальным литературам [Арнольд, 1985; 1995; 2016]. Представленный в данных работах анализ читательского восприятия текста основан на единстве стилистического, литературоведческого и культурологического подходов, отвечающих потребностям современной лингвистической парадигмы, предполагающей рассмотрение текста, как было подчеркнуто выше, как формы коммуникации и единицы культуры. В основу новой методики анализа текста, разработанной ученым, положены приемы выдвижения важнейших смыслов на основе стилистического контекста. Автор стилистики декодирования, направленной на читательское восприятие и сотворчество, на восприятие и усвоение особенностей кода, т.е. языка, подчеркивает необходимость руководствоваться разумным сочетанием объективности и субъективности, следовать строгим методам и интуиции, что обусловлено спецификой гуманитарных наук и задачами развития личности и творческого освоения культурного наследия.

Во многих работах И.В. Арнольд, отмеченных выше, отражаются основные направления исследований известного советского и российского ученого, рассматриваются как перспективы развития научной мысли, так и разрабатывавшиеся в русской науке уже в трудах В.Г. Белинского и в особенности А.А. Потебни проблемы художественного восприятия.

В связи со сказанным важно отметить традицию рассмотрения указанных проблем в рамках современного отечественного и зарубежного филологического знания. Диалогический характер формирования смысла в сознании читателя, интерпретатора текста связывается отечественными исследователями с упомянутым выше процессом «отражения отражения», поскольку текст трактуется ими как результат речемыслительной деятельности автора, его создателя, так и как стимул к созданию вторичного текста как итога интерпретирующей деятельности адресата, творчески воспринимающего исходный авторский текст. Тем не менее, множественность толкований авторского текста не является безграничной, интерпретация исходного текста относительно детерминирована, что было отмечено нами выше при рассмотрении понятия инварианта смысла текста. Пределы вариативности, согласно выводам ученых, «зависят от инвариантных смыслов всей структуры и ее элементов в их взаимодействии», возможности различного понимания художественного произведения «должны быть обоснованы текстом и ничего общего не имеют с произвольным фантазированием и предвзятым пониманием» [Арнольд, 2016, с.194, 341].

Таким образом, диалогичность понимания каждого литературно-художественного текста в современной отечественной и зарубежной лингвистике и стилистике основана как на признании неоднозначности семантического пространства текста, активной позиции интерпретатора, читателя в литературной коммуникации, так и на неразрывной связи субъективного и объективного в процессе чтения и раскрытии смысла текста.

Особого внимания заслуживает точка зрения армянского ученого, лингвиста, писателя-публициста С.Т. Золяна, изложенная в статье «Интерпретация текста – метатекст или реальность?» [Золян, 2005], посвященной проблеме предела множественности интерпретаций и объективности осмысления и понимания художественного текста. Согласно автору, каждая из интерпретаций является функцией от текста и контекста к возможным мирам, определяющей, «какой именно возможный мир соответствует данному тексту при данном контексте». Вследствие этого множество интерпретаций может быть неограниченным, но каждая из них определена соответствующим контекстом. При подобном подходе к интерпретации текста «тезис о бесконечности и незамкнутости интерпретаций остается в силе», но «дополняется положением об относительной детерминированности интерпретации». Указанное положение обусловливает возможность существования различных интерпретационных стратегий, при которых колеблется степень детерминированности. По мнению С.Т. Золяна, «предлагаемый подход представляет лингво-семиотическую переформулировку знаменитой теоремы Геделя о неполноте всякой формальной системы. Однако неполноту (и недоопределенность) любой интерпретации не следует смешивать с неопределенностью и произвольностью» [Золян, 2005, с. 9-10].

Таким образом, признание множественности смыслов художественного произведения не предполагает безграничности его толкований. При подобном подходе, обусловливающем признание присущей всем видам искусства вариативности интерпретаций (см. труды Ю.М.Лотмана, К. Уэйлз, Р. Поупа), эта вариативность сдерживается объективными компонентами текста.

Стоит также подчеркнуть, что любой текст, в том числе художественный, является знаковой системой. Всякий знак имеет материальную сторону, и, следовательно, объективируется. В связи с этим, интерпретация и понимание текста требуют поиска объективного языкового подтверждения читательской гипотезы в силу признания исследователями двух сторон процесса понимания, субъективной и объективной. Каждая из них может быть «исторической» и «дивинаторной» (основанной на догадке). Согласно И.В. Арнольд, «объективное понимание – это понимание грамматическое, т.е. текст при этом рассматривается как языковое явление. Субъективное понимание есть понимание творческое» [Арнольд, 2016, с. 349].

Признавая справедливость рассмотренных выше точек зрения на сдерживание вариативности интерпретаций объективными компонентами художественного текста, а также на наличие двух сторон процесса понимания, вслед за Л.Г. Бабенко подчеркнем, что основа объективности интерпретации художественного текста, самого сложного языкового знака, заключена в его системно-структурной организации, семантике используемых в нем языковых единиц, поскольку текст создается автором для вы-

ражения своих индивидуальных представлений о мире, знаний о мире при помощи набора языковых средств и направлен читателю [Бабенко, 2004].

Аналогичного мнения на интерпретационный потенциал структурной организации художественного текста, семантики используемых в нем языковых единиц придерживается цитируемая выше К. Уэйлз, которая подчеркивает значимость процесса восприятия для полноценной лингвостилистической интерпретации текста и развития сформированных ранее у исследователей текста читательской и культурной компетенций: “In stylistics it is the interpretation of the language derived from the analysis of the formal and semantic patterns which leads to the assessment of the significance of findings for the interpretation of the text’s overall meaning. And interpretation at this level is guided by our competence as readers of literature; by our knowledge of literary conventions such as genre, and by our cultural knowledge” [Wales, 2001, p. 219].

Рассмотрение фундаментальных вопросов интерпретации художественного текста подводит нас к важным выводам о необходимости обращения преподавателей-филологов, в первую очередь – в курсе стилистики, к многогранным понятиям межкультурной коммуникации, диалога культур в процессе обучения студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков декодированию иноязычного литературно-художественного текста. Успешное осуществление литературной коммуникации, основой которой является диалогическое взаимодействие двух субъектов – автора и читателя, обусловлено обладанием последним текстуальной компетенцией, связанной с культурным контекстом существования языка и основанной на многоаспектном объеме знаний культурного сообщества. Важно помнить, что «глубинное творческое понимание текста должно происходить в контексте всей культуры» [Арнольд 2016: 346]. Следовательно, процесс понимания текста, изучение интерпретационного потенциала его системно-структурной организации, семантики используемых в нем языковых единиц помимо диалога автора и читателя неизбежно включает также авторский и читательский диалог со всей предшествующей и современной культурой. Опора преподавателя на понятие диалога культур в учебно-коммуникативной деятельности обучаемых при рассмотрении принципов декодирования целостного текста будет способствовать пониманию влияния всех лингвистических и экстралингвистических аспектов поэтического или прозаического текста на стилистическое раскрытие его смысла. Двухмерность семантического пространства художественного текста, лежащая в основе неразрывного единства объективной и субъективной сторон его интерпретации, обусловливает активно ответный, диалогический характер читательского понимания.

Стилистика декодирования (стилистика восприятия) как методологическая основа учебного курса стилистики может рассматриваться как фактор развития художественного вкуса обучающихся, способствует нормализации языка, помогает студентам хорошо и выразительно говорить и писать. В рамках данного направления стилистики сущность интерпре-

тации текста на иностранном языке состоит в ознакомлении студента с миром идейных и эстетических ценностей иноязычного художественного произведения параллельно с получением лингвистической информации, заложенной автором в тексте и декодируемой его читателем или слушателем. Развитие высокой культуры чтения художественной литературы студентов осуществляется в ходе управляемой преподавателем когнитивной деятельности обучающихся на основе изучения ими теоретических основ фонетической, лексической, синтаксической, функциональной стилистики, положений теории образов, принципов выдвижения, овладения ими навыками анализа графической стилистики, выразительных и изобразительных средств, проведения стилистического анализа в целом.

Деятельностная составляющая обучения стилистике современного английского языка рассматривается нами с позиции развития межкультурной иноязычной коммуникативной компетентности как способности студентов использовать изучаемый английский язык в дальнейшей работе над языком для развития самостоятельной критической мысли на основе уже приобретенного в ходе обучения опыта в виде знаний, навыков, умений. Активизации мыслительной деятельности обучающихся и их включенности в занятия по стилистике современного английского языка способствует преимущественное использование преподавателями парной и групповой форм работы, позволяющих студентам передавать свои мысли и обмениваться ими в процессе учебного и педагогического общения. Акцент на данные формы работы содействует организации речевого взаимодействия преподавателя и учащихся на изучаемом языке, а также учащихся между собой, обмену информацией и усвоению ими средств и способов речевого общения посредством языка, выбору коммуникативного поведения, соответствующего ситуации педагогического общения.

Речевое взаимодействие, являясь одним из важных условий организации учебной работы студентов на занятиях по иностранному языку, средством активизации речемыслительной деятельности обучаемых, в данном случае стимулируется особенностями семантического пространства, анализируемого аутентичного литературно-художественного текста. В контексте современного стилистического подхода к процессу понимания литературно-художественного текста, разделяемого отечественными и зарубежными специалистами в данной сфере лингвистического знания, специфика семантического пространства подобного текста складывается из работы двух механизмов – порождения текста и его восприятия.

Современная стилистика помогает воспринимающей системе студента реагировать на средства воздействия, управлять его мыслительным, эмоциональным и эстетическим восприятием всех текстовых средств художественного изображения, образующих целостную структуру. Важно подчеркнуть, что стилистический анализ в учебном процессе на старших курсах языковых факультетов рассматривается не как самоцель, а как «катализатор познавательного, идейного, эмоционального и эстетического воздействия литературы» [Арнольд, 2004, с. 10]. Подобный подход

к обучению языку позволяет будущему преподавателю правильно понять содержание англоязычного аутентичного текста, уметь передать свое впечатление другому, развить культуру чтения оригинальной художественной литературы, овладеть методикой обучения сознательному чтению. Таким образом, дидактический потенциал учебного предмета «Стилистика» может использоваться в целях *развития межкультурной иноязычной коммуникативной компетенции* студентов языковых факультетов университетов, понимаемой нами как *способности осуществлять эффективную коммуникацию в межкультурном контексте*, в связи с теми требованиями, которые предъявляются современным обществом к уровню культурной и коммуникативной компетентности личности, ее способности преодолевать коммуникативные барьеры в рамках *современной межкультурной коммуникативной парадигмы образования*.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 341-350.
2. Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста). Спб.: Изд-во «Образование», 1995. 60 с.
3. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: ЛЕНАНД, 2016. 448 с.
4. Арнольд И.В., Дьяконова Н.Я. Авторский комментарий в романе Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44. № 5.
5. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2004. 384с.
6. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта; Наука, 2009. 384 с.
7. Болотнова Н.С. Текстовая деятельность на уроках русской словесности: методики лингвистического анализа художественного текста: Метод. пособ. Томск, 2002. 64 с.
8. Винокур Г.О. О задачах истории языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русского языку. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Минпроса РСФСР. 1959.
9. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопр. Языкознания. 1983. №6. С. 58-76.
10. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма // Современная литературная теория: Антология. М., 2004. С. 273-293.
11. Золян С. Интерпретация текста – метатекст или реальность? // Стилистика и теория языковой коммуникации: Тезисы докладов Международной конференции. М.: Изд-во МГЛУ. С.9-10.
12. Ионова С.В. Интерпретация как вид вторичной текстовой деятельности // Вестник ВолГУ. Серия 2. 2008. № 1 (7). С. 6-11.
13. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 994 с.
14. Соловьева Н.А. Английский роман в эпоху постмодернизма // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник 2006: Постмодернизм. Парадоксы бытия. М.: РАН ИНИОН. С. 136-154.
15. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/SLOVO, 2000. 261 с.
16. Bennett A., Royle N. An Introduction to Literature, Criticism and Theory. London and New York: Routledge, 2014. 379 p.
17. Gavins J., Steen G. Cognitive Poetics in Practice London: Routledge, 2003. 188 p.
18. Wales K. A Dictionary of Stylistics. Essex: Pearson Education Limited. 2001. 430 p.

6.6. РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ПРЕСУППОЗИЦИЙ АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Художественный текст представляет собой сложный многоаспектный системно-деятельностный феномен. Процесс создания и понимания художественного текста происходит поэтапно и непосредственным образом связан с его интерактивным сущностным пространством, частью которого являются пресуппозиции. Пресуппозиции, так же как и художественный текст, характеризуются непростой комплексной природой как в аспекте содержания, так и в функциональном плане. Лежащий в основе художественного текста и пресуппозиций общий принцип построения позволяет рассматривать их одновременно в их взаимосвязи и взаимодействии. И художественный текст, и пресуппозиции являются амбивалентно-бинарными и в системно-сущностном, и в функционально-деятельностном отношениях.

Как единица системы художественный текст одновременно принадлежит и языку, и речи (лингвистическая и речевая единица), является знаком и общего литературного языка, и языка конкретного писателя (семиотическая единица), представляет собой знаковый продукт и первичной коммуникативной деятельности автора, и вторичной коммуникативной деятельности читателя (коммуникативная единица). Как деятельностная категория художественный текст выполняет регулятивную функцию по осуществлению знакового взаимодействия автора (текстосоздание) и читателя (текстовосприятие) [Васильева, 2024, с. 63-64]. Пресуппозиции существуют в сознании автора и читателя в виде лингвокультурных (лингвокультурные пресуппозиции) и внеязыковых (ситуативно-коммуникативные пресуппозиции) знаний и представлений, проявляются в момент перехода от первичной коммуникативной деятельности автора к вторичной коммуникативной деятельности читателя и служат лингвоментальными ориентирами, относительно которых они совершают свои когнитивно-дискурсивные действия [Там же, с. 93, 96]. В пространстве художественного текста свою вербальную форму обретает лингвокультурный пресуппозитивный потенциал автора в виде текстовых маркеров, представляющих собой языковые и культурные единицы текста, а также средства художественной выразительности, которые он использует для реализации своего замысла. Лингвокультурный пресуппозитивный потенциал читателя не имеет непосредственной словесной репрезентации в тексте, но активно им используется для выделения и осмысления «смысловых ориентиров автора» с целью экспликации его посыла. Таким образом, глубина понимания идейно-смыслового содержания художественного текста автора зависит от объема лингвокультурного пресуппозитивного потенциала читателя и его умения видеть и понимать расставленные автором словесные эмотивно-смысловые акценты.

Процесс реализации деятельностного потенциала лингвокультурных пресуппозиций в художественном пространстве протекает поэтапно и

соотносится с текстовыми маркерами, представляющие собой иерархически организованную функциональную систему, на каждом уровне которой интуитивно или осознанно размещенные автором «знаки движения» с большей или меньшей глубиной постигаются читателем, постепенно направляя и перемещая его в «пункт назначения».

Полагаем важным обратить внимание на тот факт, что лингвокультурные пресуппозиции являются средством ориентирования, которое опосредовано языковыми личностями участников коммуникативного взаимодействия. Вследствие этого один и тот же художественный текст может иметь огромное количество интерпретаций, что свидетельствует о его силе и востребованности, а значит, продлевает его жизнь в социуме: “… the power of a literary work depends on its ability to move a wide range of readers who may approach the text from widely varying perspectives” [Deane, 2020, p. 3] («… сила литературного произведения зависит от его способности заинтересовать широкий круг читателей, которые могут подходить к тексту с самых разных точек зрения» [Перевод наш. С.В.]).

В качестве текстового материала, иллюстрирующего поэтапную реализацию деятельностного потенциала лингвокультурных пресуппозиций автора и читателя в художественном тексте, был выбран рассказ Э. Хемингуэя “The Chauffeurs of Madrid” («Мадридские шоферы»), поскольку вступление во взаимодействие с этим писателем возможно лишь при наличии у читателя умения выделять и осмысливать прежде всего лингвокультурные пресуппозиции. Данный вывод был сделан на основании следующих положений: во-первых, художественные тексты данного автора отличает неявная лингвокультурная пресуппозитивная насыщенность, как следствие созданной им «теории айсберга», предполагающей простоту и незамысловатость внешней, «находящейся над водой» частью и глубокой, «скрытой от внешнего глаза толщей воды» смысловой составляющей; во-вторых, рассказ как малая литературная форма требует особого мастерства писателя, которое заключается в его умении в условиях небольшого объема текста создать емкое художественное пространство; в-третьих, в данном рассказе размышления автора занимает вопрос, который имеет и, безусловно, будет иметь исключительно важное место как в коллективном, так и в личностном осмыслении общечеловеческих ценностей.

Основу пресуппозитивного комплекса художественного текста составляют экспрессивно-риторические текстовые маркеры, в качестве которых выступают различные словесные обозначения и средства художественной выразительности, при помощи которых автор создает образы (образы-персонажи и образы-символы), составляющие художественное пространство его произведений. В рассказе “The Chauffeurs of Madrid” («Мадридские шоферы») в роли дискурсивно-художественных текстовых маркеров Э. Хемингуэем используются следующие фигуры речи.

1. Автор обращается к **иронии** с целью подчеркнуть комичность образа, высмеять его социально-эстетическое значимое, дать читателю

намек о том, что его явное словесное описание, характеристика или выраженное о нем мнение имеют скрытый противоположный смысл, иными словами, внешняя форма и внутреннее содержание высказывания не соответствуют друг другу:

образ-персонаж Томаса

"He had several front teeth missing and seethed with patriotic sentiments"[Hemingway, 1971, p. 303] («*У него не хватало нескольких передних зубов, и он так и пылал патриотическими чувствами*» [Хемингуэй, 1983, с. 614; пер. с англ. В. Топер]);

"*… Tomas said, through missing teeth, "Long live Madrid, the Capital of my Soul!*" [ibidem, p. 303] («*… Томас сказал шепелявым беззубым ртом: «Да здравствует Мадрид, столица души моей!*» [Там же, с. 614]);

образ-персонаж Давида

"*… and he had only one real defect as a chauffeur. He couldn't drive a car*" [ibidem, p. 305] («*и как шофер имел только один недостаток: он не умел водить машину*» [Там же, с. 616]);

"*The only thing that developed in David was his vocabulary*" [ibidem, p. 307] («*Единственное, в чем Давид делал успехи, – это в сквернословии*» [Там же, с. 617]).

2. Автор прибегает к **сравнению** для того, чтобы придать образу яркость, живость, подвижность, сделать его более эстетически насыщенным и экспрессивным, подчеркнуть его определенную качественную характеристику и в конечном итоге помочь читателю воссоздать его в своем воображении:

образ-персонаж Томаса

"… looked like a particularly unattractive, very mature dwarf out of Velàsquez…" [ibidem, p. 303] («*… походил он на крайне уродливого, старообразного карлика с картины Веласкеса…*» [Там же, с. 614]);

образ-персонаж Давида

"*He was like a horse which has only two gaits; walking and running away*" [ibidem, p. 305] («*Бывают такие лошади, которые способны только на два аллюра: либо идти пешком, либо понести*» [Там же, с. 616]);

образ-символ Мадрида

"*… rising like a great white fortress across the plain …*" [ibidem, p. 303] («*… встающий над равниной как величавая белая крепость …*» [Там же, с. 614]).

3. Автор применяет **художественную деталь** с тем, чтобы акцентировать внимание читателя на определенной выразительной особенности образа, его некой отличительной подробности, сделать образ более реалистичным, что способствует его визуализации и более глубокому осмыслению читателем:

образ-персонаж Томаса

"*… was four feet eleven inches high…*" [ibidem, p. 303] («*росту в нем было четыре фута одиннадцать дюймов…*» [Там же, с. 614]);

"*… put into a suit of blue dungarees*" [ibidem, p. 303] («*одетого в синий комбинезон*» [Там же, с. 614]);

образ-персонаж Ипполито

«*He walked with a roll, putting his feet down flat at each stride…*" [ibidem, p. 307] («*Он ходил вразвалку, крепко вступая на всю подошву…*» [Там же, с. 617]).

4. Автор употребляет **антитезу** с намерением обратить внимание читателя на некоторое противоречие, несоответствие, диссонанс как внутри отдельно взятого образа или отношения к нему, так и между образами художественного текста.

образ-персонаж Томаса

"*… no matter how well the car had run coming home at night, Tomàs never could start her in the morning*" [ibidem, p. 304] («*… как бы хорошо машина не шла накануне вечером по пути домой, Томас наутро никак не мог завести мотор*» [Там же, с. 615]);

образ-персонаж Давида

"*But he was a good, if fairly useless, kid…*" [ibidem, p. 307] («*Но он был славный мальчик, хотя пользы от него было мало…*» [Там же, с. 617]);

образ-персонаж Ипполито

"*Hipolito was not much taller than Tomàs, but he looked carved out of a granite block*" [ibidem, p. 307] («*Ипполито ростом был немногим выше Томаса, но он казался высеченным из гранита*» [Там же, с. 617]).

5. Автор выбирает **олицетворение** для того, чтобы «одушевить» образ, сделать его более выразительным, емким, многозначным, а значит, и более запоминающимся для читателя.

образ-символ войны

"*… the tearing rush of incomers … the chu-chu-chu-ing air parting rustle of sound that came from the battery…*" [ibidem, p. 307] («*… пронзительный визг неприятельских снарядов … рассекающее воздух шипение республиканской батареи…*» [Там же, с. 616]).

6. Автор использует шестивершинный дистантный **повтор** с целью придать большую экспрессивно-смысловую нагрузку лексике, которая по своей сути является нейтральной, заострить внимание читателя на описываемом словами образе.

образ-символ войны

"*There were great holes all down the sidewalks… There was not a living person on either side of the street… There were many dead… There was some more shelling sound… There was new smashed cement work all over the sidewalk… There was rubble scattered all down that street…*" [ibidem, p. 309-310] («*На тротуарах зияли глубокие воронки… Ни души не было на этой улице… Было много мертвых… Снова послышались взрывы… По всему тротуару валялись свежие обломки бетона… Переулок был сплошь усеян щебнем…*» [Там же, с. 619]).

Важно обратить внимание на **комплексное использование** средств художественной выразительности Э. Хемингуэем на разных по протяжен-

ности участках текста. Например, при вербализации образа-персонажа Томаса в рамках одного предложения автор обращается к прилагательным в превосходной степени, иронии и антитезе, вследствие чего создаваемый образ приобретает сочность, плотность, экспрессивность в воображении читателя:

"*… along with* ***his size***, ***his patriotism***, *and his general inefficiency, and we went him back to Valencia, with a note to the press department* ***thanking*** *them for Tomàs, a man of the noblest sentiments and the finest intentions; but could they send us something just a little braver*" [ibidem, p. 303] («*…плюс* ***карликовый рост***, ***неумеренный патриотизм*** *и общая непригодность стали вызывать в нас жалость, и мы отослали его обратно, в Валенсию, с письмом для отдела печати, в котором выражали* ***горячую благодарность*** *за Томаса, человека благороднейших чувств и наилучших намерений; но не могут ли они прислать нам кого-нибудь чуточку похрабрее?*» [Там же, с. 614]).

При сравнении текстов оригинала и перевода обнаруживаем между ними некоторое расхождение, а именно появление у В. Топер прилагательных, определяющих рост, патриотизм одного из главных героев и отношение к нему, при их отсутствии у Э. Хемингуэя, причем два прилагательных (патриотизм – неумеренный, благодарность – горячая) переводчик явно употребляет с иронией, а третье прилагательное (рост – карликовый) является метафорой. На наш взгляд, целесообразно рассматривать данные лексические приращения как доказательство высокого уровня мастерства Э. Хемингуэя, которому удалось создать яркий образ, адекватно воспринятый читателем.

Подобного рода примером служит способ номинации образа Ипполито, где автор, употребляя одновременно такие фигуры речи, как повтор и сравнение, не просто акцентирует внимание читателя на отличительных личностных характеристиках указанного персонажа, но, каждый раз сопоставляя эти характеристики с объектами действительности, он снабжает художественный образ дополнительным эстетическим содержанием, что усиливает читательское восприятие: "*All the time he was as solid as the rock he looked to be cut from,* ***as sound as a good bell*** *and as regular and accurate as a railway man's watch*" [ibidem, p. 308] («*Все время он был тверд, как гранит, из которого, казалось, он высечен,* ***здоров, как бык,*** *и точен, как часы железнодорожника*» [Там же, с. 614]).

При установлении соотношения между текстами оригинала и перевода можно отметить удачно подобранный эквивалент фразеологизма "as sound as a good bell", предложенный В. Топер. Словарь идиом издательства «Логман» определяет данное устойчивое словосочетание как "completely strong and healthy" [Longman Idiom Dictionary, p. 23] («очень сильный и здоровый» [Перевод наш. – С.В.]). В. Топер, учитывая национально-культурные особенности языка перевода, естественным образом сравнивает очень сильного и здорового человека с быком, как это принято среди представителей русского этноса.

Следующим примером комплексного использования Э. Хемингуэем средств художественной выразительности является сочетание дистантного повтора и антитезы на достаточно длинном участке текста для создания образа-персонажа Давида: “*He liked the war… He liked the tearing rush of the incomers…*” [ibidem, p. 305-306] («*Война ему нравилась… Ему одинаково нравились и пронзительный визг неприятельских снарядов…*» [Там же, с. 616]);

“*It’s full of blood. It’s a terrible thing… It’s a terrible thing. I did not know there were such things… But it is a terrible thing just the same to see…*” [ibidem, p. 306-307] («*Вся в крови. Просто ужас… Вот ужас! Я не знал, что такое бывает… Но все-таки глядеть на это ужасно…*» [Там же, с. 617]). Приведенный пример демонстрирует необычное употребление антитезы. Анализируя тексты оригинала и перевода, устанавливаем, что антитеза проявляет себя не на уровне явной формы, а на уровне скрытого содержания, как отражение того, что внутри образа-персонажа под воздействием внешних факторов произошли изменения кардинального, возможно, необратимого личностного характера.

Особой значимостью характеризуются примеры, в которых нейтральные словесные обозначения, употребляемые Э. Хемингуэем для создания образа-символа войны, приобретают абсолютно новый статус в тексте перевода В. Топер. Например, прилагательное становится эпитетом, а существительное получает резко отрицательный коннотативный оттенок: “*… the bombardment… was almost too bad…*” [ibidem, p. 307-308] («*… обстрела … такого зверского…*» [Там же, с. 618]);

“*… smoking shambles…*” [ibidem, p. 308] («*… дымящуюся бойню…*» [Там же, с. 618]).

Таким образом, приведенный материал убедительно подтверждает высокий уровень мастерства Э. Хемингуэя. Вербализируя богатый лингвокультурный пресуппозитивный потенциал, автор употребляет в качестве экспрессивно-выразительных текстовых маркеров первого уровня широкую палитру как средств художественной выразительности, так и словесных обозначений, не имеющих изначально эмоционально-оттеночной составляющей, номинируя тем самым насыщенные с точки зрения экспрессивности образы рассказа, которые читатель, опираясь на свой лингвокультурный пресуппозитивный потенциал, воссоздает в своем воображении.

Второй уровень пресуппозитивного комплекса художественного текста представляют сюжетные текстовые маркеры, роль которых выполняют выделенные в пространстве художественного текста образы-персонажи и образы-символы, и между которыми автор устанавливает соотношения предметно-содержательного (смысловые ассоциации) и эмотивного (эмоциональный эффект) характера с тем, чтобы затем выстроить их в систему образов.

В рассказе Э. Хемингуэя “The Chauffeurs of Madrid” («Мадридские шоферы») образы-персонажи Томаса, Давида и Ипполито, представля-

ющие в художественном тексте фактуальную информацию, и в смысловом, и в эмоциональных планах являются контрастными.

образ-персонаж	смысловая ассоциация	эмоциональный эффект
Ипполито	смелость, бесстрашие, решительность	гордость, уважение, восхищение
Томас, Давид	трусость, малодушие, ничтожество	стыд, презрение, брезгливость

Информация концептуального характера представлена в рассказе образами-символами Мадрида и войны, которые находятся между собой в сложных отношениях: с позиций смысловых ассоциаций и эмоциональных эффектов они контрасты, с точки зрения описываемых исторических событий (гражданская война в Испании 1936 – 1939 гг.) они тождественны.

образ-символ	смысловая ассоциация	эмоциональный эффект
Мадрид	величие, мощь, чистота	трепет, преклонение, воодушевление
Война	бомбежки, смерть, хаос	неприязнь, неприятие, непонимание

Образы-персонажи как участники одного и того же военного противостояния, вербализуемого образами-символами, эквивалентны друг другу. Таким образом, репрезентация лингвокультурного пресуппозитивного потенциала Э. Хемингуэя при помощи сюжетных текстовых маркеров второго уровня находит свое отражение в созданной им системе образов, которую извлекает из художественного пространства читатель на основе своего лингвокультурного потенциала и опыта посредством анализа когнитивно-эмотивных авторских акцентов.

Третий уровень пресуппозитивного комплекса художественного текста образуют дискурсивно-художественные текстовые маркеры, которые автор соотносит с социально значимым архетипом, трактуемым нами как передаваемое из поколения в поколение коллективное восприятие образов, имеющих символическое значение [Юнг, 1991; Edinger, 2016]. Социально значимый архетип часто не имеет непосредственной словесной номинализации в художественном пространстве, но эксплицируется из системы образов путем разбиения их на группы. Авторская прагматика осмысления социально значимого архетипа, по нашему мнению, и есть замысел автора, то, ради чего он создает свое литературное произведение. В рассказе Э. Хемингуэя “The Chauffeurs of Madrid” («Мадридские шоферы») система образов делится на две группы: 1 группа – это образы-персонажи Томаса, Давида и Ипполито (человек); 2 группа – это образы-символы Мадрида и войны (война).

Социально значимый архетип, о котором размышляет Э. Хемингуэй в своем рассказе, – это человек и война. С точки зрения писателя, война, сопряженная с бомбежками, смертью и хаосом, вызывает у обыкновенных людей только негативные эмоции, такие, как неприязнь и неприятие.

Невозможно понять, что же заставляет человека развязывать войны и вооруженные конфликты, жертвами которых становится огромное количество, порой ни в чем не повинных людей. Однако человек может оказаться втянутым в ведение боевых действий, когда оружие становится единственно возможным способом отстоять свои экзистенциальные права на жизнь и свободу. Именно такой была для Э. Хемингуэя гражданская война в Испании. Писатель, сравнивая столицу Испании с величавой белой крепостью, испытывает чувства преклонения и восхищения стойкостью и мощью испанского народа, которые он проявил в священной и великой борьбе против фашизма. У Э. Хемингуэя не было сомнений в том, что это было справедливое и вынужденное военное противостояние первородному злу вселенского масштаба.

По мнению Э. Хемингуэя, война является мерилом души человека, раскрывающим его подлинную внутреннюю сущность. Далеко не каждый может с достоинством пройти через горнило войны. Люди, проявляющие трусость и малодушие, не способны сопротивляться внешним неблагоприятным обстоятельствам, которые ломают их душу. В действительности они оказываются духовно ничтожными и жалкими, вызывающими чувства стыда, презрения и брезгливости. Вместе с тем на войне есть смелые, бесстрашные и решительные люди, такие как Ипполито, и, как считает Э. Хемингуэй, за ними будущее.

Полагаем, что осмысление социально значимого архетипа «человек и война» Э. Хемингуэем в полной мере отражает следующая цитата: “I have seen much war in my life and I hate it profoundly… The more you hate war, the more you know that once you are forced into it, for whatever reason it may be, you have to win it. You have to win it and get rid of the people that made it and see that, this time, it never comes to us again” [Hemingway, 1979, p. xxvi-xxvii] («Я видел много войн в своей жизни, и я глубоко их ненавижу… Чем больше вы ненавидите войну, тем больше вы понимаете, что как только вас в нее втянут, по какой бы причине это ни было, вы должны в ней победить. Вы должны выиграть ее и избавиться от людей, которые ее начали, и убедиться в том, что на этот раз она не повторится» [Перевод наш. С.В.]).

Таким образом, дискурсивно-художественные текстовые маркеры третьего уровня представлены в художественном тексте социально значимыми архетипами, которые являются репрезентативами лингвокультурного пресуппозитивного потенциала Э. Хемингуэя и осмысление которых составляет его авторский замысел. Читатель обращается к своему лингвокультурному пресуппозитивному потенциалу с целью экспликации когнитивно-эмотивного посыла автора.

На основании всего изложенного выше полагаем возможным сделать вывод о том, что лингвокультурные пресуппозиции обладают значимым деятельностным потенциалом, реализация которого в художественном тексте осуществляется последовательно и поэтапно каждый раз при переходе от первичной коммуникативной деятельности автора к вторичной

коммуникативной деятельности читателя в соответствии с тремя уровнями пресуппозитивного комплекса художественного текста:

1 уровень – дискурсивно-художественные текстовые маркеры/ номинация образов-персонажей и образов-символов (писатель создает – читатель воссоздает);

2 уровень – сюжетные текстовые маркеры/выстраивание системы образов (писатель стоит – читатель воспроизводит);

3 уровень – дискурсивно-художественные текстовые маркеры/ осмысление социально значимого архетипа (писатель размышляет – читатель проникает).

В заключение подчеркнем, что использование данной методики анализа позволяет глубже проникнуть в процесс создания литературно-художественного произведения как сложного целого, предназначенного для освоения и адекватной интерпретации читателем, в чем последнему, безусловно, окажет неоценимую помощь разработанная система пресуппозитивных маркеров.

Список литературы

1. Васильева С.Н. Роль пресуппозиций в реализации интерактивного потенциала художественного текста (на материале произведений Э. Хемингуэя): дис. … канд. филол. наук. М., 2024. 196 с.
2. Хемингуэй Э. Мадридские шоферы / перевод В. Топер // Собрание сочинений. Москва: Изд-во Художественная литература, 1983. Т. 3. С. 614-620.
3. Юнг К.Г. Архетип и символ. Москва. Изд-во: Ренессанс, 1991. 297 с.
4. Deane P. Building and Justifying Interpretations of Texts: A Key Practice in the English Language Arts. ETS Research Report Series, 2020. 51 p.
5. Edinger E.F. Ego and Archetype. Shambhala, 2016. 328 p.
6. Hemingway E. Men at War. Introduction. NY: Bramhall House, 1979. P. xxvi-xxvii.
7. Hemingway E. Selected Stories. Moscow. Progress Publishers, 1971. P. 303-310.
8. Longman Idiom Dictionary. Addison Wesley Longman Limited. 1998. P. 23.

ГЛАВА 7. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

7.1. ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ В ТЕРМИНАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Отмечая огромный вклад, сделанный С.Г. Тер-Минасовой в развитие науки о языке, нельзя не отметить, что, занимаясь проблемой соотношения языка и культуры как ведущим направлением её творческой деятельности, она показала всю сложность данного процесса. Оставаясь верной проблеме соотношения языка и культуры, С.Г. Тер-Минасова не оставляет без внимания и другие спорные или неоднозначные проблемы, которые необходимо решить, используя лингвистические методы и процедуры исследования. В этой связи хотелось бы остановиться на такой активно обсуждаемой в настоящее время комплексной научной проблеме, как соотношение категорий «язык» и «личность». Описывая культурную специфику родного и иных языков, Светлана Григорьевна постоянно подчёркивает культурно-языковую ауру, окружающую человека, как важнейший фактор формирования его индивидуальности, его мировоззрения, особенностей преломления внешнего мира в его сознании – иными словами, его личности [Тер-Минасова, 2000, с. 167].

Сложность проблемы конкретизации содержания понятия «языковая личность» обусловлена рядом факторов. Во-первых, нет устоявшейся понятийной конкретики самого термина и различные авторы вкладывают в него различное концептуальное содержание. Представить научное описание личности как носителя определённого языка или пользователя разными языками можно, исходя из того, какие языковые характеристики даются ей другими лицами, а также исходя из анализа речи самой исследуемой личности. Во-вторых, ставшая, к сожалению, традиционной проблема приоритета научных исследований письменной речи и, соответственно, ситуация с исследованиями устной речи – «на положении Золушки». В-третьих, не до конца определено разграничение конкретного и абстрактного в данной проблематике. Стоит отметить, что в рамках деятельности Волгоградской языковой школы по исследованию феномена «литературного типажа» под руководством В.И. Карасика выведены общие парадигматические типажи личности, что само по себе является важным научным достижением, поскольку целью любого научного исследования должно быть теоретическое обобщение частного фактологического материала. Проведение анализа в данной области вносит важный вклад в разработку общей теории языковой личности с учетом культурных феноменов [Карасик, 2002]. В то же время нельзя забывать и о том, что каждая личность уникальна, в том числе и в плане пользования языковым материалом, включая индивидуальные особенности построения речи.

В кругу поставленных вопросов наиболее сложный проблемный узел включает выявление соотношения личности и общества, непосредственно связанный выявлением взаимосвязи личности и культуры в самом широком их понимании. В данном случае уместно вспомнить, что Л. Вайсгербер достаточно критически относился к роли личности в языковом процессе, хотя и не отрицая этой роли в целом, но находясь на достаточно твёрдой позиции, что только совокупное участие языковых личностей в процессе речевого семиозиса формирует язык как феномен мышления, общества и культуры: «… Язык какого-либо сообщества прежде всего не зависит от конкретного члена сообщества. Конечно, он всегда воплощается лишь в языковом организме конкретного человека и проявляется в мышлении и говорении, но он не может осуществиться полностью ни в одном из своих носителей; ведь никто не владеет всем своим родным языком. Он также не связан с конкретным человеком как таковым; так, один или даже целая группа членов языкового сообщества могут уйти в мир иной, но это не окажет негативного влияния на общее достояние языкового сообществ» [Вайсгербер, 2004, с. 81].

В то же время, современные исследования внушают оптимизм в плане плодотворности дальнейшего изучения человека в культурном преломлении и изучения культуры через призму антропоцентризма. Об этом свидетельствует подход к человеческому познанию как культурному феномену (Д.С. Лихачёв, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин и др.), дополняющемуся пониманием человеческого познания как структурированного, квантируемого в общем потоке мысли явления (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.А. Залевская и др.). Такой подход позволяет одновременно наполнять понятие языковой личности культурным содержанием и выделять структуры и подструктурные компоненты в данном процессе.

В настоящее время основной проблемой в связи с определением содержания и объёма понятия «языковая личность» остаётся разработка комплекса взаимосвязанных исследовательских процедур, которые смогли бы представить данный феномен в пересечении своего рода проекций данного термина в разных аспектах её проявления. Языковую личность можно рассматривать, во-первых, как носителя определённой культуры в целом и языковой культуры в частности. Более того, в этом направлении в недрах отечественной лингвистики представителями школы В.И. Карасика уже заложена фундаментальная парадигма изучения личности как культурно-языкового феномена через понятие «лингвокультурный типаж».

Действительно, человек практически всегда находится в определённой культурной среде, которая так или иначе оказывает влияние на формирование этой личности, её ценностные ориентиры, жизненные преференции и т.п. Как отмечает О.В. Ртищева, «вне всякого сомнения, языковую личность можно охарактеризовать с позиции языкового сознания и речевого поведения, однако направление ее изучения в контексте куль-

туры открывает те стороны природы человека и его жизнедеятельности, которые связаны с осуществлением культурных форм, в которых реализуются бытийные основания человеческой жизни» [Ртищева, 2021, с. 157].

В данном случае в качестве антитезы необходимо подчеркнуть, что факторы формирования языковой личности в значительной степени зависят как от индивидуально-психологических особенностей, так и факторов внешнего психологического влияния. Более того, человек может переступить десятилетия пребывания в одной культуре и принять правила поведения, возможно, ценностные установки и моральные ориентиры другой культуры под влиянием разного рода факторов. Исследователи выводят понятие «психолинвистический тип» [Прохорова, Чекулай, 2011], основываясь на таком архетипе личности, предложенном К.Г. Юнгом, как трикстер, в основе жизненной доминанты которого лежит игра, и, сделав ее ключевой целью жизни, часто ненамеренно, а в силу своей трикстерской сущности, такой человек способен отбрасывать любые диктуемые определённой культурой ограничения. Психологическая проекция является не менее важной, чем культурная.

Следует отметить, что психология, как доказали К. Лоренц и Н. Тинберген, присуща не только людям, но и животным. И, если мы возьмём близкую к психологической, но имеющую заметные от неё отличия, сторону человеческой жизни – интеллектуальную, то нетрудно заметить, что именно интеллект представляет собой как раз то свойство, которое отличает понятие личности от понятия индивида и уж тем более от понятия животного. И этот факт открывает возможность проецировать исследования языковой личности в плоскость адекватности восприятия действительности, сферы ценности и оценки, способности взвешенно оценить сложившуюся ситуацию и сделать из этого анализа необходимые выводы. Что касается языковой личности, то понятие интеллекта предполагает способность реализовывать знания, умения и навыки для оптимального решения стоящих перед данной личностью прагматических задач и установок.

В то же время данная проекция в теории языковой личности и в лингвистике в целом получает относительно эпизодическое рассмотрение в силу того, что понимание интеллекта все еще остаётся весьма субъективным. Исследование этого понятия как «… способности планировать, организовывать и контролировать свои действия по достижению цели с учетом совпадения истины и блага» [Эл. ресурс] является явно недостаточным для систематического изучения данной сферы человеческой мыслительной компетенции, поскольку интеллект предполагает не только плановые, но и инстинктивные успешные действия, а понятие интуиции до сих пор остаётся в науке лишь на уровне гипотез онтологических характеристик этого свойства мыслящего индивида. Кроме того, интеллектуальная сфера практически не подвергалась фундаментальным исследованиям. Все научные усилия в этой области сводились к созданию искусственного интеллекта, что привело к своего рода перекосу

интеллектуальных исследований в сторону информатики и теории ИИ. Но, как представляется, данный пробел должен быть восполнен, лингвистика по определению должна занимать одно из ведущих мест в этом процессе.

Нельзя также забывать о том, что язык представляет собой семиотическую, знаковую систему, и языковая личность не может не иметь отношения к семиотике как области философских знаний. Вместе с тем, не следует забывать и о том, что личность – особенно творческая личность – может иметь непосредственное отношение и к иным семиотическим системам, таким как музыка, живопись, ваяние, народные ремёсла (такие как вышивка, ковроткачество, изготовление мягких и твёрдых игрушек или иных символических фигур, плетение из лозы и другие работы подобного рода) и профессиональные (изготовление мебели и поделок из дерева, чеканка, выколотка, художественная ковка, резьба по камню, кости и дереву и т.п.). Так или иначе они пересекаются с вектором языкового знака, поскольку именно посредством языковых знаний и речевого пользования люди, занятые в этих сферах *деятельности*, получают начальные инструкции, советуются друг с другом или подсказывают друг другу тонкости и специфику данного вида мастерства. Наиболее показательными в этом плане представляются такие музыкально-языковые жанры, как песни, арии из опер или оперетт, оратории. Здесь музыка напрямую зависит от художественно-поэтической речи и, напротив, слова должны соответствовать семантике и прагматике музыкальной пьесы. Иначе говоря, семиотическая проекция языковой личности, если пока и не является, то должна стать важной составляющей в лингвистической персонологии, под которой понимается изучение языковой личности в связи со спецификой использования речевых знаний, умений и навыков.

Ещё одной важной стороной системного изучения языковой личности, которая редко получает рассмотрение в рамках лингвистической теории личности, является лингвоперсонология. Представляется, что любой исследователь рано или поздно обращается к указанной или близкой тематике и, естественно, использует языковые средства, подчиняя их более или менее определённому алгоритму актуализации своего отношения к данной проблемной сфере. В данном случае мы имеем в виду религиозно-мистическую составляющую личности. Всевозможные жизненные обстоятельства вынуждают мыслящего человека в разные периоды его жизни обращаться к этой проблеме, и, как ни парадоксально, если даже личность полностью отвергает наличие каких-то божественных или противостоящих божественным сил, то она уже вовлечена в религиозный дискурс. Большинство, если практически не все живущие или жившие на Земле люди сталкиваются с ситуациями, которые невозможно объяснить какими-либо рациональными причинами. Многие в разговоре формулируют свою точку зрения, ссылаясь на Иисуса Христа, Аллаха, Иегову, Деву Марию и других известных представителей или, напротив, антагонистов религиозной сферы или области эзотерики для того, чтобы каким-то образом повлиять на своего собеседника, т.е., говоря сугубо

«лингвистическим языком», вызвать иллокутивный эффект. Даже не веря в Бога, мы зачастую говорим: «Бог с тобой», «Побойся Бога!», «Иди к чёрту!», «С этой ведьмой и дел иметь не хочется» и т.п. Поэтому мы имеем основания полагать, что религиозная проекция языковой личности является важной составляющей лингвоперсонологических исследований.

Следует также упомянуть ещё одну важную сторону существования и функционирования личности, которая тесно соприкасается с такими достаточно чётко зафиксированными в современной науке «ипостасями». Она имеет отношение практически ко всем упомянутым сферам, и в то же время её сложно не рассматривать в качестве отдельной области проявления личностных качеств и характеристик. Мы имеем в виду своего рода измерение особенностей людей, позволяющее формировать определённое парадигмальное отношение к окружающим и одновременно присваивать им некоторую инвариантную квалификацию, которая отличается от ценностной категоризации, или, точнее говоря, «квазикатегоризации» [Чекулай, 2006, с.9]. Данное направление исследования является в определенной мере гипотетическим, однако представляется, что дальнейший прогресс человечества приведет к необходимости изучения данного аспекта личности, которому суждено занять ведущее место среди других научных изысканий антропоцентрического характера. Его содержание трудно изложить сухим языком научной логики, но мы всё-таки постараемся. Как известно, наше отношение к другим людям складывается из их и наших поступков в отношении друг к другу. Мы замечаем, что один человек жаден, другой тщеславен, третий безразличен к собственной внешности, четвертый патологически ею озабочен, пятый боится принимать на себя ответственные решения, а кто-то любит рискованные предприятия, и так можно продолжить до бесконечности. При этом мы можем эпизодически быть критичными в отношении самих себя, но это происходит крайне редко и в такой ситуации, где иное решение найти невозможно. Из всего перечисленного складывается наше общее отношение к человеку, и мы, будучи некомпетентными в выработке абсолютно истинного вектора всех его достоинств и недостатков, обычно выбираем определённую линию поведения и отношения. Иными словами, либо мы либо принимаем его, ищем общения с ним, либо избегаем, стараясь не вступать с ним в контакт.

При всех указанных нюансах индивидуально-личностных отношений наблюдается следующий парадокс. Ясно, что мы не можем быть объективными по отношению к себе и редко – по отношению к людям, с которыми нам приходится иметь дело каждый день или в силу сложившейся ситуации (например, при общении пассажира и водителя такси, врача и пациента, хозяина квартиры и жильца и т.п.). Но если мы наблюдаем генезис человеческих отношений со стороны – например, читая книгу хорошего автора или просматривая фильм или пьесу, мы все, независимо от наших индивидуальных особенностей даём, как правило, объективную оценку поступкам и характерам персонажей этих фильмов,

пьес или книг. Так, например, читая «Тихий Дон» М.А. Шолохова или «Собственник» Дж. Голсуорси, мы единодушно симпатизируем Григорию Мелехову или Ирэн Форсайт при всех их недостатках и питаем антипатию к Евгению Листницкому и Сомсу Форсайту, хотя у каждого из них можно найти положительные черты. Мы можем говорить о некоторой общности механизмов реального и художественного отношения к людям, поскольку они строятся на основе скаляров различных векторных отношений. Механизм формирования симпатии или антипатии у людей, живущих в определённом обществе и, следовательно, в рамках более или менее однородной культуры требует серьезного изучения в терминах научного понимания. Отметим, что лингвистический момент в данном проблемном узле находится далеко не на последнем месте.

Таким образом, указанные проекции языковой личности в отношении сфер её существования и функционирования в качестве именно *личности* представляют собой сложный исследовательский комплекс, который невозможно охватить, исходя из какой-либо отдельной области лингвистических или иных исследований.

Безусловно, в лингвистике термин «речевая деятельность» существует без малого почти столетие и, как известно, апеллирует к пояснению и описанию языкового и речевого взаимодействия в сознании говорящего на определённом языке индивида. Польский философ Тадеуш Котарбинский дал науке о наиболее общих законах любой деятельности название «праксеология» и определил её объект как человеческую деятельность любого рода [Kotarbiński, 1965]. Положения этих исследований нашли своё практическое отражение в изучении проблем эффективного менеджмента и организации труда, но существенного развития в гуманитарных областях не получили. В недрах советской науки обращают на себя внимание работы Г.П. Щедровицкого в области соотношения знака, в особенности языкового, и деятельности. Важной наработкой Щедровицкого, на наш взгляд, является определение развёртывания деятельности по схеме «цель → средство → продукт» [Щедровицкий, 2005, с. 168-169]. Несмотря на то, что направление научной деятельности данного автора представляет значительный интерес для языкознания в целом, акцент на установлении соотношения деятельности и содержательной стороны языка, не позволяет провести комплексное исследования проблем непосредственно относящихся языковой личности как сложного объекта.

В то же время категория деятельности представляется весьма удобным методологическим основанием для описания проблемных точек современной лингвистической науки, в том числе и для поиска оснований комплексного описания языковой личности. Попробуем представить обоснование данной точки зрения. Человек всегда занят определенной деятельностью и может совмещать ее различные виды. Так, Л.Н. Толстой часто разрабатывал сюжетные линии своих произведений во время своих верховых поездок, а Агата Кристи как-то призналась, что большая часть сюжетов об убийствах приходили ей в голову, когда она занималась делом,

которое ненавидела больше всего, а именно, во время мытья посуды. Деятельность, взятая инвариантно, в отвлечении от специфики каждого ее отдельного вида, будучи одной из важнейших форм существования личности как представителя вида Homo sapiens, становится не только категорией бытия человека, но и фактически универсальной формой его существования наряду с такими аксиоматическими, признаваемыми независимо от мировоззренческой доктрины формами, как время и пространство.

Более того, следует учитывать, что именно деятельность является основной формой, отличающей людей от других живых существ, но деятельность не как общая философская категория, а взятая с определённым атрибутивным модификатором. Деятельность есть даже в неживой природе (например, колебания земной коры, образование погодных фронтов и т.п.), однако все живые существа объединяет понятие *жизнедеятельности*, куда входят такие обязательные процессы, как питание, обмен веществ и продолжение рода.

Представляется, что изложенные достаточно аргументированные основания номенклатуры основных проекций личности на основные аспекты жизнедеятельности, оказываются намного сложнее, нежели у высших форм иной животной жизни. Таким образом, личность проецируется на следующие сферы, которые дифференцируются по характеру основной деятельности: культурная, психологическая, рационально-психическая, интеллектуальная, профессиональная, творческая, религиозно-мистическая и особая сфера личностных отношений, которая осложняет любой критический анализ личности, поскольку формируется в пересечении с прочими сферами проекции личности (СПЛ).

Язык, формируясь в культурной среде, и, будучи свойством высокоорганизованного мышления, является объектом филологии как составной части семиотики: на языке осуществляется обучение личности, он является главным средством ознакомления с догмами определённого вероисповедания и т.п., и потому неотделим от них. В то же время нельзя сбрасывать со счетов и проблему, касающуюся существования частного в рамках общей проблематики языковой науки антропологического плана. В основе понимания языка как комплексной и многогранной системы связей лежит единство языка как абстрактного, нематериального, присущего всему языковому социуму мыслительного семиотического образования с речью как материальной, конкретной, присущей говорящему индивиду реализацией языка. В этой связи возникает обусловленный общей логикой соотношения понятий «язык», «речь» и «речевая деятельность» (далее РД) вопрос касающийся возможности существования наряду с законным, проверенным тысячами исследований термином «речевая деятельность», термина «языковая деятельность». В целом вслед за А.Н. Леонтьевым феномен речевой деятельности понимается как совокупность механизмов перевода языковых знаний в звучащую и письменную речь. В то же время не будет ли логичным предположить и существование «обратной» совокупности механизмов перевода результатов речепользования в систему

языка, что может оставить след в языковой структуре? Именно так, через насильственное перешагивание законов русского литературного языка появились режущие ухо слова «мерчендайзинг», «профайлинг», «фейс-контроллинг», «коворкинг», а калькирование таких системных понятий, как «вызов» в значении «проблема, опасность», «амбиция» в значении «стремление, цель, задача» и других стали непременной характеристикой чиновничьего новояза на просторах Великой Руси. Именно здесь и просматривается фактор личности в языке. Это может быть и отдельно взятая личность, которая вводит искажённое произношение в норму (например, горбачёвское «новое мЫшление» с ударением на первом слоге), и некоторая социально-культурная общность членов социума (например, менеджеры, прошедшие по зарубежным методикам соответствующие курсы управленцев, где им навязывались подобные термины и инструкции для дальнейшего пользования данным вокабуляром в процессе управления подчинёнными посредством реализации указанных калек, зачастую подменяющих сущность и концептуальные основания значимых для исконной культуры понятий). Хотелось бы надеяться на то, что язык является самовосстанавливающейся системой и данные «образцы» чужой организационной культуры не приживутся, особенно в сфере использования языка.

Говоря о том, что язык – самоорганизующаяся и самовосстанавливающаяся система, в большинстве случаев мы принимаем данное высказывание как аксиоматическое. В то же время самовосстановление системы – это тоже деятельность, но в языкознании эта особенность если и рассматривалась, то в частных исследованиях, не получивших более фундаментального обоснования. Такой род языковой деятельности, вне всякого сомнения, является частным случаем синергетического развития языка. Синергетические механизмы, безусловно, представляют собой некоторый особый вид деятельности, который нуждается в глубоком изучении с разных позиций, включая и языковую личность. Такие случаи, когда асистемное высказывание одного человека порождает структуру или единицу, в дальнейшем входящую в узус речевого пользования, являются трудно фиксируемыми, но их изучение является крайне важным в современных условиях, когда огромные массивы фактического материала нуждаются в научном объяснении. Так, например, модель образования прилагательных или наречий русского языка от местоимений если и признаётся, то считается окказиональной. Тем не менее, достаточно легко обнаруживаются такие системные деривативные трансформации, как *наш – нашенский, всякий – всяческий, весь – весьма,* результаты которых вошли в языковую норму. В то же время при нормативности прилагательного *нашенский* нельзя создать даже окказиональную парадигму **твоенский*, **вашенский*, **ихненский*.

Говоря о языковой деятельности, не следует забывать и о комплексе официальных мероприятий со стороны государств по отношению регулирования развитие государственного языка или языка титульной нации.

Сюда входят и книгоиздательство, особенно выпуск лексикографических изданий, справочников и учебников по языку. Параллельно при наличии других языков, например, национальных меньшинств, или в случае сосуществования на одной территории равновеликих и равнозначимых наций, важны и мероприятия по регулированию соотношения таких языков. Именно благодаря продуманной деятельности государства можно избежать конфликтных языковых ситуаций. Например, в Беларуси белорусский язык, на котором говорит около 27% населения, а 70% – на русском, вполне мирно «соседствует» с русским, польским, украинским, идишем, и документооборот в государстве ведётся на обоих языках. В то же время одной из двух основных причин обострения отношений донбасских областей с Украиной в 2014 году, наряду с требованием автономного статуса этих областей, было выдвинуто и требование признать русский язык обладающим равноправным официальным статусом с украинским, что, как известно, привело к вооружённому конфликту с дальнейшим втягиванием в него Российской Федерации. Здесь, к огромному сожалению, не нашлось дальновидных, или как говорят украинцы, «поміркованих» представителей Киева для мирного решения этой проблемы.

Проблема языкового регулирования давно рассматривается как деятельностная, но не столько в рамках лингвистики и социолингвистики, сколько в рамках комплекса наук государственного регулирования. Представляется необходимым акцентировать внимание на различных скрытых видах деятельности, многие из которых являются стихийными, обусловленными внутренними характеристиками языка. В то же время не менее важными являются и те виды деятельности, которые давно существуют в языке, но некоторые специфические аспекты которых проявляются лишь при комплексном рассмотрении параллельных деятельностных процессов, прямо или косвенно связанных с функциональными и онтологическими характеристиками языковых единиц.

В качестве примера таких параллельных видов деятельности деятельностей целесообразно привести опыт исследования словосочетаний в различных европейских языках. Так, в процессе трансформации словосочетания в сложное слово ряд авторов выделяют процесс интеграции словосочетания в сложное слово [Милославский, 1977; Сигал, 2015], где под данным феноменом понимается «одно из проявлений процесса метаморфизма, заключающееся в трансформации словосочетания в сложное слово с *сохранением линейного порядка компонентов* [выделено нами] и приводящее к межуровневой равноименности» [Квеселевич, 1983, с. 8]. Безусловно, релевантность такого понимания не подлежит сомнению. Однако здесь не рассмтриваются случаи, когда сложное слово возникает на основе инвертируемого порядка слов в словосочетании. При этом обнаруживается, что в ряде исследованных языков совмещаются структурирование сложных слов как с прямым, так и с инвертированным порядком слов в словосочетании. Так, сочетание глагола с дополнением или обстоятельством с глаголом, предшествующим второстепенным членам,

может давать следующие результаты инверсии изначального словосочетания в различных языках: в русском «прощать всех → всепрощение», «варить самогон → самогоноварение», «проводить сверх [обычного] → сверхпроводимость»; в английском “to sit with the baby → baby-sitter” и др. Очевидно, что здесь возможны трансформации с сохранением и изменением порядка слов, которые когут бать названы проверсивными и реверсивными соответственно [Чекулай, Прохорова, 2016].

На наш взгляд, в подобных процессах кроме правил обычной модели трансформации словосочетания в сложное слово необходимо учитывать и возможность инверсии компонентов исходного словосочетания в сложном слове. Релевантным может быть назван подход к этим процессам как разным фазам деятельности: словосочетание – это исходный материал, затем проверсивная и реверсивная трансформации как два возможных алгоритма деятельности и сложное слово как результат трансформации.

В случае стяжения словосочетания в сложное слово очень интересным представляется следующее замечание С.Г. Тер-Минасовой: «Словосочетание в русском языке, даже при условии максимальной – идиоматической – цельности его семантики (например, железная дорога), не может стянуться в сложное слово (подобно английскому railway), так как этому препятствует морфологическая оформленность и самостоятельность прилагательного, которое изменяется в соответствии со своими правилами, по падежам и числам, и никакой тенденции к слиянию с определяемым словом не имеет» [Тер-Минасова, 2009, с. 6]. Несомненно, доминирование конверсии в английском языке и, напротив, приоритет аффиксации как словообразовательных процессов, сопутствующих трансформациям сложных слов из словосочетаний, обращает на себя внимание и с точки зрения обращения к понятиям русскоязычной и англоязычной *языковой личности*. Это связано с тем фактом, что специфика словообразования в определённом языке, отражающая особенности языкового сознания представителей социума, оказывает влияние и на общее восприятие мира индивидом, говорящим на данном языке.

Таким образом, понимание языка как сложной, составленной из других частных видов деятельности как лингвистического, так и экстралингвистического характера, даёт возможность комплексного понимания языковых феноменов, которые во многом еще не получили окончательного объяснения. Деятельностный подход имеет важное инструментальное значение в исследовании явлений языка и речи. Его применение в изучении комплексных проблем лингвистики, к которым, кроме указанной проблемы языковой личности можно также отнести вопросы формирования языковой картины мира, соотношения языковых и культурных феноменов, явлений концептуализации и категоризации в отношении языка и сознания, рассмотрение процессов семантической трансформации, дискурсивные аспекты межкультурной коммуникации и многие другие, занимает важное место среди приоритетных направлений современных лингвистических исследований. Деятельностный подход предполагает также обращение к

сравнительно-сопоставительному изучению различных языков и культур с точки зрения общих и дифференциальных видов деятельности, что позволит в дальнейшем приобрести новые данные для развития таких областей научного исследования, как теория и практика перевода и межкультурная коммуникация.

Список литературы

1. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / перевод с нем. и комментарии О.А. Радченко. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
2. Интеллект. Энциклопедия grandars.ru . Режим доступа: https://www.grandars.ru/ (дата обращения 12.03. 2024)
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Прохорова О.Н., Чекулай И.В. «ТРИКСТЕР» как лингвопсихологический тип и его репрезентация языковыми средствами в художественном пространстве // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. №6 (101). 2011. Выпуск 9. С.213-221.
5. Ртищева О.В. Языковая личность в культуре: направления исследований // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 152–158.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 147с.
7. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 200 с.
8. Чекулай И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Белгород. 2006. 43 с.
9. Чекулай И.В., Прохорова О.Н. Проверсия и реверсия как основные механизмы структурирования языковых знаний о словосложении в разных языках // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики : материалы II междунар. науч. конф., Белгород, 20-21 апр. 2016 г. / отв. ред. В.А. Виноградов. Белгород, 2016. С. 47–51.
10. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. Кн. 1. Структура знака: смыслы, значения, знания. М. Вост. лит. 2005. 463 с.
11. Kotarbiński T. Praxiology: An Introduction to the Sciences of Efficient Action
12. Oxford, Pergamon Press, 1965 / transl. O. Wojtasiewicz. Warszawa: PWN – Polish Scientific Publishers, [Traktat o dobrej robocie, Wrocław: Ossolineum 1955].

7.2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПОВЕДЕНЧЕСКИМ НОРМАМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В МИРЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Радикальное усиление глобализационной составляющей в жизнедеятельности стран и их культурно-языковых сообществ с середины 90-х годов существенно стимулировало интенсивные российские и зарубежные исследования особенностей межкультурной коммуникации и межкультурного общения [Садохин, 2004; Тер-Минасова, 2000, 2008, 2017, 2018; Basic Concepts of Intercultural Communication, 1998; Chen & Dai, 2014; Ferri, 2018; Martin & Nakayama, 2022; Neuliep, 2017; Piller,2017, The Routledge Handbook of Language and Intercultural Communication, 2020 и др.], однако первоначально в центре внимания было преимущественно

культурно-антропологическое изучение межкультурной коммуникации как социокультурного явления в целом, и, если и обращались к исследованию общего и специфического в отдельных сферах межкультурной коммуникации /МКК/, то это касалось прежде всего деловой сферы МКК [см., например, Барышников, Бернштейн, 2018; Ginson, 2002; Bargiela-Chiappini et.al., 2023; Piller; 2017, Varner, 2000]**,** в то время как гораздо меньше исследовательского внимания было уделено межкультурному академическому общению. Тем не менее за три декады XXI века стали вырисовываться контуры описания межкультурной академической коммуникации как академической дисциплины, поскольку в гуманитарном научном сообществе:

- предложены стратегии проведения эмпирических социокультурных наблюдений за вербальным и невербальным поведением носителей языка в условиях академического общения [Стернин, Стернина, 2009; Su, 2023, Keles, 2013];
- выявлены и научно осмыслены результаты социокультурного изучения вербальных и невербальных особенностей академического общения носителей целого ряда европейских и восточных языков [Коммуникативное поведение. Вып.32, 2009; Тер-Минасова,2008; Su, 2023; Keles, 2013];
- предложены для обсуждения в гуманитарном сообществе трактовки понятийного содержания терминов «академическое общение» **[**Стернин, 2009**],** «межкультурное академическое общение» **[**Сафонова, 2019**],** «межкультурная академическая риторика» **[**Contrastive Rhetoric, 2008; Helal, 2013**]**;
- выделены наиболее распространённые типы коммуникативных барьеров, возникающих в условиях межкультурного академического общения [Сафонова, 2017; Keles, 2013];
- признана острая необходимость целенаправленного пересмотра целого ряда положений языковой педагогики, структуры и содержания и учебно-методического обеспечения в университетах для подготовки выпускников к социальной и профессиональной деятельности в условиях растущей поликультурности в мире [Garson, 2017];
- определены стратегии изучения и описания «межкультурного академического общения» в лингводидактических целях **[**Сафонова, 2019, 2022];
- выделена медиативная составляющая как неотъемлемая часть современной межкультурной (в том числе профессиональной) коммуникации [Сафонова В.В., 2021; CEFR.CV., 2020; Neuliep, 2017; Safonova, Basina, Mironova, 2022];
- происходит накопление педагогического опыта по обучению нормам вербального и невербального поведения в условиях межкультурной академической коммуникации [Тер-Минасова, 2018; Ahmed, 2023; Martin & Nakayama, 2022; Safonova, 2018; Ter- Minasova, 2011];

- в общеевропейских оценочных шкалах определены те уровни коммуникативного владения иностранным языком, которые позволяют выпускникам университета достигать необходимого и достаточного уровня сформированности плюрикультурной компетенции [CEFR, 2001: 87-88; CEFR.CV., 2020:90-122] для выполнения педагогической, научно-образовательной, научной, научно-просветительской и консультативной деятельности по профилю подготовки.

Однако, многие из полученных исследовательских результатов требуют тщательного обсуждения в гуманитарном сообществе и тщательной верификации в гуманитарных науках, так как научное изучение межкультурной академической коммуникации является сравнительно новым междисциплинарным направлением лингвистических, социолингвистических, психологических и лингводидактических исследований в области научного осмысления межкультурной коммуникации как социального явления и ее особенностей осуществления в условиях социальной перестройки мира (начиная со второй декады XXI века), а также при лингводидактическом рассмотрении межкультурной коммуникации как академической дисциплины или совокупности учебных дисциплин, а также междисциплинарные основы проектирования последних для разных ступеней высшего образования.

В свое время в монографии воронежской научной школы коммуникативной лингвистики «академическое общение» трактовалось как официальное профессиональное диалогическое и монологическое общение в учебных и научных заведениях, а также неофициальное профессиональное общение в учебных и научных профессиональных сообществах (в педагогических и научных коллективах) **[**Коммуникативное поведение. Вып.32, 2009: 5**]**. С этой трактовкой частично можно согласиться, но, безусловно, ее желательно уточнить, в том числе и с ориентацией на понятие «академическая межкультурная коммуникация». Ведь, например, авторы монографии «Коммуникативное поведение» [2009] говорят только о диалогическом и монологическом научном общении, но ведь существует и полилогическое научное общение (круглый стол экспертов, то, что в английском языке обозначено как “panel discussion” и неправильно переведено на русский язык как «панельная дискуссия» калькой, поскольку российские переводчики не сочли за труд проникнуть в особенности социокультурных ролей его участников и коммуникативно-когнитивную роль этого научного мероприятия). Иными словами, для осознания сути межкультурной коммуникации как академической дисциплины требуется лингводидактическое осознание целевого назначения и структуры межкультурного академического общения, а также социокультурных особенностей вербального и невербального поведения участников межкультурной академической коммуникации**.**

В контексте социокультурного подхода межкультурное академическое общение /МКАО/ представляет собой целенаправленное межкультурное взаимодействие представителей культурно-языковых сообществ и

образований (этнических, национальных, региональных, континентальных и межконтинентальных, геополитических) в *вузовском* межкультурном образовательном пространстве (внутреннем и внешнем межкультурном образовательном пространстве) и в *международном научно-исследовательском* пространстве. Помимо внутреннего (внутривузовского[1]) и внешнего (международного) образовательного пространства *вузовское образовательное пространство* включает в себя и участие профессорско-преподавательского и студенческого коллективов в профессиональных ассоциациях, академических школах и клубах, активно участвующих в международных научно-образовательных и научных сообществах**.** В *вузовском образовательном пространстве* предполагается а) сформировать у студентов понимание общего и специфического в академической коммуникации на родном языке в сравнении с академической коммуникацией на иностранном языке как кросс-культурного, так и плюрикультурного характера, б) обеспечить им межкультурный коммуникативно-когнитивный академический тренинг кросс-культурной или плюрикультурной направленности, и вовлечь их в те виды деятельности, которые помогут им приобрести опыт академической деятельности (в том числе в создании разных академических продуктов), позволяющих равноправно участвовать в межкультурной академической коммуникации, представляя российские научные школы и динамику их развития в РФ, собственные научно-образовательные, научные интересы и достижения.

А в международном научно-исследовательском пространстве межкультурное академическое общение имеет место быть при: а) выполнении и апробации научных исследований субъектами университетского образования самостоятельно или под руководством, обсуждении и оценивании их научных результатов и научных результатов других участников межкультурной академической коммуникации в национальных и международных научно-исследовательских сообществах, б) участии в академических мероприятиях, в) подготовке публикаций (в т.ч. и на ИЯ) для международных рецензируемых журналов, не говоря уже о подготовке научных изданий на ИЯ.

Примерно до 2014 года, методологические и методические основы создания моделей обучения межкультурным нормам академического взаимодействия характеризовались, как известно, по объективным причинам ярко выраженной евроцентричностью. Сущностные изменения в социокультурном контексте бытия современного мира, который характеризуется усилением ценностного геполитического противостояния

[1] Следует обратить внимание на тот факт, что в ведущих университетах РФ относительно монокультурная академическая коммуникация (между российскими преподавателями и студентами) соседствует с межкультурной академической коммуникацией между российскими преподавателями и студентами и/или преподавателями зарубежных стран, которая, к сожалению, очень редко становится предметом специальных гуманитарных исследований, однако без них сомнительно достичь оптимальных учебных результатов у студентов по овладению профильными образовательными программами. .

евроатлантических сообществ (преимущественно евроатлантических элит) и культурно-языковых сообществ «Мирового Большинства», предполагают радикальное усиление ценностно-ориентационной социально-политической, мировоззренческой составляющей в лингводидактических моделях обучения нормам академического межкультурного общения в высшей школе с учетом особенностей не глобализированного, а глокализированного мира, находящегося в состоянии перехода от «рассыпающегося мира» [Барабанов, Бордачёв, Лисоволик и др, 2018] к «строительству нового справедливого мира», мира без нестабильной и агрессивной международной среды, диктатуры одного гегемона над несуверенными государствами [Путин, 2023a], насаждения политики «отмены культуры» [Путин, 2023c].

А для этого в лингводидактическом моделировании систем обучения студентов нормам межкультурного академического общения в России, очевидно, следует ориентироваться на создание в проблемно-ориентированной образовательной среде условий не только для образовательного и научного погружения в диалог национальных образовательных и научных культур, но и для подготовки вузовских выпускников к «*диалогу гуманитарных культур*, «*диалогу между цивилизациями»* [Путин, 2023a], «*диалогу гуманитарных сообществ многополярного мира»* [Путин, 2023b] в мире, отягощенном информационными блокадами, «цветными революциями», стремительным расширением зоны дезинформации, псевдоинформации («фейковой информации»), прокси-войнами, геополитическим ценностно-ориентационным противостояниям, погружением мира в пылающие региональные конфликты по всем континентам, разрастающейся коррупцией и криминализацией истеблишмента в целом ряде государств, уходом от традиционных вековых ценностей человеческой цивилизации к «ценностным перевертышам»**,** борьбой западно-европейских траснациональных корпораций за, хотя и относительно скрытую, политическую власть «золотого миллиарда» над всем миром. При этом также не следует забывать и о таком социокультурном явлении как «лингвистический империализм» (особенно если речь идет об английском языке /АЯ/ и элите, включая академическую, носителей этого языка), пока не ушедший в прошлое человеческой цивилизации, который Р. Филлипсон в своей книге “Linguistic Imperialism” обозначил следующим образом: “A working definition of *English linguistic imperialism is that the dominance of English is asserted and maintained by the establishment and continuous reconstitution of structural and cultural inequalities between English and other languages, here structural* refers to material properties (for example, institutions, financial allocations) and *cultural* to immaterial and ideological properties (for example, attitudes, pedagogical principles). Linguistic imperialism is one example of *lingucism* ”, which is defined as ideologies, structures, and practices which are used to legitimate, effectuate, reproduce an equal division of power and resources, between groups on the basis of language”

(Phillipson, 1992). Именно результаты исследований этого и других ученых, сопряжённых с вопросами проявления лингвистического или лингвокультурного империализма (в первую очередь элиты Британии и США) и поиска путей противостояния ему в современном мире послужили толчком для социокультурного педагогического осмысления путей противодействия ему и развития этого научного направления в англоязычной языковой педагогике, примером которого является книга А.В. Канагарджи “Resisting Linguistic Imperialism in English Teaching” [Canagarajah, 1999]: в ней во-первых предлагается социокультурное критическое осмысление и в определенной степени пересмотр традиционных постулатов языковой педагогики в отношении проектирования систем обучения английскому языку в разных странах, учитывая наличие разных типов образовательных (включая учебные) конфликтов и констатируя проявление открытого или скрытого противостояния разных культурных кодов преподавателя (носителя языка) и студентов (не-носителей языка), культурных стилей их взаимодействия в кросс-культурном или плюрикультурном образовательном пространстве.. Во-вторых, автор предлагает свое видение о степени методической целесообразности использования того или иного подхода при обучении не-носителей АЯ нормам письменной научной речи на АЯ. И, наконец, предметом особого исследовательского интереса автора являются актуальные проблемы взаимодействия политики и педагоги при поиске приемлемого кросс-культурного взаимодействия политической и педагогической составляющих дискурсивного поведения участников учебного взаимодействия друг с другом.

Среди основных видов межкультурного академического общения, представляется целесообразным выделить:

- монологическое академическое общение с интерактивными элементами (типа лекции (академической или научно-популярной), академического выступления и академической приветственной речи) и диалогическое академическое общение (академическая беседа (А2), академическое интервью, академическое взаимодействие с экспертами);
- полилогическое академическое общение (круглый стол по актуальной академической тематике и/или проблематике, включая и социально-заостренную гуманитарную тематику и проблематику).

При этом, в зависимости от функциональных факторов академического общения весьма различной будет и степень формализованности вышеупомянутых разновидностей межкультурного академического общения. Так, с одной стороны, существует строго регламентированное и формализированное официальное академическое общение, а, с другой – деформализованное, неформальное или кулуарное академическое взаимодействие.

Межкультурное академическое общение является неотъемлемой частью и инструментом осуществления профессионально-профильной, а также междисциплинарной коммуникации современных специалистов во

всем мире и, следовательно, должно быть предметом специального учебного моделирования в проблемно-ориентированном образовательном пространстве российской высшей школы с учетом общего и специфического в условиях кросс-культурного и/или плюрикультурного взаимодействия [CEFR Companion Volume, 2020] специалистов, выступая как одна из целей и как средство профессионально-профильного билингвального образования университетских выпускников средствами всех языков, дидактически сопряженных в учебном процессе высшей школы (скажем, английского и русского языков, английского, китайского и русского языков, итальянского, английского и русского языков).

Однако решение столь сложных лингводидактических и методических задач в подготовке к международному научно-исследовательскому взаимодействию практически невозможно без коммуникативно-когнитивного анализа международных информационно-коммуникационных академических мероприятий как макрообъектов гуманитарного образования, в число которых входят открытые онлайн академические лекционные курсы, международные онлайн и оффлайн образовательные и научно-исследовательские проекты, международные научные форумы, симпозиумы и конференции. Каждое из этих академических мероприятий является своеобразным коммуникативно-когнитивным научно-образовательным или научным событием, которое планируется, организуется и проводится по соответствующим социокультурно маркированным академическим сценариям, предполагает в первую очередь последовательно формировать у университетских выпускников культуроведческие и лингвокультурные представления об общем и специфическом в академических сценариях проведения академических мероприятий в разных образовательных и научных культурах, а также обеспечить коммуникативно-когнитивный тренинг в проигрывании разных социокультурных ролей участников того или иного академического мероприятия (начиная с команды организаторов, потенциальных и принятых участников академических выступлений, культурных медиаторов и кончая модераторами секций, организаторами культурных мероприятий, а также ассистентами и медиаторами во время межличностного неофициального академического взаимодействия участников научного мероприятия во время перерывов на чай или кофе между научными сессиями). С этой целью осуществляется социокультурный коммуникативно-когнитивный сопоставительный анализ каждого из вышеупомянутых информационно-коммуникационных академических мероприятий, который направлен на: а) определение коммуникационно-информационной специфики его академического назначения, формата, набора академических ролей его участников, б) раскрытие основных поведенческих сценарных линий/схем [Anderson, 1998, CEFR.CV, 2001], влияющих на вербальное и невербальное поведение его участников, учитывая суть предписываемых им академических ролей, а также характерное для них жанровое наполнение официального и/или

неофициального академического общения**;** в) прогнозирование и типологизацию возможных коммуникативно-поведенческих и коммуникативно-когнитивных барьеров. Исходя из результатов этого анализа принимаются лингводидактические и методические решения о возможности и степени необходимости моделировать конкретное академическое мероприятие в учебной образовательной среде, учитывая особенности дидактического контекста со-изучения языков и культур. Так, по результатам социокультурного коммуникативно-когнитивного анализа 50 международных конференций (язык конференции – английский) и 50 международных конференций (язык конференций – русский) по гуманитарной тематике (2015-2020) были выявлены социокультурные различия в плане степени регламентированности сценариев организации и проведения международных конференций, регламентации формата и содержательного наполнения презентаций ее участников, наличия или отсутствия конкретных (письменно представленных) требований к стилю и деятельности модератора или «фасилитатора» в англоязычной академической среде, председателя на пленарной сессии и руководителей секций в русскоязычной среде. Помимо этого, было подтверждено, что поведенческие сценарии и коммуникативно-когнитивные схемы (schemata) участников международных европейских конференций варьируются в зависимости от условий и ситуаций осуществления академического взаимодействия, социальных, социально-стратификационных и академических ролей партнеров по межкультурной академической коммуникации на английском языке, а именно от:

- степени обязательности контактов всех участников в конкретных ситуациях межкультурного академического общения;
- степени вербальной и временной регламентированности разных жанров академического общения;
- диапазона возможностей проявления авторитарного или либерального стилей взаимодействия участников межкультурного академического общения;
- степени ответственности всех или только отдельных участников межкультурного академического общения за его академическую эффективность и результативность;
- наличие формальных, конвенциональных и ситуативных ограничений в выборе вербального и невербального репертуара академического поведения, исходя из академической роли участника того или иного академического мероприятия.

В современном международном научном сообществе сосуществуют разные форматы академического взаимодействия на разных научных мероприятиях, на которых английский или русский язык являются средством научной коммуникации. И, если до середины 90-х годов со-существовали евро-атлантический формат межкультурного взаимодействия, достаточно жестко регулируемый в плане структурирования исследовательских результатов в условиях письменного или устного научно-

исследовательского взаимодействия (подробнее см. [Сафонова, 2021]) и восточно-европейский формат письменного и устного вербального поведения участников научных мероприятий в международной научно-образовательной и научно-исследовательской среде, то начиная со второй декады нового тысячелетия евро-атлантический формат стал доминировать не только на международной научной арене в западно-европейских странах, странах Африки и ряда стран Азии, но и в восточно-европейских странах, особенно при подготовке научных публикаций. Более того, этот формат в настоящее время принят и в ряде российских научных журналов (например, высокорейтинговые научные журналы МГЛУ, Высшей школы экономики).

Теоретико-экспериментальное исследование зоны функционирования евро-атлантического формата, коммуникативно-когнитивного поведения участников в условиях межкультурной научно-исследовательской коммуникации (в том числе лингвокультурологический анализ 75 зарубежных международных конференций в 2015-2020 гг. как коммуникативных событий в мире современной науки) показало, что она затрагивает речевые жанры не только письменного, но и устного научно-исследовательского межкультурного взаимодействия. К первым относятся прежде всего такие разновидности, как:

- аннотации (descriptive & informative abstracts), статьи для публикации (analytical research papers, argumentative research papers, definition papers, experimental research papers, survey research papers);
- PowerPoint презентации (full paper presentations, short paper presentations, poster presentations, discussion paper presentations);
- научные отчеты (analytical reports, case-study reports, popular reports, preprint reports, proposal reports, research & development reports, technical research reports);
- диссертации и ее составляющие (PhD thesis, research question, research framework, research outcomes, research discussion, research perspective);
- письменное самопредставление участника научно-исследовательского взаимодействия (academic biography, researchers' bio, researcher biography, researcher profile).

В группе устных речевых жанров межкультурной научно-исследовательской коммуникации евро-атлантический формат проявляется не только в структурировании вербального текста, но и в поведенческих ролевых сценариях (schemata) [Council of Europe, 2001, pp. 126-127], в рамках которых участникам конкретного коммуникативного события в науке предлагается взаимодействовать в соответствии с предписываемой им конвенциальной ролью на научном мероприятии (например, участника конференции, пленарного докладчика, председателя или модератора секции, модератора или одного из участников круглого стола экспертов). Эта конвенциальная предписываемая социальная роль существенно влияет на вербальное и невербальное поведение того или иного участника научного мероприятия и, соответственно, на его выбор и употребление

требуемого репертуара вербальных и невербальных средств научно-исследовательского и научно-образовательного взаимодействия. В частности, социально-ролевые коммуникативно-когнитивные предписания наиболее ярко проявляются в сценариях взаимодействия: 1) автора научной презентации, модератора и аудитории; 2) председателя круглого стола экспертов, экспертов и аудитории; 3) организаторов научного мероприятия и его участников (активно задействованных в нем); 4) участников и организаторов научного мероприятия в условиях неформального общения; 5) выступающих с пленарными докладами и аудиторией (хотя в этом случае поведенческая регламентированность является менее жесткой).

Исходя из результатов сопоставительного социокультурного коммуникативно-когнитивного анализа академических событий, вариативности вербального и невербального поведения его участников в рамках выполнения той или иной академической роли проектируется лингводидактическая модель овладения нормами межкультурного академического общения для конкретной ступени высшего образования, конкретного профиля вузовской подготовки, конкретного варианта изучения иностранного языка (ИЯ как специальность или изучение ИЯ в специальных целях), с учетом особенностей социокультурного контекста со-изучения языков и культур. В основе проектирования этой ценностно-ориентационной лингвокультурной модели социокультурного освоения международного академического мира лежат системный, аксиологический, проблемный, коммуникативно-деятельностный и социокультурный подходы к коммуникативно-когнитивному образованию обучающихся средствами со-изучаемых языков в контексте диалога современных культур и цивилизаций. При этом предполагается, что ценностно-ориентационное обучение нормам межкультурного академического взаимодействия в глокализованном мире обеспечивает социокультурный подход к взаимообусловленому формированию у студентов общегуманитарных компетенций (билингвальной коммуникативно-когнитивной, эмпатической, поликодовой, лингвоэкологической компетенции, медиативной, риторической и полемической компетенции, антиманипулятивной и конфликтологической).

Список литературы

1. Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я. и др. Жизнь в осыпающемся мире. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2018. Режим доступа: https://ru.valdaiclub.com/files/22596/ (дата обращения: 10.01.2024)
2. Барышников Н.В., Бернштейн В.Л. Формирование профессиональной коммуникативной межкультурной компетенции: обобщение опыта, поиск методических решений // Язык и культура. 2018. № 43. С. 136-147.
3. Коммуникативное поведение. Вып. 32. Академическое общение. Монография. Научный редактор И. А. Стернин. Воронеж: изд-во «Истоки», 2009. 194 с.
4. Путин В.В. Выступление на XX ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» на тему: «Справедливая многополярность: как обеспечить безопасность и развитие для всех». 2023а. 2 октября. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/72444 (дата обращения: 10.01.2024).
5. Путин В.В. Выступление на пленарном заседании «IX Санкт-Петербургского международного международного культурного форума – Форум объединённых

культур». 2023b. 17 ноября. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/72757 (дата обращения: 10.01.2024).
6. Путин В.В. Выступление на пленарном заседании Всемирного русского народного собора: «Настоящее и будущее Русского мира». 2023c. 28 ноября. ежим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/72863/ (дата обращения: 10.01.2024).
7. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. М.: КИОРУС, 2014. 254 с.
8. Сафонова В.В. Академическое межкультурное общение на английском языке: актуальные проблемы конструирования оценочного инструментария // Язык и культура. 2022. № 58. С. 261–291
9. Сафонова В.В. Евро-атлантические форматы международной научной коммуникации как актуальная область исследования в дидактике перевода для аспирантов-гуманитариев // Русский язык и культура в зеркале перевода: юбилейная международная научная конференция (г. Салоники (Греция), 8–12 июля 2021 г.): материалы конференции М.: Издательство Московского университета. 2021. С. 111-121.
10. Сафонова В.В. Лингводидактические размышления о медиативном образовании преподавателей исследователей в системе языковой подготовки к международному партнерству и сотрудничеству // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 1. С. 151-164.
11. Сафонова В.В. Коммуникативные барьеры в кросс-культурной академической коммуникации как лингводидактическая проблема // Академическая мобильность студентов, качество программ, социокультурная адаптация, влияние на профессиональный и личностный рост студента. М.: Изд-во «Канцлер», 2017. С.149-156.
12. Сафонова В.В. Межкультурное академическое общение как объект моделирования в системе обучения РКИ // Русский язык как иностранный. Дидактика в славянской и неславянской аудитории. – Uniwersytet Warszawski, Warszawa: 2019. С. 15–30.
13. Стернин И.А., Стернина М.А. Проблемы описания академического общения // Коммуникативное поведение. Вып. 32. Академическое общение. Монография. Научный редактор И. А. Стернин. Воронеж: изд-во «Истоки», 2009. С.5-23.
14. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур . – М.: Слово/Slovo, 2008. – 344 с.
15. Тер-Минасова С.Г. Роль факультета иностранных языков и регионоведения как флагмана языкового образования в России // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 19-37.
16. Тер-Минасова. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo. Москва. 2000. 136 с.
17. Ahmed I.N. E.-D. Raising Undergraduate Students' Level of Academic Readiness through Teaching Intercultural Communication // Advances in Journalism and Communication, 2022. №10. P. 209-232.
18. Bargiela-Chiappini, F., Bülow-Møller, A.M., Nickerson, C., Poncini, G., & Yunxia Zhu. Five Perspectives on Intercultural Business Communication. Business Communication Quarterly. 2003. Vol. 66(3). P. 73-96.
19. Basic Concepts of Intercultural Communication / Edited by M. J. Bennett. 2nd ed. Boston: Intercultural Press. 1998. 284 p.
20. Caragarajah A.S. Resisting LInuistic Imperialism in English Teaching. Oxford:OUP, 1999.
21. CEFR. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Cambridge: CUP, 2001. 260 pp.
22. CEFR.CV. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment: Companion volume. Strasbourg: Education Policy Division Education, Department Council of Europe, 2020. 274 p.
23. Chen, G.-M., & Dai, X. (2014). Intercultural Communication Competence: Conceptualization and Its Development in Cultural Contexts and Interactions. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2024. P.164-173.

24. Contrastive Rhetoric: Reaching to Intercultural Rhetoric / Edited by U . Connor, E. Nagelhout, & W. Rozycki. Amsterdam: John Benjamins, 2008. 324 p.
25. Ferri G. Intercultural Communication: Critical Approaches and Future Challenges. London, NY, Melbourbe: Palgrave Macmillan Cham. 2018. 126 p.
26. Garson K.D. Internationalization and Intercultural Learning: A Mixed Methods Study // Promoting Intercultural Communication Competencies in Higher Education/ Edited by Grisel María García-Pérez, Constanza Rojas-Primus. Hershey: IIG Global, Information Science Reference, 2017. P.54-88.
27. Gibson R. Intercultural Business Communication: An Introduction to the Theory and Practice of Intercultural Business Communication for Teachers, Language Trainers, and Business People. Oxford: OUP. 2002. 111 p.
28. Helal F. Discourse and Intercultural Academic Rhetoric // Open Journal of Modern Linguistics. 2013. Vol.3, No.2. P. 149-156.
29. Keles Y. What intercultural communication barriers do exchange students of Erasmus Program have during their stay in Turkey, Mugla? // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. № 70. P. 1513 – 1524.
30. Martin J. N., & Nakayama T. K. Intercultural communication in contexts (8th ed.). New York, NY: McGraw Hill LLC. 2022. 560 p.
31. Neuliep J. W. Intercultural Communication: A Contextual approach (7th ed.). Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2017. 528 p.
32. Phillipsom R. Linguistic Imperialism. Six impression. Oxford: OUP, 1992.pp.
33. Piller I. Intercultural Communication: A Critical Introduction (2nd ed.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. 227 p.
34. Porto M., & Byram M. New perspectives on intercultural language research and teaching. Exploring learners' understandings of texts from other cultures. New York: Routledge, 2016. 196 pp.
35. Promoting Intercultural Communication Competencies in Higher Education/ Edited by Grisel María García-Pérez, Constanza Rojas-Primus. Hershey: IIG Global, Information Science Reference, 2017. 388 p.
36. R'boul H., Dervin F. Intercultural Communication Education and Research Reenvisioning Fundamental Notions. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2023. 142 p.
37. Safonova V., 2018. Developing Russian PhD Students' Academic Culture in EAP Courses for Intercultural Communication and Co-operation // European Journal of Interdisciplinary tudies / 2018. Vol.4. № 2a. P.103-114.
38. Safonova V., Basina N, Mironova O. Essential Needs for the Development of University Students' Academic Mediation Skills// Enriching 21st Century Language Education: The CEFR Companion volume in practice. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2022 / Edited by B. North, E. Piccardo, T. Goodier, D. Fasoglio, R. Margonis-Pasinetti & B.Ruschoff Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2022. P. 239-254.
39. Su C. A Review of Empirical Studies on Intercultural Communication in China. Open Journal of Social Sciences, 11, 2023. P. 209-220.
40. Ter-Minasova S. Challenges of Intercultural Communication: A View from Russia // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация, издательство МГУ. 2017. № 4, с. 9-19
41. Ter-Minasova S. Language, Linguistics and Life: A View from Russia. M.; Красанд. 2011. 172 с.
42. The Routledge Handbook of Language and Intercultural Communication / Edited By Jane Jackson. London: Routledge, 2020. 610 p.
43. Varner I.I. The theoretical foundation for intercultural business communication: A conceptual model // The Journal of Business Communication. 2000.Vol. 37, no. 1. P. 39-57.

7.3. УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (МОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ)

В современном многоязычном интерактивном мире вопросы овладения монологической речью в процессе языковой подготовки студентов лингвистических специальностей приобретают особую актуальность и находят непосредственное отражение в ФГОС ВПО нового поколения. В нем подчеркивается, что лингвист должен уметь осуществлять межкультурное общение в различных профессиональных сферах, выполнять функции посредника в сфере межкультурной коммуникации, проводить деловые переговоры, быть активным участником конференций, симпозиумов, семинаров с использованием нескольких рабочих языков, проводить информационно-поисковую деятельность, направленную на совершенствование профессиональных умений в области межкультурной коммуникации. В образовательном стандарте определены целевые направления обучения иностранному языку в области монологической речи, которые конкретизируются в образовательных программах вузов [ФГОС ВПО, 2016]. Ориентация процесса обучения монологической речи на межкультурную профессиональную иноязычную коммуникацию взывает к необходимости внедрения в практику иноязычного образования наиболее эффективных моделей обучения. Например, уровневая модель обучения обеспечивает динамичность, гибкость, преемственность учебного процесса, возможность самостоятельной творческой работы студентов, самоконтроль собственных достижений в практическом использовании приобретенных навыков и умений монологической речи.

В ходе исследования удалось установить, что в процессе работы с текстами больше внимание уделяется работе с грамматическими структурами и лексическими единицами, а не только формированию практических навыков построения монологической и диалогической речи с учетом ее коммуникативных функций. В беседе со студентами 1-го курса РУДН удалось выявить трудности, которые они испытывают при подготовке монологического высказывания. Эти трудности связаны, прежде всего, с психологическими факторами (отсутствие мотивации, боязнь сделать ошибки, неуверенность в правильности выражения своих мыслей и др.), а также с недостаточным опытом работы с текстом с соблюдением всех этапов построения монологического высказывания. Очевидным становится тот факт, что развитие монологической речи должно осуществляться с помощью определенной методической модели, которая включает принципы обучения, отбор тематики в соответствии со специализацией студентов-лингвистов, комплекс упражнений и форм работы, соответствующую структуру занятий по иностранному языку.

Таким образом, актуальность исследуемой проблемы обусловливает необходимость переосмысления методической системы обучения моноло-

гической речевой деятельности студентов-лингвистов, ориентированной на профессиональное общение и межкультурную профессиональную коммуникацию. В свою очередь, это позволит устранить противоречия между целевыми установками на обучение монологической речи для будущей профессиональной деятельности студентов и методами их реализации в процессе обучения иностранному языку. Данное обстоятельство побудило к исследованию обучения студентов-лингвистов монологической иноязычной речи для межкультурной профессиональной коммуникации в условиях международного сотрудничества в образовании, науке и научных исследованиях.

Данная проблема исследования является многоаспектной и потому требует обращения к научным изысканиям в смежных областях знаний: методике, лингвистике, психолингвистики, профессиональной лингводидактики. В методической науке говорение рассматривается как продуктивный вид устной речевой деятельности, направленный на развитие умений иноязычного общения. Авторы научных публикаций объясняют сложность этого процесса, прежде всего, тем, что для выражения своих мыслей на иностранном языке студенты, во-первых, должны обладать определенным запасом лексических единиц, грамматических форм и конструкций, интонационных рисунков и иметь навыки употребления этого языкового материала в речи, а во-вторых, должны уметь, сосредоточиваясь в первую очередь и главным образом на смысловой стороне речи, сочетать, комбинировать эти элементы структуры языка для выражения своих мыслей [Абаева, 2019. Эл. ресурс]. С точки зрения психологии и лингводидактики монологическая речь является сложной мыслительной деятельностью и связана с индивидуальными особенностями личности студента, например, его способностью воспринимать речь на слух и реагировать на речевые высказывания, совершать самостоятельный развернутый монолог. Ученые обращают внимание на то, что монолог требует большой нагрузки на кратковременную и долговременную память, обладания умениями длительное время концентрироваться на развитии повествования или рассуждения, увязывать результаты прошлого и сиюминутного мышления (аналитического, образного и ассоциативного) в единое целое по созданию, таким образом, определенного содержания, согласующегося с целью речевого акта, темой, ситуацией общения [Скалкин, 1979, с. 56-62]. Повышение роли межкультурного аспекта содержания иноязычного образования обусловило изменение методических ориентаций в целевых установках обучения иностранному языку. В качестве глобальной (стратегической) цели обучения профессиональному межкультурному общению стала рассматриваться языковая личность студента [Тер-Минасова, 2000, с. 256]. По мнению исследователей, принятие концепта языковой личности в качестве методологического предполагает осознание студентами собственной универсальной сущности как культурно-исторического субъекта [Waters, 2000, pp. 9-12].

В документе «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка» подчеркивается, что модули предусматривают применение различных учебных подходов и ресурсов, способов использования внеучебной среды и возможности устранения ошибок в межкультурном общении; они придают учебным программам последовательность и четкость, общую связность и прозрачность содержания обучения, не нарушая, а, наоборот, укрепляя междисциплинарные связи [ОКВИЯ, 2003, с. 67]. В современных научных работах как известных, так и молодых ученых-лингводидактов, методистов, психологов и психолингвистов в области иноязычного образования метод модульного обучения рассматривается как один из инновационных методов, интегрирующий с такими интерактивными технологиями и методами, как разноуровневое обучение, обучение в сотрудничестве, метод проекта, технология креативности и др. [Айнутдинова, 2011, с. 45-46; Салтовская, 2007, с.7-11].

Следует заметить, что в последнее время значительно расширился диапазон исследований, посвященных интерактивным методам и технологиям преподавания иностранных языков, в их числе научные работы, в которых подробно описаны интерактивные методики обучения [Дмитренко, 2000, с. 33-41]. Авторы убедительно доказывают, что интерактивное обучение способствует осознанному освоению и применению коммуникативных стратегий овладения умениями монологического общения и вместе с тем влияют на формирование культуры монологической речи на иностранном языке.

Экспериментальное обучение предусматривает обеспечение учебного процесса в рамках представленных модулей. В эксперименте приняли участие студенты первого курса Института иностранных языков отделения «Лингвистика»: четыре группы студентов-переводчиков в количестве 51 человек кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Показатели эффективности обучения студентов экспериментальной группы (ЭГ), сравнивались с результатами тестирования студентов контрольных групп (КГ), которые не выполняли задания определенного модуля. Общая численность студентов экспериментальных групп составила 25 человек, контрольных групп –26 человек.

Экспериментальное обучение проводилось в течение 2022/2023 учебного года. По завершении экспериментального периода в июне 2023 года был проведен опрос (контрастно-сопоставительный анализ результатов и тестирование студентов).

Тестовые задания соответствовали уровню В2 владения иноязычной монологической коммуникативной компетенцией студентов лингвистических специальностей. Тест содержал задания, позволяющие определить наличие у студентов способности к креативному мышлению, творческой работе с информацией, последовательности и логике подготовки монологического высказывания. В результате в процессе экспериментального

обучения удалось выявить результативность достижений студентов в овладении монологической коммуникативной компетенцией в условиях реализации уровневой модели модульного обучения монологической речи.

Помимо тестирования среди студентов обеих групп был проведен опрос, в ходе которого студенты смогли объективно оценить свои успехи в овладении практическими навыками монологического общения до и после применения уровневой модели обучения.

В соответствии с основными положениями методической науки и теории межкультурной коммуникации монологическая речь является не только активной формой устного речевого высказывания, но и ценным средством выражения мысли говорящего по определенной теме/проблеме, а также показателем умственного интеллекта и способности к научной, деловой и профессиональной коммуникации на международном уровне. Межкультурная составляющая является, по сути, принципиально новой онтологической составляющей современной теории обучения иностранному языку в вузе, которая естественным образом диктует необходимость поиска новых психолого-педагогических и методических решений, направленных на расширение рамок процесса обучения и выхода студентов в реальный межкультурный контекст иноязычного общения, как в его диалогической, так и монологической формах.

Результаты экспериментального обучения доказали, что попытка обнаружить совместимость применения уровневой модели (модульного) обучении монологической речи с целями и задачами межкультурного общения в широком смысле оказалась весьма успешной. Было замечено, что кардинально изменяется форма общения преподавателя со студентами. Студенты обогащаются новым лингвистическим и лингводидактическим опытом, осуществляют самостоятельную деятельность, учатся целеполаганию, самопланированию, самоорганизации и самоконтролю, продвигаясь от модуля к модулю и овладевая навыками межкультурного общения. В то же время преподаватель принимает на себя новые функции организатора, лидера, помощника, консультанта.

Разработанная нами модель включала 4 модуля:

Модуль 1.: *Развитие практических умений и навыков монологической речи на основе аутентичных текстов*. В данном модуле отчетливо проявляется взаимосвязь монологической речи и чтения. Эта взаимосвязь обусловлена психологически и лингвистически, так как чтение ставит своей целью извлечение из текста личностно- и профессионально-значимой информации, – это восприятие и осмысление языкового аспекта содержания информации, представленного соответствующими лексическими и грамматическими средствами для того, чтобы студенты могли корректно осуществлять монологические высказывания. По мере более глубокого освоения языковых и речевых средств содержания текстовой информации студенты приобретают уверенность в успешности собственного монологического общения, организованном преподавателем в парной, групповой или пленарной форме коммуникативной деятель-

ности. Одним из важных условий монологической речи во взаимосвязи с чтением является отбор информативно-значимых частотных лексических единиц и их структурная организация как лексикона тезаурусного типа, владение которым обеспечивает способность адекватно воспринимать, осмысливать, понимать информацию и воспроизводить ее, наполняя собственным смыслом в монологическом высказывании. Были выделены следующие ключевые умения, которыми должны овладеть студенты при обучении монологической речи на основе аутентичных текстов: находить, осмысливать и письменно фиксировать основную информацию, необходимую для монологического высказывания; систематизировать извлеченную из текста информацию и выстраивать ее в логической последовательности; планировать и структурировать текст монологического высказывания; самостоятельно готовить монологическое высказывание с опорой на предварительно разработанный план, языковые и речевые средства, заимствованные из текста и необходимые для воспроизведения монолога; отбирать ключевые положения текстовой информации для подготовки электронной презентации монологического высказывания.

Модуль 2.: *Развитие практических умений и навыков монологической речи средствами реферирования*. Согласно программе данного модуля, студенты включаются в интеллектуальный творческий процесс аналитико-синтетического преобразования исходного текста с извлечением из его содержания важной информации, которую необходимо переработать и создать новый, более упрощенный и ясный для понимания новый текст. Исходя из того, для каких целей пишется реферат, различают индикативный реферат (реферат-резюме) и информативный реферат (реферат – конспект). В реферате-резюме максимально кратко и лаконично излагаются выводы, результаты выполненного задания. Реферат-конспект может быть монографическим или обзорным и содержать все основные положения первичного документа, а также аргументацию собственных выводов. Реферирование тесно связано с говорением, чтением и письмом. Для того, чтобы подготовить реферат как основу устного сообщения или доклада студенты должны уметь прочитать текст и составить его план (с учетом перераспределения информации); выявить основную и дополнительную информацию; выделить основную информацию: определить тему текста, микротемы, известную (данную) информацию, новую информацию; выписать к каждому пункту плана ключевые слова и выражения, необходимые для изложения его смыслового содержания; переформулировать основные положения текста, используя экономичные способы передачи информации; отобрать языковые средства (клише), оформляющие реферат; на основе полного анализа и отобранного языкового материала написать реферат; в логической последовательности построить устный доклад, выделяя важные моменты и приводя детали, подтверждающие высказываемую точку зрения.

Как показали результаты исследования, работа над реферированием аутентичных текстов способствует формированию способности к деталь-

ному пониманию их содержания, развитию креативных умений работы с информацией, необходимой для монологических высказываний или составления вторичного текста устного выступления по определенной теме.

Модуль 3.: *Развитие практических умений и навыков монологического общения в профессиональной иноязычной коммуникативной среде*. В данном модуле предусматриваются интерактивные виды деятельности, побуждающие студентов к самостоятельным высказываниям, самостоятельным размышлениям, мотивирующие студентов к монологическому общению. К таким видам деятельности могут быть отнесены: дискуссии; ролевые игры проблемной направленности; деловые игры; учебные станции; исследовательские, творческие проекты, проекты-коллажи; студенческие конференции, включая виртуальные конференции со студентами зарубежных вузов в соответствии с образовательной программой обучения монологической речи.

Модуль 4.: *Презентация в Powerpoint.* В рамках данного модуля студенты самостоятельно работают с информацией, предназначенной для электронных презентаций. Подготовка презентации как электронного средства сопровождения доклада на международной студенческой конференции, сообщения по итогам творческого проекта или проведенного исследования является высокомотивированной деятельностью. В состав данного вида презентаций включаются графические объекты типа диаграмм, организационных структур, фотографий и схем. Удобная слайдовая структура программы и возможность размещения достаточного объема графической и текстовой информации открывает студентам широкое поле деятельности для художественно-эстетического творчества, повторения и закрепления языкового и речевого аспектов иноязычной речи с использованием ресурсов глобальной сети Интернет.

В ходе экспериментального обучения было замечено, что применение интерактивного обучения в «живой», естественной среде общения, в ситуациях взаимодействия обеспечивает лучшие условия для закрепления, тренировки и практического применения умений монологического общения по сравнению с традиционными коммуникативными упражнениями. В практике интерактивного обучения иноязычной устной речи коммуникативные умения соотносятся с коммуникативными техниками, которые отрабатываются в языковых и интеркультурных тренингах, дискуссиях и дебатах, в парной работе и в малых группах, совместной проектной или исследовательской деятельности, как в учебное время, так и в условиях самостоятельной деятельности с использованием Интернет-ресурсов в рамках учебной программы. В таких социальных формах обучения развиваются умения монологической речи, которые предполагают овладение техниками формулирования вопросов, прежде всего – открытых, закрытых, альтернативных и техникой собеседования, техникой перефразирования (краткое повторение сути высказывания собеседника своими словами), техникой интерпретации (высказывание предположений об истинном значении сказанного или о причинах и целях высказывания собеседника).

В связи с тем, что основной целью обучения иностранному языку является развитие у студентов иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции, большое значение имеет осознание того, что упражнения действительно должны носить характер коммуникативных. На современном этапе становления методики компетентностного иноязычного образования, направленной на развитие культурной языковой личности будущего специалиста, обладающего способностью и готовностью к межкультурной коммуникации в условиях международного сотрудничества, содержание, методы и средства обучения устной речи естественно должны претерпевать изменения и сочетать в себе все вышеназванные характеристики. Однако во многом данная проблема остается все еще на уровне научной дискуссии.

В рамках данного исследования были использованы интерактивные задания для обучения монологической речи студентов начальных курсов лингвистических специальностей. Каждая цепочка таких заданий представляла собой комплекс взаимосвязанных звеньев – уровней. В первом модуле «Развитие практических умений и навыков монологической речи на основе аутентичных текстов» студентам экспериментальной группы предстояло выполнить на основе четырех аутентичных текстов на тему: «Национальные парки» интерактивные упражнения в следующей последовательности:

1. Look at the pictures and answer the questions: What are these places? What are they famous for?

2. Read all four texts below. Then, in pairs, match the parks with the pictures. There is one extra picture.

3. Read the text again. Work in groups and do the following: List the main differences between these four places. Make notes on what is being done in your region to preserve Nature.

4. Work in the same groups. Discuss the questions below and then make a short presentation in the whole class.

В качестве опоры для монологического высказывания и представления презентации студентам предлагаются речевые средства и рекомендации по структуре презентации: “In my presentation I’ll focus on four major issues. Point one deals with…, point two…, point three… and point four… “. I am going to divide this talk into five parts.” “I’d like to begin/start by…” “Now let’s move to the first part of my talk, which is about…”. “In today’s presentation I’d like to cover three points.” “Firstly…, after that we will look at…, and finally I’ll…”. “I am going to inform you about…” “Finally, I’d like to discuss…”.

Во втором модуле «Развитие практических умений и навыков монологической речи средствами реферирования» студенты экспериментальной группы знакомятся со спецификой реферирования текста для последующего его использования как сообщения перед всей группой. Известно, что реферирование представляет собой интеллектуальный творческий процесс, включающий осмысление,

аналитико-синтетическое преобразование, переработки и изложения информации, и создание нового документа – реферата, обладающего специфическим лингвостилистическим оформлением в устном или в письменном общении. Исходя из этого положения, перед студентами были поставлены задачи выбора информации, относящейся к основным элементам содержания текста, и наиболее компактного ее представления в своем сообщении/докладе, исключая второстепенные, малосущественные сведения и факты. Студентам было предложено создать новый речевой продукт на основе научно-популярного текста “Enrico Fermi: Architect of the Nuclear Age“. Задания к тексту требовали выполнения следующих вводно-дискуссионных упражнений:

1. Read the article about the famous Italian physicist and answer the question: What role did he play in the Anglo-American A-bomb project?

2. Read the text again and answer these questions: What are Fermi’s main contributions to nuclear physics? Fermi and his group nearly made one more important discovery. What was it? Why did they fail?” Read the dictionary entries below, find the highlighted phrases in Ex.2B (article) and see if the meaning is the same (Под заданием располагаются пояснения значений слов из словаря). Ознакомившись с новыми понятиями, студенты выполняют следующие задания:

1. What do the highlighted phrases in the text mean?

2. Suggest explanations for these facts mentioned about Enrico Fermi in the article.

3. In Ex B2 (article) find the sentences with the words in bold and decide which meaning in the right-hand column suits this context best.

4. Look through collocation grids and put a tick if the words can go together.

5. Find and correct mistakes in the sentences if there are any.

6. Look at the diagram and find an appropriate comment to label each part of the diagram.

7. Look through Ex.1 and Ex.2 A-E and choose words and phrases for your vocabulary, if any.

8. Write a paragraph of about 200 words to answer the questions below.

9. Choose the best translation for the highlighted phrases.

10. Work in a small group: Say what would have happened if the conditions in Fermi’s experiments in 1934 had been different.

11. Write a report on the topic you have discussed and present it in class.

Интерактивное обучение проявляется в сочетании всех организационных форм работы: индивидуальной, парной, групповой. Это делает процесс реферирования не утомительным для студентов, а, совсем наоборот, он мотивирует к выполнению последующих заданий, чтобы затем представить их в группе. Хотелось бы обратить внимание и на то, что все виды интерактивных заданий имеют место в данном процессе и поддерживаются языковыми и речевыми средствами, на которые студенты опираются в монологическом высказывании: “The title of the article is … ,

The article is taken from…, The text deals with (is about, is devoted to, dwells upon, considers, tells us about, presents, is connected with etc. smth.…, The text gives figures (facts, data, diagrams, pictures, examples) illustrating smth…, This article (paper) is on …, This chapter discusses an important problem of…, The author emphasizes the idea of …, The conclusion is that the problem…, The paper is interesting (not interesting, of importance/of little importance, valuable/invaluable, up-to-date/out of date, useful/useless)…"

В третьем модуле «Развитие практических умений и навыков монологического общения в профессиональной иноязычной коммуникативной среде» студенты вовлекаются в деловые и ролевые игры, дискуссии и дебаты, в работу на учебных станциях, проекты, ситуации, в которых требуется высокий уровень активизации речемыслительной деятельности. Большое внимание преподаватели должны уделять овладению со стороны студентов современными речевыми средствами, подходящими к конкретной коммуникативной ситуации, создаваемой на занятии, развитию умений аргументации, – что очень важно для выступления с докладом на международной научно-практической конференции и семинаре, круглом столе, на мастер-классе. В качестве примера могут быть предложены речевые средства, которыми студенты должны владеть для ведения дискуссии: "What conclusion can we draw from this…?, So, what does this mean?, I was interested in your comment on…, Could you say a little more about that…?, Why do I say that? , Because…. , You may recall that I explained..., May I ask you a question?.

Для аргументации нужны другие речевые средства, например: "I'd like to give you some examples. "A good example of this is…". "According to an article I read recently…" "As an Illustration…" "To support what I 've said…".

Остановимся на рассмотрении одного из примеров на тему: «Кодекс правил поведения в классе». Студентам предложено выполнить ряд заданий-задач с опорой на фотографию: Brainstorming. Стимулом для дискуссий является постановка проблемы: "You are going to develop a set of principles and rules for your class. Work in groups and follow these steps:

1. Discuss these questions and make notes.
2. Decide what forms of presentation your Code will take.
3. In your groups decide on the different aspects of the document.
4. Make a presentation of your class Code of Behaviour and sign it.
5. Discuss all the group's performance during the presentations and choose the best group".

В завершающем четвертом модуле «Презентация в Powerpoint» была организована работа студентов в виртуальной среде с самостоятельным выбором дизайна слайд-шоу. Основная программа для работы – это Microsoft PowerPoint, которая идет в комплекте с программами Word и Excel. PowerPoint является инструментом для поддержки презентации визуальной информацией, графикой и текстом. Другими словами, презентация и устная речь дополняют друг друга. Вместе с тем, слайды,

какими бы креативными и красивыми они ни были, не должны быть основой сообщения. Студенты должны осознать, что главным условием успешной презентации является сохранение в ней четкости и краткости текста. Если слайды перегружены информацией, это отвлечет внимание слушателей от главного содержания работы. Следует особо подчеркнуть, что модули могут использоваться преподавателем выборочно. Это будет зависеть от условий и от уровня обученности студентов, их потребности и, безусловно, личного и профессионального интереса. По окончании экспериментального обучения студентам обеих групп было предложено одинаковое творческое задание – проект на тему «Что такое культура? (What is culture?)», работа над которым предполагала выполнение всех видов интерактивных упражнений. Целью задания являлось сравнение и сопоставление умений студентов экспериментальной и контрольной групп применять на практике умения монологической речи. Используя дополнительные материалы, поиск которых осуществлялся в интернете, студенты проводили работу с информацией согласно предоставленным им рекомендациям. В завершении проектной работы студенты выполнили последнее задание, сформулированное следующим образом: In groups make a poster representing your culture. You may use pictures, cartoons, rules, mottos, photos. Present your poster to the class and display all the posters.

Далее подводятся итоги экспериментального обучения. При сравнении результатов обеих групп, было установлено, что студенты, участвовавшие в экспериментальном обучении (ЭК), показали лучшие результаты, чем студенты, которые обучались традиционными методами (КГ). Результаты экспериментального обучения представлены в Таблице 1.

Таблица 1. *Результаты сравнительно-сопоставительного анализа сформированности умений монологической речи у студентов экспериментальной и контрольной групп по окончании экспериментального обучения*

Этап	**Оцениваемые параметры**	**Уровень проявленных умений монологи**	
		ЭГ	**КГ**
I	Владение грамматическими структурами и умение правильно использовать их в монологическом высказывании	80%	65%
	Владение лексическим материалом и умение практически использовать его в монологическом высказывании	85%	70%
	Умения повествовать о событиях и фактах на основе наглядности и речевых образцов	78%	63%
	Умения работать в коллективном взаимодействии, в сотрудничестве (в парной работе и в малых группах)	91%	64%

II	Владение грамматическими структурами и лексическим материалом в рамках изученных тем	85%	70%
	Коммуникативные умения воздействия на слушателей (логичность, выразительность, законченность высказывания, открытость к общению, оперативность реакции на задаваемые вопросы)	81%	62%
	Умение высказывать и аргументировать свою точку зрения	80%	64%
III	Правильность использования грамматических структур и лексического материала по изученным темам	90%	74%
	Владение коммуникативными стратегиями устной монологической речи и умение использовать их при подготовке доклада, реферата, сообщения, высказывания личных суждений и мнений по проблеме дискуссии	81%	62%
	Умение устно представлять презентацию и комментировать кратко содержание устного выступления	80%	61%

В ходе эксперимента было выявлено, что студенты экспериментальной группы (ЭГ) были мотивированы на результат. Мотивационным стимулом являлись профессиональный интерес, желание самим познать свои способности и потребность к овладению монологической речью с перспективным намерением стать активным участником международных мероприятий, заниматься научной работой и выступать с докладами и своими разработками в области лингвистики. Среди студентов такое перспективное желание имеют на сегодняшний день 20 студентов первого курса. Важно отметить, что все студенты ЭГ проявили готовность к дальнейшему участию в экспериментах и инновационной деятельности по разработке учебных материалов, виртуальных страничек студентов-лингвистов, электронных презентаций. Несмотря на то, что студентам контрольной группы (КГ) приходилось испытывать некоторые трудности, связанные с недостаточным опытом интерактивного обучения в совместной деятельности, они выразили желание продолжить интерактивное обучение устной речи (монологической) на основе модульной программы с использованием уровневой модели.

Таким образом, уровневая модель обучения монологической речи направленна на развитие способности студентов-лингвистов к осознанной речемыслительной деятельности, что особенно важно для будущей профессиональной деятельности студентов, особенно если она будет связана с международным сотрудничеством и международной профессиональной коммуникацией. Для того, чтобы интенсифицировать процесс обучения устной речи, придать ему мобильный и динамичный характер, в исследовании разработана и проверена в экспериментальном обучении модель модульного обучения монологической речи, в которой предусмот-

рены четыре уровня интерактивных упражнений, обеспечивающих последовательное овладение студентами практическими навыками монологического общения. Основное предназначение интерактивного обучения заключается в том, что оно направлено на подготовку дискуссий, дебатов, проектов, коллажей, а также презентаций, в том числе, электронных, сопровождающих устное выступление и является эффективным средством для подготовки студентов к международным видеоконференциям, телемостам и конкурсам.

Работа над монологической речью на основе аутентичных текстов на основе интерактивных упражнений способствует формированию умений выражать свое мнение, аргументировать свою позицию по отношению к высказываниям по ситуации или проблеме текста. В исследовании показана и обоснована связь монологической речи с другими видами речевой деятельности. Развитию умений монологической речи способствует реферирование текста, в результате которого создается новый текст, используемый для устного доклада или сообщения. Применённая в исследовании уровневая модель обучения монологической речи эффективна, отвечает профессиональным ожиданиям студентов и ее реализация в коммуникативной практике иноязычного образования будет способствовать успешному формированию и развитию языковой и межкультурной компетенций у обучаемых.

Список литературы

1. Абаева Н.Ч. Обучение монологической речи студентов-бакалавров первого курса // Молодой ученый. 2016. № 6. С. 717-719. [Электронный ресурс]. URL https://moluch.ru/archive/110/27202/ (дата обращения: 20.10.2019).
2. Айнутдинова И.Н. Инновационные технологии в обучении иностранным языкам в вузе: интеграция профессиональной и иноязычной подготовки конкурентноспособного специалиста (зарубежный и российский опыт). Настольная книга педагога-инноватора. Казань. Из-во Казанского университета, 2011. С.456.
3. Дмитренко Т.А. Современные технологии обучения иностранным языкам в условиях цифровизации иноязычного образования // Дискурс профессиональной коммуникации. 2022. Том 4. Вып 4. С. 33-41.
4. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; М.: МГЛУ, 2003. 256 с.
5. Салтовская Г.Н. Модульная технология обучения иностранному языку Текст. / Г.Н. Салтовская // Иностранные языки в школе. 2007. № 7. С. 7-11.
6. Скалкин В.Л. Типичная коммуникативная ситуация как структурно-тематическая основа обучения устной иноязычной речи // Русский язык за рубежом. 1979. № 5. С. 56-62.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М.: Слово / Slovo, 2000. 261 с.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика (уровень магистратуры) (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 1 июля 2016 г. № 783.
9. Waters B. Learning and mental health// Adults Learning, Oct. 2000, Vol. 12 Issue 2. Pp. 9-12.

7.4. УЧЕБНИК АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Идея о соизучении языков и культур окончательно утвердилась, благодаря С.Г. Тер-Минасовой, создавшей научную школу и сделавшей «межкультурную коммуникацию» научной дисциплиной и профилем профессиональной подготовки лингвистов: «Языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [Тер-Минасова, 2000, с. 20]. Теперь обычной практикой стало при обучении иностранному языку включать в учебный процесс историко-географическую, политическую и культурно-бытовую информацию о стране. Некоторые методисты даже призывают строить учебник языка как одновременный курс национальной культуры. К настоящему времени изданы сотни учебников, которые сочетают преподавание иностранного языка с презентацией страноведческого материала, посвященного различным аспектам культуры в широком антропологическом смысле этого слова, включающем образ жизни, менталитет, видение мира, национальный характер, систему ценностей, типы социального поведения, традиции, привычки, верования носителей языка [Ter-Minasova, 1996].

У каждого такого учебника, пособия, книги для чтения, сборника текстов есть много достоинств и преимуществ. Однако имеется один общий недостаток. Он состоит в том, что культурологический материал связан в подавляющем большинстве случаев почти исключительно со страной изучаемого языка. Если это учебник английского языка, то тексты касаются только Великобритании и США, если французского – то Франции, если испанского – то Испании или Латинской Америки [Sandstedt, 2015]. При этом излишняя детализация информации о стране, язык которой изучается, углубление в частности не отвечает интересам большинства российских студентов, стремящихся овладеть иностранным языком, прежде всего как средством международного общения (особенно английского языка как главного инструмента межкультурной коммуникации), второстепенные сведения лишь загромождают память учащихся и имеют весьма сомнительную познавательную ценность.

Полностью соглашаясь с тезисом о том, что язык отражает культуру ее носителей и «является подлинным зеркалом национальной культуры» [Верещагин, Костомаров, 1990, с.15], необходимо подчеркнуть, что тема мировой культуры заслуживает того, чтобы получить в учебниках иностранного языка более широкое освещение. В издательстве «Высшая школа» вышел учебник «Английский язык через культуры народов мира» [Комарова, Окс, Колосовская, 2008], понятийную основу которого составляют тексты о природе, географии, истории, традициях, образе жизни, хозяйственной деятельности людей, науке, искусстве и ремеслах разных регионов земли. С тех пор учебник прошел испытание временем, студентами и преподавателями МГУ имени М.В. Ломоносова и показал себя эффективным и удобным в обучении английскому языку студентов,

специальностью которых являются география и другие естественнонаучные и технические дисциплины. В настоящее время издательство «Юрайт» выпускает его (с небольшими изменениями) под названием «Английский язык. Страноведение» [Комарова et al., 2021]. Работа авторов над учебником строилась на основе методологических положений языкознания, функциональной стилистики, теории и практики LSP, которые дают твердую базу для практического преподавания иностранных языков.

В учебнике определен круг тем, которые относятся к понятию «культура народов мира». В этом существенную роль сыграли региональная география и комплексное страноведение, которые помогли научно определить тематическую принадлежность и логическую последовательность расположения текстового материала. Принято делить культуру на материальную и нематериальную. Материальная культура охватывает всю сферу материальной деятельности и ее результаты и включает все физические объекты, созданные людьми: постройки, орудия труда, жилища, предметы повседневного обихода, одежда, средства транспорта и связи. Нематериальную культуру составляют идеи общества, выраженные в языке, познание, нравственность, воспитание и просвещение, включая право, философию, этику, эстетику, науку, искусство, литературу, мифологию, религию. История, религия, язык и способы использования природной среды людьми в совокупности создают культурные регионы. В современной науке существует несколько вариантов деления мира на крупные культурные регионы, в которых населяющие их народы имеют сходные культурные характеристики. Правомерным представляется следующее деление: Европа (Западная Европа, Средиземноморская Европа, Восточная Европа), Азия (Ближний Восток, Юго-Восточная Азия, Южная Азия), Северная Америка, Латинская Америка (Центральная Америка, Южная Америка), Африка (Северная Африка и Африка южнее Сахары), Тихоокеанский регион (Австралия и Океания). Такое региональное деление отчасти согласуется с представлением о «макрокультурных регионах мира» в частности, предложенное С. Хантингтоном, который выделил девять таких макрорегионов, которые назвал цивилизациями: латиноамериканскую, африканскую, буддистскую, западную, индуистскую, исламскую, китайскую, православную, японскую. Хотя культура каждой из стран, входящих в такой макрокультурный регион, уникальна, каждый из них имеет некоторое общее качество для всех составляющих его стран [Фомичев, Рыкунова, 2018, с.24].

Таким образом, учебник имеет четкую структуру, обусловленную логикой данной предметной области. Он состоит из сорока разделов (Units), каждый из которых посвящен описанию и характеристике страны или культурного района, являющегося в свою очередь частью более крупного региона мира. Разделы построены по единому плану, тексты в них повторяют последовательность изложения материала, принятую в страноведческих и цивилизационных исследованиях: Physical and

Socioeconomic Environment (Физико-географические характеристики территории. Общая характеристика экономики); The People and History (История. Общество и формы его организации); Mentality and Traditions (Менталитет и традиции); Arts and Science (Искусство и наука), – что в совокупности позволяет раскрыть характерные особенности стран и народов.

В то время как географическое страноведение нацелено на понимание страны как сложного пространственного объекта [Горкин, 2013, с. 245], в учебнике английского языка отбор страноведческих сведений произведен с позиций лучшего обеспечения коммуникативной функции английского языка. Не претендуя на строгую системность, присущую комплексному страноведению, мы последовательно отбирали текстовой материал, позволяющий учащимся овладеть английским языком в процессе обсуждения истории, культуры и общественной жизни разных стран. Главным является тезис о том, что учебные тексты должны быть информативными, познавательными, хорошо структурированными в понятийном плане, но не перегруженными смысловыми деталями и, что самое важное – они должны быть оптимальными с точки зрения языковой организации. При создании учебного пособия по английскому языку огромное внимание должно быть уделено текстовому материалу в плане его функционально-стилистических характеристик. Живой человеческий язык может выполнять разные функции. Такие языки, как английский, имеющие развитую литературную традицию, отличаются большим многообразием функционально-стилистических проявлений. Как известно, на любом языке одну и ту же мысль можно выразить, используя разные языковые средства: очень просто – максимально рационально и экономно, более идиоматично и, прибегая к экспрессивным языковым средствам. Таким образом, даже в рамках одного функционального стиля можно найти различные функционально-стилистические разновидности текстов: стилистически нейтральные тексты, достаточно высоко идиоматичные тексты и тексты, обладающие определенной долей стилистической маркированности. Функционально-стилистическое разнообразие языковых проявлений сказывается на преподавании иностранного языка. Даже когда учащийся стремится изучить «язык в целом», он вначале должен уточнить, какой функциональный стиль интересует его в первую очередь.

Поскольку учебник такого типа предназначен для студентов, первоочередной целью которых является освоить интеллективный функциональный стиль речи, последовательно отбираются стилистически нейтральные тексты, в которых функция сообщения выражена максимально отчетливо, где использованные языковые средства обеспечивают четкое и ясное изложение мыслей и фактов. Такой текстовой материал, имеющий отчетливую тематическую направленность и отобранный с учетом языковой организации, оказывается оптимальным для обучения тех, кто уже в определенной степени освоил ESP своей непосредственной узкой специальности, но стремится продолжить овладение

практическими навыками научного изложения на английском языке на культурологическом материале. Поэтому с языковой точки зрения учебник «Английский язык. Страноведение» представляет собой, по существу, пособие по практической стилистике английской научной речи в области страноведения. Несмотря на определенную языковую ограниченность, аутентичные тексты, представляющие данную функционально-стилистическую разновидность научного изложения и составляющие основу учебника, являются безусловно надежным материалом для усвоения и снабжают учащегося наиболее употребительными языковыми элементами и достаточно простыми и рациональными способами выражения. Стилистически нейтральные, регулярно воспроизводимые словосочетания и выражения, которые учащийся с помощью своего преподавателя почерпнет из приведенных текстов, можно активно и уверенно использовать при общении на английском языке.

Безусловно, эти тексты могут восприниматься некоторыми преподавателями как «скучные в языковом плане», что даже может вызвать вопрос «Для кого американцы или англичане пишут таким примитивным языком, не для иностранцев ли?» Следует особо подчеркнуть, что источником текстов для учебника подобного рода служат весьма авторитетные американские и английские учебники по географии и комплексному страноведению [Jordan, 1997; Patton, 1987; Introducing Human Geographies, 2013], в которых образованные носители языка, озадаченные тем, чтобы наиболее отчетливо изложить свой предмет, сознательно прибегают к максимально рациональным и экономным языковым средствам, ограничению языковых связей, однозначности, логической сочетаемости слов, умеренной идиоматичности, стилистической нейтральности. Вопрос языковой формы чрезвычайно важен для авторов тех книг, откуда берутся тексты для работы. Подобный стиль изложения определяется как easy-to-follow language, clearly written text, easy-to-read discussion: “The language level has been carefully monitored throughout the book to make it especially suitable for use by students preparing for basic and general level papers” [London, Senior, 1996, c.7]. “To achieve its goal – to help students understand their physical environment – the student edition of World Geography provides: a clearly written text that avoids jargon and presents explanations and descriptions in easy-to-follow language”; “Each lesson in World Geography presents an easy-to-read discussion of the topic…” [Gross, 1986, c.16].

Таким образом, базовые тексты учебника последовательно выдержаны в стиле нейтрального научного изложения. Тексты данного типа с языковой точки зрения достаточно просты, на соответствующем уровне языковой подготовки на неязыковых факультетах они обеспечивают студентов запасом наиболее употребительных словосочетаний и выражений, которые можно и нужно активно использовать для производства английской речи. Усложнение языковой организации допущено лишь в дополнительных текстах, содержащих ограниченное количество стилистически маркированных элементов, употребление слов в

переносных значениях, синонимов и экспрессивно-оценочных лексических единиц. Работа с материалом, обладающим более сложной языковой организацией, учит студентов понимать тексты такой функционально-стилистической ориентации, извлекать информацию и уметь их перефразировать, адаптировать для устного изложения. Знакомство с усложнением языка способствует пониманию учащимися стилистической неоднородности научного регистра речи и позволяет сознательно следовать принципу идиоматической градации при овладении иностранным языком: сосредоточиться в первую очередь на том, что составляет основу регистра, лишь постепенно добавляя к ним более идиоматичные и маркированные средства выражения [Липгарт, Хуринов, 2013].

Обратимся непосредственно к двум основным разновидностям текстов учебника и проведем сравнительный стилистический анализ, учитывая семантические, морфо-синтаксические и лексико-фразеологические особенности употребленных в них лексических единиц. Первый анализируемый текст “Handwriting and Calligraphy” принадлежит к разделу, посвященному искусству и науке Азии (Unit 16. Arts and Science of Asia).

“In China, Korea, and Japan, calligraphy is a form of pure art. Chinese, Korean, and Japanese calligraphy derive from the written form of the Chinese language. Chinese is not an alphabetical language; each character is composed of a number of differently shaped lines within an imaginary square. The early Chinese written words, like the Egyptian hieroglyphs, were pictorial images, though not so close to the objects they represented as in the ancient Egyptian writing. Rather, they were simplified images, indicating meaning through suggestion or imagination. These simple images were flexible in composition, capable of developing with changing conditions by means of slight variations.

Chinese writing and Semitic writing constitute the two great writing systems of the world. Just as the Semitic writing system was fundamental to the evolution of modern writing systems in the West, Chinese script was fundamental to the writing systems in the East. Chinese writing, at least until relatively recently, was more widely in use than alphabetic writing systems, and until the 18th century more than half of the world's books had been written in Chinese, including works of speculative thought, historical writings of a kind, and novels, along with writings on government and law.

When China was united in the 3rd century BC, the first emperor ordered that the writing system be standardized throughout the empire. This common writing system bound the Chinese people together, forming a medium of communication that could be read by groups who spoke very different, often mutually incomprehensible dialects of the language. Chinese writing is the only form of writing that has been in continuous use from the time of the invention of writing down to the present time.

Chinese script is logographic. Characters or graphs represent not units of sound as in phonographic writing systems but rather units of meaning, morphemes. Chinese, like any other language, has thousands of morphemes, and, as one character is used for each morpheme, the writing system has

thousands of characters. Two morphemes that sound the same would, in English, have at least some similarity of spelling. In Chinese they are represented by completely different characters. The Chinese words for "parboil" and for "leap" are pronounced identically. Yet there is no similarity in the way they are written.

The fact that the Chinese script is logographic and that its characters or graphs have a pictorial property has led some writers to conclude that it is less abstract than sound-based writing systems. However, recent scholars point out that all writing systems began with pictorial signs that lost their pictorial properties to the requirement of ease of writing; it is easier to draw an arbitrary sign than a realistic picture. And it is now recognized that a logographic script is a relatively optimal solution to the problem of representing the Chinese language.

The earliest characters of the Chinese script were "motivated"; that is, they resembled the things they represented. With the adoption of the brush as the tool and of ink on paper as the medium for writing, graphs became essentially arbitrary, involving simple lines and shapes. The basic stock of characters are simple graphs, some of which represent the names for objects or parts of objects, such as river, fish, man, and woman, and others of which stand for more abstract terms, such as yield, love, quarrel, prince, and the like. There are approximately 1,000 of these simple characters or graphs.

The process of combining simple graphs to make complex ones is enormously prolific and had been used to generate thousands of unique characters capable of representing the morphemes of the language. With some 40,000 graphs, the system comes close to the ideal of a fully explicit writing system that represents each distinctive unit of meaning with a distinctive unit of writing. But, of course, such a large number of graphs imposes a major obstacle to learning to read and write. A literate Chinese person knows perhaps 4,000 of the most important characters" [Комарова, Окс, Колосовская, 2008, с.113-114]

Функционально-стилистический анализ логично начать с существительных, как группы слов, употребляемых наиболее частотно. Понятийная обусловленность существительных очевидна с первого взгляда, их значения соотносятся с темой языкознания и письменности, а конкретно – с искусством каллиграфии: calligraphy, hieroglyph, image, script, graph, character, handwriting, dialect, spelling, morpheme. Кроме того, можно выделить группу существительных, относящихся к классу общенаучных слов: form, process, shape, object, composition, condition, system, scholar, shape, communication, invention, term, meaning, similarity, requirement, unit, thought, medium, property, solution, problem, variation и прочие. Большую группу составляют существительные «общего языка»: language, art, writing, time, sound, word, line, people, person, law, picture, paper, book, novel, century, tool, brush, empire, love, quarrel, prince, river, fish, women, man. Это самые распространенные слова английского языка, при этом некоторые из них приобретают «специальный» характер в сочетаниях с прилагательными, конкретизирующими их семантику, связанную с тематикой текста: alphabetical language, written word, pictorial image,

pictorial sign, pictorial property, ancient writing, historical writing, modern writing, modern writing system, phonographic writing system, alphabetical writing system, logographic script, abstract terms, literate person, или за счет контекста, например, form, name, lines, square: written form of language, names for objects, each character is composed of a number of differently shaped lines within an imaginary square.

Среди прилагательных, входящих в состав атрибутивных словосочетаний, можно выделить группу терминологических и общенаучных прилагательных phonographic, alphabetical, logographic, arbitrary, realistic, которые выражают родо-видовые отношения: phonographic writing system, alphabetical writing system, logographic script, arbitrary sign, realistic picture, pure art, они соотносятся с функцией сообщения и не обладают идиоматической или эмоционально-экспрессивной нагрузкой. Вторую группу прилагательных образуют описывающие прилагательные общелитературного языка, составляющие неотъемлемую часть функции общения, common, different, continuous, recent, important, они уточняют признак существительного: slight variation, common writing, different characters, incomprehensible dialects, continuous use, present time, recent scholars, optimal solution, simple line, simple shape, unique character, ideal graphs, large number, important character, early character.

Что касается сочетаемости существительных, помимо атрибутивных словосочетаний, в данном тексте преобладают регулярно воспроизводимые морфосинтаксические модели типа «существительное + предлог + существительное»: medium of communication, medium for writing, written form of language, form of writing, invention of writing, units of sound, units of meaning, distinctive unit of writing, evolution of writing system.

Среди глаголов имеется несколько специальных значений глаголов: to pronounce, to simplify, to generate, to stand for (characters stand for abstract terms). Ряд глаголов можно отнести к категории «общенаучных»: to compose, to develop, to derive, to conclude, to represent, to constitute, to resemble, to indicate. Остальные глаголы общеязыковые, в целом обладающие многозначностью, но в текстах данного типа они используются в основном в номинативном значении: to read, to write, to speak, to draw, to sound, to begin, to order, to unite, to learn, to bind, to form, to use, to become, to know. Наиболее распространенная модель употребления глаголов в данном тексте «глагол+прямое дополнение» use the process, represent objects, resemble things, причем в большинстве случаев дополнением служит понятийно-обусловленное слово: represent units of meaning, represent names, indicate meaning, constitute writing systems, form medium of communication, speak dialects, bind people, lose properties, draw sign/picture, make complex graphs, – эти словосочетания показывают преобладание в данной разновидности научного текста «неидиоматических» связей. Случаи употребления синтагматических последовательностей немногочисленны: it has led to conclude that …, the fact that …, to be widely in use…, it is now recognized that …, recent scholars point out that…

На примере анализа данного текста показаны типичные функционально-стилистические черты текстового материала учебника, в целом характерные для стилистически нейтрального научного изложения. Большинство использованных в текстах лексических единиц принадлежит к основному словарному фонду английского языка. Есть некоторое количество терминологических и общенаучных существительных, связанных с тематикой каждого конкретного текста, и группа «общенаучных» слов, использующихся для описания научного процесса. «Общеязыковые» существительные и глаголы сочетаются в тексте с понятийно-обусловленными словами, ограничивающими их семантику и повышающими их «специализированность». Многозначные слова употребляются в понятийно-ориентированном значении и почти не развивают идиоматических связей. Прилагательные преимущественно стилистически нейтральные, часто служат для конкретизации родо-видового признака. Характерной является понятийно-логическая, а не идиоматическая основа речеупотребления: в текстах использованы и регулярно воспроизводятся довольно простые морфосинтаксические модели: атрибутивные сочетания, «существительное + предлог + существительное», «глагол+дополнение», хотя встречаются устойчивые словосочетания, характерные для научного стиля изложения. Перечисленные языковые характеристики являются инвариантными признаками научного функционального стиля, которые мы наблюдаем в большинстве базовых текстов всех разделов учебника.

Теперь рассмотрим, как эти языковые черты проявляются в текстах иной языковой организации, которые условно можно назвать «слабо маркированными научными текстами». Такие тексты как “Land and Water. The River Basins” мы включали в некоторые дополнительные задания и упражнения учебника, например, в раздел (Unit 40. Brazil).

“One of the most spectacular natural features in South America is the Amazon River. What you would see if you flew over the river is described in a recent book about the river and its basin. From the air the valley of the Amazon spreads like a tremendous green and gold map of equatorial water and jungle. Shining rivers and deep blue lakes disappear over the horizon; countless islands, large and small, cluster like emeralds set in the dull gold of the vast river below.

Below the plane, as it flies over the equator, the huge island of Marajo, some 16,514 square miles in area, twice the size of the state of Massachusetts, lies in the funnel-shaped mouth of the Amazon River. From this height, the silty waters of the great river can be seen flowing some 200 miles out into the Atlantic Ocean. Only from the air can the immensity, the extent, of the Basin be ever glimpsed. The great river system below is awe-inspiring.

Endless tributaries, rivers, and rivulets turning from gold to silver in the setting sun coil and loop through the dense jungle to join the Amazon. Flowing up from the south and down from the far west, then on toward the distant sea into a single, broad, shining river, the far sources fade into the blue haze above the curve of the earth. This then is the immensity, the power, and the beauty of the Amazon.

In between the eastern highland areas are three large river systems. Each flows through wide areas of lowlands. The Orinoco River and its tributaries drain the lowlands between the northern Andes and the Guiana Highlands. The Orinoco empties into the Atlantic through a wide delta. In the Orinoco basin, the grassy lowlands are called the Llanos.

The Amazon Basin takes up almost half of Brazil and parts of Venezuela, Colombia, Ecuador, Peru, and Bolivia. It is drained by the Amazon River, which flows from the Peruvian Andes easterly across Brazil until it empties into the Atlantic at the equator. The Amazon carries more water to the ocean than any other river in the world. Three large cities are located on the Amazon. These are Belem, Manaus, and Iquitos. Most of the people, however, live in little towns strung along the edges of the river" [Комарова, Окс, Колосовская, 2008, с. 322-323].

В данном тексте мы наблюдаем появление признаков функции воздействия в виде эмоционально-оценочных языковых единиц и небольшое развитие идиоматических связей слов. Одновременно сохраняются инвариантные признаки нейтрального научного стиля, свойственные большинству основных текстов учебника, выполняющих функцию сообщения. В тексте "Land and Water. The River Basins" описываются природные характеристики речного бассейна Амазонки, этим обусловлены многочисленные топонимы, а также прямо-терминологические (гидрологические) существительные – river system (речная система), river mouth (устье реки), delta (дельта), source (исток реки), tributary (приток) и другие географические существительные: ocean, river, basin, valley, water, jungle, lake, horizon, island, equator, plane, rivulet, haze, sun, the south, sea, the west, highland, lowlands, world, map, city, town, earth, size, extent, feature.

Сочетания со специальными прилагательными natural, equatorial, grassy, northern, eastern, funnel-shaped, silty связывают существительные непосредственно с темой текста, превращая в более конкретные термины, построенные по родо-видовому принципу (по принципу genus proximus/differentia specifica): natural feature, equatorial waters, grassy lowlands, northern lowlands, eastern highlands, funnel-shaped mouth, silty waters. Описывающие прилагательные общего языка wide, large, little, deep, small, dense, far также придают словосочетаниям оттенок терминологичности: wide delta, large city, little town, deep lake, small island, dense jungle, far west, distant sea, setting sun. Примечательно, что в данном тексте стилистически нейтральные слова употребляются наряду с большим количеством прилагательных, имеющих экспрессивно-эмоциональную окраску huge, most spectacular, tremendous, great, countless, awe-inspiring, endless в словосочетаниях: huge island, most spectacular natural features, tremendous green and gold map, shining river, vast river, great river, countless islands, awe-inspiring river system, endless tributaries. Обращает на себя внимание, что часто в словосочетаниях употребляется несколько однородных слов, что усиливает экспрессивный эффект: 'single, broad, shining river'; 'the immensity, the extent of the basin'; 'shining rivers and deep

blue lakes disappear over the horizon'; 'endless tributaries, rivers, and rivulets coil and loop through the dense jungle…'; 'the immensity, the power, and the beauty of the Amazon'. В тексте используются сравнения по физическим параметрам: The Amazon carries more water to the ocean than any other river in the world; the huge island of Marajo twice the size of the state of Massachusetts, а также образные сравнения «острова как изумрудное ожерелье», «долина Амазонки как огромная карта»: the valley of the Amazon spreads like a tremendous green and gold map of equatorial water and jungle; countless islands, large and small, cluster like emeralds set in the dull gold of the vast river below. Именно со сравнениями связано появление слов, не относящихся к понятийному полю географии: the emerald set, the dull gold, the state of Massachusetts. Функцию воздействия выполняют также эмоционально-оценочные существительные the immensity, the beauty и некоторые глаголы.

В целом для глаголов по-прежнему характерна терминологичность: to drain, to cluster, to coil, to loop; глаголы общелитературного языка употребляются в «географических» значениях to flow (течь), to lie (находиться), to locate (располагаться), to live (жить); многозначный глагол to carry использован здесь в понятийно-обусловленном значении «река несет воду» – The Amazon carries water, а фразовый глагол to take up имеет конкретное значение «занимать место» – The Amazon Basin takes up almost half of Brazil. Необходимо отметить среди специальных глаголов наличие синонимов, например, со значением «река впадает»: to flow into = to empty into = to join, или «меандрировать»: to coil = to loop. Мы отмечали, что синонимия не свойственна стилистически нейтральным текстам, а здесь, в стилистически маркированном тексте, она проявляется помимо глаголов и на уровне существительных: horizon = curve of the earth, from the hight = from the air (в обоих случаях существительные hight и air употреблены в переносном смысле «сверху, с самолета»).

Стилистическая маркированность прослеживается в данном тексте и на уровне семантики глаголов, здесь содержатся эмоционально окрашенные глаголы to fade (постепенно исчезать), to glimpse (увидеть мельком) и глаголы в переносных значениях to disappear (скрыться из вида), to spread (расстилаться), to string (растянуться вдоль), to turn (превращаться). При этом большинство сочетаний с глаголами являются «неидиоматическими», не связанными во фразеологическом плане. Единичные общенаучные глаголы to describe и to call употреблены в пассивной форме 'the river is described', 'lowlands are called…'.

В целом данный текст характеризуется усилением экспрессивности и повышением уровня идиоматичности, проявлением синонимии, употреблением некоторых слов в переносных значениях, несколько более сложными морфо-синтаксическими моделями словосочетаний, наряду с преобладанием логических связей межу словами. Вместе с тем подавляющее число существительных и глаголов остаются понятийно-ориентированными, сочетаемость слов – преимущественно «неидиомати-

ческой», терминологические и описывающие прилагательные играют роль “differentia specifica”. Т.о. очевидно, что в текстах, подобных проанализированному, сохраняются и превалируют черты, относящиеся к инвариантным свойствам интеллективного функционального стиля. Поэтому тексты данной «слабо-маркированной» разновидности научного изложения, выполняя в основном функцию сообщения, оказываются в равной степени полезными для усвоения учащимися, как и нейтральные научные тексты, независимо от их индивидуальной тематики.

Понятно, что материалы учебника по иностранному языку подлежат проработке в грамматическом и лексическом плане, степень этой проработки устанавливается преподавателем. Тексты, составляющие данный учебник, позволяют овладеть необходимой грамматикой «в действии» (‘in context’), т.е. в процессе работы над усвоением связных произведений речи посредством запоминания и употребления соответствующих грамматических форм сначала в пересказе, а потом в своих собственных высказываниях.

В настоящее время учебник доступен в трёх вариантах – печатном, электронном и в виде мобильного приложения. С помощью образовательной платформы издательства «Юрайт» есть возможность создавать гибкие курсы для дифференцированного подхода к обучающимся. Сервис гибких курсов представляет собой конструктор, который позволяет комбинировать отдельные разделы, главы, тексты и упражнения и формировать понятийно-ориентированные курсы в зависимости от потребностей, специализации студентов и уровня владения ими английским языком.

В настоящее время данный учебник используется в преподавании английского языка на 1 и 2 курсах магистратуры и для студентов старших курсов географического факультета МГУ, которые уже в достаточной степени освоили географический «Язык для специальных целей». На этом этапе смена тематики с научно-географической на преподавание языка через культуры народов мира весьма целесообразна, тем более что, согласно программе учебной дисциплины «Иностранный язык», наряду с практической целью, курс иностранного языка реализует образовательные и воспитательные цели, способствуя расширению кругозора студентов, повышению их общей культуры, воспитанию толерантности и уважения к духовным ценностям других людей. У студентов формируется умение сравнивать и сопоставлять разные страны и народы, а также представлять свою страну, ее культуру в условиях иноязычного общения на научных конференциях, во время работы в составе международных проектов и полевых экспедиций.

Список литературы

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного 4-е изд. М: Русский язык, 1990. 246 с.
2. Горкин А.П. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.

3. Комарова А.И., Окс И.Ю., Колосовская В.В. Английский язык через культуры народов мира. М.: Высшая школа, 2008. 470 с.
4. Комарова А.И., Окс И.Ю., Колосовская В.В. Английский язык. Страноведение: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. 473 с.
5. Липгарт А.А., Хуринов В.В. Функциональные стили современного английского языка: Наука и журналистика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 208 с.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М: Слово/Slovo, 2000. 261 с.
7. Фомичев П.Ю., Рыкунова Е.С. Лингвострановедение и комплексное географическое страноведение: соотношение и взаимодействие // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2018. Т. 11. № 3. С. 21–26.
8. Gross H. World Geography. Massachusetts: Allyn and Bacon, 1986. 544 p.
9. Jordan T., Domosh M. Neumann R., Price P. The human Mosaic: A thematic introduction to Cultural Geography. Twelfth edition. New York: W. H. Freeman, 2011. 486 p.
10. London N., Senior M. Principles of Geography for CXC. London: Longman, 2000, 1992. 304 p.
11. Patton C.P. et al. A World View: The World and its People. Atlanta: Silver Burdett & Ginn. 1987. 532 p.
12. Sandstedt L., Kite R. Civilizacion y cultura. Intermediate Spanish. Boston: Cengage Learning, 2015. 240 p.
13. Ter-Minasova S. Language, Linguistics and Life: a view from Russia. M.: Humanitarian Knowledge, TEIS, 1996. 155 c.
14. Introducing Human Geographies. Ed. by Paul Cloke, Philip Crang, Mark Goodwin. 3rd edition. NY: Routledge, 2013. 1088 p.

7.5. НОРМА И ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Современное языковое пространство представлено не только огромным количеством языков, но и еще большим количеством тех или иных вариантов, признанных институциональными, т.е. письменно закрепленными в словарях, корпусах текстов и в устной традиции образованной части общества. Наибольшая вариативность фиксируется в языках, имеющих значительное распространение в мире, в том числе и в тех странах, где эти языки не являются родными для большинства населения. Огромное распространение в современном мире получил английский язык, носители которого приобрели значительное влияние в сфере экономики, а затем и политики во многих странах Азии и Африки. С точки зрения самой структуры языка английский язык, в котором слабо развита флективная грамматика, но при этом сильно развита идиоматика, дает широкие возможности для появления новых вариантов. Вместе с тем возникает определенное противоречие между нормой английского языка и наличием значительного количества вариантов.

Цель данного раздела исследования – показать значимость понятий нормы и варианта в применении к английскому языку, определить степень вариативности английского, ответить на вопрос, важна ли вариативность

английского языка в методике преподавания студентам-востоковедам и на каких этапах изучения английского можно включать вариативность. Вариативность английского языка будет продемонстрирована на примере индийского английского.

В российской лингвистической традиции общепризнанными определениями нормы являются следующие:

- Определение О.С. Ахмановой: «Принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентации), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [Ахманова, 1966, С.270].
- Определение Л.А. Вербицкой: «Языковая норма – совокупность явлений, разрешенных системой языка, отраженных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени» [Русский язык и культура речи, 2002, с.71-90].

При всей кажущейся идентичности данных определений следует отметить, что Л.А. Вербицкая вводит несколько социолингвистических параметров, а именно: норму определяют носители языка, они должны владеть литературным языком, норма обязательна для определенного периода времени. Наибольшую трудность при определении нормы английского языка вызывает отсутствие четкого определения, кого считать носителем литературного английского языка [Quirk, 1990, p. 6] – например, являются ли носителями английского языка американцы, учитывая многообразный национальный состав населения США. и т.п. В последние десятилетия «размывается» и британский стандарт в силу колоссального притока мигрантов из разных стран.

Исключительно сложно определить, что является нормой в устной речи носителей. Здесь значительную роль играют индивидуальные особенности как произношения, так и словоупотребления. Наиболее приемлемым представляется следующее определение нормы в разговорной речи: «Нормой в разговорной речи считается то, что постоянно употребляется в речи носителей литературного языка и не воспринимается при спонтанном восприятии речи как ошибка» [Русский язык и культура речи, 2002, с. 34]. Это значит, что в речи, не зафиксированной письменно, могут появляться определенные отклонения от письменной нормы, но, пока они не нарушают коммуникацию и характеризуются высокой степенью воспроизводимости, их считают допустимыми в речи носителей литературного языка.

С точки зрения социолингвистики, важно определить статус английского языка в разных странах мира, учитывая его глобальное распространение. В настоящий момент английский является государственным языком не только в Великобритании, США, Канаде, но и в 24-х странах Африки и 10 странах Азии (в основном, в качестве второго государственного). Статус этого языка различен в разных странах. Его основная функция в странах, где он не является родным языком местного

населения, – межнациональное общение внутри страны. В качестве государственного языка он изучается в школах и других учебных заведениях, на английском издаются газеты, журналы, ведутся телеграм-каналы в Интернете. Официальные документы существуют, как правило, на двух языках – языке большинства местного населения и английском. Практически во всех странах мира, в том числе и тех, где английский не является государственным, его используют как язык общения на межнациональном и межгосударственном уровнях, а также в международных организациях. Все эти функции употребления английского языка закономерно порождают большое количество вариантов, связанных как с узусом употребления языка (язык дипломатии, язык бизнеса, научный язык), так и с территорией, на которой он употребляется.

В 80-90-х годах XX века возникла концепция “World Englishes”. Ее основоположниками, издателями журнала с таким же названием, организаторами всемирных конгрессов по данной проблематике были Брадж Качру и Ларри Смит. Дискуссия велась, прежде всего, вокруг того, кого считать носителем языка, а следовательно, считать ли язык таких носителей вариантом английского или же недостаточно освоенным британским (американским) вариантом [Davis, 2010, p. 21-26]. Целый ряд известных лингвистов (например, Дэвид Кристал) поддержали концепцию World Englishes [Crystal, 2003, p. 140-141], считая, что изменения в английской норме, характерные для индийского или филиппинского английского, связаны не с отсутствием недостаточного образования, а с влиянием родного языка и во многом с влиянием национальной культуры, речевого этикета и стилистики местного языка. Возникло новое направление в лингвистике, получившее название вариантология.

Определение варианта языка дать достаточно сложно. Если оценивать вариативность с точки зрения системы языка, то наибольшие отклонения встречаются на фонетическом уровне, что связано с интерференцией родного языка у тех, кто использует английский язык как второй родной (в смешанных семьях) или как освоенный, выученный язык. Как правило, такие фонетические изменения не связаны с потерей смыслоразличительной функции, т.е. не переходят на фонологический уровень. Однако здесь вряд ли можно говорить об изменении произносительной нормы, учитывая множество индивидуальных особенностей произношения. Есть изменения, фиксируемые у большинства использующих английский одной национальности, например, японский английский, гонконгский английский и даже русский английский [Прошина, 2022, с.73]. Но все же в речи образованной части общества во многих странах, где английский второй государственный, есть четкое стремление соблюдать произносительный британский (или американский) стандарт.

Наиболее значимыми для варианта представляются лексические и стилистические особенности, что связано, прежде всего, с необходимостью воспроизводить в языке элементы национальной культуры, обычаи, реалии культурной и повседневной жизни. Во-первых, отсутствие аналогов в

английском вынуждает применять слова родного языка, облекая их в английскую форму. Во-вторых, придание английскому языку местного колорита часто выполняет определенную социолингвистическую («приближение к народу») или стилистическую функцию (например, в романах индийских писателей, пишущих по-английски). Представляется, что в основном лексический пласт является основой того или иного варианта английского языка.

На уровне морфологии вариативность проявляется достаточно слабо, так как морфологическая система любого языка является в высокой степени замкнутой. Как известно, английский язык не обладает достаточно развитой морфологической системой (например, по сравнению с немецким), используя при этом множество лексических вариантов, за которыми закреплены определенные грамматические значения. Вместе с тем в синтаксисе вариативность достаточно сильно развита, что связано с влиянием системы родного языка. В устной речи такие синтаксические изменения не воспринимаются как ошибки, а в письменной являются маркерами того, что писал скорее всего не носитель английского языка. Однако эти ошибки не выходят за рамки коммуникативно значимых признаков построения высказывания.

В вариантологии английского языка существует концепция нескольких типов вариантов. Их обычно изображают в виде концентрических окружностей. В центре расположен круг английского в Великобритании и США, которые всеми исследователями признаются как норма, эти варианты являются нормообразующими. Следующая окружность представлена центростремительными вариантами английского, которые стремятся устойчивую норму разрушить и закрепить свои вариации в качестве общепринятой нормы. Это, в первую очередь, канадский и австралийский варианты. Есть достаточно много исследований, описывающих эти варианты (Dictionary of Canadianisms on Historical Principles, The Canadian Oxford Dictionary, Macquarie Dictionary, Australian National Dictionary, The Heinemann New Zealand Dictionary, The Dictionary of New Zealand English: A Dictionary of New Zealandisms on Historical Principles и др. [Barber, 1998; Orsman 1997; Quirk, 1990, p. 3-21]. Третий круг представлен вариантами в тех странах, где английский является вторым государственным и языком межнационального общения. Это варианты английского в странах Азии и Африки. Это центростремительные или стремящиеся к норме варианты. В них есть значительные отклонения в фонетической репрезентации, в используемом словаре и в синтаксисе. С точки зрения количества населения, использующего английский язык, данный круг сильно превосходит два предыдущих [Kachru, 1985, p. 11-30].

Рассмотрим вариативность индийского английского как классический пример возникновения и развития варианта. Индийский вариант английского языка зародился в период британской колонизации в XVII веке. Сегодня он является официальным языком индийской нации вместе с хинди. Английский имеет статус ассоциированного языка. После хинди это

самый распространенный язык в Индии, хотя на английском языке говорит как на втором языке меньшинство образованного населения, составляющее от 11 до 20%, согласно текущим оценкам [Dr Mriganka Choudhury, 2021]. Английский язык в сознании индийцев символизирует более качественное образование, культуру и высокий интеллект, а также используется в юридической, финансовой, образовательной и деловой сферах. В некотором смысле английский язык в Индии помог, хотя бы небольшому проценту населения, выйти за рамки намерения английских колонизаторов сформировать класс своего рода переводчиков – посредников между ними и миллионами представителей местного населения, – что позволило бы им управлять. Приход английского языка в Индию ознаменовал этап передачи ему всех функций, принадлежащих высшей кастовой идеологии, которые до сих пор возлагались сначала на санскрит, а затем на персидский. Кастовая и классовая элиты превратились в колониальные элиты, но изменилась прагматика использования английского языка: он стал “инструментом вербального выражения родной и коренной истории, идеологии, культуры и современной практики” [Kachru, 1990, p. 15].

Рассмотрим вариативность индийского английского как классический пример возникновения и развития варианта. Индийский вариант английского языка зародился в период британской колонизации в XVII веке. Сегодня он является официальным языком индийской нации вместе с хинди. Английский имеет статус ассоциированного языка. После хинди это самый распространенный язык в Индии, хотя на английском языке говорит как на втором языке меньшинство образованного населения, составляющее от 11 до 20%, согласно текущим оценкам [Dr Mriganka Choudhury, 2021]. Английский язык в сознании индийцев символизирует более качественное образование, культуру и высокий интеллект, а также используется в юридической, финансовой, образовательной и деловой сферах. В некотором смысле английский язык в Индии помог, хотя бы небольшому проценту населения, выйти за рамки намерения английских колонизаторов сформировать целый слой так называемых переводчиков между ними и миллионами местных жителей, чтобы теми можно было управлять. Приход английского языка в Индию ознаменовал этап передачи ему всех функций, принадлежащих высшей кастовой идеологии, которые до сих пор возлагались сначала на санскрит, а затем на персидский. Кастовая и классовая элиты превратились в колониальные элиты, но изменилась прагматика использования английского языка: он стал “инструментом вербального выражения родной и коренной истории, идеологии, культуры и современной практики” [Kachru, 1990, p.15].

Сегодня английский язык в Индии используется не только для общения с внешним миром, но и как средство внутригосударственного общения. Элементы, которые индийский английский приобрел благодаря «индигенизация» [Domange, 2015, p.533-556], придали языковому разнообразию уникальный характер и, как следствие, возможность использования в качестве национальной модели. Индийский английский

не является просто набором отклонений от нативной целевой модели, как это часто описывается [Op.cit.]. Решение сохранить английский язык в качестве одного из официальных языков независимой Индии был определен тем обстоятельством, что Бенгалия и вся дравидийская Индия яростно выступали против выбора хинди в качестве единственного официального языка. Они рассматривали признание хинди единственным государственным языком как акт языкового навязывания и агрессии со стороны носителей хинди. Английский, объявленный вторым официальным языком, спас положение [Rakesh, 2014].

Наряду с распространенным пониманием английского языка как культурного капитала важное значение придается английскому в Индии как экономическому капиталу. Карла Пауэр в специальном разделе «Бизнес» журнала Тайм (7 ноября 2011 г.) объясняет рост деловых умов, обученных в Индии, тем фактом, что «они [руководители 21-го века] выросли, разговаривая на английском, языке глобального бизнеса» [Rakesh, 2014].

Многие творческие люди в Индии используют английский язык так же свободно, как и свой собственный язык, «бессознательно», как заметил Викрам Сет в своем романе “A suitable boy”, потому что он не вызывает у них никаких колониальных ассоциаций [Vikram Seth, 1993]. Владение глобальным английским – «как своим собственным» – отчетливо проявляется в произведениях творческих писателей, таких как Раджа Рао, Салман Рушди, Шаши Тахрур и многих других индийских английских писателей. Роль английского языка в современной Индии отличается от прошлой гегемонии санскрита и персидского языка [Rakesh, 2014].

Отметив роль английского языка в современном индийском обществе, попробуем определить его специфику как варианта [Kachru, 1983, p.10-12]. Фонетические отклонения, как было отмечено выше, всегда присутствуют в речи тех, кто не прожил достаточно долго в Британии или в США, но они коммуникативно незначимы. Основным признаком индийского варианта английского являются определенные лексические изменения. Лексика, которая используется в английском языке Индии, находится под очень сильным влиянием родных языков полуострова. При этом многие слова из родных языков Индии были введены в глобальный английский язык, на котором говорят во всем мире, например, jungle, bungalow, punch, shawl, and veranda (джунгли, бунгало, пунш, шаль и веранда). Есть некоторые слова, которые уникальны для носителей из Индии, поэтому часто возникают случаи непонимания. Два английских слова индийского происхождения очень маловероятно встретятся в стандартном английском: «airdash» – используется для того, кто спешит, и «badmash» – для обозначения хулигана. Другим примером «нативизации» является перевод на новый уровень значения уже существующих слов. Например, hi-tech outfit не значит, что человек оснащен новейшими цифровыми гаджетами. Наоборот, «высокотехнологичный наряд» означает «модный и современный, соответствующий последним тенденциям».

Существуют также примеры, когда слова из местных диалектов и языков Индии проникают в индийский английский, полностью заменяя английский язык. Так, слово “achchaain” в разговоре, который ведется на английском языке, означает «хорошее/хороший».

Грамматика индийского английского содержит множество отклонений от стандартных английских форм, они часто являются результатом прямого переноса особенностей грамматики из родных языков. Синтаксис хинди влияет на синтаксис индийского английского несколькими способами. Произвольно используются неопределенный и определенный артикли «a» и «the», которые не имеют параллелей в хинди. Чтобы подчеркнуть понятия «времени» и «места» в индийском английском можно встретить использование таких слов как «only» (только) и возвратное местоимение «itself» (само), чего нет в других разновидностях английского. Это явление объясняется наличием в хинди слова «hee» и образует такие предложения, как “I was in Delhi only” and “Can we meet tomorrow itself?” «Я был только в Дели» и «Можем ли мы встретиться завтра(самим)?» Индийские носители английского языка часто используют повторение, чтобы подчеркнуть действие, например: «Давай, давай! Сиди, сиди!». Редупликация также употребляется для усиления каких-то понятий или качеств, например, «в длинных, длинных волосах».

Говорящие на индийском английском языке часто используют определенные глаголы таким образом, что это сбивает с толку носителей других вариантов английского языка. Одним из наиболее показательных признаков грамматики индийского английского языка является использование продолженного времени с действиями, происходящими обычно, завершенными действиями и глаголами состояния. Это приводит к таким предложениям, как “I am doing it often”, а не “I do it often”; “Where are you coming from?” вместо “Where have you come from?” and “She was having many sarees” вместо “She had many sarees [Trudgill, Hannah, 1994]. Другими примерами неправильного употребления грамматических норм являются:

- употребление продолженного времени с глаголами состояния (влияние хинди): She is knowing the answer;

- употребление предлогов несоответствующих глаголу to discuss about, pay attention on;

-употребление неправильной грамматической формы в разделительных вопросах:

You are going, isn’t it? He’s here, no?

-употребление в ответе на вопрос форм, не соответствующих вопросу: A. You didn’t do it? B. Yes, I didn’t;

- неправильный порядок слов в вопросительном предложении:

«What you would like to eat? » вместо «What would you like to eat? »; «Who you will come with» вместо «Who will you come with» [Dr. Asma Rizwan, 2009].

История распространения английского языка в Индии началась с создания Британской колониальной системы около ста пятидесяти лет

назад как бикультурной среды. Постепенное распространение английского образования среди индийцев позволило выдвинуть небольшую группу молодых интеллигентов, воспитанных по образцу западной цивилизации и увлекающихся английским языком и литературой. Поэтому неудивительно, что молодые люди, которые в те дни интересовались литературой, выбрали английский как средство творческого письма. В результате ими было создано такое большое количество литературно-художественных произведений, что у многих исследователей возникает вопрос: почему индийские писатели и поэты создали такое количество произведений на английском языке? В период колониализма даже наблюдалось существенное пренебрежение национальной культурной традицией.

Одной из важнейших причин является тот факт, что, создавая произведения на английском языке, англо-индийские писатели могут получить доступ к большему количеству читателей как на родине, так и за границей. Аудитория региональных языковых литератур, наоборот, ограничена определенной языковой областью и редко выходит за пределы страны. Другой причиной является тот факт, что английский язык является родным для многих индийцев, выросших в англоязычных семьях. Некоторые поэты и писатели утверждают, что они думают, чувствуют и переживают на английском языке, как это делают люди в англоязычных странах. Также следует обратить внимание на тот факт, что из-за тогдашней системы образования, при которой преподавание региональных языков было небрежным, а само обучение велось исключительно на английском языке, уметь выражаться по-английски было необходимостью. Общеизвестно, что в Индии даже необразованные владельцы магазинов могут бегло говорить по-английски. В результате многие из образованных людей, зная свой родной язык, тем не менее чувствуют, что им легче писать и говорить на английском. Вместе с тем, как отмечается, элементарные ошибки и неуклюжесть выражений у индийских писателей, пишущих по-английски, могут сохраняться вплоть до уровня магистра искусств [McCutchion, 1969].

Но есть и другое течение среди индийско-английских романистов, которые сознательно пытаются писать на индийско-английском языке, ясно осознавая, что он сильно отличается от англо-английского. Этот новый литературный диалект английского языка имеет сильный экзотический привкус «индийского колорита», что иногда делает их романы более привлекательными. Они используют индийско-английский язык намерено, даже иногда в ущерб смыслу. Только таким образом, считают они, можно передать на английском языке индийские колоритные идиомы, аналоги которых невозможно найти в английском. В качестве примера можно привести примеры из произведений выдающегося индийско-английского романиста Бхавани Бхаттачарья. Одной из причин, по которым он используют этот индийский английский для написания романов, несмотря на тот факт, что может говорить и писать по-английски так же, как и коренной носитель английского языка, заключается в том, что он описывает судьбу индийских сельских жителей и пытаются говорить за них в своих романах.

Интересные примеры можно привести из книги «Music for Mohini» (Музыка для Мохини) Бхаттачарьи [Dr.Asma Rizwan, 2009]:

1. "An ear-pull will do you good" "Тянуть за ухо тебе пойдет на пользу" (Когда ребенок проказничает в Индии, родители или учителя приказывают ему в наказание подергать себя за уши и пообещать, что он больше никогда так не сделает.)

2. "Eat my head" “Съешь мою голову” («продолжать мешаться»).

3. "They will duck him in a pond till he's forgotten his father's name!" “Они будут окунать его в пруд, пока он не забудет имя своего отца» («заставлять кого-то много страдать»)

Индо-пакистано-английский писатель и лауреат Букеровской премии Салман Рушди известен своеобразным подходом к использованию английского языка в своем литературном творчестве. Рушди отверг правильный английский, т.е. «классический», так как для него он означает «колониальный». Экспериментируя на лексическом уровне, он употребляет значительное количество лексических единиц хинди и урду в своем английском, например ‘angrez’, ‘baba,’ ‘baap- re- baap.’ Лингвист, которым также является Рушди, часто обращается к эффекту звукоподражания, используя типично индийские звуки, например, ‘уэм’ бамшот, думбумбаум, тайи! Тайи! «хрикк-хрикк», «дхарррааммм» и т. д. (wham bamshot,’ ‘doomboombadoom,’ Thaiii! Thaiii! ‘khrikk-khrikk’ ‘dharrraaammm) [International Journal, 2016].

Рушди отверг понятие чистоты или центральности английского языка, введя новые формы существующих английских слов, а также индийских лексических единиц через дерзкую творческую гибридизацию ‘mediocrely’, ‘dislikeable’, ‘writery’, ‘doctori’, ‘Bombayness’, ‘chutnification’. Ориентация на такой язык позволяет романисту увидеть и выразить свой опыт смешанной и сложной культурной реальности, придав ей влияние непосредственности, чтобы помочь уловить естественные ритмы индийских речевых привычек и особенность индийской многоликой жизни.

Значительная вариативность английского языка в современном мире, показанная на примере индийского английского, неизбежно ставит вопрос о самом предмете преподавания английского в университетах. Считается, что в России преподают английский в его британском стандарте с некоторыми отсылками к американизмам. Однако произносительная норма воспроизводится теми, кто применяет этот язык на практике, в исключительных случаях (в основном, как результат пребывания и обучения в Великобритании или США). Наличии значительного количества произносительных образцов в Интернете улучшает ситуацию, но не приводит произношение большинства пользователей английским языком в России в полное соответствие с британским стандартом. Лексическая и идиоматическая составляющая в британском английском связана, как правило, с национальным менталитетом и в достаточной степени представлена в учебниках английского языка международного формата [Кочетова, 2015], а следовательно, может быть освоена. Исклю-

чение составляет юмор, всегда имеющий национальную специфику, отсылки к истории и повседневной культуре страны, а также новообразования, не вошедшие в учебники в силу их новизны. Грамматические и синтаксические модели, как правило, представлены достаточно полно и часто в соответствии с узусом их употребления. Изложенные принципы построения учебных пособий стали для некоторых исследователей английского языка основой для выделения особого формата – международного английского языка [Trudgill, Hannah, 1994]. Этот формат содержит наиболее частотные лексемы, грамматические и синтаксические модели, в малой степени фразеологизмы и идиомы. В таком формате английский преподается во всем мире вне зависимости от страны, где его изучают. Он соответствует британскому стандарту, но не воспроизводит его в полном объеме, что, по-видимому, и невозможно на уровне учебных комплексов.

Распространение английского во всем мире, в значительной степени ускорившееся в последние десятилетия, как языка международного и межнационального общения привело к образованию национальных разновидностей, многие из которых могут создавать сложности в коммуникации между представителями разных национальностей без учета специфики того или иного варианта [Воронцова, Павловская, 2023]. Насколько необходимым и возможным представляется показ вариативности английского языка в курсах для студентов нефилологических специальностей, в каком виде должна быть показана вариативность – поиск ответов на эти вопросы может стать основой новой концепции преподавания английского в России, учитывая изменение региона применения английского языка для выпускников в будущем. Активизация контактов со странами Азии и Африки предполагает подготовку востоковедов (и не только их) для работы с английским языком в странах Азии и Африки.

В процессе преподавании английского языка студентам-востоковедам одной из целей является показ вариативности как феномена современного английского языка. Для этого необходимо использовать аудио- и видеофрагменты в разной фонетической презентации, включая представителей стран Азии и Африки, научить понимать английский на слух с учетом разных произносительных особенностей, связанных с интерференцией родных языков. Анализ медийных текстов разного формата на английском языке из стран Азии и Африки позволит выявить определенную специфику английского языка при употреблении в местных СМИ. Специфичная лексика и идиомы будут отражать национальную (а не британскую и американскую) культуру. Знание культурного, географического и исторического своеобразия региона, в котором применяется английский язык, сделают коммуникацию с его представителями стабильно успешной. Особое место в коммуникации занимает речевой этикет, который всегда имеет национальную специфику и играет важную роль, несмотря на использование английского как языка-посредника в международной коммуникации. Попытка включения в курс английского языка для студентов-востоковедов аспекта, связанного с национальными культурами

стран Азии и Африки, показ вариативности английского языка отразилась в подготовленной преподавателями ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова серии учебных пособий “Diving into the Asian and African World”. Использование этих пособий позволяет создать необходимый культурно-антропологический фон для последующего применения английского языка в странах Азии и Африки.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 270 с.
2. Воронцова М.В., Павловская О.А. Вариативность языка и глобальная культура // В кн.: Мировые языки и культуры как объект филологического исследования. М.: Изд-во «Наука», 2023. С.428-434.
3. Кочетова М.Г. Вариативность в современном английском языке в лингвокультурном контексте. Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С.73-79.
4. Прошина З.Г. Лингвоконтактология: современные проблемы и перспективы. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. №4. С. 73-88.
5. Русский язык и культура речи: Учебно-методический комплекс для вузов. Под ред. А.Г. Антипова. Кемерово, 2002. С. 71-90.
6. Barber K. The Canadian Oxford Dictionary. Oxford, 1998.
7. Crystal D. English as a global language. 2nd ed. Cambridge, 2003. 150 p.
8. Davis D. R. The inclusivity of world Englishes. Presidential address at the Cebu Parklane Hotel, Cebu City, Philippines, on October 22, 2009, at the 15th annual meeting of the IAWE // World Englishes. 2010. Vol. 29. № 1. P. 21–26.
9. Domange R.A language contact perspective on Indian English phonology. // World Englishes., 2015. Vol. 34. № 4., P. 533–556.
10. Dr. Asma Rizwan. Characteristics of Indian English. URL: https://eltweekly.com/2009/10/37-research-paper-characteristics-of-indian-english/ (accessed: 23.04.2024).
11. Dr. Mriganka Choudhury. The Emergence of Indian English as a Nativized Variety and its Acceptability in the Sociolinguistic Landscape. An Open Access Journal from The Law Brigade Publishers 211 Asian Journal of Multidisciplinary Research & Review (AJMRR) ISSN 2582 8088 Volume 2 Issue 3 [June – July 2021]. P. 3-10.
12. International Journal of English Language, Literature and Translation Studies (IJELR) Vol.3. Issue 2. 2016. P.187. URL: http://www.ijelr/ (accessed: 23.04.2024).
13. Kachru B. The Alchemy of English. Urbana: University of Illinois Press, 1986; paperback reprint, 1990, 200 p.
14. Kachru B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle. // English in the world: Teaching and learning the language and literatures. Cambridge, 1985. P.11-30.
15. Kachru B. The Indianization of English: The English Language in India. – New York: Oxford University Press, 1983. 982 p.
16. McCutchion D. IndianWriting in English. Calcutta, 1969. 120 p.
17. Orsman H. The Dictionary of New Zealand English: A Dictionary of New Zealandisms on historical principles. Auckland, 1997. URL: http://www.loc.gov/catdir/enhancements/fy0606/97200077(accessed: 18.04.2024).
18. Quirk R. Language varieties and standard language. // English Today. 1990. № 1. P. 3-21.
19. Rakesh Mohan Bhatt. World Englishes and Language Ideologies. The Oxford Handbook of World Englishes. Edited by Markku Filppula, Juhani Klemola, and Devyani Sharma. 2014. 153 p.
20. Trudgill P., Hannah J. International English: A Guide to the Varieties of Standard English. London: Edward Arnold. 1994. 156 p.
21. Vikram Seth. A Suitable Boy. Publisher: Harper Collins (US), Phoenix House (UK), Little, Brown (Canada). 1993.1349 p.

7.6. ПОНИМАНИЕ СПЕЦИФИКИ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР ПРИ ВЕДЕНИИ ДЕЛОВЫХ ПЕРЕГОВОРОВ (ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В настоящее время связи России и стран Азии и Африки всё сильнее укрепляются, что создаёт благодатную почву для многочисленных контактов с представителями восточных культур. Об особой роли активного взаимодействия с восточными странами неоднократно высказывался В.В. Путин, который в ходе инвестиционного форума ВТБ «Россия Зовёт» который подчеркнул, что «рост внутреннего рынка и расширение контактов России с государствами Азии, Ближнего Востока, юга Евразии, Латинской Америки, Африки открывает дополнительные возможности для нашей экономики и практически для любого бизнеса» [Путин, 2023]. В свою очередь исследователи, в частности А.А. Маслов, отмечают, что активизация восточного вектора российской политики и экономики предполагает необходимые изменения и в психологическом и интеллектуальном плане. Помимо перестройки структур бизнеса особую важность приобретает также перестройка манеры общения, бизнес-этикета [Маслов, 2024]. Стране необходимы грамотные специалисты не только в конкретной области знаний, но и хорошо осведомлённые в специфике коммуникации с представителями стран Востока. В большинстве своём эти культуры имеют ярко выраженную национальную специфику, понимание которой является ключевым не только для осуществления эффективной коммуникации в целом, но и в случае ведения деловых переговоров с восточными партнёрами. Важно отметить, что восточные страны являются высококонтекстными. В них особое значение придаётся не только и не столько форма сообщению, сколько контексту, в который оно помещено. с вытекающими из него смысловыми особенностями.

Концепция деления культур на высоко- и низкоконтекстные была предложена американским антропологом Э. Холлом, который исследовал различия в коммуникации, восприятии и значениях, придаваемых произнесённым словам, невербальным сигналам, отношениям между людьми и т.д. В 1976 г. Э. Холл опубликовал работу «За пределами культуры», в которой рассмотрел параметры межкультурной коммуникации, а именно культурные изменения, которые определяют специфические характеристики определённой нации и способствуют её сплочению. Э. Холл также вводит понятие контекста в рамках межкультурной коммуникации, который рассматривается как одна из основных характеристик отдельно взятого общества. Для нас особенно интересно обратить внимание на тот факт, что, по мнению антрополога, основная сложность межкультурной коммуникации заключается не в незнании языка и трудностях перевода, а в недостатке понимания культурного контекста, без которого нельзя полностью воспринять необходимую информацию [Hall, 1976, p. 152]. Культуры высокого контекста, к которым относятся все изучаемые в Институте стран Азии и Африки, имеют богатейший исторический опыт, межличностные

отношения в них основываются на правилах и традициях, такие культуры имеют множество скрытых правил и норм, знание которых необходимо для успешного выстраивания коммуникации с восточными партнёрами. Таким образом, помимо освоения восточного языка, студентам необходимо подробнее знакомиться с традициями страны, правилами невербальной коммуникации, особенностями менталитета и способами выражения мысли представителями восточных культур.

Несмотря на то, что каждая восточная культура обладает особым комплексом отличительных черт, опираясь на теорию Э. Холла, можно выделить некоторые характеристики, объединяющие данные высоко-контекстные культуры [Hall, 1976, pp. 105-112]. В первую очередь учёный отмечает скрытую и неявную манеру речи у представителей культур высокого контекста. Далеко не вся информация, которой восточный партнёр захочет с вами поделиться, будет облечена в предложения. Кроме того, большее внимание будет уделяться не столько сказанному, сколько тому, как именно это было сказано и другим невербальным средствам общения: паузам в речи, зрительному контакту, жестам и т.д. Для представителей данных культур крайне важно сохранять лицо в любой сложной ситуации и всеми силами избегать открытого конфликта. Они не склонны к открытым проявлениям недовольства и практически никогда прямо не говорят «нет». Следует добавить в этой связи, что особая роль принадлежит и языкам данных культур, система и способы передачи значений в которых существенно отличаются от языков низкоконтекстных культур. Для сравнения, в низкоконтекстных культурах (американской, английской, немецкой, шведской и др.) вся информация излагается чётко и ясно, недосказанность отсутствует и может восприниматься как недостаток владения нужными данными [Hall, 1976, pp. 114], вся информация специфицируется на уровне языкового выражения. Стороны имеют тенденцию напрямую говорить о том, чего они ожидают от переговоров, выражать несогласие, вступать в дскуссии, при этом установление личного контакта с партнерами для них не является приоритетным: заключение сделки не предполагает многочисленных персональных контактов и тем более дружеского и доверительного общения.

Наряду с общими чертами высококонтекстных культур в каждой культуре имеется характерный набор ценностей и убеждений, которые отражаются в подходе её носителей к ведению деловых переговоров и бизнеса в целом. Например, для китайцев чрезвычайно важно построить доверительные отношения с деловыми партнёрами, узнать их ближе. Понятие *Гуаньси* (в переводе с китайского, «доверие», «гармония», в русском языке есть приблизительный аналог данного понятия, «социальный капитал») является одним из центральных в китайской культуре и представляет собой систему социальных связей, в которую человек вписан в сообществе. Суть данного взаимодействия состоит в осуществлении некоторого социального обмена: оказание услуги или помощи с учётом того, что в будущем, когда это понадобится, будет

оказана ответная услуга. Такая практика способствует укреплению доверия, основанного на взаимопомощи, ведь неформальные отношения в Китае ценятся выше формальных. Поэтому при ведении бизнеса с китайцами так важно уделить достаточное количество времени выстраиванию личных отношений, длительным чаепитиям и разговорам о семье, погоде, родной стране и т.д. прежде чем переходить непосредственно к обсуждению пунктов контракта.

Ключевым культурным императивом деловой жизни Южной Кореи является концепция *кибун* – это душевное состояние человека, его самоощущение и гармония с окружающим миром. Данное понятие подразумевает поддержание позитивной атмосферы в семье, рабочем коллективе и любом другом социальном контексте, соблюдение норм приличия и законов иерархии. Для корейцев одинаково важно как не навредить гармонии в отношениях с окружающими людьми, например, резким отказом, плохой новостью или настойчивым поведением, так и остаться верными самим себе и своим интересам. Поэтому в корейском обществе не принято резко выражать несогласие и вступать в споры, при выстраивании отношений крайне важно правильно подбирать слова и уважать чувства других людей.

В отличие от корейцев иранцы более эмоциональные и во время переговоров могут активно жестикулировать и даже повышать голос. Для них необходимо установить личный контакт с партнёрами, что – как и в случае с представителями Китая – зачастую осуществляется в виде неспешных разговоров о семье за чаем. Иранцы – любезные и дружелюбные люди, они не любят отказывать другим, и этот факт необходимо понимать и учитывать, так как впоследствии устные договорённости могут быть проигнорированы. Все ключевые моменты переговоров необходимо фиксировать, в противном случае фраза иранца, звучащая как согласие, может оказаться просто данью уважению. Кроме того, важнейшую роль в стране играет религия, что налагает ряд ограничений на взаимодействие мужчин и женщин.

Можно привести ещё множество примеров специфики коммуникации с восточными партнёрами, но даже из тех, которые мы упомянули, видно, насколько важно не только владеть языком конкретной страны, но и разбираться в особенностях менталитета, а также осознавать восточные культуры как культуры высокого контекста в целом. Соответственно, для успешного проведения переговоров с партнёрами из стран Востока важно уметь «читать между строк», понимать неявные намёки и подразумеваемую информацию, знать, какие жесты и вопросы считаются приемлемыми.

В деловой коммуникации очень важным является и вопрос о том, как носители данной культуры воспринимают время. Вопрос времени также неоднозначен и важен для изучения межкультурной коммуникации. Здесь снова будет интересно обратиться к классификации Э. Холла [Hall, 2006, p. 43]. Как известно, с точки зрения линейности и нелинейности

восприятия времени выделяются монохронные и полихронные культуры. В монохронных культурах, к которым принадлежат страны северной Европы, США и Канада, время: а) линейно, то есть за один период времени выполняется одна конкретная задача, б) считается одной из главных ценностей, его не принято тратить попусту. В монохронных культурах чётко прослеживается разделение личного и рабочего времени, для них характерна последовательность, пунктуальность, педантичность в выполнении обязанностей. Такие восточные страны, как Япония и Южная Корея также являются монохронными.

Для полихронных культур (Россия, страны Ближнего Востока, Латинской Америки и Средиземноморья) характерно нелинейное или объёмное восприятие времени, что может выражаться в динамичности, импульсивности, высокой степени контактности между людьми. В полихронных культурах за один период времени может выполняться сразу несколько дел, а отношение к пунктуальности и распорядку дня более спокойное, что не мешает успешному выполнению поставленных целей.

Понятие времени неразрывно связано с понятием пространства. Как известно, ещё один параметр измерения культур, рассматриваемый Э. Холлом в исследованиях и заслуживающий внимания при изучении особенностей межкультурного взаимодействия с представителями стран Востока, это проксемика: физическая дистанция, соблюдаемая людьми во время коммуникации. Данный термин был введён в обиход Э. Холлом в начале 60-х гг. и обозначал пространственные потребности индивида: особенности дистанции в межличностном пространстве, личное пространство относительно культурной принадлежности [Hall, 1959, p. 37]. Учёный выделил четыре пространственные зоны личного пространства: публичную, социальную, личную и интимную. Важный для нас тезис состоит в том, что в кросскультурной коммуникации необходимо учитывать межкультурные различия в проксемике, ввиду того, что данное знание является весомым подспорьем в процессе взаимодействия с представителями других культур, позволяющим выразить уважение в одной ситуации и избежать конфликта в другой [Hall, 1966, p. 26]. В данном случае следует опираться на понятия коллективистских и индивидуалистских культур в первую очередь. В ходе развития навыков работы с носителями восточного менталитета необходимо выработать понимание того, что другой человек вырос в другой среде, имеет привычки, не схожие с нашими, и может не понимать наших намерений или ожиданий. Так, говоря о проксемике, в том случае, когда собеседник не сохраняет привычной для нас дистанции, это может быть обусловлено моделью отношений, принятой в его собственной культуре, в культуре его народа, а вовсе не фамильярностью или желанием начать более близкое общение. И наоборот, если он сохраняет дистанцию, это не обязательно означает, что он избегает контакта. В том числе особого внимания и изучения заслуживает тема длительного зрительного контакта, который в одном культурном контексте может быть воспринят как заинтере-

сованность (Иран, Арабские страны) и вовлечённость, а в другом как акт агрессии (страны Юго-Восточной Азии).

Помимо изучения теории культур Э. Холла для студентов-востоковедов может быть полезно также ознакомиться со способами идентификации культур, предложенными его последователями Г. Хофстеде и Э. Хиршем. Исследователи , занимавшиеся изучением мировых культурных ценностей, предложил систему организации и классификации культур, основываясь на следующих измерениях: дистанция от власти, коллективизм / индивидуализм, избегание неопределённости, «мужской» / «женский» тип устройства, стратегическое мышление и склонность к самопоощрению [Hofstede, 2010, 29-32].

В большинстве своём восточные культуры (Китай, Турция, Арабские страны, страны Юго-Восточной Азии и др.) отличаются большой дистанцированностью от власти, для них характерно наличие строгой иерархии: лицу, наделённому властью, традиционно выказывается подчёркнутое уважение, жёсткая критика руководства не допускается. Эти особенности восприятия власти и руководства стоит учитывать в том числе в процессе проведения переговоров с иностранными партнёрами, в ходе работы над составом участников делегации. Например, в случае с иранцами очень важна рассадка участников переговоров соответственно их рангу и статусу, и появление вышестоящего лица автоматически переносит фокус внимания на выражаемую им позицию. В ходе переговоров с японцами значительное количество встреч проходит между представителями различных департаментов для уточнения деталей сделки, поэтому желательно включить в делегацию всех необходимых участников и быть готовыми ответить на любые интересующие вопросы.

Индикатор индивидуализма в восточных странах достаточно низок, большинство из них относится к коллективистскому типу культур, для которых характерна ориентация индивидуума на цели и решения коллектива. Приоритетное место в повседневной и деловой жизни для них занимают родственные связи, сохранение лица и одобрение общества, что перекликается с определением восточных культур как высококонтекстных, где фоновое знание является принадлежностью целой лингвокультурной общности и малейшие нюансы на уровне общения могут быть понятны членам всего коллектива. Данные тезисы получили поддержку и развитие в трудах отечественных ученых. С.Г. Тер-Минасова в книге «Война и мир языков и культур» приводит пример, связанный с японской культурой образования, в котором отмечает, что японские студенты в основном ориентированы не на процесс получения знаний и творческую их обработку, а только лишь на утилитарно-практический результат, позволяющий им вписаться в структуру японского общества: «Связано это с тем, что при поступлении на работу в фирму или организацию до сих пор ценятся не знания или деловые качества, а способность работать в коллективе, то есть послушность, понимание иерархии, способность подчиняться и быть легко управляемым, организованность,

дисциплинированность и т.д. Эта система уходит корнями во времена пожизненного найма…» [Тер-Минасова, 2008, с. 246].

В отношении других индикаторов шкалы культурных измерений в странах Азии и Африки наблюдается более выраженная вариативность, что представляет особенный интерес для работы со студентами, изучающими различные восточные регионы. Рассмотрев теоретические аспекты проведения анализа и опираясь на знания, полученные в ходе изучения выбранного региона, а также собственный опыт работы с носителями конкретного восточного языка, студенты могут самостоятельно анализировать выбранные восточные страны и регионы, а также сравнивать и сопоставлять их с другими, что позволит в ходе многогранного и многоступенчатого коллективного взаимодействия выработать стратегии коммуникации с представителями восточных культур.

Стоит также отметить, что в применение методики измерения культур позволяет оценить конкретную культуру для облегчения принятия решений при межкультурном взаимодействии. Вместе с тем, данные измерения не могут всецело прогнозировать поведение каждого отдельно взятого представителя: в каждом конкретном случае необходимо обращать внимание на личные качества, происхождение и прочие характеристики индивида [Hofstede, 2003, p. 247].

Еще одна концепция, изучение которой важно для дальнейшей эффективной коммуникации с представителями зарубежных стран, была разработана американским культурологом Э. Хиршем в 1970х гг. Один из основных тезисов Теории культурной грамотности [Hirsch, 1987, p. 35] сводится к тому, что успешное межкультурное взаимодействие возможно только при условии, что индивид овладел фоновыми знаниями и ценностными установками, характерными для определённой культуры. В межкультурной коммуникации важно развивать три вида компетенций: языковую, коммуникативную и культурную. Важным вкладом в теорию межкультурной коммуникации является выделение четырех уровней межкультурной компетенции: 1) знания, необходимые для выживания, 2) знания, достаточные для вхождения в чужую культуру, 3) знания, обеспечивающие полноценное существование в новой культуре, её «присвоение», 4) знания, позволяющие в полной мере реализовать идентичность языковой личности [Hirsch, 1987, p. 51]. Таким образом, снова подтверждается тезис о том, что для успешной межкультурной коммуникации знания одного только иностранного языка недостаточно: каждая культура обладает характерным для неё общепринятым стилем общения и необходимым минимумом базовых фоновых знаний, которые также необходимо освоить участникам процесса межкультурной коммуникации. Высокий общий уровень культурной грамотности помогает расположить к себе собеседника, вызвать его доверие и способствует более продуктивному переговорному процессу.

В то время как английский язык сохраняет роль универсального средства международной коммуникации, освоение культурологического

компонента становится неотъемлемой составляющей учебного процесса. В рамках занятий по английскому языку данные знания возможно получить путём изучения коммуникативных паттернов, присущих каждой культуре, особенностей ведения переговоров в странах Востока, сопоставления рассматриваемых менталитетов и обмена накопленным опытом взаимодействия с представителями восточных культур.

Список литературы

1. Маслов А.А. Разворот России на Восток – это психологический и интеллектуальный курс // ИА «Восток России». 06.03.2024. Режим доступа: https://www.eastrussia.ru/material/razvorot-rossii-na-vostok-eto-psikhologicheskiy-i-intellektualnyy-kurs/?ysclid=ltsdgts1vo344092704# (дата обращения: 11.03.2024).
2. Путин В.В. Стенограмма выступления на пленарном заседании форума «Россия зовёт!». Дата публикации: 07.12.2023. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/72926 (дата обращения: 18.03.2024).
3. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. 344 с.
4. Hall E.T. Beyond Culture, New York, Anchor Press, 1976, 256 p.
5. Hall E.T. The Dance of Life: The Other Dimension of Time, Gloucester, Peter Smith Publisher Inc., 2006. 250 p.
6. Hall E.T. The Hidden Dimension, New York, Doubleday & Company, Inc., 1966.215 p.
7. Hall E.T. The Silent Language, New York, Doubleday & Company, Inc., 1959. 240 p.
8. Hirsch E.D. Cultural literacy: What Every American Needs to Know, Boston, Houghton Mifflin, 1987, 272 p.
9. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations, 2nd ed., New York, SAGE Publications Inc., 2003. 616 p.
10. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind, 3rd ed., New York, McGraw Hill, 2010. 576 p.

7.7. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ

Система высшего образования в современных условиях направлена на развитие гуманистических ценностей и коммуникативной культуры у будущих специалистов. Потребность общества в квалифицированных кадрах возрастает с каждым годом во всех сферах деятельности российского общества. Особое значение приобретает умение эффективно общаться на иностранном языке в профессиональной среде, особенно в условиях межкультурной коммуникации. Лингвистические аспекты обучения иноязычному профессиональному общению играют ключевую роль в формировании навыков успешного межкультурного взаимодействия. В данной работе предлагается рассмотреть основные аспекты изучения специализированной лексики и фразеологии, развитие навыков устной и письменной речи, а также вопросы овладения социокультурными нормами и правилами поведения в стране изучаемого языка.

Для полноценного межкультурного общения и достижения взаимопонимания специалист должен обладать сформированной

иноязычной межкультурной компетенцией в сфере профессиональной коммуникации, под которой понимается:

– совокупность знаний о родной и иноязычных культурах;

– умения и навыки понимать и адекватно использовать в речи межкультурную лексику;

– умение применять знания о культуре носителей языка в профессионально направленных ситуациях иноязычного речевого контакта;

– умение добиваться успеха в условиях профессиональной межкультурной коммуникации.

Проблеме обучения иностранному языку в условиях межкультурной коммуникации посвящено множество научных исследований. Многие ученые рассматривают вопросы обучения в целом или применительно к подготовке специалистов разных специальностей. С.Г. Тер-Минасова, О.А. Артемьева, Т.Н. Астафурова, Г.В. Елизарова, Р.П. Мильруд, А.П. Садохин, В.В. Сафонова исследуют проблему межкультурной коммуникации в контексте языкового образования. М.Р. Ванягину, Е. М. Верещагина, Н.Г. Гальскову, В.Г. Костомарова, Г. Нойнер, В.П. Фурманову, А.Е. Чикунова пишет о формировании социокультурной компетенции в контексте диалога культур. Исследования И.Л. Бим, Н.Д. Гальсковой, А.А. Мильруд, К.А. Митрофановой, Т.С. Серовой посвящены профессионально направленному подходу к обучению иностранным языкам в неязыковом вузе.

Как известно, международное деловое сообщество требует от своих участников не только знания технической специфики своей отрасли, но и способность эффективно общаться на разных языках и понимать особенности культуры, которая стоит за этими языками. Правильное использование лингвистических навыков в профессиональной коммуникации может стать определяющим фактором успеха в современном мире. В современном мире, где глобализация и международные связи становятся все более значимыми, владение иностранным языком становится необходимостью для профессионалов всех отраслей. Особое значение приобретает умение эффективно общаться на иностранном языке с учетом особенностей межкультурной коммуникации. В этой связи лингвистические аспекты играют важную роль в обучении и развитии навыков иноязычного профессионального общения.

Один из ключевых факторов лингвистического аспекта в обучении состоит в изучении грамматических правил, лексики и фонетики языка. Основная цель обучения заключается в формировании у студентов навыков понимания иноязычной речи, а также умения свободно выражать свои мысли на другом языке. Овладение грамматикой помогает студентам понять основные правила построения предложений, использовать грамматические конструкции в речи и сформировать навыки правильного использования временных форм. Развитие словарного запаса также является основополагающим в обучении профессиональному общению.

Расширение словарного запаса позволяет студентам уверенно осуществлять различные виды речевой деятельности – говорить на различные профессиональные темы, писать, используя специализированную лексику и термины, читать, осуществлять аудирование специальных текстов. Знание большого числа слов позволяет студентам успешно понимать тексты на иностранном языке, а также эффективно использовать словарные средства для составления устных и письменных сообщений. Фонетика – еще одна важная составляющая лингвистического подхода к обучению иноязычному профессиональному общению. Особое внимание уделяется правильному произношению звуков и интонации, что помогает студентам быть более коммуникабельными и уверенными при общении на другом языке. Занятия фонетикой также способствуют развитию артикуляционных навыков и улучшают понимание речи носителей языка.

В рамках лингвистического подхода к обучению иноязычному профессиональному общению особое внимание уделяется развитию навыков чтения и письма. Чтение текстов на иностранном языке помогает студентам расширить словарный запас, улучшить грамматические навыки и развить понимание текста в целом. Занятия по письму способствуют формированию навыков составления деловых писем, презентаций и других видов письменной коммуникации, что является неотъемлемой частью профессионального общения.

Важно отметить, что лингвистический подход к обучению иноязычному профессиональному общению должен быть интегрирован с межкультурным. Учитывая различия между культурами и особенности коммуникации в разных странах, студентам необходимо изучать особенности межкультурной коммуникации на языке, которым они овладевают. Это помогает студентам развивать межкультурную компетенцию, учитывать различия в общении и эффективно взаимодействовать с представителями других культур. Для успешного общения необходимо не только владеть иноязычными лингвистическими средствами (фонетическими, лексическими, грамматическими навыками), но и общими содержательными знаниями о мире. Общие для участников акта общения когнитивные знания принято называть фоновыми знаниями (background knowledge). Обучение иностранному языку подразумевает приобщение к языковому сознанию народа, язык которого изучается. Основными компонентами этого содержания являются сферы, темы, ситуации общения, филологические и страноведческие знания, языковые навыки, речевые, учебные и компенсаторные умения и др.

Межкультурная коммуникация является неотъемлемой частью современного мира, где все больше людей имеют возможность работать и общаться с представителями других культур, в том числе в профессиональных областях, что подразумевает учет целого ряда особенностей.

Первая особенность состоит в том, что при обучении иноязычному профессиональному общению необходимо уделять особое внимание

культурным различиям. Каждая культура имеет свои установки в отношении правил этикета, общения и самовыражения. Например, некоторые культуры ценят прямоту и открытость в коммуникации, в то время как другие предпочитают более формальные и умеренные формы выражения. Понимание этих различий позволяет избегать недоразумений и конфликтов при общении на иностранном языке. Ряд ученых выдвигает опору студентов на познавательные средства своей культуры в контексте диалога культур в качестве основной задачи в процессе приобщения к чужой культуре [Баранов, 1991, с. 20, 21]. В. З. Демьянков заостряет внимание на приобретении новых знаний о чужой культуре в процессе ее познания и на овладении новыми знаниями о своей культуре в процессе знакомства и овладения элементами инокультуры [Демьянов, 1995, с. 16]. Данный факт предопределяет суть процесса становления у студентов вторичного языкового сознания в его единстве со способностью обучаемого успешно реализовать себя в межкультурном взаимодействии. Диалогичность выступает как специфическое качество культуры, применяемое при освоении чужого опыта для достижения компромисса и обеспечения механизма самосохранения и саморазвития культуры. Именно ориентация на диалог культур приводит к эффективному результату осуществления межкультурного образования в процессе изучения языка и культуры. В диалоге культур целенаправленно развивается способность и готовность будущих специалистов к диалогу личностей. При соответствующей организации учебной деятельности вовлеченность в такой диалог культур обеспечивает формирование как универсальных речевых, так и интеллектуальных умений и личностных качеств, востребованных в общении на любом языке.

Вторая особенность заключается в необходимости учитывать терминологическую специфику различных профессиональных областей. Каждая отрасль имеет свои специфические характеристики и уникальные термины, которые могут быть непонятны или иметь иное значение для представителей других культур. При обучении иноязычному профессиональному общению важно ознакомиться с соответствующими терминами и научиться использовать их правильно, чтобы избежать недоразумений и ошибок при выполнении профессиональных задач.

Третья особенность связана с различиями в стиле коммуникации. При обучении иноязычному профессиональному общению необходимо уделять внимание различиям лингвокогнитивного характера, лежащие в основе процессов порождения, передачи и усвоения информации на целевом языке, с учетом структуры языка и уровня контекстности соответствующей лингвокультуры..

Четвертая особенность состоит в том, что при обучении иноязычному профессиональному общению необходимо развивать навыки культурного адаптирования. В межкультурной коммуникации каждая сторона должна быть готова учитывать и принимать культурные ожидания, ценности и нормы поведения другой стороны. При обучении необходимо

развивать способность понимать и адаптироваться к межкультурным различиям, чтобы успешно общаться на профессиональном уровне. Основная задача обучения иноязычному профессиональному общению в условиях межкультурной коммуникации заключается в формировании компетентности, которая объединяет лингвистические, социокультурные и стратегические аспекты. Успешное освоение этих аспектов позволяет эффективно коммуницировать на профессиональном уровне с представителями других культур и требует учета лингвистических аспектов, связанных с культурными различиями, терминологическими особенностями, стилем коммуникации и навыками культурного адаптирования. Понимание и учет этих особенностей способствуют успешному общению на иностранном языке в профессиональной среде.

Как известно, один из ключевых принципов преподавания – это активное использование языка на аудиторных занятиях и вне аудитории. Студентам предлагается широкий спектр заданий, которые требуют от них использования языка для выражения своих мыслей, обсуждения тематических вопросов или решения практических задач. Такие задания могут быть выполнены как индивидуально, так и в парах или группах. В результате студенты не только повторяют изученный материал, но и применяют его на практике, развивая свою языковую компетенцию.

Чтение аутентичных текстов на иностранном языке является эффективным приемом в обучении профессиональному общению. Это может быть научная литература, статьи на профессиональные темы, деловая переписка, публикации в социальных сетях. Чтение таких текстов помогает студентам не только расширить свой словарный запас и ознакомиться с новыми грамматическими конструкциями, но и понять особенности языкового общения в профессиональной сфере. Использование аудиозаписей и видеороликов на иностранном языке способствует развитию навыков аудирования и понимания речи. Студентам предлагается прослушивать аутентичные тексты (диалоги, лекции и др.), после чего обсуждать содержание и выражать свое мнение. Такие виды работы помогают студентам привыкнуть к речи носителей языка, развивают навыки понимания речи в быстром темпе. Развития профессиональных навыков общения подразумевает работу с грамматическим материалом. В рамках данного метода студентам предлагается систематизировать изученные грамматические правила, выполнять упражнения на закрепление и повторение, а также создавать собственные предложения с использованием изученных конструкций. Это помогает студентам увереннее и точнее выражать свои мысли на иностранном языке.

Важным аспектом развития профессиональных навыков общения является работа над произношением. Студентам предлагается регулярно слушать и повторять фразы или отдельные звуки на иностранном языке, а также проводить специальные упражнения для развития и корректировки артикуляции и интонации. Правильное произношение помогает улучшить

понимание речи носителей языка и обеспечивает более эффективную коммуникацию. Необходимо отметить важность работы над расширением словарного запаса. В рамках данного приема студентам предлагается запоминать новые слова, использовать их в контексте, составлять группы слов по тематике или лексическому значению. Регулярное пополнение словарного запаса помогает студентам выразительнее и точнее формулировать свои мысли на иностранном языке.

Активное использование языка, чтение аутентичных текстов, работа с аудиозаписями и видеороликами, изучение грамматического материала, работа над произношением и расширение словарного запаса – все эти виды деятельности помогают студентам эффективно развивать свою языковую компетенцию. Подводя итоги сказанному, отметим, что развитие профессиональных навыков студентов в условиях межкультурной коммуникации при обучении иностранному языку будет эффективным в том случае, если:

– в процессе обучения будут активно использоваться различные виды внеаудиторной работы по иностранному языку, для чего необходимо произвести их классификацию;

– научное обоснование, механизмы реализации и контроля процесса языковой подготовки найдут отражение в структурно-функциональной модели развития иноязычной межкультурной коммуникации студентов;

– в основу методики развития иноязычной межкультурной коммуникации студентов будет положено моделирование реальных ситуаций профессионального межкультурного взаимодействия;

– будет разработан и соотнесен с включенными в методику этапами развития иноязычного профессионального общения комплекс упражнений, опирающийся на классификацию межкультурно-коммуникативных речевых ситуаций в профессиональной сфере будущих специалистов.

Для успешного обучения необходимы следующие педагогические условия:

– построение процесса обучения, направленного на развитие межкультурного сознания через осознание языка, культуры и опытное познание культуры;

– разработка межкультуроведческого/культуроведческого содержания обучения иностранному языку на междисциплинарной основе;

– использование педагогических технологий и межкультурно-коммуникативных речевых ситуаций, способствующих созданию деятельностной, творческой, интерактивной и личностно-развивающей учебной среды и стимулирующих проявление самостоятельности, активности, творчества будущих специалистов и развитие их иноязычной межкультурной коммуникации в рамках интегративного подхода с опорой на социокультурный;

– моделирование будущей профессиональной деятельности по реализации иноязычной межкультурной коммуникации будущими специалистами и возможность ее практической реализации во внеаудиторной работе по иностранному языку.

Первый этап – опытно-поисковая работа, в ходе которой проводится специально организованное обучение в студенческих группах по выбранным фрагментам материалов, по аутентичным текстам из журналов и газет и различной информации межкультурного характера, полученной из сети Интернет. Цель опытного обучения – проверка эффективности и адекватности комплекса упражнений к учебным аутентичным текстам для развития иноязычного профессионального общения.

Процесс опытного обучения предполагает применение элективных курсов иностранного языка. Это курсы по выбору профиля специальности, организованные согласно индивидуальным образовательным интересам и потребностям студентов с целью повышения качества их подготовки к международному сотрудничеству в сфере профессиональной коммуникации.

Межкультурная коммуникация играет важную роль в развитии лингвистических аспектов обучения иноязычному профессиональному общению. В условиях межкультурной коммуникации студенты имеют возможность улучшить свои навыки языка, расширить свой словарный запас и научиться использовать языковые средства более грамотно и эффективно.

Во-первых, межкультурная коммуникация предоставляет студентам возможность практиковаться в реальных ситуациях общения с носителями языка или людьми, проживающими в стране изучаемого языка. Это позволяет им освоить не только формальные правила грамматики и лексики, но и контекстуальное использование языковых средств. Студентам приходится адаптироваться к новой культурной среде, изучать особенности поведения, образа мышления и общения местных жителей. В результате они получают ценный опыт использования языка на практике и улучшают свою способность коммуницировать на профессиональном уровне.

Во-вторых, межкультурная коммуникация способствует развитию навыков межличностного общения и умений преодолевать языковые и культурные барьеры. Студентам приходится сталкиваться с разными стилями общения, непривычными фразеологизмами и культурными нормами. Они учатся адаптироваться к новой среде, строить доверительные отношения с представителями других культур и эффективно взаимодействовать на рабочем уровне. Это позволяет им не только успешно выполнять свои профессиональные задачи, но и избегать конфликтов или недоразумений, связанных с языковыми или культурными различиями.

В-третьих, межкультурная коммуникация способствует расширению словарного запаса студентов. В процессе общения они сталкиваются с новыми словами, выражениями и фразами, которые часто используются в профессиональной среде. Они изучают специализированную лексику и терминологию своей области деятельности, а также получают информацию о местных особенностях и традициях. В результате студенты на практике закрепляют новые слова и выражения, что способствует их более глубокому усвоению и активному использованию в будущем профессиональном общении.

Интерес к межкультурной коммуникации в практике преподавания иностранных языков особенно ярко репрезентирован в сфере лингвистического образования. Развиваются методологические основы обучения межкультурной коммуникации и лингводидактика. Появляются многочисленные формулировки межкультурной коммуникации, приводятся точки зрения на ее структурные особенности. Как известно, когда участники коммуникации являются представителями различных культур, их личное восприятие и прошлый опыт, обусловленные нормами той или иной культуры, влияют на процессы перцепции, декодирования и кодирования информации в продуктивной речи. Поэтому важно сделать акцент на том, что при обучении межкультурной коммуникации, в первую очередь, важны фоновые знания и умения декодировать культурно-специфические факторы. Эта мысль отмечается отечественными и зарубежными авторами (С.Г. Тер-Минасова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.П. Садохин, В.В. Сафонова, Т.С. Самохина, В. Гудикунст, Дж. Мартин, Л. Самовар, Р. Портер, Л. Стефани, Р. Сколлон, С. Вонг и др.).

Таким образом, роль межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранному языку реализуется в приобщении студентов к концептуальной системе, картине мировидения носителей другой культуры, ценностным ориентирам носителей изучаемого языка, иному социокультурному контексту взаимодействия. Это создает условия лингводидактической среды воздействия на студентов с целью выработки оптимальной стратегии понимания и смыслового извлечения иноязычных аутентичных высказываний [Воробьев, 2003, с. 184]. Введение межкультурного аспекта профессиональной деятельности в обучение иностранному языку современного специалиста выстраивает учебный процесс с учетом специфики взаимодействия представителей разных культур, развивает готовность решать коммуникативные и профессиональные задачи, адекватно заданным характеристикам межкультурной коммуникации.

В современном мире все больше и больше людей сталкиваются с необходимостью общаться на иностранном языке в профессиональной сфере. В то же время при обучении иноязычному профессиональному общению важно учитывать особенности межкультурной коммуникации. В данном подразделе рассмотрим практические аспекты работы с данной проблематикой.

1. *Изучение основных культурных норм и ценностей.*

Перед началом обучения иноязычному профессиональному общению необходимо понять, что каждая культура имеет свои особенности, которые отражаются в языке и способе общения. Это может быть связано с различиями в этикете, нормах делового поведения, стиле коммуникации и т.д. В рамках данного аспекта можно провести специальные занятия по изучению культуры страны, язык которой изучается. Здесь можно использовать различные материалы – от литературы до фильмов или видеороликов.

Использование современных информационных технологий позволяет осуществлять иноязычное общение и осваивать информацию средствами

иностранного языка в реальном информационном пространстве. Одной из технологий, обеспечивающих личностно-ориентированное обучение, является метод проектов. Он дает возможность включить студентов в реальное общение на иностранном языке. Известный исследователь в области современных технологий обучения учащихся Е.С. Полат определяет метод проектов как организованную исследовательскую деятельность учащихся, предусматривающую не только достижение определенного результата, но и организацию процесса его достижения [Полат, 2004, с. 14]. В качестве одной из форм проектной деятельности можно предложить научно-практическую конференцию на иностранном языке.

Возможно классифицировать занятия по формированию профессиональных навыков на иностранном языке по целям применения в учебном процессе:

1. Обучение профессиональному иноязычному общению (написание и защита реферата, аннотация, конференция, круглый стол, интервью, экскурсия);

2. Развитие профессионально направленной иноязычной межкультурной компетенции (ролевая игра, инсценировки (спектакли), исполнение песен и декламация стихов на иностранном языке, тематический вечер, элективный курс).

В условиях профессионально ориентированного обучения в центре языкового обучения важным является развитие таких форм письменной речи, как реферирование и аннотирование. Эти виды работы над текстом вырабатывают активный поисковый характер восприятия иноязычной речи, формируют установку на смысловой анализ содержания учебного материала, воспитывают внимание к языковым средствам текста.

2. *Развитие интеркультурной компетенции.*

Интеркультурная компетенция – это способность эффективно взаимодействовать с представителями других культур. Для развития этой компетенции важно проводить практические задания, направленные на преодоление культурных барьеров и развитие навыков межкультурной коммуникации. Например, можно организовывать ролевые игры, где студентам предстоит исполнять роль представителей различных культур и общаться на иностранном языке. Такие упражнения помогут им осознать свои собственные стереотипы и научиться адаптироваться к нестандартным ситуациям.

Г.И. Мокроусова и Н.Е. Кузовлева, исходя из тесной связи формы и содержания, выделяют по содержанию такие группы форм учебной деятельности, как:

1. Соревновательные формы работы;
2. Средства массовой информации;
3. Культурно-массовые формы работы;
4. Политико-массовые формы работы [Мокроусова, 1989, с. 138].

Все эти формы направлены на достижение целей и задач, которые стоят перед учебным предметом «Иностранный язык». Преподаватель в

свою очередь, определяет по содержанию следующие группы учебных занятий:

1. Политические;
2. Литературно-художественные;
3. Культурно-исторические;
4. Информационные;
5. Научно-исследовательские;
6. Профессионально ориентированные.

В каждой из этих групп выделяются конкретные мероприятия. Например, культурно-исторические мероприятия соревновательного характера: конкурс, игра, олимпиада, викторина, турнир и прочие. Информационные: стенгазета, объявление, бюллетень, устный журнал, дайджест, выставка-викторина и т.п. Мероприятия литературно-художественного характера: вечер праздник, посвященный народным традициям родной страны или страны изучаемого языка; вечер-портрет, посвященный жизни и деятельности известных писателей, поэтов, композиторов, актеров и т.п.; вечер-встреча с интересными людьми; вечера-хроники в связи со знаменательными событиями. Мероприятия политико-массового характера: форум, фестиваль, пресс-конференция, телемост и прочие.

3. *Работа со специфической лексикой и фразеологией*

При обучении иноязычному профессиональному общению важно уделить внимание специальной лексике и фразеологии, которые используются в конкретной профессиональной сфере. Это позволяет студентам чувствовать себя увереннее при общении с коллегами из других стран. Для работы со специфической лексикой можно использовать различные методы, такие как составление словарей, выполнение заданий на перевод специализированных текстов или проведение дискуссий на тему профессионального общения.

4. *Развитие навыков межкультурной адаптации*

Межкультурная адаптация – это способность быстро приспосабливаться к новым культурным условиям и эффективно взаимодействовать с представителями других культур. Для развития этого навыка можно проводить практические занятия, например, по решению конфликтных ситуаций, возникающих в процессе межкультурного общения. Также полезными будут различные тренинги на тему межкультурной коммуникации, где студентам предлагается решать практические задачи и анализировать свои ошибки. В качестве основных критериев отбора языкового материала для развития навыков иноязычной межкультурной адаптации следует выделить следующие критерии:

– аутентичности;
– культурологической ценности и страноведческой специфики;
– коммуникативной направленности;
– доступности;
– информативной значимости и новизны;

– профессиональной направленности;
– познавательности;
– вариативности;
– воспитательной (эстетической) ценности.

Вышеперечисленные критерии отбора аутентичных материалов стали ведущими при отборе учебных текстов для развития иноязычной межкультурной адаптации студентов неязыковых специальностей. Все отобранные материалы, а также дополнительные тексты являются аутентичными.

При подборе текстового материала учитывалась его информативность и познавательная ценность, ибо сочетание этих факторов дает возможность расширить знания студентов о странах изучаемого языка, познакомить их с национальной культурой и бытом этих стран, привлечь внимание к социальным проблемам современного общества и активно пропагандировать эмпатию и толерантное отношение к представителям другой национальной культуры. Все тематические разделы текстовых материалов являются самостоятельными и могут прорабатываться, в случае необходимости, в любом порядке и темпе, в зависимости от целевой установки и уровня подготовки студентов. Цикл речевых тренировочных упражнений во всех разделах построен по одной схеме: аудирование – запоминание – воспроизведение – моделирование – свободное высказывание по теме.

Систематическое заучивание наизусть и «проигрывание» диалогов, а также инсценировка поговорок и шуток, включенных в учебные материалы, развивает у студентов умение быстро произносить фразы и, следовательно, будет способствовать приобретению навыка беглой речи. Тексты для передачи содержания и обсуждения представляют собой отрывки из произведений зарубежных авторов с незначительной адаптацией, в основе которых имеет место межкультурная информация. Незнакомые слова и выражения даются с переводом после текста. В тех случаях, когда это возможно, к текстам даются Explanatory Notes – одноязычные объяснения слов и реалий при помощи синонимов или эквивалентных выражений, что, как подсказывает практика проведения элективного курса, способствует развитию навыков беспереводного понимания. Фразеологические единицы (Phrases to Remember), которые даются после списка незнакомых слов к тексту и рекомендуются для активного усвоения, должны быть использованы в речевых упражнениях, пересказах и высказываниях на заданную тему. Все задания к текстам направлены на то, чтобы студенты могли творчески применять усвоенные ими навыки и знания в процессе выполнения упражнений коммуникативного характера типа.

Отметим в этой связи, что важная роль в формировании языковых и речевых умений и навыков, а также в развитии межкультурной коммуникативной компетенции принадлежит переводу как области пересечения целого ряда компетентностных характеристик, необходимых для осуществления подготовки специалиста [Алексеева, 2001; Комиссаров, 2002; Медетова, 2007; Миньяр-Белоручев, 1994; Швейцер, 1988,].

В заключение следует подчеркнуть, что обучение иноязычному профессиональному общению требует учета особенностей каждой культуры и развития интеркультурной компетенции. Практические аспекты обучения включают изучение культурных норм и ценностей, работу со специальной лексикой и фразеологией, а также развитие навыков межкультурной адаптации. Освоение данных аспектов поможет помочь студентам стать более успешными в профессиональном общении с представителями других культур.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика: учеб. Пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. – Спб.: Союз, 2001. 288 с.
2. Баранов А.Г., Щербина Т.С. Языковое сознание в условиях дву- и многоязычия // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание. М., 1991. С. 20-21.
3. Воробьев Г.А. Развитие социокультурной компетенции будущих учителей иностранного языка (поиск эффективных путей) // ИЯШ. 2003. № 2. С. 30–35.
4. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века. М.: 1995.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
6. Медетова М.Е. Формирование межкультурной компетенции будущего переводчика // Нанотехнологии в лингвистике и лингводидактике: миф или реальность? Опыт создания общего образовательного пространства стран СНГ. М., 2007. С. 23-24.
7. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М.: Стелла, 1994.142 с.
8. Мокроусова Г.И. Организация внеклассной работы по немецкому языку. М.: Просвещение, 1989. 380 с.
9. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка в школе // “English” приложение к газете «Первое сентября». № 24. 2004. С. 14-15.
10. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 216 с.

7.8. ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ПОРТУГАЛЬСКОГО ЭНЦИКЛОПЕДИСТА А. РИБЕЙРУ САНШЕСА

Человек становится разумным благодаря языку. Дыхание, исходящее из наших уст, становится картиной мира, наши мысли и чувства отпечатываются в душе другого человека. Все человеческое, что когда-либо делали на земле люди, все их мысли и дела – все зависит от слабого дыхания уст, от сотрясаемого потока воздуха,- если бы божественное дыхание не коснулось нас, если бы, словно волшебный звук, не застряло оно на наших губах, мы до сих, как дикие звери, бродили бы в лесах.

Иоганн Готфрид Гердер

Межкультурное общение – процесс взаимодействия национальных, этнических, социальных и индивидуальных культур. В ходе культурных контактов происходят трансформации во вступивших в контакт культурах и далее – расширение создаваемого в них пространства знания. Национальные и этнические культуры в ходе взаимного обмена обретают новые ценности и обогащают творческий, эстетический и научный потенциал народа; человек же, открывающий новые горизонты знаний и умений, может совершенствовать личность, расширяя собственные компетенции.

Теория межкультурного взаимодействия связана с культурной антропологией, из которой выделилась лингвокультурология, и новой социологией, которая для педагогики прочертила траекторию социального конструктивизма. Педагогика, воспитание, образование, обучение соединились в ключевой для XVIII века категории **просвещения**, под которым понимается распространение знания и образования. Как идейное течение Просвещение оформилось в Европе XVIII века, определив содержание и характер эпохи.[1] Межкультурное взаимодействие не случайно оказалось в фокусе педагогической науки в эпоху Просвещения, которая выделила знание в качестве приоритета свободного человека.

Объектом анализа в данной работе является педагогическая доктрина, разработанная португальским ученым XVIII века А. Рибейру Саншесом. А. Рибейру Саншес – португальский врач, педагог и философ внес значительный вклад в формирование педагогической теории в XVIII веке. Португальский ученый исполнил особую миссию в истории культуры: прибыв в Россию XVIII века в качестве медика при царском дворе, он оказался в центре культурных и языковых контактов. Испытывая все сложности межкультурного общения, особенно в России, А. Рибейру Саншес[2] разрабатывал основы многостороннего процесса образования,

[1] Заметный импульс распространению знания был дан новым научным антисхоластическим подходом, который разработал английский философ и политик **Фрэнсис Бэкон.** Большую роль в формировании философской основы Просвещения сыграл труд **И. Канта** «Критика чистого разума».

[2] Саншес родился в Бейре в 1699 г. в семье принявших христианство евреев (марранов). С момента рождения и до 1719 г. он проживал в Португалии, потом поступил на медицинский факультет университета в испанской Саламанке, где и получил степень доктора. Начав медицинскую практику на родине, Саншес затем переехал в Европу, где познакомился (в Нидерландах) с известным в ту пору врачом доктором Боэрхаве, и по его рекомендации с 1731 по 1747 г. жил в России. Прибыв в Россию, в Москву, был затем приглашен в Санкт-Петербург на должность главного врача по военному ведомству. В составе русской армии Саншес принимал участие в военных действиях в Польше, в Крыму и на Украине. После возвращения в Санкт-Петербург служил в медицинской части кадетского корпуса и, наконец, гоф-медиком при императорском дворе. Саншес переписывался с коллегами из Китая, Персии. Он поставил точный диагноз царице Анне Иоанновне, определив причину ее смертельной болезни. Затем Саншес оказался в эпицентре борьбы за власть при русском дворе: был свидетелем того, как потерял власть фаворит царицы Бирон, Миних же привел к власти Иоанна V и его мать Анну Леопольдовну. В 1741 году в результате военного переворота на царский престол была возведена Елизавета Петровна. Саншесу пришлось лечить будущую Екатерину II и её венценосного супруга

объединяющего воспитание с обучением. В межкультурном взаимодействии выделяются контакты и влияния. Влияние связано с трансформацией артефакта (объекта культуры). Контакты возможны на разных уровнях – в международных отношениях, в науке, в педагогике, в языке. Вектор подобного взаимодействия отражен в трудах португальского ученого А. Рибейру Саншеса, который прошел по ступеням международных отношений, науки и языка. Свой опыт Саншес представил в трудах на французском и португальском языках. Так как одна из главных задач образования состоит в передаче знания, то особого внимания заслуживает содержание обучения, или образовательный контент. Его наполнению в России Саншес уделяет максимальное внимание, определяя требования естественных и гуманитарных наук, научных областей теоретического и практического характера.

В педагогике и дидактике выделяется триада функций работы с учеником – воспитание, образование, обучение (преподавание). Если воспитание – это воздействие на личность ученика, то одна из главных задач образования состоит в передаче знания, особого внимания в этой связи заслуживает содержание обучения. Одним из первых среди создателей педагогической доктрины о разграничении трех базовых понятий – воспитания, образования и обучения – задумался Л.Н. Толстой и представил результаты своего труда в статье «Воспитание и образование» [Толстой. Эл. ресурс]. Будучи исторической категорией, содержание образования, тем не менее, выстраивается с опорой на универсальное и частное (в отдельных дисциплинах) знание, находящееся в процессе постоянного обновления. В этой связи большой интерес представляют исторические и национальные формы того, из чего состоит обучение, как осуществляется образование, какова личность наставника-учителя. Португальский энциклопедист А. Рибейру Саншес изложил свои взгляды на воспитание русского дворянства в трактате *«О воспитании русского дворянина» L´ education d´ un Seigneur Russe»*. Рукопись этого сочинения на французском языке датируется 1766 годом и хранится в архивах библиотеки португальского города Брага в коллекции неизданных документов Антонио Рибейру Саншеса под названием «Мысли об образовании». В 2016 г. рукопись была переведена на португальский язык и издана Коимбрским университетом. Педагогическая доктрина в Португалии в эпоху Просвещения сформировалась на основе европейской педагогической теории, базовые принципы которой формулировались в трудах Р. Декарта, Дж. Локка и Г.В. Лейбница в начале Нового времени и впоследствии в сочинениях Ф. Вольтера, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье. Просветительское педагогическое учение поставило во главу угла образования и воспитания самостоятельное мышление, опыт и наблюдение. Педагогика, ранее имевшая умозрительный схоластический

Петра III. Екатерина впоследствии назначила Саншесу пенсию, даровала герб, а Павел, будучи великим князем, навестил ученого в Париже, где он проживал с 1747 по 1783 гг.

характер, обрела прикладную и, что не менее важно, светскую, гражданскую, либеральную направленность, опираясь на достижения и выводы новой науки [1]. Идеи португальского просвещения закладывались на протяжении XVII века в условиях сильного влияния религиозного по сути образования, находившегося в руках иезуитов (Cabral de Moncada, Alberto de Andrade). И хотя португальская наука в эпоху барокко была в значительной степени формализована, опиралась на получаемое из авторитетных источников знание, постепенно в научных исследованиях возникали новые рациональные подходы, основанные на учете результатов практики – опыта и наблюдения.

В Португалии институциональное оформление идей Просвещения началось с создания академий (Academia dos Generosos, dos Singulares, dos Anónimos, dos Ocultos, dos Aplicados) – ученых сообществ, которые имели приватный, закрытый характер, а также академий государственного уровня – Academia Real da História (1720), Academia Real das Ciências, Academia das Ciências de Lisboa. Академическую деятельность продолжили деятели культуры, и особенно – поэты и литераторы, создавшие литературную академию под названием Arcádia Lusitana ou Ulissiponense (1756).

Интересы Саншеса лежали в разных областях – от медицины, проблем гигиены и профилактики болезней до государственного устройства, состояния португальской Америки и вопросов образования и воспитания. Труд Рибейру Саншеса *«Письма о воспитании юношества» Cartas da educação de mocidade* (1760) сыграл важную роль в реформах маркиза де Помбала, предпринятых после 1761 года[2]. В Письмах Саншес представил историю европейского образования, на ранних этапах носившего церковно-религиозный характер. Саншес ставит во главу угла *пользу* как высшую цель деятельности гражданина, который должен стремиться к общественному благу.

В сочинении *«О воспитании русского дворянина» L´ education d´ un Seigneur Russe* обобщены взгляды Саншеса на ключевую педагогическую категорию Educação, объединяющую *воспитание* во взаимодействии с *образованием*. Воспитанию соположено *обучение* Instrução – как передаваемое в процессе учения от учителя к ученику знание. Ссылаясь на авторитет древнегреческого ученого Аристиппа (435 до н.э. – 366 г. до н.э.), Саншес поясняет, что юношу следует учить тому, что ему предстоит делать тогда, когда он станет мужем («Детей надо учить тому, что пригодится им,

[1] Первые педагогические концепции возникли в Античности. В основанном Пифагором «пифагорейском братстве» особое внимание в образовании отводилось числу, которое считалось формой и мерой всех вещей. Собственный метод обучения разработал Сократ, который поставил в центр обучения «сократовскую беседу», основанную на иронии, помогавшей обозначить проблему, и майевтике – доказательстве положений, отражающих истину. Платон создал академию, Аристотель – перипатетическую школу, - в которых ученики и последователи философов усваивали их теории.

[2] Трактат был посвящен монсеньору Педру да Кошта де Алмейда Салеме, португальскому посланнику ministro plenipotenciario в Нидерландах, одному из сподвижников Помбала.

когда они вырастут») (66). Преимущественным правом на образование в России, с точки зрения А. Рибейру Саншеса, пользуются дворяне. Следовательно, образование и его содержание имеют социально-обусловленный характер.

Характеризуя общественное устройство в русском государстве, Рибейру Саншес указывает, что различие между сословиями лежит в области отношений к собственности и в степени гражданской свободы:

Os súbditos do Império da Rússia estão divididos em duas classes: a primeira contém todo a sua nobreza: mais por privilégio do que pela constituição do Império; essa primeira classe tem a propriedade de bens. Ela pode fazer testamento, nomear herdeiros. E embora a liberdade tenha começado a aparecer depois que a Casa Romanov tenha subido ao trono, ela ainda não está reconhecida nem sustentada pela lei. A segunda classe de súbditos está totalmente destituída de propriedade de bens e da Liberdade; e embora por privilégios se encontrem algumas exepções, a constituição do Império nunca lhes reconhece propriedade de bens, nem liberdade [Sanches, 1922].

[Подданные Российской империи делятся на два сословия: в первое сословие входит дворянство по признаку привилегированного класса, а не по закону (конституции) империи. Это сословие имеет собственность. Может также составлять завещания и назначать наследников. И хотя свобода в стране стала появляться после прихода к власти Дома Романовых, она ещё не признана и не утверждена законом. Второе сословие подданных полностью лишено собственности и свободы; и хотя встречаются исключения, конституция империи никогда не признает за ними ни права собственности, ни свободы] [Саншес, 1922].

Цель элитарного образования в России – воспитать и обучить русского дворянина для руководства страной, в которой он родился и вырос. Программа обучения должна учитывать как мирное, так и военное время. Принимая во внимание опыт и достижения образования в других странах, Саншес полагает, что содержание дворянского образования в России должно иметь разносторонний, почти универсальный характер: от военного и инженерного дела, подготовки в области права, обучения основам экономики и ведения хозяйства до всеобщей истории. Формирование личности широко мыслящего русского дворянина, полагает А. Рибейру Саншес, зависит от изучения языков.

Предварить обучение должен ряд знаний, навыков и умений: знание русского языка и церковнославянского (в тексте – славянского) необходимо для чтения религиозных книг; знание французского и немецкого языков (умение говорить и читать) важны в дворянском обществе; владение основами рисунка необходимо для развития воображения; знание географии, истории, в том числе религиозной, входит в багаж любого дворянина, арифметика (6 книг «Начал» Эвклида) дисциплинирует ум.

Главную часть дворянского образования составляет обучение военному и инженерному делу**.** Система военного искусства должна

включать владение теорией и практикой инженерного дела, знание линейной геометрии, тригонометрии, алгебры, фортификации, основ гражданской архитектуры и тактики.

Естественное и гражданское право, с точки зрения Саншеса, – неотъемлемая (вторая) часть образования дворянина. Источник закона в России – государь. И хотя существует Уложение, царь может пересмотреть или отозвать любой закон. Саншес настаивает на том, что идеи собственности и свободы становятся все более важными в России, поэтому и правовое образование должно набирать силу:

Se este Fidalgo for russo, será preciso conhecer a fundo a constituição deste Império para orientar a sua educação, será preciso conhecer o seu estado Político, o seu estado civil, o seu estado Económico, isto é, as suas leis, os seus costumes, & os seus usos [Op.cit.]. [*Русскому дворянину необходимо узнать устройство своей империи, узнать ее политическое и гражданское устроение, экономическую систему, т.е. законы, традиции и обычаи [Там же].]*

Важную часть дворянского образования должна составлять гражданская и политическая экономия. Образцом умелого хозяйствования, по Саншесу, служит Катон, наставлявший юношество как можно больше продавать, покупая при этом по минимуму. Учесть расходы поможет Книга доходов и расходов (de Receita & de Despesa). Важнейшим принципом образования должно стать сочетание теории с практикой**.** Преподаватель должен следовать методическим принципам, объясняя темы в определенном и удобном (для полного понимания учениками) порядке, проявляя желание объяснить: com ordem, com uma certa comodidade, com um desejo afectuoso. Квалифицированный преподаватель обязан выбрать учебные материалы и пособия: O Mestre hábil deve dá-los a conhecer ao seu aluno. Образование в России, как и в Римской империи, должно иметь непрерывный характер.

Об образовании в сочетании с воспитанием говорится в разделе 3 «Искусство быть любезным (знать правила поведения при дворе)» A arte de se tornar amável. В разделе, посвященном воспитанию, Саншес обосновывает важность распорядка дня для юноши: напоминает, что Петр I вставал обычно в 3 часа ночи и вместе с ним поднимались его генералы. Того же распорядка придерживался и граф Миних, которого португальский врач считает самым активным и предусмотрительным генералом из тех, кого он знал.

Саншес настаивает на строгости воспитания русского дворянина: Não sou capaz de ver, nem de pensar, sem horror e sem tremer, que um Jovem Fidalgo Russo de deite à meia-noite ou às duas horas, se levante às dez ou às onze da manhã, que ele se faça frisar durante uma hora& quelques fois duas, com um livro da Biblioteca adequado a toilette, como são os Romances, os Anedotas, os de contos, as Miscelâneas e outros estragam espíritos, e perda de tempo que ele se sente a mesa& que ao sair, ele vã ao teatro, aos bailes, aos círculos de Damas, as mesas de Jogos de Damas ou de jogadores profissionais, e

que se deite depois da meia-noite [Op.cit.]. *[Не могу представить себе без ужаса и страха, что молодой русский дворянин ложится в полночь или в два ночи, встает в десять или в одиннадцать часов утра, в течение часа-двух завивается перед туалетным столиком с лежащей на нем книгой – романом, анекдотами, рассказами, сборниками, которые расслабляют дух, садится за стол, а выходя, направляется в театр, на балы, в дамские гостиные, играет в карты с дамами или профессиональными игроками и ложится спать после полуночи [Там же].]*

В вопросах воспитания русского дворянина Саншес советует перенимать опыт римского воспитания. Придворному в этой связи следует ознакомиться с трудами Плутарха, сочинениями Тацита: Um fidalgo russo, de acordo com o clima e a Constituição da sua pátria, deve pensar a maneira Romana, agir a maneira Romana comportar-se como Romano. A disciplina militar, introduzida por Pedro o Grande nos seus exércitos & nas suas frotas, merece mais lovores do que a invasão da Asia por Alexandre Magno[Op.cit.].

[В соответствии с климатом и конституцией своего отечества русский дворянин должен мыслить, как римлянин, действовать и вести себя, как римлянин. Введенная Петром I в армии и на флоте военная дисциплина заслуживает похвалы больше, чем завоевание Азии Александром Македонским [Там же].]

Воспитывая дворянина, необходимо обращаться к примерам родной страны, придерживаться родной религии, так как вне собственной веры ни одно государство не выстоит (вопреки модным заявлениям Вольтера и Руссо).

В орбиту межкультурного общения дискурс Саншеса вводит целый ряд приемов. К ним относится употребление прецедентных имен, среди которых многочисленные имена собственные (антропонимы – имена исторических деятелей, писателей и поэтов), придающие сообщаемому достоверный характер; наименования государственных институций, учреждений; религиозные термины; топонимы и этнонимы. Так, в качестве образованных государственных деятелей Саншес называет Александра Великого (83), Сципиона Африканского, ученика историка Полибия; Помпея, которого на протяжении всей жизни постоянно сопровождал филолог Дионисий Галикарнасский; императора Траяна наставлял Плутарх (83v, 84). Саншес знает учение Пифагора и практики древних друидов (89 v). Межкультурное общение отражается и в языковой культуре Саншеса. В трактат инкорпорированы неассимилированные заимствования – варваризмы из русского языка, призванные подчеркнуть национальную специфику предмета описания.

В Письме Саншеса есть ряд слов, которые написаны кириллицей. Такое написание – проявление интереса португальского ученого к русскому языку и русской культуре. Графическое выделение слов связано с особым вниманием к денотатам, для которых слова служат обозначениями. Перечислим кириллически оформленные слова и словосочетания: *учитель,*

указы, поле боя («Учитель, по происхождению француз или немец (preceptores franceses ou berlinenses), преподает язык и таким образом, чтобы его ученик правильно говорил по-французски, знал наизусть басни, имел представление о географии и истории, умел танцевать и завивать волосы»[1]. Слово *учитель* употреблено в тексте в разных формах – в единственном и множественном числе, что указывает на знакомство Саншеса с грамматикой русского языка.

Критикуя деятельность учителей, Саншес пишет: Se a Nobreza Russa estivesse apenas destinada a servir a Corte, talvez a educação francesa fosse suficiente para cumprir o seu destino. Mas um *учител.* nunca formará mais do que uma imitação de um homem distinto, digno de servir uma corte:¨Os pobres pais que não sabem em que consiste a educação admiram as macaquices de contorções e das reverencias do seu filho com uma volubilidade de linguagem uma vez que o filho entende tão pouco como o seu pai, todo admirado! [Op.cit.].

[*Если бы русское дворянство служило только при дворе, то, возможно, французского воспитания на это и хватило. Но учител воспитает только подобие аристократа, достойного того, чтобы служить при дворе: бедные родители, не знающие, в чем состоит образование, восхищаются обезьяньими кривляниями и поклонами своего дитяти и живостью речи, несмотря на то, что сын понимает так же мало, как и пребывающий в восхищении отец [Там же.]*.

Указ – нормативный или индивидуальный правовой акт, обычно издаваемый монархом в России. Слово было заимствовано во французский язык *ukase*, а из него – в английский *ukase* , в португальский – *ucasse*. *Поле боя* – не только место ведения боевых действий, но национально значимая метафора русской жизни, как пишет Саншес.

Сочинения А.Рибейру Саншеса – часть большой традиции осмысления новых культур и языков, с которыми португальцы столкнулись в ходе Великих географических открытий. Португальский врач Саншес был энциклопедически образован и долгое время проработал в России, исполняя среди прочих обязанности гоф-медика, приближенного к царскому двору. В трудах Саншеса проводится последовательная дифференциация воспитания, образования и обучения. Обосновывается исторический, национальный и сословно – профессиональный характер образования. Кроме того, подразумевается, что передача (трансфер) знания в ходе процесса образования – это универсальная закономерность межкультурного взаимодействия. Реапроприация достижений культуры, показывает Саншес, происходит на каждом новом витке исторического развития и входит в содержание обучения. Специфической особенностью

[1] Саншес до некоторой степени подготавливает сатирическое изображение «французика из Бордо» в комедии А.С.Грибоедова (1795-1829) «Горе от ума» (действ. 3, явл. 22): «В той комнате незначащая встреча: Французик из Бордо, надсаживая грудь/, Собрал вокруг себя род веча /И сказывал, как снаряжался в путь /В Россию, *к* варварам, со страхом и слезами…». *Грибоедов А.С Горе от ума. М.:Наука. – 399 с. Стр. 93.*

межкультурного общения является межъязыковая интерференция, частным случаем которой могут быть лексические заимствования, употребление прецедентных имен, гибридизация алфавитов.

В заключение отметим, что просветительская деятельность А. Рибейру Саншеса внесла весомый вклад в развитие теоретических и практических областей педагогической науки, медицины и других важных сфер человеческой деятельности. Особо следует подчеркнуть роль личности талантливого энциклопедиста и просветителя в развитии идей межкультурной коммуникации и укреплении межнациональных взаимодействий.

Список литературы

1. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 702 с.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус,2018. 320 с.
3. Локк Дж. Мысли о воспитании // Сочинения в 3-х тт.: Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 407-614
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 261 с.
5. Толстой Л.Н. Воспитание и образование Режим доступа: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pedagogika/vospitanie-i-obrazovanie.htm (дата обращения: 25.02.2024)
6. Andrade, A. Alberto de Verne y e a cultura do seu tempo. Coimbra,1966. 806 p.
7. Franklin Head, Brian Plan pour l’ education d’ un jeune seigneur russe. Manuscrito de Ribeiro Sanches 1766. Leitura, transcrição, tradução e comentários filológicos. Coimbra: Imprensa da Universidade de Coimbra, 2016. 282 p.
8. Sanches A.R.. Cartas sobre a educação da mocidade. Nova edição revista e prefaciada pelo Dr. Maximiano Lemos. Coimbra: ¨Imprensa da universidade; 1922. 248 p.
9. Verne y L.A. Verdadeiro método de estudar (Cartas sobre Rétorica e Poética). Introdução e notas Gonçalves Pires M.L. Lisboa, Editorial Presença,1991. 179 p.

7.9. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ КОММУНИКАЦИИ ПЕДАГОГА И ОБУЧАЮЩЕГОСЯ

Потребность общества в едином образовательном пространстве, где студент мотивирован и успешен, получает прочные и крепкие знания, чувствует свою успешность, получает удовольствие от обучения, несмотря на сложность предмета изучения или физическую усталость, актуальна, как никогда. Когда же дело касается иноязычного образования, то реализация указанной потребности сталкивается ещё и с тем, что «это сложный психологический процесс перехода в чужой и чуждый мир другого менталитета, других представлений и понятий. Не удивительны поэтому психологические барьеры, как у педагогов, так и у изучающих эти языки» [Тер-Минасова, 2023, с. 6].

Необходимость исследования обусловлена социально-психологическими особенностями педагогической деятельности. Если педагог умеет поддерживать студента в его образовании, замечать его достижения, мотивировать на научный поиск, то обучающийся успешно овладевает

материалом и растет в интеллектуальном плане. В противном случае, оставаясь без поддержки педагога, студент не может справиться со сложностями в собственной познавательной деятельности, и, ощущая постоянный стресс, отказывается от обучения. Поисковая система «Google» дает более 953 000 ссылок на запрос «педагогическая поддержка», что доказывает интерес к данной теме. Однако стоит отметить, что подавляющее большинство научных работ исследуют педагогическую поддержку с педагогической либо психологической стороны. Количество исследований вопроса о лингвистической репрезентации приемов педагогической поддержки незначительно, тем более, когда речь идет о сопоставлении данных педагогических приемов в разных культурах.

Светлана Григорьевна Тер-Минасова одной из первых в среде лингвистов задалась вопросом, что мешает учителю – учить, а ученику – учиться. По её мнению, вековая традиция отношений между всезнающим и очень строгим учителем и ничтожным невеждой-учеником создавала огромную дистанцию, не способствующую эффективному овладению общению на иностранном языке. В постсоветское время данная проблема усугубилась из-за «конфликта культур между учителем и учеником», не только в возрастном плане, но и по сути «иностранцами, представляющими две очень разные страны: СССР и Новую Россию. Для изучения иностранных языков это особенно плохо и опасно: учащийся испытывает отвращение к предмету и получает ярлык «неспособного к языкам», а учитель, не справившийся со своей задачей, разочаровывается в выборе профессии и в учениках» [Тер-Минасова, 2019, с. 4].

Проблема исследования заключается в обострении противоречия между, с одной стороны, потребностью общества в едином образовательном пространстве, где студент мотивирован и успешен, и, с другой стороны, неразработанностью наукой вопроса о лингвистической репрезентации приемов педагогической поддержки в русской и английской культурах. Цель исследования: выявление лингвистической репрезентации приемов педагогической поддержки в русской и английской культурах.

Педагогическая поддержка – это особая технология образования и воспитания, отличающаяся от традиционных методов обучения и воспитания тем, что осуществляется именно в процессе диалога и взаимодействия ребёнка и взрослого, предполагает самоопределение ребёнка в ситуации выбора и последующее самостоятельное решение им своей проблемы [Останина, 2009, с. 207]. Е.Н. Степанов определяет педагогическую поддержку как деятельность педагога, направленную на развитие «свободоспособности» ребенка [Степанов, 2003, с.61]. Сущностью педагогической поддержки, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, является умение педагога «строить отношения с учащимися на принципах взаимного уважения, относиться к ученику как к личности,

которая хочет/ должна овладеть Вашим предметом» [Тер-Минасова, 2023, с. 6].

Таким образом, семантический и педагогический смысл понятия «поддержка» заключается в том, что она проистекает из реальных нужд, которые ребенок испытывает, но в силу ряда причин не может самостоятельно удовлетворить. Поэтому ему необходима помощь и поддержка другого человека (других людей). Иначе говоря, педагогическая поддержка является самоценной, самостоятельной профессиональной деятельностью педагога по созданию условий для саморазвития ребенка, тем социокультурным фактором, на необходимость которого указывает С.Г. Тер-Минасова. «Научить людей общаться и устно, и письменно, воспроизводить речь в разных формах – это не просто вербальный процесс. Он зависит от знания еще и правил этикета, знания невербальных форм, мимики, жестов, а также от знания национальной специфики видения и восприятия мира, учёта личностных, индивидуальных особенностей характера, воспитания, условий жизни» [Тер-Минасова, 2022, с. 320].

Метод воздействия на личность как система педагогических приемов, позволяющих решать те или иные педагогические задачи, является критерием нацеленности педагога на максимальное развитие субъектности студента [Осиновская, 2019, с. 218]. Согласно Н.Е. Щурковой выделяются следующие типы и приёмы педагогической поддержки:

I. Открытие на общение

1) Обращение к ребенку:

- социальная роль в обращении (студенты, друзья и т.д.);

2) «Я-сообщение» (я очень рад, я волнуюсь…);

3) Положительное подкрепление, как невербальное (улыбка, открытая поза), так и вербальное (рада видеть ваши умные и добрые лица).

II. Соучастие

1) Вопрос в связи с обстоятельствами (хотелось бы знать…);

2) Вопрос по поводу деятельности (вам нравится/легко ли…);

3) Вопрос об интересах (вы любите..?);

4) Присоединение (я тоже/мне тоже…);

5) Предложение помощи:

- давайте помогу,
- разреши помочь;
- мне хотелось бы помочь;
- я был бы рад помочь.

6) Предложение высказать мнение (что вы думаете о..?)

7) Признание в личных пристрастиях или слабостях (а я боюсь…, к сожалению…)

8) Вопросы идеологического плана (для меня самое главное в жизни…, а что для вас?)

9) реплики (да, интересно, хорошо, не задумывалась…) [Щуркова, 2020, с. 186]

III. Возвышение партнёра по общению

1) Авансирование (ты же такой…)

2) Оправдание поведения (наверное, что-то помешало тебе)

3) Компенсирование (зато он…у него)

4) Просьба о помощи

- помоги;
- помоги, пожалуйста;
- не мог бы ты…
- я был(а) бы счастлив(а)… [там же, с. 65-70]

IV. Создание ситуации успеха

1) Снятие страха (ничего страшного)

2) Авансирование

3) Скрытая инструкция (ты же помнишь что тут главное…)

4) Персональная исключительность (именно у тебя должно получиться…)

5) Высокая мотивация

6) Педагогическое внушение (приступай)

7) Высокая оценка детали [Щуркова, 2020, с. 289-291].

Все эти приёмы педагогической поддержки способствуют снятию психологического барьера, возрастающего от того, что «изучение иностранного языка психологически чрезвычайно трудный процесс, требующий перехода из своего родного, привычного мира в чужой и страшный, отражённый чужим и страшным языком» [Тер-Минасова, 2023, с. 6].

Этот барьер страха перед неудачей, перед ошибкой в чужих языках и культурах и перед никогда до конца по определению не известным – очень мощный психологический фактор, который осложняет нашу работу и мешает общению [Тер-Минасова, 2019, с. 3-4].

Тем значимее становится вопрос о профессионально выстроенном коммуникативном поведении педагога как такой организация речи и соответствующего ей поведения учителя/преподавателя, которые влияют на создание эмоционально-психологической атмосферы общения учителя и учеников, на характер отношений между ними, на стиль работы.

Практическая разработка вопроса языковой репрезентации приемов педагогической поддержки в русском и английском языках показала необходимость поэтапного решения проблемы.

На первом этапе был отобран материал исследования, представляющий речь педагогов. Задачей второго этапа являлся анализ лингвистических средств, отражающих педагогическую поддержку в русском и английском языках, а задачей третьего – сопоставление ведущих способов педагогической поддержки в исследуемом материале и выявление доминирующих тенденций в педагогическом дискурсе целом. Реализуя цель первого этапа, мы выбрали для анализа фильм К. Коламбуса «Harry Potter and the philosopher's stone» и фильм К. Бромберга «Приключения Электроника», а также повесть В. Распутина «Уроки французского» и роман Бел Кауфман «Up the Down Staircase».

Фильм «Гарри Поттер и философский камень» посвящен взаимоотношениям подростков и взрослых. Гарри поступает в школу чародейства, где постоянно находится под опекой своих учителей. Фильм «Приключения Электроника» – это история о мальчике-роботе, мечтающем вести жизнь самого обыкновенного ребенка. Он знакомится с Сережей Сыроежкиным и начинает заменять его как в школьной жизни, так и в семье. Героиня книги Б. Кауфман «Up the Down Staircase», молодая учительница Сильвия Баррет, приходит в школу в надежде заинтересовать учеников своим предметом – английской литературой, но быстро обнаруживает, что ученики по большей части равнодушны, а большинство коллег совершенно безучастны к жизни школы. Постепенно, однако, она понимает, что именно здесь перед ней открывается возможность действительно повлиять на умы и сердца учеников. Герой повести В. Распутина «Уроки французского» – одиннадцатилетний мальчик, который вынужден переехать из деревни в райцентр для продолжения учёбы. В школе он учился на одни пятёрки, кроме французского языка, поскольку ему не давалось произношение. Лидия Михайловна, учительница французского, находит способ нестандартного решения проблемы, помогая школьнику преодолеть психологический барьер в изучении языка.

Эти произведения релевантны для нашего исследования, поскольку раскрывают тему взаимоотношений «учитель-ученик» через учебный процесс и внешкольную деятельность. Мы видим, как преподаватель способствует развитию потенциала ученика или тормозит его развитие. Это даёт возможность проследить механизмы создания и технологии педагогической поддержки в коммуникативном поведении педагога в разных лингвокультурах.

Непосредственным материалом для исследования послужил корпус примеров в количестве 44 диалогов-ситуаций, выявленных методом сплошной выборки из указанных произведений. Ситуации были выбраны на основе определения педагогической поддержки и приемов создания ситуации успеха, включающих целенаправленность, организованность сочетаемых условий, создающих возможность для учащегося достичь значительных результатов в учебной деятельности. Общий объем текста составил 464 страницы. Общий объем просмотренного видео материала составил 344 минуты. Материал исследования составляет 125 клауз, включающих 521 лексическую единицу и грамматические структуры.

Для анализа языковых средств, отражающих приемы педагогической поддержки в английской культуре, были взяты 15 ситуаций из фильма «Harry Potter and the philosopher's stone» и 6 ситуаций из книги «Up the down staircase». В англоязычном материале были выявлены такие приёмы педагогической поддержки, как «Обмен ролей» (14%), авансирование (14%), положительное подкрепление (14%), соучастие через вопросы (14%), эмоциональное поглаживание (30%), отсылка к предыдущим успехам (14%). Для анализа языковых средств, отражающих

приемы педагогической поддержки в русскоязычной культуре, по тем же критериям были взяты также 22 ситуации из указанных источников. Что касается приёмов педагогической поддержки в русскоязычном материале, то следует отметить тот факт, что педагоги зачастую комплексно применяли два или даже три приёма в одной ситуации, а именно, например, оправдание поведения и побуждение к действию *(«Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать…»*), или эмоциональное поглаживание и авансирование («*Хорошо, – подбадривала меня Лидия Михайловна. – В этой четверти пятерка еще не получится, а в следующей – обязательно…»*). В итоге нами были выявлены такие приёмы педагогической поддержки, как оправдание поведения (10%), авансирование (20%), побуждение к действию (10%), вопрос в связи с обстоятельствами (10%), предложение помощи (10%), Я-сообщение (10%). В сопоставлении с приёмами, используемыми англоязычными педагогами, видим большее разнообразие приемов воздействия, общими для обеих профессиональных лингвокультур являются авансирование, эмоциональное поглаживание и соучастие через вопросы.

Для обозначения положительной мотивации в англоязычной культуре ключевыми словами/словосочетаниями послужили: I trust, let's try, well done, splendid, will be awarded, luck, for cool intellect, for the best, for outstanding courage. Все слова из данной категории имеют ободряющий характер и являются во многом похвалой по своему значению. Ключевыми словами отрицательного посыла послужили следующие слова и словосочетания: not to pay attention, pity, fame, foolish thing, have expected, lack, was directed to sit down, be charged with contempt. Слова несут смысл недостатка, отсутствия чего-либо, неодобрения и принуждения.

Для обозначения положительной мотивации в русскоязычной культуре послужили следующие ключевые слова /словосочетания: оригинально, молодец, спасибо, настоящий художник, поздравляю, лучше, чем я, благодарен. Упор в данной категории слов делается на одобрение действий, благодарность, похвалу. Ключевыми словами отрицательного посыла послужили следующие слова и словосочетания: еще не получится, невозможно, неточность, приукрасил, отличать плохое. Слова несут смысл неодобрения, недостатка/отсутствия чего-либо.

Можно сделать ввод о том, что как положительная мотивация, так и отрицательная оценка происходящего лексически мало отличается в сопоставляемых лингвокультурах.

Для более глубокого подробного понимания особенностей педагогической поддержки мы произвели лексико-грамматический анализ в обеих лингвокультурах. Его методика позволяет более полно и корректно разделить речь на составляющие ее меньшие части (клаузы). В исследуемом англоязычном материале было выявлено, что утвердительные клаузы (*S.Snape: I can teach you*) составляют 72%, вопросительные (*S. Barrett: Is there such a thing as luck?*) – 15%, побудительные (*S.Snape: Well, let's try again*) – 5% и 8% приходится на клаузы, не несущих модального

значения. В исследуемом русскоязычном материале было выявлено, что утвердительные клаузы (*Нина Петровна: Я ставлю тебе четыре*) составляют 68%, вопросительные (*Ростислав: К матчу готов?*) – 10%, побудительные (*Иди к доске и приготовься отвечать*) – 2% и 20% приходится на клаузы, не несущих модального значения.

Таким образом, мы можем судить о педагогах в обеих лингвокультурах как уверенных в себе и в своих словах людях, периодически запрашивающих информацию для прояснения дела, деталей разговора. Английские педагоги чаще, чем русские используют императивные конструкции 5% и 2% соответственно, тем самым возможно больше склонны командовать своими учениками, что является показателем авторитарного стиля педагогики. Редкое использование императивных конструкций в русскоязычной среде педагогов говорит о попытке выстроить с учениками отношения на равных.

Рассматривая процент употребления клауз, не несущих модального значения (8 и 20% соответственно), мы полагаем, что преобладающее количество их в русскоязычной культуре является показательным для разговорного стиля коммуникации, что предполагает быструю реакцию на реплики собеседника, ориентированность на его эмоциональное состояние в виде небольших/кратких реплик. Следующим важным для анализа моментом является парадигма полные/ неполные клаузы. Полные клаузы используются английскими учителями в 59% от их общего числа клауз и у русских в 41% случаев. Неполные (эллиптические) клаузы встречаются в 33% случаях от общего количества у британских педагогов и в 34% – у русских. Приведенные данные могут свидетельствовать о такой особенности речи британских преподавателей, как грамотность, четкость построения предложений и мыслей, несмотря на неформальность и спонтанность коммуникативных ситуаций. С другой стороны, анализируя разные лингвокультурные общности, мы можем говорить об употребление эллиптических предложений как специфики русского языка и грамматики, что и является косвенным подтверждением неформальной речи педагогов. Таким образом, можно определить природу общения русских педагогов как более неформальную и спонтанную.

Наиболее частотным по употреблению подлежащих у англоязычных преподавателей является “You” и «я» – у русских педагогов (27% и 19% соответственно). Вторым по употреблению стало подлежащее «I» (16%), а у русских преподавателей – «вы» (6%). Являясь доминирующим в речи преподавателей подлежащее «я», может служить индикатором личностно-ориентированного стиля коммуникативного поведения у русских педагогов, а ориентированность на местоимение “You” у англичан свидетельствует о тенденции к статусно-ориентированному, но открытому для общения стилю, направленности диалога на собеседника.

На лексико-фразеологическом уровне в обеих лингвокультурах лидирует нейтральная лексика 70% у русских педагогов и 72% у

английских педагогов, что соответствует высокому статусу учителя. Затем у русских следует эмоционально-окрашенная лексика, она составляет 21% от общего числа и 13% у британских педагогов. Более высокий процент эмоционально-окрашенной лексики у русских педагогов отражает такую черту русского коммуникативного поведения, как эмоциональность, выраженную в аффективном стиле коммуникации. Говоря об употреблении профессионально-учебной лексики, можно отметить, что русские педагоги используют большое ее количество (8%), в то время как английские преподаватели используют ее в 0,78% случаев. Таким образом, мы можем сделать вывод, что педагоги, представленные в российском фильме и книге, больше обсуждают учебную деятельность.

Анализ обращений помогает выявить у русских учителей 11% данных синтаксических единиц, что является прямой отсылкой к разговорному стилю, и всего 3,4% – у их английских коллег. Однако следует отметить, что в русскоязычном общении в качестве обращения используются, в основном, фамилии, в то время как в англоязычном материале преобладают имена. Эти данные свидетельствуют о контрасте дистанций между преподавателем и студентом в исследуемых лингвокультурах, а именно дальняя (русскоязычный вариант) – близкая (англоязычный вариант). К сожалению, такие выводы подтверждают утверждение С.Г. Тер-Минасовой о необходимости изменять вековую российскую традицию абсолютного, непререкаемого превосходства учителя над учеником [Тер-Минасова, 2023, с. 6].

С помощью семантического анализа было выявлено, что в 74% англоязычные педагоги и 67% русские педагоги использовали языковые единицы, выражающие их отношение к обществу, социальным нормам и ценностям. В то время как нацеленность на вовлечение ученика в беседу видна в их общении в меньшей степени (26% и 33% соответственно).

Завершая рассмотрение проблемы выявления лингвистической репрезентации приемов педагогической поддержки в русской и английской культурах, мы можем сделать следующие выводы.

Несмотря на то, что «любая система образования возникает в рамках определённой культуры, которая её формирует и по законам которой она далее развивается» [Тер-Минасова, 2008, с. 251], исследование показало, что для преодоления психологического барьера между педагогом и студентом в обеих лингвокультурах используется педагогическая поддержка. Общими приёмами в её осуществлении являются авансирование, эмоциональное поглаживание и соучастие через вопросы.

Для обозначения положительной мотивации в англоязычной и русскоязычной культурах ключевыми словами/словосочетаниями послужили те, в которых упор делается на одобрение действий, благодарность, похвалу: I trust, well done, splendid, cool intellect, for outstanding courage – молодец, оригинально, спасибо, настоящий художник, поздравляю, лучше, чем я, благодарен. Лексико-

грамматический анализ показал, что в обеих лингвокультурах педагоги предстают уверенными в себе и в своих словах людьми, периодически запрашивающими информацию для прояснения сути дела, деталей разговора. Тем не менее, разница в использовании императивных конструкций характеризует англоязычных педагогов как предпочитающих авторитарный стиль преподавания, в то время как редкое использование императивных конструкций в русскоязычной среде педагогов говорит о попытке выстроить с учениками отношения на равных. Четкую разницу в форме реализации педагогической поддержки выявило сопоставление частотности употребления местоимений. В результате у русских педагогов доминирующим в речи является подлежащее «я», что служит индикатором личностно-ориентированного стиля коммуникативного поведения, а ориентированность на местоимение “You” у англичан свидетельствует об их тенденции к статусно-ориентированному, но открытому для общения стилю.

В обеих профессиональных лингвокультурах высокий статус учителя базируется на употреблении в речи нейтральной лексики. Однако более высокий процент эмоционально-окрашенной лексики у русских педагогов отражает такую черту русского коммуникативного поведения, как эмоциональность. Серьёзная разница обнаружилась в форме обращения педагога к студенту: по имени (английские педагоги) – по фамилии (русские педагоги). Это констатация дистанции между преподавателем и студентом в исследуемых лингвокультурах, а именно близкая (англоязычный вариант) – дальняя (русскоязычный вариант).

Таким образом, проведённый многоуровневый сопоставительный анализ и сделанные выводы помогают выявить эффективные способы лингвистической репрезентации приемов педагогической поддержки в русской и английской культурах.

Список литературы

1. Осиновская Л.М. Педагогическое воздействие в англоязычном дискурсе: лингвокультурологический анализ // Учитель. Ученик. Учебник: материалы IX Международной научно-практической конференции, Москва, 18–19 октября 2018 года. М.: КДУ, 2019. С. 416-420.
2. Останина Н.В. Структура педагогической поддержки совладающего поведения подростков в школах Литвы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 91. С. 206-209.
3. Степанов Е.Н. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания / Е.Н. Степанов. М.: ТЦ Сфера, 2003. 224 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной. Москва: Слово/SLOVO, 2008. 344 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Иноязычное образование в России. Психологический барьер // Проблемы модернизации иноязычного образования в трансформационных условиях: Материалы XXVIII международной научно-практической конференции, Самара, 25 марта 2023 года / Под общей редакцией В.В. Левченко. Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2023. С. 6.

6. Тер-Минасова С.Г. Перспективы лингвистического образования в высшей школе // Актуальные проблемы филологии, переводоведения и лингводидактики в системе современного гуманитарного знания: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Труновой Ольги Владимировны, Барнаул, 15 апреля 2022 года / Алтайский государственный педагогический университет. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2022. С. 319-321.
7. Тер-Минасова С.Г. Преподавание иностранных языков и культур в современной России. Проблемы и пути их решения // Язык и культура: Сборник статей XXIX Международной научной конференции, Томск, 16–18 октября 2018 года / Ответственный редактор С.К. Гураль. Том Часть 1. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. С. 3-11.
8. Щуркова Н.Е. Истоки профессиональных неудач школьного педагога // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 1. Москва: Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2020. С. 284-291.
9. Щуркова Н. Е. Педагогические технологии: Учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 224 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аналитическое осмысление проблем, относящихся к сфере межкультурной коммуникации, занимает важное место в области современного научного знания. Межкультурная коммуникация как научное направление обладает выраженным междисциплинарным характером, объединяя в себе все необходимые аспекты изучения процесса человеческого общения. В поле зрения межкультурной коммуникации находятся такие сферы исследования, как национально-культурная идентичность, глобализация и региональное варьирование, создание «всеобщего социума культуры», согласование концептуальных систем коммуникантов, соотношение вербальных и невербальных элементов общения, семиотика общения, символизация, возникновение и элиминация конфликтов, кросс-культурный менеджмент, уровень контекстности культур, мультимодальность, коммуникация в Интернет- пространстве и многие-многие другие.

Межкультурная коммуникация как наука не только помогает человеку получить знания об окружающем мире и структурировать его представления о нем в ходе проникновения в суть явлений и процессов, но и формирует мировоззрение членов социума, позволяет осуществить научное прогнозирование и приобщиться к новым способам освоения реальности. Как особая часть культуры межкультурная коммуникация способствует дальнейшему развитию общества по пути прогресса и новых достижений.

Область межкультурной коммуникации очевидно практически ориентирована. Появление данной академической дисциплины, подкрепляемой системно-теоретическими разработками, обусловлено практической необходимостью достижения взаимопонимания между представителями разных народов, предотвращения конфликтов, расширения межкультурных связей. Позиционирование межкультурной коммуникации как учебной дисциплины и включение в образовательные стандарты соответствующей общепрофессиональной компетенции способствует эффективности подготовки специалистов с целью дальнейшего развития межнациональных контактов в различных областях человеческой деятельности.

Данный коллективный научный труд является определенным вкладом в развитие теории и практики межкультурной коммуникации, представляя не только результаты осмысления различных ее аспектов на современном этапе, но и выдвигая ряд новых исследовательских задач для творческого решения.

СПИСОК АВТОРОВ НАУЧНЫХ РАЗДЕЛОВ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОНОГРАФИИ

1. Абакумова Ольга Борисовна – профессор кафедры английской филологии, доктор филологических наук, доцент (Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева)

2. Абрамова Елена Ивановна – заведующая кафедрой английской филологии, кандидат филологических наук, доцент (Государственный университет просвещения)

3. Александрова Ольга Викторовна – заведующая кафедрой английского языкознания, доктор филологических наук, профессор (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет)

4. Алексахина Антонина Сергеевна – ассистент кафедры английской филологии (Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого)

5. Аникеева Ирина Годерзовна – кандидат педагогических наук, доцент (Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Институт иностранных языков, заведующая кафедрой И-12 «Лингвистика и переводоведение»)

6. Анисимова Александра Григорьевна – профессор кафедры английского языкознания, доктор филологических наук, доцент (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет)

7. Аристова Дарья Дмитриевна – специалист по учебно-методической работе кафедры английского языкознания, кандидат филологических наук (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет)

8. Ахренова Наталья Александровна – профессор кафедры теории и практики иностранных языков, доктор филологических наук, доцент (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Институт иностранных языков)

9. Багана Жером – профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений)

10. Баранова Людмила Львовна – профессор кафедры английского языкознания, доктор филологических наук, профессор (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет)

11. Бахтиозина Марина Георгиевна – доцент кафедры теории преподавания иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения)

12. Богданова Людмила Ивановна – профессор кафедры сопоставительного изучения языков, доктор филологических наук, профессор (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения)

13. Болычева Екатерина Марковна – доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук, доцент (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет)

14. Быстров Никита Александрович – аспирант (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра английского языкознания)

15. Васильева Светлана Николаевна – старший преподаватель 9 кафедры (иностранных языков), кандидат филологических наук (Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации)

16. Ветринская Виктория Владиславовна – доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления, кандидат педагогических наук, доцент (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт государственной службы и управления)

17. Вишнякова Елизавета Александровна – заведующая кафедрой английского языка, кандидат филологических наук, доцент (Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого)

18. Вишнякова Ольга Дмитриевна – профессор кафедры английского языкознания, доктор филологических наук, профессор (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет)

19. Волкова Елена Вячеславовна – старший преподаватель кафедры английского языка (Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого)

20. Волошина Татьяна Геннадьевна – профессор кафедры второго иностранного языка, доктор филологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений)

21. Воронцова Марина Владимировна – заведующая кафедрой западноевропейских языков, кандидат филологических наук, доцент (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки)

22. Гализина Елена Григорьевна – доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, кандидат педагогических наук, доцент (Российский биотехнологический университет)

23. Горохова Юлия Владимировна – доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, доцент (Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого)

24. Гришаева Елена Борисовна – руководитель научно-учебной лаборатории поведенческой экономики и развития коммуникаций, профессор, доктор филологических наук, доцент (Сибирский федеральный университет)

25. Дечева Светлана Владимировна – профессор кафедры английского языкознания, доктор филологических наук, профессор (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет)

26. Доброрадных Татьяна Анатольевна – доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук (Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого)

27. Заботкина Вера Ивановна – и.о. проректора по международному сотрудничеству, руководитель Центра когнитивных программ и технологий, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный гуманитарный университет)

28. Зиза Марина Валентиновна – старший преподаватель кафедры западноевропейских языков (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки)

29. Иванова Елена Анатольевна – доцент кафедры английского языкознания, кандидат филологических наук, доцент (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет)

30. Иванова Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры западноевропейских языков, кандидат филологических наук (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки)

31. Комарова Анна Игоревна – заведующая кафедрой иностранных языков для географического факультета, доктор филологических наук, профессор (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения)

32. Ксензенко Оксана Александровна – доцент кафедры теории преподавания иностранных языков, доктор филологических наук, доцент (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения)

33. Куклева Анастасия Александровна – сотрудник Центра изучения иностранных языков (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ)

34. Курбаков Александр Викторович – старший преподаватель кафедры иностранных языков (Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет))

35. Курбакова Светлана Николаевна – профессор кафедры английского языка № 1, доктор филологических наук, доцент (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ)

36. Кушнерук Светлана Леонидовна – профессор кафедры теории и практики английского языка, доктор филологических наук, доцент (Челябинский государственный университет)

37. Лакомов Артём Русланович – аспирант (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра английского языкознания)

38. Лаптева Анастасия Валерьевна – магистрант (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра английского языкознания)

39. Ломакина Наталья Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных и латинского языков (Самарский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации)

40. Лунькова Лариса Николаевна – профессор кафедры германо-романских языков и методики их преподавания, доктор филологических наук, доцент (Государственный социально-гуманитарный университет)

41. Мамонова Наталья Васильевна – доцент кафедры делового иностранного языка, кандидат филологических наук, доцент (Челябинский государственный университет)

42. Маргания Элана Владимировна – доцент кафедры истории и теории международных отношений, кандидат филологических наук, доцент (Абхазский государственный университет, исторический факультет)

43. Маркова Елена Михайловна – профессор кафедры романских и славянских языков, доктор филологических наук, профессор (Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина), профессор кафедры РКИ; Экономический университет в г. Братиславе (Словакия))

44. Менджерицкая Елена Олеговна – доцент кафедры английского языкознания, кандидат филологических наук, доцент (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет)

45. Миньяр-Белоручева Алла Петровна – профессор кафедры иностранных языков, доктор филологических наук, профессор (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, исторический факультет)

46. Мыльцева Маргарита Викторовна – старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков, аспирант (Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Институт иностранных языков)

47. Назарова Тамара Борисовна – профессор кафедры английского языкознания, доктор филологических наук, профессор (Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, филологический факультет)

48. Новикова Алёна Романовна – аспирант (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра английского языкознания)

49. Окс Ирина Юрьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков для географического факультета (Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения)

50. Осиновская Людмила Михайловна – доцент кафедры иностранных языков, кандидат педагогических наук, доцент (Государственный аграрный университет Северного Зауралья (г. Тюмень))

51. Полубиченко Лидия Валериановна – заведующая кафедрой английского языка для естественных факультетов, доктор филологических наук, профессор (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения)

52. Полякова Наталия Владимировна – доцент кафедры германской и романской филологии, кандидат филологических наук, доцент (Государственный университет просвещения)

53. Попова Татьяна Георгиевна – профессор кафедры английского языка (второго), доктор филологических наук, профессор (Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, факультет иностранных языков)

54. Прохорова Ольга Николаевна – директор Института межкультурной коммуникации и международных отношений, доктор филологических наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

55. Прошина Зоя Григорьевна – профессор кафедры теории преподавания иностранных языков, доктор филологических наук, профессор (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения)

56. Радович Минара Алибеговна – дирекция по продукту, отдел аналитики, ведущий маркетолог-аналитик, кандидат филологических наук (ООО СЗ «Самолет-Олимп»)

57. Самборук Людмила Александровна – доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Самарский университет))

58. Сапрыкина Ольга Александровна – профессор кафедры иберо-романского языкознания, доктор филологических наук, профессор (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет)

59. Сафонова Виктория Викторовна – профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, доктор педагогических наук, профессор (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения)

60. Сергиенко Полина Игоревна – преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов, кандидат филологических наук (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения)

61. Сидорова Наталья Анатольевна – профессор кафедры иностранных языков и культуры, доктор филологических наук, доцент (Российский государственный социальный университет)

62. Суслов Владимир Игоревич – аспирант
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра английского языкознания)

63. Федорова Екатерина Сергеевна – профессор кафедры теории преподавания иностранных языков, кандидат филологических наук, доктор культурологии, профессор (Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения)

64. Фомичева Жанна Евгеньевна – профессор кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, доцент (Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого)

65. Фролова Юлия Игоревна – учитель иностранных языков, кандидат филологических наук (Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 17 (Московская область, г. Коломна))

66. Чекулай Игорь Владимирович – профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений)

67. Чермошенцева Ксения Александровна – менеджер, преподаватель (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Школа иностранных языков)

68. Шабанова Вероника Петровна – декан факультета романо-германских языков, кандидат филологических наук, доцент (Государственный университет просвещения)

69. Шагбанова Хабиба Садыровна – профессор кафедры общегуманитарных дисциплин, доктор филологических наук, доцент (Юридический институт (г. Санкт-Петербург))

70. Шамина Елена Анатольевна – доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)

71. Шихзаманова Лаура Эльдаровна – старший преподаватель кафедры западноевропейских языков (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки)

72. Яковлева Елена Сергеевна – доцент кафедры второго иностранного языка, кандидат филологических наук (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений))

Научное издание

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЛАСТЬ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Коллективная монография

Под общей редакцией
Н.А. Ахреновой, О.Д. Вишняковой, А.П. Миньяр-Белоручевой

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Верстка *Н.А. Ахреновой*
Обложка и техническая подготовка к печати *Е.С. Игнатовой*

Подп. в печать 25.08.2024.
Печать цифровая. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$.
Усл. изд. л. 38,53. Усл. печ. л. 32,55.
Тираж 500 экз. Заказ № Т-316-24.

Отпечатано с материалов, предоставленных авторами,
в типографии издательства.

Издательство «Наука»
109117, г. Москва, ул. Окская, д. 20, корп. 2, пом. VI